Я. Нирвин

Сказания трех миров

Башня над пропастью

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Лиан становится пленником Тензора, похитившего Арканское Зеркало. И только Карана может спасти юношу. Но кто поможет девушке отыскать любимого, кто защитит ее от гаршардов и Рулька, решившего использовать талант Караны для своего освобождения из Ночной страны? Удастся ли Тензору разгадать тайны, которые хранит в себе Зеркало, и победить Рулька или в конце концов Кривое Зеркало обманет всех?..

- Ян Ирвин
  - Часть 1
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
  - Часть 2
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27
    - 28
    - 29
    - 30

- 31
- Часть 3
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37
  - 38
  - 39
  - 40
  - 41
  - 42
  - 43
  - 44
- Список персонажей, названий и местностей

Ян Ирвин
Башня над пропастью

Посвящаю эту книгу армии своих верных читателей, не изменивших мне, несмотря на девятилетнее ожидание завершения эпопеи, а также всем тем, кто поддерживал меня, и прежде всего Нэнси и Эрику

Ирония истории безжалостна.

Барбара Тачмен. Марш Глупости

Часть 1

1
Уличная девчонка

В Большом Зале было темно. Зарево от горящего города не проникало сквозь бархатные портьеры. Вопли, выкрики, бряцанье оружия — все это доносилось издалека, как приглушенный рокот. Здесь, в комнате, — ни искры сознания, ни биения живой мысли. Сломанная дверь хлопала на ветру, петли горестно стенали и, казалось, жалобно всхлипывали, призывая мертвых восстать. Члены Тайного Совета безмолвствовали.

Прошли часы. Человек видел сны. Ему снилось, что он лежит поверженный, без сознания, в то время как армия его смертельного врага входит в ворота Туркада. *«Вставай!* — кричал он себе. — *Только ты можешь спасти свой город».*

Топот марширующих ног эхом отдавался в его снах — то был топот его преследователей. Издав душераздирающий стон, от которого рассеялся туман в голове, человек очнулся. Сердце бешено колотилось. Где он? Он не помнил даже собственного имени. Он был во власти ужаса, который становился все сильнее. Человек принялся ощупывать предметы вокруг себя, но их очертания ему ни о чем не говорили. Он не смог бы назвать ни один из них.

Где-то неподалеку заиграл рожок. Охваченный паникой, человек встал на четвереньки и, натыкаясь на тела, пополз по комнате, как краб. Он полз, пока не ударился головой о ножку стола. Что-то хрустнуло под его ладонью, осколки вонзились в кожу. Впотьмах он извлек изогнутые стекляшки из раны, чувствуя, как по руке течет кровь. Уловив запах масла, пролитого на пол, он отыскал фонарь.

Онемевшие пальцы не слушались, так что пришлось долго возиться с кремнем, прежде чем удалось зажечь лампу. В колеблющемся свете его взгляд выхватывал из темноты ряды скамеек и вдруг наткнулся на тело высокой женщины, лежавшей на полу, словно уроненная статуя. Он различил стройную фигуру, темные волосы, кожу, смуглую и гладкую, как шоколадная глазурь. Ее глаза были широко раскрыты, губы влажны, но женщина не издала ни звука, не подала никакого знака, что видит что-либо.

Трясущимися руками он поднес фонарь к ее лицу. Никакой реакции. Фонарь осветил его самого: хорошо сложенный мужчина среднего роста и неопределенного возраста, с голубыми глазами,

взъерошенными волосами и жиденькой бородкой. Бледную кожу прорезали глубокие складки.

На лице мужчины была гримаса отчаяния.

— Таллия! — воскликнул он, и это был крик боли. — Умоляю тебя, очнись!

Подавленный, он качался, стоя на коленях, и, дрожа, вновь склонился над ней. Положив окровавленные руки ей на лоб и затылок, он пытался открыть заблокированные каналы мозга. Напряжение было столь велико, что дыхание, вырывавшееся у него из груди, напоминало стоны.

Топот ног в его голове звучал теперь так оглушительно, что он не мог сосредоточиться. Мужчина прикрыл глаза, но от этого образы стали лишь ярче, чем прежде: одна шеренга солдат за другой. Разум, направляющий их, — его враг — был холодным и безжалостным, как машина.

— Таллия! — закричал он. — Помоги! Иггур идет за мной. Зрачки женщины, сократившиеся до темных точек, расширились, и она узнала его.

— Мендарк! — прошептала она.

Мужчина обнял ее. Слезы заблестели у него на ресницах. Они с трудом поднялись на ноги, шатаясь и опираясь друг на друга. Внезапно Таллия начала вращать глазами, и комната медленно закружилась перед ней. Мендарк крепко держал ее, пока Таллия не обрела равновесие.

— Что случилось? — спросила она. — Я ничего не помню. — Мендарк поднял фонарь высоко над головой. В зале царил хаос: столы и скамьи перевернуты, лампы разбиты, бумаги разбросаны, на полу тут и там человеческие тела.

— Тензор нанес удар по Тайному Совету, — ответил он мрачно.

— Тайный Совет? — Таллия потерла лоб, как будто могла таким образом заставить снова работать свой мозг.

— Я созвал Великий Тайный Совет, — объяснил Мендарк, — чтобы отобрать Зеркало у Тиллана и освободить Карану.

— Я не могу вспомнить, — пожаловалась Таллия, качая головой.

— Иггур уже близко. Я чувствую его ненависть. — Таллия не стала уточнять, что он хотел сказать. Мендарк был чувствительником. Он *знал*.

— Тензор использовал против Тайного Совета оружие, разрушающее мозг, — продолжал Мендарк. — Ужасные чары.

— Тензор нас предал? — шепотом произнесла Таллия.

— Да, и сбежал с Зеркалом. Что он собирается с ним делать? Я боюсь, Таллия.

— Вот опять! — Таллия упала в кресло. — О, моя голова раскалывается!

— Моя тоже, но нам нужно идти.

Мендарк подал ей кувшин — высокий сосуд с узким горлышком, из темно-синего фарфора. Таллия жадно припала к нему, вода лилась ей на подбородок и на рубашку. Вытерев лицо тыльной стороной ладони, она кивнула, что заставило ее поморщиться от боли, и спросила:

— Что нам теперь делать?

— Понятия не имею. Тайный Совет разгромлен.

В Тайный Совет входили мансеры и ученые, и до недавнего времени, пока Мендарка не свергли, он был его Магистром. Мендарк пересчитал членов Совета по пальцам:

— Тензор сбежал, Нелисса мертва. Тиллан — мой враг, и это навсегда. Старый Надирил далеко, в Зиле; он целую вечность не появлялся ни на одном заседании. Вистан также вне досягаемости, в Чантхеде. Таким образом, полному краху Совета противостоим лишь я, Хенния-дзаинянка и Орстанда. Где Орстанда?

Таллия огляделась:

— Я ее не вижу.

— Найди ее и Хеннию. Защити их любой ценой! Мне нужно идти в крепость. Если Иггур узнает, что они где-то тут… и совсем беспомощные… О! — застонал он. — Времени совсем не остается!

Выглядел Мендарк ужасно, а Таллия отвратительно себя чувствовала. Им было плохо: такая дурнота являлась побочным эффектом использования волшебства и Тайного Искусства, причем для того, чтобы ощутить на себе воздействие подобной дурноты, достаточно было оказаться поблизости от того, кто прибегал к магии.

С улицы донеслись возгласы и крики.

Мендарк шаткой походкой добрел до двери. Уличные фонари все еще горели. Мостовая была мокрой, хотя дождь прекратился. Мимо проходила вереница людей, трогательно прижимавших к груди самое дорогое.

— Что слышно нового об Иггуре? — воскликнул Мендарк, но никто не отозвался. Он подобрал копье, лежавшее на дороге, и преградил беженцам путь. — Я Мендарк! — прогремел он, хотя это и отняло у него последние силы. — Что нового в городе?

— Враг вошел через северные ворота, — ответил какой-то бородач, его седые волосы прилипли ко лбу. На согнутой руке у мужчины лежал плачущий младенец. Маленькие синие пальчики ног, высунувшиеся из одеяльца, сжимались и разжимались. — Говорят, Тиллан мертв. Кто же будет руководить нами теперь?

— Я! — объявил Мендарк. — Я Мендарк. Я снова Магистр! Идите и расскажите всем, что настоящий Магистр вернулся. Мы будем защищать стены Старого Города и сражаться до тех пор, пока весь Туркад не станет снова свободным.

Толпа вокруг Мендарка разрасталась с каждой минутой, и люди в молчании смотрели на него. Он поднял над головой копье.

— Идите за мной! — взревел Мендарк. — Я — ваш единственный шанс.

Толпа рассыпалась, и он услышал несколько слабых выкриков: «Мендарк! Мендарк вернулся!» Правда, было неясно, что их вызвало — надежда или страх перед ним.

— Бедные глупцы, — пробормотал он и поплелся вверх по ступеням. — Таллия! — громко позвал Мендарк, и та прибежала к нему, неуклюже двигаясь, словно у нее онемели колени.

— Там… — начала она.

— Нет времени! — оборвал ее Мендарк. — Ты должна сделать все, что в твоих силах. Я соберу нашу армию, точнее, то, что от нее осталось. Отведи в крепость Совет, а также тех, кто может нам помочь. Я постараюсь прислать подмогу, но не жди ее.

— Но, Мендарк…

— Тебе придется это сделать. — Он постоял с минуту. Лицо у него было осунувшееся. Затем он побежал прочь, и гулкое эхо вторило его шагам по мостовой.

— Но ведь большинство этих людей даже не может идти… — тихо произнесла Таллия. — Влиятельные люди, необходимые для нашей обороны… Как же мне справиться с этим в одиночку?

Туркад был самым большим и старым городом Мельдорина. Если уж он пал так быстро, то стоит ли надеяться, что они найдут где-нибудь прибежище?

Подойдя к дверям, Таллия выглянула наружу. Улица была теперь безлюдной и безмолвной. Было туманно, и начал моросить дождь. Что же ей делать? Замешкавшись в дверях, она заметила какое-то движение в проулке, пересекавшем улицу. Кто-то высунул из-за угла голову и тут же снова спрятался. Худое личико, как ни странно, показалось Таллии знакомым.

Это была уличная девчонка, которая привела Лиана на виллу Мендарка несколько недель тому назад. Лиан так очаровал ее, что девчонка отказалась взять в уплату серебряный тар — целое состояние для любого беспризорника. «Как же ее зовут?»

— Лилиса, — тихо позвала Таллия. — Лилиса, иди сюда. — Из-за угла снова высунулась голова.

— Подойди сюда, Лилиса, ты мне нужна.

Лилиса, девочка лет десяти, с волосами цвета платины, узким

худеньким личиком и голодным взглядом, вынырнула из-за угла и, осмотревшись, направилась к Таллии. Лохмотья беспризорницы были забрызганы грязью. В свете уличных фонарей ее вид был еще более жалок.

— Что тебе нужно? — пискнула девочка, робко глядя на женщину.

— Заходи.

— В Большой Зал? — Писк перешел в испуганный шепот. — Меня могут за это выпороть.

— Вздор! Вернулся прежний Магистр, а я — его доверенная. — Взяв Лилису за тонкое запястье, Таллия втащила ее внутрь. — Посмотри, — показала она.

Кругом, как туши на скотобойне, лежали тела богатых и могущественных людей Туркада — судей, законников и состоятельных купцов.

— Нам нужно отвести их в крепость.

На полу вдруг вздрогнул и задергался какой-то высокий человек. У него было неприятное лицо с бесформенным носом, на щеке распухла царапина. Бледные, почти бесцветные глаза смотрели невидящим взглядом. Это был Тиллан, сместивший Мендарка с поста Магистра незадолго до Тайного Совета.

Лилиса выпучилась на него.

— *Магистр!* — выдохнула она.

— Уже нет! Узурпатор свергнут. Мендарк вернулся. Он наш настоящий Магистр. Помоги мне.

Таллия торопливым шагом обошла зал, проверяя, не проявит ли кто-нибудь из пострадавших признаков жизни. Стражники очнулись и сбежали, остался лишь один — он лежал в луже крови у дальней стены. Стражник был мертв: судя по всему, упал на свой меч и истек кровью.

Таллия отвернулась от него, когда Лилиса заметила маленькую босую ногу, торчавшую из-под плаща стражника. Приподняв его краешек, девочка увидела миниатюрную женщину с бледным лицом, вокруг которого разметались пышные огненно-рыжие волосы.

— Это Карана, — сказала Таллия. — Друг Лиана. — На лице Лилисы отразились участие и зависть.

— Она мертва?

Таллия наклонилась над обнаруженной девушкой:

— Нет, но если мы ей не поможем… она умрет.

Выражение лица Караны было таким печальным, что у Таллии на глазах выступили слезы. «Если бы тогда я сумела ей помочь, — подумалось Таллии, — ничего подобного не случилось бы». Она осмотрела Карану. Рубашка на груди пропиталась

кровью. Таллия разорвала рубаху, ожидая увидеть смертельную рану, но оказалось, что это была кровь стражника. Таллия огляделась.

— Это странно, — заметила она, нахмурившись.

— Что?

На Тайном Совете присутствовало много народа, но некоторые исчезли, включая тех, кого она искала: Феламора, Магрета, Лиан.

— Где Лиан? Он никогда бы не покинул Карану.

— Лиан ушел, — ответила Лилиса. — Большой мужчина увел его.

— Большой мужчина? — переспросила Таллия, проверяя, теплится ли в Каране жизнь. Пульс был неровный, кожа холодная и влажная, веки подрагивали. Таллия приподняла веко. Зрачки темно-зеленых глаз едва реагировали на свет. Вероятно, жизни Караны не угрожала опасность — при надлежащем уходе. Таллия сорвала со стражника плащ, укутала в него Карану и отнесла ее в сторону, к стене. Пока что для девушки больше ничего нельзя было сделать. Таллия повернулась к следующему пострадавшему.

Под окном лежала груда свалившихся портьер, наполовину скрывавших тело огромной женщины в алой с пурпуром мантии Верховного суда. Ее широко раскрытый красный рот, из которого наполовину вывалился протез, нарушал величавость образа. Лицо было круглое, как луна, крошечные глазки заплыли жиром. Белокурые волосы с проседью острижены под «каре».

— Кто она? — пропищала Лилиса.

— Судья Орстанда, — ответила Таллия, испытывая огромное облегчение. Если с ними Орстанда, остается надежда. Судья обладала самым могучим интеллектом в Совете и была другом Мендарка, на которого тот всецело полагался. — Воды, быстрей!

Лилиса убежала и вернулась с синим кувшином. Она сбрызнула водой из этого кувшина лицо судьи. Орстанда зашевелилась и попыталась встать на ноги, но сразу же пошатнулась. Таллия поспешила подставить ей кресло.

Орстанда оглядела зал:

— Нелисса?..

— Мертва! — резко выговорила Таллия. Она описала положение дел.

— О! — сказала Орстанда. — Мендарк прав: Старый Город — наше единственное убежище.

Стены Старого Города были высокие и прочные, а крепость внутри — еще прочнее. Хотя, конечно, и их прочности едва ли хватит, чтобы оказать сопротивление Иггуру.

— Ты можешь идти, Орстанда? — Орстанда слабо

улыбнулась:

— Позаботься о других, мой друг. Когда они будут готовы идти, я последую за вами.

Обняв старую женщину, Таллия вернулась к своим занятиям. Для тех, кто был стар и слаб, ничего нельзя было сделать. Из прочих несколько человек уже были на ногах после того, как Лилиса, имевшая в распоряжении кувшин с водой и влажную тряпку, оказала им первую помощь.

Таллия вспомнила слова Лилисы.

— Что ты говорила о Лиане? — спросила она, но не успела девочка ответить, как снаружи донеслись вопли, крики и шум боя, который велся поблизости.

У Таллии от страха мурашки забегали по коже. Они окажутся в ловушке!

— Лилиса! — закричала она. — Иди и посмотри, что там происходит… близко ли враг.

Девочка медлила, глядя на нее огромными от ужаса глазами. Таллия, подумав, что та ожидает вознаграждения, полезла в свой кошелек, висевший на поясе. Лилиса оттолкнула ее руку; затем, осознав, что она ударила доверенную Магистра и что за это ее могут убить на месте, отскочила в сторону, повторяя:

— Я иду, я иду!

— Лилиса! — позвала Таллия. Девочка неуверенно подошла к ней. — Будь осторожна. — Таллия обняла чумазую маленькую беспризорницу. Лилиса подняла на нее изумленный взгляд, потом робко улыбнулась. — Ты вернешься? — спросила Таллия. Обычно такая находчивая, сейчас она чувствовала себя разбитой.

— Я вернусь, — заверила ее Лилиса с сияющими глазами, и след ее простыл.

Таллия поспешила к Орстанде, которая склонилась над кем-то, пытаясь вернуть раненого к жизни. Казалось, она сама сейчас снова потеряет сознание: дыхание с хрипом вырывалось из ее груди.

— Я не знаю, кого брать с собой, а кого оставить, — мучилась Таллия. — Кто важнее — судья или доктор? А богатый купец — ценнее, чем молодая женщина?

— Так нельзя выбирать, — возразила Орстанда, подняв голову. Ее лицо походило на сырое дрожжевое тесто, которое лезет из формы. — Группа важнее отдельного человека. Любого, кто не в состоянии идти или упадет и не сможет подняться, следует оставить. В том числе и меня.

— *Тебя* я бы ни за что не оставила, — сказала Таллия, пристально глядя на старую женщину.

Орстанда зашлась сиплым смехом:

— Хотела бы я посмотреть, как ты меня понесешь! Таллия улыбнулась при мысли об этом.

Вскоре семь человек были более или менее готовы идти. Таллия включила в группу Тиллана, у которого волосы стояли дыбом, словно наэлектризованные, и Хеннию-дзаинянку — старушку с бессмысленным взглядом, тоже входившую в Совет. Хенния сильно прикусила язык, и теперь он слегка высовывался из уголка ее рта. Кроме них — еще двух членов Ассамблеи — марионеточного правительства Туркада, на решения которого уже давно влияли Губернатор, с одной стороны, и Магистр — с другой. Остальные были незнакомы Таллии, хотя вид у них был значительный.

Все они пребывали примерно в таком же состоянии, в каком находилась сама Таллия, прежде чем пришла в себя, вот только она не знала, как привести этих людей в чувство. На стульях и скамейках, словно куклы, набитые опилками, сидели и лежали еще несколько человек. Если бы кого-то из них удалось поставить на ноги, она могла бы отвести их в безопасное место. Таллия обнаружила немало таких, как Караны, которые могли либо выжить, либо умереть, и все это были достойные люди, однако их пришлось бы нести.

За исключением Орстанды, собранные в группу люди очень слабо соображали. Тиллан бесцельно бродил по комнате, большинство же просто сидели, уставившись в стену и что-то бормоча себе под нос. Хенния все время повторяла: «Я не хочу идти. С Мендарком покончено!» Таллия была в отчаянии, когда наконец прибежала Лилиса.

— Солдаты! — закричала она. — Нам нужно уходить! — Схватив Таллию за руку, Лилиса потащила ее к дверям.

Таллия сопротивлялась:

— Мы должны взять их с собой. Помоги мне.

Они выстроили тех, кто мог идти, в нестройную шеренгу, и Лилиса с большим трудом удерживала их в этом положении, пока Таллия пыталась поднять на ноги остальных. Снаружи вопли и шум битвы становились все громче.

— Нам нужно уходить *сейчас же!* — воскликнула Лилиса.

Таллия оглянулась на Карану, в ее душе чувства боролись с долгом. Дело было не только в том, что Карана ей симпатична. Девушка была чувствительницей, обладательницей бесценного дара, такого полезного во время войны. Те, кого они бросят здесь, вероятно, будут обречены на смерть, но и спасти всех невозможно. Она бегом вернулась к Каране, взяла ее руку в свои, потом снова отпустила, не в силах выбрать.

— Иди, Лилиса. Я тебя догоню.

Карана застонала, мотая головой из стороны в сторону. Внезапно приняв решение, Таллия наклонилась, чтобы поднять ее, но в этот миг один из тех, кто до сих пор был без сознания, вдруг пришел в себя и сел. Это был низенький полный человек по имени Прэтхитт — богатый купец и законник. Он шаткой походкой направился к двери, размахивая руками и что-то невнятно выкрикивая.

Таллия перехватила его уже за порогом и прикрыла ему рот своей рукой, чтобы он замолчал. Мимо с воплями и стонами промчалось несколько человек, затем откуда-то с улицы донесся сигнал рожка. Другой ответил ему из-за здания Большого Зала. Лихорадочно оглядевшись, Таллия увидела Лилису, ведущую группу в проулок. Орстанда замыкала шествие, она шла неуклюже, словно малыш, который учится ходить.

— Поторопись! — крикнула Лилиса.

Таллия стояла в дверях, мучаясь проблемой выбора. В зале оставалось около дюжины людей, и она знала почти всех. Некоторые умрут, если бросить их здесь без помощи. Возможно, погибнут все, если их найдут враги. Прэтхитт снова начал метаться. Если она понесет Карану, он их непременно выдаст. Ее размышления прервал чей-то стук в заднюю дверь. Мощные удары эхом отдавались внутри зала. Слишком поздно! Она потянула Прэтхитта через дорогу.

Теперь дождь усилился. В проулке было темно, хоть глаз выколи, под ногами — скользко. По улице пробежала еще одна группа людей. Таллия услышала, как за ними печатает шаг отряд солдат. Она двинулась по проулку, спотыкаясь и поскальзываясь на опавших листьях. Пахло гнилой капустой, и чем дальше она шла, тем грязнее становился путь.

— Лилиса, — хрипло прошептала она.

Ответа не было. Таллия различила шум льющейся воды, и в следующую секунду на голову ей обрушился поток с крыши. Вытерев глаза, она вгляделась в темноту — но тщетно. По земле начал стелиться туман. Звук марширующих ног стал громче.

Прэтхитт, который тоже вымок, выкрикнул непристойность и взмахнул руками. Удар кулака пришелся Таллии по щеке. Женщина принялась бороться с купцом, производя при этом слишком много шума. Прэтхитт был очень силен, и, когда ей наконец удалось зажать ему рот, он укусил ее до крови. Выругавшись, Таллия стукнула его по голове. От удара Прэтхитт осел на землю.

Кто-то завопил у Таллии за спиной. Один из солдат Иггура, расхаживавших взад и вперед по улице, подошел к проулку, держа в руках зажженный факел. Подопечный Таллии

пошевелился. Она надавила ему коленом на спину, прижав к земле. Солдат, ничего подозрительного не обнаружив, стал удаляться. «Остальная часть отряда, наверно, проверяет Большой Зал», — подумала Таллия; она остро переживала свою неудачу. «Куда ушла Лилиса? Вероятно, бросила людей, как только появились солдаты». Кто может винить девчонку? О ней некому позаботиться, кроме нее самой.

Подняв Прэтхитта на ноги, Таллия тащила его назад по проулку, когда он неожиданно схватил свою спасительницу за плечи и толкнул. Потеряв равновесие, Таллия упала и ударилась головой о бочку с водой. С минуту она смотрела в одну точку, как будто опять впала в транс, затем в сознании прояснилось, и Таллия села, пытаясь протереть глаза, в которые попала грязь. Звук удаляющихся шагов постепенно стих.

Снова появился свет, и Таллия увидела силуэт солдата. Она склонила голову, молясь, чтобы ее не обнаружили. После долгой паузы свет стал удаляться. Она снова прокралась к началу проулка и увидела неприятельский пост, выставленный на улице. Теперь нет никакой возможности вернуться за Караной. Потирая ушибы, Таллия поспешила догнать своих подопечных.

Через два часа она добралась до ворот Старого Города: она долго плутала под проливным дождем, заблудившись на каких-то улочках и переулках. Таллия упустила Прэтхитта. Но еще ужаснее было то, что она потеряла всяческую надежду отыскать Лилису с группой спасенных. Она чувствовала себя идиоткой и испытывала искушение вернуться в Большой Зал, но ее вызвали в зал аудиенций.

Огромная комната была заполнена роскошно одетыми офицерами и адъютантами. Двадцать писцов, сидевших за столами, стоявшими в ряд вдоль стены, лихорадочно строчили приказы и передавали листочки бумаги гонцам, которые вбегали и выбегали из зала. Мендарк стоял перед картой города, нарисованной на холсте, споря с великолепно одетым офицером. На нем были цвета Магистра — алый с голубым. От этого настроение Таллии еще больше испортилось.

Это был Беренет, второй доверенный Мендарка. Его прекрасные усы были нафабрены и завиты. Он был наряжен в шелк и бархат; брыжи из алого кружева у горла скрадывали впечатление от впалой груди. «Интересно, где он находился в последнее время?» — подумала Таллия. Обоим пришлось много путешествовать, и она не слышала о нем ничего полгода. Она коротко кивнула. Усмехнувшись, Беренет внимательно осмотрел ее с головы до ног.

У Мендарка был измученный вид. Правда, как заметила

Таллия, он успел принять ванну и переодеться.

— Что с тобой случилось? — спросил он более резким тоном, чем обычно. — Не забрызгай грязью ковер. О, что это значит? — продолжал он, когда Таллия отступила в сторону.

— Я их потеряла, — ответила она, чувствуя себя как нашкодившая школьница. Беренет ухмыльнулся.

— О чем ты говоришь? — осведомился Мендарк, нахмурившись. Он был в бешенстве по какому-то поводу.

— Те, кто выжил в Совете. Я вывела кое-кого из них, но потеряла в переулках.

— Они здесь уже целый час! — сказал Мендарк. — Какая-то уличная девчонка привела семерых к воротам — связанных вместе, как караван верблюдов.

— Лилиса их привела? — Таллия была в изумлении. — Как Орстанда?

— Не очень. — Он взмахнул рукой.

Таллия увидела крупную фигуру судьи, которая сидела, сгорбившись, у стола в другом конце комнаты.

— А Хенния? — Мендарк понизил голос:

— Кажется, она сломалась. Возможно, нам придется заменить ее кем-нибудь в Совете. Что еще ты можешь мне рассказать?

— Мне пришлось покинуть остальных — повезло еще, что удалось уйти самой. Я потеряла Прэтхитта. Он ударил меня и сбежал в темноте.

— Да, твои успехи сегодня не слишком-то велики. Слава Богу, у нас есть Беренет. Он вернулся с ценными сведениями об Иггуре.

Адъютант тронул Мендарка за рукав.

— Минуту! — отрывисто произнес тот.

— Я оставила там Карану, — продолжала Таллия. — Солдаты Иггура появились неожиданно, и у меня не было времени что-нибудь предпринять.

Мендарк выругался.

— Чувствительница нам бы пригодилась.

Таллия восприняла это как еще один упрек. У Караны был редкий дар. Чувствительники могли стать бесценными во время войны: они ощущали опасность и были способны предупредить о том, что собирается делать неприятель. Некоторые даже умели передавать мысли, установив связь между сознаниями. Однако чувствительниками было ужасно трудно управлять, и часто они бывали эмоционально не уравновешены.

— Полагаю, к утру она умрет, — с несчастным видом сказала Таллия. Сегодня ей ничего не удавалось.

— Зачем ты вытащила оттуда Тиллана?

«Так вот где собака зарыта!» — подумала Таллия.

— Как я могла его бросить? Он — член Совета.

— Как ты могла упустить шанс избавить меня от врага?! — бушевал Мендарк. — Никто бы тебя не обвинил. А теперь все знают, что он здесь, и я не могу позволить, чтобы ему был причинен вред.

— Мы подчиняемся закону или нет?

— В данном случае твое суждение ошибочно. Беренет не стал бы так щепетильничать.

— Я в этом не сомневаюсь! — ядовито произнесла она.

— Ладно, поешь что-нибудь. Мне нужно, чтобы ты ознакомилась с положением дел в северной части города. — Адъютант снова тронул Магистра за рукав, и тот занялся другой проблемой.

Таллия продолжала стоять перед Мендарком.

— Мне бы хотелось вернуться в зал с отрядом и забрать остальных.

— Это невозможно, — бросил Мендарк через плечо. — Ты нужна мне здесь. В любом случае та часть города теперь в руках у Иггура. Забудь о них!

Таллия знала, что Мендарк прав, но все еще не могла справиться с болью. Она отвернулась, затем снова резко повернулась к Мендарку:

— Что с Лилисой? Я даже не заплатила ей.

— Девчонка? Стражники дали ей пару гринтов, прежде чем выставили ее. А теперь перестань мне докучать!

И снова злорадная ухмылка ее соперника Беренета. Таллия стиснула зубы, но промолчала, хотя для этого ей потребовалось все ее самообладание. Она на минуту остановилась возле стола, за которым сидела Орстанда, чтобы узнать о ее здоровье.

— Думаю, никогда в жизни я не чувствовала себя хуже, — ответила Орстанда. И все же судья нашла в себе силы осведомиться о судьбе каждого спасенного и расстроилась, узнав, как обошлись с Лилисой.

Позавтракав с Орстандой, Таллия удалилась. Она провела долгие часы, просматривая непрерывно поступавшие донесения, делая обходы стен и отдавая приказы. Город отчаянно оборонялся.

Ранним утром, горчайшим для Туркада — впервые за тысячу лет враг вошел в его ворота, — Таллия узнала, что Первая армия Иггура выбита из квартала, где находилось здание Тайного Совета. Несколько скромных побед давали надежду на более значительные, так что, вместо того чтобы немного поспать,

Таллия взяла немногочисленный отряд и направилась к Большому Залу: она хотела найти Карану, а если удастся, то доставить ее и остальных пострадавших в безопасное место.

Отряд пробирался по улицам, заваленным добром, которое хозяева побросали, спасаясь бегством, — его еще не успели растащить мародеры: тут разорванный узел из красной ткани, из которого вывалились в канаву серебряные ножи и вилки; там — игрушечный деревянный ослик с отломанным ухом; куртка, расшитая шелком и украшенная гранатом, свернутый гобелен… Дальше стали попадаться отчетливые следы войны — кровь, сломанное оружие, тела мужчин, женщин и даже детей, умерших от ужасных ран. И повсюду дымящиеся скорлупки домов, прежде служивших кому-то жилищем. Ближе к Большому Залу признаков прошедших здесь сражений не было, — возможно, война обошла это место стороной.

Таллия добралась туда около полудня. Она горько сожалела о собственных неудачах минувшей ночи. Особенно о Каране. То, что она оставила девушку без помощи, казалось ей личным предательством. У здания Тайного Совета Таллия ощутила запах гари и паленого мяса. Черный дым вздымался к небу. Таллия подбежала к погребальному костру, разведенному у стен Большого Зала.

— Это единственное, что сейчас можно для них сделать, лар, — сказал высокий худой человек с заметным брюшком, которое выглядело так нелепо, словно его приклеили. Голова у говорящего была обрита, но на ней уже появилась седая щетина. На человеке был кожаный фартук мясника, испачканный кровью. — Если мы их оставим, начнется чума.

В костре было много тел, и, пока Таллия смотрела на него, подошли двое мужчин, неся еще одного покойника. Они небрежно бросили тело в огонь, словно грузили на телегу мешки с углем. От костра шел столь сильный жар, что Таллия не смогла подойти достаточно близко и разглядеть лица умерших; к тому же ей не хотелось наблюдать, как они горят, и вдыхать зловоние.

Таллия стала подниматься по ступеням, ведущим в зал. Его еще не успели разграбить. Внутри она увидела все тот же вчерашний хаос. Единственное, что изменилось за ночь, — в помещении не оказалось ни мертвых, ни умирающих.

На полу, где накануне лежал убитый стражник, засохло огромное кровавое пятно, от которого тянулись следы. Караны нигде не было, лишь на стене, к которой Таллия перенесла девушку, завернутую в плащ, виднелось крошечное пятнышко крови. Около дальней стены лежала трость Нелиссы, сломанная пополам. Таллия выбежала наружу и вернулась к костру. Она

обратилась к седому мяснику:

— Что сделали с мертвыми из зала? Их сожгли? Человек с минуту размышлял, почесывая кончик носа грязным ногтем. Его медлительность вызвала у Таллии раздражение.

— Мы вынесли оттуда пятерых, а может быть, шестерых, — ответил он, нахмурившись. — Сейчас не могу вспомнить: столько мертвых! Мы закончили с этим залом несколько часов тому назад. Я помню старуху — ее бы мы, конечно, узнали, даже если бы на ней не было мантии. Нелисса Брюзга! Интересно, кто станет оплакивать *ее?*

— А была там молодая женщина с рыжими волосами?

— Не могу вспомнить, лар. Было несколько женщин, это я помню, и одна из них — красотка. Но через некоторое время перестаешь всматриваться в их лица — разве только для того, чтобы убедиться, что они мертвые. Не имеет значения, красивы ли они: раз их больше нет, то и с мечтами их покончено. И нет никакого смысла размышлять о них. — По-видимому, ему хотелось поделиться своим опытом. — Удивительна эта пропасть между жизнью и смертью — в молодости ее не замечаешь, но когда начинаешь стареть…

Таллию не интересовало его философствование.

— Ты уверен, что не сжег ее? Она маленькая, примерно вот такого роста. Рыжие волосы, бледная кожа, в окровавленной рубахе. Ты не мог бы не обратить внимания на ее волосы, они огненно-рыжие. Вчера ночью она еще была жива.

— Тогда нужно было ее вчера и забрать, — проговорил он, снова почесывая нос. — В такую ночь плохо умирать в одиночестве!.. Была женщина… высокая, с темными волосами — вроде тебя. Других я не помню. Одно скажу, мы сжигали только мертвых. К утру в живых осталось двое, оба мужчины, и мы отправили их в лазарет. Вот все, что я знаю.

«Другие, должно быть, пришли в себя, или их взяли в плен, — подумала Таллия. — Почему я не забрала ее с собой? Но теперь слишком поздно сожалеть об этом».

2
«Дно» Туркада

Когда Таллия, миновав все опасности, поджидавшие ее в городе, вернулась в крепость, то обнаружила, что оборона потерпела крах. Войска Иггура оттеснили защитников Туркада к последнему бастиону — Старому Городу. Таллия побежала в зал аудиенций, но там Мендарка не оказалось, и даже его офицеры не знали, где он. После долгих поисков она увидела его на городской стене, где он отдавал приказы своим военачальникам.

— Безнадежно, — устало произнес Мендарк. Его лицо и руки были покрыты грязью и копотью, а одежда забрызгана кровью; он был вымотан. Рядом с Магистром стоял Беренет, щеголеватый, как всегда. Со слезами на глазах Мендарк смотрел на дымный горизонт. — Взгляни на эти разрушения. Вся Галерея в огне. Старая Ограда превратилась в пепел. От четырех тысяч лет истории не осталось ничего! Чем дольше мы сражаемся, тем больше людей гибнет, а поражение неизбежно. Но как же я могу сдать Туркад? Я всем сердцем люблю мой город.

— Где Глава Ассамблеи?

К ним быстро подошел гонец с новым донесением. Мендарк сломал печать.

— Эта предательница! — сплюнул Беренет. — Она сбежала, нагрузив добром свои баржи до самой ватерлинии.

— Ассамблея дезорганизована, — добавил Мендарк. — Они бы не смогли управлять и детской площадкой! Есть только я! — Он склонился над бумагами.

— Тогда ты должен защищать Туркад и делать для людей все, что в твоих силах, пока есть надежда, — сказала Таллия.

— Конечно, но еще более важно преследовать цель Совета. Никогда еще в этом не было такой необходимости, как теперь, когда обезумевший Тензор сбежал с Зеркалом. — Мендарк взглянул вниз, на город, там над сотней зданий был водружен флаг Иггура — черный тигель на фоне белого круга. Он больше походил на сжатый кулак, и жители Туркада называли солдат Иггура чернокулачниками.

— У меня есть план, который может тебя заинтересовать, — заявил Беренет, начищая свои серебряные пуговицы.

Как всегда элегантный, он выглядел очень деловито. Рядом с ним Таллия ощутила неловкость за свою забрызганную грязью одежду.

— Мне нужен хороший план, — буркнул Мендарк, не

отрываясь от своих депеш.

— Он хорош, — самоуверенно ответил Беренет. — Взгляни! — Развернув на камнях карту города, он обвел неровную линию стен наманикюренным пальцем.

— Согласно последним сведениям, из восьми холмов Туркада Иггур сейчас удерживает пять — всю южную, западную и почти всю северную части города. Теперь он оттесняет нас на восток. — Беренет показал на карте области, которые все еще удерживали силы Мендарка, — восточные холмы и в самом центре — Старый Город, защищенные стенами. — И все же Иггур уязвим.

— Что ты имеешь в виду? — пробормотал Мендарк. Откинув прядь волос с глаз, Беренет бросил на карту пригоршню золотых монет — эту демонстрацию богатства Таллия сочла не совсем приличной.

— Его Первая армия, возглавляемая Дроссимом, самым способным из генералов Иггура, удерживает центр города. Четвертая армия размещена на юге, вот здесь, — она контролирует западные и южные ворота. Моральный дух в Четвертой армии не столь уж высок. Иггур слишком растянул войска: его остальные три армии прилагают большие усилия, чтобы удержать земли, которые он захватил, и не могут прийти к нему на помощь.

— М-м-м! — равнодушно произнес Мендарк.

— Он блистателен на поле боя, вне всякого сомнения, но ему никогда прежде не приходилось сражаться за такой большой город. Посмотри! — воскликнул Беренет, передвигая свои золотые монеты. — Четвертая армия расквартирована вот тут. — Он указал на район многочисленных переулков и трущоб. — А Первая армия ночует здесь, тот же лабиринт из улиц и переулков.

— Продолжай! — сказал Мендарк, все еще что-то лихорадочно записывая.

— Посмотри, какие узкие здесь улочки — тут, тут и тут. Случись ночью какое-нибудь несчастье, народ высыпет на улицу — и он не сможет провести там свои войска.

Мендарк наконец оторвался от бумаг:

— Дальше!

— В трущобах живет полмиллиона людей, еще пятьдесят тысяч — в портовом районе. Предположим, мы подожжем лабиринт здесь, здесь и здесь. — Его палец провел линию от северных ворот к портовому району. — Все впадут в панику, и улицы будут заблокированы. Здания в этом районе построены в основном из дерева. Его войскам никогда оттуда не выбраться.

— Сгорит все, вплоть до западной стены, даже при такой погоде! — воскликнула Таллия.

— Вот именно, все! — обрадовался Беренет. — И огонь нельзя будет остановить! А на улицах столпится так много людей, что Иггуру никогда не провести там свою армию. Единственный выход для них — западные ворота, так что если мы подведем туда ночью батальон лучников и подтянем остальные наши силы здесь, здесь и здесь, — золотые монеты снова заскользили по карте, — мы сможем покончить с Иггуром одним ударом. Численное превосходство его войск будет не силой, а слабостью.

— Он может направиться в портовый район, — заметил Мендарк, поднимаясь и начиная шагать взад и вперед.

— Наш батальон остановит его, если он зайдет так далеко, — ответил Беренет, поглаживая золотую монету. — Кроме того, хлюны яростно сражаются, когда защищают собственное добро.

— Может получиться, — сказал Мендарк, постукивая карандашом по карте. — Хотя мне это не слишком-то нравится.

— Безнадежно! — возразила Таллия. — Если ветер переменится, то сгорит не Иггур, а мы.

— Это не хуже, чем наше нынешнее положение, — заявил Беренет. — Полное поражение!

Таллия ушам своим не верила.

— Сожгите лабиринт — и погибнут тысячи. Десятки тысяч!

— Оно того стоит, — настаивал Беренет. — Если мы проиграем войну, что произойдет почти наверняка, многие из них и так умрут.

— Я не верю, что ты можешь серьезно рассматривать *этот* план, Мендарк, — с ударением произнесла Таллия. — Это ужасающее предательство.

— Она права, Беренет, — согласился Мендарк, качая головой.

— Как я могу служить глупцу, который не желает победить?! — возмутился Беренет.

Мендарк ответил ему очень тихо:

— Если ты больше не хочешь служить мне, ты знаешь, куда тебе идти.

Беренет сжал трясущиеся кулаки.

— Черт тебя побери! — прошептал он. — Ты сомневаешься в *моей* преданности?

— Не в твоей преданности, а лишь в разумности твоего плана.

— Я предлагаю тебе победить, а ты выбираешь несомненное поражение.

— Довольно! — оборвал его Мендарк. — Я не могу сделать этого с моим городом.

Беренет собрал монеты, скатал карту и, не произнеся больше ни слова, удалился.

— Ты принял верное решение, — сказала Таллия. Карандаш Мендарка стукнул по бумаге. Он взглянул на Таллию глазами человека, которого истязают в камере пыток.

— В самом деле? Я только что сдал свой город и свой народ врагу, и, быть может, пострадает больше людей, чем если бы я сжег Иггура. А ради чего?

Мендарк разгуливал по стене на виду у неприятеля и даже не заметил стрелу, порвавшую ему плащ. Таллия бегала за ним, убеждая его укрыться.

Спрятавшись с ним в нише, она затронула другую тему:

— Возможно, Зеркало важнее, чем судьба Туркада. И оно прежде всего принадлежит Тензору.

Мендарк спрятал лицо в ладонях.

— Да, но что он собирается с ним делать? — Стрелы свистели прямо у него над головой, но он не обращал на них внимания. — Пару раз мы даже говорили о поисках Тензора, когда еще были друзьями и у нас была общая цель. Но гибель Шазмака довела его до отчаяния. Ему больше нечего терять, а «честь» для него пустое слово отныне.

— Тем он опаснее, — заметила Таллия.

— Куда он направился? — продолжал Мендарк после паузы. — Мои шпионы ничего не узнали о нем. Как мы сможем найти его в этой неразберихе? Только я противостою ему и гибели.

Таллия обняла Мендарка за плечи:

— Поскольку Совет теперь — это *ты*, а с Туркадом покончено, нам бы лучше отправиться на поиски Тензора.

— Мы должны его отыскать. Но он так долго был мне другом. Нелегко разорвать эти узы, Таллия.

Неожиданно Таллии в голову пришла одна мысль.

— Лиан тоже исчез.

— Что? — Мендарк не сразу понял, о чем идет речь. — *Что?*

— Когда мы очнулись вчера в Большом Зале, Лиана там уже не было.

— И никаких следов?

— Ничего…

— Лиан не покинул бы Карану. — Мендарк в сильном волнении расхаживал по крепостной стене. — Это очень плохо! Его увел Тензор? Мне нужно знать.

— Зачем ему нужен летописец?

— Не имею ни малейшего представления.

Булыжник, выпущенный из катапульты, врезался в зубчатый край стены, и Мендарка с Таллией осыпали осколки. Они поспешили нырнуть в укрытие. Мендарк приложил руку к щеке:

из пореза начала сочиться кровь. Таллия протянула ему чистую тряпицу, но он оттолкнул руку женщины.

— Это пустяк! Так что ты говорила?

— Помнишь ту ночь, когда прибыл Лиан? К нам его привела уличная девчонка Лилиса — та самая, которую ты так грубо вышвырнул.

— В Туркаде тысячи таких, как она. Что с того?

— Лиан предложил ей серебряный тар, но она отказалась. Сказала, что он ей уже достаточно заплатил. А какая беспризорница откажется от тара?

— У этого летописца есть обаяние, — ворчливо заметил Мендарк, но тем не менее вид у него был заинтригованный.

— Позднее я видела ее на улице. А вчера вечером она слонялась около Большого Зала как раз после того, как ты его покинул. От нее я узнала, что Лиана увел «большой мужчина».

— *«Большой мужчина»!*Тензор? Думаешь, она следила за ними? Тебе бы надо ее найти. Орстанда знает всех; она отыщет тебе кого-нибудь, кто хорошо знаком с улицей. Милая Орстанда! Что бы я без нее делал? Без нее Совет — пустая скорлупа.

— Есть еще Хенния, — осторожно произнесла Таллия.

— Дзаиняне отмеряют свою преданность так же скупо, как ростовщик — монеты, — сплюнул Мендарк. — Кстати, пойди-ка в казну — поиск может обойтись в пригоршню золотых. — И, внезапно что-то вспомнив, воскликнул: — О Таллия!

Таллия уже уходила.

— Да? — спросила Таллия рассеянно, думая о своем новом задании.

— Я наткнулся на кое-какие вещи Караны, когда сегодня утром разбирал барахло, оставленное Тилланом в моем кабинете. Дневник, нож и какие-то побрякушки.

Таллия вернулась и слушала, приподняв бровь. Конечно, он не испытывает угрызений совести.

— Ну что, они тебе нужны? — резко спросил Мендарк.

— У меня с собой и так много вещей. Карана исчезла. Какое значение теперь имеют эти предметы?

— Они могут понадобиться Лиану.

— Ты имеешь в виду, что он мог бы сделать то, что тебе нужно, в обмен на них, — сказала Таллия. — А ты никогда ничего не делаешь из чистого альтруизма? Ладно, не важно. Где они?

Он сказал, и, выкинув это из головы, Таллия отправилась на поиски Лилисы. Ей назвали имя старого солдата, Бластарда, негодяя и пьяницы, который жил в одной из убогих лачуг, прилепившихся к западному валу Старого Города. Наконец она отыскала его на крепостной стене: положение дел было таково,

что даже этот старик выполнял свой долг. Переговорив с офицером, Таллия отозвала Бластарда в сторону.

Старик был одним из тех, кто знает все и всех, так что он сразу же узнал Таллию. Разумеется, он был пьян, но это было его обычное состояние. Если ему что-нибудь известно о Лилисе, она вытянет это из него.

Когда-то Бластард был привлекательным мужчиной, хорошо сложенным, с красиво очерченным чувственным ртом, высокими скулами, благородным лбом и гривой черных волос. Но теперь единственное, что осталось от его былой красоты, — это лоб и поседевшие волосы. Руки шелушились, пальцы были скрюченные, распухший нос — в красных прожилках, губы — серого цвета. Дыхание было зловонным, зубы — гнилые, а руки тряслись, даже когда он положил их на стол. Он боялся Таллии, и в этом не было ничего удивительного. Боялся даже больше, чем неприятеля.

Она стала его расспрашивать о Лилисе, но вскоре поняла, что тот не может или не хочет ничего говорить. Он был слишком напуган и недостаточно пьян.

— Пошли, — сказала Таллия наконец. — Здесь не место для беседы. Пойдем в «Бочку». — Она назвала ближайшую солдатскую пивную.

Бластард сиял от счастья. В пивной почти никого не было — лишь несколько стариков, слишком древних, чтобы держать оборону на стенах, пили в уголке. Хозяйка заведения, пожилая толстуха с прической как у молодой девушки, вся в золотистых локонах, полоскала в ведре кружки. Она выпрямилась, когда звякнул колокольчик на двери.

— Убирайся отсюда и выполни свой долг, ты, трусливый пьянчуга! — пронзительно завопила она, когда Бластард переступил порог.

Он застрял в дверях, так что Таллии пришлось протиснуться мимо него. Она прошептала несколько слов в крошечное ушко хозяйке, и та, со стуком поставив на стойку большой кувшин с черным пивом и две кружки, проворно удалилась, причем ее тройной подбородок трясся, а парик съехал набок. Бластард схватил кувшин и кружки и пошел прочь от стойки, прежде чем Таллия успела вынуть медную монету из своей сумки. Она повернулась к нему лицом как раз тогда, когда он, зацепившись за коврик, рухнул на пол с таким грохотом, что зазвенели оконные стекла. Затем он поднялся на ноги. От одной кружки откололся кусок, но из кувшина не пролилось ни капли.

— Ни капли не пролил! Ты только посмотри! — Он ухмыльнулся Таллии, продемонстрировав свои черные зубы, и вытер тыльной стороной ладони струйку крови, шедшей из

носа. — Ты можешь положиться на старину Блесси, вот уж точно!

Таллия была удивлена: этот горький пьяница явно собой гордился!

— Очень хорошо, — коротко сказала она. — Нет, туда. — Она указала на стол в самом темном углу комнаты.

Бластард шумно уселся, наполнил до краев обе кружки и с радостным восклицанием поднял свою. Таллия чокнулась с ним, насколько могла благосклонно, и пригубила пиво. Оно было крепкое и кислое, как будто бочку не вымыли как следует. Бластард одним глотком осушил свою кружку, рыгнул и налил еще. Из его кошмарного носа на подбородок, покрытый седой щетиной, все еще текла кровь. Таллия посмотрела ему в глаза.

— Уличная девчонка, Лилиса, — напомнила она. — Ты ее знаешь?

Он что-то промямлил.

— Что? — переспросила она.

— Я не могу вспомнить! — Бластард уставился на стол. Он будет тянуть, чтобы получить от нее все, что удастся.

Бластард поднес кружку к губам. Рука Таллии сделала молниеносное движение и поймала его за запястье. Таллия обнаружила, что, несмотря на внешний вид, он очень силен. Но она владела Тайным Искусством и всеми видами единоборств без оружия, так что не многие в Туркаде решились бы состязаться с ней. Она не позволила бы этому уличному задире победить ее. Хотя пьянчуга и запугивал бедных и слабых, она знала, что сердцевина у него прогнившая и он трусит, сталкиваясь с тем, кто сильнее.

Бластард сопротивлялся, и ей начало казаться, что он ее одолеет. Она представила себе маленькую Лилису, и это придало ей силы, столь необходимые сейчас. Она поднажала сильнее, и после короткой борьбы кружка выпала у него из пальцев. Пиво потекло на колени. Она сильнее выкрутила ему запястье.

— Я сломаю тебе руку. Не отвлекайся. Лилиса?

То, что у него промокли штаны, его не беспокоило: был к этому привычен. Однако он горестно смотрел на пролившееся пиво. Таллия напряглась, кости запястья Бластарда хрустнули, и он перестал сопротивляться.

— Да, я ее знаю.

— Где она живет?

— Живет! Да они нигде не живут, эти ребята. Сегодня они ночуют в бочке, завтра — в канаве. — Бластард взглянул на кувшин. — Выпить бы, — заныл он.

— Это мое пиво, — ответила она, еще сильнее выкручивая ему кисть и размышляя, придется ли ей сломать ее, чтобы

выудить сведения. — А ты больше не получишь, пока не расскажешь мне о ней.

— Девчонку было бы легко найти, если бы не война. Сейчас все прячутся.

— Ты должен знать, у кого спросить.

— Они все время исчезают. Их забирают! *Продают.* — Бластард сплюнул на пол.

«Продают! А я-то думала, что знаю Туркад».

— Выясни! — приказала она.

— Когда спрашиваешь, они исчезают.

Это было вполне понятно, но она не сомневалась, что он может найти Лилису, если захочет. Несмотря на пьянство, Бластард был влиятельным человеком в среде бездомных бродяг. Как же ей заставить его помочь? Какое обещание он не нарушит, находясь вдали от нее?

Таллия еще больнее сжала его запястье, холодно глядя в налитые кровью глаза.

— Скажи мне точно, что я должна сделать, чтобы ее найти, — попросила она, подчеркивая каждое слово. — С кем мне нужно поговорить, на кого сослаться. Потом ты отправишься в камеру и в темнице не получишь до моего возвращения ничего, кроме воды. Если я не вернусь или вернусь без Лилисы, Мендарк забудет, что ты там. Думаю, тебе известно, каким мстительным он может быть.

Бластард понял, что она имеет в виду. Он пристально взглянул на нее: Таллия была полна решимости. Потом посмотрел на кувшин.

— После того, как ты мне скажешь, — тихо пообещала Таллия.

Он снова заколебался, мучаясь от желания выпить и пытаясь не встречаться с Таллией глазами. Через несколько минут он вытер нос тыльной стороной ладони, размазав кровь по щеке, и вдруг забормотал.

— Я не могу ее найти! — простонал он. — Есть только один человек, который в состоянии это сделать во время войны. С'Корси!

Таллия невольно вздрогнула. С'Корси находился в самом центре паутины, сотканной из зла и порока, которая представляла собой «дно» Туркада. Никто никогда его не видел, но все знали, что он там. Встреча с ним не входила в планы Таллии. Но когда находишься на службе у Мендарка, надо быть ко всему готовой. Он не принимал никакие отговорки, да Таллии и не пришло бы в голову их предлагать.

— Скажи мне, как получить аудиенцию у С'Корси, — сказала

она. — И как выбраться оттуда невредимой. Иначе ты умрешь печальным и трезвым в самой глубокой темнице Мендарка.

Желание Бластарда избежать этого было слишком велико. Таллия слушала, делала пометки, уточняла, а когда наконец получила от Бластарда все необходимые сведения, отпустила его запястье и налила ему пива. Он выпил его залпом. Таллия встала, снова схватила пьяницу за руку и повела к дверям. На пороге она свистнула, и от этого звука Бластард зажал уши. Два личных стражника Мендарка, поджидавшие на улице, повернулись в ее сторону. Одного из них она знала — очень надежный, безгранично преданный Мендарку парень.

— Торгстед! — крикнула она.

Торгстед был маленького роста, с курчавой головой, неотразимой улыбкой и манерами, перед которыми не смогла бы устоять ни одна хозяйка пивной, даже самая замотанная работой за день. Сейчас он упражнял свои таланты в оживленной беседе с очень хорошенькой девушкой, которая была на целую голову выше него. Однако он тут же прервался и подбежал к Таллии, салютуя.

— Отведи этого человека в темницу и помести в нижних камерах под стражу. Не давайте ему ничего пить, кроме воды, пока я не вернусь. И держи его покрепче по дороге.

Торгстед снова отсалютовал ей, и он вместе со вторым стражником, выступившим вперед, схватили Бластарда и увели его, ноющего и хныкающего, в крепость.

Из Старого Города нельзя было выбраться незаметно, пока не стемнеет, так что Таллия до наступления вечера занималась другими делами, немного вздремнула — чуть больше часа, сменила свой пышный наряд на выцветший коричневый плащ с капюшоном и, не рискуя пробираться потайными путями, перелезла через стену, спустившись по веревке на неосвещенные улочки. Оттуда, ориентируясь по карте, которую запомнила специально для этого случая, она углубилась в лабиринт не мощеных переулков и грязных улочек, высоких гниющих домов и крошечных рыночных площадей, где жило более половины населения Туркада. Такое место подчинить себе могла бы лишь могучая армия, поэтому войска Иггура благоразумно придерживались более широких и лучше освещенных улиц. Хотя они и проверяли, кто входит и выходит из этого лабиринта, но не вмешивались в то, что творится внутри. Пока не вмешивались.

Таллия пошла в указанное ей Бластардом место и переговорила там с человеком, повторив в точности все, что ей было сказано. Она заплатила положенное вознаграждение — тар. Этот человек провел ее по улицам туда, где она дала женщине

еще один тар; женщина посмотрела на Таллию остекленевшими глазами, обменялась взглядом с мужчиной и повела ее дальше по проулкам. «Он отправился прямым путем, — подумала Таллия, — чтобы предупредить С'Корси о моем приходе».

Они еще долго шли и наконец очутились в каменном здании, поднялись на шесть пролетов лестницы, спустились в холл, большую комнату без отделки, разделенную ширмами на несколько помещений меньшего размера. На стенах виднелись пятна сырости, окон не было, и воздух был спертый и тяжелый. Таллию провели за перегородку, в довольно просторную комнату, где на полу лежали ковры, а в центре стояла массивная кровать с позолоченными столбиками и балдахином из цветного, хотя и заметно потускневшего шелка. Посредине балдахина красовалась дыра. На кровати лежал человек. Именно ради встречи с ним Таллия пришла сюда.

Маленькая голова и тонкие руки и ноги выглядели удивительно неестественно на очень толстом туловище. «Если бы у него было вдвое больше рук и ног, он был бы очень похож на паука, — подумала Таллия. — Нет, он вовсе не толстый, просто тело распухло от болезни». Губы на мертвенно-бледном лице человека были поджаты, а его блестящие глаза буравили ее.

— Таллия бель Сун! Правая рука Мендарка! Я С'Корси. Добро пожаловать! Дай посмотреть на тебя!

Голос у него был тихий и свистящий, но чувствовалось, что его владелец легко может стать злобным, если кто-нибудь вздумал бы ему перечить. Хватило одного взмаха руки хозяина, похожей на веточку, чтобы слуга принял у Таллии плащ. Откинув назад копну черных волос, Таллия шагнула к С'Корси, протянув руку. Он скривил губы. И Таллия сразу же остановилась.

— Я не дотрагиваюсь, — пояснил он. — Да, ты действительно красива, еще красивее, чем говорят. — (Она склонила голову.) — И весьма искусна в единоборствах без оружия, как я слышал. Пожалуйста, не обижайся, но лучше держись подальше. — Голос С'Корси сделался хриплым, и он зашелся кашлем. Приступ долго не прекращался. Наконец С'Корси отдышался. — Это конец Магистров в Туркаде, я думаю. Мы все должны искать новое пристанище.

— Ситуация опасная, — ответила Таллия.

— Но ты же пришла сюда не для того, чтобы говорить о войне. Каким образом я могу помочь Магистру? Наверно, тебе нужно кого-то найти?

— Уличную девчонку. Ее зовут Лилиса. Она болтается у порта.

С'Корси сделал знак слуге.

— Выясни насчет этого ребенка, — приказал он, и тот, поклонившись, выбежал из комнаты. — А зачем она тебе нужна?

— Мы думаем, что вчера вечером она кое-что видела.

— Кое-что видела? — Его глаза мгновенно прикрылись, затем он посмотрел на свои руки.

Таллия знала, о чем он думает. Быть может, за это «кое-что» заплатит Иггур. Возможно, он заплатит больше, чем Мендарк. Вероятно, в такие времена, как теперь, лучше оказать услугу завоевателю. Ситуация выглядела безнадежной для Мендарка. И все же он был Магистром так долго и был невероятно коварен. К тому же, говорят, что Иггур — законодатель, честный человек. И скорее всего с ним каши не сваришь.

Слуга вернулся и, отвесив поклон, стоял в ожидании. С'Корси посмотрел на него.

— Это та девчонка, что пришла вчера из крепости незадолго до рассвета, — сказал слуга.

— А! Та, которая в сохранности доставила Совет из Большого Зала. Цена повышается.

— Где она? И что за цена?

— Цена. Это нужно обсудить. — И он устремил на нее испытующий взгляд.

«Размышляет, насколько у нас отчаянное положение, — подумала Таллия. — Он знает, что у нас мало времени. И за помощь попросит огромную сумму».

— Моя цена — сто золотых теллей.

Еще больше, чем она себе представляла, — целое состояние. Но не повела и бровью.

— *Сотня!* Да такой суммы мне бы хватило, чтобы заплатить годовое жалованье ста шпионам. Не одна она могла вчера что-то увидеть.

— Да, верно. Но и сто шпионов сегодня не могут сказать то, что тебе хочется знать.

— Десять теллей, — отрывисто произнесла Таллия, — и она нужна мне сейчас. Где она?

— Неподалеку. Мы инструктируем девчонку относительно ее обязанностей. Возможно, мы пойдем на компромисс. Пятьдесят теллей.

Таллия прищурилась. От его слов у нее пробежал холодок по коже.

— Двадцать теллей, если она в добром здравии. Иначе оставьте ее себе.

— Нужно немножко подождать. Присядь в это кресло. Позволь предложить тебе какое-нибудь угощение. — Он махнул слуге, но Таллия покачала головой:

— Я постою, спасибо.

Она слегка отступила назад, повернувшись таким образом, чтобы никто не смог оказаться у нее за спиной. Два стражника замерли в дверях, и взгляд их не отрывался от Таллии.

— Как угодно.

Слуги входили и выходили; С'Корси занялся своими гроссбухами, во время работы его мучили частые приступы кашля, после которых он бледнел и громко хрипел. Наконец вернулся первый слуга. Он коротко переговорил со своим хозяином-пауком.

— Ее ведут, — объявил С'Корси. — Она… немного покалечена. Пожалуй, я скину небольшую сумму. Двадцать пять теллей. — Его губы растянулись во что-то отдаленно похожее на улыбку. — Остановимся на этой цене?

— Сначала я должна ее увидеть, — холодно возразила Таллия, уже не уверенная, что у нее есть выбор и что ей удастся выйти отсюда живой.

Появился еще один слуга, который нес узел окровавленных тряпок, откуда свисали тонкие руки и ноги. Он швырнул узел на пол перед Таллией. Она опустилась на колени и отвела волосы с узкого личика ребенка. Это была Лилиса, ее жестоко избили: тело девочки было покрыто кровоподтеками, на ногах — свежие следы от ударов. Один глаз подбит. Лилиса лежала без сознания.

Таллия выпрямилась и смерила С'Корси ледяным взглядом:

— *Инструктировали относительно ее обязанностей?*

— Каждая монета, заработанная на улице, поступает сюда, — сказал С'Корси с отвратительной ухмылкой. — Ее должны были щедро вознаградить за то, что она сделала для Мендарка, однако она ничего не отдала. Мы же лишь научили ее выполнять долг, как поступили бы с любым, совершившим подобный проступок.

— Ей ничего не заплатили — если не считать нескольких медных монет, которые ей дали стражники, прежде чем выставить ее. Она еще ребенок.

— *Не заплатили?* Вот каков Совет, призванный защищать нас. Даже на улице мы отдаем свои долги. Да и что такое один ребенок, когда тысячи ей подобных бродят по городу? Ее жизнь стоит каких-нибудь полтара.

Таллии захотелось размазать С'Корси по стенке, и она бы так и сделала, несмотря на охрану. Но какой от этого прок?

— И это то, за что я должна тебе заплатить, — сказала она. — Но я тоже плачу мои долги. Поскольку девчонка изувечена из-за ваших побоев, я заплачу лишь ту сумму, которую предложила вначале.

Вытащив пригоршню монет из кармана, Таллия отсчитала

десять теллей и бросила их на кровать. Затем вырвала свой плащ из рук поджидавшего слуги, завернула в него Лилису и перекинула ее через плечо. Она встретилась взглядом со С'Корси:

— Позволь мне предостеречь тебя. Мендарк в трудном положении, но он все еще могуществен, и он никогда не забывает оскорблений. Позаботься о том, чтобы мы вернулись в крепость, иначе в один прекрасный день, когда ты меньше всего будешь этого ожидать, он сожжет лабиринт, так что от него останутся лишь кирпичная пыль да пепел.

Таллия круто обернулась и вышла из комнаты. «Мендарк даже не знает, куда я отправилась», — вдруг осознала она, спускаясь по лестнице. Она боялась, что ей воткнут нож в спину или сбросят сверху камень. Но стоило ей добраться до подножия лестницы, рядом с Таллией оказался один из слуг С'Корси и повел ее сквозь лабиринт. На уличном «дне» всем правил прагматизм. С'Корси получил десять теллей ни за что; так зачем же наживать себе врага без особой необходимости, когда ты сам столь уязвим!

И все же, лишь добравшись до ворот крепости и назвав пароль, Таллия смогла расслабиться. Со скрипом открылись ворота, ее лицо осветили фонарем, и она устало проскользнула внутрь.

Вскоре она уже поднималась по лестнице крепости. Мендарка она снова нашла в зале аудиенций, и он был так же безумно занят, как и прежде. Атмосфера стала менее мрачной, — очевидно, Иггур получил отпор. Это объясняло, почему ей удалось довольно легко добраться обратно.

— Избита! — резко объявила она Мендарку в ответ на его вопрошающий взгляд. — Она не отдала *вознаграждение* за то, что спасла Совет. — Мендарк отвел взгляд. — Я заберу ее к себе в комнату. Ты можешь допросить ее позже, *если она выживет*. — Таллия зашагала прочь, раздвигая людей одной рукой и призывая на помощь сестру милосердия.

Наверху Таллия вместе с сестрой разрезали тряпье Лилисы, обтерли ее худенькое тело, вымыли волосы и перевязали раны. Они обнаружили, что левое плечо у девочки вывихнуто, а некоторые ребра сломаны. Медсестра Басия, самая морщинистая старушка в мире, проворная не по возрасту, быстро справилась с этими повреждениями и забинтовала девочке ребра. Наконец на Лилису надели ночную сорочку и укрыли ее одеялом Таллии. Девочка тяжело дышала, а ее кожу покрывал холодный пот.

— Как ты думаешь, Басия, — спросила Таллия, у которой сердце болело за девочку, — она будет жить?

Сестра, покинувшая свою качалку у домашнего очага, чтобы

помогать раненым на войне, ответила:

— Если она переживет эту ночь. У нее бы все быстро прошло, будь она более крепкой, но она такая хрупкая. Слышишь шумы у нее в груди? Вот к чему приводит жизнь на улице. Правда, у меня есть кое-какие травы, которые могут ей помочь.

— Скажи, что ей нужно, и я за этим сбегаю.

— Сначала мне нужно приготовить лекарства, — пояснила Басия. — Я схожу. Но почему ты так расстраиваешься?

— Она ведь еще ребенок! — Таллия не понимала, что имеет в виду Басия.

— Я знаю и переживаю за нее, как и за всех своих пациентов. Но ты — одна из могущественных людей, на тебя возложена такая большая ответственность!.. Почему *ты* так переживаешь?

— Возможно, я пытаюсь компенсировать несправедливость, допущенную ранее, — прошептала Таллия. — Иди за лекарством. Я побуду с ней.

Пододвинув стул к кровати, Таллия села на него. Она очень устала. Время шло, пролетел целый час. Она взяла Лилису за руку, пощупала ее ноги. Кожа девочки была холодной, слишком холодной. Переодевшись в ночную сорочку, Таллия нырнула в постель и обняла Лилису, согревая ее теплом своего тела, утешая и черпая в ней утешение. Наконец она заснула так крепко, как не засыпала уже больше недели.

Когда рано утром вернулась Басия, Лилиса с безмятежным выражением лица мирно спала в объятиях Таллии. Басия несколько минут стояла, с улыбкой глядя на них, потом дотронулась до плеча Таллии. Та мгновенно проснулась.

— Уже утро, — сказала Басия. — Ребенку лучше.

В то же мгновение Таллия соскочила с постели и прошла в соседнюю комнату, откуда почти сразу донесся плеск воды. Потом Таллия вернулась и торопливо оделась. Она присела возле кровати, чтобы натянуть сапоги, и, когда заскрипел стул, Лилиса открыла глаза. На ее худеньком личике расцвела самая прекрасная солнечная улыбка, какую доводилось видеть Таллии.

— Мне снился сон о тебе, — хриплым голосом произнесла Лилиса. — Ты держала меня в своих объятиях и прогнала всю боль. Было так тепло, так чудесно, что я боялась просыпаться. Где я?

— Ты в крепости, дитя, — ответила Басия. — Таллия забрала тебя у этого мерзкого паука из лабиринта и принесла сюда. Ты обязана ей жизнью.

— Да, это так, — сказала Таллия, — но и ты мне тоже помогла, Лилиса. Давай не будем говорить о том, кто кому должен.

Лилиса очень долго смотрела на Таллию.

— Т-таллия, — наконец произнесла она. — Откуда ты родом?

Таллия улыбнулась:

— Почему ты спрашиваешь?

— Ты не похожа ни на кого в Туркаде и говоришь иначе. И ты лучше…

Засмеявшись, Таллия чмокнула ее в нос:

— Я из Крандора, это очень далеко. Когда я была в твоем возрасте, Мендарк обнаружил, что я могу делать… разное. Он послал меня в специальную школу, а потом привез в Туркад отрабатывать мой долг.

— У тебя есть отец и мать?

— Да, они живут в Крандоре, но в последнее время я их редко вижу.

Тяжело вздохнув, Лилиса вновь откинулась на подушки.

— А теперь, — сказала Таллия, — я хочу, чтобы ты отдыхала и набиралась сил. Когда ты поправишься, сам Магистр задаст тебе несколько вопросов.

Таллия поднялась в кабинет Мендарка и собрала вещи Караны. Их было немного. Маленький ножик с рукояткой из простого мыльного камня и лезвием из хорошей, несколько потемневшей стали, со стершимся выгравированным узором. Побрякушка, как назвал ее Мендарк, представляющая собой шар, размером и формой походивший на крупную сливу. Он был сделан из какого-то отшлифованного минерала серого цвета, с серебряными листиками. Это было занятное украшение, пожалуй слишком большое, чтобы носить его на цепочке. Рассмотрев его повнимательнее, Таллия поняла, что это украшение не предназначено для такой цели: его не за что было бы прикрепить к цепочке. Затем она заметила нечто удивительное: в темной комнате ее пальцы оставляли на поверхности безделушки светящиеся следы, которые медленно исчезали. «Должно быть, это осветительный шар!» Таллия знала о существовании подобных предметов, но они перестали действовать уже очень давно. У Мендарка был осветительный шар, совсем непохожий на этот, и в последний раз он светился пятьсот лет тому назад. Странно, что Магистр не понял его назначения. Откуда у Караны такая вещь?

Отложив шар в сторону, Таллия взяла в руки маленькую пухлую, заботливо обернутую книжечку. Красивый дорогой томик, мягкая на ощупь рисовая бумага. Почерк на страницах был очень мелкий, бисерный. Текст насыщен датами, самая ранняя — более чем шестилетней давности. Это был дневник. Правда, промежутки между записями были неравномерны, от одного-двух

дней до целых недель. Последняя запись была сделана две недели тому назад — как раз после того, как Карана добралась до Туркада.

Таллии не хотелось читать дневник Караны — ведь это записи личного характера. На внутренней стороне обложки была сделана надпись на неизвестном Таллии языке. Она заканчивалась словом «Раэль». Значит, это подарок; ценная книга; важные записи. Семья Караны, конечно, была бы рада ее иметь. Карана родом из Готрима — бедной области в гористом Баннадоре, вспомнила Таллия. Лиану тоже захочется взглянуть на этот дневник, если он когда-нибудь вернется. Тщательно завернув вещи, Таллия отправилась выполнять свою следующую задачу.

С каждого из семи выведенных Лилисой из Большого Зала людей Таллия взяла (в одном случае насильно) достойную плату за их спасение. Обратив ее в золото, она отложила деньги для Лилисы. Они понадобятся девочке в будущем — в случае, если они выживут. Правда, обстоятельства складывались так, что с каждым днем это становилось все менее вероятно.

3
Дурнота

Феламора попыталась сесть, но обнаружила, что не в состоянии это сделать: в руках совсем не было силы. Тензор, воспользовавшийся оружием, разрушающим мозг, нанес ей жестокий удар. И тем не менее ей нужно было найти Магрету. Феламора никогда не обладала большой физической силой, и усилие, потребовавшееся от нее, когда она ползла вверх по лестнице, окончательно ее вымотало. Она пролежала на полу около часа, прежде чем смогла приподнять голову. В этот миг кто-то зажег фонарь, и она услышала голоса. В тусклом свете Феламора различила Магрету.

Та не шевелилась. В свисавшей с балкона руке Магреты были зажаты очки. Феламора убрала с перил ее руку, чтобы никто не увидел ее случайно и не вспомнил о Магрете. Однако в зале царила неразбериха, все спешили, а снаружи раздавались вопли и звон оружия, так что никто не заметил двух женщин на балконе. Кто-то постучал в дверь черного хода, затем все стихло.

Феламора спустилась по лестнице вниз и обнаружила, что в зале было много живых людей, — правда, они не шевелились, когда она дотрагивалась до них. Она так устала! Она прилегла на минутку, потом с усилием заставила себя встать. При колеблющемся свете лампы, отбрасывающем тени, она увидела какой-то узел у стены. Оказалось, что это Карана, завернутая в плащ; веки девушки подергивались. Совсем недавно Феламора раскрыла ее тайну, которую не знала даже сама Карана: она троекровница, в жилах которой течет кровь обитателей трех разных миров. Троекровники встречались крайне редко и по большей части были безумны, однако могли обладать поразительными талантами. На что же способна эта? «Опасное, предательское существо!» — подумала Феламора. Она взяла Карану за горло, но ей не хватило духа придушить девушку.

Неожиданно Карана застонала — это был бесконечный жалобный вой, исполненный ужаса, прерываемый судорожными всхлипами. Ее голова моталась из стороны в сторону. У Феламоры волосы встали дыбом. Она невольно отпрянула вне себя от леденящего душу страха и не находила в себе мужества, чтобы снова приблизиться. Силы оставили ее. «О, я умру здесь, а вместе со мной — и надежды феллемов», — подумала Феламора в отчаянии.

Феллемы были одной из трех рас, оказавшихся пленниками

Сантенара после возникновения Непреодолимой Преграды. Однако в отличие от аркимов и каронов они так и не привыкли к новой жизни. Они были так привязаны к своему собственному миру, возлюбленному Таллаламу, что любой другой мир представлялся им всего лишь бесплотной тенью. Здесь, на Сантенаре, они жили, а порой умирали, так и не создав себе дома. Они не могли. Они считали себя самой великой и благородной из четырех рас, и их не устраивало ничто, кроме Таллалама.

Сломанная дверь парадного входа со скрипом открылась. Офицер и двое солдат Иггура осторожно заглянули внутрь. Феламора попыталась создать иллюзию и отвести им глаза, но обнаружила, что ее силы иссякли. Ничего иного ей не оставалось, и поэтому она лежала на полу, как труп. Солдаты держали оружие наготове, в то время как офицер обследовал комнату, а затем сделал какие-то записи на листе бумаги.

— Здесь нет опасности, — сказал он с каким-то своеобразным акцентом. — Но что-то не так. Мы вернемся сюда, когда в квартале будет спокойно.

И они вышли. Снаружи раздался чей-то крик, затем все снова стихло.

«Мне нужна помощь», — подумала Феламора.

Она выползла из зала на влажные ступени. Никого не было видно. Воздух смешался с дымом, над крышами полыхало зарево пожаров. Вскоре послышались шаги: кто-то бежал. Появились двое мужчин, один — высокий и очень толстый, на бегу у него трясся обвислый живот, другой — с короткими ногами и широкой грудью, большой, как бочка.

— Помогите! — закричала Феламора, беспомощно лежавшая под дождем.

Они не замедлили шаг.

— Справляйся сама, — ответил высокий, у которого под насквозь промокшей рубахой колыхались груди, похожие на женские. Коротконогий не произнес ни слова и даже не взглянул в ее сторону.

Феламора попыталась наслать чары, чтобы они не могли сдвинуться с места, но ничего не произошло, и их сандалии с деревянной подошвой продолжали стучать по булыжникам.

«Я феллемка! — сказала она себе. — У меня *есть* воля!» Вскоре появился еще один человек. Он сильно хромал.

— Помоги! — снова крикнула Феламора.

— От меня нет никакого проку, — грустно заявил он.

— Ты поможешь мне, — выдохнула она, пытаясь вобрать в себя силы из воздуха.

Человек остановился. Это был стройный юноша невысокого роста; вокруг его правой ноги была намотана окровавленная тряпка. Половины уха не было. Его изорванная куртка была испачкана кровью.

— У меня есть золото, — прошептала она. О, как она беспомощна! Ей приходится просить *гаха* — так феллемы презрительно именовали древние человеческие расы.

— Золото! — сдавленно проговорил он. — Разве я могу его есть? Вернет ли оно моего отца? Или поможет сейчас моей матери?

— Ты жив! — возразила Феламора. — Золото потребуется тебе, чтобы залечить раны, купить еду, заплатить за жилье.

— Мне ничего не надо, — равнодушно ответил он, глядя куда-то словно сквозь нее.

Его жесткие черные волосы были спутаны, лицо широкое, скулы высокие. На подбородке — пушок. Не мужчина — совсем еще мальчик, только взгляд какой-то отрешенный.

Феламора попробовала уговорить его иначе.

— Я старше, чем твоя мать, — произнесла она. И действительно, лежа под дождем и беспомощно протягивая к юноше руку, она чувствовала себя совсем старой.

Взгляд серых глаз прояснился.

— В самом деле, — почтительно произнес он, и от этого Феламоре стало еще больнее. — Я отнесу тебя в дом моей матери. — Наклонившись, он усадил ее.

— Моей подруге нужна помощь еще больше, чем мне, — сказала Феламора. — Она внутри, на самом верху — на балконе.

— Она старше моей матери?

— Да, хотя по ее виду этого не поймешь. И захвати ее очки. Пожалуйста, ступай быстрее.

Прихрамывая, он пошел к двери, оставляя за собой на камнях кровавый след, который смывал дождь.

— Это ваша подруга? — осведомился юноша, появившись в дверях. Через плечо у него была перекинута Магрета. Поскользнувшись, он тяжело упал. Голова Магреты откинулась назад. Капли дождя падали на ее лицо. Веки девушки трепетали, но она не приходила в себя.

— Да. — Феламора почувствовала себя немного сильнее, хотя и очень замерзла.

— Она выглядит не такой старой, как моя мать, — горестно вымолвил юноша, не отрывая глаз от Магреты.

— Она старая, мальчик. А теперь сделай, как я тебе скажу. Отнеси ее в дом своей матери, а затем возвращайся за мной. — Феламора говорила с ним, как с ребенком.

— *Хорошо!* — ответил он, как ребенок отвечает на ворчание родителей.

Высвободившись из-под Магреты, юноша неловко поднял ее и, поудобнее пристроив на плече, побрел прочь, прихрамывая на раненую ногу. Феламора наблюдала за ним, пока он не скрылся из виду.

— Что я наделала? — произнесла она вслух. — Мальчик не в своем уме, да и я не лучше.

Дождь усилился. По улице разнесся звук марширующих ног. «Еще солдаты!» Феламора нашла в себе силы, чтобы подняться, но колени у нее подогнулись. Она с трудом вернулась в зал и спряталась за дверью. Там она лежала, словно в тумане, потеряв счет времени. Наконец она очнулась от жалобного голоса, звавшего снаружи:

— Старая мама? Куда ты ушла, старая мама?

— Я внутри! — выдавила из себя Феламора. Юноша, во мраке казавшийся тенью, шарил по полу, пока его рука не коснулась ее плеча.

— Это ты, старая мама?

— Я. Забери меня в дом твоей матери, да поскорей.

Юноша поднял ее, как пушинку, и вынес под непрекращающийся дождь. Путь был неблизкий, и походка его становилась все более неровной с каждым шагом. Феламора не знала, много прошло времени или мало. Один раз юноша запнулся, упал и уронил ее. Она больно ушиблась спиной, но даже боль не вывела ее из полузабытья.

— Прости, старая мама. Я очень виноват. — Это было последнее, что она услышала.

Магрета с трудом приоткрыла глаза. Она была измотана и чувствовала себя такой отупевшей, как будто проспала целую неделю. Щека у нее ныла, и она нащупала какую-то шишку — наверно, от падения, которого она не помнила. Взгляд ее был устремлен на потолок, расписанный разноцветными красками. Она лежала на огромной кровати из кедра, покрытой простынями кремового цвета; простыни были влажные, и одежда на ней тоже. Комната была длинная, с высоким потолком. На окнах висели портьеры из синего бархата, в дальнем конце комнаты в камине ярко горел огонь. Возле кровати на столике были кем-то оставлены для нее хлеб, фрукты и украшенная росписью фляжка с вином.

Магрета медленно приходила в себя, озадаченная провалами в памяти. Судьба играла с ней жестокие шутки, швыряя из одного кошмара в другой, отбирая друзей, как только она их находила,

никогда не позволяя ей осознать, что происходит, и не давая ей управлять своей жизнью. Как только Магрете казалось, что она понимает мир, все снова летело вверх тормашками.

Девушка отломила кусочек хлеба. Кровь застучала в висках, и она застонала. Ее не покидало ощущение, что рука, сделавшая движение, ей не принадлежит. Из кресла у камина донесся чей-то голос.

— Феламора! — воскликнула Магрета. — Это ты принесла меня сюда?

— В некотором роде. — Голос звучал очень вяло. — Как ты? — Магрета села.

— У меня все болит, а голова — как у пьяной. Если мне плохо после применения Тайного Искусства, то так плохо мне еще не было. Я даже не могу вспомнить…

— Значит, мы страдаем от одного и того же.

Магрета взглянула на свою госпожу. Давным-давно Феламора привела феллемов на Сантенар в погоне за Золотой флейтой. Феллемы были миниатюрнее, чем представители других рас; под прозрачной кожей виднелась розовая плоть и отчетливо вырисовывались синие вены. Обычно феллемы скрывали эти различия с помощью косметики или иллюзий, но сейчас Магрета видела, как под кожей Феламоры течет кровь. Феламора была самой искусной мастерицей иллюзий на Сантенаре и умела изменять свой голос, как хотела. Но сейчас она говорила сдавленным шепотом.

Ее бесцветные волосы обычно светились и вздымались вокруг головы, словно под воздействием статического электричества, но сегодня они лежали на спинке кресла, как мокрая лапша.

Внешностью Магрета резко отличалась от Феламоры. Она была среднего роста, очень стройная, с совершенно прямыми каштановыми волосами, доходившими до лопаток, и гладкой кожей медового цвета. Ее можно было бы назвать красивой, если бы не меланхоличное выражение лица и раздражающий цвет глаз. В зависимости от освещения он мог меняться с темно-фиолетового на пунцовый. В последнее время Магрете приходилось скрывать глаза под темными очками.

Как обычно, Магрета задумалась над различиями между собой и феллемами. Она знала, что она — другая; если бы не глаза, она была бы похожа на коренных жителей Сантенара. Но пока ей не было известно, откуда она родом и кто такая на самом деле. Неизвестность вокруг собственного происхождения мучила ее, но ей не удавалось ничего узнать о себе. Ее родители были мертвы, и тайна их гибели была так постыдна и ужасна, что Феламора отказывалась об этом рассказывать.

Сейчас Феламора вновь заговорила:

— Тензор забрал Зеркало. Ты это помнишь?

— Помню, как ты назвала меня на Тайном Совете по имени. Я вышла на балкон, а после этого ничего не помню.

— Туркад захвачен! — объявила Феламора. — Войска Иггура повсюду. Мы в большой опасности. Особенно я, и особенно в таком виде.

— А что с Караной? — спросила Магрета.

Карана была единственной, кто обращался с ней как с другом. Если бы она поступала так же! Именно Магрета вовлекла Карану в эту историю и потому теперь чувствовала себя виноватой перед ней.

— Сейчас уже мертва, надо думать, — холодно произнесла Феламора.

Магрета даже не вскрикнула, а лишь смотрела перед собой невидящим взглядом, сознавая, что это ее вина. На глаза выступили слезы и медленно поползли по щекам. Не желая, чтобы Феламора стала свидетелем ее горя, она отвернулась и прикрыла лицо простыней.

Через некоторое время чувство сильного голода заставило ее сесть в кровати, и она съела кусочек хлеба, смоченного в вине. Феламора не шевельнулась.

— Где мы сейчас? — спросила Магрета.

— Какой-то юноша принес нас в свой дом, юноша очень странный.

— Где он?

— Не знаю. Я проснулась в соседней комнате, вчера. Все выглядело так же, как сейчас: огонь в камине, еда; и я слышала, как он приходит и уходит, но не смогла себя заставить встать. Тайный Совет отнял у меня последние силы. Я проспала весь день и всю ночь.

— Что ты собираешься теперь делать?

— Я не могу думать. Мы в ловушке. Моя сила ушла.

Феллемы, в цивилизации которых не было места машинам, а использование волшебных устройств было запрещено, предельно развили умственные способности и возвели обман, отвод глаз и иллюзию в высокое искусство. Утратить их было хуже, чем ослепнуть.

— Ты совсем ничего не можешь сделать?

— Ничего. Я подвела свой народ. Я хочу умереть. — Это было что-то новое для Магреты. Куда делась обычно столь властная Феламора, чьи действия всегда были тщательно спланированы. Сейчас Магрета чувствовала, как связи рвутся, одна за другой. Для нее возникали интересные возможности, и самой интересной

из всех был Иггур. Прошлой осенью он держал ее пленницей в Фиц Горго, но в результате их долгих бесед между ними возникло нечто вроде дружбы, поскольку каждый признал боль другого. Впоследствии его страшные слуги-вельмы схватили Магрету и пытали. По приказу Иггура или по своей собственной воле? Магрету все еще преследовали мысли об этом. Она не могла поверить, что он поступил с ней так, несмотря на их дружбу. Но, с другой стороны, он так отчаянно хотел вернуть Зеркало.

Незадолго до Тайного Совета Магрета пошла в лагерь Иггура, чтобы встретиться с ним и так или иначе разрешить вопрос, мучивший ее. Однако Иггура там не было. Уже одно упоминание его имени вызывало у нее в груди тоску. Она боялась Иггура, но в то же время тосковала по нему. Феламоре она, конечно, ничего об этом не сказала.

Прервав ее размышления, в комнату, прихрамывая, вошел молодой человек. Он сменил вчерашнюю разорванную и испачканную одежду на темно-коричневый наряд из прекрасной ткани. Израненное ухо было промыто и забинтовано, а копна черных волос гладко причесана и смазана маслом, по туркадской моде. Сапоги, доходившие до колен, были начищены до блеска. Глаза юноши горели лихорадочным огнем, но речь была весьма учтивой.

— Доброе утро, старая мама, молодая мама. — Он поклонился им по очереди. — Вы хорошо спали? Когда поднимитесь, спускайтесь в холл: я приготовил вам горячую ванну. Позже мы позавтракаем. Обычно наши почетные гости приглашаются на нефритовую террасу, но там сегодня холодно и мокро. Однако вы увидите, что старая гостиная очень уютна.

Магрета и Феламора переглянулись: уж не шутка ли это? Он снова забеспокоился:

— Надеюсь, все пришлось вам по вкусу. Моя мама… Гостеприимство было для нее священным долгом. Она бы расстроилась, если бы что-нибудь оказалось не так.

— Спасибо, — сказали они вместе.

— Мы спустимся сразу же, — продолжала Феламора. — Мы очень устали.

— Я мог бы отнести вас в ванну…

— В этом нет необходимости, — возразила Магрета. Поклонившись еще раз, юноша исчез.

— Что-то не так, — заметила Феламора. — Мне неспокойно. Однако я не чувствую в нем склонности к насилию.

— Тогда давай послушаемся его. Пойдем вниз. О ванне я и мечтать не смела.

Они с трудом добрались до ванной комнаты, находившейся в

конце длинного холла. Магрета и представить себе не могла такого великолепия: большая комната, со стенами и полом из черного кальцита, посреди которой — огромная ванна размером с повозку, наполовину наполненная горячей водой, от которой шел пар.

— Да, действительно богатые люди, — сказала Магрета, намыливаясь мылом, благоухавшим лепестками розы. — Однако ему пришлось потрудиться, чтобы приготовить такую ванну.

Вскоре они уже сидели в гостиной, чистые и освеженные, за прекрасным завтраком. Обычно Магрета было все равно, что есть, но у нее была страсть к горячему шоколаду. Сейчас перед ней стоял целый чайник с этим напитком.

Когда они закончили завтрак, вернулся юноша.

— Все ли вам понравилось? — спросил он. Казалось, его что-то беспокоит.

— Спасибо. Лучшего гостеприимства мы не могли бы и желать.

— Тогда, пожалуйста, пойдемте со мной.

Они молча последовали за ним и, пройдя еще один холл, очутились примерно в такой комнате, как та, в которой провела ночь Магрета. Кровать здесь была еще больше. Возле двери находился камин, в котором потрескивал огонь, рядом с камином — бочка.

— Входите, — сказал юноша, и голос его дрогнул. — Пожалуйста, засвидетельствуйте почтение моей матери.

Магрета зашла в комнату и чуть не упала в обморок. Даже Феламора ощутила боль в груди.

Женщина средних лет, миниатюрная и изящная, лежала на кровати. На ней было платье из розового шелка, на крошечных ножках — вышитые туфли. Черные волосы тщательно причесаны и заплетены во множество косичек, веером разложенных на подушке. Рана на боку забинтована, в этом месте розовый шелк слегка оттопыривался. Справа и слева от нее лежали ее сыновья, близнецы лет девяти, и мать их обнимала. Мальчики были так же нарядно одеты, как их мать, раны перевязаны, волосы смазаны маслом, глаза закрыты.

— Подойдите, засвидетельствуйте свое почтение, старая мама, молодая мама. Поблагодарите ее за защиту и гостеприимство.

Магрета онемела. Выступив вперед, она дотронулась до руки женщины, в которой был черный, как ночь, лунный цветок с раструбом, и поблагодарила ее. Феламора была тронута, несмотря на свою черствость и безразличие ко всем расам, кроме своей собственной. Она также поблагодарила покойную и

положила руки ей на чело.

— Она была бы горда, — сказал юноша, на ресницах которого дрожали слезы. — Как она была красива, моя мама.

— Что же произошло с ними?

— Семь дней тому назад мой отец ушел на войну. Он просил меня позаботиться о матери и братьях. Отец храбро сражался и погиб в первый же час битвы.

Все трое не отрывали взгляда от покойных.

— Я обещал. И смотрите, как я сдержал свое обещание! — причитал юноша, терзая свое раненое ухо, пока не потекла кровь. — Возлюбленный отец, я подвел нас всех. Пришли солдаты, и моя мать и братья были убиты. Прости меня, отец. Прости, мать. Я так виноват, Тейси и Бен.

Юноша повернулся к Магрете и Феламоре. Он был совершенно спокоен. Слез больше не было. Магрета никогда еще не видела, чтобы у столь юного существа было такое чувство собственного достоинства.

В растерянности они отвернулись и вышли, полагая, что надо оставить юношу наедине с его горем. Однако не успели они добраться до своей комнаты, как пронзительный крик разнесся по всему дому. Тишина была нарушена ревом и потрескиванием.

На негнущихся ногах Магрета добежала обратно до комнаты, но не смогла туда войти. Бочка лежала на боку посредине ковра, а рядом с ней дымился зажженный факел. В комнате сильно пахло горящим маслом, и вся постель была охвачена огнем. Языки пламени лизали потолок, сбегали на пол и особенно неистовствовали там, где поперек тел матери и сыновей лежал юноша, обнимая и словно прикрывая их собой.

Магрета отвернулась. Феламора сделала шаг в комнату, но нестерпимый жар заставил ее отпрянуть. Она склонила голову.

— А я так и не узнала, как его зовут, — сказала она.

Они укрылись в гниющем сарае, который находился в дальнем конце сада среди кустарников. Особняк горел до тех пор, пока от него ничего не осталось — лишь камень стен. Никто не прибежал посмотреть на пожар и узнать, не нужна ли помощь, — разве что несколько солдат, да и те вскоре ушли. Ни Феламора, ни Магрета ни за что не хотели тут оставаться, но им было некуда идти. Феламора, у которой не хватило бы сил, чтобы защититься даже от самого жалкого негодяя на улице, не осмелилась искать лучшее убежище.

Они провели вечер в сарае, ютясь среди пауков и спасаясь тут от дождя и ветра. Поскольку стены были из досок, между которыми были зазоры, а потолок — из прогнившей дранки,

внутрь попадали холодные капли дождя. Сарай был маленький — четыре шага на три, с земляным полом. В одном конце лежали сложенные дрова, другой был забит рухлядью, накопленной в доме за долгие годы: маленький столик со сломанной столешницей, куски от кровати из красного дерева, тонкий аромат которого пропитал влажный воздух в сарае, буфет, заставленный битыми горшками, тарелками и чашками с отломанными ручками, игрушечная деревянная лошадка с надписью «Дражайшему Бену».

На следующий день Феламора и Магрета вышли на улицу, цепляясь друг за друга как две старухи. Как верно заметил юноша, они не могли питаться своим золотом. Магрета попыталась создать иллюзию, чтобы их не узнали, но попытка была столь жалкой, что даже ученик мага разоблачил бы ее.

Они ушли недалеко. В этой части города несколько дней шли бои, и наконец она была захвачена Иггуром. Его солдаты стояли на каждом углу.

— Имя? — обратился к Феламоре долговязый стражник, не успели женщины пройти и квартала. Его глаза, синие, как сапфиры, все время слезились от ветра, и щеки из-за этого покрывались льдом.

— Теллиулиолеллиллалламаммамор, — ответила Феламора, не зная, что названное ею имя вполне могло бы сойти за настоящее, поскольку такие имена были распространены в той части света, где теперь жил ее народ. Она написала имя для стражника.

— Откуда? — Он стер льдинки со щеки.

— Миррилладелл, — был ответ, и на сей раз это была чистая правда. Феллемы проживали в этом обширном краю озер и болот к югу от Великих Гор, расположившемся в месяце пути на восток, за Туркадским Морем.

Стражник дрожал, топая ногами в тщетной попытке согреться.

— Где твой пропуск?

— Его не требовалось, когда я пришла в Туркад несколько недель тому назад.

— Где ты теперь живешь?

Феламора назвала другую улицу, другой дом.

— А по какому делу сегодня?

— Ищу чего-нибудь поесть.

Наконец, задав еще несколько вопросов, стражник сверился со списком и, пристально оглядев Феламору и сделав какие-то записи, отпустил ее. Магрете был учинен такой же допрос. Та тоже ответила на все вопросы. Пока ее допрашивали, Феламора

ждала, волнуясь.

Через два квартала их снова остановили, а затем — еще раз, но ни за какие деньги Магрета с Феламорой не могли найти ни пристанища, ни еды. Ларьки на рынке и лавки, гостиницы и частные дома были заперты, ставни опущены, и никто не отвечал на их стук в дверь. К тому же они не могли покинуть этот район, потому что никого не впускали и не выпускали.

— У меня ничего не получается, — прошептала Феламора. — Никогда в жизни я не чувствовала себя такой слабой. Нам придется вернуться.

День клонился к вечеру, когда они вернулись в сарай. Феламора еле ковыляла, и Магрета ее поддерживала. Мимо остова сгоревшего дома они пробрались в свое убежище.

— Посмотри, — сказала Магрета, указывая на огород, уже подготовленный к зиме: в нем было собрано все съедобное и осталось лишь несколько турнепсов, мокнущих под дождем.

— Терпеть не могу турнепсы, — ответила Феламора. Пока Магрета возилась с растениями, Феламора сидела на деревянном чурбане, укрывшись от дождя, и плакала. Ее поражение казалось полным; она навсегда утратила силу, и их с Магретой непременно обнаружат. Для той, которая всю свою долгую жизнь была вождем, эта неспособность управлять собственной судьбой явилась сокрушительным ударом.

Стемнело. Дождь стал проливным. Магрета вымыла сморщенные и червивые турнепсы под потоком, льющимся с крыши. Она подала самый большой овощ Феламоре.

— Приятного аппетита, — улыбнулась Магрета.

Турнепс был волокнистый и острый — почти как редька. Магрета задумчиво грызла свой корнеплод. Она начинала приходить в себя. Почти всю жизнь она ощущала бессилие, а сейчас от него страдала Феламора. Девушка не была счастлива, но и не приходила в отчаяние.

Магрета была уверена, что выдержит жизнь в сарае еще один день, питаясь турнепсами и какими-то корешками, выкопанными в огороде. Однако она знала, что власть Иггура над городом растет с каждым днем. Уже сейчас сбежать из Туркада не было никакой возможности. Она слабела от голода. Через день у нее совсем не останется сил. Магрета взглянула на Феламору, таявшую прямо на глазах.

Утром Феламора лежала, завернувшись в свой плащ, в единственном сухом углу сарая и не вставала. Она выглядела очень хрупкой. Турнепс она есть отказалась, лишь выпила немного воды, когда Магрета поднесла к ее губам треснутую чашку.

Магрета приняла решение. Оставался единственный шанс, и ей потребуется смелость. И даже если ничего не получится, это все-таки лучше, чем ждать смерти здесь.

— Это невозможно, — сказала она. — Я ухожу. Ты пойдешь?

Феламора отмахнулась от нее прозрачной рукой:

— Поступай как хочешь. Мне все равно.

4
Примирение

Магрета поместила еду и воду под рукой у Феламоры, затем накрыла свою госпожу старым ковриком. Надев очки, под которыми ее глаза казались бледно-голубыми, она вышла из сарая и направилась к ближайшему посту.

— Я Магрета, — просто сказала она. — Ты найдешь меня в своем списке. Я хочу, чтобы меня отвели к самому Иггуру.

Хотя стражник был хорошо вымуштрован, по-видимому, слова Магреты поразили его. Оглядев ее с головы до ног, он сверился со списком и немедленно отрядил гонца — маленькую робкую темноволосую женщину по имени Долодха. Магрета запомнила ее с того времени, как была пленницей в Фиц Горго. Через несколько минут Долодха вернулась с офицерами, двумя стражниками и вельмом, которого Магрета также знала: он был одним из тех, кто пытал ее в Фиц Горго прошлой осенью. Его звали Джепхит. Он был слишком костлявым даже для вельма, с длинными седыми волосами и лицом, словно состоявшим из одних углов, в котором как в зеркале отражалась внутренняя сущность.

Вельмы, ужасные слуги Иггура, были костлявые и часто такие худые, что казалось, их серая кожа натянута прямо на кости. Если у них не было господина, которому они могли бы служить, и цели, им чего-то не хватало. Однако присягнув (как они поклялись в верности Иггуру), они бы пошли на все ради достижения цели их господина. Правда, недавно многие вельмы Иггура отреклись от присяги, данной ему, и, вспомнив свое древнее название «гаршарды», отправились в Шазмак. В прежние времена гаршарды служили предводителю каронов Рульку.

Офицер проверил список, окинул Магрету испытующим взглядом и отвел Джепхита в сторону.

— Да, это она, — сказал он. Стражники выступили вперед, чтобы схватить ее.

Магрета подняла руку.

— Уберите свои кандалы, — предостерегла она. — Я пришла по собственной воле. Этот вельм испробовал на себе мою силу.

Они заколебались. Офицер снова посмотрел на вельма.

— Позволь ей, — скрипучим голосом произнес Джепхит, пытаясь подавить дрожь.

Магрета слегка расслабилась. Враги не поняли, что она блефует. Даже когда она себя чувствовала хорошо, Магрета редко

использовала свои способности, памятуя о предостережении Феламоры. Та твердила ей всю жизнь: «Тайным Искусством следует пользоваться экономно: чем больше оно используется, тем сильнее притупляется». Магрета всегда робела, пользуясь им, и неверно выбирала время. Несмотря на свою незаурядную силу, она обращалась к ней либо слишком рано, либо слишком поздно.

Прошло несколько часов, в течение которых ее допрашивали на все более крупных постах, посылали новые донесения, меняли стражу, и вот наконец она стояла перед штаб-квартирой Иггура — древним угрюмым бастионом из серого камня, с которого открывался вид на обнесенный стенами Старый Город с крепостью Магистра внутри. Начали сгущаться сумерки. Ее ввели внутрь. Один из вельмов схватил ее за руку. Джепхит сделал знак своему товарищу, и тот отпустил руку девушки. Они пошли дальше.

Теперь они стояли перед большими двойными дверями. У Магреты мурашки бегали по коже, а сердце билось так сильно, что она была уверена: *он* слышит этот стук. Их вызвали. Магрету провели в длинную комнату, где на возвышении, к которому вела одна ступенька, стоял стол. Стол был завален бумагами, картами, планами. За ним сидел Иггур.

Он поднялся, и Магрете показалось, что он стал выше, чем ей запомнилось. Хромая, он обошел вокруг стола. Волосы, черные, как вороново крыло, были длиннее, чем прежде. Под ледяными серыми глазами были темные круги. Вид у него был суровый и властный — безжалостная машина. Тысячи умерли во время его марша через Игадор, еще тысячи — в битве за Туркад. Магрета отдала себя в его руки, и он проявит к ней не больше милосердия, чем к другим пленникам.

Что она здесь делает? Как могла она построить замок на песке из нескольких благосклонных жестов с его стороны во время ее пребывания у него в плену в Фиц Горго? Тогда казалось, каждый из них находил в другом дополнение к своей собственной искалеченной душе. Иггура преследовал страх перед Рульком, который довел его до безумия перед тем, как был заточен в Ночкой Стране. Магрету создала воля Феламоры, но девушку загнало в ловушку ее собственное отчаянное желание узнать, кто она такая. Конечно, доброта Иггура была всего лишь хитростью. Как мог он привязаться к такому малоприятному существу, как она?

— Почему ты пришла? — спросил он. Его голос звучал сдержанно.

— Потому что мне этого захотелось.

— Тогда почему ты не пришла раньше? Почему только

теперь, когда через час-другой я бы и так тебя захватил?

Ей не терпелось спросить, что он чувствует по отношению к ней на самом деле. Вымолвить эти слова было все равно что перепрыгнуть через пропасть. Она застыла на краю; слова замерли у нее на устах.

— *Меня?* — произнесла она с притворным презрением. — Вряд ли! Я пыталась увидеться с тобой еще до того, как началась война. Я проникла в твой лагерь, переодетая… маркитанткой. — Магрета была скромной и стыдливой женщиной — такой воспитала ее чопорная Феламора. Она смутилась от собственных слов. — Это было трудно: твой лагерь хорошо охраняется. Но когда я добралась до твоей палатки, то обнаружила там не тебя, а вельмов. Я ушла.

Она резко оборвала свою речь, вспомнив о последствиях этого путешествия. Карана просила Магрету освободить ее от Зеркала, но та не осмелилась взять его с собой в лагерь Иггура. Она нарушила свое обещание, и ее не было рядом, когда безумный, порочный Эммант напал на Карану. «И все это, — подумала Магрета, — произошло по единственной причине».

— С тех пор минуло несколько месяцев, — заметил Иггур.

— После того как был созван Тайный Совет, мне не хотелось идти против Феламоры.

— А теперь?

— Она очень больна.

Вбежала Долодха и принялась что-то шептать на ухо Иггуру. Он взглянул на Магрету, ища ее глаза.

— Мы скоро все узнаем, — холодно произнес он. — Внесите ее!

Магрета не скрывала своего изумления:

— Как вы нашли ее?

— Боже мой! — ответил он, и его тонкие губы растянулись в улыбке. — Мне положено *все* знать.

Вскоре на носилках внесли Феламору. Она с трудом подняла голову, и, не остановившись на Иггуре, взгляд ее устремился к Магрете.

— Ты предала меня, — с горечью сказала Феламора. — Я никогда тебя не прощу!

Хотя Магрета ожидала подобной реакции, ей стало больно.

— Ты жива. Это самое лучшее, что я могла для тебя сделать.

— Иггур и я — соперники из-за Зеркала, — заявила Феламора; в лице ее не было ни кровинки. — И всегда ими будем. А ты отдала меня ему в руки. *Не разделишь ли ты вскоре с ним его ложе?*

— Я сделала лишь то, что было неизбежно, — ответила

Магрета с каменным выражением лица, настолько униженная, что не осмеливалась взглянуть на Иггура.

Феламора откинула голову на подушку, и два вельма унесли носилки. Магрета пошла было следом за ними, но Иггур сердито воскликнул:

— Останься! Мы еще не закончили, ты и я. О твоей госпоже позаботятся, и ей не причинят вреда, а ты пока что доставишь удовольствие мне.

Магрета не могла не задуматься, что кроется за его тщательно подобранными словами. Что он хочет от нее? Об этом можно лишь гадать. Ее мечты теперь представлялись ей смехотворными.

— Феламора сказала, что Карана мертва, — заговорила Магрета, делая отчаянную попытку сменить скользкую тему. — Но я не могу в это поверить. Ты знаешь о ней что-нибудь?

— Я тоже ищу Карану, — ответил он со зловещей улыбкой. — Чейк!

Чейк был худым нервным человеком; когда он оказывался в центре внимания, то начинал часто моргать, отчего у него подергивался лоб и танцевали брови.

— Что тебе известно о Каране Ферн? — осведомился Иггур.

Чейк нервно заморгал.

— Чувствительница! — заорал Иггур. — Что у тебя с мозгами?

— Я беседовал с п-пленниками, пережившими Тайный Совет, — заикаясь, произнес Чейк, брови которого пустились в бешеный пляс. — Один из них вспомнил, что видел ее живой. Я также спросил о ней у человека, который на следующее утро сжигал мертвецов. Он не обнаружил ее тело. Зато он сообщил, что кто-то интересовался судьбой девушки в тот день.

— Кто интересовался?

— Это была Т-т-таллия бель Сун.

— Мендарку понадобилась Карана, — заметил Иггур, отпуская Чейка. — И мне тоже. Я хорошо ее помню — удивительно умная молодая женщина. Даже мои вельмы не сумели ее поймать, — с восхищением произнес он. — Я могу ее использовать. Увы, чувствительников хватает не надолго. На этой неделе я сжег с полдюжины. Впрочем, возможно, Карана умерла и друзья похоронили ее.

Магрета отвернулась, похолодев от его слов. «Но у Караны в Туркаде был всего один друг, — подумала она, — и он тоже пропал. Нет, я не выдам ее».

— Если бы она была мертва, полагаю, я бы об этом знала, — сказала Магрета, — поскольку между нашими сознаниями когда-

то существовала связь. Я должна выяснить, что с ней случилось — с живой или мертвой. Если кто-нибудь и может ее найти, то это ты. Что тебе известно о ее друге, Лиане из Чантхеда?

— Для пленницы ты слишком уж смело меня расспрашиваешь, — проговорил Иггур, но тем не менее ответил: — Этот сказитель? Согласно слухам, его забрали с собой аркимы. В этот самый момент мы их преследуем. Когда их поймают, я прикажу, чтобы его сюда доставили. Но что касается Караны… — Иггур немного подумал. — Если о ее судьбе можно будет узнать, я это сделаю. Однако кого бы мне послать разыскивать ее?

— Только не вельма!

— Нет, в последний раз они меня подвели. Тут нужен кто-то совсем особенный. Ситала? Нет, она отбыла в Баннадор. Прану попала стрела в глаз. Если он и выживет, то, вероятно, останется слепым. А, хлюн Зарет! Он надежный и цепкий. После того как мы захватим крепость, я дам ему безграничные полномочия.

От Магреты больше ничего не зависело. Что произойдет дальше? Взгляды Иггура и Магреты встретились. Глаза у него были твердые, как агат. И Магрета не решалась задать вопрос, который был у нее в сердце. Тут Иггур судорожно вздохнул, словно тоже был чем-то озабочен. Возможно, он не такой железный, каким притворяется. Возможно, она так же волнует его, как он — ее. «Давай же, — сказала она себе. — Если ты сейчас этого не сделаешь, то будешь вечно сожалеть».

— Иггур, — начала она, и в этот момент, не постучав, в комнату влетели гонцы. Их было двое, и на их лицах читалась озабоченность.

— Будь добра, пройди туда, — попросил Иггур, указывая на стол и стул в дальнем конце комнаты.

Магрета подчинилась. Она уселась за стол, размышляя, что же происходит: до нее доносился лишь слабый шепот. Гонцы возбужденно докладывали о чем-то, и, когда они закончили, Иггур издал радостный вопль и стукнул кулаком одной руки по ладони другой. «Хорошие новости о войне», — предположила Магрета.

Последовала долгая дискуссия, в результате которой у гонцов на лицах появились ухмылки. Они низко поклонились и выбежали из комнаты. «Его люди действительно любят своего господина, — подумалось ей. — Не так уж он и страшен, как его изображают. Может быть, я наконец-то сделала правильный выбор».

Иггур не позвал Магрету, и она сидела у стола, наблюдая, как он работает: принимает отчеты разведчиков, шпионов и генералов, проводит совещания с советниками, а затем отдает

приказы.

Магрета проголодалась, и ей хотелось пить: ей не предложили никакого угощения. Из-за всех треволнений Иггур действительно забыл о ней. Затем, по прошествии часов, он посмотрел в ее сторону и, встретившись с Магретой взглядом, подозвал девушку к себе взмахом руки. Она медленно приблизилась, сознавая свое положение пленницы.

— Оставьте нас, — приказал он стражникам, вельмам, писцам и гонцам, и они медленно потянулись из комнаты, прикрыв за собой дверь. — Что же мне с тобой делать? — тихо спросил он. На щеке у него дергался мускул. — Скажи мне правду — почему ты пришла?

— Ты обошелся со мной по-доброму в Фиц Горго, — ответила она. — Я чувствовала, что ты… привязался ко мне, немного.

— Да, *тогда.*

«Почему же ты мне не поможешь? — подумала она, мучаясь. — Что же, я должна раскрыться, унизив себя?»

— И я привязалась… привязалась к тебе *тогда.* Есть одна вещь, которую я *должна* знать… — Она заколебалась, испугавшись. — Почему ты послал вельмов, чтобы они меня пытали, в ту последнюю ночь в Фиц Горго? Это было так не похоже на Иггура, которого я знала.

— Я предупреждал тебя — я должен получить Зеркало! — Иггур смотрел на нее с высоты своего роста, и Магрета оробела. — Ничего не изменилось!

— Я не думала, что ты так со мной поступишь. — Он наклонился к ней:

— Я не делал этого. Я могу быть очень жестоким, когда необходимо, но только не с *тобой.*

Он мягко подчеркнул последнее слово, и глаза его блестели. Он смотрел на изгиб ее рта и подбородка, линию груди и бедер с ужасом, от которого учащенно билось его сердце. Перед ним стояла женщина, возможно, эта женщина принадлежит к другой расе. Какую боль она могла бы ему причинить, если бы захотела!

— Мне пришлось уехать, — продолжал Иггур. — Вельмы пытали тебя, вопреки моей воле, пока меня не было. Они жестоко тебя мучили?

— Они сделали мне больно, — ответила она без всякого выражения.

— Когда я вернулся, ты уже исчезла. — Он расхаживал взад и вперед, сильно хромая. — Тебя выкрала Феламора. Я старался забыть тебя, но каждую ночь и каждое утро ты вновь возвращалась в мои мысли.

— И со мной было то же самое, — сказала Магрета, — хотя я

и не могла ничего поделать. Но цепи долга, которые связывали меня, теперь разорваны. *Я затерялась между мирами.*

— Ах! Этот разговор все ходит по кругу! — воскликнул Иггур.

Он отстранился от Магреты с нерешительным и даже напуганным видом. Одна сторона его лица напряглась, и он стал запинаться, как при их первой встрече. Он продолжал ходить по широкой комнате, и хромота его становилась все заметнее. У стола он резко повернулся и чуть не упал — ему пришлось опереться о стол. Лицо его подергивалось. Он попытался сделать еще один шаг, но ноги отказались его слушаться.

— Я не могу… это вынести, — хрипло произнес он. Магрета ощутила его боль, боль, с которой ей было труднее справиться, чем со своей собственной. Ей стало жаль его. Она направилась к Иггуру, уставившись в пол, не в силах вынести его пристальный взгляд. Так и не поднимая глаз, она преодолела расстояние между ними и наконец остановилась всего в двух шагах от Иггура.

— Магрета, — вымолвил он срывающимся голосом. — Посмотри на меня. — Она взглянула. — Ты не…

Она ощутила, что волнуется не меньше его. Чего же он хочет на самом деле? Этого ей не узнать. Чувства других людей были закрыты для нее.

— Я останусь… — сказала Магрета, — если ты этого хочешь.

Она протянула руку, и, немного поколебавшись, он взял ее в свою.

5
Падение Старого города

Воспрянув духом после беседы с Таллией, давшей ему совет, Мендарк собрал то, что осталось от военных сил города. В эти трагические для города дни даже люди, которые перед Тайным Советом были настроены против Мендарка, теперь были рады видеть его своим военачальником. В течение ночи были вновь одержаны небольшие победы и отвоеваны отдельные части города; поговаривали даже об изгнании Иггура из Туркада. Мендарк знал, что это всего лишь временная передышка, и не исключено, что она должна внушить им ложное чувство безопасности. Однако он скрывал эти мысли от всех, кроме Таллии.

— Это безнадежно, Мендарк? — Они взбирались по лестнице в ее комнату, чтобы побеседовать с Лилисой.

— Совершенно! Иггур просто выжидает, когда все будет готово. Он не хочет впустую жертвовать хорошими солдатами, их жизнью. В лучшем случае у нас остались считанные дни. К счастью, я уже отправил в безопасное место секретные материалы Совета и мой скудный «военный сундук».

Таллия знала, что Мендарк лицемерит. Задолго до того, как его сместили, Магистр начал переправлять секретные материалы и казну Совета, не говоря уж о собственных деньгах, из Туркада, поручив их вывоз тем своим помощникам, которым всецело доверял, а порой и сам этим занимался. Разве он забыл, что она участвовала в нескольких таких поездках? Так что любой «военный сундук», который ему надо было теперь переправить, очевидно, являлся частью его личного богатства.

Лилиса сидела в постели Таллии и без умолку болтала с Басией. Однако она притихла, как только в комнату вошел Мендарк. Было невероятно, чтобы Магистр соизволил заметить уличного ребенка.

Но Мендарк умел, когда хотел, казаться маленьким и смиренным, чтобы не внушать робость. Сев на стул, который освободила Басия, он сгорбился, положив голову на руки. Теперь он был похож на доброго старого дядюшку. Лилиса была обезоружена.

— Я рад, что тебе лучше, — сказал он тоном добрейшего человека. — Боюсь, в том, что тебя избили, есть и моя вина. Мне нужно было оставить тебя здесь в тот раз. Но война, видишь ли. Мне необходимо думать о стольких вещах, что я не могу держать

в голове все сразу.

Мендарк дотронулся до щеки девочки, над которой был подбит глаз. Девочка поморщилась от боли.

— Это было не так уж страшно, — возразила она, — и было вчера. Там, на улице, мы думаем только о сегодняшнем дне.

— Вот почему так трудно быть Магистром, — доверительным тоном заметил Мендарк. — Мне приходится думать о вчерашнем, сегодняшнем и особенно завтрашнем дне. И вот почему мне нужна твоя помощь.

— Моя помощь?

— Да. Я должен знать, что ты видела в Большом Зале перед тем, как встретила Таллию.

— Много людей, которые входили и выходили весь день. Важные люди: советники, судьи, богатые купцы.

— Нет, незадолго до вашей с Таллией встречи.

— Тогда ничего. Я только что вернулась.

— Да нет, Лилиса, что ты видела *перед тем, как ушла?*

— Вбежал солдат, гонец. Шел дождь. Потом внутри закричали. Потом стало тихо. Потом раздался ужасный шум и вспыхнул яркий свет. Потом стало *очень* тихо.

— Что случилось дальше? Вот что меня интересует.

— Вышел очень большой мужчина. Борода у него была черная. На лице кровь. И он держал за руку моего друга Лиана, моего второго друга, — девочка искоса взглянула на Таллию, — и тащил его вниз по ступеням. Я так испугалась!

— Вот как, — сказал Мендарк. — Так я и думал. А потом? Ты последовала за ними?

— Я попыталась. Спустившись с лестницы, Лиан упал, но чернобородый поднял его и увел. Они двигались по Колокольной улице, на север, затем свернули на запад. По пути человек меня заметил. И они пошли так быстро, что мне было не угнаться за ними.

— Где ты их потеряла? На какой улице? — Лилиса назвала улицу и ту, которая ее пересекала.

— Да, — кивнул Мендарк. — У Тензора там когда-то была вилла. Ты мне очень помогла. Очень, — повторил он, взяв Лилису за руку. — Ты умная девочка.

Он поднялся и сделал жест Таллии. Они вместе подошли к дверям.

— Хотя и не совсем, — закончил он свою мысль так тихо, что расслышать его могла только Таллия. — Тензор с Лианом уже давно покинули город, а ты тут застряла с этой девчонкой. — Он выглядел постаревшим, и чувствовалось, что он недоволен.

— Порой мне за тебя стыдно! — ответила она.

Мендарк хмыкнул и сменил тему:

— Позаботься о нашем бегстве и подготовь все к утру.

— Все готово, — сказала Таллия.

— А бот?

Она знала, что это самая большая проблема.

— Он сейчас там. А что с Ассамблеей? — Мендарк плюнул в окно.

— Это беспомощное стадо! Мы должны дать им возможность уехать, я полагаю. По крайней мере, люди будут знать, что я хотел выполнить свой долг — не то что наш жалкий Губернатор.

— А Тиллан? — осторожно осведомилась она, помня, как Мендарк разгневался на нее из-за Тиллана.

— Не говори мне о твоей глупости! — тяжело вздохнул он. — Его тоже придется взять с собой, хотя мне этого и не хочется. Следи за ним. Он будет для меня самым тяжелым бременем.

В тот день счастье на поле боя им изменило. Таллия находилась вместе с Мендарком в военной комнате, когда, звеня оружием, появился гонец — крошечная женщина в черной тунике и до смешного больших сапогах, которые чуть ли не спадали с нее при каждом шаге.

— Докладывает Дэбис, Магистр, — задыхаясь, произнесла женщина и попыталась отсалютовать, но не смогла поднять руку. — Мы сдали квартал Восточных Холмов! — Она упала вниз лицом.

Таллия подбежала и подняла ее, подхватив под мышки. Дэбис застонала, под мышкой у нее была большая рана, так неумело перебинтованная, что бинт сполз. Таллия позвала медсестру.

— Что случилось? — спросила Таллия у гонца.

— Они знали наш план сражения, — проговорила Дэбис сквозь сжатые зубы. — Конечно, знали: ведь они поджидали нас и были готовы ко всему, что бы мы ни предпринимали.

Мендарк был потрясен.

— Я был готов потерять Восточные Холмы, — сказал он, — но не так быстро. — Он наклонился над Дэбис. — Насколько велико количество погибших?

— Мы потеряли всю армию, — ответила та. — Мне единственной удалось уйти. — Она рухнула на пол, тяжело дыша.

Вскоре последовал еще один удар. В дверях показалась дюжина солдат, израненных, в крови. Это было все, что осталось от армии, оборонявшей юго-восток. Они тоже поведали о неожиданном поражении и о неприятеле, который, судя по всему, знал каждую деталь военного плана.

У Таллии зародилось подозрение. Сколько людей было посвящено в подобные детали? Только остатки Совета —

Мендарк, Орстанда и Хенния-дзаинянка, а также она сама и Беренет. Даже полевые командиры Мендарка не знали приказы друг друга.

Таллия всегда недолюбливала Беренета за чванливость и бахвальство, за то, как он кичился своим богатством, выставляя его напоказ, но никогда прежде она не сомневалась в его преданности Мендарку. Но кто же еще это мог быть? Только Орстанда или Хенния. Но мысль о том, что предала одна из них, была смехотворной.

Она вспомнила, какое лицо было у Беренета, когда Мендарк отклонил предложенный им план. Какую ярость она прочитала в его глазах! Да, это он. Она не поделилась своими сомнениями с Мендарком, поскольку у нее не было доказательств, но стала вести себя осмотрительнее.

К концу дня они потеряли все, что находилось за пределами Старого Города. Они удерживали его всю ночь, так как стены были крепкие. Правда, казалось, что Иггур играет с ними, как кошка с мышкой, просто проверяя их обороноспособность или решимость. Он посылал отряд штурмовать одну стену, затем другую, и, хотя защитники легко отбивали атаки противника, Иггур держал их в напряжении и днем и ночью.

Когда на следующий вечер Таллия прилегла у себя, чтобы немного вздремнуть, огненная вспышка озарила темное небо, как яркое бело-синее солнце. Таллия опрометью понеслась обратно на стену, откуда слышался звон ударов клинка о клинок. Взбегая по крутым ступеням, она увидела искру, влетевшую в небо, затем еще одну, они взрывались, ослепительно сверкая, и медленно опускались на землю.

Оказавшись на стене, Таллия увидела, что возле угловой караульной будки идет бой: четыре защитника города сражались с двумя солдатами Иггура, но, несмотря на численное превосходство, их теснили. Вдоль всей стены стражники застыли, как деревянные статуи, не в силах отвести глаз от вспышек в небе. Таллия посмотрела вниз. Дюжина штурмовых лестниц была прислонена к стене, и на них кишели солдаты Иггура. Нападающих было не меньше тысячи, а защитников осталось от силы человек сто. Положение безнадежно. Где Мендарк? И где Беренет, уж коли на то пошло? Он отправился возглавить оборону этого участка, но его не было видно.

У нее над плечом просвистели стрелы. Быстро пригнувшись, Таллия схватила круглый камень и швырнула в тени, замеченные ею на лестнице, ведущей вниз. Не останавливаясь, чтобы узнать результат, она помчалась по стене с мечом в руке, пытаясь подбодрить остатки своих войск. Они уже побеждены — ей это

стало ясно по тому, как они глазели на ужасные вспышки в небе, с каким безразличием сражались и умирали.

Увидев на бегу голову в остроконечном шлеме, она рубанула по ней, но неприятель пригнулся и отпрыгнул в сторону, затем, когда Таллия пронеслась мимо, вновь выпрямился. Она выкрикивала приказы, расставляя над каждой лестницей осаждающих отряд, вооруженный камнями. Это несколько облегчило их положение. Возле караульной будки три стражника схватились с двумя вражескими солдатами. «Такова наша участь, — подумала Таллия. — Через пять минут все мы будем мертвы. Что тогда будет с маленькой Лилисой?»

Подпрыгнув, она врезалась в спину одного из врагов. Ударившись головой о стену, он затих. В то же самое время оставшийся в живых стражник пронзил бедро второго нападавшего, и тот упал, обливаясь кровью.

— Где Мендарк? — заорала Таллия, пытаясь перекричать грохот взрывов, звон оружия и вопли раненых.

Окровавленным мечом стражник указал на дальнюю часть стены. Его грудь тяжело вздымалась, зубы оскалились, как у скаковой лошади.

— Башня! — задыхаясь, произнес он.

Таллия забралась повыше, пытаясь что-нибудь разглядеть в общей свалке. На восточной стене находилась древняя сторожевая башня, покрытая копотью, — одно из самых старых и высоких сооружений в Туркаде. С нее открывался вид на большую часть города. Мендарк иногда любил предаваться там размышлениям. Воздушный мостик соединял эту башню со стеной Старого Города. Таллия разглядела с полдюжины вражеских солдат, которые, перебравшись через стену, бежали к мостику. Это были отборные воины Иггура, и они сражались с ужасающей целеустремленностью.

Новые факелы взвились в небо. Один из них не загорелся и, упав мерцающей искрой, ударился о стену и потух. К своему ужасу Таллия заметила белое лицо Мендарка в дверях башни. По-видимому, он пытался сотворить какую-то защиту, но, в чем бы она ни заключалась, нападавшие были неуязвимы. Он нырнул обратно в башню.

— Мендарк, спускайся вниз! — закричала Таллия, хотя он не мог ее услышать.

Таллия с минуту постояла, прислонившись к лестнице, пытаясь придумать, что делать. Там, впереди, подходы к мостику отчаянно защищали, но неприятель, превосходящий защитников числом, рвался вперед. «Они *знают*, что он там, — поняла Таллия. — Нас предали! А Беренета нет на его посту». Мендарку

грозила смертельная опасность. Да и всем тем, кто сражался на его стороне: ведь если погибнет Мендарк, вместе с ним падет и город и никому будет не выбраться. И, что еще хуже, у Мендарка хранятся секретные документы Совета, которые помогут Иггуру стать невероятно могущественным.

— В чем дело? — закричал кто-то, схватив Таллию за руку.

Это был курчавый Торгстед — стражник, который увел Бластарда в темницу. Он был одним из самых преданных солдат Мендарка.

— Торгстед! — выдохнула она. — Мендарк попался в ловушку в башне.

— Тогда тебе бы лучше попробовать один из твоих фокусов, лар, иначе всем нам крышка.

— Мне понадобится помощь!

— Оссейон был за сторожевой будкой совсем недавно.

Таллия немного приободрилась. Оссейон был капитаном личной охраны Мендарка — огромный смуглый человек, неутомимый боец, на которого всегда можно было положиться.

— Приведи его сюда — если он еще жив!

Торгстед умчался прочь. Таллия мучилась, не зная, что предпринять. Она неплохо владела Тайным Искусством — правда, не настолько, чтобы с помощью кончиков пальцев взрывать людей или вызывать из воздуха фей. Ее лихорадочный взгляд был прикован к воздушному мостику. На нем пока никто не появился — схватка происходила на стене. Сосредоточившись, она создала в своем сознании иллюзию: мостик взлетает и разбивается о сторожевую башню.

Это было нетрудно. Она уже давно практиковалась в подобных делах. Однако нелегко будет внушить эту иллюзию нападающим и защитникам. Если ей не удастся убедить хотя бы одного, иллюзия не сработает.

Торгстед возвратился бегом. Оссейон тяжелыми шагами следовал за ним; одно плечо капитана было перевязано бинтом с пятнами крови на нем.

— Избавься от этих лестниц, Оссейон! — приказала она.

Таллия запустила иллюзию. Ничего не произошло. В мозгу у нее происходили странные вещи: изображение моста растянулось, как резиновое, затем распалось на куски. Ей не удалось воссоздать образ. Должно быть, Иггур тоже использует Тайное Искусство. Разумеется, так и должно быть.

— У меня не получается, — пожаловалась она, прижимаясь к стене в надежде освободиться от ощущения, словно один из факелов вот-вот взорвется в ее голове.

Вдруг из темноты вынырнул Торгстед, державший в руке

упавший факел. Это был цилиндр длиной с руку, обмотанный красной с золотом тканью. С одного конца цилиндра свисал не сгоревший фитиль. На ходу юноша привязывал к устройству шнур. Таллия с удивлением смотрела на Торгстеда.

Он закончил свою работу.

— Зажги его, — сказал юноша, подняв факел над головой.

— У тебя сгорит рука, — в испуге возразила она.

Тем временем Оссейон собирал отряды, сбрасывавшие вниз камни: поток неприятеля был временно приостановлен. У моста пал последний из защитников. Солдаты Иггура устремились к мосту, путь к которому теперь был свободен.

— Давай же! — воскликнул Торгстед.

Схватив фонарь, Таллия поднесла его к факелу и стала поджигать фитиль. Он загорелся, и Торгстед, размахнувшись, швырнул факел в неприятеля.

— Отвернись! — заорал он, падая на пол.

Таллия взглянула сквозь пальцы. Факел взмыл, отскочил от парапета, затем заскользил по камням и упал рядом с группой, находившейся у моста. Факел взорвался, и свет от него был такой ослепительный, что взлетевшие в воздух солдаты казались черными головешками. От взрыва у Таллии зазвенело в ушах.

— Пошли! — закричал Торгстед и потащил ее за руку. У Таллии кружилась голова. Сейчас она была рада, что ею руководят.

Солдаты Иггура лежали бездыханные, выжили лишь несколько человек и, ослепленные вспышкой, ползали по земле. Часть факела все еще вращалась на стене, ярко светясь и испуская белый дым. Мендарк безучастно стоял, прислонившись к стене сторожевой башни, и не пытался защищаться. Что с ним такое?

Подбежав поближе, Таллия увидела у него на голове длинный порез. Волосы и шея Мендарка намокли от крови. Таллия сорвала плащ с убитого солдата, накинула себе на плечи, затем схватила еще один. Плащ почернел от взрыва, но цвета Иггура были видны отчетливо. Пришедшие в себя после взрыва вражеские солдаты уже поднялись на ноги и, пошатываясь, двигались в сторону Таллии и Торгстеда.

— Задержи их! — крикнула Таллия и помчалась к мостику.

Мендарк даже не узнал ее, когда она взяла его за руку. На штанине у него тоже была кровь.

— Мендарк! — завопила Таллия прямо ему в лицо. Его зрачки едва реагировали.

Еще одна группа солдат Иггура перебиралась через стену. Положение было критическим.

Таллия накинула на Мендарка плащ. Он был ослеплен,

пальцы его руки бесцельно блуждали по ткани. Таллия напряглась, пытаясь взвалить Магистра на плечо. Кровь в голове еще пульсировала после взрыва, и от непомерного усилия ей сделалось совсем плохо. Шатаясь под ношей, она побрела по мостику, озираясь в поисках выхода.

Оссейон и Торгстед, стоя спина к спине, сражались как бешеные. Внезапно Оссейон поскользнулся на окровавленном камне и тяжело упал на колено, неуклюже пытаясь защищаться поднятым вверх мечом. Его яростно атаковали. Когда из рук Оссейона выбили меч, великан, поднявшись с колена, бросился на противника уже без оружия. Таллия задержала дыхание. Оссейон обречен. Однако каким-то образом тому удалось ухватить противника за ногу. Тот направил меч вниз, пытаясь поразить Оссейона, а великан отбивался от клинка голыми руками.

Торгстед, справившийся со своим соперником, ринулся к другому солдату. Тот обернулся, и в этот миг Оссейон схватил его за ноги и с силой швырнул наземь.

Стоя на мостике, Таллия смотрела вниз. Бой еще не кончился. Внизу было полно солдат Иггура, сражавшихся с остатками защитников города.

Оглянувшись, Таллия увидела, что Торгстед еле передвигался, да и Оссейон был не намного лучше.

— Пошли! — взревела она, срывая плащи еще с двух врагов.

Несмотря на сопротивление жителей Туркада, войска Иггура все же проникли в Старый Город. И теперь голос Таллии зазвенел в неожиданно наступившей тишине. Ее спутники накинули плащи, Оссейон взвалил Мендарка на плечо и побежал к лестнице.

Таллии было невыносимо видеть, как гибнут люди в абсолютно безнадежном сражении.

— Я подам сигнал о капитуляции, — закричала Таллия, вырывая рожок у мертвого горниста.

Она сыграла три восходящие и три нисходящие ноты — это был тот сигнал, который до сих пор казался немыслимым. Звуки горна еще не стихли, а они уже неслись по ступенькам вниз. Впереди — ворота крепости. Плащи помогли им пробраться сквозь неприятельские войска к воротам, на несколько шагов опередив толпу. Должно быть, к Торгстеду пришло второе дыхание: его меч работал, как ткацкий челнок, когда он прикрывал их отход. Таллия и Оссейон с Мендарком на плечах заскочили внутрь, Торгстед за ними — ворота захлопнулись, тяжелые засовы были немедленно задвинуты. Они в безопасности, пока враг не атакует их вновь. Однако поражение неизбежно. Иггуру хватило двадцати минут кровопролития и ужаса, чтобы

сломить оборону Старого Города.

Таллия не могла преодолеть чувство, что их предали — что враг знал совершенно точно, где искать Мендарка. И она догадывалась, кто именно виновен в измене.

6
Измена

Мендарк все еще не мог оправиться от контузии. Вокруг него царила паника. Осадные орудия Иггура методично превращали стены крепости в груду булыжников.

— Мендарк, ты должен меня выслушать! — заорала Таллия. — Среди нас предатель.

Мендарк отвернулся. Таллия потрясла его:

— Послушай! Иггуру были известны планы обеих армий. Ему было известно, что ты в башне один. Не говори мне, что это совпадение. Всего пять человек знали об этом: ты, я, Орстанда, Хенния и *Беренет.*

— Нет! — возразил Мендарк. — Это не мог быть Беренет.

— Взгляни правде в глаза.

— Нет!

— Тогда кто же? *Я?* Орстанда…

Снаружи снова донесся оглушительный треск. Стены крепости содрогнулись. Им не продержаться и дня.

Прихрамывая, вошел Беренет. Его одежда превратилась в лоскутья, и он был в крови, но, по-видимому, не ранен.

— Где тебя черти носили? — резко спросила Таллия, уверенная, что он разыгрывает спектакль. — Мендарка чуть не захватили. Предполагалось, что ты занимаешься южной стеной.

Он проигнорировал ее.

— Я был на восточной стене, Магистр, — обратился он к Мендарку, тяжело дыша. — Пришлось взять на себя командование. Все твои офицеры мертвы.

— Да? — воскликнул Мендарк. — Ну что там?

— Мы упорно сражались, но все пошло прахом. Больше никому не удалось спастись. Мне жаль!

— Как удобно, — пробормотала Таллия себе под нос.

— Тогда ступай, — устало махнул рукой Мендарк. — Собирайся. Через час мы уходим.

Беренет коротко кивнул и, запахнув свои лохмотья, покинул комнату. Мендарк застонал, подавленный своим неминуемым поражением и всем тем, что было с этим связано.

— Как больно оставлять мой город вот так. Ты себе не представляешь, как это больно.

Таллия понимала, как ему тяжело. Мендарк тысячу лет был Магистром и все это время жил в Туркаде. Она подождала минуту, потом заговорила снова:

— Мы должны бежать, тогда мы сможем сражаться за город.

— Дай мне еще немного времени. У меня есть кое-какие дела, которые нужно сделать до того, как мы отправимся в путь.

— Какие дела?

— Дела, которые являются долгом Магистра! — отрезал он. — Удостоверься, что Орстанда и Хенния готовы, — Совет непременно должен бежать в любом случае. А теперь ступай!

Таллия занялась своими собственными неотложными делами. Несколько раз она сталкивалась с Мендарком. Тот, прихрамывая, расхаживал по крепости. Он опирался на трость. Вид у него был ужасный. Около полуночи они снова встретились в библиотеке.

— Нам нужно уходить *сейчас!* — настаивала Таллия. — Стражники начинают верить лжи Тиллана, что Туркад пал по твоей вине. Ты должен заставить его замолчать.

— Его *необходимо* заставить замолчать, — с горечью произнес Мендарк, — но я не могу этого сделать. Я доведу его и других до порта. Там они сами о себе позаботятся. Бот готов?

— Он ждет. Но… — Таллия сжала кулаки. Она колебалась. — Я не знаю, что делать с Лилисой.

— Лилисой?

— Уличная девочка. Ты же не забыл ее?!

Мендарк прижал руку к забинтованной голове. Кровь выступила на повязке над ухом. Он взглянул на окровавленный кончик пальца.

— У меня ужасно болит голова! — сказал он. — Что ты спросила? Ах, она! Оставь ее, с ней все будет в порядке.

— Лилиса пойдет со мной. — Мендарк прищурился от боли.

— Ты сошла с ума?

Смуглое лицо Таллии залилось румянцем.

— Я не могу бросить ее здесь. Ведь именно ты научил меня ценить верность.

— Туркад — город с миллионным населением. Вероятно, здесь она будет в большей безопасности, чем с нами.

— Возможно, но это не имеет значения.

— Ладно, бери с собой эту девчонку, но смотри, чтобы она не путалась у меня под ногами, — с раздражением согласился Мендарк. — Давай уходить, пока еще не поздно.

Таллия сделала скидку на его состояние. Мендарк не был таким черствым, каким прикидывался. Но крайней мере, она на это надеялась.

— Я отдам приказ о капитуляции крепости на рассвете, — сказал Мендарк. — Так мы выиграем несколько часов. Жди меня у потайного хода.

Таллия убежала и вскоре вернулась. За ней следовал Тиллан.

Его лицо со шрамом было мрачным, однако следы безумия исчезли. На руках и на ногах у него звенели цепи. Мендарк сделал знак, чтобы с ног Тиллана сняли оковы. Тиллан был окружен шестью стражниками. За ними плелись беженцы: купцы, юристы, законники. Мужчины и женщины, толстые и худые, — все они оплакивали свою прежнюю счастливую жизнь.

Хенния-дзаинянка, как всегда, шла сама по себе. Это была женщина с мешковатой фигурой и большой грудью, преклонных лет, обиженная на весь мир. Она сердилась на Мендарка за то, что вместе с ним попала в ловушку. Ступни у нее были крошечные, как у ребенка. Беренет, успевший переодеться в свой лучший наряд, шел за ней, передразнивая ее мелкие шаркающие шажки. Мендарк сурово посматривал на него, но ничего не говорил.

— Ты идешь или нет? — заорал Мендарк на Хеннию, которая, присев на корточки над узелком со своими пожитками, то вынимала из него вещи, то клала обратно.

— В какую историю ты нас втравил! — сделала гримасу Хенния.

— Я бы справился лучше, если бы меня немного поддержали.

— Я тебя поддерживала не меньше, чем другие, — возразила она.

— Я знаю! — холодно ответил Мендарк. Он отлично знал, что Хенния вертела словами так, как ей было удобно.

Их догнал Оссейон, капитан личной охраны Мендарка, огромный, как дерево, и черный, как сажа. Один из многочисленных шрамов был у него на губе, и из-за этого уголок рта приподнимался, обнажая крупные белые зубы. Уродливый, страшный Оссейон, добрый, как котенок, старался не отставать от Магистра.

Лилиса, державшаяся за Таллией, была тощей, хорошо отмытой, большеглазой молчаливой тенью. Ее платиновые волосы сияли при свете фонаря. Она быстро поправлялась, хотя синяк под глазом был еще желтовато-синим, а вывихнутое плечо поддерживала повязка. На девочке были новые штаны из хорошей ткани, кофта, немного великоватая для нее, и первая пара сапог, ей принадлежавшая, судя по неуклюжей походке. Лилиса не отрывала взгляда от своих сапог, словно они казались ей чем-то невероятным. В маленьком холщовом рюкзачке за спиной лежали неслыханные сокровища: еще два комплекта одежды, белье, носки, мыло, щетка и даже нож!

Завернув за угол, Хенния в полумраке натолкнулась на Лилису.

— Смотри, куда идешь, ты, маленькая негодница! —

прикрикнула она на Лилису, замахнувшись на нее.

Лилиса ловко отскочила от Хеннии и вернулась под крылышко Таллии.

Еще один мощный удар сотряс стены. Зазвенела стеклянная люстра. Вбежал Торгстед, скользя на плитках пола.

— Они внутри! — воскликнул он.

Мендарк пошатнулся, уронив свои вещи. В его лице не было ни кровинки.

— Этого не может быть! Орстанда, разве могли они разрушить нашу защиту так, чтобы мы об этом не знали? — Казалось, он сейчас упадет в обморок.

Орстанда принюхалась, как охотничья собака:

— Наверно, раз они внутри, хотя я не представляю себе, как им это удалось. Где они, Торгстед?

— Авангард прошел через подвалы. Должно быть, прорыли туннель.

— Да, теперь я это чувствую, — сказала Орстанда. — Мендарк, с тобой все в порядке?

Мендарк начал оседать, и она, подхватив его, опустила на пол.

— Оссейон, закрой им доступ во все коридоры и на все лестницы в этой части крепости. Выставь пост у наружной лестницы. Таллия, воды!

Таллия смочила лоб Мендарка мокрой тряпкой, и вскоре он пришел в себя.

— Моя голова, — слабым голосом произнес он.

— Вероятно, теперь потайной ход раскрыт, — предположила Таллия, помогая ему подняться.

— Невозможно! — отрезал Мендарк. — Только Тайный Совет и я знали о нем.

— И больше никто?

— И Беренет, — неохотно добавил он. — Бери руководство на себя, Орстанда, — попросил он, не сознавая, что она это уже сделала. — Таллия, пошли со мной. — Он захромал прочь от группы беглецов.

— Если они рыли туннели под землей, — сказала Таллия, — их маги могли обнаружить наши.

— Только не этот! Он защищен! Ни один маг в Игадоре не в состоянии его найти!

— Крепость тоже защищена, однако они проникли в нее. — Мендарк пристально смотрел на Таллию. Пот струился у него по лбу.

— Пожалуй, тебе лучше его проверить, — сказал он, входя в большую комнату, служившую библиотекой, и нажимая кнопку в

стене рядом с книжной полкой. — Подержи!

Таллия придержала кнопку пальцем. Мендарк зашел за другую полку. Таллия услышала, как он скребет ногтями по дереву, затем ей показалось, что где-то катятся стальные шарики, сталкиваясь друг с другом. Стена раздвинулась, и перед ними предстала запертая металлическая дверь. Мендарк открыл ее и сделал шаг в темный коридор.

— Закрой за собой дверь. Света совсем не должно быть! — Он прижал ухо к точно такой же металлической двери, находившейся за первой.

Таллия выполнила его приказ. Стало совершенно темно.

— Я ничего не слышу, — прошептал он. — Вытащи свой нож и стой наготове с фонарем.

Щелкнул замок. Дверь открылась. Таллия почувствовала, как Мендарк двинулся вперед. Его рука нащупала в темноте ее руку, а затем добралась до уха.

— Осторожно, — сказал он, и его дыхание щекотало ей ухо. — Перед нами крутая лестница.

Он сделал шаг вперед и вновь прислушался.

— Тут безопасно, — прошептал он. — Я ничего не чувствую. Пошли.

Когда Таллия повернулась, чтобы идти обратно, до них донесся очень слабый шум — словно камешек покатился по ступенькам. Заскрипев зубами, Мендарк больно ткнул Таллию тростью. Они вернулись через металлические двери, тщательно заперев их. В библиотеке Мендарк разразился проклятиями.

— Откуда Иггур узнал об этом проходе? — Он стукнул кулаком по стене. — Как?

«Предательство», — подумала Таллия.

— Мы не можем с ними сразиться? — спросила она.

— Иггур меня знает слишком хорошо. У него там сотни воинов. Мы в ловушке.

Таллия начала впадать в панику:

— Существует ли другой выход?

— Отсюда — нет. Он находится в противоположной стене крепости, на верхушке восточной лестницы. Не представляю, как мы теперь сможем туда попасть.

Иггур взял Магрету за руку, и в этот миг в дверь настойчиво постучали.

— Прости, — сказал он раздраженным тоном. — Война вступила в критическую стадию.

— Мендарк все еще может ее выиграть?

Иггур насмешливо улыбнулся:

— Выиграть! Он в ловушке в своей крепости, с ним всего несколько сотен оставшихся в живых солдат. Как только поступят новости от моей команды землекопов, мы ворвемся в крепость.

Иггур открыл дверь. Толпа гонцов ждала снаружи. Иггур выслушал каждого, потом четко отдал приказы. Магрета сидела молча, слушая и наблюдая.

Донесение, которого ждал Иггур, пришло незадолго до полуночи.

— Все готово, — доложил гонец.

Иггур улыбнулся, обнажив сжатые зубы:

— Пойдем, Магрета. Я хочу, чтобы ты это видела.

— Куда мы направляемся?

— Брать моего врага.

Магрета вместе с Иггуром ожидала последнего штурма стен крепости. Она ослабела от голода: ведь уже несколько дней она ничего не ела, кроме турнепсов. Кольчуга, которую на нее надели, была невероятно тяжелой. Магрете хотелось лечь спать. У нее была масса времени, чтобы размышлять о собственных неудачах.

Феламора потребовала, чтобы она украла Зеркало, но ей не хватило храбрости сделать это самой, и тогда Магрета вынудила Карану пойти с ней и использовала ее таланты чувствительницы. Это было ее первой ошибкой. Если бы она как следует выполнила задание, Феламора несколько месяцев тому назад получила бы Зеркало и не произошло бы ни одного из этих несчастий. Но Магрета взглянула в Зеркало и попала в плен, словно это была новая жизнь для нее. Вот как Иггур поймал ее.

Впереди послышались шум и крики. Начинался штурм.

— Как я ждал этого дня! — сказал Иггур и скрипнул зубами.

Вскоре подбежал высокий и худой темноволосый человек с большими руками и ногами. Борода его была заплетена в косички.

— Докладывает Зарет! — отрывисто произнес он, салютуя четырьмя пальцами.

Иггур приподнял бровь.

— Мы готовы. Стена крепости проломлена в трех местах.

— И все возможные выходы из крепости под наблюдением?

— Те, которые удалось обнаружить, — ответил Зарет. — Каждый контролируется нами, а маги прощупывают потайные выходы. Куда бы он ни пошел, мы найдем его.

— Надеюсь, — мрачно произнес Иггур.

В Фиц Горго Иггур рассказал Магрете, почему считает Мендарка своим врагом. Иггур обвинял Мендарка в неудаче с

Запрещенными Искусами, с помощью которых Совет предполагал уничтожить Рулька. Это было давным-давно. Хотя обращение к Искусам кончилось для Совета весьма плачевно, Рулька все же удалось заточить в Ночную Страну, существующую вне реальности трех миров. Но перед этим Рульк овладел сознанием Иггура, искалечил его и сделал безумным. Даже теперь, спустя столетия после того как Иггур поправился, воспоминание о Рульке мучило его, как укус гигантского скорпиона.

— Ступайте! — приказал Иггур. Стражники рванулись вперед.

— Это место следует назвать крысиным городом, — пробормотал он, обращаясь к Магрете, которая бежала рядом, не поспевая за его огромными шагами. — Под Старым Городом тысяча ходов — за последние четыре дня у меня ушло больше времени на то, чтобы обнаружить их, нежели на сражения. И все же мои враги удирают от меня. Но только не в этот раз! Ему не уйти!

Войдя в крепость через главные ворота, они оказались во дворе, где кишели войска Иггура.

— Где он, Зарет? — спросил Иггур офицера, бежавшего рядом.

— В юго-западной части, наверху, — ответил Зарет, — насколько могут определить маги. Это… это не точное искусство.

— Знаю! — отрезал Иггур. Он остановился посреди двора, чтобы посовещаться со своими офицерами.

От стены крепости к ним приближалась та самая молодая женщина, которая была на караульном посту, когда Магрета пришла сдаваться. На ней было длинное темное одеяние, из-под капюшона выглядывало худое лицо с голодным взглядом.

— Что там, Долодха? — вскричал Иггур. — Мендарка взяли?

Долодха резко остановилась, чуть не запутавшись в своем одеянии. Она поклонилась Иггуру, отпрянув от вельмихи по имени Вартила, стоявшей справа от него. Она тоже была из Фиц Горго, и Магрета ее боялась.

— Мы ворвались к нему в кабинет, но его там не было. Ушел совсем недавно!

Вартила угрожающе нахмурилась. Долодха отошла подальше от нее.

— Я не верю, что он удрал, — сказал Иггур. — Беги, обойди все посты и доложи мне.

Долодха взглянула на него с тревогой и умчалась обратно. Вскоре за ней последовали и Иггур с Магретой. Пока они шли по главному коридору крепости, ему докладывали, как обстоят дела с поимкой Мендарка. Вдруг они увидели двух вельмов,

избивавших пленных солдат своими дубинками.

— Хватит! — закричал на них Иггур.

При подъеме по широкой лестнице у Магреты закололо в боку.

— Я не могу идти дальше, — пожаловалась она, но Иггур не услышал.

— Библиотека! — сказал какой-то солдат, бежавший вверх по лестнице. — Сюда!

Добравшись до верхней ступени, Иггур с Магретой повернули направо, в коридор, и наконец оказались в просторной комнате. Вдоль стен библиотеки, обшитых панелями из редких пород дерева, стояли высокие книжные полки. Это была красивая комната, имевшая форму креста. В центре стоял длинный пустой стол. В библиотеке пахло книгами и ароматным деревом.

По комнате слонялись солдаты, пачкая кровью и грязью изысканный ковер с затейливым узором. Три мастера иллюзий, облаченные в черно-белые мантии, с удрученным видом сидели в углу. Рядом с ними плакала чувствительница — хорошенькая девушка лет пятнадцати с фиалковыми глазами.

— Я хочу домой! — причитала она. Несколько дней тому назад ее увели от семьи, и она была безутешна. — Пожалуйста, отпустите меня, — всхлипывала она.

Магрете стало жаль девушку.

— *Где* он? — гневно воскликнул Иггур.

Ему никто не ответил. Никто не знал. Видимо, не все так уж совершенно в империи Иггура. Все работало четко, как часы, и вдруг что-то разладилось, и Иггур не мог понять, в чем дело.

Наконец прибежал Зарет, косички которого болтались из стороны в сторону.

— Он был тут, в этой комнате, — сказал Зарет. — Ему некуда деться.

— Притащить сюда моего главного мага! — загремел Иггур.

Зарет высунул голову за дверь и что-то прорычал. В библиотеку вкатился маленький человечек, похожий на шар, держа в руке кожаную зеленую сумку.

— Черт тебя побери! — заорал Иггур. — Найди его, или тебе конец!

Заскрежетав сталью, один из вельмов вытащил кривой меч. Магрета вздрогнула от этого звука.

Маг извлек из сумки стеклянный предмет, чуть не уронив его. Верхняя сторона предмета была вогнутая, как зеркало телескопа. Он поместил его на медную подставку на библиотечном столе, подогрел фляжку над свечой, вытащил пробку, затем влил в выемку немного ртути. Из другой фляжки тонкой струйкой налил

туда же спирт и дотронулся свечой. Вспыхнуло голубое пламя, распространилось по поверхности и через минуту погасло. Маг немедленно накрыл голову шалью, начал раскачиваться и что-то бормотать.

Потом он с озадаченным видом взглянул на Иггура:

— Странно. Как будто бы он здесь, и, однако, его здесь нет. Его аура очень слабая.

— Конечно слабая! — огрызнулся Иггур. — Он использует чары, скрывающие его, но от меня ему не спрятаться. Живее, или ты разделишь *его* участь!

Бросив испуганный взгляд в тот угол, где, сжавшись в комок, сидели мастера иллюзий и чувствительница, маг снова склонился над своей стеклянной чашей. После долгого молчания он заговорил:

— Он близко. Всего в дюжине шагов от нас! Сюда!

— Наконец-то! — возликовал Иггур. — Расчистите туда путь.

— Разве тут нет потайной лестницы, по которой можно попасть на стену крепости? — воскликнула Таллия.

— Есть, — ответил Мендарк, — но его маги обнаружат меня, и он будет поджидать нас на выходе.

— У меня идея, — сказала Орстанда. — А что если нам сделать твоего двойника и спрятать его здесь? Они не будут знать, где искать.

— Иггур, должно быть, в нескольких минутах ходьбы отсюда. Он уничтожит двойника, как только сюда попадет.

— Но за несколько минут, если повезет, мы сможем добраться до другого потайного выхода.

— Как ты это сделаешь?

— Принцип подобия, — ответила Орстанда. — Где сейчас твой портрет, что висел в библиотеке?

— Он в кладовке рядом с уборной, — хмуро ответил Мендарк. — Там, где я его не вижу.

Таллия сбегала за портретом. Это была миниатюра в темно-коричневых тонах. Портрет был нелестный: художник запечатлел на нем слащавое выражение лица Мендарка, и в то же время в его чертах читалось какое-то крысиное коварство. В зависимости от освещения взгляд Мендарка с портрета смотрел то в одну, то в другую сторону.

— Я поняла, что ты имеешь в виду, — улыбнулась Таллия. — Двуличный.

— Но идеален для нашей цели, — сказала Орстанда. Вместе они заколдовали портрет, придав ему слабую ауру Мендарка, затем поместили его между двумя железными дверьми. И

поспешили из библиотеки к потайному выходу. Это была крутая стальная лестница, которая шла внутри стены и вела прямо на верхний этаж. Для многих карабкаться по ней было ужасным испытанием.

Несмотря на мрачный настрой, Таллию забавляло, как по-разному их компания взбиралась по этой лестнице. Беглецы чувствовали себя не в своей тарелке — они больше привыкли к мягким креслам в своих кабинетах. Рыхлый Мэлкин, который был избран предводителем Ассамблеи после бегства Губернатора, был великолепен в своих мехах, но его приходилось уговаривать, чтобы он сделал следующий шаг. Хенния выглядела скорее рассерженной, нежели напуганной. Все еще хмурившийся Тиллан, несмотря на цепи, оказался проворнее всех. Добравшись до самого верха, он покрикивал на остальных, поторапливая их, как будто на него было возложено руководство. Или как будто он вскоре снова окажется у власти.

За ним шел Беренет, поднимавшийся с подчеркнутой уверенностью, — правда, это была уверенность человека, который, что бы он ни делал, хочет произвести на всех впечатление. Мендарк наблюдал за ним прищурившись, ни разу не повернувшись к Беренету спиной. Затем поднимались стражники крепости — кто более, кто менее ловко, но это были отборные, хорошо натренированные воины, и их лица оставались бесстрастными. За ними следовал Оссейон, действовавший с большой сноровкой, за Оссейоном — Лилиса, которой мешала рука на перевязи. Последней поднималась Таллия. Из-за тяжелого рюкзака и фонаря она двигалась медленно. Черные волосы падали ей на лицо, мешая смотреть вверх.

Наконец она преодолела последнюю ступеньку. Взгляд Мендарка задержался на ее раскрасневшемся лице, которое на несколько секунд стало различимо в золотистом свете лампы. Когда все прошли, Магистр приподнял рычаг, и тяжелая плита, повернувшись с громким скрипом, встала на место, запечатав ход, приведший их сюда. Теперь беглецам надо было пробраться через весь верхний этаж крепости, длиной с городской квартал.

— Быстрее, Таллия, отыщи лучший путь. — Она убежала и через минуту вернулась.

— Коридор вдоль южной стороны!

Снизу послышался шум, эхом разносящийся по лестнице: молотки стучали в потайную дверь внизу. Они заторопились, понимая, что от одной-единственной минуты может зависеть, спасутся они бегством или будут схвачены. Вскоре там, где коридор пересекался с другим, они наткнулись на двух солдат Иггура. Последовала короткая яростная схватка, но меч Беренета,

которым тот искусно владел, сразил обоих. Беглецы пошли дальше, поскальзываясь на полу, залитом кровью.

Когда отряд проходил через холл, Хенния покачнулась на своих крошечных ножках.

— С меня довольно! — тяжело дыша, выговорила она и уселась на пол.

— Ты должна продолжить путь! — воскликнул Мендарк, хватая ее за руку. — Совет…

Она выдернула руку.

— Совет проклят, — вяло сказала Хенния, — и это все из-за тебя, Мендарк. — Она поднялась и побрела в другую сторону.

— Жалкая дзаинянка! — выругался Мендарк, затем снова зашагал вперед.

Вскоре он нагнал Орстанду, которая с трудом тащилась по коридору. Ее тело сотрясалось при каждом шаге. Лицо побагровело, и, несмотря на все усилия, она шла все медленнее.

— Давай же, мой старый друг, — подбодрил ее Мендарк, мягко беря под руку. — Хенния нас покинула. Ты нам очень нужна.

— Я тебя не подведу, — ответила Орстанда, пытаясь улыбнуться. — Вот только не подвело бы старое тело, которому сегодня так досталось. У меня жжет в груди.

Подбежавший Оссейон подставил Орстанде плечо. Мендарк поддерживал ее с другой стороны, и они медленно поплелись к концу коридора. Кто-то заорал у них за спиной. Зажигательное ядро просвистело над их головами, рассыпая разноцветные искры, и врезалось в стену.

— Это Иггур… — простонал Мендарк.

Сокрушив стражников, стерегущих выход из коридора, беглецы наконец-то увидели заветную лестницу. Они собрались вокруг Мендарка, который возился со скрытыми кнопками на массивной каменной колонне. Позади снова раздался рев, и еще несколько зажигательных ядер попало в стену недалеко от выхода из коридора. Загорелся бесценный гобелен. Языки пламени сбегали по бахроме, украшенной кисточками. Вскоре беглецы уже слышали за спинами топот бегущих ног: солдаты неприятеля поднимались по лестнице, ведущей в коридор. Лилиса заплакала.

Таллия лихорадочно огляделась. Стражники заняли оборонительную позицию, хотя защищаться от такого количества врагов было безнадежно.

— Где Хенния? — спросила она.

— Сдалась! — сплюнул Беренет.

— Есть! — закричал Мендарк.

В колонне, которая, казалось, была сплошь из камня,

открылись двери. Внутри перед взорами беглецов предстали кованые железные ворота. Мендарк распахнул их, и все увидели металлическую клетку, в задней части которой было большое колесо.

— Заходите! — приказал он. Затем, увидев их замешательство, добавил: — Или оставайтесь!

Они начали втискиваться в клетку, которая угрожающе раскачивалась.

— Давай! — крикнул Мендарк стражникам. Те вошли внутрь, последним в клетку прыгнул Оссейон, от его огромного веса клетка заходила ходуном. Не обращая на это внимания, он пробился через толпу к колесу.

В тот же миг на лестницу выбежала дюжина солдат. Из-за угла коридора, по которому они сами только что пришли сюда, показался еще больший отряд, возглавляемый Иггуром. Мендарк захлопнул железные ворота.

— Поверни колесо, Оссейон! — закричал он голосом, срывающимся от страха.

Колесо со скрипом повернулось. Клетка не двинулась с места. Мендарк и Иггур пристально смотрели друг на друга, потом Иггур улыбнулся и поднял руку.

— Выходите, — приказал он, — или я зажарю вас живьем. — Мендарк смерил его взглядом и, стараясь не шевелить губами, прошептал:

— В другую сторону, Оссейон, осел ты этакий. Выруби тормоз.

Колесо вновь заскрипело, но они так и не сдвинулись с места. Лицо Иггура сделалось сердитым.

— Разве тебе никто не дорог, Мендарк? Может быть, ребенок или твоя верная Таллия? Я дам тебе с их помощью урок, который ты никогда не забудешь.

Таллия спрятала Лилису у себя за спиной, и Орстанда обняла девочку.

— Это не поможет, Таллия, — сказал Иггур. — Отсюда я могу сжечь вас всех. Сдавайтесь.

Ничего не происходило. Иггур очень медленно поднял руку. Мендарк тяжело вздохнул.

— Хорошо, — ответил он, берясь за дверцу.

В этот момент что-то щелкнуло за спиной у Таллии, и клетка резко полетела вниз. Они неслись вниз в черной шахте.

— Не так быстро! — заорал Мендарк.

— Тормоз сломан! — прокричал в ответ Оссейон, уперев ногу в бешено вращающееся колесо.

Подошва его сапога начала дымиться. Веревки трещали, и

клетка раскачивалась из стороны в сторону. Сквозь решетку потолка из кованого железа они увидели в шахте высоко над собой зажигательное ядро, рассыпавшее сверкающие искры, которые летели вниз, к их клетке.

— Если Иггур сожжет веревку, мы погибли, — пробормотал Мендарк.

— Сколько нам еще осталось? — крикнул Оссейон.

— Несколько этажей, — ответил Мендарк. — Постарайся замедлить скорость.

Огонь лизнул подметку сапога Оссейона. Клетка немного замедлила ход, но сверху на них посыпался целый дождь из зажигательных ядер, и клетка стала падать уже ничем не удерживаемая, с каждым метром увеличивая скорость. Она ударилась о каменную стену, высекая целый сноп искр, потом ее качнуло к другой стене. Лилиса, которая только минуту назад отдернула пальцы от железной стенки клетки, издала вопль, сильно напугавшись. Таллия обняла ее и притянула к себе.

— Замедляй! — приказал Мендарк.

— Не могу! Порвалась веревка.

Наверху загрохотало, и они увидели целый град искр. Что-то ударилось о крышу клетки. На секунду искры осветили помертвевшее лицо Мендарка.

— Сейчас мы ударимся о…

Удар был сильный, он сбил всех с ног. Вал ревущей воды взметнулся по стенам туннеля и попал в клетку, обдав ее пассажиров с головы до ног. Сапог Оссейона погас, и воцарился полный мрак.

— Свет! — закричала Таллия истошным голосом, пытаясь подняться. Встав на ноги, она обнаружила, что вода ей по грудь. Она начала ощупывать тела под водой, ища Лилису.

— Лилиса, где ты? Свет, черт подери!

На конце трости Мендарка зажегся слабый свет, при котором едва можно было что-нибудь рассмотреть. Таллия продолжала шарить в воде, поднимая кого-то на ощупь за что придется — за волосы, рубаху и даже за нос.

— Лилиса!

Ее пальцы поймали крошечное запястье. Вытащив девочку из-под кого-то, Таллия прижала ее к себе, как будто это была ее собственная дочь.

— Мендарк! — настойчиво произнесла Таллия. Он свисал с металлической дверцы в полубессознательном состоянии. — Мендарк, я не знаю, куда отсюда идти. — Она ударила его по лицу. — Быстро! Как нам отсюда выбраться?

Он выпрямился, оторвавшись от дверцы клетки.

— Есть дверь, которая ведет из шахты, — сказал он, распахивая ворота. — Где-то здесь. Орстанда, где ты?

Таллия снова поискала в воде. Старая толстая Орстанда плавала лицом вниз. Она была мертва. Ее сердце не выдержало.

— Мендарк… — начала Таллия, но тут рядом с ними стали падать зажигательные ядра, шипя в воде. Кто-то закричал. Толпа выживших беглецов хлынула наружу через ворота, и в темноте и сутолоке Таллия не могла найти Мендарка.

В этом хаосе пришлось очень долго искать дверь и еще дольше — после того, как перестали падать зажигательные ядра, — открывать ее: мешал напор воды. Таллия видела тени солдат, спускавшихся в шахту по веревкам. Вместе с Оссейоном она вытащила последних вымокших, расшибшихся и обезумевших людей из клетки, которая уже почти полностью погрузилась в воду. Им удалось протащить спасенных людей в дверь как раз в тот момент, когда первый из солдат спрыгнул на крышу клетки. Тело Орстанды, а также труп адвоката, имени которого Таллия не помнила, пришлось оставить. Оссейон захлопнул дверь, а Мендарк потянул за рычаг, и каменная плита опустилась, заблокировав выход из туннеля.

Мендарк осмотрел своих людей, считая про себя, потом нахмурился:

— Где Орстанда?

— Она мертва, — тихо ответила Таллия. — Ее сердце не выдержало. Мне жаль.

Прикрыв лицо руками, Мендарк заплакал. Беглецы смотрели на него, испытывая неловкость.

— Нам нужно идти, — напомнила Таллия после долгой паузы.

— Знаю, знаю. Но почему, почему именно она из всех нас? Как мы сможем справиться без нее? У нее был самый светлый ум в Совете. И она была моим самым старым другом.

Никто не ответил. Отряд продвигался вперед, пока не добрался до открытой шахты. Медные ступеньки вели вниз. Посветили фонарем, но не видно было, где кончается лестница. Мендарк стал спускаться очень осторожно, поскольку его беспокоили раны. Дойдя до самого низа, он поставил сбоку от себя фонарь и поспешно отошел в сторону, словно опасаясь, что кто-нибудь на него упадет.

— Как насчет золота? — спросила Таллия.

— Оно спрятано дальше. У меня было предчувствие, что нам придется уходить в спешке. Однако путь к нему начинается здесь.

Они пошли извилистым путем, через лабиринт туннелей, походивший на крысиные норы. Мысль о том, что они могут

столкнуться с солдатами Иггура, внушала ужас. Однако все обошлось благополучно, и в конце концов они обнаружили золото там, где его припрятал Мендарк. Стражники подняли сундуки. Мендарк с каменным выражением лица указывал им дорогу.

— Этот туннель сообщается с канализационной системой, хотя при мне им и не пользовались, — бросил он через плечо. — Я не уверен насчет прилива. Возможно, нам придется подождать. Будем надеяться, что Иггуру понадобится достаточно много времени, чтобы догнать нас.

— Сейчас нет прилива, — сказала Таллия. — Мы успеем уйти до его начала.

Более часа они шли размеренным шагом, петляя по подземному лабиринту, и наконец под ногами у Мендарка заплескалась дурно пахнущая вода.

— Должно быть, мы возле старой части порта, — сказал он, обходя лужу.

Вскоре беглецы добрались до выхода из туннеля и остановились перед круглой дверью из толстого железа с двумя рядами проржавевших болтов. Они налегли на дверь, но она не открывалась. Тогда Оссейон разломал ее молотком, и они вылезли наружу.

Теперь отряд очутился в огромном канализационном туннеле, одном из главных в Туркаде. Течение в нем было быстрым: начался прилив. Они осторожно пробирались по краю, ступая по скользкому камню. И вдруг Мэлкин споткнулся и рухнул в поток. Он бы непременно утонул в этой зловонной жиже, если бы не Тиллан, шедший впереди него. Тиллан схватил Мэлкина за одежду, когда того несло мимо, и выудил из воды.

Мэлкин представлял собой весьма плачевное зрелище при желтом свете фонаря. Его роскошная мантия обвисла и была вся в пятнах, а меховой воротник, когда-то белый, походил теперь на шерсть мокрой крысы. Из носа текла кровь. Несчастный расплакался, и от его величественного вида ничего не осталось.

Тиллан с минуту наблюдал за ним в молчании, потом отвернулся и снова двинулся вперед. Со стороны могло показаться, что он принял на себя руководство их маленькой группой.

Они продолжили свой путь без дальнейших происшествий и наконец дошли до того места, где на стене туннеля были железные ступени, которые вели к круглому иллюминатору на самом верху. Дальше туннель спускался вниз, и в нем было полно воды. Стражник поднялся по лестнице, потянул за рычаг, и крышка иллюминатора открылась.

— Осталось несколько минут! — воскликнул Мендарк. — Ах,

Орстанда, если бы только ты была здесь!

Таллия испытала чувство огромного облегчения. Последние пять дней она жила в постоянном страхе, что ее схватят и начнут пытать. А ей теперь надо думать и о Лилисе. Таллия была единственным ребенком в семье и вряд ли смогла бы описать свои чувства к этой беспризорнице. Она любила Лилису сильнее, чем кого бы то ни было в своей жизни, и знала, какое это опасное чувство. Если бы им удалось выбраться из Туркада, тогда был бы шанс.

Они попали на каменный мол в крошечной бухте, разделявшей на две части большой портовый район, или, как его называли, портовый город. В этом месте мол был высотою в три этажа — четыре платформы из просмоленной древесины на сваях, облепленных ракушками. В Туркаде нельзя было ничего выгрузить с бота, не получив разрешения в портовом городе. И портовый народ, хлюны, ревниво оберегали свое право.

Мол и бухта были пусты.

— Где бот? — воскликнул встревоженный Мендарк. У них за спиной Тиллан зашелся от смеха.

7
Безумный марш

— Карааннна! — горестно кричал Лиан, оглядываясь назад в то время как Тензор тащил его к двери.

Та, которую он звал, лежала на полу между стражниками как маленький брошенный узел. Одна рука сжата в кулачок, рыжие волосы разметались по белому мрамору. Возле нее растеклась лужа крови.

— Я не пойду, — упирался Лиан. — Я не пойду! — яростно орал он прямо в лицо Тензору. Однако он мог бы с тем же успехом обращаться к скале. И рука, стискивающая руку юноши, и лицо Тензора были словно из камня.

Лиан согнулся, а когда Тензор потянул его за собой, выпрямился, как пружина, и так ударил аркима головой в подбородок, что у того лязгнули зубы. Тензор отшатнулся, и тогда Лиан помчался, перепрыгивая через скамьи и распростертые тела, и упал на колени рядом с Караной. Он взял ее за руку, которая была холодна как лед; однако веки ее трепетали. Она жива! Лиан обнял девушку и поцеловал в глаза — нежно, словно бабочка коснулась цветка.

Тензор поднял Лиана за воротник и хорошенько встряхнул. Они оказались лицом друг к другу, и Тензор не отрываясь смотрел на Лиана. После применения оружия, разрушающего мозг, аркиму было ужасно плохо. Тело его сотрясала дрожь, которую он был не в силах сдержать, а кровь струилась изо рта, капая на черную бороду. Его показавшаяся Лиану гранитной рука снова сдавила запястье своей жертвы, а взгляд Тензора через глаза юноши проник в мозг Лиана, превращая его в труху.

Двери Большого Зала со скрипом распахнулись. Тензор внимательно оглядел улицу, но ничего подозрительного не обнаружил. Они спустились по ступенькам в темноту, под проливной дождь. Лиан снова попал в рабство и не мог не повиноваться, потому что власть аркима над ним была безгранична. Редкие прохожие шли с опущенными головами, слишком поглощенные собственными заботами, чтобы заметить пару, которая выскользнула из Большого Зала. Эти двое торопливо шли по мокрым улицам Туркада, и никто не посмел приблизиться к ним, потому что на лице Тензора читались смерть и рок.

Это была страшная ночь, одна из самых страшных, и впервые до Лиана дошел весь ужас войны. Хватило одной ночи, чтобы

Лиан полностью излечился от своего романтического взгляда на Сказания, который ему привили в Школе Преданий.

Всего в нескольких кварталах от Большого Зала ранее разыгралось сражение, и его жертвы то и дело встречались Лиану по пути. Они с Тензором догнали молодого человека, который полз и стонал. Что-то волочилось за ним, цепляясь за булыжники. Это была отрубленная нога, она держалась только из-за шва штанов. На мостовую из раны хлестала кровь.

— Помогите мне, — жалобно закричал несчастный, когда Лиан с Тензором проходили мимо. Его красивое лицо исказила гримаса боли.

Лиан остановился, не зная, что предпринять, — впрочем, никто бы не смог равнодушно пройти мимо такой трагедии.

Тензора эта картина не тронула.

— Он умрет через пять минут, летописец, — грубо сказал арким. — И мы тоже, если нас схватит Иггур.

В то время как он это говорил, молодой человек рухнул лицом на камни, и поток крови из его обрубка превратился в тонкую струйку. Тензор дернул Лиана за руку, торопя его, но через несколько шагов упал на колени, выкрикивая: «Шазмак! Шазмак!»

Лиан стоял рядом: Тензор не выпускал его запястье. Славный, прекрасный Шазмак лежал в руинах, а его жители были убиты.

— Как это ужасно! — Слезы текли по щекам Тензора.

— Карана! Карана! — кричал он.

Потребовалось некоторое время, чтобы Тензор пришел в себя, и они двинулись в путь.

— Забудь ее, летописец! Она не выживет.

Вскоре они поравнялись с домами, охваченными огнем, и к ужасу Лиана, кто-то с воплями выпрыгнул из окна. За человеком, напоминая свадебный шлейф принцессы, взметнулись искры. Человек рухнул в ухоженный сад с розами. Крик прекратился, а пожар продолжал бушевать. Взглянув наверх, Лиан увидел в окнах горящих домов другие фигурки на фоне желтого пламени, однако Тензор увлек юношу за собой. Образ падающего человека еще долго преследовал Лиана.

— За нами следят, — сказал Тензор через какое-то время.

Лиану было все равно. Тензор затащил его за угол, и они прижались к стене. Девочка, похожая на беспризорницу, прошла мимо. Тензор поднял сжатый кулак. Лиан словно очнулся. В походке девочки было что-то знакомое.

Ребенок остановился, оглянулся, затем, осторожно ступая, направился к переулку. Лиан чувствовал давление в черепе, словно Тензор заставлял его приблизиться к ней. То же

стремление охватило и девочку — это было еще одно проявление власти Тензора над людьми. Лиан понял, что задумал его спутник. Еще несколько шагов — и Тензор размозжит голову девчонки о булыжники мостовой.

— Лилиса! — закричал Лиан. — Уходи! Возвращайся назад!

Он так сильно толкнул Тензора, что арким ударился о стену головой. Лиан задрожал и сполз вниз по стене. Лилиса понеслась прочь. Прежде чем Тензор пришел в себя, ее и след простыл. Лиан тоже рванулся было, но не сделал и десяти шагов, как его ударили по голове, и он упал на мокрую мостовую.

— Как это достойно, — насмешливо произнес Лиан, поднимаясь, — устроить засаду на ребенка. — И плюнул в Тензора.

Арким потащил его дальше, не встретив никакого сопротивления: это была последняя вспышка неповиновения Лиана, после которой железный контроль Тензора над его разумом стал еще сильнее, чем прежде.

Вскоре они остановились возле уединенной виллы. Она была окружена чугунной оградой и густой живой изгородью, усыпанной красными ягодами. Тензор повернул ключ в замке высокой калитки, послышались два щелчка, и калитка распахнулась. Тензор постучал в дверь, и ему открыла рыжеволосая женщина ростом примерно с Лиана. Из-за ее спины выглядывали другие аркимы. Лиан вошел на веранду, слишком потрясенный и измученный, чтобы рассуждать рационально. Он вновь и вновь вспоминал разгром Тайного Совета. Когда он закрывал глаза, перед его мысленным взором возникала лишь одна сцена: Карана, застывшая с приоткрытым от ужаса ртом, в момент убийства Нелиссы.

— Малиена… — начал Тензор, в первый раз проявив свое горе. — Не думал, что увижу здесь *тебя*. — Он раскрыл объятия.

— Я приехала на запад, чтобы увидеть своего сына, — ответила она, делая шаг назад, чтобы уклониться от его объятий. — Только сегодня я узнала, что приехала слишком поздно.

— Слишком поздно! — слабым эхом отозвался Тензор. — Ах, Малиена, я не приносил такие дурные новости с тех пор, как пал Тар Гаарн. — Он пошатнулся в дверях, и при свете лампы стали видны слезы, дрожавшие у него на ресницах.

Малиена, женщина с суровыми чертами лица, обладала зрелой красотой. Она взглянула на Тензора. Что-то в ней, кроме рыжих волос, напомнило Лиану о Раэле, утонувшем во время их бегства из Шазмака. Она была похожа и на Карану. Он уже слышал имя Малиены прежде — должно быть, в Шазмаке. Юноша

определенно находил в ней сходство с Караной: бледная кожа, округлое лицо, серовато-зеленые глаза. Но аркима была старше. У Лиана, вновь вспомнившего о Каране, которая осталась лежать между стражниками, бледная и холодная, сдавило горло.

Малиена посмотрела на него. Ее бесстрастное лицо было лишено всякого выражения. Она положила свою красивую руку с удлиненными пальцами на рукав Тензора и притянула его к себе.

— Заходи, — тихо произнесла она. — Дурные новости следует с кем-то разделить. Правда, нас совсем немного. — Она кивнула в сторону Лиана. — А это что такое?

Лиан вздрогнул, хотя теперь он знал, что у аркимов есть привычка говорить о представителях других рас как о неодушевленных предметах — по крайней мере, пока с ними не возникнут какие-то отношения.

— Это предатель-дзаинянин, — ответил Тензор. — Возможно, я использую его, если дела обернутся определенным образом. Не думаю, что от него будут какие-то неприятности.

Кто-то проводил Лиана в маленькую комнату в задней части виллы и закрыл дверь. Все это было проделано крайне вежливо. В комнате не было ни света, ни мебели, так что он улегся на пол в мокрой одежде.

В доме было холодно, и ему стало неуютно. Он поднялся с пола и, подойдя к двери, обнаружил, что та не заперта. Юноша тихо прошел в холл. Дверь в следующую комнату, длинную, с высоким потолком, была открыта. На роскошном шерстяном ковре стоял Тензор, с которого капала вода, и рассказывал о Тайном Совете:

— …Шазмак взят и разрушен, говорила Феламора, и все наши люди мертвы.

Услышав это, аркимы застыли, будто мраморные изваяния, с лицами, лишенными всякого выражения, — так велико было их горе. Пока длилось молчание, Лиан рассматривал их. Древняя раса аркимов изначально жила на Аркане, но после возникновения Непреодолимой Преграды оказалась на Сантенаре. Аркимы отличались высоким ростом, но их можно было по ошибке принять за коренных сантенарцев, каковым был Лиан, если бы не такие явные отличия, как маленькие круглые уши, костный гребень на черепе и рудиментарный хвостик. Правда, их почти нельзя было разглядеть под волосами и одеждой. В случае необходимости аркимы прятали свои желто-зеленые с овальными зрачками глаза под темными очками. Удивительно длинные пальцы на руках было труднее скрывать.

После своего пребывания в Шазмаке Лиан знал многих из находящихся в комнате. Блез был высоким, с темно-серыми

волосами, локонами ниспадавшими на плечи, и орлиным носом. Рядом с ним разместились две женщины — высокая Еннис с коротко остриженными волосами и золотым кольцом в мочке уха и Тель, инженер, миниатюрная и хорошо сложенная. Рядом с ней — стройный молодой человек ростом с Лиана, с гривой черных волос. Лиан не встречал его прежде.

Еще здесь были близнецы Ксара и Шала — невысокие женщины, первая с белокурыми волосами и бледным, веснушчатым лицом, вторая — ее двойник, но в темном варианте. Они были самыми младшими из всех аркимов. Поодаль от всех стоял Труль. У него была тонкая кость. Из-за этого он выглядел очень хрупким, словно ребенок, его лицо осунулось от горя. Труль тяжело переживал дурные новости.

Малиена нарушила тишину:

— Как это случилось, Тензор? Как мог пасть Шазмак?

— Гаршарды!..

Малиена невольно вскрикнула от страха. Другие аркимы запричитали от ужаса.

— Гаршарды, — повторила она, и ей пришлось сесть. — Откуда они взялись через тысячу лет?

— Никто не знает, — ответил Тензор. — Я услышал эту новость только вчера вечером. Когда-то Иггур подчинил их своей воле и сделал своими слугами, вельмами. Но теперь они восстали и вспомнили, кем были прежде, а может быть, кто-то превратил их обратно в тех, кем они являлись во времена Рулька.

— Кто показал им путь в Шазмак? — Голос Малиены был тверд, в нем звучали металлические нотки.

— Это долгая история, Малиена. Карана пришла в Шазмак два месяца тому назад с этим летописцем, который теперь шпионит за нами. — Он указал на Лиана. — Потом они сбежали из города с помощью Раэля.

Упоминание имени Караны вызвало слезы на глазах Лиана. Ему отчаянно хотелось бежать к ней, он даже попытался сделать шаг к двери, но власть Тензора над ним была велика.

— Это я уже слышала, — сказала Малиена, с трудом сдерживая свой гнев. — А также что, преследуя их, ты захватил Феламору и послал в качестве пленницы в Шазмак. Ее, самую могущественную женщину на Сантенаре, за которой стоят все феллемы! Как ты мог сделать такую глупость?

— Мы обнаружили ее, когда она наблюдала, как вельмы Иггура убивают наших людей. Я уверен, что она была с вельмами в сговоре.

— Более невероятный союз трудно себе представить! — возразила Малиена в ярости. — Теперь я понимаю: Феламора

разложила Шазмак изнутри, как термит.

— Феламора сказала, что нас предала Карана.

— Я не могу в это поверить, — сказал молодой человек с гривой черных волос.

— Я тоже, Аспер, — заявила Малиена. — А где сейчас Карана, Тензор?

— Она погибла на Тайном Совете, — мрачно произнес Тензор.

— Ты бросил ее! — закричал Лиан. — Она была еще жива!

Мука исказила лицо Малиены. Она повернулась к Тензору и слабым голосом спросила:

— Это правда?

— Да, — ответил Тензор. — Но она бы все равно не выжила.

Малиена ударила себя кулаком в грудь. Аркимы образовали вокруг Малиены траурный круг, подойдя к ней почти вплотную. Тензор стоял опустив руки, сжатые в кулаки. Наконец круг распался.

— А что ответила Карана на ложь Феламоры? — прошипела Малиена.

— Она твердила, что Феламора воздействовала на Эмманта и когда тот покинул Шазмак, то показал гаршардам тайный путь в город. Но Феламора на это сказала…

— Феламора сказала, *Феламора сказала…* — Малиена в ярости повысила голос. — Значит, ты веришь ей, а не Каране? Разве не так?

— Карана утаила от нас Зеркало, обманув далее Аркимский Совет.

— Ба! — воскликнула Малиена. — Феламора — отъявленная лгунья. Для феллемов правда — самая слабая иллюзия из всех возможных.

Лиан был заворожен тем, что узнал об аркимах и Феламоре. Все это он использует в своем «Сказании о Зеркале», которое, как он надеялся, в один прекрасный день войдет в число Великих Сказаний.

Лиан был мастером-летописцем, а также сказителем — за много столетий впервые этих почетных званий добился такой молодой человек. Что же, тем лучше — ведь он так неуклюж в остальных делах и больше почти ничего не умеет. Предания, столь важные для культуры Сантенара, были его жизнью. Каждая семья хранила свои собственные записи, и все жаждали быть упомянутыми в Преданиях мира или даже — неосуществимая мечта — в одном из Великих Сказаний. Добавить еще одно к двадцати двум Великим Сказаниям — о, как это было бы чудесно!

— В этом есть доля истины, — продолжал Тензор, заставив

Лиана очнуться от романтических мечтаний, — хотя *все* ли тут правда, вряд ли скажет даже Аркимский Совет. Теперь я понимаю, что Феламора — мой враг.

Ответ Малиены просвистел, как разящий бич:

— Твоя глупость в том, что ты не хотел видеть то, что знает каждый аркимский. Наша глупость — что мы позволили тебе все делать по-своему. *Почему* ты послал Феламору в Шазмак, не слушая ничьих советов? Ты разрушил наш мир и нашу жизнь и сделал нас отверженными. Ты должен взять себе новое имя. Зови себя тил-Питлис — то есть «еще более низкий, чем Питлис», память о котором проклята.

Лиан знал о Питлисе, что тот был великим аркимским предводителем всех времен и архитектором, который спроектировал Тар Гаарн, их самый великолепный и гармоничный город. Но Питлис был до безумия горд и никогда не внимал советам. Его союз с кароном Рульком привел к падению Тар Гаарна и полному краху аркимов. Даже теперь, спустя тысячу лет, они не оправились от удара. «Сказание о Тар Гаарне» Лиану было хорошо известно.

— Я ужасно напуган, — вымолвил Тензор. — Посмотрите на это!

Он вынул из кармана черный металлический футляр и достал из него какой-то предмет, который сам по себе развернулся и оказался плоским листом. Аркимы подошли поближе, чтобы взглянуть на эту драгоценную вещь — Арканское Зеркало. Они не видели его с тех пор, как Ялкара украла у них Зеркало при падении Тар Гаарна.

Оно было изготовлено из листа черного металла. По краю листа располагалось что-то вроде рамы, на которой была сделана надпись мелкими серебряными буквами — иероглифами, незнакомыми даже Лиану, получившему хорошее образование. В верхнем правом углу был изображен символ: три золотистых пузырька, окруженные алыми полумесяцами были заключены в круг, заполненный тонкими переплетающимися серебряными линиями. Внутри рамы блестел какой-то жидкий материал, напоминавший ртуть, который на свету покрывался мелкой рябью.

Тензор поднял Зеркало так, что в нем отразился свет ламп. Кто-то издал вздох. «Наверно, Труль», — подумал Лиан. Аркимы не отрывали взгляда от Зеркала. Алые полумесяцы на свету загорелись. Поверхность Зеркала стала мерцать, казалось, ее вот-вот разорвет от света. У Лиана начало покалывать в голове.

Тензор дотронулся до символа на Зеркале:

— Зеркало изменилось — это работа Ялкары.

— Мне не нравится, как оно выглядит, — испуганным шепотом произнес Аспер. — Что это может означать?

— Понятия не имею, что она с ним сделала.

— В таком случае меня удивляет, что ты потратил столько времени, гоняясь за ним, — ядовито заметила Малиена.

— Это конец? — перебил их человек, стоявший в тени. У него было чисто выбритое лицо и густые курчавые волосы. Такого высокого человека Лиану еще не приходилось видеть — ни среди аркимов, ни среди других рас. — Разве даже у Тайного Совета не было ответа?

— Совет осквернен, Хинтис, — медленно и устало ответил Тензор после долгого молчания. — Феламора нанесла мне еще один удар. Несомненно, она все это спланировала.

— Она коварна, — согласился Хинтис, кивая курчавой головой.

— Ее помощница Магрета внезапно появилась на балконе, — продолжал Тензор. Его лицо застыло при воспоминании об этом, а зубы оскалились. — Как высокомерно она смотрела на меня сверху! Я чувствовал, что она насмехается над моей мукой. У нее глаза каронов — не думал, что когда-нибудь увижу их снова. Я не смог это вынести. Весь мир был против меня.

— Ты убил ее! — воскликнула Малиена. Ее глаза сверкнули, когда она посмотрела на Тензора. — Смело!

— Ах, если бы!.. Я был уверен, Феламора с Магретой что-то замыслили против меня.

Никто не произнес ни слова. Взоры всех присутствовавших были прикованы к Тензору. Лиан подобрался поближе, но аркимы этого не заметили, или им было все равно.

— Мне изменило мужество. Я применил *хакаша канаджиска* против Нелиссы. Она мертва, и весь Совет сражен. — Огромные руки Тензора беспомощно повисли. — Это было ужасно. У меня до сих пор звенит в голове.

— *Ты нанес удар Великому Тайному Совету?* — вскричала Малиена, трясясь от ярости. — Ты обратил против наших беззащитных союзников оружие, разрушающее мозг, оружие, от которого погибло больше аркимов, *чем их врагов?* Это оружие было создано с единственной целью, но и тогда оно не помогло нам.

Лиану показалось, что сейчас Малиена ударит Тензора, но та круто повернулась и выбежала из комнаты. За ней один за другим вышли и другие, низко опустив головы. Остался лишь Тензор, с которого все еще капала вода на ковер.

Лиан стоял, прислонившись к стене, и на него никто не обращал внимания, словно он был предметом обстановки. Он

слышал, как переговаривались между собой аркимы, но не мог разобрать слов. Потом они вернулись, снова цепочкой. Последней двигалась Малиена.

Малиена подошла прямо к Тензору.

— Мои чувства к тебе вычеркнуты! — горько сказала она. — Как будто мы никогда не встречались. Я простила тебе все глупости, все безумства, но только не это… *вероломство!* Ты осквернил все, что у нас с тобой было. Я отрываю тебя от себя навеки.

Вымолвив это, она взялась за перед рубашки и разорвала его, обнажив груди, затем швырнула шелковые тряпки к ногам Тензора. Встряхнув рыжей головой, так что волосы упали на лицо, она повернулась и медленно удалилась.

Тензор издал пронзительный вопль муки. Стеклянные светильники на стене затряслись и со звоном упали на пол. Тензор рухнул на ковер, сжимая шелк в руке. Остальные аркимы, такие скорбные, словно шли на похороны ребенка, последовали за Малиеной.

Давление воли Тензора на Лиана прекратилось. Юноша был свободен. Лиан прокрался к двери. Поблизости никого не было, и ничто не мешало ему выйти из дома. Дверь легко открылась. Он выскользнул через нее и немного постоял на веранде, высматривая в темноте дорожку и калитку в изгороди и размышляя о том, как бы во мраке и тумане незнакомого города, в котором к тому же идет война, отыскать обратную дорогу к Большому Залу. Он слишком долго мешкал.

Неожиданно Лиан услышал звук, очень отчетливый, несмотря на шум дождя, капающего на гравий, воды, журчащей в канаве, и ветра, гудевшего под крышей. У него волосы встали дыбом. Может быть, это часовой у калитки? Нет, вряд ли. В тусклом свете уличного фонаря юноша заметил чью-то тень. Тень двигалась. Вперед или назад? И то, и другое было плохо. Мгновение, и тень снова слилась с темнотой. Конечно, сам Лиан был невидим у двери. Он отступил назад.

Что-то глухо ударилось о дверной косяк. Лиан попытался заскочить внутрь, но кто-то поймал его за рукав. Он отбивался, пока не понял, что его куртка пригвождена к стене копьем.

Юноша высвободил рукав, но тут его правый бок пронзила острая боль. Лиан был прикован к двери. В окнах виллы погас свет. Лиан вскрикнул, теплая рука прикрыла ему рот, и Малиена тихо произнесла ему в ухо: «Замолчи!» — и выдернула копье. Лиан издал вопль. Малиена затащила его в дом. Снаружи еще одно копье воткнулось в дверь, закрытую аркимкой на засов.

Возгласы Лиана оказали действие на аркимов: они ринулись

к окнам, закрывая металлические ставни. Малиена, в разорванной рубахе, возилась с длинными запорами, когда что-то ударило в дверь с такой силой, что задрожали стены. Следующий удар чуть не открыл дверь, но Тензор налег на нее, и вдвоем им удалось надежно ее запереть. Подхватив Лиана под мышки, Малиена повела его в большую комнату.

Лиан еле двигался, покрываясь холодным потом. Кто-то поддерживал юношу, пока Малиена срывала окровавленную рубаху. Ноги Лиана подогнулись, и его положили на пол. Малиена была испачкана его кровью.

— Мы в безопасности? — громко спросила она.

— Да, — услышала она в ответ.

Подбежал Тензор. Он увидел, что бок Лиана пробит копьем, которое прошло между седьмым и восьмым ребрами.

— Рана серьезная, но кость не задета, — сказал Тензор. — Наложите тугую повязку, и мы уходим.

От потери крови Лиан потерял сознание. Что-то обожгло его, и, открыв глаза, он увидел, что Малиена промывает рану тряпкой, от которой идет пар. Женщина так туго забинтовала его, что Лиан едва мог дышать. Затем юношу подняли, надели другую рубашку, мягкую, как шелк, — очевидно, принадлежавшую Малиене, — а сверху — шерстяную куртку.

— Кто на меня напал? — простонал Лиан.

— На копье знак вельмов, — с презрением произнесла Малиена.

Дверь продолжали атаковать с помощью топоров или мотыг. Какой-то очень высокий аркимов снова поднял Лиана и вместе с ним начал спускаться вниз по длинной лестнице.

— Зажигай, — прозвучал голос Тензора.

Лиан с трудом приоткрыл глаза и увидел, как швырнули факел на груду приготовленных щепок и тряпок, смоченных в масле. Взметнулось желтое пламя.

Лиана понесли дальше вниз по лестнице, затем через люк — в подвал. Дверца люка захлопнулась. Они прошли через погреб, забитый бочками и сырами размером с колесо телеги, потом через мокрый туннель. Тель разрубила топором сыр на треугольные куски и раздала их всем. У Тензора, как и у остальных аркимов, за спиной был огромный рюкзак. Он подождал, пока все пройдут, потянул за рычаг. В тот же миг позади отряда аркимов с грохотом обрушился потолок туннеля, завалив проход. Запахло землей. Пройдя еще через одну дверь, аркимы попали в следующий погреб и наконец выбрались в переулок, ничем не отличавшийся от тысяч переулков в Туркаде. Лил дождь.

— Ксара! — обратился Тензор к светловолосой женщине. — Ступай в наше убежище и жди. Если придет кто-нибудь из наших людей… — Он прошептал ей что-то в самое ухо, так что Лиан не услышал остального.

Ксара устремила взор на свою сестру, которая с застывшим лицом смотрела на нее.

— Я не могу уберечь вас обеих, — сказал Тензор. Ксара кивнула, обняла сестру и неохотно пошла прочь, то и дело вытирая глаза. Шала глядела сестре вслед, пока та не скрылась из виду.

У Лиана при себе ничего не было — только мешочек на поясе, в котором он хранил кошелек, дневник с заметками для «Сказания о Зеркале» — их Лиан носил с собой повсюду. Тензор набросил юноше на плечи плащ. Лиан запахнул его одной рукой, а Аспер помог ему набросить на голову капюшон.

Дождь все еще не прекращался. С юга дул ветер. С той же стороны доносились звуки битвы. Аркимы долго пробирались по городским улочкам. Затем они прошли потайным путем через городскую стену. Однако, судя по всему, об этом проходе было известно еще кое-кому: когда осталось пройти еще двоим из них, аркимы услышали:

— Кто идет?

Тензор стремительно напал на стражника и убил его. Он выкрикнул команду, и аркимы бросились врассыпную. Лиан почувствовал жгучую боль, когда человек, несший его, побежал. Мимо уха Лиана просвистела стрела. Арким поскользнулся, уронил Лиана и упал на него. Нестерпимая боль… и Лиан потерял сознание.

Остаток ночи юноша провел то приходя в себя, то вновь впадая в забытье, и каждое пробуждение сопровождалось единственным ощущением: огонь жег ребра Лиана. Но сейчас было утро, это он мог сказать, не разлепляя глаз. В боку сильно пульсировала кровь, и он знал, что тот, кто его несет, бежит. Неожиданно человек остановился, опустив Лиана на холодную землю.

Лиан открыл глаза. Он видел светлеющее небо сквозь сплетающиеся ветви деревьев с узкими листьями. Они были далеко от Туркада. Теперь ему никогда уже не найти Карану. Погруженный в печальные мысли, он забылся тяжелым сном.

Лиан проснулся от жажды. Рука его нащупала снег, и он стал заталкивать его в пересохший рот. Он попытался пошевелить другой рукой, но весь бок, плечо и мускулы спины заныли.

Слева, поодаль от него, прислонившись к дереву, стоял высокий арким и смотрел на дорогу. Грудь его все еще тяжело

вздымалась, Лиан не помнил его имя.

— Эй! — позвал он аркима. Голос юноши был слабый — словно завывания призрака, заглушаемые ветром. Однако тот перевел на него взгляд, потом снова устремил его на каменистую дорогу.

Лиан попытался сесть, но ничего не получилось. Тогда, перекатившись на здоровый бок, он встал на колени. Кровь потекла по животу. Заставив себя подняться, он сделал несколько неуверенных шагов, добрел до ближайшего дерева и свалился на землю.

«Где мы? И где остальные аркимы?»

Наконец его спутник закинул за плечи большой рюкзак.

— Ты идешь? — спросил он Лиана.

Лиан нахмурился, затем определил, что за акцент у говорящего. Его спутник был с дальнего востока, вероятно из аркимского города Стассора.

— Думаю, что смогу идти, — наконец ответил он. — Если ты не будешь двигаться слишком быстро.

Арким повернулся к косогору.

— Пошли, — сказал он.

Лиан поднялся, держась за дерево, нащупал мешочек на поясе и последовал за аркимом. Вскоре дорога стала такой крутой, что ему пришлось присесть, чтобы не потерять сознание. Арким взвалил его на плечо, и они продолжили свой путь.

У Лиана снова закружилась голова, и остаток дня запечатлелся в его сознании очень смутно: мучительная боль, тряска, тяжелое дыхание несшего его аркима и отдых на снегу. Наконец арким остановился, прислонил Лиана к дереву и исчез.

Лиан попытался утолить жажду снегом, но у него заныли зубы, а пить все еще хотелось.

Пейзаж был унылый: белый снег, искривленные сосны и серые камни, покрытые лишайником. Снег падал не переставая.

Лиан не представлял, где они находятся. Когда наступили сумерки, арким раскрыл рюкзак и отрезал несколько кусков какого-то черного мяса. Положив их на широкий лист, он протянул еду Лиану.

— Спасибо, Хинтис, — сказал тот, с трудом вспомнивший его имя. Должно быть, он действительно был в шоке, если забыл, как зовут аркима: ведь в точности помнить все услышанное и прочитанное — то, чему обязательно обучают мастеров-летописцев.

Лиан грыз кусок мяса, оказавшийся солониной, твердой, острой и пряной. Когда он доедал первый кусок, на лбу у него выступил пот. Он съел немного снега, чтобы охладить горящий

рот. Мясо было вкусным. Он принялся за второй кусок.

— Где остальные? — спросил Лиан с набитым ртом.

— Не знаю, — ответил Хинтис с сильным акцентом. Затем, предвосхищая следующий вопрос, продолжил: — Они нас найдут!

Хинтис отрезал себе еще один кусок и, разделив его на аккуратные полоски, отправил в рот с помощью ножа. На второе у них был сыр.

Не рискуя лечь на холодную землю, Лиан уселся на груду веток, прислонился к дереву и прикрыл глаза. Бок у него горел. Поскольку юноша продремал весь день, то теперь не мог заснуть. Один раз из леса раздалось какое-то шуршание. Наверно, это был Хинтис или какой-то лесной зверек. Лиан тосковал по Каране, чувствуя, что она безвозвратно утеряна. Он покинул ее. Унылая ночь проходила для него так медленно, как никогда еще в жизни.

У Иггура не хватало солдат, чтобы полностью окружить Туркад: город был слишком велик, и из него было слишком много выходов — особенно через холмы с северной стороны. Но неподалеку от города расположился отряд из отборного войска Иггура, поджидавший возвращения вельмов-шпионов. Поступил сигнал, что из Туркада выскользнул кто-то значительный.

Наконец один из шпионов явился: женщина в мешковатом сером одеянии с капюшоном из грубой ткани. Вельмы были медлительные и неуклюжие, но упорные и безжалостные. Однако и у них была слабость, которую Карана обнаружила, когда ее преследовал Идлис. Родом с морозного юга, вельмы были сверхчувствительны к солнцу. Эта особенность вынуждала их защищать лица полумасками со щелями для глаз, а кожу — одеждой, прикрывающей все тело.

Шпионку звали Йетча — она преследовала Лиана по пути из Чантхеда прошлой осенью. Она была молода и более привлекательна, чем остальные ведьмы. Ее огромные глаза были черны, как полночь. Жесткие черные волосы, подрезанные клинком, свисали на плащ неровными прядями. Йетча с довольным видом отсалютовала капитану отряда. Он ждал, когда она заговорит, зная, что вельмов нельзя торопить.

— Это наш враг, Тензор, — начала она. — Арким, который сбежал из Большого Зала Туркада две ночи назад. Он унес с собой Арканское Зеркало. С ним отряд из восьми-девяти аркимов, но они, кажется, слабо вооружены. Захватить его будет почти таким же великим подвигом, как поймать чародея Мендарка. — Она сплюнула при этом имени и поджала тонкие серые губы.

— Тогда давайте составим план. Что ты знаешь об этих аркимах, Йетча?

Усевшись поближе к огню, они принялись вполголоса беседовать и чертить маршруты, водя пальцами по карте. Наконец капитан кивнул:

— Оповести другие отряды. Мы попытаемся загнать их на утес. Если мы загоним их туда, им придется сражаться или сдаться, так как с другой стороны — пропасть. А если они решат сражаться, то нас будет пятеро на одного, к тому же мы лучше вооружены!

Проснувшись от звука голосов, Лиан увидел рядом с Хинтисом еще двух аркимов: высокую Еннис с коротко остриженными черными волосами и женщину меньше ее ростом с рыжими волосами — несомненно, Малиену.

Она обернулась — это действительно была Малиена. Она что-то объясняла другим, жестикулируя и указывая на лес. Потом Хинтис кивнул и пошел в том направлении. Еннис начала выкладывать вещи из своего рюкзака. Занимался рассвет.

Малиена присела на корточки возле Лиана и тщательно его осмотрела.

— Как ты себя сегодня чувствуешь? — спросила она с улыбкой, напомнившей ему Карану.

Ему было холодно, он проголодался и ослабел. Бок болел. Он вяло улыбнулся и ответил:

— Неважно.

Она расстегнула его зеленую шелковую рубашку, и ее взгляд упал на амулет из нефрита, висевший у Лиана на шее.

— Просто подарок на память, который дала мне моя мать, когда меня отослали из дому.

— Отослали! — приподняла она бровь. — Ты был смутьяном?

Лиан с трудом рассмеялся:

— Да нет, совсем наоборот. Я был умным ребенком, и меня заметил Мендарк. Он предложил оплатить мое обучение в Школе Преданий.

— Чантхед далеко от Эпперанда, где проживают дзаиняне, — сказала она.

— Слишком далеко! Мои родители были бедны, и такая возможность могла больше не представиться. Я уехал в Чантхед шестнадцать лет тому назад и так и не вернулся. Мне бы хотелось побывать дома.

Малиена продолжала, нахмурившись, смотреть на амулет — он чем-то заинтересовал ее, — хотя, насколько было известно Лиану, он был дешевый и дорог только как память.

— Кажется, он заколдован, — вымолвила она наконец. — Твоя мать?..

— Нет! С ним что-то сделала Феламора, чтобы Эммант смог с его помощью заманить Карану в ловушку. Но хоть он и осквернен, я не в силах выбросить этот амулет.

— Мне нужно на него взглянуть поближе. Я смогу убрать чары. — Малиена сняла с его шеи амулет. — А теперь обратимся к твоей ране.

Она размотала окровавленный бинт.

— Болит? — спросила она, дотрагиваясь до краешков раны.

Лиан употребил все усилия, чтобы не закричать. Малиена снова нахмурилась, рыжеватые брови сошлись на переносице. «Как она похожа на Раэля!»

На юношу нахлынул целый поток воспоминаний. «Интересно, не родственники ли они? Возможно, Малиена его старшая сестра». Лиан не умел определять возраст аркимов.

Поджав губы, Малиена принялась собирать хворост для костра и, несмотря на предостережения Еннис, подожгла трут. Костер получился небольшой, и он не дымил. Вскоре вода в котелке закипела.

Вымыв руки, Малиена отмочила бинты и промыла рану.

— Тебе повезло, — сказала она. — Копье лишь распороло тебе бок и немного продырявило вот здесь. Рана чистая, не отравленная.

— Дьявольски болит, — пожаловался Лиан, покрываясь испариной.

— Конечно болит, — засмеялась Малиена. — Правда, многим приходилось гораздо хуже, и они не жаловались.

— Я могу вспомнить тысячу сказаний о героях, слишком глупых, чтобы ощущать боль, — пробормотал Лиан, сейчас больше походивший на надувшегося школьника, чем на мастера-летописца.

Малиена посыпала рану красным порошком из коробочки, сделанной из черного дерева, и, закрыв ее, взяла иголку с ниткой. Лиан встревожился:

— Что ты собираешься делать?

Она улыбнулась, показав безукоризненные зубы:

— Я собираюсь заштопать тебя, летописец. Ты сможешь написать новое предание. Назови его «Тысяча первый герой, или Мальчик, который кричал». — Малиена засмеялась.

— Нет!

— Это необходимо. Впрочем, если хочешь, я предоставлю это Тензору.

— Нет!.. Я хочу сказать, лучше ты!

Она принялась шить, продергивая окровавленную нить сквозь кожу юноши, что, кроме того что причиняло сильную боль, было

ужасно неприятно. Наконец Малиена забинтовала рану и помогла Лиану надеть рубаху и куртку.

— Не надо ли прибинтовать руку к боку, — задумчиво произнесла она, — чтобы ты не разорвал стежки?

— Нет! — ответил Лиан, но она все равно сделала по-своему.

Как раз в этот момент появился Тензор вместе с остальными аркимами — они сбегали с горы с тяжелыми рюкзаками.

— Скорее! — закричал он. — За нами гонятся.

Костер затоптали и засыпали снегом. Аркимы бежали всю ночь, но не могли оторваться от преследователей, мчавшихся за ними неутомимо, как свора псов. Из-за Лиана беглецы двигались медленнее. На рассвете Тензор объявил краткую передышку, чтобы позавтракать.

— Кто они? — воскликнул курчавый Хинтис со своим невообразимым акцентом, запивая хлеб водой.

— Я сильно опасаюсь, что среди них есть вельмы, — проговорил Тензор. — Уж очень легко они идут по нашему следу в темноте.

— Вельмы или гаршарды? — Хинтис напрягся. — А откуда они-то взялись спустя столько веков?

— Это вопрос, на который всем нам хотелось бы найти ответ, — вставила Малиена.

— Тогда я предлагаю остановиться и устроить на них засаду. Вырвем из них правду, чтобы отомстить за Шазмак. Мне невыносимо удирать от *них*.

— Мы непременно отомстим за Шазмак, — пообещал Тензор, обняв Хинтиса за плечи. — Но сначала хозяин, потом — слуги.

— Этот твой дзаинянин — большая обуза, мы из-за него еле тащимся, — сердито сказал Хинтис. — И от него невыносимо воняет. Что если я размозжу ему голову вот об эту скалу? Тогда вельмам не видать нас как своих ушей.

Лиан побелел от страха, но Тензор возразил:

— Ты должен потерпеть, Хинтис, он мне нужен. Терпеть, как всегда терпели мы, аркимы.

Хинтис сплюнул, но больше не произнес ни слова.

Они принялись взбираться на крутой утес, и дорога становилась все круче. Справа и слева были пропасти. Вниз можно было лишь сползать.

— Не нравится мне это, — сказала Малиена, тяжело дыша, когда они с трудом карабкались между валунами и поваленными деревьями. — Они загоняют нас в ловушку.

— Не знаю, — ответил Тензор. — Эта местность мне незнакома.

— Они могут очутиться у подножия горы прежде, чем мы

доползем до вершины.

— Несколько отрядов, оторванных от боевых действий на войне, не могут помешать нам добраться до цели, — заявил Тензор и, вскинув Лиана на плечо, зашагал в гору еще быстрее.

Вскоре они добрались до вершины утеса; лес кончился, здесь были только вереск, жесткая трава и отколовшиеся камни. Негде укрыться! Пробежав несколько шагов, они замерли на месте. Впереди виднелось ущелье, за ним — высокая черная скала, а под ногами — крутой склон, покрытый каменистой осыпью, образовавшейся в результате последнего из многочисленных обвалов. Внизу — бурная река. Они попали в ловушку. Аркимы молча переглянулись.

— Мы умрем *здесь, вот так?* — наконец сказал Тензор. — Мы можем прихватить с собой многих из них.

— У меня нет такого желания, — ответила Малиена. — Сначала я переберусь через утес и попытаю счастья со спуском к реке.

Когда она произнесла эти слова, на вершине показались солдаты Иггура. Тензор снова посмотрел в пропасть:

— Кто вызовется попробовать первым? Ты, летописец! Возмести нам все неприятности, которые нам доставил.

С этими словами он разрезал бинты, которыми рука Лиана была прибинтована к боку.

— Что ты делаешь? — закричал Лиан.

— Сбрасываю тебя со скалы. Если ты уцелеешь, беги поперек склона, или тебя настигнет оползень. Готов?

— Нет! — завопил Лиан, но Тензор поднял его на вытянутых руках и швырнул в пропасть.

8
Общие сны

Лиан полетел камнем вниз, задел за выступ черной скалы и рухнул на крутой склон, а затем заскользил по нему на спине вниз. Судя по резкой боли, рана открылась. Однако ему некогда было ее проверять, поскольку склон начал двигаться под ним. Вскочив на ноги, Лиан сделал шаг и снова упал.

Он ехал вниз ужасно быстро и неудержимо. Посмотрев вверх, он увидел, что весь склон пришел в движение. Что сказал ему Тензор? *Беги поперек склона*. Теперь он понял. Оползень имел форму веера — если ему удастся удержаться на ногах и бежать достаточно быстро, то он сможет выскочить за его пределы.

Однако легче сказать, чем сделать. Как только Лиан ступал на камень, тот выскальзывал из-под ног, и юноша, потеряв равновесие, падал.

Наконец он нащупал точку опоры и обнаружил, что гораздо легче удержаться на ногах, если бежишь. И он бежал, пока в здоровом боку не закололо почти так же, как в раненом, который к тому же кровоточил. Камень размером с грейпфрут ударил Лиана под колено, он рухнул и покатился по склону. Вдруг над собой он увидел большую глыбу, летящую прямо в него. Лиан упал и прижался к скале, и камень пролетел, едва не задев его.

Он снова побежал, а обвал ревел у него за спиной, как дикий зверь, догоняя его. Впереди он увидел маленький выступ между этим и соседним склонами. Устремившись к нему, Лиан упал на больной бок, беззвучно закричал и пополз на четвереньках. Оползень бушевал у его ног, пытаясь утащить вниз. Наконец он добрался до выступа и головой вниз ринулся к следующему склону. С минуту он лежал не шевелясь, боясь, что почва снова поедет под ним. Этого не случилось, и он продолжил свой спуск к реке.

Вслед за Лианом аркимы один за другим прыгали со скалы и бежали по склону, вскрикивая от радости, невзирая на опасность. Не повезло лишь хрупкому Трулю с печальными глазами: он неловко приземлился и с хрустом сломал лодыжку. Этот хруст Лиан услышал сквозь рев обвала. Рюкзак утащил Труля вниз, и он больше не поднялся. За ним прыгнула Малиена, а последним — Тензор, ловко пробежавший весь путь и остановившийся рядом с Лианом.

— Труль? — спросил он.

— Увы, он мертв, — тихо ответила Малиена. Тензор склонил

голову, остальные тоже и постояли так немного: погиб еще один арким.

Обвал стих. На вершине утеса показались головы. Половина булыжников и гальки упала в реку, и крутой склон был теперь голый, так что путь, который проделали аркимы, стал слишком опасен для их врагов.

Тензор отвернулся и начал спускаться к реке. Они выиграли самое большее полчаса.

Их преследователи были коварны и чрезвычайно выносливы. Они гнались за аркимами днем и ночью, никогда не приближаясь, чтобы атаковать, но и не отставая от них. Один раз Лиан их смог разглядеть: черная лента у подножия горы, на которую отряд аркимов только что взобрался. Снег перестал идти, но был такой глубокий, что невозможно было не оставлять следов. Больше он ничего не увидел, так как в открывшуюся рану попала грязь и его начало лихорадить. Все, что он помнил, — это озноб и встревоженные лица Малиены и Аспера, склонявшихся над ним.

На следующий день после полудня аркимы перебрались через гряду гор и вошли в Эллюдорский лес. До того как высокие деревья сомкнулись за ними, они вновь заметили своих врагов, которые, казалось, были теперь ближе, чем прежде.

— Они более неутомимы, чем мы! — воскликнул Тензор, и его смуглое лицо потемнело. — Вперед!

Снега в лесу было меньше, а к ночи отряд добрался туда, где его вообще не было. Они шли всю ночь, не останавливаясь, чтобы передохнуть или поесть, минуя ручьи и пригорки и делая все, что в их силах, чтобы оторваться от врагов. На следующее утро, к ужасу Лиана, они переправились через глубокий овраг с помощью виноградной лозы.

— Не бойся, летописец, — подбодрила его Малиена и весело рассмеялась. — Ты отправишься легким путем.

И она привязала его к лозе за руки и за ноги. Другой арким сильно толкнул его в спину, и Лиан полетел над оврагом, но повис на полпути.

Он громко вскрикнул. Под ним виднелись небольшие лужицы, окруженные огромными валунами. Было не так уж высоко, но при падении он бы переломал все кости. Аркимы хохотали, даже Тензор не удержался и улыбнулся. Затем поспешили переправить его: враг мог быть все еще близко.

— О, как мне приятно слышать твое кудахтанье, летописец, — сказал Тензор, развязывая веревки.

На рассвете они сделали привал и наскоро позавтракали солониной, хлебом, сыром и сушеными фруктами, запив все это

водой, затем продолжили свой путь.

К ночи даже аркимы устали, и им надо было отдохнуть. Тензор выставил часовых в лесу. Они сменялись каждые несколько часов. Не заметив ничего подозрительного, аркимы осмелились разжечь костер, чтобы согреться и вскипятить воду.

Они шли еще день и ночь, пока не убедились, что преследователи отстали от них. Тогда они разбили лагерь возле бурной речки, чтобы спокойно поесть, вымыться и поспать. Когда с Лиана сняли бинты, обнаружили, что рана начала заживать. Аспер, который был целителем, промыл ее и снова посыпал красным порошком, но решил не накладывать повязку. Лиан так устал, что ему было все равно. Он вымыл руки, выпил горячего чая с хлебом и, рухнув на ложе из папоротника, крепко уснул.

Во сне его мучило предчувствие, какой-то безымянный, бесформенный страх перед надвигающейся катастрофой. Потом он погрузился в блаженный сон без сновидений, который скоро сменился новым кошмаром. Юноша видел Раэля, игравшего погребальную песню кому-то, кого не видел Лиан, в его комнате в Шазмаке. Лиан понял, что Раэль играл Малиене, предостерегая ее против Тензора и самого Лиана. Лиан принесет аркимам погибель, предупреждал сон. В нем Раэль погибал, он утонул, но со смертельно бледным лицом продолжал играть, и, когда он пел, изо рта у него лилась зеленая вода и выплывали водоросли. Лиан очнулся, его лоб от ужаса покрылся холодным потом. Он не осмеливался снова закрыть глаза.

Несколько аркимов спали поблизости, завернувшись в плащи. Лиан выпил кружку чая, крепкого и горького оттого, что он долго настаивался, и съел корку хлеба. Затем побрел взглянуть на реку. Пробираясь вдоль берега под высокими деревьями, он услышал, как двое яростно спорят.

— …никогда не соглашусь! — пылко произнес чей-то голос. Похоже, это была Малиена.

— Тогда что ты будешь делать? Не отвергай мой план, если не придумаешь лучшего. — Это, несомненно, был звучный голос Тензора!

— Я вернусь в Стассор, откуда я родом. О, если бы только я не позволила тебе утащить меня из родительского дома!

— Тогда ступай, хотя я буду очень скучать по тебе.

— Ха! — воскликнула она. — Наш союз давно распался. Я тебя бросила. Я никогда не значила для тебя и сотой доли того, что значили для тебя твои собственные планы и безумства. Я опозорила мой дом и мою семью, связавшись с тобой. Как плакала бы Элинора, видя, как кончается ее род.

— Элинора бы поплакала, — ответил Тензор звенящим голосом, — а затем поднялась бы и нанесла ответный удар, чтобы сохранить свою семью и народ.

— Ах! — вскричала она. — Уходи от меня! Никогда больше не приближайся ко мне! — Она упала на валун и, обхватив его руками, прижалась к камню. Тензор гордо удалился.

Лиан стоял под деревом, наблюдая за Малиеной. Он принялся красться по гравию, стараясь ступать бесшумно, но вдруг поскользнулся и рухнул на колени, застонав от боли.

— Что тебе нужно, сказитель? — спросила Малиена.

Он не знал, что ответить.

— Кто такая Элинора? — спросил он наконец. Малиена села.

— И это ты, мастер-летописец, задаешь мне подобный вопрос?

— Даже в наших собственных Преданиях есть много пробелов. Там, где я учился, в Чантхеде, не было никаких сведений об аркимах за последнюю тысячу лет.

— Элинора, — тихо произнесла она, и взор ее устремился куда-то вдаль, когда она вспоминала это древнее предание. — Она жила и умерла задолго до того, как мои предки пришли в твой мир. Она была родоначальницей моей линии, и Караны тоже. — Малиена заглянула Лиану в глаза. — Мы обе носим… носили ее имя.

Ее слова пронзили ему грудь, как стрела. Слезы задрожали у него на ресницах, но не потекли по щекам.

— Карана мертва? Как ты узнала об этом?

— Судя по тому, что сказал Тензор, кажется… — Малиена умолкла, заметив выражение его лица. — Полно! Меня там не было, а ты был. Ты видел столько же, сколько Тензор. Она умирала?..

— Нет! Когда я обнял Карану, веки у нее затрепетали, но она лежала на полу неподвижно и была холодна, как лед.

— Это из-за оружия, разрушающего мозг. Однако люди твоей расы в основном выживают после него, если здоровы. Оно более опасно для нас, аркимов, чем для сантенарцев. Вот одна из причин, по которой это оружие запрещено. Карана только частично аркимка, поэтому оно могло подействовать на нее либо сильно, либо совсем незначительно. *Как же ты смог видеть?*

— Не знаю. Когда Тензор применил это оружие, боль была ужасной. Я ослеп, но всего на секунду. Я почувствовал, как что-то закрылось у меня в голове, словно ворота. Потом открылось снова, боль исчезла, а зрение вернулось.

Взяв его лицо в руки, Малиена долго смотрела Лиану в глаза.

— Приободрись. Хотя в жилах Караны течет кровь аркимов,

не думаю, чтобы она погибла.

— Расскажи мне об оружии Тензора, — попросил Лиан. — Почему оно запрещено?

— Мы использовали его дважды в нашей истории. И оба раза оно приносило больше вреда нам, чем нашим врагам.

— Откуда оно взялось?

— Мы создали его после того, как Непреодолимая Преграда закрыла обратный путь в наш собственный мир. Узнав, что Аркан для нас потерян, мы восстали, не пожелав быть рабами каронов. Попытавшись изготовить оружие, которое защитило бы нас от них, мы сделали оружие, разрушающее мозг. В первый же раз, когда его применили, стряслась беда. Десять из нас (я говорю «из нас», летописец, хотя, как ты понимаешь, до моего рождения тогда оставалось более двух тысячелетий) подстерегли Рулька. Он не согласился на наши справедливые требования, так что один из десятерых нанес ему удар новым оружием, а остальные стояли наготове чуть поодаль — на всякий случай. Рульк сильно пострадал, но мы не учли собственной уязвимости. Четверо аркимов были убиты, у шестерых разрушен мозг, и они были беспомощны. Рульк пришел в себя прежде аркимов и жестоко расправился с теми, кто выжил.

Но мы медленно учимся, Лиан. Мы изобрели более совершенное оружие, правда, к тому времени у Рулька уже была защита — его Дар Рулька, который он дал предкам дзаинян. Дар обращал оружие, разрушающее мозг, против тех, кто его изготовил. Многие из нас умерли в день, когда наше изобретение было использовано во второй раз, — это было в начале Катаклизма. После этого оружие было объявлено вне закона. И даже теперь многие из нас недолюбливают дзаинян, — сказала она, затем улыбнулась, показывая, что не разделяет этого предрассудка.

Ветер донес слабый звук рожка. Малиена вскочила и начала собирать вещи в кожаную сумку.

— Элинора! — напомнил Лиан.

— Нет времени на это предание, — проговорила она, туго затягивая тесемки.

— Кто она была такая? По крайней мере скажи хоть это, пока мы идем. — Он пустил в ход свое *«очарование»* — эту магическую способность сказителей вызывать нужные чувства у аудитории.

Малиена бросила на него насмешливый взгляд, но ответила:

— Она была той, кто предостерег, когда из бездны появились кароны и отняли у нас наш мир. Она единственная из всей семьи уцелела в бойне. Если бы мы походили на нее, то смогли бы сбросить каронов обратно в бездну и были бы хозяевами

любимого Аркана и сейчас.

Они пробирались через корни упавших деревьев.

— Она нанесла Рульку удар, который никто другой не пережил бы. Ни один арким не сразился с ним с оружием в руках, а ведь Элинора была самая маленькая и самая робкая из нас. Как мы деградировали!

— А как кароны захватили Аркан? Почему они оказались в бездне и как оттуда выбрались? В Преданиях ничего об этом нет.

— В другой раз, летописец. Чтобы ответить на твои вопросы, нужна не одна ночь.

Он согласился, хотя и был разочарован.

— Почему ты не спишь? — спросила Малиена, когда они приблизились к лагерю. — Путь, который мы проделали, ничто по сравнению с тем, который нам предстоит.

— Мне снились кошмары. Я боялся снова уснуть.

— Что это было?

— Не могу ничего вспомнить. — Тут что-то забрезжило в его памяти. — Кроме…

— Кроме? — повторила она, улыбаясь.

— Единственное, что я помню из своего сна, — это что там была ты.

Улыбка исчезла.

— Я в *твоем* сне?

— Ты… и Раэль.

Нахмурившись, Малиена искоса взглянула на Лиана своими зеленовато-серыми глазами и зашагала вперед. Больше не было произнесено ни слова. Вскоре они добрались до лагеря, где горел костер и их ждал горячий напиток. Что бы ни означал сигнал рожка, в лагере все было спокойно.

Лиан проспал полдня без всяких снов. В ту ночь они снова отправились в путь, и у него не было возможности расспросить Малиену.

Преследователи снова нагнали их, поэтому аркимы два дня скрывались в лесах северной части Игадора. Им повезло: погода испортилась, подул ветер, пошел мокрый снег, а потом зарядил дождь. Под этим прикрытием аркимы устремились на север, идя день и ночь. Они пробирались через подмерзшие болота, переправлялись через мелкие реки, горные лощины, карабкались на зубчатые скалы, прокладывали дорогу в лесах, где почва была усеяна колючками. В конце концов они добрались до необитаемой местности, где горы спускались прямо к морю.

Вскоре они дошли до бурного потока, пенящегося в глубоком горном ущелье и напоминавшего могучую реку Гарр возле

Шазмака, хотя этот поток был меньше. Переправляться через него было опасно, и отряд потратил на это целый день. Затем Тензор вскарабкался на самую высокую точку горы и взглянул вниз, на побережье. Вдали, в устье реки, он увидел довольно большой город. К северу от этого города горы вновь отступали от моря.

— Наверно, эта река — Ганнел, — сказал он, — а город — Ганпорт. Мы неплохо продвинулись для такой местности.

Они шли гуськом вверх по горной тропе. Непрерывный дождь, который усилился, когда они приблизились к вершине, смывал их следы, отпечатавшиеся в грязи. Время от времени отряд попадал в полосу тумана.

На вершине дождь моментально прекратился, но они угрюмо смотрели на свинцовое небо. Бури придали деревьям причудливые очертания, и ветер пел в их ветвях, лишенных листьев. Путники вышли из-под деревьев на горный заболоченный луг, где гигантские подушки мха были разбросаны среди гранитных валунов, похожих по форме на грибы, а вода под ногами была цвета пива.

Внезапно Аспер остановился. Даже этот самый жизнерадостный из всех аркимов выглядел подавленным.

— Мне кажется, что я все бегу и бегу в никуда, — заметил он, выжимая свою мокрую шапку.

Ему никто не ответил. После двухнедельного пути все пали духом. Даже Тензор вымотался после тяжелого подъема в гору по грязи. Лиан рухнул на подушку из мха.

— Здесь нужно передохнуть, — заявила Малиена, — если ты не хочешь уморить своего пленника, да и всех нас. Мы не можем бежать вечно.

— Мы остановимся здесь, — решил Тензор.

Они нашли место для лагеря под деревьями, где можно было укрыться от непогоды. Правда, земля была сырая, шел дождь со снегом и ветер продувал лагерь насквозь. Малиена достала какое-то снадобье из своего рюкзака и дала всем. Развели костер, но, хотя он разгорелся так, что тени на скале танцевали, как дервиши, Лиан не мог согреться.

Завернувшись в плащ и одеяло, он задремал на земле. Во сне его преследовали призрачные голоса, ему протягивали чаши и просили выпить, но каждый раз, как он подносил к губам ароматную жидкость, она исчезала. Позже ему приснилось, что он снова в Туркаде и ползет в канаве, волоча за собой отрубленную ногу и умоляя о помощи, но никто не обращает на него внимания.

Лиан пробудился. Костер погас, а аркимы спали — все, кроме

часовых в лесу. Но что это? Что-то едва различимое затрепетало и тут же скрылось. Нет, вот оно снова — что-то белое перелетает с одного валуна на другой. У Лиана мороз пошел по коже, но, как только он взглянул прямо на видение, оно исчезло.

Не имело смысла тратить время на тщетные попытки заснуть — Лиан совсем пробудился, ему было холодно, а на душе тяжело. Лиан натянул влажные сапоги на онемевшие ноги, нацедил себе из котелка кружку чая, сваренного из чернослива, и направился от костра к лугу, поросшему мхом. Облака рассеялись, и светила полная желтая луна. Света от нее было достаточно, чтобы пробираться между валунами. В горном воздухе ощущался очень слабый аромат бренди.

Лиан уселся на валун и принялся пить сладкий чай, подводя итоги своей печальной жизни. От тумана у него слипались ресницы. Он потерял Карану, а Тензор тащил его навстречу верной погибели, и он ничего не мог с этим поделать. Сквозь редкие облака он видел туманность Скорпиона с красной тенью, предвещающую несчастье. Впервые туманность появилась прошлым летом, в день его выступления на Чантхедском Празднике со «Сказанием о Непреодолимой Преграде». Он вздрогнул, затем облако снова ее закрыло.

Что-то опять промелькнуло, и он не успел разглядеть. В этот момент его ткнули в спину, и он подпрыгнул, издав приглушенный крик.

— Успокойся, летописец, — услышал он насмешливый голос Малиены. — Наши враги далеко.

— Твои враги! — с горечью произнес он. — Мои — вокруг меня. Они уводят меня от всего, что я любил, чтобы использовать меня, а затем выбросить, как ненужный хлам.

— Думай об этом как о возможности увидеть то, что не видел ни один летописец, и сложить предания, которых никто никогда не складывал.

— Я так и делал, пока не осознал, что я безнадежный и бесполезный неудачник, и лучше уж мне умереть.

— Вот как! Из всех человеческих эмоций жалость к себе — самая презренная. Поднимись и сделай хоть что-нибудь.

Ее слова были как пощечина. Лиан пришел в такую ярость, что, казалось, мог бы оторвать валуны от земли. Он нанес ответный удар, намеренно причиняя боль.

— Значит, я презренный, — произнес он тихо. — Но не такой презренный, как вы, аркимы, ноющие и заламывающие руки над потерянным Шазмаком. Взгляни на ваши Предания! Вы даете власть дуракам и потом слепо следуете за ними в пропасть, потому что вы слишком горды и трусливы, чтобы думать

самостоятельно.

— Да, — согласилась Малиена, — у нас два роковых недостатка, и ты их верно определил. Мы очень горды, но наше мужество изменяет нам в нужный момент. Вот почему мы пасуем перед врагом, который никогда не сдается.

— Ну что же, я тоже не сдамся. Я напишу предание моей жизни. Ничто меня не остановит. Ничто больше не имеет значения.

— Никогда не говори так, летописец. Твой народ…

— Разберись со своими собственными делами, прежде чем учить других! Теперь ничто не имеет значения, кроме сказания. — Он прошел мимо Малиены, хлюпая при каждом шаге по болоту и перепрыгивая с кочки на кочку, растворился в черной ночи, населенной призраками.

Малиена смотрела ему вслед, дрожа от беспокойства. И все же, какой вред может причинить летописец? Ее вахта закончилась, и она вернулась к костру, горячему чаю из чернослива и своим одеялам.

Наконец ярость Лиана утихла, но решимость только возросла. Он слишком долго плыл по течению. Он воспользуется возможностью, за которую другие сказители пошли бы на убийство, и сложит свое сказание.

В воздухе снова затрепетал призрак, и Лиан вдруг понял, что это такое. Аркимы разбили лагерь на Тизанской Горе — когда-то тут был монастырь, славившийся своими водами и бренди, который фильтровали через чистейший торф из мха. Но в Тизан пришла чума, и за одну неделю умерла половина братьев и сестер. Оставшиеся в живых посовещались, заперлись в винокурне (даже те, кто возражал против этого решения) и подожгли ее с помощью бочек своего прекрасного бренди. В этих местах еще долго пахло спиртным, и с тех пор тут обитали призраки.

К Лиану подплыл призрак красивой молодой женщины в накидке с капюшоном. Она протягивала кубок, из которого восхитительно пахло шерри-бренди. Лиан потянулся за кубком, и вдруг воздух заполнился призраками, и каждый прославлял свой напиток, торопясь привлечь к нему внимание юноши. У них уже целые столетия не было посетителей. Однако это были всего лишь тени, тогда как Лиан был из плоти и крови. Каждый раз, как он прикасался к кубку, тот исчезал вместе с призраком. Загадочные напитки исчезли навсегда, а вместе с ними и те, кто их пил. В воздухе пахло бренди и грустью.

«Безобидные призраки», — подумал Лиан, сожалея о бренди. Он повернулся и, легко ступая по мху, направился к лагерю. Он чувствовал, что снова обрел себя.

После этого отряд аркимов вместе с Лианом двинулся в путь в буквальном смысле бегом, не останавливаясь полтора дня. Затем сделали привал, чтобы часа три-четыре поспать, отдохнуть и обсудить дальнейший маршрут. Лиан слишком устал, чтобы прислушиваться. При первой же возможности он упал на землю и, завернувшись в свой тяжелый плащ, сразу же заснул.

Потом они снова пустились в путь и бежали, бежали, пока Лиану не начало казаться, что он никогда не делал ничего другого.

Погода все еще была плохая: дождь, ветер, мокрый снег, и вначале они медленно продвигались. Однако, когда ветер переменился на западный, небо прояснилось и стало теплее, они оставили преследователей далеко позади. Впрочем, вероятно, никакой погони больше и не было.

В тот день они устроили совещание: возвратиться ли в горы, чтобы там укрыться, или двигаться на восток, через море, к Лауралину. Тензор ничего не говорил, но похоже было, что у него есть какой-то план. Так и не придя ни к какому решению, аркимы продолжили идти в прежнем направлении.

Они двигались на север, и Лиан бежал и бежал вместе с ними, а в конце дня валился на ложе из папоротников или веток и спал как убитый, слишком вымотанный, чтобы видеть сны. Лишь один раз его кошмар повторился. Это было в ночь накануне того, как они добрались до Сифты — рыбачьего городка на северо-восточном побережье Мельдорина. Куда им было идти дальше? Оставалось лишь продолжить путешествие по морю.

Они спустились на берег и, за неимением лучшего места для лагеря, устроились под выступом низкой скалы. С моря дул влажный ветер, хотя не было по-настоящему холодно — во всяком случае для того, кто пешком шел в Шазмак зимой.

Из сухих веточек сплели ширму и поместили ее перед костром, чтобы скрыть пламя. Лиан неподвижно сидел в нише, а аркимы готовили еду и разбивали лагерь. Малиена в последний раз осмотрела его рану, так как она зажила.

— Она еще беспокоит тебя? — спросила женщина, сидя перед ним на корточках.

— Немного, когда я потянусь или сделаю резкое движение. Или после долгого дня.

— И это все? Тогда ты совсем вылечился. Мои старые кости также беспокоят меня каждый день.

— Старые? Я думал, что вы, аркимы, живете практически вечно. Как, например, Тензор.

— Некоторые — да, если несчастный случай или болезнь не

оборвет их жизнь, — ответила Малиена.

— Как это получается? — поинтересовался Лиан.

— Не знаю. Просто мы живем долго, вот и все.

— Как и кароны, и феллемы, — продолжал Лиан, — и такие мастера Тайного Искусства, как Мендарк и Иггур, которые научились продлевать жизнь и нам, сантенарцам.

— Да, это так. Но срок жизни в моем роду не такой длинный, и я уже прожила больше половины. Но это меня не огорчает.

— Так сколько же тебе лет?

Малиена пристально посмотрела ему в глаза, и от ее взгляда Лиан смутился и отвернулся.

— И у моего, и у твоего народа об этом не принято спрашивать, даже такому любопытному летописцу.

— Прости, — сказал Лиан, чувствуя, что краска залила его лицо.

— Но я тебе отвечу. Я прожила более двух сроков средней продолжительности жизни сантенарцев и, если захочу и судьба позволит, проживу еще столько же. Этого достаточно.

— У тебя есть дети? — Она взглянула на луну.

— Пока что только один. Сомневаюсь, чтобы у меня хватило мужества завести еще одного. Ах, мой сын!

— Что с ним случилось?

— Мне бы следовало спросить об этом тебя. Ты видел, как он умер.

— Раэль? — Лиан чувствовал, что покрылся гусиной кожей.

— Раэль, — эхом отозвалась Малиена.

— Он п-помогал нам сбежать из Ш-шазмака. — Лиан прилагал большие усилия, чтобы не заикаться. — Он задержался, выводя из строя руль второй лодки, чтобы нас не смогли преследовать. Затем, когда он попытался взобраться на борт, его утащило под воду: течение было слишком сильным.

— Раэль был хорошим пловцом, — сказала она. — Может быть, таким образом он решил для себя неразрешимую дилемму.

— Мне помнится… как раз перед нашим побегом. Он был такой печальный. «Увы! — сказал он Каране. — У *тебя есть твой дом и другая жизнь. Мне же некуда возвращаться*». Карана так его любила.

— Они очень дружили.

— Раэль был самым благородным из всех, кого я знал, — с волнением произнес Лиан.

— Ах! Это такое горе! Я не могу говорить с тобой об этом. Пойдем со мной.

Он шел за ней по камням к морю. Малиена стояла на холодном ветру у кромки воды, и волны так шумели, что их

разговор невозможно было подслушать.

— Расскажи мне о своем сне, — попросила Малиена. — Он тебе не снился больше?

— Лишь раз. Это был очень короткий сон: Раэль в своей комнате в Шазмаке. Он играл для меня там однажды. Но во сне он пел печальную песню кому-то, кого я не видел. Потом все изменилось, и зазвучало ужасное предупреждение. Я увидел там тебя и…

— *Это мой сон!* — воскликнула Малиена, закрывая лицо руками.

— Твой сон?

Руки Малиены опустились. Она отдалилась от него, замолчала, и Лиан подумал, что коснулся запретной темы. Затем она, очевидно, решила, что требуется объяснение.

— Я едва ли могу говорить об этом с чужаком, — прошептала она. — Это одна из самых интимных вещей. — Она взглянула на него, и Лиан увидел, что ее глаза увлажнились. — Порой мы, аркимы, если были очень близки, можем еще некоторое время общаться с тем, кто умер. *Но как мог увидеть этот сон ты?*

— Он играл тебе, — сказал Лиан. — Предостережение. Ты была совершенно неподвижна. Кажется, ты плакала. Это все. Так было оба раза.

Она вздрогнула, и лицо ее застыло.

— *Общие сны!* Погибель! Погибель!

В тот день Лиан больше не видел Малиену, и она не разговаривала с ним всю неделю, хотя он и ловил на себе ее взгляды, словно она искала у него на лице какой-то знак. И он догадывался, что она ищет: клеймо, которое бы показало, что в нем развивается Дар Рулька. Лиан смертельно испугался. Теперь он знал, что совершил роковую ошибку, когда замешкался в дверях виллы Тензора в Туркаде. Что аркимы сделают с тем, у кого есть подобная отметина, да еще в такие неспокойные времена?

9
В портовом городе

Был первый день эндра — недели в середине зимы, по традиции считавшейся проклятым временем, недели дурных предзнаменований, когда благоразумные граждане предпочитали не выходить из дому и не принимать никаких решений. Оставалось всего три дня до хайта — самого непредсказуемого и опасного дня в году.

Мендарк со своими спутниками несколько часов прятался в туннеле, пока Таллия после длительных поисков не узнала у работника с пристани, что случилось. Их бот вместе с другими ботами Туркада ночью был в течение ночи конфискован солдатами Иггура. Беглецы опоздали со своим отплытием на один день.

Мендарк с трудом мог говорить — так велики были его страх и ярость.

— Это произошло из-за того, что я выполнил свой долг перед городом, — сдавленным голосом произнес он. — Мне придется просить хлюнов, чтобы они нас приютили. Какое унижение! А что если они откажут?

Мендарк зашагал в глубь туннеля, не замечая, что вокруг ног плещется вонючая вода, затем бегом вернулся к Таллии, которая беседовала с Торгстедом.

— Таллия, мне нужен бот *сегодня вечером*. Делай что хочешь, но раздобудь его. Торгстед! — Он понизил голос. — Ты всегда был мне предан. Тебе будет трудно справиться с тем, что я попрошу. Я на тебя надеюсь. Присматривай за Тилланом. Если нам нужно будет разделиться, готов ли ты пойти и следить за ним для меня? Притвориться, что предал меня? Я знаю, что прошу очень многого.

— Я это сделаю, — пылко пообещал Торгстед. — Сколько бы это ни продлилось.

Мендарк пожал ему руку, потом повернулся к остальным беглецам, неуютно устроившимся поодаль на подпорке, покрытой слизью.

— Ну что же, нельзя медлить. Вперед!

Было около полудня. Мендарк вел их через лабиринт небольших улочек, вдоль которых стояли дома из просмоленных бревен, мимо пакгаузов с деревянными стенами. Все это время дождь не прекращался ни на минуту. Почти сразу же к ним подошли два долговязых хлюна в длинной одежде, с резкими

чертами лиц, покрытых грязью. Эти люди правили портовым городом и контролировали все, что разгружалось и загружалось на пристанях.

Первый хлюн, женщина, схватила Мендарка за руку. Тот сразу же остановился. Хлюнша в замешательстве трясла головой и издавала кудахтающий звук, как наседка. Речь хлюнов изобиловала подобными звуками, и ее трудно было понимать.

Глядя ей в глаза, Мендарк заговорил:

— Почтенная госпожа! Во имя нашего длительного союза и общих интересов я прошу убежища для меня и моих людей. Всего на один день.

Она пристально посмотрела на группу, все еще кудахтая, и глаза ее расширились в тревоге.

— *Убежища, сейчас?* Нет, нет, *нет!*

Она резко повернулась к мужчине с бородкой, заплетенной в косички, который нервно щелкал зубами.

— Пошли быстро! — воскликнул он и, рванув Мендарка за руку, потащил его в совершенно пустое помещение, представляющее собой куб из черной гниющей древесины. — Поспешите, вы все!

Пол в этом домике заливал начинавшийся прилив. Дождевая вода капала на головы вошедших сквозь щели в потолке.

— Оставайтесь здесь! — приказал хлюн. — Не открывайте дверь!

— Пойдем со мной, Магистр, — сказала женщина, подавая Мендарку свой плащ с капюшоном. Надев его, Мендарк последовал за ней.

Посмотрев сквозь щели в стене, Лилиса увидела, что Мендарк спешит за женщиной, а мужчина стоит за дверью на часах.

— Что случилось? — спросила она Таллию.

— Мы попали в беду, дитя, — ответила Таллия. — Иггур взял город в плотное кольцо. Пути к бегству отрезаны. Приютив нас, хлюны подвергнут себя опасности.

Лилиса прижала свой новый рюкзачок к груди, боясь, что его отнимут.

— Что они сделают?

— Они могут нам отказать. Правда, Мендарк умеет убеждать и он много лет имел дело с хлюнами. Давай подождем и посмотрим.

Наконец Мендарка привели обратно.

— Фу! Ну и натерпелся я там стыда! Они согласились предоставить нам убежище на один день. Этого должно хватить.

Их отвели в комнату получше, меблированную для хлюнов даже роскошно: в ней были кровати — правда, ужасно сырые.

Когда хлюны ушли, беглецы стали держать совет.

— Нам нужно составить план. Каково твое мнение, Мэлкин?

Мэлкин был предводителем группы купцов и законников, но, после того как чуть не утонул в канализационном туннеле, совсем пал духом.

Тиллан простер руку к Мендарку, и его лицо покраснело от гнева.

— Сколько раз я предостерегал вас по поводу этого человека! Он тысячу лет был Магистром, и посмотрите на результат! Казна растрачена, наши армии разбиты, а Туркад лежит сокрушенный под сапогом Иггура. Тайный Совет, наше самое важное достижение, погублен Тензором, *другом Мендарка.*

Таллия хотела прервать это представление, но Мендарк остановил ее.

— Пусть говорит, — тихо произнес он.

Тиллан продолжал громовым голосом, более подходящим для большого собрания, а не для их обтрепанной маленькой группы.

— Послушайте меня! Я вижу луч надежды, если у нас достанет мужества за него ухватиться. Прошлое мертво, но я вижу дорогу в будущее. У Совета есть секреты, которыми не пользовались тысячелетиями, — это *Запрещенные Искусы.*

— Совет поклялся никогда больше не использовать эти колдовские чары! — воскликнул Мендарк с встревоженным видом.

— Клятвы Совета не имеют теперь силы. Прошлое не может сковывать настоящее, так как никто не знает, что грозит в будущем. Мы должны решиться, так как больше у нас ничего нет.

Таллия наблюдала за остальными, пытаясь определить их реакцию. Тиллан был очень серьезным противником, и, если он убедит членов отряда, им всем грозит смертельная опасность.

— Старого Совета больше нет! — заорал Тиллан, стукнув кулаком по стене. — Мы должны вышвырнуть этого предателя и создать новый Совет. Для чего необходимо найти безопасное место, чтобы собрать там силы. Где-нибудь поблизости. Такое место, которое трудно захватить и легко защищать. Мы отправимся по морю в Нилькеранд.

Купцы заколебались. Их интересы совпадали с интересами Тиллана. Даже Таллия почувствовала восхищение перед человеком, который, в жалком убежище, под носом у врага, едва оправившись от потрясений минувшей ночи, планирует завоевать свой мир.

— Нилькеранд! — повторил Мендарк. — И ты называешь дураком меня?

Беренет крутил свои усики, с загадочной улыбкой глядя на Тиллана. Невозможно было определить, что он думает.

— Но сначала, — выкрикивал Тиллан, — мы должны выгнать предателя Мендарка.

— Это незаконно, — слабо возразил Мендарк. — Совет не может быть распущен, пока не достигнута его цель. Впрочем, что ты знаешь о чести, о наших древних кодексах? Единственный закон…

— Закон себя не оправдал, — перебил его Тиллан. — Мы должны почерпнуть силу в наших собственных идеалах, чтобы переделать мир и создать законы, которые принесут нам гармонию.

— Следуйте за ним, и вы погибнете, — обратился Мендарк к присутствующим. — Его уверенность растает быстро, как снег летом…

— *Старый дурак!* — глумился Тиллан. — Лучше попытаться и умереть, чем умереть с сознанием, что мы побоялись попытаться.

Было проведено голосование, и купцы оказались на стороне Тиллана. Кроме Таллии и Беренета, все остальные, даже личная стража Мендарка, за исключением Оссейона, переметнулись к Тиллану. Торгстед присоединился к мятежникам, — правда, Таллия надеялась, что он следует плану Мендарка. Итак, все решено. Хотя это и было незаконно: Совет распущен и реформирован, а Тиллан стал Магистром.

Мендарк повернулся к своим малочисленным сторонникам, которые жались друг к другу, пораженные внезапной переменой. Он был удивительно спокоен.

— Ну что же, больше мы ничего сделать не можем. Ты не возражаешь, если мы пойдем своей дорогой? — спросил он у Тиллана.

— Убирайся! — ответил Тиллан. — Или ты испытаешь на себе мой гнев!

Мендарк улыбнулся, и Таллия вдруг поняла, что он что-то задумал.

Они с Беренетом подняли один сундук, Оссейон — другой.

— Поставьте их на место! — приказал Тиллан. — Стража…

Мендарк вытянул в его сторону руку со сжатым кулаком. Тиллан побледнел и схватился за голову, не в силах закончить фразу.

Маленькая группа Мендарка последовала за ним: Беренет, Оссейон, Таллия и Лилиса. Когда они вышли на улицу, им вслед неслись проклятия Тиллана.

— Все прошло лучше, чем я надеялся, — сказал Мендарк со смешком, как только за ними закрылась дверь.

— Ты намеренно порвал с ним? — спросила Таллия.

— Бежать с таким количеством народа — все равно что тащить на плечах труп. Пусть себе едут в Нилькеранд! У меня полно других забот.

— А Совет?! — сказала Таллия. Мендарк помрачнел:

— А что мне было делать? Орстанду не заменишь. И один я не справлюсь.

— У тебя есть я, — умоляющим тоном произнес Беренет. — Мы можем собрать новый Совет.

Таллия фыркнула. Бросив на нее сердитый взгляд, Мендарк попытался объяснить Беренету, почему его предложение неосуществимо:

— Совет — это больше, чем название. Опыт тех членов Совета, которых мы потеряли за последние несколько дней, не возместишь и за пятьсот лет…

Беренет резко отвернулся. К группе подошла женщина-хлюн. Молча выслушав Мендарка, рассказавшего, что произошло, она скривила губы.

— Что ты хочешь? — резко спросила она.

— Я вынужден вновь просить убежища для меня и моих спутников, — терпеливо обратился он к ней.

Женщина указала на помещение, которое они только что покинули.

— Вот твое убежище, — сказала она.

— Нет, — возразил Мендарк. — Теперь там мои враги.

— Ты просил нас их приютить. Ты должен остаться с ними.

— Я не могу!

Ее карие глаза метнули искры. Она топнула ногой, но Мендарк не пошевелился. Тогда она свистнула, и появился еще один хлюн. Второй хлюн покачал головой, и женщина увела Мендарка за рукав, а его спутники остались ждать.

Прошло тревожных полчаса, прежде чем она вернулась. Мендарка с ней не было.

— За мной! — прошипела она.

Они долго шли, таща тяжелые сундуки и свои вещи. Новое жилище отражало их понизившийся статус: голая комната, пол в ней был чуть выше уровня прилива, отчего в помещении стоял запах вонючей воды. Мендарк ждал их внутри.

— Они недовольны! — сказала Таллия.

— Когда я занимал пост Магистра, у меня не всегда складывались хорошие отношения с хлюнами, — пояснил Мендарк. — Приходилось им угрожать. Сейчас нам надо быть начеку. Они боятся, что Иггур сожжет город. Им ничего не стоит нас выдать. Таллия, пойдем со мной.

Они вышли на улицу. Отойдя на несколько шагов, чтобы разговор не услышала женщина-хлюн, стерегущая их, Таллия поинтересовалась:

— Что ты собираешься делать, Мендарк?

— Не знаю. — Его лицо осунулось. — Прошу тебя, найди какую-нибудь лодку. У тебя есть золото?

— Немного, — ответила она. Потом, осознав, что сейчас нанять бот обойдется во много раз дороже, добавила: — Правда, недостаточно.

— Возьми. Единственное, чего у меня много. — Он подал ей тяжелый кошелек. — Забери с собой девчонку и, если удастся, оставь ее где-нибудь.

— Твое великодушие ограничивается туркадским золотом, — сказала Таллия, отворачиваясь.

Не успела она пройти и десяти шагов, как дорогу ей преградила разъяренная женщина-стражник.

— Куда ты направляешься?

— В Туркад, — вежливо ответила Таллия.

— Возвращайся назад! — Хлюнша вытащила нож.

Таллия повернула обратно.

— Ты слышал? — обратилась она к Мендарку.

— Лучше мне переговорить с ней, — вздохнул он.

Последовал долгий спор, пока хлюншу убедили, что единственный способ избавиться от незваных гостей — дать Таллии возможность найти бот. К тому времени уже прошло полдня.

Теперь Таллия и Лилиса, ее маленькая тень, ждали возле одной из самых больших пристаней портового города. Они не могли никуда идти без сопровождения, а хлюнша не торопилась.

— Ты была здесь раньше? — спросила Таллия Лилису.

Лилиса вздрогнула:

— Это запретное место. Один раз меня послали сюда с донесением, но дошла я только до низа лестницы.

— Ты боишься?

— Мы, уличные, всегда боимся. Но теперь — нет, я ведь с тобой.

— Ну а я боюсь.

— Ты? — По мнению Лилисы, Таллия была всемогущей. — Все кругом говорят, какая ты умная.

— О? И что же они говорят?

— Что ты — лучший борец в мире. Что ты можешь победить вооруженного мужчину голыми руками.

Таллия издала смешок:

— Это все болтовня. Я могу победить одного-двоих, даже троих, если повезет или если они неискусны или пьяны. Я предпочитаю не драться, если драки можно избежать. Что еще обо мне говорят?

— Что ты можешь колдовать даже лучше, чем старый Магистр.

Таллия рассмеялась:

— Бьюсь об заклад, они молчат об этом при Мендарке. Это неправда.

— Ты не умеешь колдовать? — У Лилисы был разочарованный тон.

— Я… я умею, Лилиса. Но если есть другой выход, мы не пользуемся Тайным Искусством и никогда о нем не распространяемся.

— О! — сказала Лилиса.

— А сейчас нам надо найти бот и хорошего рулевого.

— Я никого не знаю, — заметила Лилиса, поглаживая шероховатую поверхность пристани. — Я всегда держалась отсюда подальше. Я боюсь рыбаков. — Последовало долгое молчание. — Но есть люди, которые найдут что угодно, если им заплатить.

— Я заплачу, но можно ли им верить? — Лилиса пожала плечами.

— Ты когда-нибудь слышала о лодочнике по имени Пендер?

Лилиса отрицательно покачала головой.

«Ну откуда же тебе знать», — подумала Таллия. Пендер был из Нарна, именно он доставил Карану и Лиана в Туркад.

Как раз в эту минуту показалось сопровождение. У хлюнши был раздраженный вид.

— Очень хорошо, — сказала Таллия. — Отведи меня к этим твоим людям, Лилиса.

День клонился к вечеру. Стало смеркаться. Дождь лил не переставая. Лилиса и Таллия сидели на окраине портового города, возле старого, давно заброшенного людьми каменного дока. На Таллии было серое одеяние, и она высветлила лицо и руки, но больше никак не изменила свою внешность.

Они поджидали наступления темноты. За портом пристально наблюдали, а Таллия, несомненно, входила в число тех, кого Иггур приказал своим слугам найти и арестовать.

— Я боюсь, — сказала Лилиса. — Посмотри, здесь тоже стражники.

— Теперь я их вижу, — ответила Таллия, благословляя глаза ребенка, которые были зорче ее собственных. — Нам лучше

попытаться пойти другим путем.

Вскоре они обнаружили, что все пути из портового города тщательно охраняются.

— Должно быть, Иггур подозревает, что мы здесь, — сказала Таллия. — Тебе известны какие-нибудь потайные тропинки, ведущие к центру города, Лилиса? Ты знаешь улицы Туркада лучше, чем я.

— Есть канализационные туннели и старые туннели контрабандистов, — ответила Лилиса.

— Отведи меня к такому, про который уже давно забыли. Может быть, хоть его не так хорошо охраняют.

Холодная ручка Лилисы сжала теплую руку Таллии, и они пошли извилистой тропинкой. Скоро совсем стемнело. Лилиса остановилась возле канализационного туннеля, из которого сильно воняло.

— Если мы пойдем по этому туннелю, то выйдем из него позади «Жемчужины матери» — кабачка контрабандистов.

— Хорошо, мне бы как раз хотелось придерживаться глухих переулков. Не думаю, что туда добрались патрули Иггура.

— Вероятно, опасаются, — сказала Лилиса и задрожала. В туннеле смердило от всякой гнили, скапливающейся в нем год за годом. Лилиса, оставившая в помещении, отведенном хлюнами людям, свою новую одежду и сапоги, бесстрашно шлепала по зловонной жиже. Таллия осторожно следовала за ней по камням, скользким от водорослей. К тому моменту, как они добрались до выхода из туннеля, она вымокла по колено.

Глухими переулками Таллия и Лилиса подошли к кабачку сзади. Однако там не было заметно никаких признаков жизни — ни света в окнах, ни звуков голосов, дверь черного хода была заперта. Лилиса осторожно обогнула здание кабачка и сразу же вернулась.

— Я видела стражника на улице, там, подальше. Дверь забита досками, и на стене черная надпись. Я не смогла подойти, чтобы прочитать ее.

Этого и следовало ожидать. Несомненно, большинство таких притонов прикрыли, а за другими следят — за теми, которые известны Иггуру. Однако Таллия обнаружила еще одну любопытную для себя вещь.

— Ты умеешь читать? — спросила она Лилису.

— Немного, — ответила девочка. — Уличные вывески.

Они пробирались окольными путями, двигаясь по проулкам, заваленным мусором, и оставляя позади портовый город. Горящие уличные фонари были окружены туманным нимбом. Глаза прохожих сверкали голодным блеском.

— Это у вас часто бывает? — спросила Таллия.

— Что?

— Ну, то, что ты умеешь читать?

— Нет, — ответила Лилиса, — но некоторые из нас умеют. Я читаю лучше всех. У моего отца была книга. Он читал мне истории и показывал буквы. Иногда мне снится и эта книга, и он сам. — Она шмыгнула носом в темноте.

— Что случилось с твоими отцом и матерью?

— Моя мама заболела и умерла. Я ее не помню. Отца я потеряла. Я *потеряла* его. — В голосе ее звучала печаль, и он был по-детски виноватый.

— Как ты могла потерять отца?

— Мы приехали в Туркад, когда мне было пять лет. Мы гуляли на пристани и смотрели на корабли. У меня была игрушка — маленький деревянный медведь. Я уронила его в воду, и папа нырнул за ним.

— О, так он утонул прямо у тебя на глазах!

— Он очень хорошо плавал! — с презрением возразила Лилиса. — Он достал медвежонка, и все люди о нем говорили. Потом пришли какие-то мужчины — моряки или контрабандисты. Они ударили отца по голове, утащили его на свой корабль и уплыли. Он так и не вернулся.

— Это случилось здесь, в Туркаде? — Таллия не верила своим ушам. — И никто ничего не сделал?

— Я никого не знала. Мне никто не помог. У меня была только моя одежда и мой медвежонок. Я проплакала день и ночь и еще один день. Спала я в бочке на улице.

— А то, что произошло с твоим отцом, часто случается?

— Да, особенно с моряками и с теми, кто хорошо плавает. Я уверена, что отец мертв, иначе он бы за мной приехал. Семь лет прошло с тех пор, как он исчез. Семь… лет. — Лилиса вдруг расплакалась, захлебываясь рыданиями, обо всем, что потеряла.

Таллия обняла девочку, ее худенькое тело еще долго сотрясалось от плача. Наконец она затихла.

— Мне двенадцать с половиной. У меня нет отца. Я совсем одна. Пошли, до «Принца-студента» еще далеко.

«Двенадцать! — подумала Таллия. — Я-то думала, что ты гораздо моложе. Ну ничего, теперь у тебя есть я. Если его *можно* будет найти, он *будет* найден».

— Как звали твоего отца?

— Джевандер. Но я звала его Джеви. У него была и фамилия, но я ее не помню. Я звала его просто Джеви, а он меня — Лилиса.

— Какой он был?

— Добрый. Никогда на меня не сердился, даже когда я вела

себя скверно. Однажды…

— Нет, я имею в виду — как он выглядел? Он был высокий или небольшого роста, какого цвета волосы, и все такое?

Лилиса долго молчала, но по ней было видно, что она вспоминает.

— Волосы у него были как у меня, — наконец произнесла она. — И глаза тоже. Я никогда не забуду, как он подвел меня к зеркалу и, приблизив свое лицо к моему, сказал, что мы очень похожи и что нам повезло, что мы есть друг у друга. Он часто так говорил. Не знаю, был ли он высоким. Мне он всегда казался большим. Но он не был толстым.

Таллия взяла девочку за руку, и они молча пошли вперед. Дважды им пришлось юркнуть в переулок, чтобы спрятаться от патруля. Таллия испытывала странное чувство неловкости, что ей приходится скрываться в своем собственном городе. «Принц-студент» оказался двухэтажным зданием из серого камня. На вывеске был изображен юноша с коротко остриженными волосами. Он с унылым видом сидел на толстом томе. Другие книги беспорядочной кипой высились перед студентом, а наверху кипы стояла фляжка.

Дверь была закрыта, но ее отперли, когда Таллия тихо постучала. После тщательного осмотра их впустили в темную комнату, которая была почти пуста. Комнату слабо освещал огонь в камине. Они уселись за столик, стоявший рядом с камином.

— Ты голодна, Лилиса?

Взглянув на нее с отчаянием, девочка покачала головой:

— У меня нет денег. В Туркаде, если не можешь заплатить, не можешь и поесть.

— Чепуха! Теперь ты работаешь на меня, мой маленький проводник, а в военное время проводники зарабатывают в десять раз больше. Заказывай все что хочешь.

Таллия подумала, не рассказать ли девочке о деньгах, полученных у спасенных Лилисой людей, но решила помолчать до лучших времен. Они плотно поели, но, не найдя того, что искали, снова вышли на холодную улицу.

Когда они завернули за угол, в доме напротив погас свет. Дверь парадного входа распахнулась, и на улицу выскользнул наблюдатель, последовавший за ними, как тень.

Они искали всю ночь, пройдя по всем притонам, которые знала Лилиса, но не нашли никого, кто мог бы помочь им с ботом. Большинство злачных мест было закрыто и забито досками, а несколько — даже сожжено дотла. Люди прятались, и, возможно, уже разнесся слух, что Лилиса теперь не одна из них,

не «уличная». Таллия начала отчаиваться. Им никогда не найти бот. Что она скажет Мендарку?

Лилиса мельком взглянула через плечо. За последние несколько минут она делала это уже дюжину раз. Она ускорила шаг, сжав руку Таллии. Таллия не смогла не обернуться, заразившись беспокойством своей проводницы. Ее город больше ей не принадлежал, и ей не нравилось такое положение вещей.

— Что это? — прошептала Лилиса, склонив голову набок. Они снова были недалеко от портового города.

— Я ничего не слышала.

— А я слышала. Там кто-то есть, за развалинами арки. — Таллия нащупала нож.

— Лилиса, — прошептала она. — Приготовься бежать. — Девочка ничего не ответила.

— Лилиса, будь умницей. Когда я скажу, беги и прячься.

— Я же твоя *проводница!* — яростно возразила Лилиса.

Таллия не стала настаивать:

— Ну хорошо. Только будь внимательна, смотри в оба. — Они двинулись дальше.

— За нами кто-то идет, — сказала Лилиса. Затем, через несколько минут: — Они ушли… по-моему.

— Может быть, это еще хуже, — ответила Таллия, глядя через плечо.

В тумане невозможно было определить наверняка, есть ли там кто-нибудь. Переулок казался бесконечным. Фонарей не было, окна домов закрыты ставнями.

Впереди, в конце переулка, промелькнула какая-то тень.

— За нами снова кто-то появился, — шепнула Лилиса.

— Впереди тоже, — пробормотала Таллия. — Возможно, ничего страшного. Но если меня схватят, беги к Мендарку: только он сможет меня освободить.

Лилиса не ответила, но Таллия очень отчетливо представила себе выражение ее лица. Если девочка вновь окажется на улице, ее там не примут и жизнь ее скоро оборвется.

Они продолжили свой путь. Конец переулка освещал фонарь, стоявший на улице, пересекавшей переулок. Именно там и появились два стражника, которые смотрели в их сторону.

— Прячься! — приказала Таллия.

Лилиса юркнула за кучу зловонного мусора. Таллия вся сжалась в темноте, молясь, чтобы часовые прошли прежде, чем ее догонит тот, кто преследовал ее.

Часовые свернули в переулок, что-то бурча себе под нос и тыча копьем в тени. Они явно что-то или кого-то искали. Выбора не было: надо атаковать первой. Солдат было всего двое, и

Таллия выскочила из темноты. Первый крутился возле бочки с водой. Таллия бросилась на него и швырнула его в бочку.

Схватив выпавшее из руки солдата копье, она с быстротой молнии уклонилась от удара второго стражника и воткнула острие копья ему в живот. Издав громкий крик, он сложился вдвое. Однако это оказалось уловкой, потому что он сделал выпад и ранил ее в бедро. Ощутив резкую боль, Таллия вонзила ему копье в горло. Выронив оружие, он издал булькающий звук и зашатался. Проклиная себя за беспечность, Таллия осмотрела рану. Она была глубокой, из нее лилась кровь. «Вот так-то хвастаться, — горестно подумала она. — Я могу истечь тут кровью».

У нее за спиной другой стражник все еще барахтался в воде. Наконец ее противнику удалось перевернуть бочку. Он начал приходить в себя и ощупывал мостовую в поисках копья. Таллия беспомощно наблюдала за ним, и тут что-то пролетело мимо и ударило его в висок. Он без чувств растянулся в грязи.

В мгновение ока рядом с Таллией оказалась Лилиса.

— Что это было? — простонала Таллия.

— Кирпич! С тобой все в порядке?

— Нет.

Пока Таллия перевязывала рану, Лилиса стояла возле распластавшихся на земле стражников, готовая защищаться, хотя солдаты не представляли собой никакой угрозы.

— Пошли, — сказала Лилиса, пытаясь поддержать Таллию. — Скорее, обопрись о мое плечо.

Лилиса повела ее на улицу, затем снова нырнула в тени проулка. Таллия чувствовала, что из ноги хлещет кровь. Кто-то закричал у них за спиной. Оглянувшись, она увидела тощую крысу, которая слизывала с булыжников ее кровь.

Лилиса протащила ее через какой-то двор, затем через пролом в каменной стене — к живой изгороди, которая обдала их ледяным душем.

Таллия ощутила дурноту:

— Остановись! Я не могу идти дальше.

— Я уже остановилась, — ответила Лилиса.

Под изгородью было совсем темно. Лилиса разрезала брючину Таллии на полоски и на ощупь наложила тугую повязку. Кровь остановилась. Таллия легла в грязь, размышляя, как же им вернуться к своим. Эндр оправдывал приписываемую ему дурную славу.

Короткий путь в портовый город оказался самым ужасным, что приходилось переживать Таллии. Она еле ковыляла, опираясь о плечо Лилисы. Пробравшись в обратном направлении по

канализационному туннелю, незадолго до рассвета они наконец очутились в порту.

Таллия потеряла сознание. Вокруг собралась толпа хлюнов, молча разглядывающих ее. Лилиса, походившая на призрак, с бледным лицом, вся забрызганная кровью, вытащила длинный нож Таллии и, стоя над ней, размахивала им, угрожая каждому, кто подходил слишком близко.

— Позовите Магистра! — закричала она и повторяла эти слова до тех пор, пока не послали за Мендарком. Наконец появился гонец с Мендарком и Оссейоном.

Нога Таллии была красная от крови. Мендарк осмотрел рану, затем Оссейон взял Таллию на руки и понес в их жилище.

Очнувшись, Таллия увидела, что рана зашита и перевязана.

— Где Лилиса? — прошептала она, лихорадочно озираясь.

— Спит без задних ног, — ответил Оссейон, затягивая потуже повязку. — Ах, какой у тебя храбрый, верный дружок! Никто не посмел к тебе приблизиться, пока мы не пришли.

— Но тебе ничего не удалось! — воскликнул Мендарк. — Что же нам делать? Мы в западне!

Эндр тянулся бесконечно — один унылый день с мерзкой погодой сменялся другим. Таллия беспомощно лежала в гамаке, поджидая, пока рана затянется, чтобы она смогла ходить. Беренет пытался проникнуть в Туркад ночью после того, как ее ранили, но тоже не добился успеха. С тех пор он потерял всякую надежду пробраться в город, так как теперь следили уже за всеми потайными путями. Хлюны были невероятно враждебны. Мендарк ожидал, что их могут вышвырнуть на улицу в любой момент.

Через три дня Таллия смогла передвигаться, хотя и с большим трудом.

— Я не имею права просто сидеть здесь и ждать, когда нас схватят, — сказала она Лилисе. — Ты не знаешь какого-нибудь другого пути?

— Сегодня хайт, — содрогнулась Лилиса. — Самый плохой день года.

Таллия не была суеверна, но и ей это не нравилось.

— И все-таки мне придется попытаться.

Лилиса припомнила пару заброшенных туннелей контрабандистов, и они решили предпринять еще одну попытку. Итак, они отправились в путь в сопровождении хлюна с каменным выражением лица. Это был их последний шанс. Но и он не оправдал себя: оба пути теперь охранялись часовыми Иггура.

После полуночи они повернули назад, но на полпути к убежищу увидели вдали оранжевое зарево и услышали треск и

рев пламени. Таллия, хромая, направилась в ту сторону. К ним подбежал ребенок иплюнул на сапог Лилисы. Какая-то старуха проклинала их, стоя на пороге, совершая руками непонятные движения — вероятно, отгоняя зло. Хлюны были очень суеверны, — несомненно, именно поэтому Иггур устроил пожар в этот день. Два хлюна, потрясая копьями, отогнали Таллию и Лилису от своих домов.

Их отвели под конвоем туда, где они остановились с Мендарком, и на каждом шагу в них плевали и осыпали оскорблениями. У дверей от куртки Лилисы отскочила медуза. Таллии угодили в голову и спину гнилыми овощами. Лилиса дрожала от ужаса, когда они добрались до убежища. Ни Мендарка, ни Беренета там не было, так что они вымылись, и Лилиса легла спать. Таллия сидела на стуле, завернувшись в одеяло. Она заснула, и ее внезапно разбудил Мендарк. Он бешено тряс ее:

— Таллия, Таллия!

Таллии захотелось послать его подальше, но она этого, конечно, не сделала, а лишь поплотнее закуталась в одеяло.

— Я слушаю.

— Был пожар, — взволнованно произнес он.

— Я видела его, — ответила она. — Много сгорело?

— Довольно много. Это предупреждение! Хлюны в истерике от страха. Иггур знает, что мы здесь! — Мендарк теребил бороду.

— Ты уверен?

— Уверен! Он обещает сжечь весь портовый город, если они нас не выдадут.

— Может быть, это всего лишь пустая угроза. Откуда ему знать?

— У Иггура не бывает пустых угроз.

— Что говорят ему хлюны?

— Говорят, что в глаза нас не видели, и грозятся в отместку сжечь Туркад.

— И сожгут?

— О, они могут быть безжалостными. Но на месте хлюнов я бы сначала попробовал более простой вариант. Я им теперь не нужен, так не лучше ли выдать меня и вернуться к своим делам?! Таллия, найди поскорее выход, или мы погибли.

Второй раз за ночь Таллию разбудили голоса, доносящиеся из-за двери. Это Мендарк разговаривал с каким-то хлюном, и голос Мендарка звучал заискивающе, что было так не похоже на него.

— Пожалуйста, — умолял он, — еще несколько дней.

— Нет! Судьба нашего города висит на волоске.

— Может быть, — понизил голос Мендарк, — если мы предложим увеличить компенсацию за ваше неудобство…

Последовало столь долгое молчание, что Таллия подумала: уж не ушли ли они. Затем она услышала приглушенный звон монет и кудахтанье хлюна.

— Я попытаюсь их уговорить. Мы хотим тебе помочь, но Иггур непредсказуем. Даже если ты озолотишь нас, мы не станем рисковать своим городом.

— Как долго? — спросил Мендарк, потом опомнился, поняв, что кричит, и прошептал: — Сколько дней ты можешь нам дать?

— Еще три дня. Если к этому времени вы не найдете выход, у нас не будет выбора: нам придется выбросить вас на улицу.

— Три дня! — в отчаянии воскликнул Мендарк. Таллия свесила больную ногу из гамака. Рана ужасно ныла. Но она должна снова сделать попытку.

10
Артикулы войны

В шахте, на дно которой рухнула клетка, было темно. Долодха выбралась на верхнюю площадку. Ее одежда промокла. Иггур ждал от нее вестей. Он стоял, всматриваясь в сумрак.

— Нижнюю дверь заклинило, — сказала Долодха, дрожа. — Мы пытаемся ее открыть.

— А Мендарк? — спросил он с угрозой в голосе.

— Он ушел! — Она склонилась так низко, что волосы коснулись пола. — Потайная дверь. Двое из его отряда утонули, но остальные сбежали.

Иггур поднял кулак, и она отскочила, попав прямо в лапы к Вартиле. Вельмиха сильно ударила ее своим прутом по уху. Из уха Долодхи потекла кровь.

— Плохие новости! — рявкнула Вартила, когда девушка удалилась, еле переставляя ноги.

Магрета ожидала, что Иггур одернет вельмиху, но он ничего не сказал. Она поймала Долодху за плечо, намереваясь помочь. Но девушка отшатнулась, словно боялась, что ее снова накажут, и вернулась на свой пост.

Иггур спустился в подвал. Вскоре он вернулся в холодной ярости.

— Ушел! — бушевал он. — Воспользовался тайным туннелем, который мы не обнаружили. Маги заплатят мне за это!

— Я уверена, они сделали все, что могли, — попыталась успокоить его Магрета.

Гнев Иггура после того, как нашли двойника Мендарка, был ужасен, и она боялась повторения.

— Значит, этого было недостаточно!

Магрета ощутила беспокойство. Во что она впуталась?

— Иггур, — обратилась она к нему на бегу, стараясь не отставать, — с этим бедным гонцом обошлись очень несправедливо. Ты?..

— Она знает мои Артикулы Войны! — резко возразил он. — Их читают каждую неделю. Добейся успеха, и тебя вознаградят! Допусти промах, и тебя накажут! Что может быть справедливее?

— А в чем ее промах?

— Она принесла плохие новости. Ее группа меня подвела, и все они должны быть за это наказаны. Зато в следующий раз они будут больше стараться.

Когда они вернулись в крепость Иггура, было уже утро.

Измученная Магрета лежала на кушетке, а Иггур расхаживал по комнате. Как он ни пытался, ему не удалось обнаружить потайной ход, которым воспользовался Мендарк.

— Где он мог проскользнуть? — спрашивал он, обезумев. — Мог ли Мендарк уже выбраться из Туркада?

— Не думаю, — ответил Зарет, поглаживая свои косички на подбородке. — Хотя… если у него где-то припрятан маленький бот.

— Найди его! — загремел Иггур. — Он вырвался на свободу? По суше или по морю? Или он все еще в городе — затаился в какой-нибудь дыре в трущобах. *Или в портовом городе?* Не попытаться ли мне выкурить его оттуда огнем? — Иггур злорадствовал: ведь Зарет был хлюном, то есть принадлежал к народу, который жил в портовом городе и контролировал все морское сообщение с Туркадом.

— Мой совет не будет беспристрастным, — спокойно сказал Зарет. — Но ты должен знать вот что: мы, хлюны, подготовили защиту от пожара, так как больше всего боимся именно огня. Эти меры могут не помочь, но если сгорит портовый город, то, будь уверен, от Туркада не останется камня на камне.

— В случае пожара весь Туркад станет западней, — размышлял Иггур вслух. — Я пошлю в портовый город послов, и к этому монстру С'Корси тоже, и они будут действовать лестью и угрозами. Мы найдем Мендарка!

— Феламора больна, — сказала Магрета, чувствуя, что пренебрегла своим долгом. — Я должна пойти к ней.

— Хорошая идея. — Он прокричал приказы, и двое вельмов повели Магрету вверх по лестнице. — Не дай ей умереть. Она может меня многому научить.

Девушка нашла Феламору в том же состоянии, что и прежде: в апатии; она либо спала, либо лежала глядя в потолок. Иногда она вставала и, несколько минут поковыляв по комнате, снова падала на кровать.

Когда Магрета вернулась в кабинет Иггура, тот все еще лихорадочно работал. Он не спал несколько ночей и теперь превратился в автомат, подчиненный одной идее: найти Мендарка и обезопасить город. Магрета считала эту маниакальную идею удручающей. Тем не менее она сидела рядом с ним в то время, как он отдавал приказы о контроле над Туркадом и о наказании тех своих слуг, кто совершил промах.

Наконец, когда наступил полдень, он заметил Магрету, которая еле сидела на стуле, умирая от желания поспать.

— Прости, — обратился он к ней без улыбки. — Я не могу отдыхать, пока мой враг не схвачен. Долодха!

Девушка, которая лежала на полу, как коричневый узел с вещами, тотчас же вскочила. Половина ее лица распухла, на ухе запеклась кровь.

— Проводи Магрету в мои апартаменты, — приказал он. — Приготовь ей ванну и постель. Обеспечь всем необходимым.

Долодха повела Магрету по длинным коридорам, и наконец они дошли до большой двери, которую охраняли два вельма. Долодха передала приказ, и их впустили. Она наполнила для Магреты ванну.

— Она холодная! — воскликнула Магрета, пощупав воду. Хотя она не привыкла к роскоши, но холодная ванна зимой — это уж слишком!

— Ты хочешь *горячую* ванну? — прошептала Долодха с таким изумлением, что Магрета не стала настаивать.

— Ладно, сойдет, — сказала она и выкупалась, стараясь не задерживаться в холодной воде.

Ее грязная одежда уже исчезла. Она надела длинное одеяние, приготовленное Долодхой, и ее провели в большую спартанского вида комнату, которая явно была спальней Иггура. Магрета встревожилась. Как бы ни сложились у них в дальнейшем отношения с Иггуром, остаться здесь было для нее невозможно.

— Я не могу здесь спать! — воскликнула она.

Долодха пожала плечами, продолжая стелить постель.

Подойдя к двери, Магрета открыла ее. Вельм, стоявший на часах, преградил ей путь.

— Выпусти меня! — потребовала Магрета, но он покачал головой:

— У меня приказ — не выпускать тебя отсюда до утра.

— Так пойди к Иггуру и скажи, что я не желаю здесь спать.

— Я не имею права покидать свой пост! — заявил вельм с безразличным выражением лица.

Магрета вернулась в комнату и присела на край ванны.

— Постель готова, — сказала Долодха.

— Я не могу там спать, — ответила Магрета.

— Хозяин отдал приказ, — печально произнесла Долодха, дотрагиваясь до своего изувеченного уха.

У Магреты не было желания смотреть, как девушку снова накажут. Сорвав с кровати одеяла, она, к огорчению Долодхи, улеглась на полу в гостиной.

Магрета проснулась и поняла, что ее опасения были беспочвенны: Иггур совсем не пришел. Долодха спала на голом полу, но, как только Магрета поднялась, помчалась готовить завтрак.

После бегства Мендарка из крепости Иггур был так сильно

занят, что Магрета почти не видела его. Заточенная в крепости, в окружении вельмов, она начала задумываться, уж не сделала ли роковую ошибку, придя сюда.

Большую часть времени она проводила в командном центре, наблюдая за Иггуром, хотя они редко обменивались даже парой слов. Что он хочет от нее? И, коли на то пошло, чего ожидала она? Что он будет приятелем, другом, любовником?

— Иггур, — произнесла Магрета осторожно в тот полдень.

Он повернулся к ней с отсутствующим выражением лица. Его руки перебирали депеши на столе, и ему явно не терпелось вернуться к своей работе. Офицеры и слуги глазели на нее.

— Ничего, — ответила она на его взгляд и села обратно на свой стул.

Магрета впала в задумчивость, ощутив затаенную обиду. После того как Иггур подтвердил, что привязан к ней, ее робкие надежды разгорелись. Но последние дни были ужасны. Он не говорил ей ни одного доброго слова, впрочем и ни одного резкого, — Иггур совершенно не замечал ее. Магрета предпочитала скрывать свои чувства, а не выказывать их, и наконец в душе ее вспыхнула ярость. Если такова дружба, ей будет лучше одной.

«Значит, я буду одна! — решила она в гневе. — Я не намерена болтаться тут без дела и уйду сегодня же».

— Черт тебя побери! — воскликнула она, когда Иггур шел на очередное совещание с генералами. — Каковы твои планы относительно меня?

Кровь бросилась в лицо Иггура. Рука непроизвольно стала комкать депеши. Резко повернувшись к солдатам и слугам, он рявкнул:

— Вон!

Когда комната опустела, он тихо произнес:

— Будь так любезна держать свои личные проблемы при себе, когда я работаю.

— В будущем я так и сделаю! — зло отчеканила она. — Я ухожу!

— Уходишь? — У него был изумленный вид.

— Ты со мной не разговариваешь. Я как пленница, которой забыли сказать, что она находится в заточении. Мне было лучше одной.

— О чем ты хочешь говорить?

— О чем угодно! — закричала она. — Какие у тебя планы относительно меня?

— У меня нет никаких планов, — спокойно ответил он. — Твое общество… оно мне приятно. Вот и все.

— А как насчет меня? Я не твой щенок, которому можно улыбнуться, когда он забавляет, и не замечать в остальное время.

Иггур смотрел на нее, не понимая, что она имеет в виду.

— Пойдя на союз с тобой, я выступила против Феламоры и всего того, к чему она стремилась. Я не могу жертвовать всем ради каприза. Мне нужно больше!

— Магрета… — начал Иггур, затем лицо его застыло. — Я… Я не могу… — Он резко повернулся к Магрете спиной, издав приглушенный стон. Когда он снова обернулся к ней, он уже овладел собой. — Пойдем со мной, — позвал он и повел ее наверх.

Теперь они стояли на самом верху старой крепости, на зубчатой стене. Ветер развевал их волосы и одежды, залепляя им лица мокрым снегом.

— Я не могу… — снова начал он, потом отвернулся и отошел от Магреты. — Вероятно, тебе следует уйти. Мне нечего тебе предложить. Я… Я знаю себя, Магрета, и то, что я знаю, не очень… привлекательно. Тебе известна моя история?

Она подошла к нему.

— Ты был молод, блистателен, — сказала она. — У тебя было все. Потом Совет — Мендарк! — попросил тебя помочь в изгнании Рулька с Сантенара.

Он вздрогнул при этом воспоминании. Она протянула ему руку.

— Ты воспользовался Запрещенными Искусами ради них, — продолжала Магрета, — но Рульк был слишком силен. Совет бросил тебя, и потом Рульк овладел твоим сознанием и довел тебя до безумия.

— Я до сих пор ощущаю это, — сказал Иггур, и взгляд его был обращен в прошлое. — Эта боль, этот ужас. Месть Рульку и Мендарку — вот что двигало мной с того времени, как прошло мое безумие. Я превратил себя в машину. Я пуст изнутри, Магрета. Скорлупа, которая не содержит ничего, кроме ненависти и страха.

Эта исповедь потрясла Магрету. Она заметила, как дрожит его рука.

— Ты не бесчувственный, — возразила она. — Иначе у тебя не болело бы внутри. У меня тоже болит — ты знаешь почему.

Иггур сжал ее тонкую руку. На ресницах у него были слезы.

— Магрета, ты добра ко мне. Не знаю, смогу ли я отплатить тебе тем же: я весь обледенел.

— Мне нужно немного, — прошептала она, ступая рядом с ним. — Но я так тоскую по теплу. — Она взглянула ему в лицо затуманенными от слез глазами. — Мы так подходим друг другу.

Я холодна изнутри, робка. Я не выношу, когда люди знают о моих чувствах. Но, быть может…

Они продолжали идти по стене, миновав пустую караульную будку. Внезапно Иггур остановился и схватил ее за руки:

— Быть может? Ты делаешь предложение? Говори яснее — не выношу, когда ходят вокруг да около.

— Боюсь говорить яснее — а вдруг я ошиблась, — ответила она. — Но я хочу. Если ты хочешь.

— Возможно, ты и я, мы могли бы чему-нибудь научить друг друга?

— Да? — прошептала она.

Подул ледяной ветер. Магрета, дрожа, приблизилась к Иггуру, под его защиту. На ее лице отразилась борьба чувств.

— Ты бы… — начал он тихо.

— Что? — мягко спросила она.

Он закричал, перекрикивая шум ветра над бойницами:

— Ты бы… не обняла меня?

И он распростер объятия. Магрета тоже протянула к нему руки. Они постояли с минуту близко друг к другу, но не соприкасаясь. Затем Магрета ощутила, как в душе обрушилось то, что сдерживало ее. Вздохнув, она крепко обняла Иггура, и он прижал ее к себе.

Они беседовали, когда у Иггура выдавалась свободная минутка и он мог оторваться от войны и забыть о своей маниакальной идее. Они гуляли по стенам крепости поздней ночью, когда были сделаны все дела, или в предрассветные часы, перед тем как надо было все начинать снова. Они лишь держались за руки, порой обнимались. Дальше их отношения не могли продвинуться. И ей все время приходилось ободрять его, поскольку у Иггура было даже меньше опыта в таких делах, чем у Магреты.

Однако через несколько дней Иггур снова попал во власть своей навязчивой идеи относительно Мендарка. После взятия Туркада дела шли неважно: повсюду вспыхивали восстания. Иггур был уверен, что Мендарк в портовом городе, но не осмеливался сунуться туда.

— Прости, Магрета, — сказал Иггур. — Я… С тех пор, как я захватил Туркад, что-то изменилось. Моя сила здесь меньше, чем обычно. Мне нужно приспособиться к ауре этого странного места, но что потом? Что будет, если я уеду?

Минула почти неделя с тех пор, как Магрета появилась в крепости. Внезапно она поняла, что их дружба не ведет никуда и что, хотя Иггуру хотелось бы большего, ему очень тяжело

давались их отношения. Он был не способен пойти дальше. Однако Магрета не могла допустить, чтобы их отношения застыли на этой мертвой точке.

Иггур был слишком подавлен, слишком боязлив, слишком упивался своими мучениями. Если она не сделает решительный шаг, они неизбежно расстанутся — так же неизбежно, как опадают лепестки с цветка.

«Не остается ничего иного, — сказала ока себе. — Мне нужно затащить его в постель».

За свою жизнь Магрета ни разу не спала с мужчиной, да и не испытывала такого желания. Она знала про это лишь из классической литературы и из учебников, по которым училась в школе и в которых рассказывалось, как это происходит у животных.

Цели, которую она себе поставила, было не так-то легко достигнуть. Магрета была так же несведуща в искусстве соблазнения, как новорожденный младенец. Ее намеки отскакивали от Иггура, как дротики от брони: он их просто не понимал.

Вынужденная стать смелее, она начала более прозрачно рассуждать об интимных отношениях полов, но он смотрел на нее таким отсутствующим взглядом, что ей подумалось: «А что если беды прошлых лет повлияли и на его мужские возможности?»

Эндр наконец-то закончился. Наступил первый день месяца тальмарда — последнего, самого холодного месяца зимы. Приближалась ночь. Они сидели за поздним ужином, и Магрета попросила вина. Она собиралась выпить совсем немного, так как в прошлом вино имело для нее пагубные последствия. Но она щедро лила его в бокал Иггура, доливая его доверху, когда он пустел наполовину. После того как он выпил несколько бокалов, Магрета решилась: «Нужно говорить, сейчас или никогда».

Слова застряли у нее в горле. Поднявшись, чтобы долить вина в его и без того довольно полный бокал, Магрета отодвинула свой стул.

Иггур прикрыл бокал рукой.

— Хватит! — резко произнес он. — Чего ты от меня хочешь?

Слова вырвались у нее так же, как прорвались чувства.

— Я хочу тебя! — воскликнула она, и лицо ее стало красным, как вино в бокале. — Не пойдешь ли ты со мной в постель?

У Иггура челюсть отвисла от изумления.

— В постель? — повторил он.

Магрета была ужасно смущена. Неужели она совершила самую большую ошибку в своей жизни? Но отступать было поздно.

— Ты не… *можешь?* — осторожно спросила она.

Он нахмурился, казалось пытаясь вспомнить значение этого слова.

— Я мужчина, — сказал он. — Я могу. По крайней мере, мог. — Он взглянул на нее. — Мне не хотелось долго, очень долго.

— О! — произнесла она, не вполне понимая его.

— Это то, чего ты хочешь? — осведомился он.

— У меня есть желания, — ответила она неопределенно. — Я думала… Если бы мы обняли друг друга… интимно… это соединяет тело и душу. Это было бы хорошо для нас обоих.

Иггур раздумывал над ее идеей.

— Но мы даже не целовались.

— Не целовались, — согласилась она, глядя на его рот. — Но мне бы этого хотелось.

— Иди сюда.

Внезапно их роли переменились. Магрета не умела целоваться. Она очень осторожно приблизилась к нему. Поцелуй ей понравился, хотя губы Иггура были твердые, а борода колючая.

— Поднимайся наверх, — сказал он. — Я приду вслед за тобой.

Магрета разделась, приняла ванну и нырнула в постель Иггура. От грубых простыней ее нагое тело воспламенилось. Что произойдет с ней сейчас? Она отдалась во власть Иггура. Что он потребует от нее? И как он поступит, если она не оправдает его ожиданий?

Появился Иггур. От него пахло свежестью после ванны. Он погасил лампы, одну за другой.

— Пожалуйста, оставь свет, — прошептала она.

По ее просьбе он оставил гореть лампу возле кровати. Постояв немного со склоненной головой, он скинул одежду и залез под одеяло.

Он лежал не шевелясь так долго, что она испугалась: уж не уснул ли он? Но когда она дотронулась до него, Иггур перевернулся и неуклюже обнял ее, едва касаясь Магреты.

Проволочная оправа ее очков врезалась ему в ухо. Магрета сняла очки, и свет отразился в ее ярко-красных глазах. На лице Иггура отразился испуг.

Иггур знал о происхождении Магреты больше, чем она сама, поскольку когда она была у него в плену в Фиц Горго прошлой осенью, то не могла принимать снадобье, которое дала ей Феламора, чтобы скрывать цвет глаз. Они начали медленно приобретать тот странный цвет, меняющийся в зависимости от

освещения с темно-синего на ярко-красный, по которому Иггур сразу же определил ее расу. Только у каронов или у тех, в чьих жилах текла их кровь, был такой цвет глаз.

Это не имело значения в Фиц Горго, но сейчас, когда исчезло Зеркало и вернулись гаршарды, а в его владениях царила неразбериха, происхождение Магреты было важнее, чем когда-либо. При виде ее глаз Иггуру припомнился его заклятый враг, самый великий карон из всех. Однако Иггуру было хорошо известно, что те, в чьих жилах текла кровь каронов, беспощадно преследовались после падения Рулька. *«Кто она такая?»*

Магрета лежала в его объятиях, не понимая, почему он так неестественно неподвижен. Наконец она прошептала ему в самое ухо:

— Иггур. — Ее дыхание заставило его очнуться.

Магрете показалось, что они как-то странно занимаются любовью: Иггур старался, чтобы она все время была спиной к свету. Все произошло очень быстро, и ни один из них не получил удовлетворения. Впрочем, она и не ожидала многого. Но ощущение, что она в его объятиях и составляет с ним единое целое, было чудесным и новым для нее. Повернувшись на бок, она заглянула Иггуру в глаза, мечтательно улыбнулась и уснула.

Но при этом свет лампы снова отразился в ее глазах, и они загорелись алым цветом. Иггура охватил ужас. Глаза каронов! Ему хотелось выпрыгнуть из кровати и пуститься бегом в свою крепость, стоявшую среди болот, позабыв и про Зеркало, и про свою империю, и про планы мести, которые он так долго лелеял. Но он не мог.

Он пристально всматривался в лицо Магреты. Она была действительно красива, сейчас ее лицо было спокойно, с него исчез удрученный взгляд, так портивший ее черты. Он погладил ее стройную шею, затем снова вспомнил цвет ее глаз, и его охватило непреодолимое желание сдавить ей горло и избавиться от опасности, которую она собой представляла. Но этого он также не мог сделать.

Опустив голову на подушку, он застонал. Магрета во сне притянула его к себе. Иггур не спал всю ночь.

Часть 2

11
Случай амнезии

Она пролежала там долго, слишком слабая, чтобы тревожиться. Ощущение вялости и тепла было непривычное, но приятное. Исчезли все сны, все опасения и ужасы, все воспоминания. Ничего не осталось — лишь призраки далекого прошлого. Она шла по снегу при лунном свете, глядя на мерцающие звезды и кровавую луну, взволнованно вскрикивая, когда искра метеора прорезала небо. Ветер донес крик горной кошки. Она еще крепче вцепилась в огромную руку и почувствовала себя в полной безопасности, под надежной защитой.

Позже, в знакомой комнате, в очаге потрескивало пламя, и ее обнимала за плечи большая рука. Снаружи рыдал ветер, завывая в трубе. Она прижималась к груди отца, прикрыв глаза, и его голос рассказывал ей предания старины, перед ее взором возникали столь яркие картины прошлого, словно их нарисовали на ее веках изнутри.

Рыжеволосая девочка шла по снегу. Это она сама или еще одна героиня из сказок зимней ночи? Она вздохнула, и у нее снова заболела голова. Ужасная боль, словно в лоб вонзаются стальные колючки. Боль, которая была эхом ушедшей боли. Забвение. Слабый скрип проник в ее полузабытье. Она не пошевелилась, да у нее и не было сил. И опять воцарилась тишина. Она снова грезила. Или переживала прошлое. *Или жила!*

Скрип-скрип — вот оно! «Дерево по дереву», — поняла она. Ее удивило, что она перешла от сна к мысли, могла думать. Скрип-скрип. Ей стало любопытно, и она наконец-то проснулась. Осторожно открыла глаза, чтобы себя не выдать, хотя сама не знала, было ли что-то, чего следовало остерегаться.

Она стала разглядывать маленькую и темную комнату. Стена, у которой стояла ее кровать, была каменная, она блестела от сырости. В очаге горел огонь, очаг дымил. На каминной доске был зажжен толстый огарок желтой свечи. Рядом со свечой стоял большой кувшин из зеленого фаянса. У огня сидел старик с короткой седой бородой и жидкими волосами. Она видела его лицо в профиль. Он раскачивался на стуле, который при каждом движении скрипел под ним. На старике была темная поношенная одежда и коричневые сапоги.

Скрип-скрип. Старик пошевелился. Он изучал какую-то карту. Она сомкнула веки и лежала совсем тихо. Стул продолжал

скрипеть. Старик хмыкнул, затем забулькала жидкость. Она осторожно приоткрыла глаза. Он вылил в кружку то, что осталось в кувшине, поставил его обратно на каминную полку и отхлебнул из кружки.

Она снова прикрыла глаза. К ней вернулась частица воспоминаний — Тайный Совет! На ногах у нее цепи. Она пошевелила ногой под одеялом, дотронувшись до лодыжки второй ноги, и поморщилась. Отек и онемение от оков еще не прошли. «Карана! — подумала она. — *Это я!*» И тут потоком хлынули воспоминания: врывается гонец: Иггур у ворот, армии Туркада разгромлены. Следующая картинка: Тензор, безумный, отчаявшийся, поднимает кулак. Потом ничего, абсолютно ничего.

Как она попала в эту сырую, жалкую комнату? Кто этот старик, сидящий у камина? Голова раскалывалась от боли. Зеркало исчезло! Его похитили, и теперь оно далеко. Все, что она выстрадала, и все эти смерти были напрасны.

Нет, теперь ее это больше не касается. «Я *могу идти домой»,* — вздохнула Карана. Перед ее мысленным взором предстал запущенный, обветшавший Готрим — стены из розового гранита, озаренные полуденным солнцем. «Наконец-то домой!» Образ заволокло туманом, и она с благодарностью погрузилась в темноту.

Голова болела так сильно, как никогда прежде. Боль перемежалась с кошмарами — более реальными, чем сама жизнь, более неистовыми, более ужасными. Уж лучше боль, чем кошмары. Она кричала, потела, горела и снова тонула в океане боли.

Она чувствовала запах раскаленного железа. Красная пелена застилала все. Слышались крики, звон орудия. Пальцы ее коснулись чего-то липкого, и она поднесла их к носу. Кровь! Она лежала в луже крови. Мороз пробежал у нее по коже. Холодные пальцы дотронулись до ее горла. Собрав остатки сил, Карана вскрикнула от ужаса.

Прошло много времени, и она снова вынырнула из забытья, ощутила движение в комнате. Холод у нее на челе. Холод на лице, на шее, на спине, растекается по всему телу. Мрак.

Крики, пот, огонь. Губы горят. Тьма, темнее, чем мрак.

Много позже Карана пробудилась оттого, что над ней кто-то склонился. Она лежала без движения, желая, чтобы этот кто-то ушел, а старик вернулся к своему стулу у камина и снова заскрипел. Открыв глаза, она увидела новый огарок свечи в луже воска на каминной полке. Она огляделась. Стены с облупившейся штукатуркой, дверь из толстых досок с надежным засовом.

— Карана! Я думал, что потерял тебя вчера. — Карана вздрогнула.

Когда старик приблизился к ней, лицо его показалось смутно знакомым.

— Кто ты?

— Я твой целитель. И на какое-то время — опекун.

— Мой тюремщик! — Он пожал плечами:

— Как тебе угодно. Если бы не я, ты бы умерла. Но я не друг Иггуру. Я занимаюсь своими собственными делами. Меня зовут Шанд.

«Какое тебе до меня дело, Шанд? — Имя что-то смутно напоминало. — Не называл ли его Лиан? *Лиан!* — Карана ощутила такую боль в груди, что стало трудно дышать. — Что с ним случилось?» Она рывком села в постели.

— Где Лиан? Он… Он не… — Она не смогла это выговорить.

— Лиан? — Шанд склонился над ней. В голосе его звучало раздражение.

«Какие у него ясные зеленые глаза, какой проницательный взгляд». Она вдруг испугалась этого незнакомца.

— Мы вместе пришли в Туркад, — объяснила Карана. — Путешествовали вместе больше месяца. Он спас мне жизнь. Я должна знать, где он. Пожалуйста. — Она взяла старика за руку.

— В Туркаде хаос, — ворчливо ответил Шанд. — Бесполезно искать.

Она отдернула руку. Жизнь возвращалась в ее зеленые глаза, бледные щеки порозовели. Ее вид тронул Шанда.

— Почти бесполезно, — поправился он, и голос его прозвучал мягче. — Было страшное кровопролитие. Иггур захватил большую часть города. Но я постараюсь.

Он заставил ее опуститься на подушку.

— Сейчас тебе нужен отдых. Ложись.

— Кто-то должен знать, где Лиан. — Ее глаза наполнились слезами, у нее не было сил их вытирать. — Но не говори обо мне ему.

— Ему?

— Мендарку! Ничего не говори обо мне, если он спросит. Это мой враг.

Шанд вздохнул:

— Тебе нечего беспокоиться о Мендарке. Он загнан в ловушку в Старом Городе.

— Где… — У нее не хватило сил закончить. — Где я? Что со мной случилось? — Комната завертелась у нее перед глазами. — Что ты собираешься со мной делать?

— Не знаю, что с тобой случилось, — тихо ответил Шанд. —

Когда я тебя нашел, ты была на волоске от смерти. Ты бредила и умирала. Я отнес тебя сюда, в безопасное место. Позже еще будет время для вопросов и ответов. — Он положил ей руку на глаза. — Спи!

Тепло и темнота успокоили Карану, все ее страхи улетучились. С тихим вздохом она погрузилась в дрему, и на этот раз ее не посетил ни один кошмар.

Шанд с минуту постоял, глядя на нее, затем, убедившись, что она уснула, тихо отворил дверь и, заперев ее за собой, вышел на улицу.

Когда Карана очнулась, было утро, и бледный серый луч солнца проникал в комнату через щель под дверью. Старика не было. Огонь в камине погас, в комнате было холодно. Она медленно села. Комната завертелась. Когда головокружение прошло, девушка спустила ноги на пол и встала. Ноги сразу же заледенели на холодном каменном полу. Она оглядела себя. На ней была рваная сорочка. Когда-то Карана была пухленькой, сейчас от нее остались только кожа да кости. Сколько же времени она провела без сознания?

Ее собственной одежды нигде не было видно, и Карана завернулась в одеяло. Шаг за шагом она осторожно приблизилась к камину. Там уселась на стул и, дрожа, уставилась на пепел. Спустя некоторое время Карана ощутила волчий голод. Она не нашла ничего съедобного в комнате, лишь на сундуке у двери стоял кувшин с водой.

Сломав пальцем лед, она попила воды, такой холодной, что заломило зубы.

Щелкнул замок. В дверь просунулась седая голова Шанда. Согнувшись, он тащил на спине большую вязанку дров — доски от двери с облупившейся зеленой краской, еще какие-то разноцветные деревяшки. Это были обломки чьего-то дома. Сердце Караны снова сдавила тоска по Готриму.

Шанд взял ее маленькую ручку. Она была ледяная.

— Почему ты не ложишься обратно в постель?

— Не могу, — прошептала она. — Я умираю от голода. Сколько ты продержал меня здесь?

— Я не держал тебя здесь, как ты выразилась, — ответил он с легким раздражением. — Я нашел тебя три дня тому назад в Большом Зале.

— В Большое Зале? Я не понимаю.

Шанд поднял крышку сундука и принялся в нем рыться.

— Нет. Да, Нелисса. Суд. Зеркало. Гонец… — Голос ее замер, воспоминания смешались.

Хлопнула крышка сундука. Шанд извлек оттуда полбуханки черствого хлеба, засохший сыр, пару луковиц, а из треснувшего коричневого горшочка — кусочки маринованных овощей, размякшие и бесцветные. Он положил еду на металлическую тарелку и, мелко нарезав, подал Каране.

— Прости, — сказал он. — Это вряд ли можно есть, но больше мне ничего не удалось достать. Я выбрал плохое время, чтобы приехать в Туркад. Ешь понемножку, иначе тебе станет плохо. Твой желудок отвык от еды.

Он развел огонь в камине, и через минуту доски весело затрещали в огне, комнату заполнил запах смолы.

— Как же я сюда попала?

— Я пошел в Большой Зал — сам не знаю почему, нашел там тебя, чуть живую, и принес сюда.

Карана посмотрела на тарелку и выбрала кусочек маринованного корешка.

— А что произошло с другими людьми на Тайном Совете? — спросила она, жуя кислый волокнистый корешок.

— Мне об этом ничего не известно, да и сейчас что-либо довольно трудно выяснить. У Иггура в руках почти весь Туркад, и скоро он захватит весь город. Мендарк все еще обороняется в крепости, но скоро и она падет.

Эти имена ничего для нее не значили: она снова их забыла.

— А как насчет… Магреты?

— Мне она незнакома. Возможно, она — одна из неопознанных мертвецов.

Карана покачала головой, которая еще болела.

— Нет, я бы непременно знала об этом. — Она тут же пожалела, что сказала это. Шанд мог понять, что она чувствительница, и продать тому, кто больше заплатит за ее дар. Ведь идет война, и цена на чувствительников высока.

— Значит, ей удалось бежать.

— Да, наверное. — Она заколебалась. — Ты разузнал что-нибудь о Лиане?

— Я говорил с одним человеком, который убирал трупы из Большого Зала. — Шанд помешал в камине.

— Почему ты возишься со мной, Шанд? Я все время спрашиваю, но ты не отвечаешь. Куда ты меня принес?

— Мы в старой части города, — объяснил Шанд. — Тут такой запутанный лабиринт улочек и такая нищета, что сюда не приходит никто — кроме тех, кому больше негде жить. Даже солдаты Иггура здесь не появляются, — правда, все может измениться, когда падет крепость. И тогда даже в этих трущобах ты не будешь в безопасности — ты похитила его Зеркало!

— Сколько у меня времени?

— Трудно сказать. Возможно, всего несколько часов.

Карана устало опустила голову на руки. Шанд продолжал еще что-то говорить, но девушка не слышала ни слова.

Она прикрыла глаза. Шанд легко поднял ее на руки и перенес на кровать. Она свернулась калачиком под одеялом и крепко уснула.

Шанд положил карту и машинально потянулся за вином. «Нет!» — сказал он себе, но через минуту взял в руки кружку и поднес ко рту. Крепкий напиток был для него утешением, но его осталось слишком мало, чтобы дать то, чего ему хотелось — туманного забвения, временного отпущения его грехов.

«Ты дурак, Шанд! Тебе следовало бы оставаться в Туллине, где ты не смог бы причинить никакого вреда».

Когда-то он был равен по силе и по уму предводителям наций, но личная трагедия заставила его отойти от дел. Давным-давно он удалился в горную деревушку Туллин, которая находилась очень далеко от власть имущих. Там Шанд много лет колол дрова и выполнял разную работу в корчме, чтобы заработать на жизнь. Затем в один прекрасный день мир сам явился к нему.

В прошлом году, поздней осенью, в Туллине появился Лиан, по злобе директора Школы Преданий посланный с поручением, для выполнения которого он совсем не подходил: найти Карану и Арканское Зеркало и доставить их в сохранности Мендарку. Шанд больше не мог укрываться от мира, но он обнаружил, что его могущество и сила, которые он считал само собой разумеющимися, исчезли: он состарился.

Сейчас он находился в осажденном городе, беспомощный и напуганный. Он снова взялся за карту. Шанда всегда завораживали карты, и он проводил свободное время, изучая и рисуя их. Однако сейчас он не мог сосредоточиться и, отложив карту, вернулся к вину.

Он прихлебывал из кружки, глядя в огонь и размышляя. Он очень хорошо знал отца Караны Галлиада. «Позаботься о ребенке, если со мной что-нибудь случится», — сказал ему как-то Галлиад.

Шанд тогда посмеялся. Галлиад был одаренным, умным человеком.

— Что это с тобой может случиться?

— У меня есть враги, но мало друзей. Это не очень меня беспокоит. Я прожил долгую жизнь. Но Карана особенная.

Шанд улыбнулся, Галлиад — тоже.

— Да, каждый ребенок особенный, но она — совсем

особенная. Она чувствительница, но она — нечто большее, чем существо, в жилах которого течет кровь древнейшей человеческой расы и аркимов. Когда-нибудь я расскажу тебе эту историю. Если со мной что-нибудь случится, присматривай за ней. Больше я ни о чем не прошу.

Вскоре после этого разговора Галлиад был убит в горах, и Шанд так и не узнал, что он хотел рассказать о Каране. Ее мать после смерти мужа покончила с собой, а ребенка на воспитание забрали родственники матери. Позже Карана исчезла, и, хотя в конце концов он проследил ее до Шазмака, на его косвенные вопросы был дан краткий ответ, что она возвратилась к себе, в Готрим. Шанд успокоился и с облегчением вернулся к своим собственным заботам.

Потом, спустя два месяца, Карана появилась вблизи Туллина. Это была взрослая женщина. За ней охотились вельмы, и он сделал меньше, чем следовало, чтобы ей помочь. Он чувствовал стыд и свою ответственность за то, что произошло в результате его невмешательства. Он должен исправить ситуацию, чего бы это ему ни стоило.

Из прихожей донесся шум. Шанд вскочил на ноги. Случайная жестокость на этой войне может уничтожить их обоих. Карана застонала во сне. Он подбежал к кровати, но это был просто один из ее кошмаров. Он отставил кружку с вином и присел у девушки в ногах, изредка приподнимаясь, чтобы погладить ей лоб, пока она не затихла.

Взрослая Карана не так уж сильно отличалась от того ребенка, которого он встречал много лет тому назад. Она не походила ни на своего высокого смуглого отца, ни на свою красивую светловолосую мать, маленькую и хрупкую, как птичка. Она была невысокого роста, с бледной кожей, с глазами цвета малахита, удивительно тонкими чертами лица и волосами огненными, как закат.

Шанд вернулся к камину и стал вспоминать свой приход в Большой Зал. Его поразила картина жестокости, которую он там увидел. Он бродил среди тел, помогал тем, кого мог поднять своим прикосновением или глотком из фляжки. Шатаясь, пришедшие в себя брели на улицу, под дождь. Шанд уже хотел было последовать за ними, как вдруг заметил возле стены какой-то узел и рыжие волосы, которые невозможно было не узнать.

«Карана? Что она здесь делает?» Вот результат его упущения в Туллине, и он виновен не только перед Караной, но и перед целым миром. Она еще дышала, но выживет ли? Что он может сделать? Он много лет не был в Туркаде. Большинство его старых контактов утеряно. Как ему найти тех, кто остался невредим в

этом хаосе?

Взвалив Карану на плечо, Шанд вышел под дождь и долго блуждал по переулкам, пытаясь найти, где бы спрятаться. Все двери были закрыты, и никто не захотел впустить его ни за какие деньги. В конце концов, боясь, что Карана умрет, он сломал замок убогой хибары, нашел пустую комнату и заплатил напуганной хозяйке за неделю вперед. Затем взялся за работу, пытаясь вернуть Карану к жизни.

Поблизости хлопнула дверь, возвращая Шанда в настоящее. Снаружи бушевала война. Он слишком долго прятался от самого себя. Теперь он стар и слаб. Шанд снова приложился к бутылке.

Карана заставила себя проснуться: ее трясли за плечо.

— Вставай! Они ищут тебя. Нам надо сейчас же идти! — Она села, глядя на Шанда. Он отошел и стал возиться с чем-то в дальнем углу комнаты. Чего он от нее хочет? Опыт научил Карану, что большинству людей от нее что-то нужно.

Шанд оторвался от вещей, которые паковал:

— Давай пошевеливайся. Нет времени на мечты.

— Где моя одежда? — сердито спросила она. — Я же не могу выйти на улицу в одеяле.

Он наклонился и вытащил из-под кровати маленький узелок с одеждой.

— Тут все, что у тебя есть. Поторопись!

Он отодвинул засов на двери и стоял теперь, чутко прислушиваясь.

Узел был завязан. Она пыталась развязать его, пальцы не слушались. Щелкнул замок. Шанд вышел. И вдруг Карана сильно испугалась.

Из прихожей доносились крики, в дверь колотили кулаками. Карана покрылась холодным потом. К ее удивлению, узел вдруг развязался. Она не сознавала, что ее пальцы продолжали над ним трудиться. Она вытряхнула содержимое узла, из которого выпали ее мешковатые зеленые штаны. Освободившись от одеяла, она стянула через голову сорочку и надела штаны. Даже это сильно утомило ее.

В прихожей возобновились крики и стук. Карана, приоткрыв рот, застыла, слушая, как ломают дверь — вероятно, топором. Солдаты обыскивали все здание. Топор ударил в дверь раз, два, три — это были сокрушительные удары. Затем раздался такой пронзительный вопль, что зазвенело в ушах. Карана спрятала голову под одеяла, но ничего не могло приглушить этот звук.

12
Крысиный город

Снаружи все снова стихло. Карана посмотрела на тряпку, которую сжимала в руках, — это была ее выцветшая рубаха оливкового цвета. Не было ни белья, ни куртки, ни сапог. Должно быть, рубашку с нее пытались снять: порвана спереди, к тому же выстирана поспешно или небрежно: пятна крови не отстирались. Как же ей выйти в этих лохмотьях на улицу?

Дрожа, она надела рубашку. Снаружи снова донеслись выкрики. В этот момент в дверь ворвался Шанд.

— Где моя остальная одежда? — спросила Карана.

— Не знаю. Не задавай глупых вопросов! Быстро собирайся!

Он в панике метался по комнате, хватая вещи и снова бросая их.

Нагнувшись в поисках сапог, Карана почувствовала сильное головокружение и слабость и чуть не потеряла сознание. Пришлось ухватиться за край кровати, чтобы не упасть.

— У меня нет сапог, — сказала она, вспомнив, что ее привели в Тайный Совет босую и в цепях.

Шанд выругался.

— Значит, тебе придется идти без сапог!

Он потащил ее к дверям. В коридоре, проходя мимо сломанной двери, они заглянули в комнату — такую же жалкую, как их собственная. Какая-то женщина прижимала к груди мертвого ребенка и истерически кричала. Шанд повел Карану прочь.

Дойдя до угла, он осторожно высунул голову и тут же убрал ее.

— Стража! — прошипел он, дернув Карану за руку так сильно, что у нее закружилась голова.

— Куда… идти? — хрипло спросила Карана. Шанд тянул ее за собой в обратном направлении, потом стал спускаться по узкой лестнице.

— В подвал, — ответил он.

Они вошли в дверь и оказались в темноте. Шанд зажег один из своих свечных огарков и пробирался куда-то по грязному подвалу. Здесь было пусто, и лишь вдоль стен стояли ряды бочек.

— Во всех этих подвалах есть выходы, — сказал он, освещая дорогу перед собой. — Нужно найти люк, который ведет на улицу, — пояснил он. — Я видел его вчера снаружи. — В подвал донеслись крики, причем издающие их люди были совсем

рядом. — Скорее навались спиной на дверь.

Карана бросилась к двери и прижалась к ней спиной, пытаясь в полумраке нащупать задвижки или замки, но ничего не было. Она привалилась к двери, наблюдая, как Шанд со своей свечой бегает взад-вперед по подвалу.

— Вот он, — сказал старик, осветив стену. Вспыхнувшая было надежда Караны тут же угасла: она почувствовала, как у нее за спиной дверь начинает отодвигаться. Она налегла сильнее; ноги ее скользили по полу. Шанд боролся с ржавыми засовами.

— Дверь заклинило, — отчетливо послышалось с улицы. — Думаю, тут давно уже никого не было.

— Ты хочешь объяснить это вельму? — громко возразил другой. — Открывай!

Карана запаниковала. Ей захотелось лечь на пол и завопить от ужаса.

— Держи дверь! — прошипел Шанд.

Кто-то стукнул в дверь, и что-то ужалило Карану в щеку. Лезвие топора — возле самого ее уха: если бы оно вонзилось в дверь чуть левее, то вошло бы ей в затылок.

Карана застонала, глядя на топор. Его выдернули, затем дверь так резко распахнулась, что Карана пролетела через весь подвал. Из глаз у нее посыпались искры. Кто-то влетел внутрь, за ним последовал другой.

— Здесь кто-то есть! — заорал первый. — Быстрее, фонарь!

Свет ослепил Карану. Она лежала там, где шлепнулась, и не могла пошевелиться.

— Не похожа ни на кого из списка, — сказал первый, — но нам лучше забрать ее с собой на всякий случай. Пойди-ка проверь за бочками.

Склонившись над Караной, он приподнял ее голову. Она тупо посмотрела на него.

— Имя! — рявкнул он. Это был самый волосатый мужчина, какого ей приходилось видеть. Его лицо полностью скрывала косматая каштановая борода. Карана была в ужасе.

— Меллуса, — проскрипела она.

— Откуда?

— Го… Го… — Она невольно чуть не произнесла «Готрим».

— Что?

— Госс… Госсиор, — поправилась она. — За морем. — Карана знала, что, судя по разнообразию ее акцентов, она могла быть родом откуда угодно.

Как раз в этот момент из-за бочек донесся шум драки. Свет погас. Солдат выпустил Карану и устремился к бочкам. Карана услышала глухой звук удара. «Они убили Шанда», — пронеслось

у нее в голове. К ней приблизилась тень.

— Пошли, — сказал голос Шанда. Старик помог ей встать, довел до люка и приоткрыл дверцу одной рукой. Другой неловко приподнял Карану. — Держись! Высунься немного наружу и посмотри, нет ли кого. Быстро!

Карана высунула голову под дождь.

— Не вижу, — пролепетала она.

Шанд подтолкнул ее, и она упала на мокрую улицу. Он последовал за ней, ворча.

— Что ты сделал? — спросила она, вытаскивая занозу из щеки.

— Стукнул их бочарной доской. Я чувствую себя уже лучше. Пошли. Они скоро пустятся за нами в погоню, и теперь они знают тебя в лицо.

Они вылезли на улицу возле какого-то серого каменного здания. Черные тучи над головой сулили дождь со снегом. Ветер подгонял Карану в спину, продувая насквозь тонкую рубашку. Булыжники были покрыты льдом и застывшей слякотью. Карана ковыляла, придерживая разорванную рубашку на груди и плача от холода и боли. На улице почти никого не было. Немногие прохожие, которые вынуждены были выйти из дому, спешили мимо, низко опустив голову и потупив взор.

Карана поранила палец ноги о расколотый булыжник, поскользнулась и упала ничком в мерзлую слякоть. Шанд поднял ее. Покачиваясь, она смотрела, как из пальца льется кровь на серый снег. Шанд зашагал вперед. Карана захромала следом. Никогда еще она не ощущала такой слабости.

— Шанд! — еле слышно пропищала она. Он обернулся.

— Я не могу идти, — пожаловалась она.

Он обнял ее за талию и крепко держал, почти приподнимая над землей. Они завернули за угол здания. Впереди они увидели четырех солдат. Шанд заколебался, но солдат поманил его пальцем.

Они приблизились к стражникам. Шанд что-то сказал солдатам, и те засмеялись. Наклонившись, Карана осматривала свой окровавленный палец. Один из солдат заставил ее выпрямиться и смотрел на девушку изучающим взглядом, словно запоминая лицо и фигуру. Заметив, что разорванная рубашка раскрылась до пояса, Карана торопливо запахнулась. Кто-то хихикнул, и ее вырвало на снег прямо у его ног. Солдат быстро отступил назад, сделав Шанду знак проходить. Тот снова обнял Карану за талию и увел от поста.

— Все висело на волоске, — заметил он с какой-то странной

веселостью. — Они определенно тебя ищут. Но, конечно же, они ищут женщину с рыжими волосами.

Карана взглянула на него как на сумасшедшего, потом взялась за прядь своих волос и стала ее рассматривать. Волосы были цвета сажи. Ее красивые рыжие вьющиеся волосы, ее единственная гордость, свисали уродливыми черными прямыми прядями. Слезы навернулись ей на глаза. Начав плакать, она никак не могла успокоиться.

Они еще несколько раз натыкались на солдат, и их допрашивали, но каждый раз Шанд как-то выворачивался. Наконец после многочисленных остановок, чтобы передохнуть (последнюю они сделали в такой убогой части города, что невозможно было и минуту выдержать вонь), он потащил ее наверх по узкой крутой лестнице. Добравшись до верхней площадки, Карана увидела, что лестница теперь вела вниз и что у ее подножия блестела вода. Ни слова не говоря, Шанд начал спускаться по ступенькам. Если бы не старик, Карана легла бы в снежную слякоть и не вставала больше. Палец на ноге наконец-то перестал кровоточить и даже не болел — так замерзли ноги.

— Куда мы идем? — простонала она, упав на верхней ступеньке.

— Поторопись! Мы можем побеседовать позже.

За спиной у них раздался крик. Оглянувшись, она различила фигуры солдат на другом конце длинного переулка. «Стоять!» — выкрикнул один, и они бросились бежать.

— Скорее, вниз по лестнице! — воскликнул Шанд.

Карана замерла в нерешительности. Тогда Шанд взвалил ее на плечо и стал спускаться. У подножия он потерял равновесие на скользкой ступеньке и уронил Карану в воду. Вода была очень холодной. Карана протянула руку, он вытащил ее и прислонил к каменному поручню. Старик тяжело дышал.

Они были окружены массивными гниющими сваями большого портового города. У Караны от этого зрелища мурашки поползли по коже. Когда-то в детстве она потерялась в портовом районе Туркада. Она бродила по причалам, из-за каждой сваи на нее глядели странные обитатели порта, ничего не говоря. Это продолжалось всего несколько часов, потом ее нашли. Однако она не забыла эти причалы, вонь и ужас на лице ее матери.

Ступеньки круто сбегали вниз между двумя береговыми устоями и продолжались под водой. На расстоянии всего десяти пядей находилась полузатонувшая платформа — самая низкая во всем порту. Прямо перед ними она исчезала: сгнила или утонула в грязи. Шанд стал шарить в темной воде палкой.

— Пошли, — позвал он. — Мы можем перебраться вот здесь.

Он шагнул вперед, нащупывая дорогу палкой, как слепой. Вода доходила ему до бедер. Кто-то крикнул у них за спиной, и Карана вздрогнула. На верхней площадке лестницы стоял солдат, указывая на них. Шанд снова схватил ее за запястье и утащил подальше от стрел, которые воткнулись в бревно у них над головой.

Пробираясь за сваями, которые отгораживали их от лестницы, Шанд повел Карану к причалу. Было темно, сыро, пахло соленой водой и гнилью. Слабые лучи света косо падали то тут, то там, выхватывая из темноты занавесы из морских водорослей и губчатых коричневых наростов.

Позади Шанда послышался тихий всплеск. Он предупредил:

— Осторожно, здесь прогнила палуба.

Он медленно продвигался вперед, тыча палкой в темную воду. Платформа под ногой была пористой. В одном месте она проломилась под его весом, и ему пришлось попятиться. Он оглянулся на Карану. Ее нигде не было видно. Где она? Вон там, где луч света падает на воду. Шанд, осторожно ступая, прошел туда по осыпающейся платформе, но Караны там не было. Затем, вспомнив слабый всплеск у себя за спиной, посмотрел вниз.

Вода здесь была чище. Карана плавала на поверхности. Обхватив себя руками и подогнув колени, она медленно вращалась. Глаза были широко раскрыты, и она не делала ни малейшей попытки выбраться. Шанд ткнул ее палкой в бок. Казалось, она удивилась, потом схватилась за палку, и даже когда он вытащил ее из воды и она лежала на гнилых досках платформы, трясущаяся от холода, то все еще сжимала палку в руках. Она не произнесла ни слова.

Все более опасаясь за рассудок Караны, Шанд пошел вперед осторожнее и не выпускал ее руки из своей. Так они упорно пробирались в самое сердце большого портового города.

— Куда ты меня ведешь? — безразличным тоном спросила Карана, когда они отдыхали на поваленном бревне.

Ее руки и ноги были окровавлены: она оцарапала их о ракушки, покрывавшие все поверхности. Лицо в неясном свете казалось зеленоватого оттенка.

— В портовом городе есть такие места, куда даже Иггур не последует за нами. А хлюны, живущие здесь, потерпят нас немного, если я их попрошу.

— Им придется, — слабым голосом ответила Карана, — потому что я не в состоянии сделать ни одного шага даже ради спасения собственной жизни.

— Ты должна. Сейчас мы находимся там, где живут самые деградированные типы, потому что именно сюда стекают все нечистоты Туркада. Посиди здесь! Я посмотрю, где бы тебе спрятаться, пока сам буду вести переговоры с хлюнами. Я быстро.

С этими словами он снял со спины мешок с вещами и положил его у ног Караны. Платформа на этом промежутке была высоко над уровнем воды и относительно сухая.

Вскоре он вернулся:

— Поблизости есть хорошее место. На сегодняшнюю ночь сойдет.

Карана захромала за ним, оставляя на древесине пятна крови. Через минуту они дошли до пустого цейхгауза, размером четыре шага на пять. Поблизости были и другие. В портовом городе находилась половина пакгаузов Туркада. Правда, эти давным-давно оказались ниже уровня прилива и их больше не использовали для хранения товаров.

Очутившись внутри, Карана без сил опустилась на влажный пол. В комнате было совсем темно, и Шанд двигался по ней, как тень. Карана было задремала, но старик начал трясти ее:

— Ты не должна спать, тем более на полу: через несколько часов начнется прилив. Тебе нужно постараться не попасть в воду: она полна нечистот Туркада.

«Слишком поздно», — подумала она.

Шанд ощупал стены и нашел полки, сделанные из необработанных досок. На одной из них он устроил постель для Караны из прихваченных с собой одеял, потом поднял туда девушку. Она накрылась и свернулась под одеялом калачиком. Она сильно ослабела от голода. Вскинув мешок на плечо, Шанд пошел к двери.

— Шанд! — воскликнула она в панике. Он обернулся. — Не уходи!

Он остановился, держась за ручку двери:

— Мне нужно. Я скоро вернусь.

— Пожалуйста, мне кажется, я умираю. — Ее зубы лязгнули, она соскользнула с полки и, приземлившись на ноги, рухнула на пол.

Он подбежал, решив, что девушка сошла с ума. Рука у нее была ледяная. Ее трясло, это были настоящие судороги — она была на грани гипотермии.

«Шанд, ты дурак, — сказал он себе. — Только посмотри, что ты с ней сделал».

Он снял с Караны мокрую одежду и растирал ей кожу до тех пор, пока не прекратилась дрожь. Затем завернул во все одеяла, какие нашлись. Вздохнув, она открыла глаза.

Длинным ножом Шанд отколол щепки от одного из бревен и бросил их в горшок. Мелко накрошив пищу, положил ее в меньший горшок, наполнил его водой и с помощью ложек укрепил его над первым горшком.

— Больше! — донесся шепот Караны из-под одеяла, откуда виднелись лишь два глаза. — Я умираю от голода.

Он нарезал еще одну луковицу и накрошил еще кусок хлеба в горшок, искусно высек искры на трут, раздул крохотный огонек — и вот уже языки пламени появились в большом горшке. Это зрелище настолько подбодрило Карану, что она подползла поближе к огню, согревая руки и ноги.

— А теперь давай-ка взглянем на твои ступни. — Старик промыл длинный порез на пальце, наложил целебную мазь и забинтовал. «Как я мог забыть, что ты без сапог? — сказал он сам себе, покачав головой при виде ее исцарапанных ног. — Тащить тебя вот так, по снегу. Я стал совсем слабоумным».

Он тщательно обработал все ранки. Карана молчала — она была благодарна за заботу, но едва ли замечала, что он делает. Она снова была в прошлом — переживала кошмары детства, когда потерялась на пристанях Туркада.

Скоро вода в маленьком горшке закипела. Шанд снова посадил Карану на полку и, сунув в горшок ложку, подал ей.

— Съешь все, если хочешь, — сказал он.

Варево было водянистое и безвкусное, но Каране было все равно. Она жадно ела горячее месиво, и восхитительное тепло начало растекаться по ее телу.

Шанд наблюдал за тем, как она ела, и наконец успокоился, решив, что теперь ее можно оставить одну.

— Сейчас я должен повидаться с хлюнами, иначе будут неприятности. Мы забрались на чужую территорию, Карана, а владельцы ревниво оберегают свой покой. Надеюсь вернуться раньше завтрашнего дня, но на всякий случай оставляю тебе всю еду. Солдаты сюда не придут — *пока что*. Не выходи наружу! Спи! — С этими словами он затворил за собой дверь.

Вскоре горшок, в котором было достаточно еды для двух голодных людей, был пуст, но девушка еще не насытилась. Карана легла на бок, свернулась калачиком и тщетно попыталась уснуть. Слишком многое мешало. Она боялась темноты и странных людей, живших в порту. Жесткие доски врезались в бедро, на котором, казалось, совсем не осталось мяса. Было очень темно, и лишь несколько бледно-зеленых лучей проникало сквозь щели в стене наверху. Позже они тоже угасли, и комната погрузилась во мрак.

Карана лежала с закрытыми глазами, прислушиваясь к

разнообразным звукам. Чем дольше она слушала, тем больше их становилось. Под ней, под полом хибары, постоянно плескались волны, хотя это место и было удалено от берега. Непрерывно скрипела пристань, издавая дюжину различных шумов — от низких, едва различимых на слух вибраций, сотрясавших все сооружение, гудевшее, как большой орган, до тихих скрипов и стонов где-то поблизости. Вода мягко поднималась и опускалась под хибарой, пока не начался прилив и вода не затопила пол маленькой комнаты.

Один раз содрогнулось все сооружение, когда рухнула одна из древних прогнивших свай. Однако к этому времени Карана уже заснула.

Ранним утром ее разбудила гроза, разразившаяся над городом. Черноту ночи раскалывали сине-белые вспышки, проникавшие во все щели пакгауза, и от яркого света девушке сделалось совсем плохо. С пола после отлива на нее уставились крысы. Карана шикнула на них, но потом ей снилось, что они залезают к ней под одеяло.

Пошел дождь, и капли начали проникать в щели на крыше, постепенно превращаясь в непрерывный поток.

Не было никакого смысла лежать, съежившись под холодными ручейками. Должно быть, она хорошо выспалась: она больше не была сонной, а когда спрыгнула на пол, движение не утомило ее, как накануне. Палец на ноге был красный и воспаленный, но царапины заживали. Карана снова почувствовала голод. Съев луковицу и кусок хлеба, она поискала воду. Сделав пару шагов, девушка ощутила ужасную вонь: где-то сдохла крыса. Карана предпочла выйти на улицу.

Ее одежда, которую Шанд повесил сушиться, была совсем мокрая и грязная, как и она сама. Поблизости, с огромной балки лился поток воды, такой холодной, что у нее захватило дух. Карана терла себя рубашкой до тех пор, пока кожа не стала розовой и ее не начало покалывать. Она долго мыла голову, но, хотя немного краски сошло, цвет волос не изменился.

Потом, усевшись на платформе, она выстирала в темной воде одежду. Пятна крови на рубашке слегка побледнели. Карана развесила одежду, хотя было мало надежды, что та высохнет.

Снова начинался прилив, и воды было уже по лодыжку. Она нашла себе насест, куда не доходил прилив и было сухо. Вскарабкавшись на него, она завернулась в одеяла так, что было видно лишь лицо, и жевала остатки хлеба. Грубая шерсть раздражала нежную кожу, ноги посинели, но она чувствовала себя неплохо. Во всяком случае лучше, чем когда-либо с тех пор, как пришла в Сет и обнаружила, что некому передать Зеркало.

Зеркало! Это было прошлым, давней историей. То была совершенно другая Карана. Что заставило ее так долго носить с собой это Зеркало? Она понятия не имела.

Карана долго сидела в своем укрытии, медленно согреваясь, и даже немного вздремнула. Когда проснулась, косой луч подсказал ей, что время близится к обеду. Шанда не было почти целый день — дольше, чем он обещал. Наверно, с ним что-то случилось.

Карана слезла с насеста и огляделась. Смотреть было особенно не на что. Она набрала в горшок воды, капавшей с балки, и попила. Вода была хорошая, хотя и отдавала чуть-чуть смолой.

А что если Шанд не вернется? У нее нет ни денег, ни еды, ни одежды. В руках у Иггура весь город. Она ничего не знала о портовом народе, но боялась его. Что они с ней сделают, если найдут?

Она ощутила смутную тревогу, слабое предчувствие опасности. Когда-то она не обратила бы на это внимания, но сейчас задумалась: уж не изменили ли ей ее способности чувствительницы? После ужасных приключений по пути из Шазмака в Нарн Карана заглушила свой дар, подавив память, и с тех пор не могла его восстановить.

В эту минуту перед ней материализовалась фигура. Она была высокая и тощая, всю одежду составляла серовато-коричневая ткань, обмотанная вокруг талии и завязанная узлом на плече. На голове было нечто вроде мешка, из-под которого виднелся лишь большой узкий нос и жидкая косичка на подбородке. Длинная рука протянулась к Каране и дернула за одеяло. Карана судорожно вцепилась в одеяло, прикрывавшее ее наготу.

Фигура издала низкий звук и снова потянулась к Каране, на этот раз схватив ее за руку. Как ни странно, от жестких пальцев исходило тепло. Карану легко стащили с насеста. Сопротивляться было бесполезно.

13
Бочонок с медузами

Карана не знала, куда ее ведут, хотя, скорее всего, они двигались к морю: под платформой заплескались волны. Наконец ее доставили в какую-то большую комнату — вероятно, зал заседаний. Свет ламп на минуту ослепил ее, хотя они и не были яркими.

В зале стоял запах рыбьего жира — свежего и прогорклого, горящего и сожженного. Тут было полно людей, похожих на того, который привел ее сюда, — высокие, с длинными руками и ногами, огромными ступнями и с кожей зернистой, как песок. Все пылко рассуждали о войне и падении Мендарка. Должно быть, это и есть хлюны, к которым отправился Шанд. Они собрались на большом помосте из кованого железа, занимавшем четверть комнаты.

Завернутые в свои тоги, мужчины и женщины были похожи друг на друга. Мужчин можно было отличить лишь по более широким плечам и по бородкам, скрученным в крысиный хвост. По-видимому, длина этого «хвоста» была пропорциональна статусу человека. У женщин волосы были заплетены в длинную косу, и их статус определялся количеством дополнительных косичек.

В центре помоста на резных стульях из красного кедра сидели двое старейшин, мужчина и женщина, и оба были обнажены до пояса. Они были более упитанными, чем остальные, хотя и не толстыми. Коса женщины была перекинута через плечо, и сто косичек веером лежало у нее на груди, длина бороды у мужчины доходила до пупа.

Человек, захвативший Карану, подвел ее к помосту и остановился, все еще не выпуская ее руки. Ожидание было тягостным.

В комнату вбежал хлюн-гонец в развевающейся одежде и, едва успев затормозить на влажном полу, вскочил на помост. Гонец разразился пламенной речью, в которой Карана несколько раз уловила имя Мендарка.

Оба старейшины поднялись с кедровых стульев, лица их посерьезнели. Теперь вокруг них собрались все хлюны, и в хоре голосов Карана не могла вообще ничего разобрать. Наконец гонца отпустили, снабдив инструкциями, старейшины снова уселись, мужчина кивнул женщине, и та махнула рукой в сторону Караны.

Карану подвели к старейшинам, но тут опять появился гонец.

Хлюны говорили на том же языке, что и весь Мельдорин, но так быстро и с таким странным акцентом, что их было трудно понять. Однако Карана все же сумела разобрать, что Туркад пал и что хлюны опасаются, как бы Иггур не поджег портовый город, чтобы выкурить своих врагов, которые могут там скрываться.

Это было для хлюнов самое страшное. Они давно жили на многоуровневых причалах старого Туркада, и сотрудничество с соседним Туркадом устраивало и их, и Туркад. Однако никогда прежде город не захватывали, и теперь хлюны не знали, чего ожидать.

Карана между тем осматривала комнату. Потолок поддерживали огромные балки из «железного дерева» — очень твердой и прочной породы дерева. Оно было так отполировано, что при свете ламп казалось бесценным черным деревом. Потолок и стены были обшиты панелями из красно-коричневого кедра — до отметки прилива. Ниже панели были из бледно-коричневой древесины, густо покрытой лаком, предохраняющим ее от гниения.

Теперь только она увидела, что среди хлюнов находились какие-то другие люди. Они были помельче — с нее ростом. У них была более бледная кожа и более приятные черты лица, чем у хлюнов. Вероятно, это была раса рабочих: они все время выбегали и вбегали в комнату, принося еду и напитки, передавали донесения, передвигали мебель и занимались уборкой. И мужчины, и женщины были одеты одинаково — кусок коричневой материи прикрывал их от бедер до колен.

Уловив слова «рыжие волосы», Карана поняла, что пришла ее очередь. Последовала длительная дискуссия, не ее ли ищет Иггур. Старейшины внимательно ее осмотрели — особенно ее черные волосы — и даже пропустили несколько прядей между пальцами, на которых осталась краска. Это вызвало новые разговоры, затем женщина сделала знак, и с Караны сняли одеяло. Девушка стояла перед ними нагая, покраснев от унижения. Очевидно, осмотр их удовлетворил, и ее отозвали в сторону, между тем как старейшины затеяли долгий спор.

— Что случилось с Шандом? — перебила их Карана. Старейшины не обратили на нее ни малейшего внимания.

Они продолжали яростно спорить. Каране было все равно, от холода ее охватила апатия. Ее одеяло исчезло. Она присела на корточки, пытаясь прикрыть наготу руками. Правда, никто не проявлял к ней интереса. Карана чувствовала, как к ней снова подкрадывается безумие. Она вспомнила, что сегодня первый день эндра. Вряд ли дела пойдут лучше, пока не минует хайт.

Она уже хотела улечься на пол, когда старейшины приняли

какое-то решение. После того как они озвучили его, хлюн, приведший Карану сюда, схватил ее за руку и повел в соседнюю комнату, где представил группе рабочих.

— Ты оставайся, — сказал он. — Работай хорошо, и тельты будут тебя кормить. — Нет работы, нет еды! — Затем он ушел.

Каране захотелось расплакаться, такой униженной и покинутой она себя почувствовала. Работники, тельты, столпились вокруг, разглядывая ее при тусклом свете. Они не могли понять, кто она такая.

Внешне она походила на них, и волосы у нее были черные; однако глаза были зеленые, руки и ноги меньше и изящнее, а черты лица тоньше. Она была и похожа на них, и не похожа.

— Где Шанд? — прошептала Карана.

— Чард! — воскликнул молодой тельт с очень густыми бровями. — Никакого чарда! Работа!

— Не чард, — возразила она. — Шанд! — Но это имя, по-видимому, ничего им не говорило.

Один из них дотронулся до нее — у него тоже были теплые руки — и воскликнул:

— Колодна!

Холодная! Она замерзала, ее тело сотрясалось от холода. Кто-то бросил ей кусок коричневой материи. Она обернула его вокруг бедер, как носили тельты, и теперь стала совсем неотличима от них. Правда, эта тряпка не согрела ее, к тому же от нее дурно пахло. Затем молодой тельт отвел ее в угол и жестами приказал работать. «Наверно, они считают, что я не понимаю их речь», — подумала Карана, поскольку они больше ничего ей не говорили.

На возвышении стоял бочонок с чем-то напоминавшим небольшие медузы, — правда, их тельца были более упругие, чем те, что ей доводилось видеть. Они были голубовато-зеленого цвета, со щупальцами, на которых Карана разглядела едва различимые алые пятнышки.

Ее работа заключалась в том, чтобы, вытащив медузу из бочонка, отрезать щупальца и отложить их в сторону, выпотрошить тушку и начинить ее ароматными травами, затем уложить заготовки в меньший бочонок слоями, посыпая каждый слой солью и прокладывая какими-то листьями, жесткими, с пряным запахом. Наконец бочонок заливался чистой водой, которую приносили откуда-то в специальных сосудах, и закрывался крышкой, которую заколачивали гвоздями. Это была самая легкая часть работы.

Когда бочонок был заполнен, Карана снова бралась за щупальца. Ей приходилось скоблить их ножом, чтобы удалить пятнышки, которые обжигали руки, затем разрезать пополам и

распластывать. Мясо было жестче, чем казалось на первый взгляд. Когда набиралась большая горка щупальцев, она клала их под пресс, помещая один кусок на другой. Наконец она до отказа поворачивала рычаг, и тогда из-под пресса вытекало густое желе, которое заливали в овальные пузыри, запечатывали и отсылали. Другим продуктом, выходившим из-под пресса, был прозрачный жесткий многослойный кирпичик, края которого она ровняла ножом и складывала готовые кирпичики штабелями в углу помоста.

Как только Карана приступила к работе, она поняла, почему возиться со щупальцами выпадало на долю самых низших, по меркам тельтов, существ. Щупальца были твердые, более походили на резину, а не на желе, и было почти невозможно соскоблить алые пятнышки так, чтобы не обжечься. Пальцы у нее распухли и болели, Карана едва могла держать нож.

Через несколько часов все вдруг прекратили работу, взобрались на гниющий помост и приступили к вечерней трапезе. Карана робко подошла к ним, чтобы присоединиться, так как не знала, чего от нее ожидают, но одна из тельтов, высокая женщина, сделала ей знак вернуться к работе.

— Ты плохо работала! — воскликнула она. — Нет работы, нет еды!

Карана с несчастным видом зашлепала по воде обратно. Груда щупальцев, которые надо было обработать, не уменьшалась, и уже начался прилив, так что она стояла по колено в холодной воде.

Девушка была отчаянно голодна, и ее мучила жажда. «Что же случилось с Шандом?» — вертелся у нее в голове один вопрос.

Впрочем, вернется Шанд или нет, здесь она оставаться не может. В обществе хлюнов работники занимали низкое положение, а она как чужестранка — самое низкое. Она была согласна покориться такому порядку вещей, пока нет другого выхода, но ни минутой дольше.

Прошел не один час, прежде чем она закончила работу. Вода поднялась теперь так высоко, что, взобравшись на скамейку, Карана опустила в воду ноги и вымыла их. Спину у нее ломило от длительной работы согнувшись.

Карана увидела, что остальные опять закончили работу и снова собрались на помосте. На масляной плите стоял чайник. Плита дымила, наполняя воздух вонью горящего рыбьего жира. Беременная женщина бросала сушеные листья, которыми перекладывали слои медуз в бочонке, в воду в чайнике и тихонько помешивала. Все получили деревянные кружки с чаем. Карана нерешительно приблизилась, и, немного поколебавшись,

ей тоже налили. Как благодарна она была за это!

Онемевшими пальцами она взяла кружку и поднесла к губам. Запах был противный. Она отпила маленький глоток. Ощущение тепла было восхитительно, наконец-то она за весь день немного согрелась. Вкус у настоя был такой же неприятный, как и запах, но Карана выпила все до дна.

Остальные ели тонкие куски, отрезанные от кирпичиков из щупальцев. Тельты ели их сырыми. Это показалось ей отвратительным, но надо было поесть. Карана потянулась за кусочком пэна, как они это называли. Однако мужчина с ножом указал ей на ее собственную маленькую кучку кирпичиков, давая понять, что она должна брать оттуда.

Карана уселась в одиночестве и, отрезав себе кусочек своим ножом, стала жевать. Мясо было скользким, жестким и безвкусным. Прожевав, она отрезала еще кусок, взяла его в рот, и тут язык обожгла сильная боль. Сплюнув на пол, она увидела на кусочке алое пятнышко, которое пропустила. На срезе кирпичика девушка разглядела еще такие же пятнышки, едва заметные. Взоры присутствующих в комнате были прикованы к ней, но вскоре тельты вновь занялись своим ужином.

К Каране приблизилась молодая женщина с блестящими волосами, наверно, их только что смазали рыбьим жиром — от волос исходил сильный запах рыбы.

— Я Карана, а как зовут тебя?

— Карана! — повторила женщина, звонко смеясь. — Я — Клаффера.

Клаффера прикоснулась кончиком носа к носу Караны, взяла кружку из ее распухших пальцев и снова наполнила из чайника. Карана отнесла ее к себе на рабочее место и наслаждалась теплом и покоем, пока не допила все.

Наконец работа на сегодня была закончена. В углу тельт с густыми бровями обнимал Клафферу с такой страстью, какой Каране не приходилось видеть на людях. Погрузив лицо в ее волосы, он нюхал их, словно от них пахло изысканными духами, а Клаффера ласкала его с головы до ног. Остальные смотрели на эту пару с улыбкой и подбадривали их.

Вероятно, было далеко за полночь.

— Пошли! — обратился кто-то к Каране. — Пора спать.

И тельты, которых было человек десять, вышли группой. Карана последовала за ними в их жилище неподалеку. Это была тесная комнатушка, где с одной стороны находился широкий помост, на котором спали. Он также служил для трапез и работы. Обстановки в комнате почти не было — лишь чурбаны вместо табуреток да полка с фигурками, вырезанными из «железного

дерева».

Умывшись морской водой, тельты повесили свои набедренные повязки сушиться, взобрались на помост и улеглись рядом, накрывшись одеялами грубого плетения из промасленных водорослей. Карана подошла было к ним, но ей ясно дали понять, что она чужая и с ней не намерены делиться теплом. Клаффера, которая помогла ей раньше, взяла одно из одеял и отнесла его в самый дальний угол помоста.

Карана свернулась на холодном помосте, закутавшись в одеяло, но мерзла всю ночь. Это была одна из самых мрачных ночей в ее жизни. Она бы сбежала, если бы было куда и если бы позволили, но в ее нынешнем положении ей не продержаться и пяти минут на улицах Туркада.

Нет, остается единственная надежда найти Шанда, надежда, что тогда будет куда сбежать.

На рассвете послышалось приглушенное хихиканье из другого конца комнаты. Зашелестели водоросли, и снова раздался хохот. Кто-то громко засмеялся, и, к своему смущению, Карана была уверена, что смеются над ней. Она застонала. Хохот прекратился, и снова стало тихо.

До этого момента у нее не было сил подумать о ком-нибудь, кроме себя. Сейчас, лежа на сырых досках, под одеялом из водорослей, она затосковала о Лиане. «Действительно ли он ушел с Тензором? Ушел добровольно или его принудили? Зачем он понадобился Тензору? Куда Тензор его увел?»

Одеяло совсем не грело. Карана думала о Лиане, вспоминая, как много ночей они провели вместе, когда пробирались в Шазмак, а потом удирали оттуда. Те ночи были гораздо холоднее, и один раз они чуть не замерзли насмерть. Правда, тогда они были тепло одеты и согревали друг друга своим теплом.

«Ты научил меня верности, Лиан, — ты единственный в меня верил. Я видела, как ты пытался меня защищать. Ну и зрелище — ты… с мечом в руках! Где бы ты ни был, Лиан, я найду тебя и вызволю из любой беды, в которую ты попал, и заберу тебя домой, в Готрим. Там ты сможешь дописать свое сказание. Это будет моей единственной целью, и ничто не заставит меня отступиться от нее».

Это решение было началом восстановления ее разума. В конце концов кончаются даже такие ночи, и непроглядную мглу сменило бледно-зеленое унылое утро. Карана проснулась и, с недоумением глядя на водоросли, не понимала, почему она лежит нагая под этим странным одеялом и куда она попала. Только когда зашевелились тельты, Карана осознала, что с ней случилось вчера.

На завтрак подали пирог из медуз и приготовленные различными способами водоросли. Одни были мягкие и серые, напомнив своим видом Каране одеяло, другие — мясистые и коричневые, третьи — похожи на петрушку, но с маленькими пузырьками, которые лопались во рту.

Карана ждала, что ее снова погонят к ее бочонку с медузами. Однако вместо этого тельты выпили еще чаю из водорослей, затем часть тельтов ушла, а другие улеглись на помосте, глядя кто вверх, в потолок, кто вниз, на темную воду. Двое принялись играть на маленьких деревянных дудках. Карана часто ловила на себе их взгляды. Вскоре она начала дрожать, опустив голову на руки, от голода и холода, и так побледнела, что кожа стала казаться прозрачной. К ней подсела Клаффера и обняла девушку за плечи. Она снова удивилась, как холодна Карана, и налила ей чаю в большую деревянную кружку, хотя время пить чай еще не пришло. Карана была благодарна ей за то, что Клаффера согревала ее своим теплом, а еще больше — за горячий чай.

Во время отдыха некоторые тельты занялись резьбой по дереву. В основном это были фигурки морских животных, совсем мелких — таких, как морская игла. Они также вырезали фигурки тельтов разных возрастов — от младенца до древней старухи. Но не было ни одного изображения хлюнов.

Прошло несколько дней, и все они были похожи друг на друга: вставала Карана вскоре после рассвета, ела пирог из медуз и водорослей, пила чай со вкусом соломы; немного сидела, раздумывая, или гуляла, но не заходила далеко, иначе хлюны отсылали ее обратно; затем шла в разделочную и чистила медуз с полудня до полуночи, пока не начинала болеть спина и немели пальцы.

В конце каждого дня она мылась в холодном море и стирала свою набедренную повязку, иначе к утру вонь была невыносимая. На ужин она съедала еще пирога с медузами, пила чай и, забравшись под одеяло из водорослей, дрожала от холода до рассвета. И часто по ночам, а иногда и днем она слышала звонкий смех, и ей казалось, что смеются над ней.

Наступил хайт и канул незамеченным — не хуже и не лучше, чем предыдущие дни. Карана сделала несколько попыток восстановить свой талант чувствительницы, но если когда-то она могла инстинктивно ощущать опасность, передавать мысли, а иногда даже вступать в контакт и проникать в сознание другого, теперь ей это не удавалось. Она никогда не могла до конца положиться на свой талант, а после его использования у нее бывала ужасная дурнота, но все же обладать им было лучше, чем

не обладать вовсе.

Через четыре дня после своего появления у хлюнов и на следующий день после хайта Карана спокойно трудилась над своим бочонком. Вдруг она заметила, что беспрерывная болтовня тельтов прекратилась. Оглядевшись, она увидела группу хлюнов, смотревших на нее. Подозвав любовника Клафферы, они долго с ним беседовали. Разговор был напряженный, хлюны повышали голос, молодой тельт что-то кричал в ответ. Затем он обернулся к своим людям, и вопросы посыпались так быстро, что Карана не понимала ни слова.

— Нет! — резко произнесла Клаффера.

Молодой человек повернулся к хлюнам и развел руками. К удивлению Караны, остальные тельты вытянули руки и выстроились цепочкой, отгораживая Карану от хлюнов. Последовал яростный спор, причем спорили явно о ней, затем предводитель хлюнов топнул ногой.

— Завтра! — зловеще прошипел он. Потом резко развернулся и исчез, а за ним последовали и другие.

Тельты глядели друг на друга и на Карану, но к работе больше не вернулись. Вместо этого они вскипятили чайник, хотя еще не пришло время чаепития, и пригласили Карану присоединиться, несмотря на то что ее работа была еще далеко не закончена.

— О чем шла речь? — спросила Карана человека, сидевшего рядом.

— О праве гостя! — ответил он и замолчал.

Карана пила чай в тишине. Это событие встревожило ее. Остаток дня и всю ночь она ждала, что появятся хлюны, чтобы вышвырнуть ее на улицы Туркада или выдать Иггуру.

14
Награда фанатика

В шестидесяти лигах оттуда проходило совещание в Шазмаке, великолепном городе аркимов, ныне захваченном бывшими вельмами, которые превратились в гаршардов.

Гаршарды кружили, как стадо овец, в огромном зале заседаний. Большие железные двери были плотно прикрыты. Стены были покрыты фресками, изображавшими мир Аркана: железные башни на ледяных скалах; горы — зеленоватые, желтые, красные; густые, буйные заросли с черными листьями. На куполообразном потолке было изображено чужеземное зеленое небо с угрюмой оранжевой луной.

Пол спускался под уклон, как в амфитеатре. Внизу находился помост, на котором полукругом располагались стулья из кованого железа. На них сидели гаршарды. В центре полукруга стоял каменный пьедестал, вокруг которого вилась черная железная лестница с двенадцатью ступенями. На пьедестале помещалась скамья подсудимых из железного кружева, окруженная оградой из красного, с прожилками, мрамора. На этом пьедестале несколько месяцев назад стояла Карана, когда ее судили.

Приземистый, тучный гаршард обращался к своим соплеменникам. Его звали Ярк-ун.

— Тассель прибыл из Туркада с новостями о войне, — сказал он. — С тревожными новостями.

Тассель выделялся даже среди остальных худых фигур — кожа да кости. Выступив вперед, он подтвердил:

— Должно быть, Туркад уже пал.

— Три дня тому назад, — вмешалась старуха по имени Квиссана. — Как раз вчера нам передали весточку со скитом. Но больше там ничего не говорилось, так что мы с волнением ожидаем твоего рассказа.

— Наш враг Тензор сбежал из Туркада девять дней тому назад. У него Арканское Зеркало. Он воспользовался своим ужасным оружием и убил много людей.

— Твои слова пробуждают тяжелые воспоминания, — заметил Ярк-ун. — Опасность для нашего господина.

— В самом деле. — Они умолкли, и Тассель продолжил свой рассказ.

— Итак, — произнес Ярк-ун, когда Тассель закончил, — это чудесно, что мы захватили Шазмак для хозяина. Но что нам делать теперь?

— Я тоже в растерянности, — признался другой гаршард.

— Мы нужны нашему господину, — заявил гаршард помоложе и пониже ростом. Это был альбинос с розовыми глазами. — Я чувствую, как ему тяжело.

— Но мы не можем пробраться к нему, Реббан! — воскликнула старая Квиссана возбужденно. Она сжала кулаки и ударила себя в грудь. — Что ему требуется от нас?

— Мы не знаем, — сказал Ярк-ун. — Мы просто не знаем.

— Мы даже не уверены, правильно ли поступили, придя сюда, — заметила молодая женщина с очень коротко остриженными волосами и безумным взглядом. — Правильно ли мы сделали, покинув Иггура? Может быть, мы должны были служить нашему истинному господину, служа Иггуру?

Последовала дискуссия, возобновлявшаяся каждый день с того момента, как они ворвались в Шазмак, и каждый день заканчивающаяся ничем: гаршардам не удавалось достичь единодушия.

Заговорил высокий гаршард со шрамом на лице.

— Мне бы хотелось еще раз послушать о *пробуждении,* — попросил он. — Жаль, что меня там не было.

Ярк-ун вздохнул:

— Иногда я сомневаюсь, следовало ли тебе идти с нами, Идлис. Расскажи еще раз, Реббан.

— Мы хорошо выполнили нашу работу, — начал Реббан, — в ту ночь в лесу возле города Нарна. Карана так испугалась, что начала передавать свои страхи, сама того не зная. Когда она попыталась установить контакт с Магретой, от Караны пошла столь мощная волна, что ее смог уловить хозяин в Ночной Стране — ах, какой великий момент! Мы все закричали в один голос: «О совершенный господин! Наконец-то! Наконец!»

Реббан рассказывал, подражая манере сказителя, точно передавал слова и интонации той ночи.

— А потом *он* позвал. Господин заговорил с нами впервые за тысячу лет.

— О верные слуги! — Теперь голос Реббана гремел, как орган. — Приближается перелом, и нужно так много сделать. Контакт слабеет… Вы помните, кто вы?

— Теперь мы вспомнили. Мы гаршарды, господин.

— У меня есть враг, гаршарды!

— Теперь мы знаем его.

— Мучайте его. Преследуйте его. Доведите до безумия. Созовите всех гаршардов, и, когда появится возможность, захватите *это!*

— Вот и все, — тяжело дыша, закончил Реббан и упал от

напряжения и усталости. Его кожа пошла красными пятнами.

Глаза Идлиса увлажнились во время рассказа Реббана.

— Я плачу, несмотря на то что слышал голос господина уже много раз! — воскликнул он, склонив голову. — О совершенный господин!

— Мы воспользовались представившейся возможностью, но правильно ли мы поступили? — спросила Квиссана, которую раздражал фанатизм Идлиса.

— Не думаю, — ответила молодая женщина с коротко остриженной головой. — Зачем нужен хозяину Шазмак? Это нора, где легко спрятаться, но никак не крепость, из которой можно разить врагов. К тому же Шазмак расположен слишком далеко от других городов Сантенара. Господин не пожелал бы остаться тут и дрожать от страха, как трусливые аркимы.

— Есть несколько вещей, которые нам надо сделать, — заметил кто-то из гаршардов. — Во-первых, определить путь Тензора и его цель по магическому кристаллу. Во-вторых, нам нужно найти защиту от аркимского оружия, разрушающего мозг. В древние времена оно сильно навредило нашему господину. Не исключено, что мы можем потерпеть неудачу, но мы должны действовать решительно.

— Это нам по силам, — согласился Ярк-ун. — Давайте образуем *круг* и, объединив наши чувства, начнем работать с магическим кристаллом. Правда, боюсь, расстояние слишком уж большое.

— Есть еще одна вещь, — вмешался Идлис.

Гаршарды не обратили на него внимания: Идлис занимал среди них самое незначительное положение и, как известно, был фанатиком. Однако, после того как попытка с магическим кристаллом не увенчалась успехом, Ярк-ун решил его подбодрить.

— Что у тебя за идея? — обратился он к Идлису.

— Я думаю об этой женщине, Каране из Баннадора, которую я преследовал, — ответил Идлис. — Что с ней случилось?

— Я ничего не слышал о ней, — сказал Тассель.

— Она двоекровница, в ней соединилась кровь древней человеческой расы с кровью аркимов, — продолжал Идлис. — Вот каким образом мы смогли установить власть над ее разумом. Еще она чувствительница — ведь мы обнаружили Карану по ее снам. *И она может вступать в мысленные контакты* — именно так совершенный господин нашел нас. Мы должны использовать нашу власть над девушкой и заставить метнуть петлю контакта, чтобы мы могли еще раз поговорить с нашим хозяином. Это единственный способ выяснить, чего он от нас хочет.

В комнате воцарилась тишина, затем гаршарды издали резкий крик, похожий на карканье стаи ворон, и подняли Идлиса на возвышение.

— Самый последний из нас становится первым! — воскликнул Ярк-ун. — Мы выследим Карану и *заставим* ее, а Идлис поведет нас к ней.

Воодушевившись, гаршарды начали снова образовывать свой магический круг.

15
Входа нет

После того как Шанд расстался с Караной, он направился прямо к хлюнам, с которыми с давних пор был в дружеских отношениях. Он волновался: ведь за столько лет хлюны могли его забыть. Его проводили в большой зал заседаний и подвели к двум старейшинам. Шанд попытался вспомнить, как произносятся их имена, поскольку любая ошибка была бы воспринята как оскорбление. Мужчину звали Крейф, в начале слова надо было издать нечто вроде кашля. Имя женщины было Изута, причем два первых слога произносились раздельно, с остановкой между ними.

Мужчина с бородой, заплетенной в длинную косичку, поднялся со своего кедрового кресла.

— Шанд! — сказал он, протягивая руку.

Женщина кивнула, но не встала, что было дурным знаком.

— Прости, что я вторгся в твой город, Крейф, — нерешительно начал Шанд, слишком сильно кашлянув в начале имени. — Меня пригнала сюда война.

— Война! — повторил Крейф, опускаясь на стул. — Все изменилось… Чем мы можем тебе помочь?

— Если бы вы предоставили моему другу убежище на день-два, — ответил Шанд, — я был бы вам очень признателен. — Он, тщательно подбирая слова, объяснил положение, в котором оказалась Карана.

— Сейчас слишком тяжелое время, чтобы просить о таких услугах, — холодно заметила Изута.

— Я бы и не стал, Изута, — Шанд безукоризненно произнес ее имя, — но у меня не было выхода.

Изута с улыбкой кивнула Крейфу.

— С другой стороны, — продолжал Крейф, — ты нам тоже иногда помогал, а мы не забываем своих друзей. Твоя спутница может остаться тут в безопасности на четыре дня, но не больше.

— Где она сейчас? — спросила Изута.

Шанд описал место, где оставил Карану.

— Мы за ней присмотрим, — пообещал Крейф.

Поскольку этот вопрос был улажен, Шанд не вернулся к Каране. По портовому городу уже поползли слухи, в том числе и о чувствительнице с рыжими волосами, которую ищет Иггур. К тому же Каране пора снова научиться полагаться на себя, и чем раньше, тем лучше. Шанд поспешил обратно в Туркад, чтобы

найти выход из города.

Это было нелегко: каждый день он видел, как стража арестовывает людей. Туркад был под жестким контролем Иггура. То, что до войны стоило несколько серебряных таров, теперь обходилось в двадцать раз дороже и исчислялось в золотых теллях, если вообще это можно было получить за деньги. Шанд имел при себе золото, но количество его было ограничено. Старик отправился на поиски старых знакомых. Проблуждав несколько дней по городу, где его на каждом шагу останавливали и допрашивали солдаты Иггура, он пришел в отчаяние. Все его прежние знакомые умерли или прятались. В конце концов, когда отпущенные Каране четыре дня почти закончились, Шанд сдался и двинулся назад в портовый город. Ему не хотелось испытывать терпение хлюнов.

Ему не удалось пробраться туда по улицам города: солдаты Иггура перекрыли их все. Были, конечно, и другие пути, и тогда он отыскал канализационный канал.

Шанд полчаса полз по зловонному туннелю, но обнаружил, что выход из него бдительно охраняется хлюнами. Как только он вылез из туннеля, в грудь ему нацелили копья. Лица у хлюнов были враждебные.

— Мое имя Шанд, — сказал он. — У меня есть охранная грамота от Крейфа. — От волнения он неправильно произнес это имя.

Главный хлюн, нахмурившись, протянул руку.

— Покажи! — резко произнес он.

— У меня нет бумаги, — объяснил Шанд. — Это была устная договоренность.

— Все договоренности аннулированы, — заявил хлюн, и в грудь Шанда уперлось копье, острое, как игла.

— Но вы же можете спросить… — начал он.

— Убирайся! — заорал главный хлюн.

Стражники угрожающе нахмурились, и Шанд не осмелился настаивать. Он снова нырнул в туннель. На полпути старик уселся в темноте, раздумывая, что случилось. Почему они так изменились? И, что важнее, все ли в порядке у Караны?

Был хайт, мрачный, ветреный, с мокрым снегом. Придя в отчаяние, Шанд решил отыскать последнюю знакомую, значившуюся в его списке. Для этого он направился в бар в подвальчике, принадлежавший толстушке по имени Улиса. Жива ли она… уже двадцать лет назад Улиса была не такой уж молоденькой.

Оглядев переулок, Шанд тихонько постучал. Он почувствовал, что за ним наблюдают в глазок. Вскоре загремели

запоры, и его впустил ребенок. Шанд очутился в гостиной, где стоял круглый стол, накрытый клетчатой бело-синей скатертью. Старик сел на предложенный стул и стал ждать.

Через минуту из-за двери высунулась голова и снова исчезла. Вскоре в гостиной появилась очень толстая старуха с седыми волосами, которая тяжело дышала на ходу.

Толстуха сразу же узнала его:

— Шанд!

Лицо Улисы просияло, и она раскрыла объятия. Шанд утонул в них, как кулак пекаря в тесте.

— Садись, садись, — затараторила она, усаживая его и доставая из буфета кружки, а из глубины — бутылку, форму которой он хорошо знал. — Это самая последняя! — Улиса сломала восковую печать на бутылке. — Лучшая партия ликера из геллона, который ты когда-либо делал. Я хранила ее последние пять лет, надеясь, что ты появишься. Конечно же, ты не мог приехать в Туркад и не встретиться со мной!

— Я пришлю тебе еще ящик, когда вернусь в Туллин, — пообещал он. — По правде говоря, я здесь не был много лет. Кости у меня теперь старые.

— А по виду этого не скажешь, — заметила Улиса. — Однако давай выпьем, а то меня уже не будет, когда ты окажешься в наших местах в следующий раз. Это моя дочь Азрейла. Ты ее помнишь?

Шанд смутно припоминал шумную девочку с исцарапанными коленками и выпавшими передними зубами. Он не узнал ее в спокойной красавице с каштановыми волосами и пышной грудью, стоящей у двери. Однако она была очень похожа на свою мать — какой та была тридцать лет тому назад. Так он и сказал.

Улиса засмеялась:

— Хорошо, что она посмотрела вниз из окна и узнала тебя, мой друг: дверной молоток давно не действует. Азрейла красивее, чем была я, и лучше управляется с клиентами. Однако я предвижу тяжелые времена. Этот Иггур слишком уж высоконравственный, что плохо для дела. А война — это просто ужас!

Шанд отхлебнул ликера, соглашаясь, что война — действительно ужас.

— Но ты же проделал этот долгий путь не для того только, чтобы выпить со мной, дружище. Что я могу для тебя сделать? Если это в моих силах.

Она всегда говорила только правду. У Улисы были значительные возможности, и она была в состоянии устроить почти все — за деньги.

— Мне нужен бот и исключительно хороший моряк на день-

два. Сумеешь ли ты помочь мне с этим?

— Конечно, хотя сейчас и не самые лучшие времена. Слуги Иггура конфисковали все лодки, чтобы помешать Магистру сбежать. Но Мендарк слишком хитер для них. Его ни за что не схватят! Сколько у тебя времени?

— Всего несколько дней. — Улиса нахмурилась:

— Тогда ты должен вернуться завтра. Посмотрим… думаю, что смогу тебе помочь.

Шанд почувствовал глубокое облегчение, так как Улиса никогда ничего не обещала зря.

— Какая цена?

— Несколько теллей, пожалуй. Однако, если тебе не хватит, в моем доме для старины Шанда всегда открыт кредит.

— У меня найдутся деньги. — Он заколебался.

— Что-нибудь еще? Говори начистоту, друг мой.

— Я оставил… кое-кого у хлюнов, но теперь мне никак не попасть обратно в портовый город.

— Кое-кого? — спросила Улиса, бросив на него проницательный взгляд. — Не Мендарк ли это?

— Не Мендарк! — ответил он с иронической улыбкой. — Так вот, значит, где он прячется?

— Я не могу обсуждать это даже с тобой. Столкновение интересов.

— Не имеет значения! Но мне надо туда вернуться и встретиться со старейшинами. И лучше было бы мне повидаться с Мендарком.

— Я узнаю, каким образом тебе сделать то и другое. Это все?

— Еще один, последний вопрос, но он в высшей степени конфиденциален. — Улиса, конечно же, ничего не сказала на это: все дела ее клиентов были конфиденциальны. — После Тайного Совета пропала женщина по имени Карана Ферн. — На минуту он замешкался, но решил, что Улисе надо говорить все. — Она чувствительница, совсем особенная. — Он описал Карану. — Важно, чтобы я знал, кто именно ее ищет.

— Вывози ее немедленно! Иггур уже схватил почти всех чувствительников в городе. И половину из них погубил.

— Ее могут искать и другие.

Старые глаза Улисы буравили Шанда, открывая ей все секреты старика.

— Я наведу справки, — сказала Улиса. — А теперь, если с делами покончено…

— Покончено, — ответил Шанд. — Ах, как хорошо снова увидеть старого друга. Я был в отчаянии всю эту неделю, но ты дала мне надежду.

— Я рада. Ведь ты был моим самым первым клиентом, Шанд. Ты единственный поддержал меня тогда, и я никогда этого не забуду! — На глаза навернулись слезы.

— Да, хорошие были денечки, — сказал Шанд, тоже расчувствовавшись.

— Перебирайся поближе к огню да захвати кружку. Это будет моя прощальная, старый друг. Сердце пошаливает, и пора передавать дело. Давай прикончим эту бутылку и после разобьем стаканы, швырнув их в камин.

Ранним утром хлюн пробрался мимо Оссейона и потряс Мендарка за плечо:

— Пошли! Посетитель!

— Кто? — с раздражением спросил Мендарк. Всю ночь он лежал с закрытыми глазами, погруженный в безрадостные размышления, и только под утро заснул.

Не отвечая, хлюн продолжал тянуть его за рукав, пока Мендарк не встал и не последовал за ним на пристань, где было еще довольно темно. Они шли минут десять и вдруг оказались на открытом месте. Тут было ветрено, накрапывал дождь. На скамье сидела какая-то фигура в плаще и шляпе.

Человек встал и снял шляпу. Он был невысокий, крепкого сложения, с волосами стального цвета и седой бородой, которую, очевидно, не подстригали несколько недель. Мендарк был сильно удивлен.

— Шанд! — воскликнул он. — Должно быть, дела обстоят еще хуже, чем я представлял, если война добралась даже до твоей деревушки. Что напомнило тебе о твоем долге? Разве тебя плохо снабжают?

Шанд проигнорировал эту ядовитую насмешку.

— Неудивительно, что тебя свергли уже второй раз за несколько недель, если ты так обращаешься со своими союзниками. Вообще-то я говорил Таллии, когда она была в Туллине пару месяцев тому назад и просила от твоего имени у меня помощи, что приеду в Туркад. И вот я здесь.

— Если ты пришел увещевать меня, то напрасно. Слишком поздно.

— Нет, я намерен просто поговорить — поделиться с тобой тем, что известно мне, и узнать что-нибудь у тебя. Или не узнать. Как тебе угодно.

Снова появился хлюн, неся на подносе маленький медный чайник, спиртовку и чашки. Поставив все это возле Шанда, он отступил в тень. Шанд зажег огонь и поставил чайник.

— Как тебе стало известно, что я здесь? — поинтересовался

Мендарк, боязливо озираясь, словно был разглашен его секрет.

Шанд издал смешок:

— Я не выдаю свои источники. А куда еще ты мог отправиться без бота? — Теперь он был совсем не похож на того испуганного старика, каким был несколько дней тому назад.

— Очень хорошо, — вымолвил Мендарк. — Мне нужен твой совет. Вот какова вкратце ситуация. — И он поведал печальную историю о Тайном Совете, войне и своих собственных бедах. Шанд молча слушал.

Пламя загудело на ветру. Мендарк присел на корточки, ожидая, когда закипит чайник. Наконец вода забулькала, и он щедрой рукой швырнул туда водоросли. Когда чай настоялся, он налил себе и Шанду.

— Я не знаю, как быть, — резко произнес Мендарк. — Я не могу найти бот, а завтра хлюны собираются вышвырнуть нас на улицу. Шанд, я не знаю, куда кинуться.

Шанд сделал глоток и, найдя чай слишком горячим и крепким, осторожно поставил чашку на поднос. Он молчал. Всех этих бед можно было избежать, если бы он помог, когда Лиан просил его об этом в Туллине в начале зимы. Шанд догадывался, зачем всем нужно Арканское Зеркало. Он отказал Лиану не из-за апатии, усталости и бесплодности борьбы с превратностями судьбы. Нет, они, даже вместе взятые, значили для него меньше, чем пробуждение горьких воспоминаний, от которых Шанд спрятался в Туллине столетие тому назад.

— Интересно, не направился ли Тензор на север, — сказал он.

— На север? — рявкнул Мендарк. — Восток — вот где находятся остальные города аркимов.

— Будут ли аркимы рады тому, кто приносит только сражения и вероятность погибели? Нет, Тензор теперь отверженный, без чувства долга и чести. Что еще ты знаешь о Лиане?

— Какое это имеет отношение к моей проблеме? — удивился Мендарк.

— Сделай мне одолжение, — попросил Шанд. — Мы еще доберемся до тебя.

— Ну что же, он в один день зачеркнул все, что сделал хорошего в течение месяцев.

И Мендарк рассказал обо всех грехах и промахах Лиана.

— К несчастью, после Тайного Совета потерялась Карана, — сказал в заключение Мендарк. — Я мог бы ее использовать.

Не забыв о страхе Караны перед Мендарком, Шанд не стал

вводить его в курс дела.

— Почему Лиан пошел с Тензором? — удивился он.

— Пошел с ним! Лиан ужасно его боялся, и не без оснований. — Мендарк поведал о выступлении Лиана против Тензора на суде в Шазмаке.

Шанд был изумлен:

— А в нем больше… чем я думал.

— Больше глупости! А теперь займемся более важным вопросом. Если Тензор все же направляется на север, то почему? И куда именно?

— Любое место подходит, если он задумал шутить с Ночной Страной.

— Я не могу обыскать полмира.

— Тогда ступай в Зиль, в Великую Библиотеку, и поговори с мудрецом Надирилом.

— Ты прав. Мне уже приходила эта мысль в голову. Где еще я найду то, что мне нужно? Кто лучше, чем Надирил, знает об этом? Я непременно поеду в Зиль — если только когда-нибудь отсюда выберусь.

Чай Мендарка остыл, пока они беседовали. Он выплеснул его и налил свежий. Прежний был цвета соломы, а этот — красный и очень крепкий. Он отпил, сделал гримасу, отхлебнул еще.

— Расскажи мне о Феламоре, — попросил Шанд. — Ее появление сильно меня беспокоит.

— Ее речь на Тайном Совете звучала очень правдиво, — начал Мендарк, глядя в чашку. Он рассказал Шанду о падении Шазмака и словах Феламоры относительно Зеркала: она утверждала, что в нем совсем нет силы, лишь секреты. — Я был абсолютно убежден в том, что все так и есть, как она говорила. Но Феламора — мастерица всех форм иллюзии. История о падении Шазмака оказалась ложью. Это она предала Шазмак, а не Карана. Я проверил детали обеих версий.

— Это Зеркало… Когда оно потерялось, я надеялся, что оно больше никогда не появится, — признался Шанд.

— Ты что-то знаешь о нем? — спросил заинтригованный Мендарк.

— Да, хотя и не собираюсь делиться своими знаниями с *тобой*, так что не трудись спрашивать.

— Другого я от тебя и не ожидал, — усмехнулся Мендарк. — Впрочем, сейчас не до того, Шанд, когда приходится клянчить убежище на этих вонючих причалах. — Он выглядел старым и измученным.

Шанд уставился на него немигающим взглядом. Немного помолчав, он спросил:

— Как это получилось? У тебя же на любой случай приготовлен потайной ход.

— Несмотря на все мои недостатки, которые я сознаю, я люблю Туркад. Я не мог покинуть город, пока был хоть какой-то шанс его спасти. И в результате я опоздал на один день: мой бот забрали. Таллия и Беренет ужасно рискуют, пытаясь найти другой бот и надежного моряка. Каждый раз, когда они совершают новую вылазку, я боюсь, что они не вернутся. *Я в отчаянии!*

— Неудивительно. Может быть, тут я сумею тебе помочь. Но теперь мне необходимо идти. — Выплеснув остатки чая из кружки, Шанд поставил ее рядом с чайником и пошел прочь. Небо на востоке начало бледнеть.

— Шанд! — закричал Мендарк, пробежав за ним несколько шагов. — Мне нужен бот. Ты можешь что-нибудь сделать?

Шанд остановился, и ему стало смешно. Ничего себе перемены! Великий Магистр бежит за простым дровосеком!

— Я постараюсь, — ответил он.

— Где мне тебя найти?

— Я сам тебя найду, — бросил удаляющийся Шанд через плечо.

На душе у него было невесело. Миновало уже полтора дня с его встречи с Улисой, а он все еще понятия не имел, что случилось с Караной. Он послал три депеши старейшинам хлюнов, но ни на одну не получил ответа. По-видимому, они не попали старейшинам в руки. Внутрь портового города его не пустили. Новость, что Иггур охотится за чувствительниками, особенно встревожила его.

Светало, когда Таллия с Лилисой возвратились после еще одной неудачной попытки выбраться из портового города. Лилиса так устала, что не хотела есть. Тщательно вымывшись, она забралась в свой гамак. Натянула одеяло на уши, сонно улыбнулась Таллии и мгновенно уснула. Погасив свет, Таллия вышла. От недосыпа мысли у нее путались, и ей необходимо было с кем-нибудь поговорить, чтобы упорядочить их. Оссейон, бодрый как всегда, стоял на часах за дверью. Таллия спросила его, где Мендарк.

— Магистра позвали повидаться с посетителем, — ответил Оссейон. — Он ушел пару часов назад. Что-нибудь удалось с ботом?

— Нет! Пойду найду их.

Таллия отправилась на розыски Мендарка.

— Отведи меня к Мендарку, пожалуйста, — попросила она

первого попавшегося хлюна, которым оказалась женщина.

— Возвращайся обратно! — яростно прошипела хлюнша. У Таллии ужасно болела нога. Она была не в том настроении, чтобы позволить помыкать собой.

— *Отведи меня к Мендарку!* — рявкнула она, размахивая кулаком перед лицом хлюнши.

Та сделала знак другому хлюну. Они перекинулись парой слов шепотом. Затем женщина взяла Таллию за рукав и повела извилистым путем по пристаням и причалам. Наконец они дошли до палубного пастила со стороны моря. Тут было ветрено, непрерывно моросил мелкий дождь. Вдруг Таллия заметила впереди показавшуюся знакомой фигуру, которая заворачивала за угол. При тусклом свете она узнала осанку и походку человека.

— Шанд! — закричала она и, прихрамывая, бросилась за ним.

Человек обернулся, и это действительно был старый Шанд, которого она не видела после своей поездки в Туллин. Он засмеялся и заключил Таллию в объятия.

— Как приятно снова встретить тебя! — сказала она. — Я думала, что ты решил не приезжать в Туркад.

— Так могло случиться, хоть я и обещал. Но я здесь! И какая беда!

— Да, Мендарк, должно быть, сошел с ума. Когда я могу с тобой поговорить?

— Прямо сейчас, если хочешь. Ты завтракала?

Таллия не завтракала и просто умирала с голода.

— На горе есть местечко, где все еще хорошо готовят, — если ты посмеешь уйти так далеко.

Таллия с тревогой огляделась:

— Тут охраняют все пути.

— Я знаю одну потайную тропинку, — сказал Шанд. — Вам нужен бот?

— Очень!

— Вероятно, мне удастся вам помочь. Те, кто посмелее, наживают на этой войне целые состояния. Последние дни я потратил на поиски бота и наконец нашел. Сейчас я собираюсь встретиться с лодочником. Пошли со мной.

— Как ты сюда пробрался?

— По знакомству.

— Можно задать тебе личный вопрос, Шанд? — спросила Таллия на ходу.

— Конечно, хотя не обещаю, что отвечу.

— Когда мы впервые встретились в Туллине и я спросила, почему ты не помог Каране, ты оправдался тем, что слишком стар. И вот теперь ты здесь, когда кругом идет война.

— Я дурак! — сказал он после столь длительного молчания, что Таллия решила, будто он не намерен отвечать. — Я мог предотвратить все это, но побоялся разбудить прошлое. Я люблю свою жизнь в Туллине, мне нравится колоть дрова и работать в корчме, а когда закончена вся работа — сидеть на веранде с кружкой в руке и греться на солнышке. Я действительно очень стар, знаешь ли, слишком стар для всего этого.

На окраине портового города они спустились по ступенькам прямо к воде, открыли хитро замаскированную дверь и, пройдя приличное расстояние под землей, очутились на улицах старого Туркада. Вскоре Шанд остановился перед коричневой дверью в каменной стене. Он постучал трижды, и дверь со скрипом отворилась. Сухопарый старик внимательно оглядел их, особенно Таллию, и наконец впустил. Их провели через холл в подвале, еще через две двери — и наконец Таллия с Шандом попали в большую комнату с низким потолком, где в углу горел в камине огонь. В комнате было темно, дымно и тепло. Она была заставлена большим количеством маленьких столиков, лишь некоторые из них были заняты. Шанд переговорил с впустившим их стариком — судя по его виду, горьким пьяницей. Тот покачал головой.

— Его пока еще нет, — сказал Шанд. Затем снова обратился к старику: — Какое сегодня меню?

— Хорлаш! — ответил он. — Хорлаш сегодня, хорлаш завтра, хорлаш до конца времен.

Хорлаш был блюдом красного цвета, очень пряным, и готовился из овощей, рыбы, крабов, моллюсков и прочих даров моря — в зависимости от того, какие из них были дешевле на рынке.

— Тогда приготовь нам две порции, с хлебом и горячим вином, — заказал Шанд, потом подошел к камину и стал греть руки над огнем.

Таллия уселась за столик у огня. Принесли хорлаш — большие миски, полные до краев. Блюдо восхитительно пахло, — правда, девушка съела целую миску, почти не ощутив вкуса, поскольку была слишком занята своими проблемами.

— Война перевернула в Туркаде все вверх дном, но, как видишь, некоторые заведения уже снова работают, — заметил Шанд с набитым ртом. — Здесь можно купить все, если ты в состоянии заплатить по тарифу.

— Что это за кабачок?

— «Без названия».

— Прости?

— Он называется «Без названия». Всегда так назывался. Он

здесь существует издавна.

— Какие у тебя знакомства! — с восхищением произнесла Таллия. — А я в Туркаде уже десять лет и никогда о нем не слышала.

— Знакомства *были*. Почти никого из прежних друзей не осталось. Я слишком давно не у дел.

Таллия отерла лоб и, сняв куртку, повесила ее на спинку стула. Появились два каменных кубка с дымящимся вином; оно было темно-красное, сладкое и ароматное — туда добавляли гвоздику и кору кассии.

— Стоит выпить содержимое одного такого кубка, и тебе будет жарко целую неделю, — сказал обслуживающий их человек, косясь на грудь Таллии. В ответ она уставилась на него, отчего тот покраснел и, смахнув со стола салфеткой, поспешно удалился.

Кубок Шанда опустел всего наполовину, когда в зал вошел толстый мужчина и, пропустив стаканчик у стойки, направился к столику Таллии и Шанда, на который ему указал пальцем слуга. Мужчина окинул их взглядом, прежде чем сесть.

— Меня зовут Пендер, — представился он, посмотрев на Таллию и нахмурившись. — Мне знакомо твое лицо. — Она промолчала. Шанд прихлебывал вино. — Должно быть, два года тому назад… А! Ты прибыла в Сет с Магистром. На тебе было малиновое с черным одеяние. Я подумал, что ты его любовница. Я разгружался на пассажирской пристани. Мне приказали оттуда убираться.

— Это Таллия бель Сун, родом из Крандора, а теперь — главная доверенная Мендарка, — сурово одернул его Шанд.

Но Пендера было не так-то легко смутить.

— Крандор! Вот это шикарное место! Вам бы пришлось уплатить не одно ведро золотых, если бы вы захотели плыть туда. — Он мечтательно улыбнулся, в глазах появился алчный блеск.

— Я Шанд. Сначала мое дело! Оно займет два дня начиная с сегодняшнего, если ты можешь им заняться.

— Могу, — ответил Пендер.

— Разобравшись со мной, ты подумаешь над предложением Таллии, оно сулит тебе целое состояние.

Пендер засиял:

— Куда ты хочешь направиться?

— Я… — начал было Шанд, но остановился. — Нет, прежде договорись с Таллией: ей нужно вернуться назад.

Таллия не спешила уходить, но, очевидно, дело Шанда было сугубо личным.

— Куда я должен тебя отвезти? — спросил Пендер.

— В Зиль, — ответила она.

— Ты одна?

— Есть еще другие.

— Может быть, Магистр?

— Может быть.

Он занялся подсчетами:

— Месяц туда, месяц обратно. И конечно, придется еще много времени околачиваться впустую, ждать, ничего не зарабатывая. Еще припасы… Сколько человек примерно?

— Скажем, пять-шесть.

— Шесть плюс я сам с командой. В настоящее время вам придется заплатить мне в десять раз больше. Одни припасы обойдутся в десять теллей.

— Полагаю, ты будешь делать основные покупки не в Туркаде, и цена будет не намного выше обычной.

— Возможно, кое-что и куплю, хотя как знать, докуда докатится война через месяц! А еще запасная парусина, бечевка, да еще…

— Я понимаю все это, — нетерпеливо перебила Таллия, постукивая по столу. — Назови цифру!

— Две сотни до Зиля, — скороговоркой ответил Пендер, как будто от этого цифра звучала не так ужасно. — Я имею в виду теллей. — Затем, поскольку Таллия никак не реагировала, Пендер осмелел. — Умножь эту цифру на два, если поедет Магистр. Кроме того, все повреждения, таможенные пошлины, поборы, взятки и прочие расходы — за ваш счет. После Зиля будем договариваться заново.

— За такие деньги мы могли бы купить собственный бот, — заметила Таллия. Цифра превысила все ее самые мрачные ожидания.

— До войны могли бы, если бы он был старый и прогнивший, — сгустил краски Пендер, — а теперь только мой маленький ялик мог бы столько стоить. И где вы наберете команду? А я даю вам самых лучших. К тому же, если нас поймают, я рискую собственной головой, а это драгоценная вещь, а?

— Замечательная! — съязвил Шанд.

Пендер сверкнул на него глазами:

— В любом случае по пути мне придется найти бот побольше. Мой слишком мал для шторма в заливе. На это уйдет и вся ваша оплата, и все мои сбережения до последнего гринта.

— Дай мне подумать, — попросила Таллия. — Пять минут, пожалуйста.

Пендер взял свою выпивку и, переваливаясь, направился к стойке.

— Он надежен?

— Другого у нас нет! — ответил Шанд. — Но, насколько я понимаю, он надежнее большинства и незаменим на море.

— Я тоже так слышала. А цена?

— Это безобразие, но у тебя нет выбора. Сегодня боты нигде не найти. К тому же, даже если бы выбраться из Туркада стоило тысячу теллей, Мендарк вряд ли бы это заметил: у него скопились несметные богатства по всему Мельдорину за время его правления. Иггур обнаружит, что сундуки Магистра совершенно пусты.

— Я знаю, сама многое спрятала за последние несколько лет. И еще одно: мы слишком долго испытываем гостеприимство хлюнов. Ты бы не позволил уехать нам первыми?

— Не думаю, — ответил Шанд. — У меня срочное дело. Возможно, хлюны станут любезнее, услышав, что вы уезжаете.

— Ну что же, спасибо за помощь. — Она подозвала Пендера и осушила свой кубок до дна. — Согласна, — сказала она. — Встречаемся на северо-восточном причале за час до рассвета, через три дня считая с сегодняшнего. Сразу получишь половину денег, остальное — в Зиле.

— Четверть сейчас, четверть при встрече, остальное — в Зиле, — не согласился Пендер. — Будет много расходов.

— Хорошо.

Он протянул руку, и в знак того, что договор заключен, Таллия сильно пожала ее так, что Пендер поморщился. Затем Таллия отсчитала четверть суммы и отдала лодочнику. Шанд встал, она обняла старика.

— Надеюсь, мы еще встретимся, — сказала она. — Спасибо тебе.

— Непременно встретимся, — заверил ее Шанд. — Возвращайся тем же путем, каким мы сюда пришли.

Когда Таллия покинула стены кабака, Шанд и Пендер снова уселись за стол. Слуга наполнил их кубки.

— Ты можешь ей доверять, — сказал Шанд. — А Мендарку?

— Постарайся, чтобы ваши интересы всегда совпадали.

Пендер хмыкнул:

— Итак, чем я могу тебе помочь?

— Я хочу отплыть на север сегодня вечером, как только стемнеет. — Шанд вытащил из кармана карту, и оба склонились над ней, обсуждая приливы, течения и ветер, а также — где раздобыть припасы в военное время, и многое другое.

Наконец, когда их кубки опустели, Шанд кивнул, и они

скрепили сделку рукопожатием.

— Какова твоя цена? — спросил Шанд.

— Два телля, — рассеянно ответил Пендер.

Шанд сразу же расплатился. Он ожидал, что будет дороже. Теперь все, что ему оставалось сделать, — это вернуться в портовый город и найти Карану. После удачи с поиском бота к Шанду вернулась его уверенность — он знал, что это не займет много времени. Сначала лучше нанести прощальный визит Улисе.

16
Море бед

Беренет смазал маслом камень и снова провел им по лезвию меча. Ожидание было невыносимо тягостным. Мендарк каждую минуту опасался предательства хлюнов, которые были настроены крайне враждебно. Целыми днями никого не выпускали из сырой комнаты. Мендарк вздрагивал при каждом скрипе и стоне причалов, при звуке шагов за дверью.

— А вдруг Пендер не появится? — пробормотал он, вцепившись в свои волосы. — Что если это ловушка?

— Если это ловушка и нам суждено погибнуть, тогда мы прихватим несколько десятков хлюнов с собою, — ответил Беренет. Он был такой же щеголеватый, как всегда, — казалось, на него ничуть не подействовала неделя в заключении. Он все время натачивал свой меч.

— Ты никогда не перестанешь возиться с этой проклятой штукой? — воскликнула Таллия.

Бросив на нее взгляд из-под черных бровей, Беренет продолжал скрежетать камнем о металл.

На третье утро после свидания Таллии с Пендером дверь широко распахнулась, и шесть хлюнов с мрачными лицами приказали им выйти. Их повели извилистым путем через порт.

— Куда они нас?.. — прошептала Лилиса.

— Надеюсь, к боту, — ответила Таллия. Правда, она скорее полагала, что их ведут на смерть.

Наконец они дошли до воды, и в лицо им дунул завывающий ветер. Светало.

— Спускайтесь! — приказал один из хлюнов. Внизу бушевали волны.

— Туда? — переспросил Мендарк обречено.

Лилиса взглянула на деревянную лесенку с несколькими пролетами не очень надежного вида, которая вела к маленькому молу.

— Шевелитесь! Ваш бот подходит!

Мендарк осмотрелся. На море, покрытом волнами с белыми гребнями, не было никакого признака бота. В сумраке виднелась толпа хлюнов с целым лесом копий. Он поклонился хлюну и протянул руку, но фигура, одетая в тогу, отвела ее. Лицо этого человека было угрюмо, как штормовое небо.

В этот момент показалась галера, огибавшая берег портового города. Спутники Мендарка отступили в тень и переждали, пока

она скроется из виду. «Нас предали», — промелькнуло в мозгу у Таллии. Она посмотрела на Мендарка, но тот не отреагировал.

— Лестница выглядит ветхой, будто вот-вот развалится, — заметила Таллия. — Давайте-ка я пойду первой.

Она стала осторожно спускаться, и ветер трепал ее плащ. Маленькая тень Лилисы последовала за ней. Как только они добрались до самого низа, на мол накатила волна, сбив Лилису с ног и потащив за собой. Таллия едва успела выхватить девочку из воды, цепляясь при этом ногой за последнюю ступеньку лестницы. Они держались за ступеньки, пока другие сползали вниз.

А бота все не было! Таллия была уверена, что Пендер, взяв деньги, сообщил о них слугам Иггура. Это ловушка!

Массивные сваи портового города вытянулись у них за спиной рядами, как колонны в храме. Дул холодный южный ветер, принесший с собой дождь со снегом. Он завывал между сваями, покрывая землю и пристани коркой льда. Он уже несколько дней дул по всему побережью Туркадского Моря, и неистовые волны вздымались высоко — выше мачты маленького судна. Еще одна волна разбилась о мол, обдав отряд Мендарка с головы до ног.

Появилась вторая галера, затем исчезла в тумане.

— Нас бросили! — сказал Беренет, вытирая мокрое лицо. Его усики обвисли, с них текла вода.

Меньше всех беспокоилась Лилиса. У нее были новые сапоги, теплая одежда, набитый живот — о таком она и мечтать не могла последние несколько лет. А завтрашний день был слишком далек, чтобы о нем тревожиться.

Из дождя и тумана вынырнул смешной потрепанный бот.

— Это он? — не веря своим глазам, спросил Мендарк. Бот был не больше ялика, с крошечной мачтой. Пендер находился у румпеля. Он что-то кричал в сторону причала, но ветер уносил его слова в море.

— Мы плывем в Зиль *на этом?* — в ужасе пробормотал Мендарк. Взглянув вверх, он увидел копья, нацеленные остриями вниз. Он сделал знак своим спутникам, и все подошли к краю мола.

Лилиса, у которой был здоровый страх перед ботами, очень испугалась. Бот подошел к самому молу. При свете фонаря Лилиса прочитала: «Танцующий гусь». На носу бота красовалась фигура, изображавшая эту птицу, — с оранжевым клювом и дикими глазами.

С носа бросили канат, и Оссейон, поймав его, один раз обернул вокруг сваи. Другой канат бросили с кормы, и Беренет

дважды обмотал его вокруг столба и неумело завязал узлом. Между тем Мендарк, Таллия и Лилиса забрались в бот. Беренет прыгнул туда, приземлившись на сложенные сумки. Внутри что-то разбилось. Последним на борту очутился Оссейон, гребцы взялись за весла, и бот отчалил от берега.

Матрос дернул за веревку Беренета, полагая, что она лишь обмотана вокруг сваи, но она была крепко привязана. Внезапно они оказались в смертельной опасности. Вода отхлынула, как бы готовясь к приближению новой огромной волны, и канат начал приподнимать корму из воды. Нос при этом почти целиком погрузился в воду. Даже Лилиса поняла, что следующая волна либо утопит их, либо разобьет их суденышко вдребезги о мол.

Пендер с ножом в руке рванулся, чтобы перерезать канат. Волна швырнула их о мол. Кто-то закричал. Послышался треск дерева. Бот вот-вот должен был опрокинуться. Вода хлынула через борт, потом волны завертели их и, пронеся мимо мола, затащили под портовый город в тихие воды. Затрещала мачта, соприкоснувшись с высокой платформой, нависшей над ними.

Ряды огромных свай, силуэты которых смутно виднелись в полумраке, подсвеченные фосфоресцирующими водорослями, тянулись, исчезая из поля зрения. Маслянистая вода вздымалась и опускалась. Команда вставила весла в уключины и стала грести, загоняя бот поглубже под причал. Там, где сваи были расположены совсем близко друг от друга — они поддерживали огромное сооружение, — часть гребцов начала вычерпывать воду. Пендер спокойно зажег фонарь и, перейдя в середину бота, схватил Беренета за ворот.

— Ну ты, дурак, неумеха! — заорал он, тряся Беренета. — Ты чуть не угробил нас всех.

Беренет пытался оттолкнуть Пендера. Отшатнувшись, Пендер разорвал красивую куртку Беренета спереди.

— Черт тебя побери! — пронзительно закричал тот. — Ты мне за это заплатишь!

— Это ты заплатишь! Посмотри, что ты сделал с моим ботом!

— Ты называешь это ботом?! — с издевкой произнес Беренет. — Да на этом корыте вообще нельзя плавать!

Пендер был привычен к оскорблениям, но он ужасно гордился своим судном.

— Слишком много балласта! — взревел он и скинул Беренета за борт.

— Какого черта ты делаешь? — воскликнул Мендарк. Беренет исчез под маслянистой водой, потом выплыл на поверхность, отплевываясь и отчаянно ругаясь.

— Проклятый дурак! — сказал Пендер. — Я не повезу его.

Плыви к лестнице! — заорал он, указывая в ее сторону. Беренет доплыл до ближайшей сваи.

Мендарк нетвердой походкой приблизился к Пендеру. На лбу у него был длинный порез.

— Ты хочешь плыть в Зиль *или идти пешком?* — ледяным тоном спросил у Мендарка Пендер.

— Ты об этом пожалеешь! — закричал Беренет, поднимаясь по сгнившей лестнице.

— Подбери его! — яростно произнес Мендарк.

— Черта с два! — ответил Пендер.

— Мы поедем все — или никто, — отрезал Мендарк, но голос его дрогнул.

— Как угодно, — сказал Пендер. — Разумеется, я отдам то, что осталось от аванса. Керт, принеси мой сейф.

— Может быть, мы сумеем договориться? — тихо спросил Мендарк.

— *Я* решаю, кому плыть на моем боте, — заявил Пендер. — Он не поплывет!

Мендарк стер кровь с лица. Его блеф не удался. Он не был готов к такой жертве, особенно ради того, кого подозревали в предательстве.

— Подвези меня туда, — попросил Мендарк.

Он ухватился за поручень лестницы и о чем-то тихо переговорил с Беренетом. Тот оттолкнул Мендарка с криком:

— Хенния была предательницей, ты, дурак! Я тебе никогда этого не прощу.

Мендарк остолбенел:

— Хенния? Почему же ты мне не сказал?

— Я не был уверен, пока она нас не покинула, а потом было уже ни к чему. Я не обвиняю без доказательств, *как некоторые!*

Мендарк бросил сердитый взгляд на Таллию — та лежала на спине, и из носа у нее шла кровь. Он попытался взобраться по лестнице, что-то настойчиво твердя. Беренет оттолкнул его ногой:

— Слишком поздно, Мендарк! Я преданно тебе служил, а ты судил обо мне по слухам, исходящим от *нее!* — Он плюнул в сторону Таллии. — Я сделаю все, что в моих силах, чтобы тебе навредить. — И он с лицом темнее тучи, еле переставляя ноги, стал карабкаться вверх по лестнице.

Мендарк опустился в бот. Кровь на щеках напоминала боевую раскраску дикаря.

— Тебе бы лучше оправдать свою стоимость, — холодно сказал он Пендеру.

— А я именно столько стою, — таким же тоном ответил Пендер. — Садись! Эй, Керт, разгреби-ка там барахло!

Тот из двух гребцов, который был пониже — коротконогий крепыш с могучими мускулами, обрисовывавшимися под короткой курткой, — аккуратно сложил тюки и сундуки. Пассажиры сгрудились на носу под брезентом и осмотрели свои раны. У Оссейона были сильно покалечены три пальца, попавшие между причалом и ботом. У Таллии было залито кровью все лицо, взгляд бессмысленный. У Лилисы — только синяк на подбородке.

Когда с лица Таллии смыли кровь, выяснилось, что она не так уж сильно пострадала. Нос распух, — возможно, был сломан. На голове были две небольшие кровоточившие ранки. Когда она открыла глаза, Лилиса вскрикнула от облегчения.

— Эй, как тебя зовут? — спросил Пендер Лилису.

— Лилиса.

Он указал на Оссейона, стоически сидевшего на краешке скамьи и смотревшего на свои изувеченные пальцы.

— Ну, Лилиса, возьми ковш и принеси воды вон из той бочки. Полей ему на руки и промой порезы. Ты можешь это сделать?

Лилиса боялась Оссейона: он был такой большой и грозный, обнаженные руки — в татуировке клана по самые плечи.

— Да, — пискнула она в ответ и взялась за дело, все время оглядываясь на Таллию. Кожа на пальцах была изодрана ракушками, но кости сломаны не были. Скоро на них наложили целебную мазь и повязку. Мендарку тоже перебинтовали рану.

— А теперь посмотрим, какие проблемы у нашего «Гуся», — сказал Пендер.

Борт лодки возле планшира был поврежден. Дальше, ниже ватерлинии, корпус был цел, но некоторые планки отошли, и просачивалась вода. Пендер нахмурился:

— Керт! Отрежь мне кусок брезента, вот такого размера. — Он показал руками.

Пока Керт выполнял его поручение, Пендер с помощью молотка и долота ставил планки на место. Мендарк несколько раз подходил к нему, нервничая, что на ремонт уходит время. Наконец кусок брезента был просмолен и прибит к планкам снаружи, а щели замазаны смолой еще и изнутри.

— Некоторое время выдержит, — заключил Пендер, потирая заросшую щетиной челюсть. — Но в такую погоду пускаться в открытое море — большой риск…

— Поехали! — закричал Мендарк, который был в панике. — С каждой минутой опасность возрастает!

— Тогда вперед! — сказал Пендер. — Вычерпывать вот этим. — И он передал деревянное ведро на нос бота.

Как только они отчалили, на лестнице показалась высокая фигура — именно по этой лестнице взбирался Беренет.

— Оставайтесь на месте! — Голос Тиллана был как-то странно приглушен.

Мендарк поднялся со своего места. Его бывшие стражники столпились за Тилланом; они были вооружены копьями. Кто-то похожий на Беренета маячил на заднем плане.

— Ну ты! — заорал Тиллан. — Греби сюда!

Пендер лишь внимательно посмотрел на него, но не пошевелился. Стражники подняли копья.

— Дай нам уйти, — обратился Мендарк к Тиллану, — иначе я снова превращу твои мозги в желе, как это сделал Тензор.

Тиллан поднял руки:

— Будем благоразумны! Все, что мне нужно, — это бот и золото. У тебя еще много припрятано.

Пендер, стоявший за спиной у Мендарка, что-то шепнул ему на ухо. Тот дернулся.

— Поторопись! — посоветовал Тиллан. — Или я воткну копье в ребенка.

— Мне все равно, — ответил Мендарк. Лилиса замерла.

— Спрячься за меня, Лилиса, — позвал Оссейон, и девочка укрылась за его широкой спиной.

— Гребите к лестнице! — приказал Пендер своей команде.

— Оставьте весла в покое! — крикнул Мендарк, но их суденышко уже двигалось вперед.

Когда бот коснулся причала, Керт взялся рукой за поручень. Тиллан стал осторожно спускаться по ветхой деревянной лестнице, подточенной червями.

— Привяжи канат к лестнице, — шепнул Пендер Керту. — А ты, большой парень, возьми его весло и приготовься грести изо всех сил.

Оссейон сел на место Керта и забинтованными пальцами взялся за весло.

— Передай сундуки наверх, — сказал Тиллан.

— А в чем дело? — осведомился Мендарк. — Лучше я выброшу золото за борт, чем отдам тебе.

Тиллан подозвал стражников. Они вытянулись на лестнице в цепочку, а один залез в бот.

— Давай пошевеливайся!

Стражник приподнял сундук, который был очень тяжелым. В этот момент Керт, все еще державшийся за поручень, сильно качнул бот. Потеряв равновесие, стражник уронил сундук себе на ногу. От боли он заорал во все горло.

— На весла — разом! — скомандовал Пендер, и гребцы налегли. Канат натянулся, отрывая нижнюю часть лестницы от сваи. Тиллан со своей стражей судорожно вцепились в

поручни. — Сильней! — заорал Пендер.

Лестница треснула у Тиллана под ногами.

Стражники рухнули в воду, беспомощно барахтаясь в своих тяжелых кожаных доспехах.

Керт швырнул в их сторону стражника, который залез в судно, и бот рванулся вперед. Когда Тиллан наконец вскарабкался на лестницу и схватил дротик, они уже скрылись за сваями.

Едва «Танцующий гусь» вынырнул из-под укрытия причала, как с носа донесся крик: «Чернокулачники Иггура!» — и стрела, пущенная из арбалета, пролетела над самой головой Пендера.

К ним стремительно неслась длинная черная галера, появившаяся из тумана. Пендер не колебался ни минуты.

— Назад! — закричал он.

Бот закружился на гребне волны и юркнул обратно под причал, в тишину и мрак.

— И что теперь? — простонал Мендарк.

— Нам нужно постараться опередить их, — ответил Пендер.

— Опередить галеру?

— При таком ветре есть хороший шанс. Готовы? — Мендарк с сомнением кивнул: другого выхода не было.

Петляя, бот прошел под портовым городом и вынырнул с другой стороны. Уже совсем рассвело. Не было никаких признаков преследователей.

Команда гребла изо всех сил. Рывками поднялся парус. Как раз в этот момент из-за угла причала, всего в нескольких сотнях пядей, показалась патрульная галера.

Мендарк вскрикнул. Лилиса заплакала, приникнув к Таллии. Ветер дул им в спину, наполняя парус, и бот начал набирать скорость, летя навстречу галере.

— Нам не выбраться! — горестно воскликнул Мендарк. В последнюю секунду Пендер резко повернул румпель, и бот промчался между галерой и причалом, вдребезги разбив весла о борт другого судна и оцарапав второй борт о сваю. В воздух полетели обломки весел, и гребцы повалились со своих скамеек. Пассажиров бота обдало колким душем из ракушек и крошечных моллюсков, полетевших им в лицо, и вдруг суденышко вырвалось на свободу и с неслыханной скоростью поплыло на восток, мимо портового города.

Оставшаяся у них за спиной галера резко накренилась, команда начала хвататься за причал, и под их весом планшир ушел под воду. Галеру затопило, и она исчезла под волнами.

«Спасибо тебе, Шанд, — подумала Таллия, одобрительно

глядя на своего толстого капитана. — Тебе можно доверять: ты нашел самого лучшего».

— Они вас ждали, — сказал Пендер. — Если бы я знал, то и двойной цены было бы мало.

— Ну что же, ты заключил договор и должен нас отвезти. Но я тебя понял. Доставь нас в сохранности в Зиль, и я заплачу тебе вдвойне, — ответил Мендарк, только теперь сумевший оценить, насколько дорогого стоит их капитан. — Ах, бедный Беренет, — вздохнул он, проявляя сочувствие, совершенно ему не свойственное.

— А где Беренет? — спросила Таллия.

— Пендер бросил его за борт, — спокойно пояснил Оссейон.

— Туда ему и дорога, — заявила Таллия. — Могу поклясться, что видела, как он вчера поздно вечером беседовал с одним из людей Тиллана.

— Он шпионил для меня! — возразил Мендарк, еле сдерживая ярость. — Мне как-то раз пришло в голову, что он мог бы стать Магистром после меня. Он подавал такие надежды!

— Я этого никогда не замечала! — вполголоса огрызнулась Таллия.

— Заткнись, Таллия! — воскликнул Мендарк. — Он сказал, что предательница — Хенния, и я ему верю. Из-за тебя я превратил друга во врага.

— Это он стоял наверху лестницы, — вмешалась Лилиса.

— В таком случае он в хорошей компании. А уж он-то знает, где спрятана часть твоих сокровищ, Мендарк, — продолжала Таллия.

— Хватит! — завопил Мендарк.

Их подбрасывало на крутых волнах и мотало из стороны в сторону. Небо было затянуто тучами, неистовствовал ветер, все было серым. Волны угрожающе бились о борт, норовя затопить их суденышко, им в лица летели соленые брызги. Однако Пендер все время был начеку и справлялся с опасностью. Ветер завывал в снастях. Мокрый снег засыпал сидящих в боте, замерзая у них в волосах.

Внезапно впереди блеснул свет. Мендарк застонал.

— Что это? — воскликнул он.

— Маяк на Северной Голове! — заорал Пендер, перекрикивая ветер. — Подают сигнал!

— Что они говорят?

— Не могу понять. Если повезет, поблизости не окажется никаких судов — в такую-то погоду! Эй, ты! — обратился он к Оссейону.

— Мое имя Оссейон. Что мне нужно делать?

— Оссейон! — сказал Пендер. — Следи за тем, что происходит там, позади.

Оссейон поднялся, вглядываясь в сумрак.

— Пока ничего, — сообщил он.

— Смотри в оба!

Зыбь гнало с востока, и волны стали выше.

— Там сверкнул свет! — закричал Оссейон, когда бот взмыл на гребень огромной волны. — Сейчас исчез.

— Ты не видишь судно?

— Нет!

— Тогда, может быть, и они нас не видят. — Пендер взглянул на парус цвета воды в море. — Правда, надолго ли?

Маяк снова сигналил, возможно повторяя сообщение. Теперь, к их огорчению, тучи разошлись и выглянуло туманное солнце, освещая Головы на севере и на юге, белевшую вершину Скалы Шэга, бурное море и серый маяк.

— Теперь они нас наверняка заметили! — сказал Пендер.

— Вон они! Один, два, три, — считал Оссейон.

Они посмотрели в ту сторону, куда указывал Оссейон. Там на гребне высокой волны качалась черная галера — в точности такая, как та, что атаковала их прежде. За ней — еще две. Они были на расстоянии всего в одну морскую милю.

— Три! — мрачно повторил Пендер. — И несутся как угорелые.

Бот подбросило на следующей волне. Ветер усилился.

— Вода прибывает слишком быстро! — завопил Керт. — Мне не справиться одному!

— Таллия, вставай и вычерпывай воду! Оссейон, поработайка вот этим, — сказал Пендер, вручая тому большой черпак. — Под сиденьем ковшик, Лилиса. Мендарк, твоя магия на что-нибудь годна? Туман бы сейчас не помешал.

— При таком ветре… невозможно, — ответил Мендарк угрюмо. — Скоро мы выйдем из залива?

— До Туркадского Моря еще далековато! А ты не хочешь взорвать их огнем из твоих пальцев? Или вызвать Левиафана, чтобы он сокрушил наших врагов своим хвостом? Некоторые сказания, конечно же, должны быть правдой!

— Нужно, чтобы Левиафан находился где-то неподалеку: я же не могу сделать его из сардины! — ответил Мендарк.

— Я слышал сказания о *великих* волшебниках, которые могут разрушить судно одним ударом, — не сдавался Пендер.

— Все это сказки, — возразил Мендарк. — Удар чего? Тайное Искусство не в состоянии нарушить законы материи и энергии. Судно так хитро построено, что оно может выстоять в жестокий

шторм. Неужели ты думаешь, что существуют более могущественные силы, чем эта, и что они могут быть вызваны волей чьего бы то ни было разума? Ты не знаешь, о чем говоришь.

— Тогда что же ты *умеешь* делать?

— Если бы у судна был изъян — скажем, ослаб какой-то колышек, от которого зависели бы остальные части, — я бы мог его окончательно расшатать, чтобы судно пошло ко дну. А больше я не в силах ничего сделать — иначе мы, мастера Тайного Искусства, давно бы поработили всех на Сантенаре.

— А как насчет огня? Если ты можешь устроить пожар, сожги их!

Мендарк попытался ответить сарказмом на сарказм:

— Большинство магических чудес, о которых ты слышал в кабаках, сидя с разинутым ртом, когда был навеселе, — всего лишь иллюзия. Они не реальны. Да, я могу сделать так, чтобы на кончиках пальцев у меня появился огонь, но он не сожжет сырое дерево. Вот если бы у них на борту был бочонок с горючим, ты бы увидел такой мощный взрыв, что он осветил бы весь Туркад. — И при этой мысли Мендарк с тоской оглянулся на преследователей.

— Шарлатан и мошенник! — пробормотал Пендер. — Я всегда это знал.

— Для обращения к магии мне нужно иметь все необходимое под рукой, — с несчастным видом оправдывался Мендарк. — В любом случае они еще слишком далеко. Я должен их видеть, *знать их* — тогда я смогу что-то сделать. Таллия сумела бы их запутать, сбить с толку: она более искусна в создании иллюзий, чем я.

— Ну тогда проваливай на нос и вычерпывай воду! — заорал Пендер и добавил, когда Мендарк, покачиваясь, прошел вперед: — Ты, помесь мула с козой, ты так же бесполезен, как Лиан из Чантхеда! Таллия!

Оссейон яростно работал черпаком. Белые зубы сверкнули на его смуглом лице, когда Таллия проползла мимо на четвереньках. Лилиса посмотрела на Пендера в ярости оттого, что он оскорбил Лиана — ее друга.

— Чем могу помочь? — спросила Таллия.

— Чем угодно, что спрячет нас или собьет их с толку хотя бы на пару минут, — ответил Пендер. — Они слишком быстро приближаются. Я думал, при таком бурном море они будут двигаться медленнее.

— Лилиса, — позвала Таллия. — Иди сюда! Держи меня крепко!

Она встала и начала что-то рисовать в воздухе. Накатила большая волна, и Лилиса с Таллией упали на дно бота.

— А ты не можешь делать это сидя? — поинтересовался Пендер.

— Мне нужно отчетливо их видеть.

— Тогда не надо. Я не хочу, чтобы тебя смыло за борт. Их подбрасывало на волнах, становившихся все выше и выше.

— Что это? — закричала Лилиса, которая вычерпывала воду, сидя лицом к югу. — Еще две!

— Фаш! — выругался Пендер. — Фаш, фаш, фаш!

— Они ближе, чем другие, — продолжала девочка.

— И идут быстрее — ветер попутный, — сказал Пендер, стоявший у руля. — Но когда доберутся до Голов, пойдут помедленнее. А не будут осторожны — потонут. Как там вода? — закричал он, хотя и так было ясно.

— Прибывает, — ответили ему. — Трещина раскрывается и закрывается с каждой волной.

— Ну так вычерпывайте быстрее! — Он повернулся к Таллии, которая с сосредоточенным видом усердно работала черпаком. Лоб ее был наморщен, глаза, в которые летели соленые брызги, превратились в щелочки. — Думаю, мы попались, — довольно спокойно произнес он. — Они доберутся до Голов первыми.

— А ты не можешь проскочить, как в тот раз? — спросила Лилиса, не прерывая работу. Ее светлые волосы были совсем мокрые.

— Теперь они уже ожидают подобных фокусов. Несомненно, Мендарк и Таллия нужны им живыми, но остальных они пронзят стрелами, если мы попытаемся прорваться. Их слишком много, дитя.

— Продолжай идти вперед, — сказала Таллия, скрипнув зубами. — Может быть, мне еще что-нибудь удастся.

Ветер переменился на западный, он немного пригладил зыбь и помогал боту Пендера больше, чем галерам. Боту оставалось около половины морской мили до Голов. Два судна, шедшие с юга, были еще дальше. Галеры качались на бурных волнах, двигаясь наперерез боту, на пути к Скале Шэга. Три других вражеских судна набирали скорость.

— А как насчет того, чтобы пробраться вон там? — воскликнула Таллия, указывая на узкий проход между Северной Головой и Скалой, который теперь стал виден.

— Щель? Не при такой погоде. Это отсюда она кажется достаточно широкой. Если бы не волны и ветер, готовые разбить бот в щепки о Скалу, могли бы попытаться.

— Ты умеешь плавать, Лилиса, дорогая? — спросила Таллия, трогая девочку за плечо.

— Конечно. Папа меня научил, — ответила Лилиса, работая

здоровой рукой.

— Я могу держаться на плаву, — хмыкнул Оссейон. — Во всяком случае, на спокойной воде.

— А вот я совсем не умею плавать, — признался Пендер. Все в изумлении уставились на него. — Вот почему я такой хороший мореход.

Он оглянулся. Преследующие их галеры подошли уже достаточно близко, чернокулачники Иггура засыпали их стрелами. Тех, что были севернее, сносило к Скале. Пендер поймал взгляд Таллии.

— Риф у Северной Головы имеет два выступа, которые почти касаются Скалы, — сказал он, указывая в ту сторону. — Вон они, видишь? После первого — полоска чистой воды, в которой иногда бывает водоворот, за ней — второй выступ рифа. Канал в том месте шире, да! А дальше — лагуна, за ней — внешний риф. Канал там — просто узкая щель, уже бота, так что мы можем перебраться через внешний риф только на гребне волны. Это шанс, но нужно безукоризненно рассчитать время, да!

— А ты хорошо знаешь это место?

— Я, бывало, переплывал через Щель в молодости, из удальства. Правда, при такой погоде — никогда. — Он сделал паузу. — Да и на таком большом боте.

— Как же вышло, что ты, сызмальства возившийся с лодками, так и не научился плавать?

— Как-то не получилось. В воде меня всегда охватывала паника, когда меня пытались научить. Однако я пережил два кораблекрушения.

— И ты все-таки поведешь бот через Щель?

— Да, надеюсь, что нам повезет. В состоянии ли ты сделать так, чтобы волны стали меньше?

— Конечно нет! Но я бы могла на минуту создать подобную иллюзию или любую другую, чтобы сбить врагов с толку. Однако, как сказал Мендарк, чтобы создать иллюзию, надо находиться поблизости.

Галера позади них была теперь совсем близко. Положение было отчаянное.

Пендер взглянул на юг, прищурившись:

— Они мчатся с большой скоростью. Должно быть, за вас назначена высокая цена. — При этих словах он посмотрел на Мендарка.

— Высокая! — подтвердил Мендарк.

— Они потонут! — заявил Пендер.

Стоило ему только произнести эти слова, как первое судно, которое шло быстрее, накренилось, весла взмахнули в воздухе, и

оно замерло на воде. До них донеслись вопли. Вторая галера замедлила ход, обходя первую, затем продолжила свой путь.

— Нет, у них все в порядке. Смелый капитан и искусный. Смотри, теперь они вычерпывают воду. Я думал, мы могли бы проскочить, если бы были одни. Вот они снова пошли вперед.

— Никакого шанса вырваться в море?

— Нет. Теперь некуда идти. Другие растянулись, чтобы преградить нам путь на северо-запад, да и шанса там особенного для нас нет. Перед нами выбор: сдаться, идти на скалы или проплыть через Щель.

— Тогда Щель, — печально произнес Мендарк. Он взглянул на остальных и повторил: — Щель.

— Лилиса, — сказала Таллия, — ты можешь проплыть сто пядей?

— Конечно, — с гордостью ответила девочка. — Я привыкла купаться в море.

— А как твое плечо?

Рука Лилисы все еще была на перевязи.

— Оно больше не болит.

— Хорошо. Вот два телля. Спрячь их куда-нибудь. Я хочу, чтобы ты сейчас прыгнула в воду и поплыла к берегу. Вон к той маленькой бухточке…

Лилиса оттолкнула ее руку:

— Ты ведь меня не бросила… Я поплыву через Щель со всеми.

Они вернулись к своей работе, и все, кроме Пендера, так яростно вычерпывали воду, что ее уровень даже немного понизился.

Теперь, когда они были почти рядом со Щелью, Пендер показывал Таллии ее особенности:

— Скалу Шэга со всех сторон окружают утесы — кроме того места, где Щель. Смотри, вон внутренние рифы — там, где волны разбиваются о камни. Нам надо пройти вон там.

Он протянул руку, но все, что увидела Таллия в указанном направлении, — это огромную волну.

— Но ты же проведешь нас там, да? — тоненьким голоском проговорила Лилиса.

— Не знаю, смогу ли, дитя, — мрачно ответил он. — Через пять минут, быть может, все мы умрем.

Теперь они подходили к Щели, двигаясь прямо к судам, блокировавшим выход в открытое море. Галеры, преследовавшие их, были совсем близко.

— Пусть они думают, что мы совершим тот же маневр, что и прежде, — закричал Мендарк.

Что-то ударилось о мачту бота и, вздрогнув несколько раз, упало на днище. Это была длинная стрела. Несколько других прожужжало над головами, когда бот беглецов швырнуло вниз.

— Остановитесь, или вы будете убиты! — раздался крик у них за спинами.

17
Брошенное судно

Черпак стукнул о дно бота.

— Кончайте вычерпывать! — заорал Пендер. — Вниз!

Таллия затаила дыхание. Они были у самой Щели. Пендер вцепился в румпель.

— Держитесь крепче! — приказал он.

Команда принялась грести пуще прежнего, парус с треском наполнился ветром. Они подплывали к волнам, бьющимся о внутренний край скалистой площадки. Ближе, ближе. Лилиса вскрикнула. Сейчас их разобьет о скалы. Штормовой ветер сильно подтолкнул их сзади, и на очередной волне они влетели прямо в Щель.

Таллия напрягла сознание, выпуская на волю созданную иллюзию. Ей казалось, что ее голова сейчас разлетится на куски. Вдруг весь мир заволокло туманом, и бушующее море расплылось. Пендер дернулся, вид у него был безумный. Железные пальцы Таллии впились ему в руку.

— Оно такое, каким ты его *знаешь,* — сказала она ему на ухо.

Бот прошел совсем близко от утеса, и сильный ветер, хозяйничающий в Щели, гнал его все быстрее. Беглецам вслед неслась целая стая стрел, ударяясь о Скалу высоко над их головами. Таллия бросила взгляд через плечо. Галеры уже поворачивали в их направлении — они были на расстоянии менее ста пядей.

Бот приблизился к первому рифу, нырнул к подошве волны; справа от них возвышался утес, слева из белой пены вздымались черные скалы, похожие на зубы. Таллия упала на дно бота, и иллюзия на секунду потускнела — вокруг снова бушевали волны. Иллюзия восстановилась, когда бот завертело в водовороте, и волны тащили его в одну сторону, а прилив — в другую. Водоворот швырнул суденышко беглецов в сторону, накренив, и волна пронесла его мимо второго рифа в относительное спокойствие лагуны. Пендер со своей командой и пассажирами приближались к невидимой Щели внешнего рифа.

— Молитесь! — громовым голосом закричал Пендер. Позади них три галеры приближались к первому каналу. Две другие исчезли из виду.

— Пригнитесь, они стреляют! — воскликнул Оссейон, который снова вел наблюдение.

Беглецы пригнулись, и снова посыпался град стрел. Одна

попала в парус. Первая галера неприятеля попыталась пройти там, где благополучно пролетели они, но из-за большого размера судна команде пришлось идти дальше от утеса. Галера налетела на скрытые скалы, в воздух взметнулись весла и щепки, и вопящих моряков поглотило бурное море.

Иллюзия Таллии исчезла. Вторая галера, капитан которой рассчитывал обойти первую, также разбилась о риф: у нее отлетело днище. Она затонула в считанные секунды. Третья завертелась на веслах, отчаянно пытаясь избежать участи первых двух галер и отойти в сторону, но ветер, бушевавший в Щели, как в дымоходе, и прилив затащили ее в Щель боком. Нос врезался в утес, а корма — в риф, она раскололась пополам и исчезла под водой. Одинокое весло все кружилось в водовороте, потом утес заслонил эту сцену от глаз беглецов.

— Вон там, — закричал Пендер, — видите ее — это Щелка! — Это было то самое место, где он ребенком проводил свою шлюпку. Впереди вздымались большие волны. Бот подняло на гребень одной из них, потом он снова начал скользить вниз. Из воды показался внешний риф, бот несло прямо на него. Пендер возился с румпелем и снастями. Вдруг он закричал: — *О нет!*

Огромная волна с ревом накатила на риф, норовя швырнуть их вбок, прямо на скалу. Пендер рванул канат, выпуская немного ветра из паруса, и снова повернул румпель. Казалось, море засосет их, с обеих сторон возвышались скалы, бот начал снова подниматься — и вот они уже проскочили сквозь Щелку!

Но не совсем! С толчком, от которого все они повалились на дно бота, киль ударился о скалу. Древесина застонала. Бот завертелся на волне, нос обдало пеной. Бот неминуемо должен был пойти на дно, но тут нос подпрыгнул вверх, и ветер надул парус. Волны погнали бот вперед и вынесли его под укрытие Скалы Шэга.

Они медленно двинулись на север, вычерпывая изо всех сил воду.

— Это еще не все, — сказал Пендер, когда они снизили уровень воды в боте и сложили разбросанные вещи. — Думаю, мы потеряли часть киля, хотя в последний момент бот поднялся, и мы сохранили руль. Керт, возьми румпель — я взгляну на пробоину. Эй, ты, пойди сюда.

Моряк без имени, к которому Пендер обращался только «Эй, ты», склонился над трещиной в досках. Это был необычайно уродливый человек с пустой глазницей и обрубком уха. Он много смеялся, обнажая при этом большие желтые зубы, но никогда не говорил: у него был отрезан язык.

— Доски сильно потрескались, — сказал Пендер,

выпрямляясь. — Здесь я мало что могу с ними сделать. Но одну пробоину все же придется заштопать. Теперь мой бот будет называться «Хромой гусь», да!

Прихватив инструменты и горшочек со смолой, Пендер взялся за работу, и через полчаса ремонт был закончен. Стоило им выйти из-под защиты Скалы Шэга, они снова почувствовали сильный ветер. Пендер выпрямился и, вытерев руки, сказал:

— Так не пойдет. Нам нужно найти другой бот, и поскорее. Разумеется, за ваш счет.

— Конечно, — согласился Мендарк, слишком потрясенный, чтобы спорить. — Как ты думаешь, где его можно купить?

— Скорее всего в Ганпорте, а это больше сорока лиг отсюда. Теперь, когда «Гусь» еле тащится, на путь туда уйдет чуть не целый день, даже если будет попутный ветер. Беда в том, что он вряд ли туда дотянет.

— А что с ним такое? — заинтересовалась Лилиса.

— Мы слишком сильно ударялись. Каждый раз, как в борт ударяет волна… вот так — она еще немного расшатывает доски. Бедный старый «Гусь» разваливается на куски, дитя.

— Видимо, нам все-таки придется поплавать, — вмешался в беседу Оссейон.

— Но не так, как тем, что плыли за нами, надеюсь, — сказала Таллия. — На каждой из этих галер было по крайней мере с дюжину людей.

— Они все утопли? — спросила Лилиса.

— Утопли! — повторил Пендер, улыбаясь. — Вероятно, нет. Те, кого вынесло в лагуну, легко могли выбраться на площадку у Скалы. Да и помощь близко. Посмотрите, маяк снова сигналит!

— Они сигналят Иггуру, — сказал Мендарк. — Мы еще не в безопасности.

— Да, — согласился Пендер, — но у нас в запасе несколько часов.

— Ну, я немного вздремну, если пока не нужно вычерпывать воду, — сказала Таллия. — Я совсем не спала в прошлую ночь.

— Сейчас хватит и одного человека, — разрешил Пендер. — Пожалуй, поставлю большой парус. По крайней мере на маяке будут знать, что у нас все в порядке.

На воде, покрытой белыми барашками, не было видно других судов. Подул южный ветер, принеся мокрый снег. Бот скользил по волнам, и наконец огонек, все еще мигавший на башне, скрыла пелена снега. Тогда они снова заменили парус на меньший.

Пассажиры собрались под брезентом. Насквозь промокшие, они осматривали свои ушибы и порезы — теперь волнения остались позади.

— Мне жаль, что иллюзия не продлилась дольше, — сказала Таллия. — Я не смогла удержать ее. У меня раскалывалась голова.

— Тебе и не нужно было. Я не подумал, что из-за ширины галеры им будет трудно там пройти. Но я уверен, что ты спасла нас от первого залпа стрел. Нам повезло, что никто из наших преследователей не играл там в детстве.

— Повезло, — уныло согласилась Таллия.

Лилиса прижалась к ней плотнее.

— Я знала, что мы непременно пройдем, — сонным голосом произнесла Лилиса и уснула.

Таллии не спалось, и через несколько минут она уже была уверена, что так и не уснет. Пролежав несколько часов, она вылезла из-под брезентового навеса. Все остальные дремали, даже Мендарк.

— Мне нужно что-то делать? — обратилась она к Пендеру.

— Нечего делать, — ответил Пендер. — Только плыть и есть.

— Так давай поедим.

Они достали хлеб, сыр, солонину, острую горчицу и съели все это, запивая солоноватой водой из бочки. Снова шел дождь со снегом.

— Где мы сейчас? — спросила она.

— Мы сделали примерно тридцать морских миль. Или двенадцать лиг. Неплохо с половиной-то бота. Но нам еще предстоит немало пройти, да.

— Нас могут поймать?

— Быстроходный бот разве что.

— Как нам этого избежать?

— Пока они нас не увидят, будут считать, что мы далеко впереди. Они же не знают, что «Гусь» теперь хромой.

— Это не очень-то поможет, если они подкарауливают нас впереди, — донесся из-под брезента хриплый голос Мендарка.

— У нас снова набралось много воды, — заметил Пендер. — Надо вычерпывать двоим, — прокричал он тем, кто был на другом конце бота.

Туркадское Море растянулось в этой своей части на тридцать лиг в ширину. Пендер повернул к берегу, где ветер был слабее.

— Я пойду вычерпывать, — вызвалась Таллия, которой хотелось отвлечься. У нее начиналась морская болезнь. Пройдя на середину бота, она взяла ведро и принялась за работу.

Так проходили часы. Ветер стих. Пендер осмелел и поднял большой парус серого цвета, который сливался с дождем и свинцовым морем. На верхушку мачты уселась чайка и стала криками подзывать сородичей. Бот с трудом продвигался вперед.

— Далеко еще? — спросил Мендарк у Пендера в ту ночь. Теперь они вычерпывали воду по очереди, по три человека сразу, и еле успевали. Полная луна то выныривала из туч, то скрывалась за ними.

— Думаю, еще лиги три. Мы идем лучше, чем я рассчитывал.

Как раз в этот момент бот ударился обо что-то под водой, накренился, и через борт полилась вода.

— Что это? — закричала Лилиса, просыпаясь от толчка.

— Бревно, — ответил Пендер. — С ботом покончено! Попытаюсь вытащить его на скалы.

Он направил бот к угрюмому скалистому берегу, находившемуся в ста пядях.

— Нет, продолжайте вычерпывать, вы, дураки! — заорал он, когда все начали собирать вещи. — Они вам не пригодятся, если промокнут насквозь.

Наконец они причалили.

— Быстро вытаскивайте свои вещи! — закричал Пендер, пытаясь удержать бот в равновесии у берега с помощью весла.

Керт выпрыгнул из бота и рывком натянул носовой канат. Команда и пассажиры вскарабкались на скользкий сланцевый берег и, образовав цепочку, стали передавать вещи. Вскоре в боте не осталось ничего, за исключением двух очень тяжелых сундуков.

— Как ты собираешься переправить их в Ганпорт? — спросил Пендер.

— А как мы купим бот без состояния? — спросил в ответ Мендарк. — Выносите их на берег.

Между тем Пендер, взяв топор, быстрыми ударами срубил мачту.

— Тащите, — сказал он, и все дружно напряглись. Бот застрял, потом волны подняли его и медленно утянули за собой вниз. Фигура на носу исчезла под водой.

— «Танцующий гусь» умер, — печально произнес Пендер. — Он был у меня всего три дня.

Снова пошел дождь.

— Пожалуй, нам бы лучше подыскать место для лагеря, — предложил Оссейон.

Взобравшись на гору, они нашли защищенную площадку, которую не было видно с моря. Лилиса с Таллией собирали хворост для костра, Керт с немым поднимали наверх сундуки, а Мендарк, Оссейон и Пендер разбивали лагерь. У них не было палатки, но Пендер быстро соорудил ее из брезента и веревок, натянутых между деревьями. Наконец разгорелся костер, и они подбрасывали поленья до тех пор, пока он не запылал так ярко,

что даже Мендарк немного приободрился.

Таллия оглядела их маленькую группу: Лилиса, покрытая кровоподтеками, с рукой на перевязи; Оссейон с бинтами на пальцах, на которых выступила кровь; Мендарк с сильным порезом на лбу. И наконец, она сама — вся в синяках, с распухшим носом.

— Давайте поедим, — сказал Пендер. — Завтра может быть хуже.

18
Грязь и кровь

После обеда Мендарк с Таллией отошли от костра, чтобы составить план.

— Тебе с Пендером нужно идти в Ганпорт, — сказал он. — Выйдите до рассвета, и поторопитесь. Будете ли вы в городе уже вечером?

— Наверно, — ответила она. — Пендер сказал, до Ганпорта около трех лиг.

— Да, но это морем, а пешком гораздо дальше.

— И все же я думаю, это возможно. Однако далековато для Пендера.

— Ничего, если сильно захочет новый бот — справится, — возразил Мендарк. — А если нет, то найди в Ганпорте кого-нибудь другого.

— Мы туда дойдем, — пообещала Таллия. — Значит, ты остаешься здесь?

— Да, у меня все еще болит нога. А как твоя?

— Теперь почти не беспокоит, — правда, в последнее время я мало ходила.

— Нет никакого шанса, что ты вернешься завтра ночью? — Заметив ее удивленный взгляд он добавил: — Поздно?

— Вряд ли. Не проси невозможного, Мендарк.

— Хорошо. Мы выставим караул у лагеря сегодня ночью, и так будет каждую следующую ночь. Итак, вот условный сигнал…

Они договорились об этом и о других вопросах, потом Мендарк продолжил:

— Если ты не вернешься на третью ночь, я буду знать, что что-то случилось. Спрячу сундуки и пойду за тобой. Что еще? У тебя есть моя печать?

Таллия кивнула.

— Пользуйся ею осторожно, — посоветовал Мендарк. — А лучше вообще не пользуйся. Что касается бота. Убедись, что он прочный. Пендер захочет купить какое-нибудь старое корыто, чтобы перевозить грузы. Главное же, чтобы бот был прочный и быстроходный.

— Вряд ли там будет продаваться много ботов — даже в таком рыбацком городе, как Ганпорт.

— Если ты предложишь хорошую цену, то найдешь их в достаточном количестве. Большие деньги сваливаются на голову раз в жизни.

Таллия и Пендер отправились в путь еще до рассвета. Лилиса помахала им на прощание и с несчастным видом вернулась к костру.

— В чем дело, девочка? — без особого интереса осведомился Мендарк.

Она выпрямилась и вытерла слезы.

— Ни в чем, — ответила она и засопела носом.

— Хорошо! Пойди-ка принеси воды, мне бы надо выпить чашку горячего чарда. — Подойдя к костру, Мендарк стал греть руки: было ветрено и холодно.

Лилиса вылила остатки вчерашнего чая из котелка для воды и замерла в нерешительности.

— Ну, в чем теперь дело?

— Я не знаю, где вода.

— Так спроси у Оссейона — он приносил воду вечером. — Лилиса старалась избегать разговоров с Оссейоном: он внушал ей страх, когда она смотрела на его лицо со шрамом и руки с татуировкой. Но теперь он казался менее сердитым, чем Мендарк.

— Поторопись! — По утрам Мендарк бывал особенно раздражительным.

Она молча пошла к их импровизированной палатке и заглянула внутрь. Костер отбрасывал на палатку танцующие тени.

— Э-э… — произнесла Лилиса.

Оссейон не пошевелился, когда уходили Таллия с Пендером, но сейчас сидел, почесывая голову. Он улыбнулся.

— Мне нужно набрать воды, но я не знаю, где ее взять, — объяснила девочка.

— Я покажу. — Он протянул забинтованную руку за сапогом. — Ой! — закричал он вдруг, глядя на пальцы.

— Что случилось? — прошептала Лилиса.

— Такая боль! Помоги мне надеть сапоги.

Она была рада чем-нибудь заняться. Гигантские сапоги были влажные и тяжелые. Их было нелегко натянуть на огромные ноги. Оссейон поднялся. Лилиса доходила ему до пояса.

— Сюда. Я нашел воду совсем близко от моря.

Небо только начинало светлеть, а внизу, в лощине, было темно, хоть глаз выколи. Лилиса с Оссейоном нашли заводь у подножия крутого склона — сюда стекались ручейки со скал. Выше и ниже этой заводи были лужицы поменьше, в основном покрытые льдом.

Лилиса наполнила ведра, потом вымыла лицо и руки ледяной водой. Оссейон взял большие ведра и вместе с девочкой стал подниматься обратно в гору. Когда они добрались до лагеря, он

уселся и стал неловко снимать бинты с пальцев. Они распухли, а один, средний, был почти багровый.

Подошел Мендарк.

— Дело плохо, — сказал он после беглого осмотра. — Мне бы следовало этим заняться уже вчера. Хорошо бы, чтобы не стало хуже.

Таллия и Пендер быстро продвигались вперед, хотя тропинка была крутая и грязная. Пендер все время ныл о мозолях на своих ногах и о том, как глупо идти, когда можно плыть, а Таллия сносила все это со смирением и юмором.

Около полудня они остановились передохнуть. Несмотря на холод, Пендер был весь в поту.

— Ты станешь похож на свою тень, когда мы туда дойдем, — сказала Таллия со смешком. Она была бодра, хотя у нее все еще болела голова.

— Ничего, — хмыкнул он. — В Ганпорте полно местечек, где можно хорошо поесть.

— Откуда ты это знаешь?

— А ты разве ничего не слышала? — засмеялся он.

— Не слышала о чем?

— У меня было свое собственное суденышко, и я перевозил грузы по морю, да! А иногда доходил даже до Моря Туманов. — Пендер осушил свою кружку.

— Пошли, — сказала Таллия.

— Нажил много врагов. В основном в гильдии грузоперевозчиков в Туркаде и здесь. Там не любят, чтобы чужаки отнимали у них доходы, да! У меня были выправлены все бумаги, но мне доставались лишь те грузы, которые не брал никто другой. Вонючие шкуры; один раз — покойники; ядовитая ртуть; купоросное масло. Я не процветал, но выжил! Я был лучше многих, а стоил дешевле и иногда получал хорошие грузы — шерсть и масло. Один раз даже перевозил специи.

Пендер с Таллией поднимались по крутой тропинке, петлявшей среди поседевших сосен. Пендер тяжело дышал. Когда они добрались до вершины, он опустился на куб, вырезанный из камня.

— У меня болят ноги, — снова пожаловался он, снимая сапоги и разглядывая мозоли.

Таллия огляделась. Вокруг валялись еще каменные кубы, а за ними — сломанная колонна. Обломки придорожного храма или полустанок, построенный в более позднее время процветания.

— Тебе бы лучше их забинтовать, а то не сможешь идти, — посоветовала Таллия. — Почему бы нам не перекусить?

Она отрезала ломти хлеба, положила между ними куски солонины и сыра, сверху намазала горчицей и передала сандвич Пендеру.

— Как вчера, — заметила она.

Он очень быстро расправился со своим, потом посмотрел, нет ли еще. Она передала ему буханку.

— Я бывал в Ганпорте, — рассказывал Пендер. — Забирал груз, масло, с судна, которое стояло в доке, — ему чинили руль. Груз для моего лучшего клиента. В ту ночь я пошел в таверну выпить за удачу, а когда вернулся, обнаружил, что мой бот горит. За несколько минут от него ничего не осталось. Я знал, что это работа гильдии, но ничего не мог поделать. Владелец меня искал. Я сбежал и больше не возвращался. Кончил тем, что стал лодочником на Гарре, в этом вонючем Нарне, — опять-таки занимался тем, что не хотел делать никто другой. *Но больше никогда!* Я сделаю все, чтобы получить другое судно. *Все!* — повторил он, набивая рот остатками второго сандвича.

— Но конечно же, владелец мог получить деньги у маклеров!

— Вероятно. Но я не мог позволить себе подождать и увидеть, что случилось потом.

Они продолжили путь в молчании и в сумерках добрались до широкой реки Ганнел. Там они нашли хижину паромщика, который переправил их через реку. Через несколько часов они дошли до Ганпорта.

Когда они тащились по тускло освещенным улицам, Таллия размышляла. Мендарк просил ее присматривать за Пендером, но, с другой стороны, он не хотел раскрывать личность своего человека в Ганпорте перед кем бы то ни было.

— Почему бы тебе не пойти в район порта? — сказала она. — А я пока наведу справки в городе. Встретимся за ужином. Где ты предлагаешь поужинать?

Жалкая забегаловка «Четыре рыбки» стояла чуть дальше по улице. Другая, «Ганнел», не менее жалкая, — поблизости.

— Не здесь, — сразу же заявил Пендер. — Сюда ходят горожане. Ни один моряк сюда не пойдет. Еда никуда не годится, а если поздно — вообще ничего нет. Там, в порту, — он махнул рукой, — есть «Летучая рыба» — она была лучшей, и там всегда было открыто. Если повезет, встретимся там через пару часов.

Прихрамывая, он пошел в порт валкой походкой моряка. Накинув на голову капюшон, Таллия направилась в другую сторону заниматься своими делами.

В лагере следующее утро началось неспокойно. Лилису разбудил чей-то крик.

— Что такое? — спросила она, вскакивая и спотыкаясь обо что-то в темноте.

— Моя рука, — стонал от боли Оссейон. — Кажется, она сейчас лопнет. — Он, шатаясь, побрел к костру, срывая на ходу бинты.

Средний палец распух вдвое, кожа почернела и натянулась, как на барабане. Из палатки, потягиваясь, вышел Мендарк и, бросив на палец Оссейона взгляд, сказал:

— Его нужно отрезать.

— Нет! — в ужасе закричал Оссейон.

— Ну, давай же, Оссейон! Я помню тот день, когда ты возглавлял штурм стен Тарджидда, а когда битва была выиграна, ты пришел с обломком стрелы в плече и даже не заметил этого, у тебя было так много других ран, что ушло шесть часов на то, чтобы тебя заштопать.

— Я… ой!

— Сейчас — палец, а через два дня — рука, — сказал Мендарк с металлом в голосе. — Палец — это, в общем-то, ерунда, но рука… — Из-за паузы слова его прозвучали еще более зловеще. — С одной рукой ты мне ни к чему. Лилиса, разбуди остальных, чтобы они его подержали.

Она пошла в палатку. Там было пусто.

— Их нет! — закричала Лилиса. Мендарк ругался длинно и цветисто.

— Не при ребенке, — попросил Оссейон, глядя на свой палец.

— Лилиса, подержи его руку вот здесь. — Мендарк указал длинным ножом на полено, лежащее рядом с костром. Оссейон взгромоздил на это полено свою огромную ручищу.

Схватив его за запястье маленькими ручками, Лилиса навалилась всем телом. Мендарк вынул из огня нож, поморщился: рукоятка была горячей. Засунув нож обратно, порылся в кармане, выудил какую-то тряпку и снова выхватил нож. Лезвие сияло оранжевым блеском. Он долго держал его над пальцем несчастного, выбирая место.

— Давай скорее, черт тебя подери! — сдавленным голосом произнес Оссейон.

Лилиса словно завороженная не могла оторвать от полена взгляда полного ужаса. Нож взвился над пальцем, потом Мендарк изо всех сил ударил.

Оссейон взревел, и его рука сильно дернулась, отбросив Лилису на пядь. Оссейон приплясывал, тряся рукой.

Лилиса вернулась к костру. Оссейон показал ладонь Мендарку, и тот внимательно ее осмотрел. Палец был отрезан аккуратно, и опаленный обрубок почти не кровоточил.

— Думаю, мы спасли руку, — сказал Мендарк. — Пусть остается какое-то время не забинтованной. У меня нет ничего, чтобы облегчить боль, разве что кора ивы. Однако, думаю, это слишком слабое средство.

— Лучше бы то бренди, которое у тебя спрятано в сундуке, — ответил Оссейон, лицо у которого стало почти таким же бледным, как у Лилисы.

— Я приготовлю завтрак, — вызвалась Лилиса и принялась за дело.

— Вторая новость неутешительна, — заметил Мендарк, когда на коленях у них оказались тарелки с кашей, сдобренной медом, а рядом — кружки с горячим чардом.

Оссейон молчал. Он неуклюже ел, держа ложку рукой, на которой недоставало пальца. Иногда он вздрагивал, а как только доел кашу, взял свою кружку и ушел в палатку, чтобы улечься там.

Мендарк остался с Лилисой. Он пристально смотрел на нее, сидя по другую сторону костра, — на эту маленькую девчушку, худенькую, с серебристыми волосами и большими умными глазами. По-видимому, ему хотелось поговорить. Она подняла голову, поймала его взгляд и снова потупилась. Она не желала иметь с ним ничего общего. Мендарк был всесилен, а она — никто.

— Мрачные новости, — повторил он, откашлявшись. — Что же нам теперь делать? — Он не ожидал ответа, просто ему нужен был слушатель.

Она подняла три пальца и стала перечислять:

— Первое: спрятать золото. Второе: переместить лагерь. Третье: выставить караул на случай, если команда Пендера вернется. Четвертое, — подняла она еще один палец, замолчала, потом с испуганным видом продолжила: — Может быть, они идут в город, чтобы сообщить о Таллии врагам. Может быть, она в западне. Может быть, они придут сюда.

Ее слова произвели впечатление на Мендарка, однако он сказал:

— Нас всего трое, и все мы — несчастные калеки.

— Ты мансер, — сказала она посмелее. — Я могу быть проводником, и отлично умею прятаться, и… — Она резко остановилась. — Он большой и сильный, — указала она на палатку. — Мы не беспомощные.

Мендарк внимательно посмотрел на нее:

— Продолжай! Что еще ты умеешь хорошо делать и не хочешь говорить?

— Ничего. — Она рассказала, что в Туркаде ее пытались

обучить ремеслу карманного воришки, но, хотя пальцы у нее были ловкие, она не хотела этим заниматься. — Мой папа научил меня, что красть плохо.

— Обычно да, но не тогда, когда ты голодаешь. Или когда крадешь у врагов.

Она не ответила. Ей хотелось пойти к заводи, чтобы выкупаться и постирать одежду, которую она не снимала уже несколько дней.

Решив, что ей можно идти, Лилиса сказала:

— Мне нужно постирать. — Мендарк промолчал.

Взяв свой рюкзачок, Лилиса босиком спустилась с горы. На обратном пути она столкнулась с Оссейоном, стоявшим на высоком валуне и смотревшим на море. Два сундука были открыты, и Мендарк с трудом тащил в лесок две тяжеленные кожаные сумки. Она подошла помочь.

— Нет! — резко произнес Мендарк. — Я сам это сделаю. — Лилиса пожала плечами. Это его золото. Она заглянула в сундуки. Один уже был пустой; в другом осталось две-три сумки на дне. Она развесила свою выстиранную одежду на кустах и снова уселась у костра.

Накануне вечером Таллия ждала Пендера в «Летучей рыбе», но он не появился. Это не особенно огорчило ее. Она плотно поужинала жаренной на рашпере рыбой, посыпанной драгоценным перцем и политой лимонным соком, выпила полбокала посредственного желтого вина и легла спать. Спала она крепко и долго, а когда проснулась, голова уже не болела. Внизу она увидела Пендера, с затуманенным взором и налитыми кровью глазами — сказывалась ночь, проведенная в кабаках. Он поглощал обильный завтрак.

— Я поговорила с человеком Мендарка, — спокойно сказала Таллия. — Он со мной свяжется, если что-нибудь узнает про бот. Однако мы должны быть очень осторожны. У Иггура здесь шпионы, и один из его кораблей заходил сюда позапрошлой ночью, хотя и ненадолго.

— Да, я об этом тоже слышал. Но Иггура в городе не любят, и, думаю, наше золото лучше, чем его обещания или угрозы. Есть несколько судов, которые могут продать, но за них просят целое состояние.

— Какое примерно состояние?

— Много сотен.

— Что это за лодки?

— Первая — рыболовное судно, большое, но очень старое. Я знаю капитана. Он сломал ногу, когда грузил бочки месяца два

тому назад. Ему одному не справиться, а ни сын, ни дочери не питают любви к морю. Он хотел продать судно еще до войны, но он жадный.

— Насколько жадный?

— Семьсот. Слишком много за старый бот, даже в такие времена, как сейчас, потому что в древесине — жучок.

— А другое судно?

— Второе — это старое грузовое судно, похожее на то, что когда-то было у меня, только больше. Оно не быстроходное, но прочное. Может дойти куда угодно, даже до Крандора. — Глаза Таллии блеснули при этом слове.

— Почему его продают?

— Владелец был убит в Туркаде, когда началась война. Семье приходится его продавать.

— Хм-м. И оно тебе нравится, а?

— Да, хотя цена огромная — девятьсот пятьдесят. — Таллия задумчиво потерла подбородок. Ганпорт — это не Туркад, но тем не менее Пендер процветает за счет Мендарка.

— Дорогое и тихоходное. Это не то, что нам нужно. Что-нибудь еще?

— Ничего стоящего.

Таллия провела весь день в гостинице при кабаке «Летучая рыба», сидя у себя, а когда выходила, использовала небольшую иллюзию: становилась старше, ниже и обтрепаннее.

В ту ночь ее посетил человек Мендарка — высокий худой мужчина с черной бородой и очень волосатыми руками. На нем была просторная одежда темно-коричневого цвета, перехваченная кожаным ремнем; рукава закатаны до локтя.

— Я нашел то, что вам вполне подойдет, — сказал он, — если вы не побоитесь его купить. — Человек говорил тихо, хотя дверь была надежно закрыта. Он перегнулся через стол, сверкнув передним золотым зубом. — Это прочный, вместительный и быстроходный бот. И цена очень хорошая.

— А что с ним не так? — поинтересовалась Таллия.

— Его использовали для контрабанды… определенных масел и трав. Незаконные дела. Капитана и команду казнили, владельца исключили из гильдии грузоперевозчиков, а бот конфискован начальником таможни. Его название — в черных списках всех портов Мельдорина и даже за его пределами. В прежние времена бот сожгли бы.

— Звучит идеально.

— Неприятности будут всюду, куда бы вы ни направились. Задержки, отговорки, бесконечные допросы.

— Если оно доставит нас в Зиль, все остальное не имеет

значения. Кто его продает?

— Начальник гавани, от имени таможни.

— Тогда они могут выправить новые бумаги, чтобы свести до минимума неприятности. Когда я могу взглянуть на него?

— Утром. Пойдите в контору начальника гавани.

Когда вернулся Пендер и услышал новость, он был недоволен.

— «Черный опал»! Я все о нем знаю. Нет!

— Разве это не то, что нам нужно?

— Говорят, это чудесный бот, но будут такие неприятности, что оно того не стоит.

— Я собираюсь на него взглянуть утром, в семь.

— Тогда тебе бы лучше найти капитана и команду, — грубо сказал Пендер.

— Ты просто взгляни на него, Пендер.

— Ты можешь изменить название бота, но тебе никогда не избавиться от его репутации. В каждом порту, где вы остановитесь, вас будут задерживать, обыскивать, а может быть, даже продержат в караульном помещении — просто чтобы показать, что им не нравится ваш бот.

— Ну, тогда мы не будем останавливаться. Пойдем прямо в Зиль.

Пендер закатил глаза, словно восклицая: «Какой идиотизм!»

Несмотря на все уговоры, он стоял на своем.

— В таком случае тебе придется вернуть большую часть твоей платы, — холодно заметила она, отворачиваясь.

В ту ночь Таллия спала очень плохо.

Когда она направилась утром в порт, шел дождь и дул ветер. «Черный опал» был пришвартован у старого мола за таможней. Он был выкрашен черной краской, а отделан синим, красным и золотым. Переговорив с начальником гавани, Таллия взошла на борт. В это время появился Пендер, с покрасневшим лицом, запыхавшийся. Она махнула ему рукой, и он тоже поднялся на борт.

— Уж поскольку я здесь оказался, могу и взглянуть, — неискренним тоном заметил он.

Когда под непрекращающимся дождем они сошли на берег, по его глазам Таллия поняла, что «Черный опал» — очень хороший бот.

Таллия пошла в контору. Начальником гавани была миниатюрная смуглая женщина, черные волосы которой были гладко зачесаны назад и собраны в тугой узел на затылке.

— Цена — шестьсот теллей, — сказала она, открыв журнал и

сразу же закрыв, даже не посмотрев в него. — Она была установлена таможней, а у меня есть полномочия вести переговоры. Это справедливая цена, учитывая репутацию. Если бы не это, он бы стоил в два раза дороже. Вас он интересует? Должна предупредить, что представитель Иггура уже спрашивал о нем.

— Только спрашивал?

— Возможно, у него нет разрешения идти на такие расходы. Но, конечно, через несколько дней…

— Сколько времени уйдет на составление бумаг?

— Они могут быть готовы ближе к полудню. — Поблагодарив ее, Таллия вышла. Пендер мрачно сидел у входа в контору начальника гавани, глядя на дождь.

— Ты не хочешь его купить?

— Нет, хотя это и чудесный бот, который стоит все десять сотен. В любом случае у меня нет денег.

— Тогда предлагаю компромисс. Мендарк его купит, а ты поведешь в Зиль. После этого, если с ним будет слишком много хлопот, мы от него избавимся, и Мендарк понесет все расходы.

— А моя оплата?

— Она должна быть меньше, поскольку ты не владелец. Но ты уже столько для нас сделал и к тому же потерял бот. Оплата останется прежней. Ну что, годится?

Он с облегчением протянул руку. Они вошли в контору.

— Я беру его, — сказала Таллия.

— Какое ставить имя? — спросила женщина.

— Джэлис Бесун, из Туркада.

— У вас есть документы?

— В гостинице.

— Принесите их, когда придете подписывать бумаги.

— Хорошо, — ответила Таллия, с ужасом подумав, что документы придется подделать.

Таллия заплатила шестьсот теллей, и Пендер как бы ненароком бросил искоса взгляд, чтобы посмотреть, много ли денег в сумке. Получив квитанцию, она пообещала вернуться днем.

— А теперь, — сказала Таллия, когда они спускались по ступенькам, — закрась это название. Назовем его… назовем ее «Уличная девчонка». Это звучит более скромно. Купи краски, чтобы перекрасить его по пути. Сколько нужно времени, чтобы запасти все необходимое?

— Для поездки в Зиль?

— Да.

— На боте ничего нет: ни инструментов, ни канатов, ни припасов, ничего. Посмотри на паруса — они дырявые! Завтра

ночью, если очень повезет.

Таллия поджала губы:

— Так долго? Мендарк уже волнуется. Ладно, пусть будет завтра. Выйдем в сумерках.

Они шли обратно в гостиницу, как вдруг Таллия увидела знакомую фигуру, сворачивающую в переулок.

— Уж не Керт ли это?

— Фаш! — выругался Пендер и закричал: — Эй! — Голова повернулась, потом Керт бегом кинулся по переулку, и его и след простыл.

— Не нравится мне это! Кто твои люди, Пендер?

— Трудяги, но не такие уж честные. Доверяю ли я им? Ни в коем случае.

— Вероятно, они уже предупредили людей Иггура, — застонала Таллия.

— Нет, они бы не решились отказаться от золота, которое Мендарк перевозит в сундуках! Скорее они собирают банду головорезов, чтобы поплыть в лагерь и забрать золото.

— Мендарк сможет позаботиться о своем добре, — сказала она не очень уверенно. — Мне бы лучше вернуться.

— Ты не можешь уйти, пока не подписаны бумаги. В порту ты найдешь кого-нибудь, кто тебя отвезет, но цена…

— …будет высокой, — докончила она. — Встретимся в лагере завтра ночью, каково бы ни было положение с припасами для бота.

Вернувшись в гостиницу, Таллия провела несколько часов, подделывая документы. В них утверждалось, что она — Джэлис Бесун, в прошлом — из Крандора (ее акцент и внешность трудно было полностью замаскировать), и последние пять лет — купец в Туркаде, торгующий специями (она имела некоторое представление об этом) с разрешения Магистра. Наконец она положила документы в мешочек вместе с долькой чеснока и кусочком мускатного ореха.

Бумаги относительно бота еще не были готовы, когда она вернулась в контору, а когда все было закончено, подписано и скреплено печатью, уже смеркалось. Таллия давно должна была быть в порту и садиться в нанятый бот.

— Ваши документы, пожалуйста, — сказала начальник гавани.

Таллия передала их, и женщина долго и тщательно все проверяла. Нос ее сморщился, и она чихнула.

— Чеснок! — догадалась она. Потрогав черную восковую печать Магистра, она заметила: — У вас влиятельные друзья, —

потом кивнула и вернула документы. Затем без улыбки передала ей документы на бот и попрощалась.

Таллия забрала свой рюкзак из гостиницы. Ей хотелось бежать, но она боялась привлечь к себе внимание. Когда она добралась до порта, было уже темно.

Хозяин бота развел руками.

— Слишком поздно, — сказал он. — Здесь очень опасные отмели. Я не рискну выйти в море в такую темень.

«Отменяется!» Таллия была в бешенстве, она знала, что банда Керта уже в пути.

Она вернулась в гостиницу, но Пендера там не было. Что же ей делать? Мендарк далеко не беспомощен, но если банда нападет на него в темноте, то меткий удар прикончит его так же легко, как любого. И ей не добраться туда раньше утра, даже если она будет идти по тропинке всю ночь.

Наконец появился Пендер. Она отдала ему бумаги на бот и объяснила ситуацию.

— Ну, Керт — расхлябанный негодяй. Вряд ли он сможет отправиться в путь сегодня.

— Но утром…

— Давай-ка подождем до утра! Может быть, море будет слишком бурным, чтобы он смог отплыть завтра. Тут это часто бывает.

Ночью была буря, шел сильный дождь, неистовствовал ветер. На рассвете Таллия пошла в порт, но там никого не было, и на море были такие же большие волны, как накануне. Затем, когда она собралась было идти обратно, Таллия заметила какое-то движение на другом конце гавани. Скрыв лицо капюшоном, она направилась в ту сторону. Немного не дойдя, остановилась. Да, какой-то человек стоял между двумя ботами и смотрел на залив.

Взглянув на него, Таллия заметила, что человек наблюдает за группой людей, которые готовили маленький бот к отплытию. На боте взвился парус, были отданы швартовы, и он медленно отчалил.

Бот проплыл совсем близко. Таллия юркнула за лодку. Волосатый мужчина с грубым лицом заорал и ударил по голове парня, стоявшего у руля. Еще Таллия успела заметить Керта, тянувшего за канат, затем бот исчез за завесой тумана и дождя.

Человек, наблюдавший за этой сценой, повернулся и быстро прошел мимо лодки, за которой пряталась Таллия. Она не успела разглядеть его лицо. Незнакомец поднялся на борт одного из судов, пришвартованных у причала, с флагом флота Иггура. На берег сразу же спрыгнула какая-то женщина и помчалась в направлении ближайшей гостиницы.

Таллия бегом понеслась к «Летучей рыбе». Под проливным дождем это никому не бросилось в глаза. Когда она добежала до гостиницы, бедро заболело. Пендер уже ушел, и никто не знал куда. Она оставила ему записку и, теперь сильно напуганная, двигалась по раскисшей тропинке к лагерю — настолько быстро, насколько ей позволила нывшая нога.

19
Огонь на воде

Мендарк был уверен, что бот придет накануне ночью, и, когда этого не случилось, начал волноваться. Несколько раз далеко в море проплывали суда Иггура под флагом с черным кулаком.

— Их схватили, — сказал он.

— Дай им еще один день, — произнес Оссейон с еще более отсутствующим видом, чем обычно.

— Неужели сила Иггура распространилась так далеко за такое короткое время? — сокрушался Мендарк.

— Не много нужно силы, чтобы накинуть ей на голову мешок в темном переулке, — мрачно заметил Оссейон.

Лилису поразило, как быстро они сдались.

— Я буду караулить, — сказала она, глядя на их поникшие головы.

Она натянула подаренную ей Таллией накидку, поскольку моросил мелкий дождь, прихватила с собой кружку чарда и кусок сыра и спустилась с горы. Там она взобралась на высокий холм, где выходил на поверхность сланец, и уселась наверху. Отсюда ей было видно все, что происходило вокруг, и открывался вид на море, когда было ясно, как сейчас.

Она несколько часов просидела на своем наблюдательном пункте, глядя на отражения в воде и мелкую зыбь и следя за судами на море. Один раз совсем близко от их лагеря прошло рыбацкое судно, и Лилиса успокоилась, только когда увидела, что рыбаки занимались ловлей крабов или омаров, которых потом выпускали обратно. Затем бот направился на север и вскоре исчез. Лилиса стала жевать сыр. Было очень ветрено, но девочке было не холодно в чистой теплой одежде и сапогах. Она все еще не могла понять, как произошло это чудо.

Горький чард уже остыл. Впрочем, она терпеть не могла чард. Она выплеснула его, наблюдая, как струйка льется со скалы.

Мимо прошли другие суда, и последние лучи солнца высветили белые паруса. Потом свет начал угасать.

Внизу возникла темная тень.

— Лилиса, детка, где ты? — Это был Оссейон.

— Здесь, наверху!

— Я принес тебе поесть, а то прямо кости торчат. — Она спустилась с холма. Оссейон принес огромный сандвич: два толстых ломтя хлеба, обжаренных в жире, которые были проложены горячим маринованным мясом, луком и подтаявшим

сыром. Оссейон сел, прислонившись к холму, а Лилиса — рядом, на свою накидку и скрестила ноги.

— Ну и унылая мы парочка!

Она жевала сандвич, сказать ей было нечего.

— Что ты будешь делать, когда мы доберемся до Зиля? — поинтересовался он.

— Не знаю. А ты что собираешься там делать?

— Буду ждать, пока они поговорят с мудрецом, а потом, наверно, снова отправимся в путь. Я всего лишь солдат — и больше ни на что не гожусь.

Он умолк. Показался бот, медленно идущий со стороны Ганпорта.

— Что там происходит? — спросила Лилиса.

— Видимо, ищут нас.

— А это не может быть Таллия?

— Не думаю. Старый Пендер сразу бы узнал это место. Возможно, чернокулачники, — ответил Оссейон, — или этот негодяй Керт. Лучше беги и скажи Мендарку.

Откусив большой кусок сандвича, Лилиса стала взбираться наверх.

— Не спеши! — сказал он. — Даже если они найдут это место, у них уйдет не меньше получаса, чтобы сюда добраться. Я подежурю.

Она помчалась по тропинке. В лагере Мендарк что-то делал с одним из сундуков.

— Они идут! — закричала она с набитым ртом.

— Что?

— Оссейон считает, что это враги.

— Они высадились?

— Нет, пока что ищут место, где мы разбили лагерь. — Мендарк закончил то, чем занимался, и уселся у костра, явно не встревожившись. Лилиса побежала обратно.

— Что он сказал? — спросил Оссейон, не спуская глаз с моря.

— Он просто сел у костра.

— Не беспокойся, он свое дело знает.

— А я беспокоюсь. Где судно?

— Оно прошло мимо.

— Посмотри, что там такое?

— Где?

— Вон там, вдали!

— Острые у тебя глаза, девочка! Похоже, их преследуют. Но кто это — наш Пендер или враг? Бот очень маленький, — думаю, Пендер приплыл бы на большем. Ну ладно, ты тут последи, а я пойду переговорю со стариной Магистром.

Лилиса снова уселась на свой пост. Уже почти совсем стемнело. Снова взявшись за сандвич, она откусила огромный кусок. Мясо еще не остыло. Каким удовольствием стала теперь еда! Она доела сандвич. Стало совсем темно. Оссейон не возвращался. Что планирует Мендарк? Если бы только здесь была Таллия!

Таллии все еще оставалось несколько часов ходьбы до лагеря. Тропинка была скользкая, и местами небольшие оползни разрушили ее или завалили камнями и грязью.

Когда Таллия с трудом поднималась на последний склон, рана в бедре, полученная две недели тому назад, сильно болела. Путешествие оказалось гораздо более долгим, чем она рассчитывала: тропинка превратилась в трясину, а овраги, прежде сухие, были заполнены водой. Добравшись до вершины, она увидела вдали, на берегу, огонь. Похоже было, что горит бот. Конечно, это не Пендер. Хотя он уже мог сюда дойти. Ветер донес крики, затем все замерло.

Прихрамывая, она миновала горные заводи и лужицы, то и дело поскальзываясь. Она была совсем вымотана.

Наконец Таллия очутилась в лагере. Костер еще не потух. Палатка стояла нетронутая. Но в лагере никого не было. Осторожно обойдя лагерь вокруг, она вошла внутрь. В палатке не осталось ничего ценного. Сундуки исчезли. Она споткнулась о бревно, которое при ближайшем рассмотрении оказалось телом. Она перевернула его. Это был матрос без имени — немой.

Что-то лежало на земле возле костра: рюкзачок Лилисы! Вокруг были разбросаны ее одежда, мыло, гребень и другие вещи. Ничто не заставило бы девочку расстаться с рюкзачком. Собрав разбросанные вещи, Таллия привязала маленький рюкзак к своему, пытаясь восстановить события. Теперь уже сильно встревоженная, она направилась к воде.

У Пендера тоже был тяжелый день. На каждом шагу его что-нибудь задерживало. Купцы и корабельные плотники в Ганпорте были грубые и упрямые и привыкли все делать не спеша, им не нравилось, что их подгоняет какой-то толстый выскочка из Туркада (один раз ему так прямо и сказали). Было также очевидно, хотя об этом и не говорилось вслух, что проблемы возникли и из-за «Уличной девчонки».

Пендер дважды в ярости аннулировал заказ, так что к полудню все, что он получил, — это свежая еда, овощи и две бочки пресной воды. Не поступили ни консервы, ни запасной парус, ни бечева, ни брезент, ни бочонки со смолой… Список был бесконечен. Он не получил ни одного из множества необходимых

инструментов. И не было никакой надежды, что все это будет готово сегодня или хотя бы завтра.

С матросами тоже были проблемы: «Уличной девчонке» нужна была команда из шести человек. Наконец он нашел четверых, включая надежного моряка по имени Растибл, который с ним плавал несколько лет тому назад. Это был коренастый мужчина лет сорока, с загаром кирпичного цвета. Большую лысину обрамляли пушистые белокурые волосы, не вязавшиеся с его обликом.

Двух других матросов Пендеру рекомендовали, один был ему неизвестен. Нужны были еще двое.

Во второй половине дня Пендер вернулся в гостиницу, чтобы перекусить, и нашел записку Таллии. Запихнув в рот остаток рыбы, он сунул в карман кусок хлеба и побежал к боту. Растибл стоял на причале, размахивая руками, и кричал так, что с толстых губ слетали брызги слюны. Близнецы — мужчина и женщина — стояли рядом с подводой, груженной свернутыми парусами. Один был расстелен прямо на настиле причала.

— Посмотри на эту гадость, — орал Растибл. — Лжецы, мошенники, воры! — И он плюнул прямо на парус.

Он был старый, дырявый в нескольких местах, проеденный молью.

Женщина воздела руки.

— Этот дурак прислал не тот парус, — оправдывалась она. — Я его верну. Но другие хорошие.

Взобравшись на подводу, Пендер развернул еще один парус. Тот был не лучше.

— Не годятся, — отрезал он. — Заберите их!

— Мы работали целый день, — возразил мужчина.

— Ни к черту не годятся! — закричал Пендер. — Заказ аннулируется.

Он поманил Растибла, и они поднялись на борт «Уличной девчонки».

Ветер усиливался в течение дня, и начальник гавани не советовала выходить в море, но Пендер поднял якорь и отчалил от берега. На мелководье пришлось туго, но при таком боте особой опасности не было, и еще не взошла луна, когда они уже вышли в открытое море, направляясь на юг. К ночи ветер начал стихать.

Им еще оставалось пройти несколько лиг, когда Растибл воскликнул:

— Посмотри туда!

Что-то горело на берегу, и пламя было очень высокое — доходило до верхушек деревьев.

— Что там такое? — сказал Пендер. — Мне это совсем не нравится.

Он никак не мог понять, что происходит. Он знал, что горит там, где у него назначена встреча. Растибл вздрогнул.

— Может быть, нам лучше повернуть назад, — предложил он.

Пендер не был храбрецом, но он был честным человеком.

— Я сказал Таллии, что буду тут сегодня вечером, — значит, так и будет.

Наконец он справился с неблагоприятным ветром и течением и, проскочив мимо, медленно повернул обратно. Вышла луна. На берегу, выше на горе, ярко пылал костер в лагере. Сигнала не было. Теперь он не решился сам посигналить. Что случилось?

Пендер захотел пройти как можно ближе к берегу, словно это случайный бот, просто проплывающий мимо.

— Никакого сигнала, — пробормотал он. — Что произошло? Бедная маленькая Лилиса!

— Что ты собираешься делать? — спросил Растибл.

— Мы ничего не можем сделать — только быть наготове. Подождем неподалеку от берега. Я не рискну сразиться с бандой вооруженных головорезов.

В лагере напряжение нарастало. Лилиса вглядывалась в темноту с вершины своего холма, и ей было холодно, несмотря на то что она была тепло одета. Она ждала сигнала Пендера, но его все не было. Наконец ее сменил Оссейон. Боясь, что враги могут подкрасться в темноте, она сидела у костра, обняв свой драгоценный рюкзачок.

На тлеющих угольках закипел суп в котелке. Она налила себе кружку и ждала. На небе мигали звезды, и вспыхнула туманность Скорпиона. Пустая кружка выпала из рук на траву. Лилиса задремала.

Пришел Оссейон погреться у костра.

— Знака не было?

— Нет. Теперь, наверно, уже скоро.

Мендарк теребил бороду:

— Но кто доберется первым?

Оссейон вернулся на свой пост, прихватив кружку с супом.

— Девочка! — Кто-то сильно тряс ее за плечо. Лилиса заморгала, проснувшись. — Пора идти. Вставай! — Ее приподняли и поставили на ноги.

— Что? — Она последовала за Мендарком, и они укрылись за деревьями, откуда был хороший обзор лагеря. Присели на корточки. — Чего ты ждешь?

— Тсс! Мне нужно их *увидеть*.

— Оссейон идет?

— Ему нужно кое-что сделать.

Было тихо. Долгое время ничего не происходило. Лилиса хотела задать вопрос, но Мендарк больно ткнул ее в ребра.

Где-то залаяла дикая собака. Над деревьями сияла луна, освещая всю площадку лагеря: костер, палатку, два сундука. Возле сундуков лежал рюкзачок Лилисы: он упал, когда она заснула.

— Мой рюкзак! — прошептала она.

— Тихо!

— Но там же все…

Холодные пальцы зажали ей рот, и голос сердито сказал в ухо:

— Черт с ним, с твоим рюкзаком, *тихо!*

Лилиса подавила рыдание. С горы с шумом скатился камень, потом опять стало тихо. Вскоре показалась тень, которая замерла у лагеря. За этой тенью — другие.

Тени бесшумно крались к палатке. Один человек что-то прошипел, остальные подбежали к палатке. Торопливо посовещавшись, стали ее обыскивать. Двое других пытались открыть сундуки. Мендарк произнес что-то вполголоса, потом растворился в темноте. Один из мужчин схватил рюкзачок Лилисы и, вытряхнув содержимое на землю, порылся в ее вещах, затем отвернулся.

Два незваных гостя с трудом подняли сундук, и у него отломались ручки. Его пытались открыть с помощью ножа, но он не поддавался. Не удалось им открыть и второй сундук. Тогда кто-то срезал два молодых деревца, их связали и, сделав таким образом носилки, погрузили на них сундуки.

Как раз в этот момент до них донесся громкий вопль и вдали вспыхнуло пламя. Носильщики столкнулись и уронили сундуки, один из них вскрикнул. Появились еще какие-то тени, и началась схватка.

Прямо перед Лилисой, освещаемые луной, боролись две фигуры. Один человек был вооружен длинной дубиной, которой он парировал удары ножа. В то время как он бешено размахивал дубиной, его противник пригнулся и нанес удар. Должно быть, он ранил врага, так как тот издал вопль и стал трясти рукой. Потом повернулся и, согнувшись, побежал прямо к тем кустам, где пряталась Лилиса.

Она даже не успела увернуться, и раненый, споткнувшись об нее, рухнул на землю, потом пополз. Лилиса лежала ни жива ни мертва. Большая нога ступила совсем рядом с ее ухом. В лунном свете сверкнул нож в руке, потом человек исчез в зарослях.

Донесся шум драки и треск ломающихся веток.

— Девочка? — раздался шепот Мендарка откуда-то слева.

— Я здесь, — прошептала она в ответ.

— Пошли, это место опаснее, чем я думал.

Они, стараясь передвигаться неслышно, спустились с холма к лужицам и заводи. Несколько раз им приходилось прятаться в зарослях, когда шум приближался. Они взобрались на гору с другой стороны и стали ждать.

Оттуда Лилисе был виден подожженный бот. Затем по воздуху пролетел горящий факел и упал в меньший бот. Палуба ярко осветилась, потом факел выбросили за борт, и он погас в воде.

— Плохо, — заметил Мендарк, правда без особого сожаления.

Кто-то крикнул — очевидно, с бота, — и ему ответили с холма. Схватка наверху закончилась, потом тучи закрыли луну, и воцарилась тишина.

Они услышали знакомый басовитый смешок.

— Теперь мне лучше, — сказал Оссейон, обнаруживший их в темноте. — Четыре пальца не так уж бесполезны — сегодня Иггур недосчитается одного бота.

— Жаль, что не получилось со вторым, — заметил Мендарк.

— Да. Но пока меня искали, я перерезал фалинь.

— Это умно, — похвалила Лилиса. — Что нам теперь делать?

— Сидим тихо, — ответил Мендарк. — Как ты думаешь, что там у них? — поинтересовался он.

— Похоже, банда Керта одержала верх над чернокулачниками.

Каждый предавался собственным мыслям, пока снова не выглянула луна, ярко осветившая воду. И тут они увидели, что прямо под ними ветер гонит вдоль берега небольшое судно. Оно наткнулось на скалу, завертелось на месте и застряло как раз под ними — серебряное копье в лунном свете.

Мендарк выругался.

— Ты хочешь?.. — начал Оссейон.

— Нет, они тебя увидят и поймут, что мы прячемся поблизости.

— Бот как раз в том месте, куда должен подойти Пендер.

— Если он подойдет! — мрачно заметил Мендарк.

Тут заговорила Лилиса:

— Я могла бы прокрасться вниз и оттолкнуть его. Они меня не увидят. В Туркаде я…

— Нет! — сказал Оссейон.

Мендарк внимательно посмотрел на ее худенькое личико.

— Да, ступай! — согласился он. Оссейон тяжело вздохнул и

ударил себя изувеченным кулаком по колену.

Лилиса очень боялась, когда вылезла из кустов и ступила на площадку скалы. Тихий голос сказал ей вслед:

— Вот он! Беги, пока его не унесло течением.

Под прикрытием валунов она подобралась к суденышку. Лилиса опасалась, что оно крепко застряло, но оно сразу же поддалось, и она вошла за ним в воду. Вскоре воды ей было по грудь. Как холодно! Она поплыла. Ветер подталкивал лодку обратно к берегу. У Лилисы не хватало сил, чтобы вывести ее в залив, где ее подхватило бы течением. Она оглянулась. По скалистой площадке быстро шел какой-то высокий мужчина. Споткнувшись, он выругался.

Лилиса яростно толкнула ботик, он двинулся, но потом его стало медленно относить обратно. Теперь высокий человек был близко. Он вошел в воду, и его осветила луна. Это был худощавый человек с черной бородой.

Он протянул руки, но суденышко было слишком далеко. Как раз в этот момент Лилиса ощутила под ногами опору: это был большой камень. Она толкнула изо всех сил, лодка ускользнула от протянутых рук бородатого мужчины, и он упал в воду. Человек начал беспомощно барахтаться: вероятно, не умел плавать.

— Помогите! — завопил он.

Через несколько минут ему удалось выбраться на берег. К тому времени, когда подоспела помощь, течение уже понесло ботик к заливу. Второй человек сбросил одежду и сапоги и неуклюже поплыл к суденышку. Наконец он доплыл и забрался на корму, проклиная холод и ни на что не годных напарников.

Лилиса была в ужасе, но не сдавалась: она крепко вцепилась в веревку, не думая о том, как поплывет обратно, против течения. Зубы у нее стучали.

Вдруг грубая рука крепко схватила ее поднятую ручку. Ее легко вытащили из воды и швырнули на дно бота.

— Сто тут такое, ха! — произнес человек противным голосом; к тому же он шепелявил. Он засмеялся, обнажив темную пещеру, полную гнилых зубов. — Одна из маленьких крыс Мендарка. Скоро мы тобой займемся.

Выглянула луна. Лилиса отвела взгляд от его тела, покрытого густыми волосами. Ее сотрясала сильная дрожь. Человек вставил весла в уключины и принялся грести к берегу, ругаясь на чем свет стоит. Девочка пошевелилась, но грязная нога тут же наступила ей на лодыжку.

— Лези тихо, — прорычал он, — или я тебя пристукну! Больше никаких неприятностей сегодня.

Бот причалил к берегу. Кто-то схватил фалинь. Волосатый мужчина потащил Лилису через борт.

— Что это, ребенок? — воскликнул высокий, который перед этим упал в воду.

— Да, проклятая маленькая дрянь, — ответил волосатый. — Вот повеселимся попоззе! — Он связал Лилисе руки веревкой и так сильно толкнул, что она упала, оцарапавшись об острый камень. — Лези! И не севелись.

Лилису охватил ужас. Мендарк и Оссейон не знают, где она, и, наверно, Мендарку все равно. Эти головорезы (а она не сомневалась, что это не люди Иггура) могут с ней сделать все, что захотят.

— Скольких мы порешили? — спросил третий, появляясь из-за куста.

— Троих из сести или семи, — ответил шепелявый. Остальные все есе удирают сто есть мочи.

— Кого мы потеряли, кроме Бэна?

— Торкиля и есе того парня, который сгорел. Забыл его имя.

— Сейчас это не важно. Он хорошо изжарился, как жирный гусь. — Компания дружно загоготала, оценив шутку.

— Да, но Торкиль был холосий селовек. Холосий друг.

— Золото — лучший друг, а теперь наши доли удвоились.

20
На север

На следующий день после размолвки между хлюнами и тельтами Карана проснулась, чувствуя себя разбитой. Она почти не спала ночью, расстроившись, а когда наконец погрузилась в дрему, ее преследовали кошмары.

Погода была плохая. Было очень холодно, шел снег. Пятнышки на щупальцах жалили особенно сильно, а распухшие пальцы действовали на редкость неуклюже. Ноги тоже болели, и ужасно хотелось есть. От пэна у нее были спазмы в желудке, и она его почти не ела.

На пороге появилась группа хлюнов. У них был сердитый и решительный вид. Карана встала, сжимая в руке нож. Что-то подсказывало ей, что на этот раз победят хлюны. Тельты отложили инструменты, и Клаффера вышла вперед. Начался яростный спор. Карана еще не могла следить за их речью, когда говорили быстро, но было ясно, что больше ей не намерены предоставлять убежище. Несколько раз было упомянуто имя Иггура, и она сделала вывод, что ее выдадут ему.

Тельты, как и в прошлый раз, выстроились в цепочку, отгородив Карану от хлюнов, после чего главный хлюн щелкнул пальцами, и все они вытащили короткие ножи.

— Вы нарушаете договор, — четко произнесла Клаффера.

— Да, нарушим, — ответил хлюн, — если вы ее не выдадите.

У Караны слезы навернулись на глаза. Тельты такие бедные, но так преданы своей незваной гостье. Она не могла принять такую жертву.

— Нет! — сказала она. — Я ухожу.

Клаффера с несчастным видом покачала головой.

— Право гостя! — заявила Карана. — Ты не можешь меня остановить.

Что теперь с ней будет? Иггур — недобрый человек, он отомстит ей за кражу Зеркала, использует ее дар чувствительницы, а потом погубит. Ее жизнь кончена.

И вдруг за дверью раздался голос Шанда. Сердце Караны радостно забилось. Потом его голос потонул в кудахтанье хлюнов, и поднялся такой шум, что это походило на восстание в курятнике.

— Шанд! — крикнула она. — С тобой все в порядке? — Снаружи кто-то застонал. Карана была уверена, что его убили.

Шанд появился на пороге, запыхавшийся, с красным лицом,

но совершенно невредимый.

— Забирай ее и уходи! — закричал главный хлюн, и все хлюны потянулись к двери.

Тельты вернулись на свои места, но не возобновили работу. Шанд посмотрел на Карану, и его старое лицо сморщилось от улыбки. Когда он приблизился, улыбка исчезла, но дело было сделано. Теперь, когда опасность миновала, Карана была в ярости из-за того, что ее покинули, из-за перенесенного холода и ужаса, но больше всего из-за потери собственного достоинства: Шанд увидел ее полуголой, облепленной кусочками медуз.

— Ты сказал, что вернешься через несколько часов, — холодно произнесла она. — Это было пять дней тому назад.

— Я сделал для тебя все, что смог, — сказал он мягко. — Хлюны были к тебе добры. Они дали тебе возможность заработать еду честным путем. С тобой хорошо обращались и не заставляли трудиться больше, чем трудятся они сами. Они тебя прятали, потому что я их об этом просил, и защищали от Иггура, который за тобой охотится.

— Если бы не тельты, вчера меня бы ему выдали, — сказала она сердито.

— Я не знал, что дело зашло так далеко. Их собственное жалкое существование под угрозой. И однако, все это кончилось — мы сейчас покидаем Туркад.

— Покидаем? Каким образом?

Карана не знала, радоваться ей или пугаться. Предыдущий опыт общения с Шандом был ужасен. Она положила нож, вымылась морской водой, потом поклонилась тельтам и поблагодарила их за гостеприимство. Они улыбнулись ей. Клаффера добродушно рассмеялась и обняла ее. Тельты вернулись к своей работе в то время, как Карана вышла вслед за Шандом.

— За последнюю неделю много чего случилось, — сказал он. — Я должен тебе кое-что объяснить. — Теперь он был совсем не похож на того беспокойного старика, каким был прежде. Что заставило его так сильно измениться? — Крепость пала примерно тогда, когда я тебя здесь оставил. К несчастью для нас, Мендарк тоже спрятался в портовом городе, и это все изменило. Все пути, ведущие в портовый город, перекрыли люди Иггура. Я пошел искать бот, а потом не смог попасть обратно. Прости! Ну, идем же.

— Я никуда не могу пойти в таком виде.

— У меня есть для тебя одежда, — весело сообщил Шанд. — И сапоги, и все остальное, что может тебе понадобиться.

Вскоре они добрались до маленького заброшенного пакгауза,

и Шанд отдал ей новый рюкзак.

— Тут все, что тебе нужно. Собирайся, бот придет, как только стемнеет. — Он зажег свечу и удалился.

Ожидая, что там окажется какое-то барахло не ее размера, Карана вынула вещи из рюкзака. Но Шанд прекрасно справился: тут было почти все, чего она могла пожелать. Она нашла несколько пар свободных штанов — такие, как она любила, — толстые шерстяные носки, две пары сапог, рубашки, длинную куртку с капюшоном на шерстяной подкладке, шелковое белье, нож, кружку, тарелку, миску, мыло.

Карана быстро оделась в самое теплое. Ощущение было чудесное. Повесив набедренную повязку на гвоздь, торчавший в стене, взяла рюкзак и вышла. Смеркалось. С юга дул сильный ветер, волны набегали на пирс. Внизу ждал небольшой бот, покрашенный в темный цвет, с синим парусом. Шанд уже был там.

Карана долго стояла на лестнице, не спускаясь. Она размышляла, что делать. Ветер трепал черные локоны у нее на затылке. Ей не стоит ехать с Шандом. Она слабая, больная, ее преследуют, и у нее нет денег! Да, но все это бывало и прежде. Она могла бы найти свой собственный путь, если бы в этом была необходимость. Все, что ей надо, — немного наличных.

— Давай же! — крикнул Шанд. — Тут не место раздумывать.

Она уже хотела дать сердитый ответ, как вдруг из бота донесся знакомый голос:

— Ну, иди же, быстро! Тебя ищут по всему порту, да! Это напомнило ей об отъезде из Нарна и бегстве из Сета.

— Ты привез меня сюда, — обратилась она к обладателю знакомого голоса. — Ты говорил, здесь безопасно.

— *«Хорошее место, чтобы спрятаться»,* — говорил я. — Но теперь тут иначе, да! Так что я увезу тебя снова, в место получше.

— Подальше от Туркада?

— Да.

Карана решилась. Неизвестное было предпочтительнее, чем известное. В любом месте будет лучше, чем в Туркаде. Она забралась в бот, и они заскользили в темноте.

Бот увозил их из Туркада. Как только они вышли в море, Шанд зажег фонарь. У руля сидел знакомый Караны — старый лодочник. Она была рада его видеть.

— Пендер, — сказала она, целуя его небритые щеки. — Ты — первый друг, которого я вижу за долгое время.

Пендер поежился, но улыбнулся. Карана была к нему добра, и он по-своему к ней привязался. Он дипломатично воздержался от

ответа и лишь спросил:

— Что случилось с твоими волосами?

Карана нахмурилась и ткнула пальцем в Шанда.

— Куда мы плывем? — спросила она.

— Я могу идти с вами вдоль берега, — ответил Пендер, — но только до утра, потому что завтра должен вернуться. У меня есть еще один клиент. И не предлагайте мне деньги, да! Это ничего не изменит: я должен вернуться.

— У меня и нет денег, — сказала Карана. — Ни единого гринта. — Она повернулась к Шанду. — Ты захватил что-нибудь поесть *в этот раз?*

Шанд улыбнулся:

— Пендер захватил. На него всегда можно положиться. — Он вытащил из-под сиденья огромный мешок.

— *Лучше всего обедать за столом толстого человека,* — с почтением заметила Карана, протягивая руку к мешку. — Однако у тебя новый бот, Пендер.

Шанд отодвинул мешок подальше от Караны и, порывшись в нем, вытащил сушеные фрукты.

— Поешь немножко, не все сразу — пока не привыкнешь.

— Тот был речной, — ответил Пендер. — Для Туркадского Моря мне нужен был более крупный и прочный. И вот он — «Танцующий гусь».

Злобно взглянув на Шанда, так что старик даже отшатнулся, Карана вырвала у него мешок и вытряхнула содержимое на дно бота.

— Что ты ел последнюю неделю? — холодно осведомилась она. — Ну, а я ела медуз. *Медуз!*

— Ты ела *пидгон!* — воскликнул изумленный Пендер. — Неудивительно, что ты тощая, как селедка.

Карана ела целый час: хлеб и сыр, лук и копченое мясо, пикули и сушеные фрукты, грибы и орехи, печенье, сырые овощи и фрукты всех сортов, какие только нашлись в окрестностях Туркада. Даже Пендер смотрел на нее с изумлением и восхищением. Она не притронулась лишь к фляжке со сладким вином.

— Я не готова к этому, — пояснила она, отставив фляжку, потом улеглась, прикрыв глаза. — Твоя жена и дети все еще в Сете? — сонным голосом спросила она у Пендера спустя некоторое время.

Это был личный вопрос, но он все же ответил:

— Да, я получил весточку всего дня два тому назад. Они в безопасности, живут в доме Дирхана. Он — ее старый *друг.* — Сделав ударение на последнем слове, он дал понять, что больше

не нужно ничего спрашивать. И тут Карана вспомнила, какие отношения были у Пендера с женой.

Застегнув куртку, девушка надела капюшон и, уютно примостившись на свернутом парусе, удовлетворенно вздохнула. Глаза ее закрылись. Будущее и даже завтрашний день неизвестны, но ей было все равно. Ее вера в Пендера изумила бы его самого.

Бот мчался вперед под звездным небом. Шанд сгорбился, погруженный в свои мысли. Пендер сидел прямо, держа руку на руле. Так прошла ночь. Пару раз они видели вдали белые паруса, но никто их не остановил.

Дул сильный ветер, и они плыли по Туркадскому Морю около девяти часов и еще до рассвета миновали устье большой реки, где, судя по огням, располагался город. Берег здесь порос лесом. Спустя час или два Пендер, резко свернув влево, подвел бот к скалистой площадке в форме согнутого пальца, на которую накатывали волны, а затем — в защищенную крошечную бухточку, где пристал к каменистому берегу.

— Быстро ты нас сюда привез, — сказал Шанд. — Это устье Труа, не так ли?

— Да, дошли быстрее, чем я ожидал, — согласился Пендер. — Это северная часть Эллюдорского леса. Вам предстоит нелегкий поход в ближайшую неделю. — Он передал Шанду их вещи и повернулся к своему парусу. — Прощайте!

— Пендер! — закричала Карана, и он оторвался от своего занятия. — Ты ничего не слышал о Лиане?

Он пробормотал что-то нечленораздельное и сплюнул за борт. Карана ждала, с тревогой глядя на него. Наконец он заговорил ворчливым тоном:

— Ни слова. Куда бы он ни отправился, он не поплыл на боте. — Пендер сделал знак Шанду, тот подтолкнул бот. Пендер взялся за весла и вывел его туда, где было поглубже. Затем он поднял парус, и судно уплыло.

— До свидания! — прокричали они ему вслед. Гравий скрипел под сапогами. Шанд взвалил рюкзак Каране на спину. Он оказался очень тяжелым, хотя там была лишь ее одежда и бутылка с водой. Девушка хорошо выспалась, пока плыли, и теперь ощущала свежесть и энергию. Ветер и соленые брызги, летевшие в лицо, подбадривали ее, но ноги были слабые.

— Понятия не имею, куда мы идем и зачем, но давай пойдем, — сказала Карана.

— Мы направляемся на север, — ответил Шанд. — Подальше от войны. Ах, как хорошо выбраться из Туркада!

— Я тоже так думаю. Да я никогда и не хотела туда идти.

Глаза у Шанда блеснули, и он направился в лес. Небо начало

светлеть — похоже было, что день будет ясный и ветреный.

— Кто такие тельты, Шанд? — задала Карана вопрос, который занимал ее много дней.

— Это любопытная история, — отозвался он, прокладывая путь между деревьями. — Когда-то давно они жили на болотах и в лесах вокруг залива — в хижинах на сваях. Но когда Туркад разросся — болота осушили, а леса вырубили. Тельты медленно вымирали от нужды, потому что были робкими и не могли справиться с ситуацией. Хлюны, раса торговцев, предложила им жилье — там, где не захотел бы жить никто другой — на причалах, в обмен на пожизненный договор. У каждого ребенка десяти лет есть выбор: он может нарушить договор. Но не многие на это решаются, так как им некуда идти и они не могут жить в одиночку. Тельты не любят хлюнов, но они нужны друг другу.

Карана вслед за Шандом медленно шла в гору, где росли хилые деревца, искривленные ветром. К тому моменту, когда взошло солнце, они оказались на голой вершине, откуда открывался вид на все побережье.

— Привал! — Карана, запыхавшись, опустилась на четвереньки.

Большой рюкзак придавал ей сходство с черепахой. Шанд снял с нее рюкзак.

— Здесь мы передохнем. Подъем был крутой.

— Слишком крутой для моих несчастных ног, — сказала она, растирая лодыжки. — Что это там, внизу?

— Это устье реки Труа.

Карана огляделась. Лес за рекой тянулся, исчезая из виду. На север уходил холмистый, малопривлекательный путь, которым им предстояло идти. На востоке — Туркадское Море, все в белых барашках. С южной стороны — холодное, скрытое пеленой Море Туманов, или Карама Малама. Оно внутреннее, как и Туркадское Море, отделяющее остров Мельдорин от континента Лауралин.

Карана знала, что еще западнее шла непрерывная цепочка гор, окружавших Игадор и ее любимую родину — Баннадор.

Несколько парусов на море да дымок поблизости от городка Труа-он-Си — вот и все признаки человеческого существования.

— Что теперь? — спросила Карана.

— Завтрак, если он в тебя влезет, потом будем идти до тех пор, пока ты не устанешь. Там, наверху, должна быть тропинка. Мы пойдем по ней на север вдоль побережья.

— А патрули будут?

— Возможно, хотя тут живет мало народу — всего несколько охотников и пастухов. Земля слишком бедна для земледелия. Думаю, тут мы в относительной безопасности.

Карана подумала о своем отце, убитом в горах за Готримом из-за нескольких монет, и вздрогнула. Ей вспомнился кошмар: сон о том, что за ней наблюдают гаршарды, собравшиеся в круг. Это заставило ее содрогнуться, хотя она не совсем осознавала почему. Она нашла в рюкзаке нож, попробовала пальцем острие, повесила шнурок ножен себе на шею и спрятала под рубаху.

Шанд принялся собирать хворост для костра.

— А как насчет Лиана, Шанд? Тебе удалось что-нибудь узнать о нем?

— Ходили слухи, что он ушел с Тензором.

— *Ушел* с Тензором, — повторила она. — *Ушел!* — Само слово или ударение, которое сделал на нем Шанд, разъярило ее. — Нет, я никогда в это не поверю. Его могли увести, но по своей воле он бы никогда не ушел. — После долгой паузы она тихо произнесла: — Зачем ему было уходить?

— Мендарк сказал, что его увел Тензор, — кротко произнес Шанд. — А уж по своей воле или нет — неизвестно.

— Минуту назад ты колебался. У тебя какое-то тайное подозрение относительно Лиана?

— Нет. Больше нет. И все же… Нет, ничего.

— Я должна знать, если у тебя есть что-то против него. *Должна* знать.

— В Туллине я был обеспокоен. А теперь его уход с Тензором… Но почему ты так волнуешься?

— Мы долго путешествовали вместе и много вынесли. Я тебе уже говорила. Естественно, мне хочется знать, что с ним случилось.

Лиан был летописцем, его заворожили события, разворачивающиеся вокруг Зеркала, поскольку он мечтал написать новое Великое Сказание, «Сказание о Зеркале». Теперь Шанд возбудил в Каране мерзкое подозрение: что Лиан пошел с Тензором по своей воле, чтобы проследить за развитием событий.

— Но ты тоже в нем сомневаешься? — спросил Шанд.

— *Нет!* Лиан — мой друг. — «Я верна своим друзьям, — подумала она, отбросив подозрение. — Я не выбалтываю их секреты всему миру. Я скрытная. Я бы никогда не рассказала их незнакомцу — особенно такому странному, как ты». — Мой *самый* дорогой друг, — проговорила она, выделив слово «самый», чтобы не оставалось ни малейшего сомнения относительно того смысла, который она в него вкладывает. — Почти что мой возлюбленный. А такое не забывается.

21
Необыкновенная ванна

Час спустя, сытно поев горячей каши, сдобренной изюмом, медом и маслом, они продолжили свой путь в гору. На такой крутой тропинке Карана вынуждена была каждые несколько минут останавливаться. Через два часа они неожиданно наткнулись на широкую протоптанную тропу, которая вилась вокруг склона.

Когда они вышли из-под деревьев, Карана заметила, что поднялся ветер и море покрыто рябью. Начался мокрый снег, от которого кололо лицо.

— Станет еще хуже, — оказал Шанд, глядя в сторону Туркада. — Я рад, что мы сейчас не в море.

— Надеюсь, Пендер благополучно доберется, — пробормотала Карана.

В середине дня Шанд замедлил шаг. Карана еле ковыляла за ним.

— На сегодня достаточно. Давай найдем место для лагеря.

Почва была каменистая, а в стороне от тропинки было множество глубоких оврагов, над которыми возвышался склон горы. Шанд указал на него:

— Думаю, за этим гребнем — там нас не будет видно с дороги. Ты сможешь туда дойти?

Карана прислонилась к дереву, растирая щеку холодными пальцами. Она кивнула, слишком уставшая, чтобы говорить. На вершине гору разделял неглубокий овраг.

— Смотри! — сказал Шанд, глядя на зеленую лужайку у подножия серой скалы. — Ручеек. Мы разобьем лагерь за горой, не на виду.

Дно оврага было покрыто грязью, но ручей был чистый, и они наполнили бутылки и вымыли лицо и руки перед тем, как сделать последние шаги, остававшиеся до вершины второй скалы. Плоский участок земли, покрытый жесткой травой и острыми камнями и защищенный маленькими деревьями, походившими на зонтик, манил их остаться. Карана шлепнулась на землю, растирая ноги, в то время как Шанд занялся костром.

— Ноги меня больше не держат, — заявила Карана. — Прости, но я должна передохнуть.

— Конечно, а то завтра от тебя не будет никакого проку. К тому же я провел большую часть жизни в пути, и мне не составляет труда все сделать самому. Что один человек, что двое

— тут никакой разницы.

И тем не менее Карана скоро поднялась и пошла собирать хворост, а потом принесла полный горшок воды из ручья. Шанда поразила разница между ней и Лианом, который даже в лучшие времена был добродушным бездельником, отлынивающим от работы. Что она в нем нашла? Но потом Шанд напомнил себе, что у Лиана есть одно замечательное качество.

Костер весело запылал, и Шанд пошел ставить палатку.

Карана подтащила к костру два полена и уселась поближе к огню. Вскоре она задремала. Через некоторое время жаркое, которое помешивал Шанд, было готово.

— Обедать! — громко сказал он, потирая руки. Карана протянула свою миску, и старик наполнил ее до краев горячим густым пряным жарким. Она не произнесла ни слова, пока не прикончила вторую порцию, начисто вытерев миску кусочками, отломанными от краюхи хлеба. За жарким последовал какой-то густой сладкий напиток желтого цвета, отдававший чесноком и ванилью.

— Что это такое? — поинтересовалась Карана.

— Это называется мил. Его пьют на востоке, где я жил в молодости. То, что нужно, когда холодно и ты устал. Правда, с непривычки от этого напитка хочется спать.

Карана выпила мил, затем, подогрев воды в самом большом горшке, попыталась отмыть голову. Однако вода, которую она яростно выплеснула, была серой, а волосы так и остались черными.

— Надо подождать, — сказал Шанд. — В конце концов они отрастут. Я сделал это, чтобы спасти тебе жизнь.

— Я очень устала. — Не глядя на Шанда, Карана обошла костер и, забравшись в палатку, проспала всю ночь.

Шанд допоздна засиделся у костра, попивая мил и желтое вино из меха, которое отказалась пить Карана. Он размышлял, глядя на звезды, но был начеку. Пару раз он сходил в лес, прислушиваясь, нет ли каких-нибудь подозрительных звуков. Хотя эти края и были малонаселенными, он знал, что, находясь в пути, никогда не бываешь в полной безопасности. После полуночи он завернулся в одеяло и вздремнул, пробудившись как раз перед рассветом.

Утром он уже был на ногах и варил кашу, когда появилась Карана. Запах каши выманил ее из палатки, и она стояла босиком, в одной рубашке, протирая глаза. Погода была плохая, как накануне: было ветрено, шел дождь со снегом. Карана тупо смотрела на Шанда, словно не зная, кто он такой и что тут делает.

— Доброе утро… — неуверенно произнесла она, силясь вспомнить его имя. Она часто просыпалась в таком состоянии после Тайного Совета. Наморщив лоб, она наконец-то припомнила: —… Шанд!

Карана спустилась со скалы к ручью, чтобы умыться. Ее не было всего десять минут, но вернулась она прежней. Она приблизилась к костру со своей миской и ложкой и бодро поприветствовала Шанда.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он.

— Лучше, хотя ноги еще болят.

— Сегодня мы пойдем медленно. И прости меня за твои волосы.

Карана тряхнула головой:

— Возможно, мне кажется, но черный цвет как будто начинает блекнуть. Ради Бога, чем это ты их покрасил?

Старик засмеялся:

— Краской, сделанной из корня мирта. Но краска не схватилась с первого раза, и я выкрасил снова, добавив туши. Каким дураком я выглядел, занимаясь этим, когда ты лежала как мертвая. Во всяком случае, это сработало. С рыжими волосами тебя никогда бы не выпустили из Туркада.

Сегодня Карана чувствовала себя более сильной и не собиралась просить о передышке до середины дня. Когда они смотрели на море с высокого обрыва, Карана вдруг замерла.

— В чем дело? — спросил Шанд.

— Какой-то бот подошел к тому берегу, где мы вчера высадились.

— Это хорошее место, чтобы пристать к берегу.

— На нем флаг Иггура, — с тревогой произнесла Карана. — Не мог он проследить наш путь по морю?

— Я слышал, ты хорошо разбираешься в таких делах. Но мне думается, что при такой погоде — вряд ли.

— Я ничего не знаю о гадании с помощью магического кристалла, — резко сказала она. — Это один из видов Тайного Искусства.

— Ну, не уверен, что с его помощью Иггуру стало известно, где именно мы высадились.

«Конечно, он прав», — убеждала себя Карана, но ей было трудно отделаться от ощущения, что их преследуют, и несколько дней она не могла расслабиться.

Они снова закончили свой путь в середине дня и устроили привал. На этот раз она не так устала и немного посидела у костра в сумерках. Шанд ловил на себе ее испытующий взгляд. Наконец девушка заговорила:

— Почему ты помогаешь мне? Чего ты от меня хочешь?

— У меня есть на то причины, но сейчас я не расположен их обсуждать. Положим, я это делаю потому, что тебя разыскивает Иггур, а мне не хочется, чтобы он тебя схватил.

На следующий день они продолжили свой путь. У Караны был чрезмерный аппетит. Когда она доедала третью миску каши, Шанд рассмеялся:

— Остановись! Если ты будешь продолжать в том же духе, у нас закончится еда задолго до того, как мы доберемся до Ганпорта. А в этих безлюдных местах ничего не купить.

— Вон там много еды, — холодно ответила девушка, указывая на море, которое было совсем рядом: в то утро Шанд покинул основную протоптанную тропу в горах и вел ее по заросшей тропинке, которая бежала вдоль берега. Так было дольше, но идти по ней было легче.

За ночь погода ухудшилась: с моря подул ледяной ветер. Когда путники сделали передышку и Карана сидела, растирая ноющие ноги, она вдруг воскликнула:

— Это не бот Пендера, вон там?

Какое-то судно с маленьким темным парусом шло на север, медленно продвигаясь неподалеку от берега. Шанд напряженно всматривался в даль:

— Может быть. Не могу точно сказать.

— Я уверена, что это он. Интересно, что он тут опять делает?

Шанду не захотелось просвещать Карану на этот счет.

— Что касается Пендера, тебе лучше ничего не знать. Сейчас у него опасный способ зарабатывать на пропитание.

— Я знаю. Море — его жизнь, и он жаден до золота, чтобы вернуть себе море. А почему бы и нет?

— Он получит желаемое довольно скоро, если еще продлится эта война. Хороший моряк может запрашивать сколько захочет.

Поскольку запасы иссякали быстрее, чем рассчитывал Шанд, в тот день они собрали много креветок, устриц и водорослей и сделали из них густую похлебку, добавив туда вина и дикого чеснока, который Карана нашла неподалеку от тропинки. В то время как готовился обед, она спустилась к морю и поплавала в холодной воде. Вышла она вся синяя, сильно дрожа.

Шанд накинул ей на плечи одеяло и передал миску с похлебкой.

Ночь была очень холодная, но Карана этого не замечала: ей было тепло и уютно в ее одеялах. Ветер всю ночь рвал палатку, засыпая ее песком и листьями.

Каждое утро или каждый вечер Карана плавала в холодном

море, заплывая все дальше, и однажды заплыла так далеко, что Шанд потерял из виду ее темную головку в серой воде. Через десять минут она не появилась, и Шанд уже хотел было сбросить одежду и нырнуть в воду, как вдруг увидел ее, безмятежно плывущую к берегу.

Шанд накинул на нее свой плащ. Взглянув на его озабоченное лицо, она сказала:

— Я люблю плавать. Я чувствую, как вода смывает все прошлое, обновляя меня.

На девятый день их путешествия они добрались до реки Ганнел, представляющей собой огромный коричневый поток. К тому времени Карана съела всю еду и полностью восстановилась физически. Теперь они проходили до четырех лиг в день, что было очень много при такой ветреной погоде и гористой местности. К тому же они делали остановки еще до наступления темноты, чтобы ловить рыбу и собирать моллюсков. За все эти дни Шанд и Карана почти не разговаривали, и что бы они ни думали друг о друге — они держали это при себе.

Ганнел разлился от зимних дождей, и течение тут было слишком сильное, чтобы переправиться через него вплавь, но Шанд знал одну деревушку на берегу, где можно было нанять паром. Через несколько часов они нашли эту жалкую деревушку с несколькими хижинами, которые зимой стояли в грязи, а летом — в пыли. Шанд с Караной съели там по миске разваренной лапши.

Шанд нашел маленького человечка с головой лысой, как колено, который молча повел их к лодке и перевез на другой берег. Сойдя на землю, Шанд вложил медную монету в руку старика. Тот кивнул и молча поплыл обратно. Они двинулись по северному берегу Ганнела — то среди высоких деревьев, то среди камышей, а когда стемнело, вышли на широкую дорогу. Впереди показались огни большого города.

Ганпорт процветал за счет рыболовства и торговли. Правда, когда они добрались до города, на улицах было пустынно. Вдали они увидели солдат в форме Иггура, но их не остановили.

— Что это значит? — размышлял Шанд. — Неужели война докатилась даже сюда, на север? Они не похожи на армию оккупантов. Все равно, давай будем осторожны, чтобы не привлекать внимание.

Ночь была холодная и ясная. Луна еще не взошла, но уже прихватывал мороз. Они нашли убогую гостиницу с кабаком под названием «Четыре рыбки».

Хозяйка оказалась крошечной женщиной с морщинистым лицом, огромным носом, но совсем без подбородка. Она сильно

косила.

— Вы обязательно должны принять у нас ванну. «Четыре рыбки» славятся своими ваннами, — прочирикала она. — Самая горячая вода, самые роскошные бальзамы и эссенции.

Шанд отказался, но Карана соблазнилась. Цена была высокая: столько же стоила комната. Хозяйка долго распространялась о цене на дрова и о жалованье слуг. Каране пришлось прождать целый час, пока в огромном котле согрели достаточное количество воды.

Ванная комната была маленькая, по ней гуляли сквозняки — это была пристройка с задней стороны гостиницы. Старуха пригрозила метлой двум неотесанным парням, стоявшим рядом с пристройкой, и они с хмурым видом удалились. Карана заметила, что в одном месте около стены примята трава, — несомненно, парни подсматривали за купающимися сквозь щели. Ванна скорее походила на колодец, и ею надо было пользоваться стоя. Карана осмотрела ванну, сомневаясь, насколько она чистая.

— Очень чистая, очень чистая, — затараторила косоглазая хозяйка, энергично вертя головой во все стороны.

К удивлению девушки, эта старушка, казавшаяся хрупкой, сама принялась таскать воду. Она несла по деревянному ведру в обеих руках, повсюду проливая из них. Таким образом, пока она добиралась до ванны, ведра были наполовину пусты. Карана, понимая, что может остаться без ванны, принялась таскать воду вместе с ней.

Когда ванна была наполовину залита кипятком, они со старухой долили ее холодной водой.

— А мыло? — насмешливо спросила Карана. — Чудодейственные бальзамы и эссенции?

Старуха что-то проворчала себе под нос, выскочила из ванной комнаты и вернулась с флаконом, который со стуком поставила на край ванны.

— Вот столько, — сказала она, проведя пальцем линию на флаконе, тем самым указывая количество эссенции, которое Карана могла потратить. Кивнув девушке, она холодно пожелала ей приятного купания и вышла из комнаты.

Усевшись на стул, Карана сняла сапоги, а затем и носки и засунула их в самые большие щели в стене. Потом она разделась, все равно ощущая, что на нее глазеют. Тогда она выдернула прут из веника и воткнула в третью щель над ванной. Она услышала крик и шум, словно кто-то упал. «Надеюсь, зрелище того стоило», — подумала она и залезла в ванну. Вода была восхитительно горячей и доходила ей до подбородка. Она стояла нежась в тепле.

Флакон содержал маслянистую жидкость с неприятным запахом. Она вылила немного на ладонь, понюхала и, пожав плечами, принялась втирать в волосы. Они не мылились, так как были полны соли. Карана намочила волосы и, смыв шампунь, вылила на голову все содержимое флакона. Появилась пена, и девушка долго отмывала голову.

Выйдя за дверь, она увидела там длинную очередь и, решив, что это тоже зеваки, прошла мимо них с гордо поднятой головой. Когда она рассказала об этом Шанду, ожидавшему ее в кабаке при гостинице, тот только рассмеялся.

— Глупости, — заявил он. — Они ждали своей очереди. Наша хозяйка продает горячую воду несколько раз.

— Ты имеешь в виду, что цена, которую я заплатила… ты заплатил… *Продавать грязную воду!* Жадная старая корова! И подумать только, что я ей помогала!

— А почему бы и нет? Ты же все-таки искупалась. Таким образом она зарабатывает трижды, и каждый следующий желающий платит за свою ванну дешевле, чем предыдущий. Все счастливы.

— Это отвратительно! — возмущалась Карана, машинально отпив глоток вина из своего бокала. — В моей стране мы бы никогда не стали купаться в той же воде, что и незнакомец. Ну что же, я посмеялась над ними всеми, потому что вытащила пробку, когда вышла из ванны.

— Нет! — воскликнул Шанд.

— Вытащила!

— Хорошо, что я уже заплатил за комнату, иначе мы бы оказались на улице.

— Почему?

— Ты, несомненно, нажила врага в лице хозяйки гостиницы. Теперь ей нужно снова кипятить воду, и она не забудет, во что ты ей обошлась. Они здесь очень обидчивы, к тому же очень скупы. Завтра о тебе заговорит весь город. О женщине, которая вылила воду из ванны. Женщине, которая вошла в ванную комнату с черными волосами, а вышла с рыжими. Расточительная и подозрительная.

— Что?! — вскричала Карана. — Ты уверен? — Она потрясла свои пряди на свету. Краска немного сходила с каждым купанием, а теперь горячая вода и едкий шампунь смыли ее окончательно. — О Шанд!

Перегнувшись через стол, она обвила руками его шею и поцеловала в щеку. При этом она зацепила локтем кувшин с красным вином, который упал со стола и разбился. На ковре образовалось вишневое озеро. Разговоры вокруг прервались.

Взгляды всех присутствующих устремились на Карану.

— О! — произнесла она, покраснев до корней волос.

— Все хуже и хуже, — грубовато сказал Шанд. — Чтобы усугубить оскорбление, ты бьешь посуду, портишь ковер и проявляешь на людях нездоровую страсть к тому, кто тебе годится в дедушки.

— О! — снова выдохнула Карана, глядя на него во все глаза и прижав руку ко рту.

— Именно в таком свете это увидят люди, которые никогда не отъезжали от Ганпорта дальше чем на пять лиг и которые знают, что все южане — особенно рыжие — совершенно развращены. Тебе бы лучше поскорее придумать какую-нибудь историю.

Как раз в этот момент в кабаке появилась старуха с лицом мрачнее тучи, и клиенты у стойки поспешили поведать ей о последнем скандале. Затем их головы повернулись в сторону Караны, и разговоры вновь прекратились. Каране, красной как рак, хотелось залезть под ковер и умереть.

22
Подозрительная история

— О! — в третий раз вымолвила Карана. — Нет, это постыдно, я не могу. — Она заглянула Шанду в глаза. — Дай мне твой кошелек.

Шанд вложил его ей в руку под столом. Сунув кошелек в карман, она встала. Девушка медленно, с достоинством направилась к старухе, голова которой дернулась в ее сторону, в то время как один глаз обвиняюще смотрел на Шанда. Карана зашептала что-то на ухо хозяйке; лицо той изменилось. Она вытащила Карану за дверь. Прошло несколько минут. Шанд допил остатки вина. Слуга собрал осколки кувшина и вытер ковер серой тряпкой. Принесли новый кувшин с вином. Все присутствующие вернулись к своим делам.

Старуха вошла в комнату. Лицо ее снова стало безмятежным. За ней следовала Карана, которая, подойдя к стойке и положив на нее руку, что-то тихо сказала хозяйке. Затем вернулась к своему столику и села. Шанд насмешливо взглянул на нее.

— Все позади. Всего лишь пустячный инцидент. Теперь мы друзья, ты можешь этому поверить?

— Если ты можешь, то кто я такой, чтобы сомневаться? — сухо ответил он. — Хотя, интересно, сознаешь ли ты, какое крепкое это вино? Что ты ей сказала?

— Ты же сам посоветовал мне сочинить историю.

— О да! — произнес Шанд, прихлебывая вино.

— История очень глупая. Ничего не придумывалось, а потом язык стал сам молоть. — Карана засмеялась. Казалось, к ней вернулись шаловливость и юмор, которыми она когда-то славилась.

Шанд нахмурился, потом откинулся на спинку стула, с бокалом в руке.

— Итак, рассказывай.

— В грязных и жалких гостиницах Туркада, сказала я ей, где в чай кладут масло и делают другие немыслимые вещи и где даже Магистр купается всего раз в год, на мое несчастье, из-за войны я не смогла найти комнату нигде, кроме гостиницы с позорным названием «Грязный осел». Мне пришлось делить помещение, и без того маленькое, с дрессировщиком собак и его женой, а также с их семнадцатью собаками, причем простыни не стирались, а супруги и их собаки не мылись со дня основания Туркада. Грязь с подушек мне пришлось соскребать ножом, прежде чем я улеглась.

И все же я там набралась вшей Туркада, которые ползают по голове и от укусов которых иногда так зудит кожа, что некоторые люди вырывают все волосы и даже снимают с себя скальп, только бы от них избавиться, но это не помогает. Единственный способ — это смазать каждый волосок битумом, который специально привозят с морозного юга, и не смывать его не менее двух недель, после чего его можно смыть горячей водой, удалив при этом окаменевших вшей и возвратив волосам настоящий цвет.

Когда она остановилась набрать воздуху, хозяйка постучала о стойку монетой.

— Битум нельзя смыть водой, — заметил Шанд. — Для этого нужен скипидар. Однако история забавная. Надеюсь, она ее оценила.

— О, она даже один раз улыбнулась, — правда, сперва указав на то, что я израсходовала еще и мыло, предназначенное для десяти человек.

— А теперь тише. Кажется, она собирается обратиться ко всем присутствующим.

— Дорогие клиенты, — залилась трелью хозяйка, — мой уважаемый друг, — тут она указала на Карану, — которая убежала от войны из Туркада, самого порочного из городов…

— О да, нечестивого! Презренного! Развращенного! — раздались со всех сторон возгласы, и среди этого гама Карана продолжала шептать Шанду на ухо.

— И я сказала ей, что через две недели пришла в «Четыре рыбки» — жемчужину среди гостиниц, и смыла весь битум, но, не рискуя заразить почтенных клиентов вышеупомянутой гостиницы даже дохлой вошью, я выпустила всю горячую воду из ванны, каковую потерю с радостью возмещу уважаемой хозяйке гостиницы. И разумеется, заплачу за ущерб, явившийся следствием моего волнения, когда я обнаружила, что все паразиты исчезли, а также компенсирую беспокойство.

— Гм-м, — произнес Шанд, и губы его дрогнули. — Вот почему у тебя такой довольный вид, не так ли? Ты полагаешь, что отделалась от неприятностей? Интересно, что она хочет рассказать посетителям?

— Надеюсь, ничего, — проговорила Карана, начиная беспокоиться. — Разве что они могут выпить за мой счет.

Старуха продолжала:

— …убежала из порочного Туркада с этим стариком, ее почтенным дедушкой…

— Дедушкой, да уж! Старый распутник! — раздался голос из задней части кабака, где пылал камин.

Хозяйка умолкла, высматривая того, кто ее перебил. У этого

человека один глаз был налит кровью, на лбу — свежая ссадина.

— Блегг, негодяй! Слишком поздно оторвал глаз от щели в стене пристройки, не так ли? Ребята, вышвырните его.

Два дюжих парня схватили Блегга и выбросили за дверь.

— Почтенный дедушка, называет она его, и кто я такая, чтобы сомневаться в ее словах? Разве она не выглядит как порядочная, скромная женщина? Разве она не похожа на любого из нас?

Посетители — дородные матроны и тучные бюргеры с тяжелыми челюстями и бесцветными волосами — все как один враждебно уставились на Карану.

— Она, — и крошечный палец указал на съежившуюся Карану, — рассказала мне, что пришла сюда, терзаемая туркадской болотной лихорадкой, от которой кишки превращаются в воду. Не буду удручать вас подробностями этого мерзкого недуга. И только посмотрите, как она дрожит, как она худа и слаба, какое бледное лицо, какие желтые остекленевшие глаза, как у дохлой рыбы, какие… — тут она запнулась, вероятно забыв, о чем начала говорить, — страдая от лихорадки, как я уже говорила, и других заразных болезней, вызывающих ужасный зуд, которые, чтобы не позорить ее при незнакомцах, я не стану упоминать… — Шанд беззвучно трясся, прикрыв рот рукой.

— Итак, она смиренно извиняется за то, что совершила — в своем горе, а вовсе не из-за вина, которое выпила, вовсе нет… Хотя взгляните, как краснеет у нее лицо, — а это бесспорный признак горького пьяницы, уж я-то знаю, недаром я хозяйка этой гостиницы вот уже шестьдесят лет. Извиняется за то, что, не будучи в опьянении — о, нисколько, — она всячески нарушала наши обычаи. И мой дорогой друг — а она всегда им будет — щедро… Щедро! Посмотрите на эту крошечную монету… Просит вас пить с ней до тех пор, пока не будет истрачен полностью этот серебряный тар.

Она подняла монету так, чтобы на нее упал свет, несколько раз бросила на стойку, внимательно прислушиваясь к звону, пока все не затихли, снова повертела монету в руке в гробовой тишине и в заключение попробовала на зуб. Наконец удовлетворившись, она кивнула, сунула монету в карман и, сердито взглянув на Карану, повторила:

— Пока этот *маленький тар* не будет полностью пропит. Этот *крошечный* кусочек серебра.

Посетители разразились аплодисментами и кинулись к стойке.

— Она хотела еще один тар, — сказал Шанд после долгого молчания.

Карана затихла. Она опустила голову, так что Шанд не сразу

понял, что девушка беззвучно плачет. Слезы текли у нее по щекам и капали на стол. Полагая, что урок хорошо усвоен, Шанд выказал немного сочувствия:

— Как ты могла быть такой наивной после всех твоих путешествий? В любом случае завтра мы отсюда уедем и никогда не вернемся.

Подвыпившие посетители ухмылялись, махали ей и поднимали бокалы, омерзительно пародируя приветственные тосты.

— Осталось ли что-нибудь в кошельке на завтра, теперь, когда все в северной половине Мельдорина знают, кто ты такая и откуда прибыла?

Она бросила ему через стол кошелек.

— Не так уж сильно он облегчился, — резко произнесла она.

Шанд хмыкнул. Они посидели недолго, потому что пьяное веселье становилось все разнузданнее, а Карана — все мрачнее, и тихонько ускользнули в свою комнату. Им принесли обед — остывший, переваренный и безвкусный. Покончив с ним, Карана уселась в единственное кресло, тупо уставившись на огонь в камине. Поняв, что лучше всего оставить ее в покое, Шанд тихо вышел на ночные улицы.

После полуночи его заставил вернуться в гостиницу штормовой ветер, внезапно налетевший с юга. В комнате было темно. Он зажег свечу от уголька в камине. Карана, свернувшись клубком в кресле и натянув куртку на голову, спала, свесив руку через подлокотник.

Шанд хотел было ее разбудить, но решил, что ей достаточно удобно в кресле. Он запер дверь, разделся и улегся на ту из двух кроватей, которая показалась ему менее шаткой. Спал он очень плохо, потому что в матрасе было полно блох.

На следующее утро Карана впервые поднялась раньше Шанда. Она уже успела побывать на кухне и заказать завтрак, который пришлось ждать всего один час. Принесли жиденькую кашу, чуть теплую, и приторный чай, слишком сладкий даже для такой сладкоежки, как Карана.

— Это был последний раз, когда я позволила тебе выбирать гостиницу, — кисло сказала она. — Пошли?!

— Куда идем? — спросил он, почесывая блошиные укусы.

— Поделом тебе! — позлорадствовала она. — Куда угодно, только бы подальше от этой гостиницы.

— Хорошо, но повяжи голову шарфом. Пожалуйста. — Карана согласилась, что это разумно. Она завязала на голове зеленый шарф в виде тюрбана, а сверху надела шляпу. Около часа они

побродили по порту, свернули к морю и наконец уселись на опустевшем моле, глядя на бурные волны. Шанд пошел еще немного пошататься по городу; Карана осталась размышлять о том, что добралась до поворотного пункта, где должна выбрать какое-то направление. Вернулся Шанд, насвистывая что-то себе под нос.

— Что нам теперь делать? — спросила Карана, болтая ногами.

Шанд долго не отвечал.

— Я надеялся, ты мне что-нибудь подскажешь. Карана смотрела на него, не понимая.

— Я знаю, что ты — чувствительница.

— У меня был небольшой дар, — проговорила она, — хотя я не слишком часто им пользовалась. Но тебе от него не было бы никакой пользы. Он пропал у меня по пути в Сет. Впрочем, я всегда знала, что мой дар слишком ненадежная вещь, чтобы на него полагаться.

— Я был в Туллине в начале зимы, когда объявился Лиан, — сказал Шанд, пристально глядя на нее.

При упоминании Лиана ее лицо смягчилось и взор стал задумчивым.

— Ты отправила мысленное послание в ту ночь, когда он прибыл в Туллин, — продолжал Шанд. — Даже я уловил его, а я не чувствительник. И даже я знал, что оно адресовано Лиану.

— Как ты мог это знать? Я даже не подозревала о существовании Лиана.

— Разве? Ты хочешь меня убедить в том, что никогда не видела его на Чантхедском Празднике?

Щеки Караны слегка порозовели.

— Конечно, я видела его *там*. Но когда я передавала мысли, то понятия не имела, что он в Туллине. Откуда мне было знать? — И тут ее осенило. — Я поняла, чего ты от меня хочешь, — заявила она. — Ты нашел меня и вылечил, чтобы я смогла отыскать Тензора и раздобыть для тебя Зеркало. Я надеялась, что хотя бы тебе от меня ничего не надо.

— Мне и не надо, — мягко сказал Шанд. — Когда я тебя нашел, то даже не знал, что Тензор был на Тайном Совете. Нет, есть несколько причин, по которым я тебе помогаю, но хватит и основной. Когда я увидел тебя, ты лежала на полу, с бледным лицом и спутанными рыжими волосами, и я вспомнил, когда тебя видел последний раз.

Карана вздрогнула.

— Последний раз я видел тебя на похоронах твоего отца, — спокойно выговорил он. — Я хорошо знал твоего отца. Мы были

друзьями. Тебе, наверно, было лет семь-восемь.

— Восемь, — сказала Карана, и слезы навернулись ей на глаза. У нее возникло ощущение, что все это было вчера. Как ей хотелось услышать об отце! Но Шанд продолжал:

— Я думал, ты умерла! Но даже мертвую я не мог тебя там оставить!

— Твое лицо показалось мне знакомым, — заметила Карана.

Шанд перевел разговор на более насущные вопросы. Зная, какой независимой была Карана до болезни, он постарался быть деликатным.

— Ты пойдешь теперь своим путем или отправишься вместе со мной?

— А куда ты собираешься идти?

— Куда угодно. Куда ты пожелаешь.

— Я хочу домой, — ответила она с грустным видом. — Я нужна Готриму и ужасно скучаю по нему.

— Я проходил через Тольрим по пути в Туркад, — оказал Шанд, упомянув город, ближайший к поместью Караны.

Она схватила его за руку:

— Готрим…

— Война еще не докатилась до той части Баннадора, хотя долины на юге сильно пострадали.

— Расскажи мне о Готриме, — трогательно попросила она. — Рэчис, мой управляющий, очень стар. Он очень рассердился, когда я вместе с Магретой ушла в Фиц Горго. Я обещала вернуться через два месяца, а прошло целых полгода. Я должна послать весточку!

— Нет! — сказал Шанд.

— Даже тогда Готрим страдал от засухи, — с несчастным видом произнесла она.

— Там были осенние дожди, и их достаточно для хорошего урожая. Так что в Готриме пока не голодают. Но если война продлится…

— Я просто хочу домой, — прошептала Карана.

— Ты же знаешь, что тебе туда нельзя. Ты будешь для жителей Готрима так же опасна, как война.

— Я знаю, — тихо ответила она. — У меня нет выбора.

— Значит, тебе лучше пойти со мной.

— У меня совсем нет денег. Ты не можешь себе позволить мне помогать. Ты — бедный старик, который работает в корчме, где нет посетителей. Возможно, Готрим не перенесет войну, и я стану нищей.

— Я не всегда был тем, кем являюсь сегодня, — сказал Шанд. — И я могу себе позволить тебе помочь. То есть… То есть…

Э-э…

— Что? — спросила она тревожно.

— Если ты не потребуешь слишком много горячих ванн. — Он засмеялся, и она тоже рассмеялась, — правда, из вежливости.

— Тогда я иду с тобой. Физически я окрепла, но внутри у меня — пустота и неразбериха. Мне нужна помощь, и я к тебе привыкла.

— Ну что же, прежде всего нам надо собраться о мыслями. Я слышал неутешительные новости, когда прогуливался сейчас по городу.

— Что такое?

— Ганниш (так называют этот край) два дня назад капитулировал, хотя войска Иггура даже не перешли границу. А твой вчерашний спектакль привлек к нам внимание.

— Нам надо бежать! — в панике воскликнула Карана.

— Конечно. Но куда? Когда сюда войдут войска, ты будешь в списке тех, кого они разыскивают. Чувствительники особенно подвергаются опасности в такие времена…

— Ты не первый говоришь мне об этом, — резко произнесла она.

— Лучше всего переплыть море. Земли к востоку от моря такие необъятные и пустынные, что там можно скрываться вечно. — Вытащив кошелек, он высыпал серебро прямо на деревянный настил причала — денег было достаточно, чтобы прожить несколько месяцев. — Тебе они понадобятся. Возьми.

— Да, понадобятся, но я не хочу быть никому обязанной.

— Ты уже и так обязана — бери! Самое унизительное — это просить каждый раз, как тебе нужны деньги.

— Я не смогу тебе вернуть долг. После войны Готрим может быть разрушен. Деньги, которые останутся, понадобятся на его восстановление, а не на уплату моих долгов.

— Из всех вещей в мире, которые мне нужны, деньги — самое ничтожное. — Карана заметила, что при этих словах глаза старика увлажнились. — Однажды мне может понадобиться твоя помощь. В таком случае я тебя попрошу, и ты мне отплатишь, если сможешь. Если же нет, тогда отдай деньги, которые должна мне, тому, кто в них нуждается, когда придет время. Таким вот образом и вертится мир.

Карана оттолкнула деньги обратно по дощатому настилу.

— Когда мне понадобятся деньги, я у тебя попрошу. Ты заработал их собственным потом. — Затем она сменила тему. — Я боюсь, Шанд. В последний раз я не смогла спрятаться от вельмов.

— Что именно они хотели — тебя или Зеркало? Сейчас они

заняты Шазмаком, и есть еще Туркад и Иггур. Твой дар ценен, но не настолько, чтобы преследовать тебя бесконечно. — Однако, произнеся это, Шанд снова вспомнил слова отца Караны: «Она совсем особенная. Я расскажу тебе когда-нибудь». Может быть, они будут гоняться за ней вечно.

— Мне будет спокойнее, когда мы переплывем через Туркадское Море, — сказала Карана. — Мне не терпится отправиться на северо-восток, даже к берегам Сухого Моря.

Шанд взглянул на нее с беспокойством, но промолчал.

— Ну что же, значит, отправимся к Сухому Морю.

Взвалив на плечи рюкзаки, они пошли искать какое-нибудь рыболовное судно, которое переправило бы их через море. В гавани было много кораблей и лодок, но никто не хотел брать их на борт.

— Нам там нечего делать, — сказал им один капитан. — Может быть, через неделю-другую, если будет хорошая погода.

— Но есть же и другие боты, которые могут переправить нас по морю?

— Есть, — согласился капитан. — Правда, большинство сбежало на север, чтобы война не застала их. Мы, рыбаки, теперь следуем за бамунди. Посмотри на волны — в это время года нужны прочный бот и хорошая команда. Подожди пару недель.

— А сколько стоит переправиться в Грейнвис?

— Сейчас? И пяти золотых теллей будет маловато. А после того, как пройдет сезон бамунди, — возможно, по тару с каждого.

Шанд с Караной ушли ни с чем.

— Пять теллей? — повторила она. — Это же целое состояние!

— Достаточно, чтобы мы продержались в пути год, а то и два, — согласился Шанд. — Подожди-ка минутку. — Шанд вернулся к боту. — А ты ходишь на острова?

— Конечно. Там у нас база.

— А какова цена?

— Тар за двоих — ведь мы туда пойдем в любом случае.

— А когда?

Капитан посмотрел на море.

— Возможно, завтра, а скорее — послезавтра. Как ты понимаешь, нас беспокоит не море: мы ловим бамунди в любую погоду, и чем оно более бурное, тем лучше. Но нам не перебраться через мелководье, пока не уляжется зыбь.

— Значит, галерам Иггура тоже не пройти?

Моряк сплюнул за борт.

— Эти-то? Суда для хорошей погоды. Обычно мы уже целый день рыбачим, когда они наконец отваживаются высунуть нос из порта.

Шанд кивнул и снова зашагал рядом с Караной.

— Один тар. Это уже лучше. Давай-ка укроемся от ветра.

И они повернули в город, где нашли более приятную гостиницу. На следующий день штормило, и, хотя был холодный солнечный день, зыбь не улеглась. Они погуляли в порту часа два. Карана купила гребень и маленький флакончик лимонной воды, они выпили кофе за столиком на набережной, пополнили свои запасы, а когда днем пошел дождь, поспешили вернуться в гостиницу. Карана отсыпалась, а Шанд провел вечер над картами.

На следующее утро было сыро и туманно, но опасная зыбь улеглась. Бота того капитана, который с ними вчера разговаривал, видно не было, и Шанд с Караной взошли на борт другого судна.

— Рыженькая! — воскликнул капитан. — Как твоя ванна?

— А что, все в Ганпорте уже знают про мои дела? — окрысилась Карана.

Капитан — толстуха со следами оспы на лице — фыркнула.

— Приятно для разнообразия поболтать о чем-то, кроме погоды и рыбной ловли. К тому же любой, кто проучит эту старую гусыню, пользуется нашим расположением. Меня зовут Тессариэла, но все зовут меня Тесса. — На капитане был тяжелый прорезиненный костюм: штаны, куртка, плащ с капюшоном.

Карана почувствовала огромное облегчение, когда Ганпорт остался позади. Их судно, возглавлявшее флот из полудюжины других рыболовецких ботов, проходило мимо скалы в форме полумесяца, которая называлась Остров Горн.

Когда они подошли к этому острову, он показался негостеприимным: восточная сторона представляла собой гладкий крутой склон голой скалы. Карана поинтересовалась, почему такой бесплодный остров — база для рыболовного флота. Тесса объяснила:

— Существует не много безопасных гаваней к северу от Туркада. Почти все порты на западной стороне моря мелководные, а на востоке зимой штормит. Вы же видели, как долго мы не могли перебраться через мелководье. На Острове Горн великолепная гавань. И, что более важно, она находится поблизости от глубоких каналов, где водится бамунди, а во всем Мельдорине нет лучшей рыбы, как вам, несомненно, известно. Она стоит больших денег. Только не в этом году, — грустно добавила Тесса. — Проклятая война! В этом году в Туркаде мы продадим мало бамунди, да и на юге тоже, на западе же просто не в состоянии столько заплатить. А соленая бамунди ни с чем не сравнится!

— Я никогда не ела бамунди, — сказала Карана. — В Готриме

мы не можем позволить себе такую роскошь. Единственная рыба, которую я знаю, — это пидгон, и я от нее не в восторге.

— Пидгон! — вскричала Тесса. — Неужели ты называешь ее рыбой? Позже ты поешь бамунди за обедом. Ах, мои кости говорят мне, что сегодня хорошая ночь для рыбной ловли! Остров Горн подождет, и ты тоже. — И она пошла вперед по палубе, отдавая приказы команде.

По всему судну зажгли фонари. Бот медленно двигался на юг.

— Мы ищем глубокие каналы, — объяснила Тесса, — расщелины на дне, где водится самая крупная и вкусная бамунди. Но каналы трудно найти, а эта хитрая бамунди клюет лишь тогда, когда в море сильное волнение.

Тесса отдала команду, и матросы засуетились на палубе. За борт перебросили длинные лесы, на каждой из которых было по восемь-десять крючков с наживкой.

Карана наблюдала, пока не вытащили первый улов — три большие рыбы бледно-желтого цвета, каждая длиной с ее руку. Потом она спустилась вниз и свернулась в гамаке. Вскоре она задремала.

Шанд остался на палубе, чтобы посмотреть, как ловят рыбу. На лесах постоянно вытаскивали три-четыре бамунди и рыб еще нескольких видов, а на рассвете, к всеобщему изумлению, попался огромный осьминог. Его щупальца много раз обвились вокруг лесы и маленькой бамунди. Когда осьминога подняли на борт, его щупальца грациозно развились и повисли в воздухе. Он был кремового цвета с белым брюшком.

— В отличие от рыбы, чем больше осьминог, тем вкуснее, — с вожделением сказала Тесса. — Тебе бы надо разбудить свою спутницу — она такого больше не увидит. Правда, за тридцать лет в Туркадском Море я и сама никогда не видела осьминога такого размера.

— Может быть, он попал сюда из океана, — предположил Шанд.

— Может быть.

Шанд спустился вниз, чтобы разбудить Карану.

— Мы так быстро прибыли? — сонно произнесла она.

— Нет. Уже почти закончили рыбачить, а только что вытащили осьминога — самого большого, какого мне приходилось видеть. Пойдем, посмотришь!

Карана вылезла из гамака, протирая глаза, и босиком последовала за ним на палубу. Вся команда собралась вокруг диковинного существа.

— Не подходи слишком близко, — предупредил ее Шанд. — Они очень сильно кусаются, и укус может быть смертелен. Надо

бы сказать Тессе.

Он отошел. Карана отступила назад и с изумлением смотрела: она никогда раньше не видела осьминогов.

Рыбаку с багром удалось отлепить от лесы все щупальца, кроме одного. Бросив багор, он попытался отцепить его голыми руками. В тот же миг в воздух взметнулось еще одно щупальце осьминога и, обвившись вокруг запястья, потянуло матроса, поскользнувшегося на мокрой палубе, к челюстям морского чудовища. Спрыгнувшая с мачты обезьянка отвлекла осьминога и тут же умерла от его укуса.

Карана тут же выхватила нож, но капитанша крикнула «Отойди!» и проткнула осьминога гарпуном.

— Спасибо, — обратилась Тесса к Каране, отцепляя щупальца от гарпуна. — За все годы я ни разу не встретила ядовитого. Как жаль! Обожаю жаренных на рашпере осьминогов.

За ночь рябь улеглась, море успокоилось. День был ясный, не было видно ни одного судна. Внезапно в мозгу Караны зазвонил тревожный колокольчик, да так громко, что она невольно вскрикнула:

— Ах, *помогите!*

— Что такое? — подскочил к ней Шанд.

— Они идут за мной! — Карана металась от одного борта судна к другому, высматривая что-то вдали и буквально трясясь от страха.

— Я ничего не вижу, — сказал Шанд.

Сделав над собой большое усилие, Карана успокоилась.

— Ничего, — начала она, но замолчала.

Взошло красное солнце и осветило черную галеру, которая быстро двигалась с юга. Это был красивый военный корабль, а когда он подошел поближе, они увидели на парусе черный тигель на фоне белого круга. Карана набросила на волосы капюшон. Шанд заслонил ее от галеры.

Тесса моментально все поняла.

— Они тебя ищут!

— Ее, — сказал Шанд. Карана молча кивнула. — Пять таров за то, чтобы ее спрятали.

Тесса решила все в мгновение ока.

— В трюм, Бенн, Фенн!

Два моряка, похожие на братьев, выслушали ее краткие приказы и проводили Карану вниз.

— Ты! — обратилась Тесса к Шанду. — Надень вот это! — Она бросила ему рабочий халат рыбака, весь в крови и чешуе. — Начинай драить палубу.

Надев халат, Шанд накинул капюшон, бросил свои сапоги и

носки в корзину и, спустив ведро за борт, набрал воды. Вылив его на палубу, он стал драить ее.

Галера приблизилась к их боту. Человек на носу окликнул их. Изменив направление, люди Иггура подошли на веслах, и нос галеры соприкоснулся с бортом рыболовного бота. Человек, окликнувший их, легко перепрыгнул через борт. Он был худой, высокий, с темными волосами — по виду профессиональный солдат. «Человек, облеченный властью», — подумал Шанд, от глаз которого ничего не могло укрыться. Борода человека была заплетена в шесть маленьких косичек — это означало, что он хлюн и офицер, отличившийся на службе.

— Я капитан Зарет, — обратился он к Тессе, — по специальному заданию Иггура. — Он показал ей грамоту на пергаменте.

Шанд находился слишком далеко от них и не услышал, о чем говорилось далее. Они вдвоем обошли палубу, и Тесса открывала каждый рундук, а худощавый офицер проверял все, и косички его раскачивались на подбородке.

Трюм уже был заполнен большими квадратными корзинами, в которые была бережно уложена выпотрошенная бамунди. Корзины были аккуратно поставлены одна на другую — так, чтобы не повредить драгоценную рыбу.

— Сюда, — сказал Фенн, спускаясь вниз. Он был коренастый, с длинными золотистыми локонами и озорной улыбкой. Фенн передавал корзины брату наверх. Бенн был его копией, только более худым, чем его брат. Наконец Фенн оказался как бы на дне колодца. Он осторожно выгрузил драгоценную бамунди из самой нижней корзины.

— Залезай, — сказал он, поднимая Карану, как перышко, и засовывая в корзину. Он повернул ее лицом в угол, чтобы осталось место для воздуха, прикрыл ей голову ее же руками и с веселым смехом завалил рыбой.

Стало темно, и рыба тяжело навалилась на Карану. Она слышала, как вдали скрипят корзины, которые заново грузили в трюм. Холодная вода потекла у нее по щеке, попала за шиворот. Жалобно заныла древесина. Что-то липкое начало капать Каране в ухо. Кап. Кап. Кап. Кап. Хлопнула крышка люка. Девушка оказалась в непроглядном мраке.

Карана почувствовала вибрацию, когда соприкоснулись два судна. «Интересно, что происходит на палубе?» — подумала она. Может быть, к ней наконец вернулся талант чувствительницы. Ужасно зачесалось ухо. Безумно захотелось чихнуть. Бот качнуло, и по щеке скользнула тушка рыбы, уткнувшись резиновым ртом в

шею девушки. Когда бот вздымался на волнах, казалось, что бамунди открывает и закрывает рот, целуя ее в шею, как навязчивый любовник.

Наверху, на палубе, послышались шаги обутых в сандалии ног. Кто-то открывал рундуки. Затем с шумом открылась крышка люка. Карана различила на лестнице, ведущей в трюм, голоса и топот ног. Изо рта бамунди вытекла струйка воды и попала ей под рубашку. Она чувствовала, что сейчас чихнет. Сильно прикусив язык, она ощутила во рту вкус крови.

— Опустошите эти корзины. Вываливайте из них рыбу, — приказал властный голос совсем поблизости.

— Нет, — возразила Тесса. — Это самая лучшая бамунди. Если вы высыпите ее на пол, она испортится.

— Ну так принесите еще корзины, да поживее. Мне сегодня нужно обыскать еще много ботов.

Тесса что-то закричала, и кто-то помчался по лестнице.

— Еще? — спросила Тесса.

— Да, еще. До самого дна. Разгрузите их все! — Карану охватил леденящий ужас. Ее обнаружат и отправят в Туркад, и никто не может этому помешать.

23
Арестована за подлог

«Уличная девчонка» маячила у входа в залив, когда Пендер заметил бот, который несло вдоль берега. Потом этот бот, как показалось Пендеру, неуклюже поплыл обратно, к мысу, расположенному под лагерем. Облако скрыло луну. Вскоре на берегу блеснул свет. Свет мигал. Это сигнал!

— Пора, — сказал Пендер команде.

Таллия спустилась по скользкому склону скалы, прошла между лужицами и, сильно хромая, направилась к зарослям кустарника. Там она остановилась, зная, что Мендарк и Лилиса должны быть где-то близко, если только с ними ничего не случилось.

— Где вы? — тихо позвала она.

— Здесь, — ответил голос Мендарка, находившегося шагах в двадцати от нее.

Таллия продралась сквозь колючий кустарник. Мендарк сидел на камне.

— Где Лилиса? — спросила она, похолодев от страха.

— Вон там застрял бот. Она пошла подтолкнуть его и не вернулась. — Голос Мендарка звучал виновато.

Таллия потеряла дар речи от ярости. Она рванулась было из кустов, но Мендарк схватил ее за плечо.

— Не глупи! Оссейон пошел ее искать, но я знаю, где она. Она с ними на мысе.

— С головорезами Керта! И ты *ничего* не сделал!

— Это случилось всего несколько минут назад. Когда вернется Оссейон…

— Сейчас! — Ее голос сорвался. — Пендер тоже там.

— Я только что посигналил.

— Хорошо. Я иду за ней. Если я подам сигнал, иди за нами. И лучше бы тебе захватить то, что для тебя всего важнее, — добавила она ядовито.

По пути она столкнулась с Оссейоном.

— Лилиса у них?! — прошипела Таллия.

— Ненадолго. — Все, что она видела в темноте, — сверкавшие глаза и оскаленные зубы Оссейона.

— Что случилось?

— Подошли два бота, один за другим. Сначала банда Керта, потом солдаты Иггура. Я сжег бот Иггура, потом эти два отряда

сцепились. По-моему, победили головорезы Керта. Они пытаются стащить вниз золото, или так им кажется.

— Сколько их?

— Около десяти, они разделились на две группы.

Оссейон и Таллия обогнули кустарник и ползком добрались до того места, откуда им был виден бот. Там на страже стоял человек. Кто-то лежал на камнях — Лилиса! Несколько человек пытались снести вниз по крутой тропинке два очень тяжелых сундука.

Ярко сияла луна.

— Когда мы начнем, хватай Лилису, — сказала Таллия. — Я задержу их. Нет, если будет возможность, сначала сломай руль, чтобы они не могли уплыть.

Какое-то время ничего не происходило. Потом они услышали стук — похоже было, что бандиты уронили один из сундуков. Головорезы разразились проклятиями. Таллия ощутила нетерпение.

— Я больше не могу ждать. Давай-ка подберемся туда через кусты.

Она бесшумно начала красться, Оссейон последовал за ней. Они приблизились к Лилисе, насколько это было возможно. Таллия вспомнила, что осветительный шар Караны все еще у нее в рюкзаке. Порывшись, она прикоснулась к шару, чтобы его зажечь, и, высоко подняв руку, посигналила Мендарку. Ответа не было.

— В чем дело теперь? — пробормотала она. — Надеюсь, с Пендером все в порядке. — Она снова посигналила, и на этот раз ей ответили.

— Гаспард, нам нужна помощь! — закричал кто-то с тропинки. Из бота выпрыгнул человек и побежал в сторону позвавших его.

— Давай! — прошипела Таллия.

Оссейон наклонился над огромным валуном.

— Помоги-ка мне с ним.

Таллия помогла его приподнять. Шатаясь под тяжестью, Оссейон направился к боту. Таллия захромала к Лилисе, которую сотрясала крупная дрожь. Когда Таллия перерезала веревки, девочка тихонько вскрикнула.

— Это я, Таллия, — успокоила она Лилису, подхватывая на руки. Девочка обняла ее за шею, прижалась к ней и заплакала.

Таллия услышала грохот, и вскоре рядом с ними появился Оссейон, держа в руках руль от бота. Его ослепительная улыбка сверкнула во мраке.

— Вот они! — заорал кто-то.

Солдаты Иггура ринулись к ним через утес. Оссейон швырнул руль в первого, зацепив его за ухо, и тот полетел на камни головой вниз. Воры с шумом стали спускаться по тропинке. Таллия, у которой на руках была Лилиса, с беспокойством ощутила, что на стороне противников большое численное преимущество. Они с Оссейоном отступили к мысу. Оссейон споткнулся о большое бревно, валявшееся на берегу.

Как раз в этот момент они услышали треск древесины, и, резко обернувшись, Таллия увидела, что «Уличная девчонка», которая подошла неслышно, протаранила борт меньшего судна.

— Оссейон, возьми Лилису! — закричала Таллия. Оссейон поднял бревно и бросил его в солдат Иггура, сбив с ног двоих. Со спины к Таллии с Лилисой на руках подскочили воры, возглавляемые худым волосатым головорезом, беззубый рот которого ухмылялся. Лилиса напряглась и застонала. Потрясенная Таллия передала ее Оссейону, сказав: «Иди!», и шагнула вперед. Человек мерзко засмеялся.

— На этот раз серая крыса! — прошепелявил он. — Двойное веселье — она моя! — И он замахнулся на нее дубинкой.

Таллия отклонилась и, пригнувшись, лягнула его в челюсть с такой силой, что он упал на камни и больше не шевелился. Она огляделась. Другие воры отступили.

Оссейон посадил Лилису на «Уличную девчонку». Команда оттолкнула вражеский бот от своего носа, и он начал тонуть. Переступив через погружающееся в воду судно, Таллия залезла на борт «Уличной девчонки». Пендер поднял парус, и они отошли от берега.

Между отрядами на берегу разгорелся бой. Бриз подул сильнее, и «Уличная девчонка» полным ходом двинулась в Ганпорт.

— Хорошо потрудились, — сказал со смешком Мендарк. Теперь, когда ему были возвращены золото, бот и команда, он пришел в хорошее расположение духа. Взглянув на него с неприязнью, Таллия решила проверить, как чувствует себя Лилиса. Девочка сидела завернутая в одеяла. Она все еще дрожала.

— Не могу согреться, — сказала она, силясь улыбнуться. Ее кожа была покрыта кровоподтеками.

Пендер протянул Лилисе огромную кружку и кусок хлеба с маслом.

— Ничего нет лучше горячего супа из копченых ребер, гороха и картошки, — сказал он. — Сам стряпал сегодня вечером, да! Теперь у нас есть галера, Лилиса! — И он широко улыбнулся. — Что за чудо! Я тебе ее покажу утром. Да, ты вела себя храбро! —

Он пожал ей руку.

Лилиса взяла протянутую ей кружку. Руки ее дрожали. Она сделала глоток. Суп был густой, горячий и невероятно вкусный.

— Он не поранил тебя, дитя? — спросила Таллия.

— Нет. — Она вздрогнула. — Но если бы ты не появилась…

— Забудь обо всем. Посмотри, вот твой рюкзачок. Я нашла его в лагере.

— О! — произнесла Лилиса, и глаза ее засияли. — Я думала, что он пропал навсегда. — Девочка проверила, все ли в рюкзачке на месте, потом пристроила его возле себя, как любимую игрушку.

— Пей свой суп. А потом — спать!

Таллия и Мендарк смотрели, как восходит солнце. Ни один из них не спал дольше часа.

— Я забыла упомянуть, что, когда я покидала Ганпорт, там было три судна с флагом Иггура, — тихо сказала Таллия.

— А сколько других, без всяких знаков? Пендер! — Пендер находился на носу, где проверял сохранность древесины. На ходу он что-то пил из кружки.

— Никаких повреждений, — объявил он. — Что за чудесный бот!

— Ты сказал, что у нас проблема с припасами, — начал Мендарк. — Я думал, что нам бы следовало пройти через Ганпорт, но…

Пендер покачал головой.

— Нам не хватает многого. У меня нет запасных парусов, канатов, гвоздей, инструментов. Нет пищи — только свежая, не консервированная, а она быстро портится. Купцы в Ганпорте — жулики и обманщики. Даже вода в бочках грязная. — Он резко повернулся к Таллии. — Я тебе говорил, что с ним будут неприятности, с этим судном. И вот, смотри, в каком мы оказались положении.

— Вероятно, у тебя все еще есть враги в Ганпорте.

— Они не любят чужаков, хоть и живут торговлей. — Пендер надулся.

— Ладно, неважно, не будем выяснять, кто виноват, — поспешно вмешался Мендарк. — Можно где-нибудь все это раздобыть?

— Основная проблема с парусами, — ответил Пендер. — Те, что у нас есть, — старые, да, а запасного брезента вообще нет. Если один из них порвется, мы пропали.

— Не лучше ли тогда рискнуть здесь, в Ганпорте? — размышлял Мендарк. — Да, достань все, что возможно, сегодня,

пока они еще не знают, что этот бот у меня. Как только напавшие на нас в лагере очухаются, по городу поползут слухи, и тогда для нас не будет ни одной открытой гавани в Туркадском Море. Таллия, отправляйся с Пендером и позаботься, чтобы мы получили сегодня же все, что нам нужно. Мы должны отплыть не позже полудня.

«Уличная девчонка» безмятежно шла на север. Неподалеку в волнах резвились дельфины, следуя за ботом и ныряя в волнах. Солнце ярко светило в безоблачном небе.

Лилиса поинтересовалась сундуками.

— Мендарк их *заколдовал?* — спросила она, глядя на него своими большими глазами.

Мендарк не ответил. Он был погружен в раздумья.

— Нет, Лилиса! — улыбнулась Таллия. — Тайное Искусство — это серьезная и сложная вещь, и им пользуются только в случае крайней необходимости. Мендарк сделал следующее: вынув золото, он спрятал его в лесу, наполнил сундуки камнями, ослабил ручки, чтобы они отломались, когда сундуки поднимут, а когда появились воры, он создал иллюзию, чтобы сундуки стали казаться тяжелее, чем на самом деле. Но иллюзия не совсем то же самое, что и чары. Вот почему ему пришлось задержаться и посмотреть на воров — чтобы внушить им это.

Шло время, Лилиса приблизилась к капитанскому месту, явно не вполне удовлетворенная ответом. Пендер все еще ел — в руках у него был большой сандвич с сыром и луком, и по пальцам стекал острый зеленый соус. Он указал девочке на брезентовое сиденье. Лилиса уселась и принялась болтать ногами.

— Пендер, — сказала она через некоторое время.

— Да, Лилиса? — Он облизнул пальцы, стряхнул крошки с подбородка и засвистел.

— Ты когда-нибудь встречал моряка по имени Джеви, или Джевандер?

Пендер потер щетинистый подбородок.

— Возможно. Я встречал тысячи людей. Как он выглядит?

— Похож на меня.

Пендер прекратил свистеть и спросил:

— Кто такой этот Джеви?

— Мой отец. Он исчез семь лет тому назад. — И она рассказала Пендеру всю историю.

— И ты хочешь, чтобы я о нем расспросил? Джевандер. Я буду искать его, дитя, куда бы ни попал. Сколько народу надо найти! Твой отец, Тензор и этот несчастный Лиан.

— Не будь противным, не говори так о Лиане. Ты мне не

друг? — в ярости заявила Лилиса.

Пендер обиделся.

— Ах, дитя, зачем ты так? Лиан… Лиан… Я слышал, он чудесный сказитель.

Лилиса слегка смягчилась.

— Я это знаю. Он рассказал мне предание. Я никогда этого не забуду.

— Рассказал тебе предание? — воскликнул Мендарк, который вместе с Таллией проходил мимо. — С чего это он рассказал предание *тебе?* Он… — Мендарк замолчал, так как локоть Таллии ткнул его под ребра.

Лилиса отвернулась к поручням и опустила капюшон на лицо. Подошла Таллия и, встав рядом, стала смотреть на море. Плечи Лилисы вздрагивали.

— С тобой все в порядке? — спросила Таллия. — Мендарк…

— Конечно, — весело ответила Лилиса, и Таллия поняла, что девочка трясется от еле сдерживаемого смеха.

— У меня есть что-то, чего у него никогда не будет, — оказала она, и ее звонкий смех донесся туда, где резвились дельфины. Как раз в этот момент один из них выпрыгнул из воды совсем рядом с ботом, улыбаясь дельфиньей улыбкой. Он ударил по воде хвостом, обрызгав, к восторгу Лилисы, их с Таллией, и исчез под водой.

Часом позже они причалили к молу. На якоре стояло несколько галер под флагом Иггура, на палубе которых сгрудились солдаты.

— Это странно, — сказал Мендарк. — Интересно, почему они не сошли на берег.

— Похоже, они чего-то ждут, — ответил Оссейон, глядя на неприятелей с профессиональным интересом.

— Ну что же, давайте займемся делом, пока еще не поздно.

Таллия и Пендер ушли, а с ними — почти вся их команда, набранная Пендером, кроме одного моряка. Они обошли всех купцов по очереди. У торговца тканями обнаружилось, что паруса еще не нарезаны.

— Какая ткань нам нужна, — спросила Таллия, — и сколько?

Пендер указал на рулон парусины.

— Это превосходный материал. Я осматривал его позавчера. Двух рулонов будет достаточно. Мы сами нарежем.

— Какова цена?

— Восемьдесят шесть теллей за рулон.

— Хорошо! Проверь длину, Пендер.

— Нет необходимости, — возразил купец. — Все точно. —

Таллия смерила его ледяным взглядом.

Пендер сообщил результаты измерений — в рулоне немного не хватало.

— Итого сто шестьдесят два телля и семь таров, — мгновенно вычислила Таллия.

Купец нахмурился, но вынужден был согласиться:

— Это справедливо.

Таллия повернулась спиной и, отсчитав деньги, заплатила. Лилиса, державшаяся на заднем плане, изумилась. Она и представить себе не могла, что в мире существует такое богатство, а тем более — что Таллия носит его в кармане.

— Растибл, позаботься о том, чтобы парусину доставили на судно, — приказала Таллия.

— В этом нет необходимости, — вмешался купец. — Я все организую.

— Немедленно, — сказала Таллия. — Растибл, не упускай парусину из виду. И сразу же возвращайся.

Таким же образом были куплены канат, смола, инструменты и все остальное. Никакие отговорки, ложь и увертки купцов нисколько не действовали на Таллию. Под ее пронзительным взглядом самые нахальные и упрямые из них становились ручными. К полудню ее мешочек с золотом почти опустел, зато у них было все необходимое для морского путешествия, которое должно было продлиться несколько недель.

Затем Пендер отправился с одним из своих людей сделать последние покупки, а Таллия с Лилисой зашли перекусить в гостиницу. Затем они двинулись обратно в гавань. Лилиса оказалась немного впереди Таллии, не заметив, что та остановилась возле лавки, где продавались шелковые ткани. Вдруг девочка услышала шум потасовки и оборвавшийся крик. Она повернулась как раз вовремя, чтобы увидеть, как двое мужчин хватают Таллию, а третий набрасывает ей на голову мешок из дерюги и завязывает его на поясе. Они втолкнули ее в телегу, стоявшую поблизости, и уехали.

Лилиса смотрела на происходящее вместе с другими прохожими, но те вскоре вернулись к своим делам. Одной ей было не справиться с этой проблемой, но прежде чем Мендарк сможет что-нибудь предпринять, ему нужно будет знать, кто схватил Таллию и куда ее увезли. Получить эти сведения было просто, так как телега медленно проехала через порт и поднялась по холму к таможне. Там Таллию, все еще с мешком на голове, внесли внутрь.

Лилиса побежала обратно к «Уличной девчонке».

— Таллия!.. — выкрикнула она, столкнувшись с Оссейоном.

— Что случилось?

— Таллию арестовали. Они связали ее и отвезли в таможню. Скорее!

В этот момент из другой двери появился Мендарк.

— Арестовали? — переспросил он. Присев перед Лилисой на корточки, он сказал: — Опиши в точности, что случилось.

Девочка передала ему на словах все, что видела, и только тогда он поднялся.

— За этим кроется нечто большее. Почему Таллия? Думаю, из-за поддельных документов. Дальше они попытаются конфисковать «Уличную девчонку», Пендер был прав насчет этого судна. Сколько у нас сейчас человек из команды на борту?

— Трое, — ответил Оссейон. — И я.

— Где Пендер?

— Он не вернулся. И вообще что-то происходит. Солдаты Иггура сошли на берег.

— Где?

— Позади дворца Губернатора.

— Гм-м! Они не могут знать, что я на борту. Ну что же, внимательно следите за их действиями. Оссейон, остаешься за главного. Снимитесь с якоря, зайдите за мыс: там вас не будет видно, там и бросьте якорь. Собери все оружие, какое у нас есть. Будьте готовы принять нас на борт. Наблюдайте за врагом на суше и на море — особенно если суда Иггура придут в движение или если приблизится кто-нибудь еще. В случае необходимости удирайте. Мне говорили, что Растибл превосходно знает морское дело. Если вам придется скрыться, несите вахту каждую ночь в ожидании моего сигнала. Я подам его с южного мыса. Лилиса, пойдем со мной. У тебя есть деньги?

— Нет, — пискнула она.

— Протяни руку.

Он достал из кармана пригоршню медных и серебряных монет, а также немного золотых, ссыпал их в маленький кожаный мешочек, завязал на нем тесемки и положил девочке на ладонь.

— Ты уже показала себя как одна из самых храбрых моих людей, — сказал он. — Я этого не забываю. Здесь много денег. Если меня схватят, тебе понадобятся деньги, чтобы найти Пендера и Оссейона и сделать все необходимое для моего с Таллией освобождения. Ну а если нас убьют — тебе будет на что жить.

— Я же могу просто сбежать с деньгами, — прошептала Лилиса.

— Не можешь. Положи их в карман и застегни его. У тебя есть нож?

— Да.

— Ты не побоишься им воспользоваться, если придется? — Она кивнула, уже видя себя снова на улице, где у нее быстро отберут и нож, и деньги. Ее худенькое лицо помрачнело.

— Я догадываюсь, о чем ты думаешь, дитя, но не считаю, что до этого дойдет. Как ты сказала у костра в лагере, я не беззащитен. А теперь держись рядом. Дай мне руку.

Они медленно пошли по дороге, ведущей к таможне. Несмотря на слова Мендарка, выглядел он беспомощным — просто старик со своей внучкой. Каким-то образом, не изменяя внешность, ему удалось сделаться кротким, добродушным старичком. Хорошо одетым и, возможно, богатым и влиятельным.

Они завернули в таможню, и Мендарк, пыхтя, поднялся по лестнице и вошел в большую комнату, где за перегородкой работали люди, проверяя документы. Он оперся о стойку обоими локтями, засопел и, медленно подняв голову, заглянул в следующую комнату, а затем, повернувшись к Лилисе, отрицательно покачал головой.

К Мендарку приблизился высокий человек, у которого был измученный вид.

— Какое у вас дело, господин?

— Я… — Мендарк кашлянул, и у него начался такой продолжительный приступ кашля, что возникло чувство неловкости. Наконец он отдышался и вытер белоснежным платком слезящиеся глаза на покрасневшем лице. — Прошу прощения.

— С вами все в порядке, господин?

— Да, — едва дыша, ответил Мендарк. — Я бы не стал вас беспокоить, но это дитя потеряло свою опекуншу, и девочка думает, что эта женщина могла пойти сюда. Я не думаю… Она не…

Человек взглянул через стойку на маленькую девочку, тоже хорошо одетую, с волосами цвета платины.

— Как имя твоей опекунши, дитя? — устало осведомился он.

— Ее зовут Таллия. Она смуглая и очень высокая, и у нее черные волосы.

Человек нахмурился и, отвернувшись, долго о чем-то шептался с одним из служащих. Закончив беседу, он обратился к Мендарку.

— Женщину, которую вы ищете, держат у нас. Она обвиняется в том, что получила бумаги на бот, используя поддельные документы. Серьезное нарушение. Уголовное преступление в военное время.

— Можно ребенку ее повидать?

— Теперь это невозможно. Задержанная должна вернуться в Туркад: там ее будут судить.

— Туркад! А разве Ганниш — не суверенное государство?

— Теперь уже нет. Сегодня в полдень эта территория стала провинцией Ориста. Новость только что была оглашена. — Выражение лица говорящего ясно показывало, что это изменение человеку не по вкусу.

— Что! — чуть не задохнулся Мендарк.

— Наша Ассамблея пришла к выводу, что нам не выиграть войну с Иггуром, а сопротивление нас погубит. Мы потеряли свободу, но сохранили жизнь. Стража Иггура уже идет за арестованной. Это они.

Снаружи донесся топот ног: сначала на крыльце таможни, затем заскрипели деревянные ступени лестницы.

— Ассамблея остается у власти? — спросил Мендарк.

— Марионетки! — ответил чиновник и сплюнул. — Скоро прибудут на судах его войска, и тогда все приказы будут исходить из Туркада.

Слезы навернулись на глазах Лилисы и покатились по щекам, хотя она не издала ни звука.

— Мне жаль, дитя, — сказал чиновник, опускаясь на стул. — Теперь мы завоеванный народ. Мы должны делать то, что нам приказывают. Подожди здесь — может быть, ты увидишь, как ее поведут.

Отворилась дверь, и строевым шагом вошли офицер и четверо солдат. Офицер предъявил мандат, затем обвел внимательным взглядом комнату, но не заметил ничего опасного в дряхлом старике и худеньком ребенке, которые сидели у окна. Лилиса подняла глаза на Мендарка и обнаружила, что его черты изменились. Хотя он все еще походил на престарелого господина, исчезло всякое сходство с Мендарком. Офицер и солдаты прошли за перегородку, затем — в заднюю комнату.

— Разве ты не собираешься что-нибудь сделать, чтобы спасти ее? — в отчаянии прошептала Лилиса на ухо Мендарку.

— Конечно, собираюсь, и очень скоро. А теперь выполняй в точности, что я скажу. Беги на мыс и махни Оссейону. Он должен привести бот в порт. Смотри, чтобы тебя не обнаружили. Сразу же возвращайся. Когда я подам знак, с плачем бросайся к Таллии и обними ее. Потом перережь своим ножом веревки у нее на руках. Поняла?

— Да, — прошептала смертельно напуганная Лилиса. Как же ей пробраться мимо этих солдат? Они ее убьют, и Таллию тоже.

— Иди. Но только не беги, пока не спустишься с лестницы.

Лилиса исчезла. Арестованных еще не успели вывести, когда

она вернулась, запыхавшись.

— Бот идет!

— Хорошо. Теперь подождем. Когда Таллия будет проходить мимо, выкрикни ее имя.

Вскоре вернулся офицер, за ним шли два солдата, которые вели Таллию. У нее на голове был мешок. Пендер, весь потный и выглядевший так, будто умер уже тысячу раз, следовал за ней. Два других стражника замыкали шествие. Лилиса чувствовала, что все безнадежно. Взгляд Пендера остановился на них, не узнавая. Мендарк ткнул Лилису под ребра.

— *Таллия!* — закричала она.

Таллия забилась, пытаясь вырваться, но стражники вытащили ее наружу, и дверь за ними захлопнулась.

24
Великая библиотека

— Ты готова, Лилиса? — прошептал Мендарк, когда солдаты увели Пендера и Таллию.

— Да.

— Пойдем со мной.

Они спустились по лестнице и пошли вслед за солдатами. «Уличная девчонка» находилась в заливе, у первого причала. Хотя там кто-то драил палубу, по настороженным взглядам остальных было ясно, что судно готово отплыть в любую минуту. Дальше, у третьего причала, были пришвартованы галеры Иггура, паруса на них были убраны.

Солдаты промаршировали мимо первого причала ко второму. Внезапно Лилиса ощутила головокружение, все поплыло у нее перед глазами. Солдаты резко остановились, потом начали кружить на месте, словно заблудившись в тумане. Мендарк застыл как вкопанный. Он ловил их взгляды — каждого по очереди. Внезапно офицер повернулся на каблуках и стал быстро спускаться с мола.

— Иди *сейчас!* — приказал Мендарк, побледнев от напряжения.

Лилиса сорвалась с места, подбежала к солдатам и замерла. Разинув рот, девочка смотрела на то, как офицер приблизился к краю мола и шагнул в глубокую воду.

— Таллия, стой! — закричала она. Таллия остановилась в то время, как Пендер с солдатами промаршировали мимо нее прямо в воду.

— Стой спокойно, — сказала Лилиса. — У меня нож. — Она перерезала тугую веревку, задев руку Таллии. Окровавленные путы упали. Таллия скидывала с себя мешок.

— Наш бот подходит, — сообщила ей Лилиса. Услышав чей-то отчаянный вопль, она заволновалась: — Пендер тонет! Я забыла о бедном Пендере. — И девочка прыгнула в воду.

Большинство солдат уцепилось за сваи, но Пендер, попав в воду, был в панике, вода лилась в его открытый рот. Он так сильно махал руками, что Лилисе не удавалось перерезать веревки. Он ударил Лилису по подбородку, и она больно прикусила язык.

Девочка нырнула, чтобы оказаться у Пендера за спиной, но как только она дотронулась до его куртки, он повернулся и схватился за нее, как за спасательный круг. Пендер начал тонуть,

увлекая Лилису на дно.

Придя в ужас оттого, что он может утопить их обоих, девочка ударила его коленкой в живот. Он разжал пальцы, и, задыхаясь, Лилиса выплыла на поверхность, таща Пендера за собой. Лилиса не отпускала его куртку, пока не подошел их бот и Оссейон не вытащил Пендера багром.

— Где Таллия? — крикнула девочка, с которой вода стекала ручьями.

Как раз в эту минуту Таллия сбросила с головы мешок и прыгнула на борт. Мендарк, торопливо спустившийся на мол, подождал, пока корма подойдет поближе, и тоже проворно прыгнул.

— Вперед! — сказал он.

Один из матросов оттолкнул бот. Подняли паруса, и «Уличная девчонка» двинулась из залива, постепенно набирая скорость. Она уже миновала мелководье и давно вышла в море, когда на причале наконец выудили солдат из воды и суда Иггура были готовы преследовать бот Пендера.

— Таллия! — Лилиса бросилась к женщине и обняла ее. Таллия, смеясь и плача одновременно, подняла ее высоко в воздух. У Лилисы слезы лились градом. — О Таллия, я была уверена, что тебя убьют.

— Если бы не ты и Мендарк, так бы и было. Солдаты застали меня врасплох. Однако давай взглянем на бедного Пендера.

Пендер уже пришел в себя, хотя его лицо было еще синее, а взор безумный. Увидев Лилису, он расплакался у нее на плече.

— Лилиса, Лилиса, нет слов! Я никогда не забуду! Никогда!

— Мое искусство тоже на что-то годится в конце концов, — язвительно заметил Мендарк, и Пендер впервые не нашелся что ответить.

Сняв мокрую одежду, хорошенько растеревшись и надев сухое, Лилиса, с кошельком в руке подошла к Мендарку, сгорбившемуся над картами. Тот рассеянно кивнул, отодвинув кошелек в сторону. Вытиравшая полотенцем волосы Таллия наблюдала эту сцену.

— Что ты делаешь, Лилиса?

— Отдаю обратно его деньги.

— Мендарк, — резко произнесла Таллия.

— М-да? — Он не отрывался от карт.

Она постучала по столу, указав на маленький кошелек. Мендарк наконец отвлекся от своих размышлений.

— О! Это твое, дитя. Убери к себе в рюкзак. — Вложив ей кошелек в руку, он отвернулся. Потом, осознав, что даже не поблагодарил ее, сказал хрипло: — Спасибо тебе. Ты

действительно одна из самых лучших среди моих людей.

— Лилиса, — предложила Таллия, — давай смотреть на море. Может быть, увидим дельфинов.

Часом позже пассажиры бота заметили два преследующих их судна, и Пендер велел команде поднять все паруса. Бот рванул, как скаковая лошадь. Еще через два часа они уже были в море одни, и в тот день погони больше не было видно. Так они шли по Туркадскому Морю, добравшись почти до великого океана, и погода была чудесная.

Две недели спустя бот под управлением Пендера уже продвигался вдоль устья реки к древнему городу Зиль. Прежде русло было судоходным, но сейчас из-за большого количества ила, мешающего боту плыть, пришлось пришвартовать «Уличную девчонку» во Фрэмане — недавно возникшем портовом городе.

Во Фрэмане остались Пендер — разбираться со всеми бюрократическими препятствиями, которые он предвещал еще в Ганпорте, и Оссейон, поскольку здесь, вдали от Туркада, Мендарку не нужна была охрана. Пендер пребывал в превосходном настроении, так как Мендарк уплатил, как и обещал, двойную цену — восемьсот теллей. Это было колоссальное состояние — Пендер не заработал бы столько и за десять жизней, если бы не война. К тому же он обнаружил еще одно: имя Мендарка даже сейчас открывало те двери, которые прежде были закрыты для простого лодочника.

Мендарк, Таллия и Лилиса пешком пробирались по улицам бывшего когда-то великим города Зиля. Город давно уже пришел в упадок: прежде плодородные земли, окружавшие Зиль, высохли, ирригационные каналы покрыла корка из соли. Большинство людей покинуло город. От Зиля остались только руины, воспоминания и Великая Библиотека — чудо древнего мира.

Путешественники остановились перед Библиотекой. Лилиса никогда в жизни не видела такого большого здания, величественного и прекрасного. Это было старомодное классическое четырехэтажное сооружение из красного мрамора, с колоннадой со всех четырех сторон. Библиотека была выдержана в строгом стиле, без каких-либо украшений.

— Как она возникла? — спросила Лилиса.

— Это самая первая из великих библиотек, — объяснила Таллия, — поскольку ее основали дзаиняне, когда еще не существовала Зурская Империя, три тысячи лет тому назад. Но Библиотеку трижды грабили, и один раз она горела. То, что мы видим, построено две тысячи триста лет тому назад, когда Зур был самой богатой империей на Сантенаре, а дзаиняне — на

вершине своей власти и могущества. Когда-то эта Библиотека могла похвалиться тем, что в ней хранилось полное собрание Великих Преданий Сантенара.

— Как все изменилось, — заметил Мендарк. — Библиотека переживает тяжелые времена, и Надирил уже не тот, что прежде.

— Кто такой Надирил? — заинтересовалась Лилиса.

— Надирил! — Мендарк с удовольствием повторил это имя.

— Он *библиотекарь,* — пояснила Таллия, сделав ударение на этом слове. — Некоторые говорят, что мудрец Надирил — величайший библиотекарь всех времен. Еще он член Великого Совета Сантенара, Магистром которого является Мендарк — или являлся, когда существовал Совет. Это очень мудрый старик.

— Правда, он слишком стар, — проворчал Мендарк. — Вот уже десять лет он не посещал заседания. Пора его сменить. Библиотеке нужна молодая кровь.

— Библиотекарь вас ждет, — объявил служитель. — Сюда, пожалуйста.

Девушка, которой было поручено сопровождать посетителей к старцу, повела их по широкому коридору, завернула в более узкий и остановилась перед простой дверью. Постучав, она почтительно пропустила их в маленькую комнату и прикрыла дверь. Вдоль стены стояла высокая скамья, заваленная манускриптами, маленькая жесткая койка — в противоположном от двери углу, на стенах висело несколько полок с книгами. В комнате было холодно.

Надирил гнездился на табурете перед скамьей с манускриптами, как какая-то древняя птица. Серое одеяние не скрывало его чрезвычайной худобы. Кожа на лице была туго натянута, на лысом черепе виднелись стариковские пятнышки. На висках торчали седые пучки волос. Обращали на себя внимание его глаза, казавшиеся затуманенными, словно Надирил глядел в колодец времени.

Серые губы раздвинулись в подобие улыбки.

— Кто это? — спросил старец, и голос его прозвучал, как легкий ветерок, колышущий паутинку.

Он поднялся с табурета. Мендарк многозначительно посмотрел на Таллию, словно говоря: «Старый дурак стал страдать слабоумием». Надирил прошел мимо него и уселся на корточки перед Лилисой.

— Меня зовут Лилиса, — пропищала она, сделав шажок назад. Затем, передумав, приблизилась к библиотекарю.

— Дай мне руку, Лилиса, — сказал Надирил. Она протянула свою крошечную ручку, он взял ее в свою и внимательно изучил. Потом вгляделся в лицо девочки. — Зачем ты пришла ко мне,

Лилиса? Что ты попросишь у меня?

За спиной у него Мендарк сердито откашлялся.

— Меня привела Таллия, — ответила Лилиса.

— Да, но что *ты* попросишь у меня? Что тебе нужно знать?

— Ты можешь найти моего отца? — Ее робкий шепот был еле слышен.

— Возможно. У тебя есть мать?

— Нет. Она умерла.

— Мне жаль. Что еще тебе нужно узнать?

— Ты можешь найти моего друга Лиана?

— И Лиана тоже? Летописца Лиана из Чантхеда? Легкомысленный ребенок — что ты делаешь со своими друзьями?

— Они меня теряют. Ты можешь найти их?

— Вероятно. Я расспрошу тебя о нем позднее. Сейчас я должен уделить внимание моему гостю. У него *очень* важный вид. — Он поднялся на ноги и повернулся к Мендарку и Таллии. Мендарк хмурился, а Таллия улыбалась исподтишка.

— Мендарк, — наконец вымолвил Надирил, — когда ты в последний раз приходил в Библиотеку? Тебя не было более пяти лет, разве я не прав? — Он протянул высохшую руку.

— В самом деле, пять лет, — холодно произнес Мендарк. — Я приходил сюда с молодым мастером-летописцем — помнишь? — Он говорил так, будто Надирил сдал не только телом, но и умом, — быть может, проверял его. — Правда, тогда он не был мастером.

— Нет нужды опекать меня, Мендарк. Конечно, я помню. — Голос несколько окреп. — Лиан из Чантхеда, друг Лилисы. Я хорошо его помню. Я как-то хотел привести его сюда, но отвлекли другие дела. Не придет ли он теперь, как ты считаешь? Так мало времени…

— Думаю, теперь он выбрал свой собственный путь. Это одна из причин, по которой мы оказались здесь.

— Да. Вернемся к этому в свое время. — Теперь Надирил обратил свой взгляд к Таллии, которая стояла в стороне — спокойная, терпеливая, как всегда. — Ты Таллия бель Сун, — сказал он. Она наклонила голову. — Как твоя семья?

— Мать чувствует себя хорошо и работает еще больше, чем прежде. Она горный инженер, — объяснила Таллия Лилисе. — Очень умная женщина.

— Я хорошо знал твою мать, — продолжал Надирил. — Она часто бывала в Библиотеке. Великий ученый. Мы встречаем теперь так мало людей из Крандора.

Талия пожала протянутую ей холодную руку.

— Моя бабушка иногда о тебе говорила.

Должно быть, это пробудило какие-то забытые воспоминания, так как Надирил тихо рассмеялся.

— Могу себе представить, что именно. Мы питали друг к другу величайшее уважение, но друзьями быть не могли. Однако это уже в прошлом, и она давно в могиле. У вас было долгое путешествие, и я вижу, что вы не отдохнули здесь, в Зиле. Пойдемте, мы поужинаем вместе и побеседуем о том новом, что произошло за эти пять лет в мире. — Он повернулся к дверям.

— Дело весьма срочное, — возразил Мендарк.

— Несомненно. Так бывает всегда, когда ты посещаешь меня, Мендарк. Но твое дело может подождать. Теперь я редко сажусь за трапезу не в одиночестве, так что не приму отказа. Кроме того, я знаю, из-за чего вы пришли. Как же мне не знать?

Они вышли через дверь к винтовой лестнице.

— Возьми меня под руку, — обратился он к Таллии. Опершись другой рукой о плечо Лилисы, он стал медленно подниматься. Наконец все четверо очутились на широкой площадке, откуда открывался вид на город. Ветерок трепал просторное одеяние Надирила, но было тепло, на небе ни облачка.

— Я привык приходить сюда каждый вечер, а иногда и утром, — прошептал он, запыхавшись после подъема. — Просто взглянуть на город. Мне нравится здесь думать, строить планы, мечтать. Утром солнце дотрагивается до западных гор жидким огнем, а вечером равнины Зура походят на гобелен. Однако как теперь все изменилось! Зиль уменьшился, и даже Библиотека приходит в упадок из-за нехватки средств. Мои мечты никогда не осуществятся, а моя жизнь превратилась в борьбу за сохранение того, что дало нам прошлое. Как я могу оставить все это без присмотра? Нет, я не уйду, пока не передам ключ кому-нибудь достойному.

Он умолк, и Таллия, выдержав вежливую паузу, отошла посмотреть на город. Солнце висело над вершинами гор. Закат становился багровым. Даже беглого взгляда было достаточно, чтобы понять, что город умирает. Тысячи великолепных домов стояли опустевшие среди садов, заросших сорной травой.

Подул холодный бриз. Надирил завел их в альков, куда не проникал южный ветер, и слуга принес еду. Это не были горячие, пряные яства, которыми славился Зиль; еда была простая: хлеб, фрукты, сыры и зеленое вино. Мендарк и Таллия сидели напротив Надирила, а Лилису он усадил на свободный стул рядом с собой. Он забрал деревянную тарелку с сыром из-под руки Мендарка, предложив Лилисе.

— Вот этот мой любимый, — произнес Надирил, указывая на

темный сыр с неприятным запахом; он был зеленовато-желтого цвета, с коричневой корочкой. — Хотя, возможно, тебе он покажется слишком терпким. Я едва чувствую теперь его вкус. Да и вообще вкус еды.

— Я попробую, — ответила Лилиса с сияющими глазами. Она думала: «Еще один друг! Как мне везет. Я могу есть что угодно».

— Полагаю, что можешь, — сказал Надирил, всевидящие глаза которого уже прочли во взгляде девочки всю ее историю. Он отрезал треугольный кусок и положил ей на тарелку. — А как насчет других? Этот синий сыр, — он показал ножом на ромбовидный кусок цвета сливок, с прожилками, как у мрамора, — сначала довольно острый, но зато какой привкус сливок потом! Дать тебе маленький кусочек?

— Пожалуйста, — выдавила из себя сильно проголодавшаяся Лилиса. Мендарк кашлянул, и девочка сказала: — После Таллии и *него.* — Она не произносила имени Мендарка.

— Вздор, — отрезал Надирил. — Они старые и привыкли ждать.

Мендарк еще больше насупился и стал постукивать по столу ножом. Таллия нахмурилась, — вероятно, потому, что ее назвали старой. Надирил продолжал описывать Лилисе каждый из сыров: вот влажный белый козий сыр; вот очень твердый, с коричневыми зернышками.

— А вот этот — пахнет луком и душистым перцем, — сказал Надирил, но сыр сильно отдавал чесноком.

Наконец на тарелке Лилисы были разложены кусочки сыра всех сортов. Передав блюдо с сыром Таллии, старик взял вазу с фруктами.

— В это время года мало свежих фруктов, — сказал он, хотя в вазе были яблоки, груши и орехи всевозможных сортов, а не только сушеные фрукты.

— А это чего такое? — спросила Лилиса, указывая на темно-коричневый фрукт.

— *Что. Что* это такое, — поправил Надирил. — Это финик. Зиль славится своими финиками. Попробуй — он очень сладкий.

— А это?

Это было крупным сушеным фруктом.

— Это сушеный геллон, король фруктов.

— Откуда он?

— Он растет в горах вблизи Чантхеда. Думаю, Лиан любит геллоны. Мой старый друг присылает мне каждый год корзину.

Надирил разбавил бокал вина водой для Лилисы и передал ей миску с хлебом. Когда гости положили себе достаточно угощения, он взял себе немного хлеба и сыра.

— А этот старый друг случайно не Шанд? — осведомилась Таллия, надкусывая айву.

Надирил задумался.

— Шанд! Да, так он называет себя теперь. Он один из величайших… — он сделал паузу, искоса поглядывая на гостей, — картографов, каких я когда-либо встречал. В наше время это искусство умирает. Ты его знаешь? Как он?

— Впервые я познакомилась с ним в Туллине в конце осени. Он мне очень понравился. А затем в Туркаде он помог мне найти бот.

— Я тоже видел его в Туркаде, — заявил Мендарк. — Шатался, вмешиваясь во все и напуская на себя загадочный вид, как всегда. Старый дурак!

— Он нашел для нас Пендера, — мягко возразила Таллия. Несмотря на краткое знакомство, она считала Шанда другом, и ей не хотелось слышать, как его оскорбляют. — Ты мне не сказал, что видел его в Туркаде.

— Не один Шанд такой скрытный, — заметил Надирил.

Наконец пустые тарелки убрали и принесли чашки с ячменным чаем, на поверхности которого плавали коричневые зернышки.

Сумерки сгущались, и на небе появлялись звезды. Вернулся слуга с лампами, которые он повесил у гостей за спинами, так что мерцающий желтый свет падал на стол.

Мендарк, взяв Таллию под руку, пошел взглянуть на город сверху. Надирил беседовал с Лилисой. В середине ее бессвязного рассказа он остановил ее вопросом:

— Ты умеешь читать и писать?

— Я умею читать. Мой папа меня учил. Вывески и письма. А однажды я читала *книгу*, когда была маленькой. Но я ее уже знала, так как Джеви много раз рассказывал мне истории из нее. Я чуть-чуть умею писать — буквы, свое имя, имя Джеви. Да и писать было не на чем — разве что на земле. Хотелось бы мне уметь писать.

— Зачем, дитя? Что в этом хорошего?

— Ты знаешь, что случается с уличными девчонками и мальчишками, когда они вырастают, если ничего не умеют делать?

— Знаю, — серьезно ответил он.

— Я этого не хочу. Я хочу делать что-то умное, как Лиан, и Таллия, и ты.

— И Мендарк?

— Он слишком умен для меня. Я хочу читать Предания. Лиан как-то раз рассказал мне одно, — произнесла она с блестящими

глазами. — Это было чудесно. Даже чудеснее, чем те, которые Джеви… — Она замолчала, чувствуя, что предала память своего отца. — Я хочу читать книги. У тебя, должно быть, много книг. *Сотни.*

— Да, у нас их много, — сказал Надирил без улыбки. — Возможно, сотня сотен сотен. Больше, чем где-либо еще на Сантенаре. — Он прервался, потом пристально взглянул на девочку.

— Что ты хочешь у меня попросить?

Она сглотнула и, ничего не ответив, отвернулась.

— Я не могу, — прошептала она.

— Давай, дитя, конечно, ты можешь. Не такой уж я свирепый, не правда ли?

— Я хочу читать и писать больше всего на свете, но у меня нет денег заплатить тебе за обучение.

Казалось, глаза старика видят ее насквозь.

— У тебя совсем нет денег?

— Есть, — пылко ответила Лилиса. — Но это чтобы найти моего отца. Я не истрачу ни гринта на себя, пока он не найдется.

— Очень хорошо. Ты хочешь читать и писать. Иди сюда, и я тебя проверю. — Он вынул из кармана тоненькую книжку и, открыв на первой странице, передал ей. — Это старинное зурское «Сказание Сказаний». Ты его знаешь?

— Нет.

— Почитай его мне.

Лилиса читала, запинаясь и спотыкаясь на именах, и только через пять минут дошла до конца страницы.

— Достаточно, — произнес Надирил. — Это никуда не годится. — Он с суровым видом порылся в другом кармане. — Вот кусок бумаги и карандаш. Запиши то, что ты сейчас прочитала.

В ужасе посмотрев на него, Лилиса низко склонилась над бумагой и начала выводить крупные детские каракули. Пролетело десять минут, и она подала Надирилу бумагу.

— Это все? — спросил он, глядя на пляшущие строчки, перечеркнутые слова и пятна от слез.

— Нет, но бумага кончилась.

— Бумага очень дорога, дитя. На деньги, потраченные на этот лист, ты могла бы жить неделю. Это не годится. Никуда не годится. Я должен тебя научить. И научу.

— Научишь? — воскликнула девочка и, схватив его высохшую руку, поцеловала ее. Таллия и Мендарк обернулись посмотреть, что происходит. — Но мне же не расплатиться с тобой!

— Ты можешь упорно работать?

— Никто не будет работать упорнее. Я буду мыть полы… — Надирил поднял руку, и Лилиса замолчала.

— Не достаточно. Мне бы хотелось, чтобы ты работала упорнее, и работа была более тяжелая.

— Это все, что я умею делать, — сказала она со слезами на глазах.

Теперь Таллия, наблюдавшая за этой сценой, подошла и села возле Лилисы, обняв ее за плечи.

— Надирил, ты недобрый, — сказала она. — Лилиса, ты ведь можешь таскать книги, и читать книги, и записывать их названия?

— Да, — пропищала Лилиса. — Но…

— Хорошо, потому что именно этого Надирил хочет от тебя в уплату. Ты нужна ему, Лилиса. Я права, библиотекарь?

— Прости, дитя. Я привык к словесным поединкам с капризными стариками, такими, как Мендарк. Я не хотел тебя напугать. Таллия права. Ты нужна мне, потому что тебе не все равно и ты хочешь упорно работать. Ты поработаешь на меня в обмен на твое обучение и содержание?

— Поработаю, — тихо ответила девочка.

— Хорошо. Тогда дай мне руку. Таллия, будь свидетельницей нашего договора.

Лилиса и Надирил пожали руки.

— Засвидетельствовано, — сказала Таллия.

— Итак, ты устроила свое будущее, — обратился Мендарк к Лилисе, вернувшись к столу. — Я рад.

— Несомненно, — заметил Надирил. — Разве ее будущее не имеет значения? И она сама незначительна?

— Нет, насколько я вижу ее будущее, но как знать? Я не могу взваливать на себя бремя всего мира. — Он обратился к Лилисе. — Я не желаю тебе плохого, дитя, но твое место — не с нами, в нашем будущем путешествии.

— Мне жаль будет расстаться с вами, — сказала она, — но я нашла свое место.

25
Эшмод

Каране отчаянно хотелось потянуться, чихнуть и откашляться. Она скрючилась на дне корзины, едва осмеливаясь дышать.

— Давай же! Торопись! — услышала она крик офицера. Тесса сказала что-то, но Карана не уловила ее слов: как раз в этот момент бот качнуло и жидкая слизь полилась изо рта рыбы ей в ухо. Оно начало нестерпимо чесаться.

— Да, еще! До самого низа. Разгрузите их все! — Карана вздрогнула. Какой смысл прятаться? Конечно, они услышат, как колотится ее сердце. Ей хотелось крикнуть: «Я тут — только вытащите меня из этого отвратительного места!»

Корзина Караны заскрипела: кто-то прыгнул на нее. Она вздрогнула и притихла, как мышка.

Шанд заканчивал мыть палубу, когда мимо пробежал Бенн, только что поднявшийся по лестнице. У него был удрученный вид.

— Нужны еще корзины! — закричал он матросам.

— У нас беда, — прошептал Бенн Шанду на ухо. — Он хочет проверить весь трюм.

— Я иду, — сказал Шанд, закончив работу. Он подобрал замеченную им на палубе соломинку и поигрывал ею.

Спустившись по лестнице, он увидел офицера с бородой, заплетенной в косички, отдававшего приказы. Даже на флегматичном лице Тессы было написано беспокойство. Хотя море и считалось нейтральной территорией, вся команда да и их семьи были бы наказаны, если бы люди Иггура нашли Карану. Известно, что Иггур наказывает одних, чтобы другим было неповадно.

Нетронутым оставался лишь нижний ряд корзин. Должно быть, Карана там с ума сходит. Шанд расхаживал по трюму, наблюдая, как красивую золотистую рыбу перекладывают из одной корзины в другую, а затем несут наверх.

— Что это? — прошипел Зарет, вертя головой.

— Я ничего не слышала, — спокойно ответила Тесса. Шанд слышал — это был звук, похожий на тоненькое мяуканье. Карана не выдержала напряжения.

— Это просто скрипят корзины под вашими ногами, — сказал Шанд. — Ах! — Он схватился за ухо и, заплясав, приблизился на несколько шагов к Зарету, чтобы корзины заскрипели под его

весом.

— Что с тобой такое? — холодно осведомился Зарет.

— Что-то меня ужалило, — сказал Шанд, потирая ухо. Зарет снова занялся поисками.

— Следующей открой эту корзину! — Зарет указал на ту, в которой пряталась Карана.

Шанд все приплясывал якобы от боли, пока не оказался в двух шагах от офицера. Затем он приложил к губам соломинку и дунул. Зарет стал тереть затылок, как будто его укусило насекомое. Он с раздражением озирался.

— За обнаружение рыжеволосой женщины дают хорошую награду. Золотой телль, если мы ее найдем. Давайте, открывайте!

— Золотой телль! — воскликнула Тесса, возясь с крышкой корзины. — А что она сделала? Украла великий скипетр Туркада?

— Не будь непочтительной, рыбачка! — Зарет открыл крышку корзины и вынул одну из рыбин с золотистой кожей, держа ее на вытянутой руке. — Это лучшая бамунди, ты говоришь?

— Ну, это еще не самая, — ответила Тесса. — Самая шикарная рыба вон там. Фенн! — позвала она. — Принеси вон ту корзину.

Фенн с размаху опустил корзину на ноги Зарета, обутые в сандалии, как бы случайно захлопнув крышку корзины Караны.

— Глупый осел! — выругался Зарет.

Тесса вытаскивала бамунди одну за другой из принесенной корзины, держа каждую за хвост и в мельчайших деталях описывая, почему она высшего качества.

— Хватит! — наконец закричал Зарет. — Мне нужно выполнить работу. Я ее беру!

Корзину снова наполнили отборной рыбой и отправили на другой бот. Зарет обернулся, вытирая лицо. Его лоб был покрыт крупными каплями пота.

— На чем я остановился? — спросил он с туманным взором.

— На этой, — услужливо подсказал Шанд, указывая на корзину, стоящую поодаль от Караны.

— Нет, вон та, старый ты дурак, — возразила Тесса, тыча в другую сторону. Они затеяли яростный спор, весьма изобретательно ругаясь.

— Заткнитесь! — заорал Зарет, с которого ручьями лил пот. — Откройте их обе!

Корзины открыли, драгоценную рыбу переложили, и корзины с ней унесли. Внезапно Зарет покачнулся, кровь отхлынула от его лица. Затылок опух, на нем был виден крошечный красный пузырек. Офицер уселся на корзину Караны, потирая шею.

— Кружится голова! — произнес он, опуская голову между

колен. — Ах!

— С вами все в порядке? — спросила Тесса.

— Кошмарная боль… Наверно… рыба… ел. — Окинув трюм затуманенным взором, он согнулся, и его вырвало. — Видел… достаточно! — Поднявшись с корзины, он с трудом поплелся к лестнице.

Шатаясь, Зарет шел по палубе, подзывая своих моряков, потом, издав стон, начал извергать содержимое желудка на палубу, поскользнулся и чуть не упал за борт.

Тесса подбежала к борту, крикнула тем, кто оставался на галере Иггура, чтобы они подплыли поближе. Два моряка перенесли беспомощного Зарета к себе на борт, и судно отчалило. Как только оно исчезло из виду, Тесса схватила Шанда за руку и со слезами на глазах долго ее трясла.

— Если я когда-нибудь попаду в критическое положение, — призналась она, — то мне бы хотелось, чтобы рядом оказался ты. Это был яд осьминога?

— На соломинке!

— А если бы ты промахнулся?

— У меня есть другая, — сказал он, роясь в кармане. — Ой! — воскликнул Шанд и принялся осматривать кончик большого пальца.

— Ты же не?! — в ужасе воскликнула Тесса.

— Всего лишь шутка, — усмехнулся Шанд.

Тесса так хлопнула его по спине, что он согнулся.

— Лучше займись своим маленьким другом, — прогремела она.

Сапоги застучали по лестнице, донеслись чьи-то крики, потом все стихло. Карана лишь частично слышала, что происходило. Она каким-то образом избежала опасности, хотя и непонятно как. Еще долго никто не появлялся, чтобы вызволить ее. «Наверно, Тесса хочет убедиться, что они не вернутся».

Наконец в трюм спустились братья Бенн и Фенн, жизнерадостные, как прежде. И снова, когда она, щурясь от дневного света, вышла на палубу, ее разозлила улыбка Шанда.

— Ты выглядишь как маленькая печальная беспризорница, — засмеялся он, глядя на чешую, прилипшую к волосам девушки.

— Путешествие с тобой связано с чередой унижений, — ответила она, хотя на этот раз тоже видела в случившемся смешную сторону.

Карана начала было благодарить Тессу, но та остановила ее:

— Мы не давали обет верности Туркаду, а тем более этому выскочке Иггуру. К счастью для тебя, они встретили нас на пути в

Ганпорт. Если бы они уже побывали в городе, то знали бы, что рыженькая находится на одном из наших судов, и вот тогда они разобрали бы нас по дощечке и по гвоздику. Итак, что же мне с тобой делать? А зачем тебе нужно на остров Горн?

— Чтобы найти того, кто переправит нас через море, — ответила Карана.

— И это все? Я могу отвезти вас туда, куда вам надо.

— Мы не можем ждать, пока закончится сезон рыбной ловли, — сказал Шанд.

— Я отвезу вас немедленно.

— Сейчас? — хором спросили Карана и Шанд. — А какова цена?

— Еще один тар плюс стоимость корзины с рыбой. Всего шесть таров. — Она немного подумала, прикидывая. — Я высажу вас на берегу южнее Грейнвиса. Отсюда это около пятнадцати лиг. Часов восемь-десять, в зависимости от ветра. К тому времени уже стемнеет, но вам, наверно, так даже лучше.

— А если они вернутся? — засомневалась Карана.

— Туркадское Море большое, они могут искать месяц, но не найти нас.

— Сегодня он не вернется, — заверил Карану Шанд. До названного Тессой места плыть оказалось несколько дольше, так что они оказались там, когда небо начало светлеть. Судно под управлением Тессы подошло к скалистому берегу, вещи Шанда и Караны погрузили в маленькую шлюпку, и Тесса лично перевезла их на берег.

— Мне жаль, что мы так и не устроили обед с бамунди, — посетовала она, обнимая Карану. — Если когда-нибудь будешь в Ганпорте, приходи ко мне в гости, и мы наедимся бамунди до отвала.

— Спасибо, непременно. Я никогда не забуду, что ты для меня сделала.

Тесса отмахнулась:

— Это ничего мне не стоило. Пока мы будем пировать, ты расскажешь свою историю. Это будет достаточным вознаграждением. Счастливого пути!

Подняв свои рюкзаки, неожиданно ставшие тяжелыми после нескольких дней бездействия, Шанд с Караной зашагали по скалистой площадке к зарослям кустарника.

Два дня ушло на то, чтобы добраться до Грейнвиса. Для Караны это были малоприятные дни, так как она не переставала думать о том, что чудом избежала гибели, а также о том, что, возможно, за ней гонятся. Она плохо спала, прислушиваясь ночью к каждому шороху. Боясь привлечь внимание, Шанд запретил

разводить костер.

Грейнвис оказался премерзким городишком, так что, прикупив там кое-что из продуктов, они направились на север.

Восточное побережье Туркадского Моря сильно отличалось от западного: оно было равнинным, песчаным и сухим. Перед путешественниками до самого горизонта простирались каменистые равнины без единого деревца.

Четыре дня они шли на северо-запад, и земля медленно поднималась и становилась суше. Растительность была скудная, пожухлая трава хрустела под ногами. По пути им встретилось много муравейников, некоторые были выше Караны. Вдали тянулась пурпурная цепочка Джелбонских Гор. В воздухе кружили гигантские хищные птицы скиты, которых богатые использовали для передачи депеш.

— Жарко! — сказала Карана, усевшись в тени муравейника и выдавливая последние капли воды из своего кожаного меха.

Шанд передал ей полный. Сделав глоток, она выплюнула воду.

— Она воняет, — сказала Карана, морщась.

— Должно быть, кожу плохо обработали, — предположил Шанд.

Они открыли и другие мехи, и все оказались некачественными.

— Что же нам делать? — спросила Карана.

— Выльем все, — вероятно, в ближайшую пару недель вода нам не понадобится. В первом же городе купим новые.

И тем не менее они обрадовались, когда днем добрались до гор и без труда нашли там воду: у подножия протекал маленький ручеек.

Набрав воды, они по горной тропинке, перевалив через вершину, спустились с Джелбонских Гор в маленькую защищенную долину, поросшую мхом. Высокие деревья раскинули ветви под сенью гор из красного известняка. Шанд предложил разбить лагерь у пруда, обнаруженного им в тени деревьев, и немного передохнуть.

Пока Шанд дремал, Карана забралась повыше, чтобы побыть одной. Она наблюдала за скитами, завидуя им: ей бы хотелось так же легко парить в воздухе, улетая от своих печалей.

Когда на небе показался тончайший серпик луны, Шанд с Караной уселись у костра, в первый раз отважившись развести его после Ганпорта. Как приятно было отдохнуть от непрерывно дувшего южного ветра, посидеть у потрескивающего костра и снова поесть горячую пищу!

Карана слизала остатки жаркого с ложки, положила ее на

чисто вылизанную тарелку и вздохнула. Прохладный ветерок залетел в их укрытие, и Карана, подняв воротник, снова вздохнула. Впервые за этот месяц ей захотелось поговорить, расспросить Шанда о Лиане, найти в этом какое-то утешение и услышать от него что-нибудь о своем отце.

— Как ты познакомился с моим отцом? — спросила она. Казалось, Шанд понял, в каком она состоянии.

— Вообще-то мы познакомились в Туллине, в корчме. Должно быть, я встретил там Галлиада… лет сорок тому назад. Он несколько раз проезжал по тому старому южному пути, ведущему в Шазмак через Туллин, по которому ты шла в город аркимов в прошлом году. Один раз корчму занесло снегом, и Галлиад провел с нами неделю. Вечерами мы играли в дротики. А позже я как-то раз совершил вместе с ним путешествие в Зиль. Помнится, я представил его Надирилу. Это было после того, как Галлиада бросила его первая жена, но задолго до того, как он женился на твоей матери. По общим понятиям, твой отец был уже стар, но у таких, как он, все иначе…

— Расскажи мне о нем.

— Первый раз он женился на аркимке, но брак не был счастливым — аркимы воздвигают все мыслимые препятствия на пути инородцев.

— Так же было и у нас с Раэлем, хотя мы не зашли так далеко, — вставила Карана.

— Галлиад страдал, — сказал Шанд, — но никогда не ожесточался. У него был острый язык, но он был великодушен в словах и делах. Похож на тебя.

При этом сравнении Карана улыбнулась.

— А ты была радостью его жизни — даже большей, чем твоя мать. — Карана замкнулась при упоминании о матери. — Вуула очень рано вышла замуж за Галлиада. Ее семья ненавидела зятя, что, конечно, только прибавило ей решимости.

Шанд продолжал:

— Все аркимы-полукровки страдают, видимо, из-за того, что они ни то и ни другое, и нигде не чувствуют себя по-настоящему дома. Это вина аркимов: тех, в ком течет их кровь лишь наполовину, не очень принимают, и им не совсем доверяют.

— Я этого никогда не чувствовала, когда была в Шазмаке, — возразила Карана.

— Но ты же главным образом принадлежишь к человеческой расе. Я уверен, что ты никогда не хотела стать аркимом.

— Да, никогда. Но они относились ко мне с большой добротой — как к гостье и родственнице.

— Как бы то ни было, Галлиад стал путешественником и

знатоком аркимского искусства.

— *Этого* я не знала.

— О, он всегда искал ключ к какой-то великой тайне.

— Какой тайне?

— Не знаю: он был скрытен на этот счет. Возможно, он думал, что, если сможет предложить ее разгадку аркимам, его примут как одного из своих.

— Эммант тоже так думал, — тихо произнесла Карана. — Но они его не приняли.

Шанд замолчал, размышляя над словами Галлиада о том, что Карана совсем особенная, и гадая, что они значат.

— Я так скучаю по Готриму, — сказала она. — Это смешно, ведь когда я думаю о Готриме, вижу отца, хотя имение принадлежало семье матери. Он там всегда что-то делал: перестраивал камины или возился с водопроводными трубами, прокладывая их по всему дому.

— Аркимы — величайшие инженеры трех миров, — заметил Шанд.

— Ты бы только посмотрел на плиту у нас на кухне, — с воодушевлением произнесла Карана. — Она огромная, и на ней греется вода для всего дома. Я такую нигде не видела.

— О чем еще ты мечтаешь?

— Я часто мечтаю о Лиане — о том, как привезу его к себе домой. Но это меня пугает: я боюсь его потерять. Боюсь, что ему наскучит мой маленький сельский мирок. И… — Она замолчала и отвела взгляд.

— Да? — спросил он после паузы. — Что тебя беспокоит?

— Я опасаюсь об этом говорить, — тихо сказала она. — Я невероятно самонадеянна — ведь мы с Лианом не обсуждали ничего подобного. Но я хочу ребенка и наследника Готрима. Разве мои желания чрезмерны?

— Отчего же… на этом держится мир. Но у тебя еще много времени, чтобы завести семью и детей.

— Не знаю.

— Почему?

Карана никогда прежде не решалась делиться с кем бы то ни было своими мыслями о таких вещах. И она не была уверена, стоит ли говорить об этом *с Шандом*.

— Женщины моей семьи не очень… плодовиты. И их период плодовитости совсем не долог. У моей матери он длился всего десять лет. Мне двадцать четыре, и я чувствую, мой срок истекает.

— О! — сказал Шанд, и они оба замолчали.

— Я хорошо знал твою мать, — наконец начал Шанд.

— Я не хочу о ней говорить, — резко ответила Карана. У нее были сложные чувства к матери. — Должно быть, она меня ненавидела. Почему же еще она покончила с собой, оставив меня совсем одну?

— Отчаяние заставляет нас совершать странные поступки, — сказал Шанд. — Мне тоже довелось испытать, что такое отчаяние.

Карана не стала больше слушать. Опасаясь, что он продолжит рассказ о ее матери, девушка поднялась и ушла в темноту звездной ночи.

После Джелбона они продолжали идти на северо-восток по каменистой равнине, покрытой кочками с жесткой травой. Один раз вечером налетел холодный ветер с юга, который принес снег, покрывший землю белым слоем толщиной с палец. Это был последний вызов зимы. В дальнейшем дул только теплый западный ветер, обещавший дождь, но редко выполнявший обещание. Теперь у Шанда с Караной возникла проблема с водой: ее осталось на донышке лишь одного меха.

Раза два Карана просыпалась ночью оттого, что ей снился дурной сон, и тогда в сумрачном свете она открывала глаза и видела Шанда, тревожно наблюдавшего за ней.

— Что тебе снилось?

— Ничего, правда. Просто у меня ужасное предчувствие, будто все, что я люблю, разлетится на куски.

— В этом-то и беда, когда кого-то любишь, — сказал Шанд. — Засыпай снова — утром нам рано вставать.

«Это предчувствие не покидает меня с тех пор, как мы сошли с судна Тессы на берег, — подумала она. — Там что-то меняется».

Они взобрались на небольшую возвышенность, и вдруг перед ними оказалась пустота — там не было совсем ничего! Земля уходила вниз — утес за утесом, терраса за террасой, склон за склоном.

— О! — воскликнула Карана, пораженная открывшимся зрелищем.

Они стояли на краю высокого утеса. Внизу был крутой склон, перерезанный глубокими ущельями и переходящий в холодную белую равнину, которая простиралась во всех направлениях, теряясь в тумане. Огромная пустота; пропасть, глубокая, как океан, — однако там не было воды.

— Перионское Море, — сказал Шанд. — Сухое Море. — Карана не отвечала и только не отрывала взгляд от этой огромной пустыни.

Усевшись на пригорке у края обрыва, Шанд украдкой наблюдал за ней. Девушка смотрела на море, и впервые за весь

месяц ее лицо оживилось. Она прошлась по краю обрыва, вернулась обратно, потом остановилась в смущении и оглянулась назад — туда, откуда они пришли.

Шанд терпеливо ждал, хотя чувствовал какое-то волнение. Казалось, что, пройдя весь этот путь без всякого направления, теперь он надеялся, что его поведет она. *Его?* Если бы только она знала. Впрочем, возможно, когда-нибудь узнает. Что же в ней такое? Почему она ключ ко всему? С каждым днем в Шанде росла уверенность, что это так. И что он тут делает — он, который поклялся, что никогда не будет вмешиваться в дела Сантенара?

Карана медленно вернулась к Шанду и уселась рядом с ним на траву. Она обхватила руками колени и, положив на них подбородок, задумчиво смотрела на море.

— Что там? — наконец спросила она.

— Главным образом пустыня. На западе большой с засушливым климатом остров Фаранда; к востоку основная часть Лауралина — саванна или пустыня, а за ними — Вороньи Горы, или Ван Барра, и Эпперанд, родина дзаинян.

— Я знаю — я путешествовала по Лауралину.

— По другую сторону Вороньих Гор — богатые земли и леса Крандора, который в два раза меньше нашего Мельдорина. Но до Крандора надо добираться четыре-пять месяцев.

— А само Сухое Море?

— Это пустыня — такой ты никогда не видела. Дно Перионского Моря находится под нами, на расстоянии две тысячи пядей…

— Две тысячи! Великие Горы Шазмака гораздо ниже!

— …И там, в центре, никогда не бывает дождей. Летом невыносимо жарко, зимой — ужасно холодно. На дне — слой соли очень большой толщины. Там ничто не растет, нет вообще никакой жизни. А эти горы когда-то были островами в красивейшем из морей. Но оно высохло тысячи лет тому назад.

— Так было не всегда, — сказала она себе.

— Нет, до Распада Перионское Море было жемчужиной. Существует Сказание о Распаде — одно из Великих Сказаний, — повествующее об этом. Тебе бы следовало попросить Лиана рассказать его как-нибудь. — Стоило Шанду произнести эти слова, как он тут же об этом пожалел, но Карана продолжала мечтательно покачиваться взад-вперед.

— Я попрошу, — проговорила она. — Значит, это море непроходимо? — спросила Карана после долгой паузы.

— Нет, не в это время года. Правда, редко кто-то отваживается пересечь его.

— Что в середине?

— Как я уже упомянул, острова. Теперь они образуют высокие горы. На некоторых из них остались разрушенные города. А на равнинах нет ничего — ни воды, ни пищи, ни пристанища.

— Может быть, Тензор пошел туда?

— Возможно. Думаю, все острова были обитаемы до того, как высохло море. Это было во времена Кандора — одного из трех каронов, явившихся на Сантенар в погоне за Золотой флейтой. Именно Кандор основал Перионскую Империю. Столицей его Империи была Катадза — на самом деле большом одноименном острове. — Шанд задумался. — Катадза! Неприступная крепость! Должно быть, это идеальное место для того, кто ищет лишь уединения.

— *Катадза!* — Карана вздрогнула. — Ка-тад-за. — В этом слове что-то было. Не то чтобы воспоминание — что-то шевельнулось в ней — ее утраченный талант. Она прикрыла глаза руками и под взглядом Шанда попыталась *почувствовать* Лиана, позвать его по имени сквозь расстояние, разделявшее их.

От напряжения Каране стало больно. Результат последовал так быстро, что она испугалась. На мгновение она увидела Лиана — фигура в ее сознании несомненно была Лианом, спрятавшимся за белой глыбой, в то время как с другой стороны к нему подкрадывались две тени. «Лиан!» — закричала она громко, потом картинка растаяла, как сон после пробуждения. И чем больше она старалась ее удержать, тем быстрее она исчезала. Девушка отчаянно пыталась вернуть образ Лиана, выяснить, в какую беду тот попал.

— Ой! — воскликнул Шанд, и Карана очнулась.

— В чем дело?

— *Что ты делаешь, Карана?* У меня еще никогда так не болела голова.

— Прости, — сказала Карана, поняв, что она передавала свои эмоции, а это опасно. Другие чувствительники могли выйти на ее след — вельмы уже воспользовались этим однажды. — Что ты знаешь о Катадзе?

— Многое! Что именно тебя интересует? Предания? — Взмахом руки она отмела эту мысль.

— Нет! Что там сейчас?

— Прошло много лет с тех пор, как я побывал там последний раз, но тогда Великие Башни Катадзы все еще стояли на своем месте. Несомненно, они выстоят еще тысячу лет. Гора Катадза в основном пустынна, но в ее ущельях есть вода, а в глубоких долинах растут деревья, питающиеся влагой от растаявших снегов. На горе даже могут быть люди — хотя когда я там был, на ее склонах не было никаких признаков человеческого

присутствия. Когда-то я сделал карту Катадзы, но отдал ее много лет тому назад.

Карана начала медленно расхаживать взад-вперед. Она несколько раз повернулась кругом. Теперь она смотрела в самый центр Сухого Моря.

— Я *должна* туда пойти. Ты можешь меня отвести?

— Могу, если ты *действительно* должна там оказаться. Я дважды ходил в Катадзу. Но путешествие будет очень тяжелым, даже в это время года. Итак, ты полагаешь, что Тензор повел Лиана в Катадзу?

— Не знаю. Я могу туда добраться и ничего не обнаружить, но я должна идти.

— Гм-м, — произнес Шанд.

— Что ты хочешь этим сказать?

— В такое путешествие нельзя отправляться налегке. Там мы не сможем позволить себе *ни одной ошибки, ни одного несчастного случая*. Даже невезение может сыграть роковую роль. Мы должны тщательно подготовиться. Особенно это касается новых кожаных мехов для воды. Существует — или когда-то существовал — один городок в десяти — пятнадцати лигах к востоку отсюда под названием Эшмод. Думаю, это для нас наилучший план.

— Городок там? — с сомнением протянула Карана.

— А почему бы и нет? Эта земля плодородна, и зимой выпадают дожди. Там есть пастухи, и фермеры в речных долинах, есть и прииски. Еще дальше к востоку есть большие города — больше, чем Туркад. И взгляни! — Он снова подвел ее к краю пропасти. — Взгляни на этот склон. Видишь, какая зелень! Тут повсюду ручьи. Подземные источники вымывают в мраморе пещеры, словно водопады. Некоторые из самых замечательных видов Сантенара могут предстать перед восхищенным взором на берегах Сухого Моря, обрамленных скалами, — это горячие и холодные источники, которые бьют фонтанами высотой в двести пядей; пещеры, в которые уместился бы весь Туркад. В Эшмоде есть замечательные пещеры.

— Пойдем! — нетерпеливо произнесла Карана. — Я беспокоюсь о Лиане. — Промелькнувшее в ее сознании видение заставило ее торопиться.

Через три дня они дошли до Эшмода. Город этот приятно удивил Карану. Она ожидала увидеть грязный пограничный городишко типа Грейнвиса, но Эшмод оказался довольно большим городом, откуда открывался вид на Сухое Море. На западе и на востоке Эшмод окружали холмы, а с юга — маленькое озеро, такое глубокое, что вода была синей. Город был построен

из бело-синего мрамора, на улицах росли пальмы и фиговые деревья. Город был старый и процветающий, несмотря на свою удаленность от других городов Мельдорина.

— Какая красота! — восхитилась Карана.

— Хорошо! Давай найдем гостиницу.

В Эшмоде было всего две гостиницы, и первая выглядела так привлекательно — окруженная со всех сторон широкими верандами с мраморными колоннами, — что они не стали больше искать.

— Гостиница похожа на особняк богатого купца, — заметила Карана.

— Ну, дерево здесь ценится высоко, и нет топлива, чтобы изготовлять кирпичи, а мрамора повсюду много и его легко обрабатывать. Возможно, это здание было построено в прежние времена. Эшмод очень древний город. Вероятно, он уже был возведен, когда высохло море.

Гостиница была наполовину пуста, поэтому Шанд и Карана поселились в отдельных номерах.

— Я собираюсь принять ванну, — заявила Карана, готовая в случае необходимости к спору с Шандом. Он не стал ее разочаровывать.

— Еще одна ванна! Зачем она тебе нужна?

— В Шазмаке мы привыкли купаться каждый день, — сказала она высокомерно. — Прошло уже две недели с тех пор, как я мылась.

— Каждый день! Это очень вредно для здоровья.

— Тьфу на тебя! — отмахнулась от него Карана и пошла вниз узнать о ванне.

Хозяин гостиницы был высокий лысый человек, весь покрытый шрамами — на щеке, на шее, даже на лысине, — и с багровой шишкой на скуле. Разговаривал он хриплым шепотом.

— Конечно, у нас есть ванны, хотя сегодня вода не горячая.

Карана выкупалась в чуть теплой воде, но ей было все равно. Она впервые наслаждалась ощущением чистоты со времени той знаменитой ванны в Ганпорте. Выстирав свою одежду, она развесила ее на веревке и, надев только штаны и рубашку, вышла на веранду — день был теплый и солнечный. Больше там никого не было, и лишь внутри сидело несколько отдыхающих.

Еда отличалась от той, к которой Карана привыкла: это было козье мясо с пряностями, которое подавали в горячем виде с луком, крупным жареным чесноком, какими-то зелеными овощами, названия которых девушка не знала, и желтым рисом. И поскольку Карана удивительно хорошо себя чувствовала, она заказала еще кружку черного пива. Она почти закончила трапезу

и нежилась на солнышке, потягивая пиво, а легкий ветерок играл ее рыжими волосами. В этот момент наконец вернулся Шанд. Ее волосы полыхали в лучах солнца. В воздухе веяло ароматом лимонного цветения.

— Я думала, ты ушел без меня, — сказала она.

— Я беседовал с хозяином гостиницы о Сухом Море. Он пересекал его много раз.

— О?

— Он был одним из двенадцати — их было три семьи. Остальные умерли там — женщины, дети, мужчины; солнце чуть не погубило и его. Он не может все это забыть. — Шанд подозвал слугу.

Карана не произнесла ни слова, но мороз побежал у нее по коже от этих слов.

Весь следующий день они потратили на то, чтобы закупить все необходимое — копченое мясо, фрукты и остальные продукты, одежду с капюшоном для пустыни, защищающую от солнца и соленой пыли, а также специальные очки, предохраняющие глаза от соляной слепоты. К этому времени Карана горела от нетерпения пуститься в путь: мимолетное возвращение ее таланта воскресило беспокойство о Лиане. Она была уверена, что он попал в беду, а ненасытное любопытство юноши может еще усугубить его положение.

«Я знаю, что ты там, Лиан. Я это знаю! — Эта мысль согревала ее, как солнце, выглянувшее из-за туч. — И я тебя найду. *Ничто не остановит меня!*»

— Нам действительно нужно все это? — нетерпеливо осведомилась она, щупая материю одеяний, которые покупал Шанд.

— Солнце там палит весь день. Ты можешь умереть от ожогов, или твоя кожа станет сморщенной и покроется шрамами. Если ты не хочешь, чтобы твое лицо стало таким, как у меня, это тебе понадобится.

Карана театрально вздрогнула.

— Ужас! Что еще нам нужно?

— По два меха каждому и какую-нибудь легкую палатку — наша слишком тяжелая, да еще и воду придется тащить с собой.

Карана наклонилась над отрезом материи, и у нее слетела с головы шляпа. Рыжие волосы, которые она не стригла целый год, рассыпались по плечам.

Владелец лавки, который уже некоторое время с любопытством наблюдал за ними, теперь придвинулся поближе. Карана этого не заметила. Подняв шляпу, Шанд протянул ее

девушке и настоял, чтобы Карана надела ее.

— Вот эта ткань могла бы подойти для палатки, — сказала Карана, щупая газовую материю, из которой вполне можно было бы сшить ночную сорочку, правда не очень скромную, — но нам пришлось бы тащить и шесты, чтобы ее натянуть.

— Слишком тонкая! Давай-ка обсудим это за чашечкой чая, — предложил Шанд, резко схватив ее за руку, и потащил из магазина. — Мы вернемся позже, — бросил он через плечо лавочнику.

— Прекрати, мне больно, — сердито произнесла Карана. Шанд не отпустил ее руку, но сжимал уже не так сильно.

— Пошли, — сказал он. — Слишком уж внимательно он на тебя смотрит — мне это не нравится.

Шанд оглянулся как раз вовремя: ставни в лавке со стуком захлопнулись. Появилась вывеска «Закрыто», вскоре лавочник выскользнул с черного хода и направился к городскому центру.

— Ты выдумываешь, — с раздражением ответила Карана, но как раз в этот момент она ощутила холодок предчувствия и последовала за Шандом к рынку — лабиринту маленьких ларьков, где можно было затеряться.

26
Женские дела

Шанд вел ее по рынку, направляясь к закусочной, столы и скамьи которой были вынесены на улицу под навес из пальмовых листьев.

— Никогда больше так не делай! — воскликнула Карана в бешенстве, выдернув свою руку.

Работница закусочной — пухленькая веселая молодая женщина с черными волосами и румяными щеками, — небрежно смахнув крошки со стола, стояла в ожидании заказа, скрестив руки на своей роскошной груди.

— Чай из хрена с горчицей для моего друга и холодный чай из мяты с медом и корицей для меня, — сказала Карана с мстительной усмешкой.

— *Чай из хрена!* — в ужасе воскликнул Шанд. Официантка загадочно улыбнулась.

— Это очень… Ах да! Чай из хрена и горчица — это очень хорошо для пожилого господина. Особенно если у господина проблемы с… молодой подружкой. — Она громко засмеялась. Карана чуть не лопнула от смеха — такое лицо было у Шанда. — Чай из хрена один раз, — повторила работница, поворачиваясь, чтобы уйти.

— Нет, черт побери! — заорал разъяренный Шанд. — Я не хочу чай из хрена, с горчицей или без нее! Я слишком стар для подобного вздора. Принеси мне сладкий имбирный чай, да поживей. — Он встал и двинулся к другому концу стола, злобно взглянув на Карану. Та зашлась от смеха.

— Слишком стар! О Господи! О, простите меня, — сказала работница, сочувственно потрепав Карану по плечу. — Должно быть, это очень…

— *Чай!* — вне себя завопил Шанд, и девушка побежала выполнять заказ.

— А ведь ты забавлялся, когда смеялись надо мной, — заметила Карана с улыбкой, и Шанд тоже рассмеялся.

— Полагаю, я это заслужил. Уже давно никто надо мной не подшучивал.

Принесли чай. Девушка резко поставила чашку перед Шандом, расплескав чуть не половину содержимого на стол.

— Ты очень грубо потащил меня через дорогу, — оправдывалась Карана. — Я этого не люблю.

— Прости. Нам надо быть осторожнее и не привлекать к себе

внимание.

— С какой стати кто-то станет нас здесь искать?

— У Иггура шпионы по всему Мельдорину, а уж если он что задумал, ни за что не откажется от этой мысли. Мне бы хотелось, чтобы ты покрывала чем-нибудь голову. — Он отхлебнул чай и сделал гримасу. — О, это ужасно! Что она туда положила? Ты только попробуй!

Карана сделала маленький глоток. Вкус действительно был премерзкий.

— Она просто добавила какие-то травы пустыни. Какое-то женское снадобье. Она лишь пытается помочь мне. Вот, добавь туда меду. — Отпив своего чая, она причмокнула: — О, как вкусно!

Шанд мрачно пил свой чай.

— Я размышляю о предстоящем путешествии. Нас могут настигнуть соляные бури.

— Соляные бури?

— Бури, когда ветер поднимает столбы соляной пыли. Соль может убить, если ею надышишься.

— Соль может убить. Солнце может убить. Похоже, что угодно может убить в Сухом Море.

— Это так. Нам нужна палатка, сколько бы она ни весила.

— Тогда нести ее будешь ты.

Они допили свой чай, и Шанд пошел к стойке расплатиться. В это время девушка — работница закусочной присела на скамью рядом с Караной и что-то зашептала ей на ухо. В руке у нее был маленький пакетик. Карана засмеялась, покачала головой, затем ей пришла в голову какая-то мысль, и она начала что-то нашептывать в ответ. Официантка уставилась на Шанда — сначала удивленная, потом потрясенная, положила пакетик обратно в карман и пустилась наутек. Шанд праздно наблюдал за этой сценой, опершись на стойку. Карана подошла к нему.

— Мне нужен тар… пожалуйста.

Вынув серебряную монету из кошелька, Шанд вложил ей в руку.

— Мы уходим?

Щеки Караны слегка порозовели.

— Минутку. Встретимся там, через дорогу.

Пожав плечами, Шанд отвернулся. Вскоре появилась девушка-работница. Она передала Каране другой пакетик, а та, уплатив ей тар, обняла ее и поспешила к Шанду.

— Что там такое?

— Тебя это не касается. Женские дела. Ну, пойдем. — Как раз в эту минуту полуденное солнце блеснуло в серебристых крыльях

большой почтовой птицы — скита. Покружив над центром города, скит спустился примерно там, где, как известно было Шанду, находилась городская ратуша. Он краешком глаза взглянул на Карану, проверяя, не *чувствует* ли она, что что-то не так. Но та насвистывала, вертя в руках маленький пакетик.

— Женские дела, — повторил Шанд. — Как таинственно! Ну а мне надо делать мужское дело.

— Ты имеешь в виду — пить, — насмешливо фыркнула она.

— Как тебе угодно! Ты сможешь развлечь себя чем-нибудь час-другой? А вечером мы закончим делать покупки.

Карана опять фыркнула.

— Ты не центр моей вселенной. Я собираюсь прогуляться. Встретимся в гостинице за обедом.

Шанд не смог бы объяснить, почему он утаил от Караны, куда направляется. После того как они расстались, он зашагал к ратуше. Эшмод жил в изоляции, и вероятно, здесь часто использовали скитов для передачи депеш. Но, с другой стороны, эти большие птицы славились тем, что они были очень злобные и почти не поддавались дрессировке. Дорогие курьеры!

Обогнув здание ратуши, он оказался на заднем дворе, где увидел конюшни и амбары. За дверью в конюшню мужчина средних лет энергично сгребал навоз рядом с желобом для стока воды.

Шанд приблизился к человеку и, поставив ногу на желоб, стал завязывать шнурок.

— Славный денек, — заметил он.

Конюх обрадовался возможности сделать перерыв в работе, опершись о лопату, приготовился к длительной беседе. Это был крупный парень с трясущимся животом и красным ртом — он явно любил выпить эля и посплетничать.

— Один из лучших, — согласился он. — Мое любимое время года — весна. Издалека?

— Проделал приличный путь. Через море. Я живу возле Туркада.

— Туркад! Это плохое место, я слышал. И говорят, в тех краях война.

— Боюсь, что так, — сказал Шанд. — Не скита ли я видел только что?

— Не знаю, — ответил конюх, поглаживая свой большой живот. — Я был внутри. Но мэр их использует.

— Злобные существа, эти скиты, — заметил Шанд. — По крайней мере, так мне говорили. Я никогда не видел ни одного близко. А хотелось бы.

Он лгал: он все знал о скитах и о том, как их приручать.

— Мерзкие! Мэр тут держит одного в большой клетке. Я покажу тебе, если хочешь. — Он прислонил лопату к стене конюшни.

— Мэр не будет возражать?

— Конечно нет! А с чего бы он стал возражать? Во всяком случае, его не будет до завтра — он уехал удить рыбу. Так что если и пришла депеша, ей придется подождать.

Шанд двинулся следом за конюхом. Пройдя по двору, он услышал, как в сарае яростно скребут чьи-то когти. Оттуда выскочила молодая женщина вся в царапинах, захлопнув за собой дверь.

— В чем дело, Крейса? — спросил конюх.

Закинув за плечо белокурую косу, Крейса повернулась к нему. Глаза ее метали громы и молнии, а рукав рубахи был разодран от локтя до плеча.

— Проклятая птица! Самая подлая из всех, с кем мне приходилось иметь дело. Не могу отвязать мешочек с сообщением.

— Можно мне посмотреть? — спросил Шанд, продолжая прикидываться простачком.

— Приложи глаз к дырке от выпавшего сучка, — посоветовал конюх.

— Большая! — с благоговейным страхом заметил Шанд. — Чем ты ее кормишь?

— Крысами и кроликами, — ответила Крейса.

В этот момент раздался ужасный крик, Шанд торопливо отпрыгнул и упал на землю: скит начал отдирать когтями и клювом древесину вокруг дырки, в которую смотрел Шанд. Крейса засмеялась:

— Ну-ка попробуй еще разок, старик, если не боишься, — бодро произнесла Крейса. — Так она скорее выдохнется.

Шанд отступил, изобразив на лице ужас. Он узнал то, что ему было нужно. На мешочке с депешей был черный тигель на белом фоне — знак Иггура.

В задумчивости он направился в гостиницу. Караны в ее комнате не было, так что он прошел в свою, лег на кровать и быстро уснул. Позже он проснулся, думая, что кто-то позвал его по имени, и увидел, что уже темно. Спустившись в столовую, он обнаружил, что Караны там нет и не было с самого утра. В комнате у нее было темно. Понюхав свечу, он понял, что ее не зажигали в этот день.

И все же еще не было поздно, — вероятно, она делала какие-то покупки. Несомненно, еще какие-то «женские дела». Он не

спеша пообедал, но к концу трапезы Карана так и не появилась. Шанд забеспокоился. Все ларьки на рынке, должно быть, уже закрыты. К тому же Шанд вспомнил, что у Караны нет денег.

Он снова пошел туда, где они расстались. Ларьки и лавки были закрыты, а улицы пусты. Очевидно, в Эшмоде рано ложились спать. В одной лавке все еще горел свет, и после того как Шанд настойчиво постучал в дверь, ее открыл пожилой мужчина в красной ночной сорочке. Он был раздражен, но вежлив. Он не видел никого похожего на Карану.

Остальные попытки Шанда тоже не увенчались успехом. На небе уже появились звезды, когда старик устало поплелся к гостинице. Никаких новостей о Каране не было. Она исчезла.

Купив кувшин вина, Шанд уселся с ним на веранде, где было прохладно. Следующим шагом должен был стать визит к констеблям. Правда, ему не хотелось обращаться к ним. Теперь, когда депеша дожидалась возвращения мэра, ему меньше всего надо было привлекать к себе внимание.

Несколько часов спустя, когда кувшин опустел, Шанд вернулся в свою комнату. Когда-то Карана была очень находчивой, но после болезни утратила это качество. И она была не такой сильной, как когда-то. Шанд всерьез напугался.

Расставшись с Шандом, Карана немного походила по рынку. Ей бы хотелось купить многие вещи, включая великолепные мехи, но у нее было всего несколько медных монет — сдача от покупок, сделанных ранее.

Прогуливаясь по улице, она увидела парк с высокими пальмами и направилась туда. Когда она проходила под аркой ворот, кто-то ее окликнул. Повернувшись, она увидела стройного молодого человека в форме служащего. Кожа у него была усыпана веснушками, а волосы были морковного цвета. Из-за него она сразу же прониклась к юноше симпатией.

— Привет! — сказала она с дружеской улыбкой. — Я собираюсь прогуляться по парку.

Он улыбнулся в ответ.

— На стене за углом — карта. Вы хотите, чтобы я рассказал вам о достопримечательностях?

— Да, пожалуйста!

И он показал их ей на карте, представлявшей собой цветной план парка: водопад, поляна, пещеры.

— Пещеры? — переспросила Карана, вспомнив лирическое описание Шанда.

Юноша взглянул на солнце, которое медленно садилось за арку.

— Самые красивые пещеры в мире, — ответил он со всей серьезностью. — Хотя сегодня уже мало времени, чтобы их осмотреть. Лучше приходите завтра.

— Утром я уезжаю, — сказала она. — Как жаль. Покажите, куда идти, и я только загляну туда.

— Можно взять фонарь напрокат за одну медную монету, — предложил служитель. — Я бы не советовал вам идти без него.

Карана дала ему монетку, и он вручил ей фонарь.

— Вам туда, — указал он на тропинку, петлявшую между деревьями. — Это недалеко.

Поблагодарив его, Карана направилась к пещерам. Минут через десять тропинка привела ее к небольшому отверстию в скале с неровными краями. «Самые красивые пещеры в мире! — фыркнула она. — Но раз уж я здесь, можно и заглянуть».

Карана зажгла фонарь и вошла внутрь. Пещера была довольно маленькая и невыразительная, в воздухе стоял запах помета летучих мышей. Завернув за угол, она пригнулась, поскольку в следующей пещере был низкий потолок, и резко остановилась. Она и прежде бывала в пещерах, но то были просто серые сырые туннели в скалах. Ничто не предвещало того великолепия, которое открылось сейчас перед ней.

Карана высоко подняла фонарь. Казалось, она попала во дворец из резного стекла. Вокруг нее в сотне тысяч граней отражался и мерцал свет от фонаря, переливаясь всеми цветами радуги. Рассказы о подобных чудесах, которые она слышала, не подготовили ее к реальности этой маленькой пещеры.

Снаружи начало смеркаться. Карана сделала шаг, еще один, легонько покачивая фонарь, чтобы увидеть, как на стенах танцуют узоры. Время проходило незаметно — так велико было радостное изумление. Она прошла немного дальше. Третья пещера была так же прекрасна, как вторая. Войдя в нее, девушка увидела три темных выхода, которые шли в разных направлениях. Карана огляделась.

В это время в пещеру проскользнула худая фигура в плаще, за ней следовали еще пять. Талант чувствительницы, время от времени пропадавший, не предупредил Карану об опасности: она была заворожена совершенством пещер и забыла обо всем, кроме игры света, красок и теней.

— О! — произнесла она восхищенно, а потом стала скакать на одной ножке и наконец закружилась, как балерина. Вдруг она застыла на месте.

У входа стояли шесть фигур, скрестив на груди руки. Капюшоны скрывали их лица. Они преграждали ей путь.

Карана отступила назад, забыв об игре красок. Она

попыталась сосредоточиться, но талант снова ее подвел.

— Что вы хотите? — Голос ее задрожал, и она не смогла собой овладеть.

Они ничего не ответили, но фигура справа откинула капюшон, и свет заиграл на серых щеках со шрамами, очертив нос, острый, как лезвие ножа, и отразился в черных глазах, которые так хорошо ее знали.

— Идлис! — удивилась она.

Это был целитель Идлис, вельм, который преследовал Карану, когда она прошлой осенью сбежала из Фиц Горго с Зеркалом.

Карана не паниковала; она не была в ужасе и даже не испугалась. Она ощущала лишь полную пустоту, подавленность и беспомощность.

— Чего ты от меня хочешь теперь? — тихо спросила она.

Идлис попытался улыбнуться — это была нелепая пародия на улыбку.

— Мы не причиним тебе вреда, — хрипло произнес он. — Не бойся. Мы будем очень хорошо о тебе заботиться. — Он потянулся к ней, и, взглянув на его кожу, серую, как у рыбы, Карана вспомнила холодное, мертвящее прикосновение его руки.

— У меня нет Зеркала, — ответила она.

— Мы теперь гаршарды, — сказал Идлис. — Нам нужно не Зеркало, а ты!

Карана чуть не выронила фонарь. Теперь она действительно испугалась.

— Выхода нет, — заметил Идлис.

«Вздор, — подумала она. — В пещерах может быть много выходов».

Идлис подскочил к ней. Карана отпрыгнула в сторону. «Шанд! — послала она мысленное сообщение или попыталась: она не знала, сработает ли оно. — Шанд, где ты? Помоги!» Она старалась установить с ним мысленный контакт, но талант оставил ее.

Карана побежала, перепрыгивая через лужи, к следующей пещере. Световые узоры дрожали и танцевали на стенах и потолке еще более завораживающе, чем прежде, но теперь Каране было не до их красоты.

Вскоре девушка обнаружила, что совсем не в той физической форме, как тогда, когда Идлис гнался за ней. Перейдя на быстрый шаг, Карана оглянулась.

Она ничего не заметила, но ей было известно, что это ничего не значит. Ее преследователи медленнее, чем она, они неуклюжи, но они ее вымотают. Гаршарды были необыкновенно упорными. К

тому же они видели в темноте лучше, чем она. Света от ее фонаря для них вполне достаточно, но Карана не решалась погасить его, боясь оступиться и упасть в карстовую воронку.

Теперь Карана ощущала слабое хихиканье где-то на краю своего сознания. Некоторые гаршарды, подобно ей, были чувствительниками. Прежде они проникали в сознание Караны через сны и отыскивали ее по ним, гаршарды умели использовать свое сознание, чтобы заставить девушку ослабеть и почувствовать страх. Во время погони в заболоченных лесах Ориста Карана намеренно подавляла свои эмоции, чтобы преследователи не могли ее обнаружить. Это на некоторое время сработало, потом ее страхи вновь прорвались, и Идлис снова нашел ее.

Карана вспомнила ночь в лагере, в лесу неподалеку от города Нарн, когда она *почувствовала* вельмов и, не в силах им сопротивляться, отослала Лиана. Что если они опять применят *ту* силу?

Гаршарды имели власть над аркимами — нечто сродни гипнотическому действию, которое удав оказывает на кролика. Именно поэтому им удалось так легко овладеть Шазмаком. И поскольку Карана была на треть аркимкой, она была так беспомощна в ту злосчастную ночь.

Сейчас она брела по узкому туннелю. Карана утратила чувство времени и пространства, однако, должно быть, прошли часы: масло у нее в фонаре почти иссякло. Не было смысла идти дальше. Остановившись там, где пещера начала расширяться, Карана поставила фонарь.

«Подожду здесь, — подумала она. — Если они собираются меня схватить, я предпочту видеть, как они подходят».

Эта мысль успокоила ее — она потерпит поражение, не теряя чувства собственного достоинства, — и придала ей силы: она все еще немного управляет своей судьбой.

Свет начал то вспыхивать, то угасать. «Должно быть, в масле вода», — подумала она, встряхивая фонарь до тех пор, пока не установилось ровное желтое пламя.

В туннеле стукнул камешек. Они идут! Карана высоко подняла фонарь. В темноте метнулась тень. Дрожащей рукой Карана поставила фонарь. Из мрака вынырнул Идлис. За ним двигались другие тени. Бегство ничего ей не дало.

У Караны подогнулись колени. Ей пришлось прислониться к колонне, по очертаниям походившей на священнослужителя в рясе и митре. В мозгу у Караны усилилось болезненное хихиканье. Она уже чувствовала холодные пальцы Идлиса на своем горле.

Идлис нетвердой походкой направился к Каране, и в

последнюю секунду самообладание ей изменило. Схватив фонарь, она повернулась и бросилась в темноту.

Внезапно при свете фонаря она увидела огромную пещеру, а под ногами обнаружилась пустота. Казалось, она летит бесконечно долго, уверенная, что падение убьет ее, затем Карана погрузилась в ледяной омут. Лампа погасла. Карана ударилась обо что-то головой, вспыхнул ослепительный яркий свет, а затем погас.

27
Клеймо

Поход продолжался, и примерно через три недели после Тайного Совета аркимы выбрались из лесов на скалистый берег. У Лиана было такое ощущение, словно он бежит всю жизнь.

— Неподалеку отсюда есть рыбацкий городишко под названием Сифта, — сказал Тензор. — Там мы возьмем судно.

Он повел свой отряд по мысу, усеянному валунами, до конца длинного и узкого устья.

Люди в этом городе знали о приходе аркимов заранее: молва их опередила. Было ясно, что в этом далеком краю не жалуют чужестранцев, и когда Тензор попросил у них бот и выложил на стол золото, они охотно согласились.

Жители Сифты были суровыми, коренастыми рыбаками, но Тензор знал, что слово этих людей крепко.

В тот вечер был устроен незамысловатый пир, чтобы скрепить сделку. Все вместе они сидели за столами, установленными на козлах, и ели куски желтого хлеба, смоченные в оливковом масле, петрушку и сардины, которые коптили над огнем, куда подкладывали ветки розмарина. Лиан уписывал за обе щеки маслянистую рыбу, отдающую ароматными травами. Юноша облизывал пальцы, когда со скамьи встал морщинистый старик, державший бокал с пурпурным вином.

— За Тензора! — закричал он, осушив его одним огромным глотком.

— За Сифту! — ответил Тензор, поднимая свой бокал, и аркимы последовали его примеру.

Впервые в своей жизни Лиан не заинтересовался застольным состязанием. Единственное, чего ему хотелось, — это принять ванну и поспать. Он пригубил вино из своего бокала из учтивости, и у него закружилась голова.

Поднялась старая рыбачка, тоже вся в морщинах, высоко подняв бокал. Лиану начало казаться, что сейчас начнутся тосты за каждого жителя городишка. Застонав, он чуть отпил и опустил голову на руки. Почти сразу же кто-то больно ткнул его под ребра.

— Не забывай о хороших манерах, летописец, — сказала Шала — близнец Ксары, оставшейся в Туркаде.

В полудреме он увидел, что его бокал снова наполнен. И Лиана вдруг осенило. Он опрокинул свой бокал и резко упал под стол. Там под взрывы хохота он улегся на колючую траву и уснул

со счастливой улыбкой.

Утром аркимы встали с головной болью. Ветер дул теперь с северо-востока и был такой сильный, что суда не могли выйти из порта. Аркимы коротали время, мастеря какие-то предметы из дерева и металла, легкие прочные вещицы из множества полированных кусочков, которые входили один в другой и складывались, как зонтик.

— Что это такое? — спросил Лиан.

— Тразпары, — ответил Аспер, но это ничего не объяснило Лиану. И тогда он предположил, что это оружие, которое аркимы намерены использовать, чтобы защищаться во время своего путешествия.

Ветер не утихал. День проходил за днем, и Тензор волновался из-за задержки. А для Лиана впервые за много недель представилась возможность отдохнуть. Он ходил по мысу, поросшему травой и кустарником, и смотрел на Туркадское Море или делал заметки для «Сказания о Зеркале» в записной книжке. Аркимы уважали желание Лиана побыть в одиночестве, хотя он всегда сознавал, что его враг Хинтис неподалеку. И хотя кошелек Лиана все еще был при нем и денег старого Вистана оставалось достаточно, чтобы поехать в Туркад и за его пределы, он не делал никаких попыток уйти. Лиану некуда было идти, и не осталось никого, к кому он был привязан.

К тому же Лиан знал, что ему не позволят сбежать. У Тензора была какая-то тайная цель, для осуществления которой необходим был Лиан, — что-то связанное с Зеркалом, хотя об этом и не упоминалось со времени их с Тензором ухода из Туркада. А оружие, разрушающее мозг, которым Тензор воспользовался на Тайном Совете? Почему он, Лиан, оказался единственным, на кого оружие не подействовало?

А как же его собственные обязательства? Лиан был в большом долгу перед Магистром, так как тот оплачивал его обучение в Школе Преданий в течение пятнадцати лет. Лиан часто размышлял о том, чего же потребует от него Мендарк в обмен. Однако Мендарк мог и умереть на Тайном Совете. Похоже, что теперь у него не было хозяина.

На другой день после прибытия в Сифту Лиан прогуливался по склону холма и забрел в лимонную рощу. От листьев и цветов исходило благоухание. Образ Караны так ярко вспыхнул в его памяти, что у него все внутри заныло от боли.

— Карана! — закричал он, обращаясь к пустым небесам, но ответа не было. Образ Караны растворился. Лиан сорвал веточку в надежде восстановить образ любимой, но аромат, напоминающий ему о Каране, не помог в этом.

Лиана терзали бесплодные сожаления. Зачем он обрушил свои обвинения на Тайном Совете на Тензора? И даже если бы сейчас ему удалось сбежать, Туркад и все земли вокруг него в руках Иггура. Даже если Карана жива, сейчас он ничем не может ей помочь. У него нет ни силы, ни воли. Их его лишил Тензор.

Итак, единственное, что осталось ему в жизни, — это Предания. Лиан годами был одержим идеей создать свое собственное Великое Сказание. Сказание могло считаться Великим, только если оно было единодушно принято мастерами-летописцами, а это случалось весьма редко. Только двадцать два Предания были приняты подобным образом, причем последнее — много столетий тому назад. Если бы ему удалось создать двадцать третье, он бы стал величайшим летописцем своего времени.

Отныне «Сказание о Зеркале» станет его жизнью. Что касается самого Зеркала, то ему все равно, в чьих оно руках. Итак, он продолжал со смешанным чувством страха и восторга следить за поступками Тензора, делая записи для своего Предания.

Тензор часто выходил по ночам один и где-то прогуливался. Казалось, он не испытывает потребности в отдыхе и сне. В полночь на вторые сутки их пребывания в Сифте он вернулся в лагерь с сияющими глазами и мрачной улыбкой.

— Я верю, что смогу это сделать! — воскликнул он. — Но нам нужно надежное убежище — это может занять много времени.

Последовало долгое молчание. «Интересно, что он задумал?» — гадал про себя Лиан.

— Мы идем обратно на восток, — сказала Малиена. — Давным-давно было предсказано, что мы покинем запад. Шазмак никогда больше не будет нашим. Давайте вернемся в Стассор и заживем там по-новому. По правде говоря, я не жалею о случившемся: сны, которые мы видели в Шазмаке, всегда были безнадежными.

— Да, — согласился целитель Аспер, взяв меланхоличный аккорд на многострунном инструменте. — Пришло время нашего выбора. У нас никогда не хватит сил преследовать наши древние цели. Мы должны изменить себя в настоящем ради будущего — или прекратить свое существование.

Блез подхватил мелодию Аспера на флейте, и она звучала так грустно, что у Лиана слезы навернулись на глаза. Он сидел, наблюдая за Тензором. На лице последнего ничего не отражалось. Он обводил взглядом маленькую группу, ожидая, когда все выскажутся. Наконец он заговорил:

— Если бы только мы могли. Но мы же не какое-то

варварское племя, которое спускается с гор, совершая набеги. — Он простер руки в мольбе. — *Мы же аркимы!* Подумайте о нашем благородном происхождении. Наше величие — не в силе или способности одержать верх с оружием в руках, а в нашей цивилизации, нашей культуре, нашем искусстве, архитектуре, музыке, литературе и философии. Даже когда мы были под ярмом каронов, наши произведения облагораживали *их!* И мы, пришедшие на Сантенар, были им ровней — Тар Гаарн! Шазмак! Мы даже думать не должны, чтобы стать ничем.

— *Альцифер!* — с насмешкой произнесла Малиена. — *Хубрис! Безумный марш!* Мы перестарались, и теперь здание рушится. Мы должны начать с самого начала — с фундамента.

Споры затянулись под аккомпанемент печальной музыки. Аркимы обсуждали разные проблемы с обильными ссылками на прошлое, их честь, цивилизацию и культуру. Но Лиану это скоро наскучило, потому что они ни на шаг не приблизились в своих спорах к окончательному решению.

— Мы всего лишь крошечная частичка аркимов, — добавил Аспер. — Гораздо больше наших людей осталось на Аркане, чем здесь. Наш единственный выход — смешаться с аркимами, живущими на востоке.

Тензор выпрямился.

— Наш народ на Аркане рожден для рабства. Их культура — возможно, всего лишь шепот, который едва доносит ветер времен. А восточные аркимы выбрали упаднические дорогу, слившись с народами, окружающими их. Только у нас есть сила — это *воля!*

Малиена разозлилась:

— Упаднические! Мой народ — не пленники прошлого. Мы процветали. И это именно к нам ты всегда обращался за помощью в беде.

— Но вам безразлично прошлое. А без него — что мы такое?

— Нам оно не безразлично, но мы не позволяем прошлому себя калечить. Когда-то наш народ был великим, и это хорошо. Важно помнить, кем мы были, но сейчас это нас не накормит. Ты должен оторвать свою жизнь от прошлого, как это сделали мы на востоке. Мы не забываем, но и не питаем бесполезных иллюзий.

— Меня нельзя поколебать, — заявил Тензор. — Рулька нужно изгнать из всех трех миров. Только тогда наступит наше возрождение, или, уж если нам суждено потерпеть поражение, *пусть это будет славное поражение.*

Споры аркимов позволили Лиану еще глубже проникнуть в их характер: важно, как именно ты потерпишь поражение! Все умолкли, впечатленные словами Тензора. Кто-то застонал, и тогда, словно дурное предчувствие передавалось от одного к

другому, как лесной пожар — от дерева к дереву, аркимы вскочили на ноги.

— Нет! — сказала маленькая Шала. — Малиена, я боюсь. Гибель, которая обрушилась на Шазмак, преследует нас.

Эта вспышка была чем-то из ряда вон выходящим, поскольку младшие аркимы должны проявлять уважение к старшим, а Тензор был самым старым из всех. Он один родился на Аркане. Но на этот раз за Шалой стояли остальные аркимы.

— Даже ребенку ясно, насколько глуп этот план, — подал голос Аспер. — Мы все сражены падением Шазмака. Пока мы не узнаем правду, ничто остальное не имеет значения.

Огненные блики отражались на их лицах. Тензор выглядел угрюмее, чем обычно. Лиан еще больше испугался. Кто бы ни выиграл эту битву, ему в любом случае ничего не светило.

— Мщение имеет значение! Однако я вас слушаю. Если вы не последуете за мной, куда же вы пойдете?

— Куда? — как эхо, повторил Лиан в тишине. — Вас всего восемь. Отвоевать Шазмак вам не под силу…

— Нам нужно такое убежище, где исключена возможность попасть в ловушку, — ответил Тензор. — Говорят, ты знаешь Предания лучше, чем кто бы то ни было, летописец. Куда бы пошел ты на нашем месте?

— В горы Зиля?

— Армия Иггура может добраться туда маршем из Ориста за шесть недель.

— Великие Горы или дальний восток?

— Слишком далеко, — возразил Тензор. — Нет! Мы должны исчезнуть, словно нас больше нет на Сантенаре. Есть только один путь. Мы идем на север.

— Но севернее Мельдорина ничего нет.

— Разве?

— Только пустыни Фаранды и Сухое Море.

— Есть Катадза, и мы отправимся именно туда, — объявил Тензор. — Ирония судьбы заключается в том, что мы сделаем Катадзу своей и обратим ее против наших врагов.

— Катадза? — переспросил Хинтис в изумлении, и ему вторили несколько аркимов из тех, кто помоложе. — Что такое Катадза?

«Ирония судьбы, — подумал Лиан, — или невозможная глупость?»

— Кто сейчас помнит о существовании Катадзы? Предание о ней почти позабыто. Ты помнишь его, летописец?! — обратился к Лиану Тензор. — Расскажи моим людям об этом городе. Из всех, кто здесь присутствует, вероятно, только ты, я и Малиена знают о

нем.

Лиан огляделся, ища, где бы встать. Трудно будет рассказывать Предание перед такой враждебной аудиторией, особенно здесь. Где бы он ни встал, его будут отвлекать пламя и потрескивание костра. Наконец он выбрал скалу в форме открытой книги и вскочил на нее.

— «Сказание о Распаде» не завершено и несовершенно, — начал Лиан, — и оно — самое незначительное из всех Великих Сказаний.

— Давай же! — с насмешкой произнес Тензор. — Нам не нужно все Сказание — лишь то место, где говорится о Катадзе. Только факты, и никакого *«очарования»* сказителя.

— Никому не позволено учить меня, как мне излагать Сказания, — холодно ответил Лиан. — Однако я расскажу сокращенный вариант, который устроит даже *тебя*.

Сказание повествует о событиях, произошедших вскоре после того, как Шутдара преследовали его враги до самого Сантенара. Кандор, ничтожнейший из каронов, устал от бесконечной погони. Он понял, что ключом ко всему Лауралину является Перионское Море. Тот, кто контролирует его, может господствовать над востоком, западом и севером. А север был богат в те времена. Катадза, находившаяся на одноименном острове в центре Перионского Моря, могла возвеличиться благодаря торговле и контролю над морем.

Закрепившись в Катадзе, Кандор вскоре овладел и другими островами и стал контролировать море. Даже Рульк не осмелился открыто противостоять ему. Кандор похвалялся, что его Империя будет существовать так же долго, как само Перионское Море.

Наконец Кандор обрел такое могущество и власть, что начал угрожать стабильности мира, и тогда против него был заключен союз. Говорили даже, что к этому союзу присоединилась Ялкара. Финальная битва разыгралась на полуострове Фошорн. Даже в те времена на полуострове ежедневно бывали землетрясения, и горячая лава вытекала на поверхность Сантенара из трещин.

В тот день произошло очень сильное землетрясение, из-за которого вдоль всего побережья волны с ревом обрушивались на сушу. Когда море успокоилось, Кандор обнаружил, что море значительно обмелело: в результате землетрясения его дно поднялось.

— Как же удалось Рульку достичь такой силы? — удивилась Малиена.

— Никому это не могло бы удаться, — ядовито произнес Тензор. — Рульк приписал себе природное явление, а наивные ему поверили.

— В течение года море мелело все больше и больше. За десять лет уровень понизился до семи пядей, и все морские порты пришли в упадок. Потом наступила засуха, самая страшная, какую только видели в Фаранде. Эта засуха длилась и длилась, и скоро стало ясно, что она никогда не закончится. Климат переменился. Леса стали лугами, а луга — пустынями. Миллионы людей в Фаранде голодали, то же случилось и с бесчисленным множеством жителей земель, окружавших Перионское Море.

Через столетие уровень моря понизился еще на восемьдесят пядей, через пятьсот лет — на четыреста пятьдесят пядей. Красивое Перионское Море распалось на три соленых озера.

Прошла тысяча лет. Море исчезло. Земли стали бесплодными, леса вымерли. На равнинах не созревали хлеба — лишь кочевники обитали на них.

Кандор все еще был хозяином Перионского Моря, но это море превратилось в пыль и соль — итак, он был хозяином пустоты. Торговля прекратилась, так как до городов, возведенных на островах, которые прежде омывали воды Перионского Моря, теперь было не добраться.

Кандор испробовал все виды волшебства, находившиеся в его распоряжении, но тщетно. Вынужденный оставить свою Империю, Кандор в ярости подался на юг и повел осаду земель, принадлежавших аркимам, — с этого момента начался Катаклизм. В конце концов Кандор погиб. Он был единственным кароном, умершим на Сантенаре.

Лиан повернулся к Малиане и Асперу, сидевшим вместе.

— Я часто размышляю, как умер Кандор. Его убили аркимы?

— Нет, — ответил Тензор, — хотя нам бы хотелось. Его смерть — это тайна, которая никогда не будет разгадана. Продолжай свое Сказание, летописец!

— Прошло еще одно тысячелетие, — произнес в заключение Лиан. — Большинство озер исчезло. Дно моря сейчас представляет собой сверкающую равнину из соли. Не многие живут теперь в Фаранде — разве что на тропическом севере. А несравненная Катадза лежит забытая в самой середине Перионского Моря.

— В этом Сказании содержится урок, — заметила Малиена, — если мы его услышим.

— Я услышал его, — ответил Тензор. — Каронов можно победить. Это знак, которого я ждал. — Он кивнул Лиану, и это было единственной благодарностью, которую тот получил за свой рассказ.

— Итак, мы идем в Катадзу? — осведомился Тензор, оглядывая аркимов. Никто не ответил отрицательно.

«Вот какие шутки иной раз играет жизнь, — подумал Лиан. — Катадза была моей мечтой, и сейчас я на пути к ней. Интересно, что я там найду».

В конечном счете Тензор был рад, что они задержались в Сифте: на третий день появилась маленькая белокурая Ксара. Ее сестра приветствовала Ксару радостными возгласами. Вскоре прибыли и другие аркимы — те, кому удалось выжить после падения Шазмака. Эта маленькая унылая группа сообщила, что остальные следуют за ними и находятся в пути. Это была награда, о которой не смели и мечтать. Тензор сиял. Но когда пришедшие поведали о том, что случилось с Шазмаком и аркимами после того, как гаршарды захватили город, Тензор притих, так что остальные аркимы не осмеливались произнести ни слова.

— Ах, это было ужасно, — сказана Селиала, женщина с серебристыми волосами, которая возглавляла Аркимский Совет, когда в Шазмаке судили Карану. — Они воздействовали на нас так сильно, что мы не могли сопротивляться.

— Как они попали в Шазмак? — раздраженно спросил Тензор. — Это Карана нас предала?

— Карана! — Горький смех Селиалы походил на лай. — Конечно нет! Гаршарды знали, как вывести из строя Стражей, а этому Карана не могла их научить. Это все Эммант… Он предатель… я виновата тоже.

— Как это было? — подала голос Малиена из задних рядов.

— Малиена, как приятно видеть *тебя*. Я виновата. Это я позволила Эмманту беседовать с Феламорой, и она подбила его погубить Шазмак. О, она порочна! Эммант нас предал, явились гаршарды, словно оживший кошмар.

— Что с Шазмаком? — выкрикнул Аспер. — Мы можем его восстановить?

— Он навеки осквернен, — ответил один из вновь прибывших — высокий человек по имени Баситор. — Кто же захочет вернуться в место, запятнанное нашей кровью?

Это высказывание позволило Лиану узнать еще одно свойство характера аркимов. Другой народ боролся бы за то, чтобы вернуть себе свой город, и отстроил бы его, чтобы город стал еще сильнее и краше.

— Скольких мы потеряли? — спросил Аспер.

— Сотни, — ответила Селиала, качая головой. — Много сотен! Но уцелело больше, чем тебе кажется.

— Так где же они, когда они мне нужны? — вскричал Тензор.

— Пошли на восток, — ответила она очень тихо. — Они прокляли тебя и поклялись, что никогда больше не последуют за

тобой.

У Тензора вытянулось лицо, словно ему дали пощечину, но он быстро пришел в себя.

— Я проклят, я трижды проклят, — загремел он, — но я еще больше, чем когда-либо, уверен, что выбрал правильный путь. Пошли со мной, — сказал он двум вожакам отряда вновь прибывших аркимов. — Мы должны обсудить дальнейшие действия.

Баситор и Селиала ушли с ним в темноту ночи и не возвращались несколько часов. Наконец Селиала вернулась одна. Она уединилась с Малиеной и Аспером, которые были у аркимов кем-то вроде советников.

Позже вернулся Баситор, за ним — Тензор. Казалось, он постарел лет на тридцать, и в нем было не узнать прежнего сильного и энергичного человека. У него был очень усталый вид.

— Уходи с дороги, предатель-дзаинянин, — сказал он хриплым голосом, отшвыривая замешкавшегося Лиана.

Тензор встретился взглядом со всеми аркимами по очереди, и ни один не смог выдержать его пристальный взгляд.

— Нас сокрушили! — сказал он. — Мы никогда не поднимемся вновь. Не осталось ничего, кроме мести, *и я обязательно отомщу!* Я сотру гаршардов в порошок. Я буду медленно раздирать Рулька на куски — кусок за куском, орган за органом. — Он продолжал эту литанию насилия и жестокости, и это было так ужасно, что все аркимы, кроме двоих, отпрянули от него.

Аркимы уже начали разделяться на два лагеря: группа, возглавляемая Малиеной и Селиалой, которая считала, что они сами навлекли на себя погибель и следовать безумным планам Тензора, в чем бы они ни заключались, означает полное уничтожение аркимов; меньшую группу возглавляли Тензор, Баситор и Хинтис, и члены ее были так переполнены ненавистью и страхом, что ничто не смогло бы заставить их свернуть с пути.

После событий того дня Лиан часто ловил на себе задумчивый взгляд Тензора, но тот никогда с ним не заговаривал. Хинтис и Баситор постоянно наблюдали за юношей с холодной яростью. Лиан старался не оставаться наедине ни с одним из них, зная, что при малейшем поводе они прирежут его. Если бы ему не было известно, что Малиена и Аспер присматривают за ним, он бы умер от ужаса.

На следующий день подул порывистый западный ветер. Около полудня начался прилив. Аркимы забрались в крепкий рыбачий бот и отплыли в направлении Фаранды. Тензор оставил одного из вновь прибывших, чтобы сообщить об их тайном месте

назначения всем аркимам, которые могут появиться. Попутный ветер надувал паруса, и они за одни сутки добрались до своей цели. Это был Фошорн.

Еще с борта судна было заметно, что земля на полуострове бесплодная — в основном соленые болота, солончаки да мелкие озера. Правда, команда бота сказала, что в этих озерах водится много рыбы.

Вещи выгрузили в ялик в полулиге от берега: тут было столько отмелей, что рыбачьему судну было не пройти. Вскоре ялик сел на песчаную мель, и аркимы побрели к берегу по мелководью. Лиан поскользнулся, перебираясь через борт, и, погрузившись в воду с головой, едва не утонул под тяжестью рюкзака. Однако Тензор вытащил юношу из воды.

— Тебе не удрать от меня так просто, летописец, — заявил он с мрачным юмором.

Не успел ялик в последний раз вернуться к рыбачьему боту, а предводители аркимов уже взобрались на вершину первого холма и готовились к подъему в горы. Вскоре они вышли на каменистое плато — это был бесплодный край, и лишь кое-где виднелись низкорослые деревца да колючие кустарники.

Аркимы не смогли следовать намеченному маршруту, поскольку горы там были труднопроходимы, и решили не отклоняться на юго-восток, как думали раньше, а двигаться по плато, тянущемуся вдоль береговой линии. Отряд весь день шел через мертвый лес, где серебристые стволы походили на колонны. Выйдя из леса утром третьего дня, аркимы смогли лицезреть одно из величайших творений природы на Сантенаре.

Южный конец Фошорна был отделен от Лауралина непроходимой пропастью Хорнрейса, самого великолепного водопада, какой можно было найти во всех трех мирах.

Аркимы услышали Хорнрейс задолго до того, как прибыли на Фошорн: глухой рокот перешел в рев, и у них под ногами тряслась скала. Туман окутывал и землю, и небо. Они приблизились к краю, и у их ног открылась пропасть. У Лиана закружилась голова. Он покачнулся, но Тензор оттащил его от обрыва.

— Я тебе не дам этого сделать, — заорал он в самое ухо Лиана. — Смотри за ним хорошенько, Баситор.

Баситор больно сжал локоть Лиана, глядя вниз. Лиан почувствовал, как трясется рука аркима: тот едва сдерживал желание сбросить его. Поскольку Лиан был дзаинянином, он привык к предрассудкам и дискриминации, но эту дикую ненависть было невозможно вынести.

Отряд миновал Железные Врата, давно разрушенные, и

продолжил свой путь. Несколько часов аркимы шли вперед, а вдоль их тропы несся бурный поток. Аркимы не произносили ни слова, поскольку рев воды заглушал все. Наконец они остановились возле двух гигантских черных колонн, стоявших как бы в карауле над Хорнрейсом. На них были вырезаны аркимские узоры, но климат и время сильно повредили их. От водопада поднимался туман, сквозь который светило солнце, и чудилось, что тончайшая радуга связывает Фаранду с континентом Лауралин. Когда туман на мгновение рассеялся, они увидели еще две колонны, находившиеся по другую сторону моря, — они казались крошечными карандашами, поставленными вертикально.

— Когда-то здесь был Мост Радуги, — сказала Селиала Лиану, который был поблизости. — Величайшие инженеры и художники аркимов работали сто лет, чтобы создать его. Он был красивее любой радуги.

— Должно быть Сказание о его создании, — произнес Лиан, завороженный зрелищем. Как ограничены Предания, которые он учил в Чантхеде! Насколько больше можно узнать в реальном мире и насколько больше можно рассказать.

— Сказание существует, — вступила в разговор Малиена, — и возможно, однажды я его тебе поведаю. «Сказание о Мосте Радуги» — должно быть, одно из Великих Преданий этого мира. Мост был одним из самых совершенных сооружений, какие мы когда-либо строили, хотя, возможно, я и не беспристрастна. Моя прабабушка была тем инженером, который его спроектировал.

— Я уже горю желанием его услышать, — сказал Лиан.

— Несомненно, это наше величайшее достижение на Сантенаре, — добавила Малиена, — но мост давно исчез — он обрушился в пропасть.

— Что с ним случилось?

— Друг дзаинян, этот ваш Рульк со своим «даром», привел здесь землю в движение, чтобы сбросить его вниз, — сердито произнес Тензор, проходя мимо.

— Не забывай, что он также предал и нас, дзаинян, — воскликнул Лиан, — и мы пострадали не меньше аркимов!

— Пошли отсюда, — сказал Тензор. — Мост Радуги когда-то был нашим величайшим вдохновением, но сейчас он лишь напоминает мне о том, что мы потеряли.

Они продвигались вперед, все время оглядываясь, до наступления темноты. Погони не было заметно с тех пор, как они добрались до Сифты, но Тензор не расслаблялся. Аркимы несли вахту каждую ночь, в ней участвовали все, кроме Лиана. Правда, он обычно дежурил вместе с кем-нибудь из аркимов, дружелюбно

относившихся к нему. Теперь он боялся темноты.

Наконец однажды в полдень они очутились на краю утеса, который рядами крутых ступенек уходил вниз, до самого дна Сухого Моря. Тензор стоял на краю огромной пропасти, глядя в нее.

— Это зрелище даже в моем нынешнем состоянии не может меня не тронуть, — сказал он. — Мы разобьем здесь лагерь, если сможем найти воду, и полюбуемся восходом солнца над Перионским Морем. Я не видел этого с тех пор, как море высохло. — Его глаза увлажнились. — Когда-то это было самое красивое место на всем Сантенаре. Посмотрите на него сейчас.

Лиан глядел вниз с благоговейным страхом. О Перионском Море говорилось во многих сказаниях, но ни одно не подготовило его ко всему тому, что он сейчас увидел. Его поразили необъятность и запустение. Он боялся спуститься в эти соленые долины даже холодной зимой. Его семья все еще жила в Эпперанде, по другую сторону Сухого Моря. Лиан хорошо помнил, как упорно боролись дзаиняне за жизнь на бесплодной земле, под солеными ветрами, непрерывно дующими со дна моря. И он не мог себе представить, что кто-то настолько глуп, чтобы искать убежища в самом Соленом Море. Юноша поделился своими мыслями с Тензором, ярость которого улеглась в последние дни. Настроение аркима было так переменчиво, что Лиан никогда не знал, чего ожидать.

Тензор смотрел на него с таким же непониманием.

— Но мы в отчаянном положении, летописец. Нам нужно безопасное место, где мы могли бы работать без страха. Переход будет тяжелым, вне всякого сомнения, а возвращение еще тяжелее — если оно будет! Но *мы должны и поэтому сделаем это.*

Обнаружив через пол-лиги в овраге подходящее место, где к тому же протекал ручей, они разбили лагерь и стали готовиться к путешествию. Еды у аркимов было много: они купили сушеную и копченую рыбу в рыбачьей деревушке и аккуратно упаковали. Аркимы наполнили водой огромные мехи и привязали к своим рюкзакам — таким тяжелым, что Лиан даже не смог приподнять один из них (его был намного меньше). Еще засветло все было готово. Они отдыхали впервые после Сифты.

Лиан сидел на валуне у края утеса, делая записи в записной книжке. К его удивлению, Малиена, избегавшая общения с ним больше недели, уселась рядом.

— Что ты думаешь об этом путешествии, летописец?

— Если бы я имел представление о намерениях Тензора в конце пути, мне было бы спокойнее.

— Сомневаюсь. Если бы ты это знал, думаю, ты бы подошел к

краю утеса и бросился в пропасть.

— Меня туда не тянет.

— Меня тоже, но когда Тензор стоял тут чуть раньше, мне захотелось покончить с нами обоими. Он принесет погибель и твоему, и моему народу. Увы, я не решилась.

Она откинула голову, и солнце зажгло огнем ее рыжие волосы. Лиан чуть не задохнулся от муки.

— В чем дело, летописец?

— Солнце в твоих волосах — ты стала так похожа на Карану.

Малиена снова села прямо, и сходство исчезло.

— Ну-ну, — сказала она, вытирая слезы у него на щеках синим льняным платком, — погоди-ка, что это? — Она взяла его лицо в ладони и принялась рассматривать. — Открой глаза!

Лиан, мигая и щурясь на солнце, открыл глаза.

— Ах! — вздохнула она. — Так я и думала, когда ты упомянул сон.

— Что? — вскричал он в тревоге.

— На твоих карих глазах появились белые крапинки, а на руках выступили белые веснушки — здесь, здесь и здесь. У тебя *есть* «дар Рулька» — клеймо проявляется.

Лиан побелел.

— Мы, дзаиняне, называем это «проклятием Рулька» — так много нас погибло из-за него.

— И ты тоже погибнешь, если те, кто выжил среди руин Шазмака, об этом узнают. Это будет жестоко и несправедливо, но кто же станет их винить?

— Предательство дзаинян — если только это было предательство — случилось давным-давно. Что же, нас нужно преследовать до конца времен?

— Я бы сказала «да», летописец! Мы простили дзаинян, но вы с Караной пришли в Шазмак с Зеркалом, и Шазмак пал.

— Я не имею к его падению никакого отношения.

— Но ты с этим связан! А теперь у тебя проявляется клеймо Рулька — нашего старинного врага. Гаршарды также были слугами Рулька в древние времена. Как же нам не думать, что их появление и твои отметины предсказывают будущее? Как нас может не беспокоить, для чего планирует тебя использовать Тензор?

— Лучше займись Ночной Страной и убедись, что из нее нельзя выбраться, вместо того чтобы изводить меня! Меня тщательно проверяли перед тем, как я покинул Эпперанд, — сказал Лиан. — Нас всех!

— Ты говорил, что, когда Тензор напал на Тайный Совет, ты ощутил боль и ослеп, но это вдруг прошло. Наверно, «дар Рулька»

у тебя был скрытый, а оружие, разрушающее мозг, высвободило его. Теперь тебе угрожает самая большая опасность в твоей жизни.

Записная книжка соскользнула с колен Лиана в грязь. Ветерок начал переворачивать страницы. Он не замечал этого, пристально глядя на Малиену.

— Помоги мне! Я убегу сегодня ночью. Ты можешь…

— Через несколько часов тебя найдут, и тогда станет ясно, почему ты сбежал. Дай мне подумать.

Она снова внимательно оглядела юношу.

— Клеймо бледное. Я начала его искать потому, что ты рассказал о своих снах. Это еще один признак «дара» — общие сны. Не думаю, что кто-нибудь заметит твои глаза — разве что подойдет очень близко, да и то лишь в дневное время. Надвигай на глаза шапку. Я буду рядом с тобой, так что остальным не нужно будет подходить близко.

— А как насчет Тензора?

— Возможно, он привел тебя именно поэтому. Если так, он ничего не скажет. Будь с ним осторожен. А когда мы спустимся на соленое дно, тебе в любом случае придется надеть специальные очки, чтобы не ослепнуть, и этого будет достаточно, пока мы не доберемся до Катадзы. А там… Ну ладно, дорога туда длинная. Что касается веснушек, я сделаю краску от них.

Лиан взял Малиену за руку, растроганный и благодарный. Но она отдернула ее.

— Если кто-нибудь следит, то удивится, — сказала она. — Не делай ничего вызывающего любопытство.

— Почему ты помогаешь мне, идя против своих?

Она улыбнулась.

— Потому что, вопреки всему, ты мне симпатичен, летописец. Потому что мы, потомки Элиноры, склонны защищать эксцентричных чудаков. А главным образом потому, что моя родственница Карана оставила на тебе свой знак — такой же бесспорный, как это клеймо, а это обязывает меня защитить беззащитного.

Малиена ушла. Лиан в полном смятении сидел на краю утеса, пока не стемнело, даже не замечая великолепные краски заката. Только когда стало совсем темно, он поднялся, подобрал записную книжку и побрел к костру ужинать.

На следующий день на рассвете Малиена пришла к нему в палатку с маленькой баночкой, от которой пахло ланолином.

— Втирай эту мазь понемногу каждое утро в кожу лица и рук. Она содержит красящее вещество, которое скроет эти пятна. — Бросив ему баночку, она удалилась.

28
Сталактит

Идлис резко остановился.

— Свет! — проскрипел он.

Женщина у него за спиной расчехлила фонарь. Они не замечали великолепия пещеры, этого собора, созданного природой, которую осветил зажженный фонарь.

— Я услышал всплеск, — сказал Идлис. — Возможно, Карана еще жива. Веревку, скорее!

Гаршарды столпились на узком выступе обрыва, пытаясь осветить темноту ущелья. Отражения огней танцевали на поверхности большого озера под ними. Сбросив плащ, Идлис спустился вниз по веревке. Теперь он плавал кругами, всматриваясь в глубину.

— Еще света! — закричал он. — Помогите мне найти ее! — И еще несколько гаршардов заплескались в озере.

— Она здесь, — воскликнул Ярк-ун, всплыв на поверхность с безжизненным телом Караны в руках.

Разместив девушку на гладком камне, похожем на стол, они начали делать ей искусственное дыхание. Струйка розовой воды вытекла у Караны изо рта.

Идлис осмотрел ее голову. Затылок распух, сбоку был небольшой порез, который почти не кровоточил. Он ощупал своими руками целителя кости, живот девушки, приложил ухо к груди, посветил фонарем в глаза, приподнимая большим пальцем веки Караны.

— Она жива! — сказал Идлис. — Она не сильно пострадала. Наверно, из-за шока приостановилось дыхание: она не нахлебалась воды. Прикусила язык — но чуть-чуть. Вытрите ее, заверните во что-нибудь теплое и поставьте кипятить воду.

Все это было проделано с автоматической четкостью. Вскоре Карана лежала уже завернутая в плащ, а гаршарды стояли вокруг, пристально глядя на нее и ожидая, когда девушка придет в сознание.

Тихо застонав, Карана открыла глаза. И тут же снова сомкнула ресницы, пытаясь справиться с паникой. Она лежала на какой-то плите, как на алтаре для жертвоприношений, а сверху на нее глядели шесть гаршардов. Девушка напряглась, собираясь вскочить и убежать, и от этого у нее заболела голова.

— От нас не убежишь, Карана из Баннадора, — произнес голос, который она не узнала: словно змея прошуршала в ведре с

жуками. — Помоги нам — и мы не причиним тебе вреда. Господин даже наградит тебя. Но предупреждаю: *если будет нужно, мы тебя заставим!*

— Чего вы от меня хотите? — хрипло спросила Карана: горло тоже болело.

— А как ты думаешь? — ответил ей вопросом Идлис. Карана снова прикрыла глаза. Для чего же она им? Зачем они проделали такой путь, преследуя ее?

— Видимо, вы хотите использовать мой дар, — прошептала она.

— Да, как и прежде.

— Прежде?

— Именно твою петлю связи уловил наш совершенный господин и использовал, чтобы мы пробудились и осознали, кто мы на самом деле, — объяснила очень худая женщина.

Внезапно к Каране вернулись воспоминания, которые она так долго гнала прочь: та ужасная ночь возле Нарна, когда она отослала Лиана незадолго до прихода вельмов. Она вспомнила, как отправила мысленное послание Магрете, однако это послание необъяснимым образом попало в измерения, которые Карана даже не могла вообразить.

— Вы хотите использовать меня для контакта с Рульком? — похолодев от ужаса, спросила девушка. *Теперь* она вспомнила ту ночь в мельчайших подробностях. Вот почему она заблокировала свой талант по пути в Сет, одновременно подавив кошмарные воспоминания.

Но результат той ночи был ужаснее всех ее страданий. Рульк использовал ее способности, чтобы пробудить вельмов и внушить им то, что было ими забыто три поколения назад: что они гаршарды, его слуги, связанные с Рульком договором после падения дзаинян.

Значит, гибель Шазмака и смерть всех, кто там жил — ее аркимских друзей, — на ее совести! *«Моя вина! Моя вина!»* — звучало у нее в мозгу погребальным колоколом, который звонил по тем, кого она знала и любила.

«Больше никогда! — подумала она. — Я больше не стану вам помогать, *добровольно или нет*». Она на минуту приоткрыла глаза, взглянув на высокий свод пещеры. Там, наверху, висела большая группа сталактитов, похожая на коровье вымя. Гаршарды не отрывали от Караны взглядов. Карана содрогнулась. Она должна сделать все, что в ее силах, чтобы не допустить их власти над собой.

Девушка почувствовала холодное прикосновение на горле. Глаза ее открылись. Над ней склонилась старуха, еще более

тощая, чем Идлис, — правда, ее глаза казались добрыми.

— Давай начнем, — сказала она. — Ты установишь связь, как делала прежде.

— Я не могу! Магрета, если она жива, должно быть, далеко. Мой контакт работает, только когда я нахожусь близко от того, с кем связываюсь.

Гаршарды сгрудились, совещаясь, но Карана слышала обрывки их речи.

— Может быть, она лжет, — предположила женщина с добрыми глазами.

— Может быть, Квиссана, — ответил Идлис. — Правда, и у нас происходит то же самое. Если связь вообще работает, то только на близком расстоянии.

— А та женщина, Магрета, была особенная, — заметил костлявый Тассель. — Это был необычный контакт.

Они вернулись.

— Отправь мысленное сообщение старику, — велел Идлис.

— Я не могу: Шанд — не чувствительник. В любом случае я заблокировала свой талант еще в Нарне, и он больше не проявляется, даже когда мне это нужно.

Слова девушки вызвали новые споры, потом Квиссана позвала:

— Реббан, иди сюда.

Молодой человек с совершенно белой кожей, бесцветными волосами и розовыми глазами подошел к Каране.

— Реббан — наш самый сильный чувствительник, — сказала Квиссана. — Он поможет тебе вновь обрести дар.

Карана посмотрела в глаза альбиносу. Мысль о контакте с ним была омерзительна. Девушка начала вырываться, но гаршарды удержали ее и привязали к скале за запястья и лодыжки. Положив свои кажущиеся прозрачными ладони Каране на лоб, Реббан закрыл глаза. Она принялась мотать головой из стороны в сторону, чтобы сбросить его руки, но тогда кто-то из стоящих рядом стал держать ей голову.

Карана почувствовала легкое давление внутри черепа и тепло в носовых пазухах и ушах. Она делала все, чтобы избежать установления контакта. Но, несмотря на это, вдруг почувствовала, как в сознание внедряется чужая мысль — предвестник контакта. Запаниковав, Карана напряглась, и в тот же миг прекратилось вмешательство Реббана в ее мозг, а сам альбинос отшатнулся от девушки.

Карана открыла глаза. Реббан стал еще бледнее, по его лицу струился пот.

— Она сильна, — сказал он. — Придется применить *квадрат.*

Гаршарды, все шестеро, окружили ее. Идлис достал что-то из мешка, от чего отрезал маленькие кусочки и протягивал их своим соплеменникам. Гаршарды прожевали вещество, полученное от Идлиса, и соединили руки. Карана ощутила в голове то болезненное хихиканье, которое уже испытывала прежде.

— Убирайтесь! — закричала она. — Убирайтесь из моего мозга! — Однако ее враги продолжали попытки проникнуть в сознание девушки.

Теперь Карана чувствовала болезненное покалывание, словно по ее позвоночнику водили железной щеткой. Боль с каждой минутой становилась все сильнее.

— Связь! — прошептала Квиссана.

— Нет! — завопила Карана, плюнув старухе в лицо. *«Связь! Устанавливай связь!* — раздался шепот у нее в голове. — *Смотри, мы разговариваем в твоем сознании. Ответь нам. Установи связь».*

— Нет! — Карана извивалась на плите. — Никогда!

Но при этих словах она ощутила в мозгу присутствие уже знакомого ей образа хозяина гаршардов, его величие и цель, его боль и мучения в тысячелетнем заточении в Ночной Стране. *«Установи контакт! Освободи господина!»*

Карана чувствовала, как ее воля сгибается, а разум ослабевает под давлением шести чужих сознаний.

Что ей предпринять, чтобы оставить это? Она даже готова была снова погрузиться в безумие, если бы это было возможно. Она бы нанесла ответный удар, как Магрета, но Карана не владела Тайным Искусством.

«Установи контакт! Установи контакт! Установи контакт!»

Карана тяжело дышала. Связь делалась все сильнее, несмотря на ее сопротивление. «*Я не стану!* — подумала она, — Не стану! Как же мне использовать эту силу против них? Как поступить? По крайней мере они не знают, что я думаю. Никто не может читать чужие мысли».

Девушка извивалась, стонала, мотала головой из стороны в сторону, бешено рвалась из пут, связывавших руки и ноги, — нарочно пыталась создать впечатление, что она в полной панике и вот-вот сдастся. Гаршарды усилили нажим, и внезапно Карана затихла. По телу пробежала сильная дрожь, голова упала набок, язык вывалился изо рта, по щеке потекла слюна.

Давление ослабло, и в ту же секунду Карана, собрав всю свою волю, перенаправила мысленное давление гаршардов в их собственное сознание, применив тот странный талант, с помощью которого она послала Лиану сон в ночь накануне ее суда в Шазмаке.

Ярк-ун вскрикнул. Идлис в шоке вскинул руки. Альбинос

Реббан, пошатываясь, проковылял к озеру и свалился в воду. Двое других бросились выуживать его оттуда. Давление гаршардов на нее исчезло, и Карана, напрягаясь из последних сил, отправила мысленное послание Шанду. Устанавливать внутренний контакт чувствительники могли только с существом, способным его поддерживать, а передавать мысли в случае крайней необходимости — кому угодно.

«Шанд, помоги мне!» — воскликнула она и, открыв глаза, послала ему все увиденное сейчас — пещеру со сталактитами на потолке, похожими на вымя, оцепеневших гаршардов и тысячу сверкающих отражений. Через мгновение этот образ растворился, и девушка лежала теперь, тяжело дыша.

Должно быть, ее удар по врагам был очень силен: гаршарды снова применили «квадрат», но на этот раз с целью привести Реббана в себя. Карана ощутила дурноту, которая мучила ее обычно после применения своего дара. Приведя Реббана в чувство, гаршарды занялись стряпней. Затем они заснули, и только двое караулили. Карана понятия не имела, сколько времени, но, должно быть, прошло много часов с тех пор, как ее схватили. «Наверно, скоро рассветет». Наконец она задремала.

Когда девушка очнулась ото сна, ее покормили: дали кашу и чай с привкусом каких-то листьев. Пока она ела, гаршарды, включая Реббана, собрались в кружок и что-то бурно обсуждали. Карана не слышала, о чем идет речь. Но в какой-то момент Квиссана повысила голос, — возможно, нарочно.

— Послушайте, нужно попробовать на ней хракс, — сказала она. — Заставить ее!

— Нет, — возразил Идлис. — Хракс может быть смертелен для людей, особенно для двоекровников. К тому же она такая маленькая, что трудно правильно рассчитать дозу.

— Какое имеет значение, жива она останется или мертва? Я бы с радостью отдала свою жизнь, если бы это помогло освободить господина.

— Ах! — воскликнул приземистый Ярк-ун. — Но ведь от мертвой нам нет никакого проку. Ее дар бесценен.

— Но сначала мы должны освободить хозяина! — заявила Квиссана. — Если он не будет свободным, мы все сойдем в могилу с невыполненным долгом. Стоит рискнуть.

— Я собираюсь дать тебе небольшую дозу хракса, — обратился Идлис к Каране. — Мы используем его в «квадрате», чтобы соединить наши сознания и усилить волю. Надеюсь, он тебя не убьет. Воздействие этого средства на таких, как ты, непредсказуемо.

— Я была безумна всего лишь месяц назад, — произнесла

Карана, надеясь отговорить его. — Вероятно, хракс снова вернет меня в это состояние.

— Вероятно. Но твое безумие не помешает нам использовать твой талант. На самом деле контакт может стать от этого даже сильнее.

— О! — обреченно вздохнула Карана.

— Не исключено, что ты пристрастишься к храксу, а зависимость от него — скверная вещь. Но и это может быть нам полезно. Конечно, мы будем давать его тебе, *пока ты будешь нам верно служить*.

Карана ничего не ответила. Она чувствовала себя совсем потерянной.

— Открой рот, — приказал Идлис.

— Нет!

Он попытался открыть ей рот насильно, но она укусила его за палец. Идлис взвыл.

— Держите ее! — сказал он товарищам, и один из гаршардов схватил девушку за голову. — Открой ей рот.

— Нет! — завопила Карана, но она ничего не могла поделать.

Шанд, дремавший в своем кресле, резко проснулся от крика Караны: «Шанд, помоги мне!» — и перед его мысленным взглядом возникло и растаяло изображение пещеры, освещенной фонарями. Он вскочил и высунул голову за дверь, ожидая увидеть дюжину людей, бегущих на этот отчаянный крик. Однако в коридоре было пусто, а в гостинице спокойно.

Светало. На улицах народ неспешно следовал по своим делам. Только тут Шанд осознал, что крик и картинка — это послание ему. Он попытался восстановить изображение, которое уже угасло. Перед его взглядом опять предстали пещера, свет, отражавшийся от тысяч граней, многоцветные сталактиты и группа каких-то людей (их лица были нечеткими) — они смотрели вниз. Потом картинка исчезла.

Кто-то захватил Карану, но кто? Если это ответ на депешу Иггура, то удивительно быстрый. Слишком быстрый, даже если вернулся мэр.

Шанд спустился вниз, хозяин гостиницы уже был на кухне и писал на доске меню на день.

— Пещеры? — переспросил он, потирая шрам на челюсти. — Здесь повсюду пещеры. Я могу назвать их с дюжину.

— Какая ближайшая? — небрежным тоном осведомился Шанд.

Ответ был пространный.

— Лучшая — неподалеку, у подножия первого утеса, в паре

лиг отсюда. На кухне для вас упакуют корзинку для пикника, если вы туда отправитесь. Правда, пещеры там опасные, и мы потеряли не одну корзинку таким образом. Мне придется взять с вас задаток — на случай, если вы не вернетесь.

С минуту Шанд думал, что хозяин шутит, однако он не был похож на человека с юмором.

— Я имел в виду что-нибудь поближе, — сказал Шанд. — А есть тут что-нибудь, скажем, в районе между гостиницей и рынком?

— Нет. Хотя подождите… в парке есть пещеры, и, говорят, красивые. Я сам никогда там не бывал.

— Эти подойдут, — решил Шанд. — Вы можете упаковать еду и дать мне фонарь? Не волнуйтесь насчет корзинки, — добавил он, когда хозяин приоткрыл рот.

— Я хотел сказать, что в парке вы можете взять фонарь напрокат, — произнес хозяин. — Когда вам подать завтрак?

— Через десять минут, — ответил Шанд, поднимаясь по лестнице и шагая через две ступеньки.

После завтрака он отправился в парк. По пути Шанд заглянул на рынок и купил там веревку и молоток с длинной ручкой.

Подойдя к воротам парка, Шанд постучался в дверь маленькой сторожки, находившейся рядом с ними. Вышел молодой человек, протирая глаза.

— В пещеры в ту сторону? — спросил Шанд.

— Верно, — ответил служитель. — Вы бы не хотели взять напрокат фонарь?

— Два фонаря, — ответил Шанд. — У вас тут много посетителей?

— В это время года — нет, но летом наши пещеры очень популярны. Вчера была молодая женщина, очень поздно. Украла мой фонарь, — пожаловался он печально. — Придется отчитываться за пропажу. А казалась такой милой.

— Она была единственной посетительницей вчера?

— Нет. Вскоре появилась группа из шести человек, но они не взяли фонари. — Молодой человек их описал.

«Вельмы! — подумал Шанд. — А они что тут делают?»

Уплатив задаток, он взял свои фонари и направился к пещере. У входа он тщательно осмотрел землю, но на мягкой почве осталось слишком много следов. Шанд вошел внутрь и почти полностью зашторил фонарь: он знал, что свет в темноте виден издалека и что враги сразу же заметят, если туннель внезапно осветится.

Поскольку Шанд вынужден был двигаться осторожно, да еще почти без света, за несколько часов он преодолел совсем

небольшое расстояние. Раз или два он не там повернул и вынужден был возвращаться. В одном месте обвалился свод пещеры, почти полностью завалив выход из нее, и на скале рядом с рухнувшими глыбами были вырезаны имена трех людей — двух женщин и ребенка, очевидно погибших при обвале. Неподалеку Шанд заметил неумело выполненный на стене рисунок — цветы и несколько трогательных стихотворных строк. Шанд склонил голову и протиснулся мимо каменных глыб.

Наконец его осторожность была вознаграждена: впереди замаячил неясный свет. Шанд зашторил фонарь и пополз вперед, пока не очутился на выступе, где туннель переходил в пещеру. Внизу было большое озеро, на берегу которого вокруг плиты из известняка стояло шесть фигур.

На плите лежала Карана. Со своего места Шанду не было видно, жива ли она. Он осмотрел пещеру. Она представляла собой величественное зрелище, хотя сейчас старику было не до того. Свет от фонарей гаршардов отражался в миллионах крошечных граней. Сверху, со свода пещеры, свисали сталактиты — в форме коровьего вымени. Он помнил их по посланию Караны.

Шанд снова обратил взгляд на сцену, разворачивавшуюся внизу. Одна из фигур в плаще спустилась к воде. Шанд почувствовал, как по спине пробежал холодок: он узнал характерную неуклюжую походку вельмов — или гаршардов.

Конечно, они проделали весь этот путь с единственной целью — найти Карану! Как же ему с ними драться? С двумя он, пожалуй, справится. «А может быть, всего с одним», — горестно подумал он. Да, он стал не тот!

Шанд уселся, прислонившись спиной к стене туннеля. Особенно смотреть было не на что: четверо гаршардов легли на полу, двое встали на страже. Они очень бдительно несли дежурство. К его радости, Карана пару раз пошевелилась.

Взгляд старика снова обратился к своду, и его внимание привлекли сталактиты. Он знал, что сталактиты легко отламываются. Почему бы и нет? Часть пещеры над его выступом была в тени. Стоит попытаться. Сняв сапоги и носки, он привязал конец веревки к ближайшему сталагмиту, убедился, что молоток у него в рюкзаке, и полез вверх.

Это было не трудно, так как после недавнего обвала осталось много трещин и выступов. Оказавшись наверху, Шанд посмотрел вниз. Фигуры в плащах снова собрались вокруг Караны. Для чего она им нужна? У него были самые неприятные подозрения.

Шанд изучил трещину в потолке, идущую над сталактитами, образующими массу в виде вымени. Щель была узкая, и в нее

можно было просунуть разве что узкую сторону головки молотка.

Шанд закрепил веревку и вынул молоток. Затем просунул молоток в щель и дернул. Ничего не произошло. Он нажал сильнее, но все было тщетно.

Отдышавшись, он посмотрел вниз. Пять фигур стояли вокруг Караны, а шестая копалась в мешке.

Шанд взобрался повыше и увидел, что трещина продолжается и с другой стороны сталактитов. Если ударить там, можно отломать большой кусок и спугнуть гаршардов. И тут он услышал, как Карана закричала: «Нет!»

Один держал ее голову, другой приблизился к ней. Карана громко закричала от ужаса. Шанд прищурился, проклиная свои старые глаза. Нужно срочно что-то сделать, чтобы их отвлечь. Уперев ногу в тонкий сталагмит, Шанд столкнул его вниз. Сталагмит сломался с треском, как морковка, и с всплеском погрузился в воду.

Гаршарды внизу закружились, всматриваясь в круги на воде. Подняв фонари, освещавшие их лица, казалось, состоявшие из углов, они обследовали пещеру. Однако не обнаружили Шанда, скрывавшегося среди сталактитов. У воды они устроили совещание.

Шанд понял, что это его единственный шанс. Взяв молоток, он размахнулся со всей силой и ударил по сталактитам. Шум был оглушительный, а откололось несколько мелких кусочков — вот и все. Эхо разнеслось по всей пещере.

Гаршарды стояли неподвижно, прислушиваясь. Они знали, что наверху кто-то есть, но не видели его. Эхо замерло, и Шанд услышал треск. Ему показалось, что сталактиты стали отходить от потолка. И в этот самый момент сталактиты пришли в движение и вся масса в форме вымени рухнула вниз.

Шанд в ужасе наблюдал за тем, как она погрузилась в воду с таким шумом, что у него чуть не лопнули барабанные перепонки. Вода хлынула во все стороны, и огромная волна накатила на гаршардов, стоявших с разинутыми ртами, и на камень, на котором лежала Карана. Волны вздымались до середины стен, брызги жалили лицо Шанда. Затем внизу погас последний фонарь, и старик остался наверху, среди сталактитов, в полной темноте.

29
Навязчивые идеи

Проснувшись в постели Иггура, Магрета потянулась к своему любовнику — первому мужчине, который держал ее в объятиях. Постель была пуста. Иггур сбежал.

Она была разочарована, хотя и не удивилась, зная, как он одержим своей работой и идеей поймать Мендарка. Искупавшись и съев завтрак, который принесла на подносе Долодха, Магрета пошла проведать Феламору.

Феламора была очень слаба, но злость в ней осталась.

— Почему ты не носишь очки? — спросила она. — Ты хочешь, чтобы все увидели цвет твоих позорных глаз?

— Я горжусь своими глазами, — ответила Магрета с улыбкой, встряхнув головой. Ничто не могло сегодня омрачить ее настроение.

— Что с тобой такое? — в бессильной ярости вскричала Феламора.

— У меня есть *любовник!* — Магрета почувствовала безумную радость, произнеся эти слова, которые еще вчера не решилась бы выговорить.

— Иг… Иг… — задыхаясь, пыталась произнести Феламора.

— Да, Иггур! — воскликнула Магрета, с удовольствием бросая вызов. — Мой любовник, мой любовник, мой любовник! — Танцуя, она покинула комнату, даже не оглянувшись на Феламору.

Феламора билась в ярости, ноги подергивались, изо рта шла пена. Она так сильно сжала кулаки, что ногти впились в ладони.

— Нет… ты… нет! — стонала она. Медленно, с великим трудом она уселась в кровати. — Ты моя! Когда… меня не станет… — шептала она, задыхаясь, — он никогда больше… не осмелится… на тебя взглянуть.

Магрета была важной частью великого плана, который Феламора вынашивала веками, — разбить Непреодолимую Преграду и забрать феллемов домой, на Таллалам. Их мир нуждается в своих сыновьях и дочерях, и ничто не должно стоять у нее, Феламоры, на пути, а уж тем более этот выскочка Иггур. Она постаралась успокоиться, чтобы вновь обрести силы, утраченные на Тайном Совете. Боль была ужасная, но Феламора не сдавалась. Она подпитывалась из какого-то забытого источника, и образ Магреты начал медленно вырисовываться в ее сознании. Она сосредоточилась, делая его столь совершенным,

что никто бы не смог отличить его от реальности. Затем она вывела его из сознания, и он возник в воздухе.

Иллюзия медленно вращалась, а Феламора подправляла детали то тут, то там — изгиб уха, блеск волос, форма плеча. Работа еще не была закончена, когда Феламора ощутила признаки дурноты — результат своих усилий. Однако она продолжила наносить последние штрихи.

Теперь она вносила определенные небольшие изменения во внешность двойника Магреты. Слегка расширила нос, углубила глаза и заставила их сиять, как живой огонь. Кожу она сделала чуть темней. Когда Феламора изменяла цвет каштановых волос, делая их блестящими, иссиня-черными, как у каронов, ей стало еще хуже.

Где же теперь Магрета? Напрягаясь из последних сил, Феламора увидела, как та поднимается по лестнице, ведущей на зубчатую стену крепости.

— Ступай! — приказала она иллюзии. — Выполни свою работу, и сделай это хорошо — другого шанса не будет. — Феламора направляла своим сознанием созданный образ — по коридорам и лестницам, и это было так тяжело, словно она несла Магрету на плечах. Только убедившись, что двойник Магреты поднялась на крепостную стену, она сдалась. Упав на пол, Феламора пролежала без движения весь день.

Магрета пошла в кабинет Иггура, но там его не было. Никто не знал, где он, и Магрета провела не один час, безуспешно обыскивая крепость. Может быть, он наверху, на стене? Поднимаясь по лестнице, Магрета ощутила легкое беспокойство. У нее возникло чувство, что то, чем они с Иггуром занимались прошлой ночью, больше не повторится. Отогнав эту мысль, она продолжила путь, но уже без прежней легкости.

Она нашла Иггура на стене старой крепости. Магрета стояла, наблюдая, как он взволнованно шагает взад-вперед: порывистые движения, прихрамывающая походка, потупленный взгляд. Дойдя до угла, он развернулся и направился обратно.

Когда их разделяло всего несколько шагов, Иггур взглянул прямо перед собой. Увидев Магрету, он замер на месте.

— Магрета! — начал он. — Я дурак. Вчера ночью я подумал…

Она вынырнула из тени на яркий свет, бросившись к Иггуру с распростертыми объятиями. Иллюзия, созданная Феламорой, слегка сместилась, затем слилась с реальной Магретой. Теперь глаза Магреты сверкали, как горящие маяки.

Иггур не мог сдвинуться с места. На мгновение ему показалось, что перед ним копия самого Рулька. Не менее

ужасная оттого, что она была женщиной, — напротив, еще более устрашающая, поскольку Иггур провел ночь, лежа рядом с ней, совсем беззащитный. Он вообразил, что она пришла, чтобы мучить его, овладеть его разумом, как Рульк.

— Убирайся! — закричал он, закрывая лицо руками.

Магрета остолбенела. Взор ее затуманился. Затем, когда Феламора рухнула в своей комнате внизу, иллюзия слетела с нее, как шелковая сорочка, спадающая с плеч.

— Иггур, в чем дело? — прошептала Магрета.

Она снова стала похожа на себя, хотя ярко-красные глаза изводили его по-прежнему. Иггур уронил руки, он побледнел; коротко кивнув, как кивают знакомому, которому должны деньги, он прошел мимо.

Магрета не понимала, что случилось, — единственную причину она видела в том, что вчера ночью совершила нечто, смертельно оскорбившее Иггура. У нее все внутри разрывалось от боли и обиды.

Собрав все свое мужество, она последовала за Иггуром в кабинет, где царил полный хаос. Войдя, она услышала яростное рычание:

— Как? Он сбежал?

— Д-должно быть, он все время был в п-портовом городе! — заикался несчастный Чейк.

— Я уничтожу их! Я затоплю портовый город! — гремел Иггур.

Магрета не стала приближаться к нему. Она знала, что дело не в Мендарке. Дело в ней, но он никогда не признается в этом. Она знала, почему у него все идет не так. Иггур слишком негибок. Умение вести войну не помогало ему при управлении анархичным Туркадом и непокорным Баннадором. А она, Магрета, подорвала его силы: из-за нее он дал волю своим глубочайшим страхам. Что в ней такое, что воздействует на всех, кого она встречает? Лишь Феламора могла бы подсказать ей ответ, но она не сделает этого, особенно после того, как Магрета бросила ей вызов.

Три дня Иггур бродил по крепости, как сумасшедший. Никто из его советников и генералов не смел к нему подходить, кроме Вартилы. Он не смотрел на Магрету в кабинете, не прогуливался с ней и, уж конечно, не спал в своей кровати, когда в ней была Магрета. С каждым днем он выглядел все более измотанным и отчаявшимся.

Магрета расспрашивала всех, кто его знал, даже Вартилу, но никто не видел его в таком состоянии прежде. Она отправилась

разыскивать его и наконец нашла на крепостной стене. Он был не похож сам на себя, а когда заметил приближающуюся Магрету, попытался улизнуть по другой лестнице.

Подбежав к Иггуру, Магрета схватила его за плечо.

— Я должна с тобой поговорить. Ты разрываешь мне сердце.

— Тогда уходи, — ответил он. — Я не могу тебя удерживать, да и не хочу.

— Я не уйду, пока ты не объяснишь, в чем дело, — заявила Магрета. — Я невольно тебя обидела? Или я такая никудышная любовница, что тебе неприятно быть со мной? Я желаю знать. Я прошу тебя — научи меня тому, что доставляет тебе удовольствие.

— Дело не в этом, — сказал Иггур, отворачиваясь от нее, чтобы не видеть глаз Магреты.

— Так в чем же? Я должна знать!

— Я боюсь, — пробормотал он.

— Кого? *Меня?*

— Нет, — солгал он, и она это поняла.

— Тогда чего же? Скажи мне!

— Бегства Мендарка, — в отчаянии произнес он. — И почему половина моих вельмов покинула меня и стала гаршардами? Что они задумали? Почему именно Шазмак? Каков бы ни был их план, я к нему не готов, а они знают все мои секреты. *Так не должно было быть!*

«Хватит скулить, — подумала она. — Поднимись и сделай что-нибудь».

Иггур, прихрамывая, стал удаляться от Магреты. Он явно не собирался объяснять ей, в чем проблема. Как же ей разобраться в происходящем? Магрета даже решилась спросить у Феламоры, но та уже три дня была без сознания. *Три дня!* С тех самых пор, как начался странный недуг Иггура. В душу Магреты закралось подозрение. Симптомы болезни Феламоры походили на дурноту после применения чар. Но как же так? Ведь она утратила свою силу полностью! Или нет?

Магрета вспомнила, как испуганно вглядывался Иггур в ее глаза в ту ночь. Все встало на свои места: и странные ощущения, которые она испытывала, идя по лестнице к Иггуру, словно она смотрела сквозь вуаль; и реакция Иггура, как будто он увидел кого-то другого — кого-то, кто наводил на него ужас. Ну конечно! Она напомнила ему Рулька, его самого жестокого врага!

Теперь, когда Магрета поняла, в чем дело, она чувствовала себя сильной и могла помериться силами не только с Иггуром, но даже с Феламорой. Иггур оказался не тем мужчиной, которого она придумала, и все же она не собиралась позволить Феламоре и

дальше управлять ее жизнью. Магрета догнала Иггура и преградила ему путь, расставив руки.

— Я знаю, что тебя беспокоит, — тихо сказала она, — но ты ошибаешься.

Иггур задрожал и старался смотреть куда угодно, лишь бы их взгляды не встретились.

— Несмотря на мои глаза, я тебе не враг, — сказала она. Иггур молчал. — Разве ты не видишь, что сделала Феламора? Разве ты не распознал ее иллюзию?

— Иллюзию? — в изумлении переспросил он.

— Пойдем вниз, и ты поймешь. — Магрета все объяснила ему по пути и заставила остаться за дверью, когда они дошли до комнаты Феламоры.

Феламора лежала неподвижно. Магрета взяла ее за плечи и стала трясти, но та не шевелилась. Тогда Магрета сильно ударила ее по щеке, затем по другой, потом еще раз, сильнее. Наконец глаза Феламоры открылись.

— Что ты со мной сделала? — закричала Магрета.

Феламора с трудом улыбнулась торжествующей улыбкой.

— Этот дурак называет себя мансером! Он даже ничего не заподозрил! — прокаркала она. — Ты моя и всегда будешь моей. — И она снова погрузилась в забытье.

У Иггура был такой вид, словно ему отказали ноги.

— Она одурачила меня с помощью иллюзии! — сказал он, опускаясь на пол. — *Меня!* — Он сидел на полу, качая головой.

Уважение Магреты к нему еще уменьшилось, но она не собиралась так легко отказываться от этого человека. Она помогла Иггуру подняться наверх, и ей было совершенно безразлично, жива Феламора или мертва.

Зима, принесшая в Туркад дожди, мокрый снег и пронизывающий ветер, наконец-то закончилась, и ее сменила весна. Иггур постоянно был на грани нервного срыва, как будто опасался прихода какого-то могущественного врага, который отнимет у него Империю. Не для того ли явились гаршарды, чтобы подготовить путь для своего господина? Память о том, как Рульк овладел его сознанием, и сильный страх мучили его все более жестоко.

Когда Магрета только пришла в крепость, недуги Иггура были едва заметны; однако со временем, особенно после создания Феламорой иллюзии, Иггур еле волочил за собой больную ногу так, что порой самому себе казался стариком. В такие периоды он говорил отрывисто, словно каждое слово давалось ему с трудом; становился заметен паралич, поразивший его лицо.

После нескольких дней одиночества Иггур снова начал искать общества Магреты. Они возобновили утренние и вечерние прогулки по стене крепости. Они были почти друзьями — пока Магрета не снимала очки. Но отношения между ними установились не настолько теплые, чтобы Иггур пришел к ней в постель.

Иггур был занят управлением завоеванными землями. Большая часть Империи уже покорилась, но в Туркаде, самом свободолюбивом городе новой Империи, Иггуру приходилось постоянно быть начеку. К тому же до него доходили сведения, что за морем, в Нилькеранде, Тиллан и его помощник Беренет собирали большую армию, готовясь к вторжению.

— Иггур, — сказала однажды Магрета.

— М-м, — рассеянно отозвался он, склонившись над картой Нилькеранда.

— Помнишь, как прошлой осенью ты держал меня в плену в Фиц Горго?

— Я вряд ли смогу это забыть.

Магрета колебалась. Уже целый месяц ей хотелось задать мучивший ее вопрос, но она все откладывала.

— Однажды ты пообещал мне, что, если я расскажу тебе, где Фелимора и зачем ей нужно Зеркало, ты поведаешь мне о том, кто мои родители, что с ними случилось и почему они стали позором для феллемов.

Он напрягся, по-прежнему не отрывая взгляда от карты.

— Ты отказалась выполнить мою просьбу, — холодно ответил Иггур.

— Я не могла выдать мою госпожу — ты понимаешь? Теперь все изменилось, и я тебя снова спрашиваю об этом.

— Это для тебя важно?

— Ты же знаешь! Я ничто без этого — у меня нет ни родителей, ни семьи, ни предков. *Я должна знать!*

— Ты всю жизнь служила Феламоре. Почему ты не поинтересовалась своим происхождением у нее?

— Я быстро научилась не задавать подобных вопросов. Тема моих родителей была постыдной, и ни один феллем никогда об этом не говорил. Иггур, ты *должен* мне сказать!

— Прости, — ответил он. — Я не могу. В то время я полагал, что знаю. Это была одна из вещей, которые стали мне известны при помощи Зеркала.

— Полагал? Что ты имеешь в виду?

— Оно не зря называется Кривым Зеркалом, — сказал Иггур, все еще не глядя на Магрету. — С тех пор я понял, насколько оно

обманчиво. Ничему из того, что показывает Зеркало, нельзя доверять. Помни об этом, если тебе когда-нибудь еще придется держать его в руках. Оно лживо! — И с этими словами, положив линейку на карту, Иггур вышел из комнаты.

«Как же так? — подумала в недоумении Магрета. — Ты годами использовал Зеркало, чтобы следить за своими врагами, — вот каким образом ты стал столь могущественным. Этого не случилось бы, если бы Зеркало только лгало».

Магрете не хотелось верить Иггуру: это подточило бы мечту, которую она лелеяла с тех пор, как взяла Зеркало в руки в Фиц Горго и оно ожило в ее руках. Оно взывало к ней, предлагая окунуться в новый мир, другую жизнь, в которой она не будет в рабстве ни у Феламоры, ни у кого-либо другого.

Однако Магрета не верила и в то, что Иггур говорит неправду. Больше она не поднимала этой темы, но была полна еще большей решимости, чем когда бы то ни было, узнать, кто она такая.

— Значит, ты больше ничего не слышал о Каране? — спросила Магрета Иггура, когда они встретились за обедом.

Слухи о Каране доходили до Туркада из Ганпорта, а позже — из Грейнвиса, с ней связывали подозрительный недуг хлюна Зарета. Шпионы Иггура проследили Мендарка до Зиля, но там у Иггура не было никакого влияния. А вот о Тензоре и Зеркале не было никаких новостей — кроме того, что аркимы идут на север, что им удалось оторваться от погони и след их затерялся.

— Нет, после Грейнвиса ничего не известно. Правда, я знаю, что она направилась на север, затем — на восток. Надеюсь, новости появятся, когда вернутся мои скиты. У меня в той области есть несколько шпионов. Она замечательная девушка, эта твоя Карана.

— Даже более замечательная, чем ты можешь себе представить, — рассеянно пробормотала Магрета.

Иггур вздрогнул, затем поставил свой бокал с вином и, взяв Магрету за плечи, притянул к себе. Он даже не побоялся заглянуть ей в глаза.

— Ты мне не все о ней рассказала, — настороженно произнес он. — Что это?

— Ничего, — ответила она, удивившись, что возбудила его любопытство.

Но Иггур не сдавался.

— Чего же я не знаю о Каране? — допытывался он. — Разве мы с тобой не… друзья? Я бы не стал скрывать от тебя подобных секретов.

«Разве? — подумала она. — Я не так уж наивна. Возможно, и скрываешь». Однако, несмотря на всю противоречивость ее чувств к нему, Иггур занимал особое место в ее жизни, и Магрете хотелось сделать ему приятное, помочь хоть чем-нибудь.

— Я не могу тебе сказать. Секреты Караны не мои, и я не могу их выдать.

— Но, Магрета, *неужели ты мне не доверяешь?* — Девушка вспомнила, что уже выдала один секрет Караны: когда ее пытали вельмы, она открыла, что Карана — двоекровница. И Карана ужасно пострадала из-за этого. Ничто не заставит ее снова причинить вред подруге.

— Мне нечего добавить. Если бы ты действительно меня любил, то не заставлял бы предать друга.

— А если бы ты доверяла мне, ты бы не скрывала от меня важный секрет, — отрезал Иггур.

— Ты просто хочешь ее использовать, — сказала Магрета, обиженная и разочарованная. — Люди для тебя — всего лишь вещи, и когда они тебе больше не нужны, ты их просто выбрасываешь. — Круто повернувшись, Магрета вышла из кабинета и поднялась в свою комнату.

Магрета постоянно расспрашивала Иггура о Рульке. Сначала Иггур охотно говорил о своем враге, но по мере того как возрастал ее интерес к этой теме, росло и его беспокойство.

«Почему ее это так волнует? Говорит ли в ней кровь каронов? Мне бы нужно поподробнее разузнать о Каране, да и о Магрете тоже», — подумал он. И вдруг спохватился, что ответ на его вопросы находится у него в руках. Феламора! А она сейчас в его власти.

Теперь Иггур ощутил, что Феламора могущественнее его. Он бы никогда не мог надеяться выпытать у нее правду, если бы она была здорова: ведь ее иллюзии могли свести с ума любого. Однако Феламора уже целый месяц лежала в постели. Он понимал, что она утратила свою силу.

Иггуру было известно, что узы долга, связывавшие Магрету с Феламорой, по-видимому ненавидевших друг друга, все еще крепки. Магрета яростно реагировала на любую угрозу своей госпоже. Она не могла иначе.

Поэтому на следующий день, дождавшись, когда Магрета уйдет в город, Иггур пробрался в комнату Феламоры. Та лежала на постели без чувств. Она показалась Иггуру старухой, которая вот-вот умрет. Бесцветные волосы разметались по подушке, как влажный мех. Кровь медленно пульсировала под прозрачной кожей.

Иггур склонился над ней, раздумывая, как приступить к делу.

— Что ты хочешь от меня, «гах»? — спросила Феламора прерывистым шепотом. Ее старые золотистые глаза, похожие на бездонные колодцы, внезапно открылись.

Иггур не ожидал, что она проснется, да еще будет ему противостоять. Он не нашел ничего лучшего, чем сказать правду:

— Кто такая Магрета?

— Оставь ее! — прошипела она. — Магрета не имеет к тебе никакого отношения!

— Я должен знать. Я могу стать тебе хорошим другом в обмен на такую маленькую услугу.

— Я предпочитаю видеть тебя в качестве врага, — ледяным тоном заявила она.

— Да будет так. Тогда остерегайся: ты в моей власти, и я тебя заставлю все мне рассказать. — Он наклонился, чтобы схватить старуху за плечи. — Кто *она?*

Феламора улыбнулась, показав мелкие зубы и розовые десны. Зрелище было не из приятных. Ее рука, маленькая и тонкая, как птичья лапка, схватила Иггура за горло. Самый могущественный полководец Сантенара попытался отступить назад, но бесцветные ногти впились ему в горло.

«Это иллюзия», — подумал он. Однако Феламора не отпускала его. Он ощутил невыносимую боль; выпрямившись, он поднял Феламору с постели, и теперь она висела на нем. Иггур чувствовал, как ее ногти раздирают ему горло, кожу, плоть, артерии и дыхательное горло. Он увидел, как хлынула кровь, и тщетно пытался вдохнуть воздух. И тут Феламора рухнула рядом с кроватью, как влажная тряпка.

Пошатываясь, Иггур добрел до кресла и без сил опустился в него. Ощупывая себя, он понял, что на самом деле это и была иллюзия; хотя с обеих сторон шеи остались кровавые отметины, в целом он был невредим.

Иггур попытался заговорить, но не смог. Вероятно, Феламора повредила ему связки. Он откашлялся, взглянул на эту маленькую хрупкую женщину, неподвижно лежавшую на полу, и решил попробовать добиться от нее ответа по-другому.

— Мы с Магретой — любовники, — прошептал он, продолжая диалог, начавшийся до того, как Феламора вцепилась ему в горло.

— Нет! — плюнула она. — Ты, возможно, ее и любишь, хотя я в этом сомневаюсь: ты слишком влюблен в себя и свои собственные страдания. Но для Магреты ты всего лишь промежуточная станция в пути. Она никогда тебя не полюбит.

— Кто она? — повторил Иггур.

— Этого тебе не узнать, мансер, — ответила Феламора. — Я никогда не скажу, а ей ничего не известно. А теперь оставь меня.

— Я не успокоюсь, пока не выясню, — заявил он, хотя уже было понятно, что Феламора его победила.

— Как угодно.

— Тогда хотя бы скажи мне, что это за секрет у Караны, который не хочет мне открыть Магрета?

Феламора смерила его взглядом, потом злобно улыбнулась.

— Карана *троекровница,* — тихо произнесла она. Колени Иггура подогнулись, и он чуть не упал.

— Что? Как это может быть?

— Один из ее предков был феллемом. Его имя записано в регистрационной книге в Готриме, но его держат в тайне.

— Троекровница! — повторил Иггур. — Значит, в ней течет кровь трех миров. Это действительно большая редкость. — Он задумчиво посмотрел на Феламору. — У нее, должно быть, великий талант. Так я и подумал, когда увидел ее впервые. Его нужно развивать. Ей будет грозить опасность, если о ее происхождении кому-нибудь станет известно.

— Разумеется! Я хочу, чтобы Карана умерла. Теперь ступай!

Иггур вышел из комнаты такой подавленный и униженный, что не мог видеть Магрету. Но, с другой стороны, он узнал нечто, и это могло ему пригодиться в будущем.

«Итак, — решил он, — нужно сделать все, что в моих силах, чтобы привезти сюда Карану. Я немедленно разошлю по стране оставшихся скитов».

Феламора неподвижно лежала в своей комнате неделями. Она ела то, что присылала ей Магрета, принимала лекарства, но почти не вставала с постели. Потеря силы оказалась для нее сокрушительным ударом. У нее почти не осталось желания жить и интереса к чему бы то ни было.

Однако когда Магрета пришла навестить ее на следующий день после визита Иггура, Феламора, одетая, была на ногах, ее кожа опять приобрела розовый оттенок. Она расхаживала по комнате. Конфликт с Иггуром оживил ее, хотя Магрете не было об этом известно.

— Пора действовать, — сказала Феламора. — Моя сила начинает возвращаться. Смотри!

Щелкнув пальцами, она исчезла. Магрета была изумлена, хотя и знала, как это делается. Ей пришлось сосредоточиться, прежде чем удалось найти Феламору, которая сидела в кресле у камина.

Феламора не щадила себя, чтобы обрести былую силу, и без

устали упражнялась. Однажды ей удалось прийти прямо на встречу Иггура с марионеточной Ассамблеей, и даже Иггур не догадался о ее присутствии, хотя все в комнате испытывали беспокойство и разошлись очень рано. Феламора со смехом рассказала об этом Магрете, и хотя та провела со своей госпожой много лет, никогда еще не видела ее в таком восторге.

Однажды поздно вечером Феламора появилась в комнате, где сидели Магрета с Иггуром, и объявила, что уходит.

— Мне нужно многое наверстать, — обратилась она к Магрете так, словно Иггура не было в комнате. — Будь начеку с этим твоим любовником: он использует тебя в своих целях.

Иггур задохнулся от ярости и заскрипел зубами. Как только Феламора ушла, он внезапно покинул Туркад, сказав только, что должен инспектировать свои войска, и не возвращался несколько недель.

30
Потоп

«Что я наделал?» — подумал Шанд, пытаясь нащупать в темноте веревку. Отвязав ее, он спустился на выступ, где оставил свое снаряжение. У него под ногами была вода. Один из фонарей сломался, другой смыло в туннель, и он лежал на боку. Створка приоткрылась, и оттуда пробивался слабый луч света. Полностью расшторив его, Шанд попытался осмотреть пещеру. Он слышал, как где-то льется вода, но ничего не разглядел: в воздухе стоял густой туман.

Шанд спустился по веревке вниз, туда, где несколько минут назад видел Карану в окружении гаршардов. Туман начал рассеиваться, и Шанд обнаружил, что в озере больше нет воды, а сталактит, расколовшийся на куски, лежит в центре бывшего озера. Со всех поверхностей в пещере сбегали струи воды. Основная часть потока, вероятно, ушла в другой туннель.

Шанд заметил маленькую ножку, торчащую из-за камня, на котором лежала Карана. Подбежав туда, он увидел, что она висит на камне и ее держат веревки.

— Карана! — закричал он, испугавшись, что девушка захлебнулась или ее убило каким-нибудь осколком, оторванным потоком от стены пещеры. Перерезав веревки, Шанд уложил Карану на камень. Она задрожала, выплюнула воду и открыла глаза.

— Шанд, — прошептала она, — это ты сделал?

— Я, — ответил он.

— Что случилось с гаршардами? — спросила она.

— Их смыло, наверно. Если бы ты не была привязана, тебя бы тоже смыло. Нам лучше уйти отсюда: не думаю, что все они погибли. Правда, у тех, кто выжил, вероятно, переломаны кости.

Они поспешили выбраться оттуда, и пару часов спустя Карана с Шандом уже выходили из пещеры. Теперь Шанд тоже еле ковылял: он потерял сапоги во время потопа. Когда они направились в гостиницу, было не поздно, но уже стемнело. Шанд еще ничего не сказал Каране о ските, но перед тем, как войти в гостиницу, тихо произнес:

— Думаю, нам лучше отбыть сегодня вечером. Я расплачусь.

Карана безвольно ходила за Шандом, ощущая себя беспомощной. Гаршарды вновь явились за ней и будут преследовать, как и прошлой осенью. От них не скрыться. Так какой смысл бежать дальше?

Недалеко от гостиницы они с Шандом заметили лавку, которая была еще открыта, и купили там сапоги взамен потерянных. Затем пошли в лавку, где продавались мехи для воды. Она была закрыта, и никто не вышел на их стук.

— Нам нужно идти, — сказал встревоженный Шанд. — Мы обязательно найдем что-нибудь дальше.

Забрав из гостиницы рюкзаки, они незадолго до наступления полуночи направились по тропинке, ведущей к утесам. Остаток ночи они провели в зарослях кустарника.

Как только начало светать, они продолжили путь, поминутно оглядываясь. Вскоре началась дорога в виде широких ступеней, высеченных в скале. Даже в этот час по ней вверх и вниз спешило много народа.

Погода была прекрасная, но из-за жары и тяжелых рюкзаков идти было трудно. У подножия утеса Шанд с Караной свернули на дорогу, которая вилась по склону, ведя к винограднику, — там на лозах начинали распускаться листья. За виноградником они увидели лимонную рощу. Деревья были покрыты темно-зеленой листвой и маленькими плодами.

— Давай немного передохнем, — предложила Карана, сев на землю и прислонившись спиной к рюкзаку.

Мимо прошла группа носильщиков, пошатываясь под тяжелой ношей.

— Интересно, а почему ты не удалился на покой здесь, вместо того чтобы ехать в Туллин? — спросила Карана.

— *Удалился на покой!* — Шанд в ярости запустил в нее мехом с водой. — Да я работаю по двенадцать часов в сутки в Туллине! Мне там нравится, несмотря на холод. В Туллине много геллонов.

— Геллонов? И это все?

— Я обожаю теллоны. Это благороднейший из фруктов, и он вкусен в любом виде — зеленый, спелый, сушеный, маринованный, в виде варенья или приправы. А сок из геллона?! Даже соленый геллон хорош и помогает от морской болезни лучше, чем имбирь. У тебя бывает дурнота после того, как ты применяешь свой талант? Геллон и от этого помогает.

— Да, он бы мне сейчас не помешал — у меня побаливает голова.

— Ничего страшного. А когда мне надоедает есть все это, я пью ликер из геллона, который делаю сам. Этот ликер — лучший в Мельдорине, а возможно, и на всем Сантенаре. — Шанд пришел в лирическое настроение. — Какой еще причины надо искать, чтобы жить в Туллине, если самый прекрасный фрукт Мельдорина растет там? Я люблю мои деревья, дающие эти плоды, — я сам их сажал. Их корни уходят глубоко в каменистую

почву. Им больше ста лет. Они любят холод, а я люблю их. Да, Туллин — это все, что мне нужно.

Карана слушала этот монолог с нежной улыбкой, но вдруг что-то в последней фразе ее смутило.

— Правда? Туллин — это все, что тебе нужно, старый друг? Кто же ты на самом деле, Шанд? Ты мансер, как Мендарк, раз прожил так долго, или в твоих жилах течет кровь других миров?

Шанд повернулся к ней, хотя взгляд его все еще был устремлен куда-то вдаль.

— Мои геллоновые деревья выдали меня, — сказал он. — Да, я стар. Да, я пережил свое время, хотя ни волшебство, ни родословная тут ни при чем. И все-таки ты права: Туллин — мое убежище, моя нора, где я прячусь от себя. Не спрашивай ни о чем. Такова цена за то, что я тебе помогаю. Не спрашивай меня.

У Шанда был такой печальный вид, что Карана тоже загрустила.

— Тогда пойдем.

Она вскочила на ноги. Перед ними была еще одна лестница, но ее ступени были не такими крутыми.

По склону было разбросано множество деревушек, и, пройдя часа три, Карана с Шандом увидели небольшой домик у тропинки, оказавшийся закусочной. За одну медную монету они напились чаю со сладкими булками, приготовленными из рисовой муки с изюмом.

О делах Шанда больше не говорили, и вскоре снова отправились в путь. Еще не наступили сумерки, когда они остановились в какой-то деревне, где им понравилась крошечная гостиница. Они снова сидели на веранде за обедом, потягивая зеленое вино и любуясь закатом. Потом взошла полная луна — вторая за время их совместного путешествия. Карана пыталась вспомнить, где они находились в прошлый раз, когда луна была полной, но не смогла. Шанд не сводил взгляда с дороги, проходившей рядом с гостиницей. Карана часто замечала в пути, как он оглядывается через плечо, и забеспокоилась. Однако происшествие с гаршардами так вымотало девушку, что у нее больше не было сил, чтобы пугаться.

Наступил тридцать третий день месяца тальмарда — последний день зимы и старого года. Карана и ее спутник предвкушали его конец и начало нового года. Было жарко, в небе ни облачка. Вскоре последняя деревушка исчезла из виду. Местами земля была покрыта коркой соли. Зеленый островок неподалеку говорил, что впереди путешественники найдут ручеек. Они наполнили мехи прохладной водой. Им не удалось

купить новые, чтобы заменить прежние, из плохо очищенной кожи.

— Нам предстоит долгий и трудный путь, а у меня уже сейчас дурное предчувствие относительно него, — признался Шанд. — Все наше снаряжение должно быть безупречным, а мы выступаем в поход с мехами, половина из которых никуда не годится.

— Теперь уже ничего не поделаешь, — ответила Карана, разделявшая его беспокойство.

Когда все было готово, Карана в испуге посмотрела на груду вещей. Запас продовольствия на тридцать пять дней представлял собой внушительную гору, хотя в основном это были сушеные продукты, компактно упакованные.

Труднее было с водой: даже если бы они передвигались только ночью, а днем спали, на первый переход им потребовалось бы по четыре меха на каждого на восемь дней.

— Все это нам необходимо, — сказал Шанд, тоже глядевший на огромный груз.

Они надели свои одеяния для пустыни с капюшонами и длинными рукавами. Карана вскинула мехи на плечи и почувствовала, что уже перегружена. Потянувшись за рюкзаком, она не смогла его поднять.

Шанд помог ей надеть рюкзак. Зашатавшись, она уронила рюкзак на землю. Карана вытерла слезы досады:

— Он слишком тяжелый!

Шанд вынужден был согласиться. То, что Каране нужно было взвалить на себя, превышало ее собственный вес. Вытряхнув содержимое рюкзака на землю, девушка начала сортировать вещи, откладывая то, без чего можно было, по ее мнению, обойтись.

— Да и воды у нас слишком много, — сердито заметила она. — Ты сказал, что первый переход займет пять дней, а у нас воды на восемь.

Она вылила воду из плохих мехов на землю и так взглянула на Шанда, что он последовал ее примеру. Приободрившись, она избавилась от сковородок, своей тяжелой куртки и прочих ненужных предметов.

— Весна только что наступила. Ночью в пустыне бывает очень холодно, — предостерег ее Шанд.

— Я не могу это нести! — закричала Карана, сердясь на Шанда и на собственную слабость.

— Тогда нам вообще не следует идти, — сказал он, еле сдерживаясь. — Но если мы идем, тебе нужно будет защищать тело и лицо от солнца и соленой пыли.

— Но у меня же остается плащ с капюшоном и шляпа, — возразила она.

— Я бы взял все, — посоветовал Шанд. — Пока мы не доберемся до Катадзы, не будет возможности вымыться. Твоя одежда покроется коркой соли, если кожу разъест, тебе будет не вылечиться.

— Все равно слишком много. — Карана отбросила кое-что еще. — Я буду меньше есть, — яростно заявила она и отшвырнула четыре пакета с продуктами.

Затем она тщательно упаковала все заново, надела свою шляпу из кожи оливкового цвета, с широкими полями, низко надвинув на брови, и без помощи Шанда взвалила рюкзак на спину. Он был очень тяжелый, но теперь она хотя бы могла с ним справиться.

Посмотрев на пакеты с едой и вещи, выкинутые Караной, Шанд взвесил свой рюкзак, подержав в руках, потом сунул часть из них к себе. С минуту Карана пристально смотрела на него, рассерженная этим поступком.

— Ты старый дурак, — сказала она, хотя и понимала, что он прав. Рискованно было пускаться в путь, не имея при себе все самое необходимое.

Они медленно спускались по склону на дно моря. Тут и там попадались огромные глыбы серого известняка, скатившиеся сюда с утесов во время обвала. В середине дня путешественники заметили слева узкую полоску зелени на фоне возвышающегося горного массива. Это был каньон. Отвесные склоны нависших над ними скал были покрыты сверкающей солью, однако на песке росли деревья. Уже было так жарко, как летом у Караны дома, в Готриме.

— А еще даже не полдень, — в отчаянии заметила девушка. Ей всегда было тяжело переносить сильную жару. — Что же будет в следующем месяце?

— Что будет на обратном пути?

К концу первого дня похода они шли по песку, покрытому коркой соли, который скрипел под ногами. Земля тут была бесплодна, и растительность попадалась лишь вблизи ручьев.

— Думаю, наши друзья гаршарды от нас отстали, — сказал Шанд в тот вечер.

— Они никогда от нас не отстанут, — мрачно ответила Карана.

— Чего они от тебя хотели, Карана?

Когда она ему объяснила, Шанд был потрясен.

— Жаль, что ты мне не сказала раньше. Тогда я бы вообще

сюда не пошел.

— Прости. Когда я… отказалась от своего дара, должно быть, я подавила и память. Я ничего не помнила, пока они не взялись за меня в пещере. — Она взглянула в глаза Шанда, в которых отражалось пламя костра. — Я никогда не буду в безопасности, не так ли?

— Я… да, не будешь, пока это не разрешится так или иначе. Наверно, способ, которым ты устанавливаешь контакт, уникален.

Каране не хотелось это обсуждать.

— Пошли — нам надо их опередить.

Назавтра был первый день тэйса — начало весны и нового года. Правда, путешественникам не стало лучше, чем в старом году. Они добрались до каньона и два дня шли по нему, наслаждаясь тенью. На второй день, проведенный в каньоне, они увидели то, что показалось им миражом на этой выжженной земле: глубокое горное озеро со свежей водой. Карана поплавала, пока Шанд на другом конце озера удил рыбу. Попались одни лангусты.

— Как жаль, что ты выбросила сковородки, — заметил он, когда Карана вышла из воды, вытирая свои кудри рубашкой.

— Вполне достаточно костра, — улыбнулась она, поворачивая в сторону деревьев.

Она вернулась с охапкой хвороста, и скоро запылал яркий огонь. Затем она уселась на плоский камень и принялась расчесывать свои огненно-рыжие волосы. Набросив на плечи плащ, Карана погрузилась в размышления.

Стемнело. Они вкусно поужинали лангустами с овощами, испеченными на углях. Потом они сидели у костра с медными кружками чая. Шанд посмотрел на Карану.

— Наконец-то ты выздоровела! — сказал он. — Я рад. — Встретившись с ним взглядом, Карана долго молчала, размышляя обо всем, что они вместе пережили, а также о своей прошлой жизни.

— Да, — наконец выговорила она. — Думаю, я стала сильнее, чем когда-либо. Я больше не боюсь безумия. Моя бедная мать — все эти годы я ненавидела ее за то, что она оставила меня одну. Теперь я лучше ее понимаю. И всем этим я обязана тебе. Все, что у меня есть, — твое. Тебе стоит лишь сказать.

Карана грациозно опустилась перед ним на колени и наклонила голову, коснувшись песка. Шанд был глубоко растроган. Воздавались ли ему когда-нибудь такие почести? Но одновременно он ощущал раздражение, зная, что сделал для девушки меньше, чем должен был.

— Поднимись, дитя, — сурово произнес он, и Карана

притихла, полагая, что жест ее отвергнут. Он обнял ее и провел рукой по кудрям. Она вернулась на свой камень.

— Ты действительно обязана мне жизнью. В тот первый день я трижды вдыхал ее в тебя. Но дальше ты справилась сама.

Карана помолчала, потом ее мысли снова вернулись к теме, постоянно ее занимавшей.

— Ты действительно считаешь, что Лиан пошел по своей воле?

— Не знаю, что и думать. Зачем было Тензору его уводить? Для чего Лиан ему нужен? Лиан — дзаинянин, а дзаинянам нельзя особенно доверять!

Карана поморщилась.

— Не говори так — они точно такие же, как мы с тобой. Он никогда не хотел Зеркало для себя: Лиан равнодушен к подобным вещам. Он одержим только Преданиями.

Карана знала, что Лиан безумно желает создать новое Великое Сказание. Быть может, он решил, что с помощью Тензора ему удастся осуществить мечту, и потому увязался за ним, когда тот уходил из зала Тайного Совета? Могло ли так быть?

— Неужели он бы тебя покинул в Туркаде после всего, что вы вместе пережили?

— Вряд ли, — еле слышно ответила Карана.

— Возможно, он увидел, как ты упала, и сбежал от ужаса и горя, подумав, что ты умерла. Или, быть может… Вы с Лианом причинили Тензору слишком много вреда. И Тензор…

— Не говори так. Я не знаю, что правда, а что нет. — Она горестно умолкла.

— Хватит об этом, — сказал Шанд. — У меня для тебя подарок. — Он нащупал что-то на дне рюкзака. — Я собирался отдать это тебе в тот день в Эшмоде, но ты так непочтительно со мной обошлась. — Он нахмурился и бросил на нее злобный взгляд.

Карана растерялась. У Шанда был такой вид, что она почувствовала себя пристыженной и смутилась.

— Я шучу, — сказал Шанд. Он развернул небольшой ларец из кедрового дерева и протянул ей.

Карана открыла ларец и увидела маленький флакончик из драгоценного хрусталя с пробкой из черного дерева и слоновой кости.

— О, ты не должен дарить мне его, — возразила она. — Это такая красивая и дорогая вещь.

— Открой его.

Карана вынула пробку, и на нее повеяло чудесным ароматом лимонного цветения — любимых духов ее матери и самой

Караны. Слезы потекли у нее по щекам. Она закрыла флакон и сидела не вытирая слез.

— Спасибо. Но мне нечего подарить тебе взамен.

— То, что ты мне подарила, гораздо ценнее, чем этот маленький подарок, — сказал он. — Ты вернула мне самоуважение.

Карана не стала задавать вопросы. Она знала, что не получит на них ответы.

— Где ты это раздобыл?

— Флакон? Он у меня давным-давно. Очень старинный, и как раз правильно, что он попал к тебе: думаю, он сделан в Баннадоре. Мне его наполнили в Эшмоде. Там, на склонах моря, выращивают самые лучшие лимоны для духов.

Карана снова открыла флакон, коснулась пробкой кожи за ушами и чуть-чуть надушила волосы. Потом, улыбаясь какой-то тайной мысли, спрятала это сокровище.

— Еще не менее тридцати дней, — прошептала она. — Это ожидание невыносимо. А что если Лиан пошел по своей воле?

Шанд обнял ее.

— Если ты не уверена, всегда разумнее предполагать лучшее, а не худшее. Должно быть, Лиан зачем-то нужен Тензору. Конечно, он увел Лиана против его воли.

Карана выпрямилась.

— Ты действительно в это веришь?

— Да, — ответил Шанд, лишь слегка покривив душой.

Она немного помолчала.

— Лиану я тоже обязана своей жизнью — да, я обязана ею многим. Я буду думать о нем самое лучшее и спасу его из беды, в которую он попал. А потом увезу его к себе домой. Он сможет писать свои несчастные Предания в библиотеке в Готриме. Я устала от зеркал, мансеров и дурацких игр в войну.

Она направилась к озеру, глядя на звезды, отражавшиеся в нем. Поверхность воды была такая спокойная, словно из стекла.

«Если бы только это было так просто, — подумал Шанд, — я бы с радостью присоединился к тебе. Но тебе, как и мне, не сбежать от этого дела, пока оно не закончится. Никто так не пытался избавиться от ответственности, как я».

31
Башни Катадзы

Лиан наносил краску Малиены на лицо и руки, но замирал от ужаса каждый раз, когда кто-нибудь из аркимов смотрел в его сторону. Он все время ожидал, что его секрет раскроют.

Следующие два дня отряд аркимов шел по опасному пути через овраги и каньоны и несколько раз попадал под обвалы.

На второй день их спуска с гор Лиан стоял на краю утеса, как вдруг на землю у его ног легла тень. Другая тень появилась сбоку. Он оглянулся и увидел Баситора с каменным выражением лица, а рядом с ним — Хинтиса.

— Что вам нужно? — спросил Лиан, которого начало трясти.

— Мне нужно, чтобы ты умер, — ответил Хинтис, оскалившись. — Как те аркимы в Шазмаке, которых ты предал.

Баситор с разведенными руками двинулся на Лиана.

Лиан стоял спиной к обрыву. Хинтис схватил его за одну руку, Баситор — за другую, и, повернув, нагнули юношу над пропастью.

— Что ты скажешь о том камне внизу? — спросил Хинтис, указывая на острый пик, покрытый белым слоем соли.

— Я предпочитаю вон тот, круглый, — возразил Баситор. Лиан закричал, воображая, как летит вниз.

— Эй! — воскликнул Аспер. — Что это вы там делаете с дзаинянином?

— Он цел, — ответил Баситор, оттаскивая Лиана от края утеса.

— Отпустите его!

Они, ухмыляясь, освободили Лиана и вернулись к остальным аркимам. Спуск продолжался.

Наконец отряд аркимов добрался до склона, ведущего прямо на дно моря, белое от соли, — до него было еще несколько лиг. Аркимы нашли ручеек, наполнили мехи водой и, снова взвалив огромные рюкзаки на спину, продолжили свой путь.

Скоро стало ясно, что Лиану за ними не угнаться. Тогда аркимы распределили его ношу между собой. У юноши остался лишь маленький мешок с записной книжкой, личными вещами и вода. Наконец они сделали привал, разбили лагерь и, поев, легли спать. Около полудня Лиана разбудил спор между Тензором и Селиалой, и он был тем яростнее, что велся шепотом.

— Нет, пока мы не узнаем, куда ты нас ведешь.

— Я веду вас в убежище, — тихо ответил Тензор.

— Не играй словами, — прошептала Селиала. — Ответь мне сейчас же, или дальше ты пойдешь один.

Теперь Тензор заговорил примирительным тоном:

— Селиала, вы нужны мне — все вы. Я забочусь лишь о том, чтобы выжил наш народ. Но мы должны вновь обрести былую гордость. Мы слишком долго прятались за свое славное прошлое.

— Так давай воскресим гордость великими трудами, а не бесплодным мщением.

— Я и замышляю великие труды, — ответил Тензор. — Величайшие! Но ты только посмотри, как наше прошлое разрушено Рульком. Какой смысл вновь строить, чтобы он все это опять сровнял с землей?

— Ба! Ты все еще боишься фантомов, Тензор!

— Селиала, в этом Зеркале скрыт секрет. *Я знаю, что это так!* И этот секрет поможет нам вновь подняться.

— А как насчет дзаинянина?

— Дзаинянин… очень важен. — Слова Тензора стали скользкими, как масло. — Не знаю почему — *пока* не знаю, но непременно узнаю.

— Тогда отзови своих собак, Тензор. Оставь его в покое.

— Они не причинят ему вреда, — сказал Тензор. — Пусть позабавятся.

В середине дня они добрались до соляного мыса, где земля потрескалась, как глазурь на пироге, образовав нечто напоминающее плиты. Кое-где эти плиты стояли вертикально, друг против друга, пространство между ними походило на палатку. Во время краткого привала Лиан уселся внутри такой «палатки», наслаждаясь тенью.

— Будь осторожен, чтобы плита не рухнула на тебя, — с мрачной улыбкой предостерег его Тензор, проходя мимо.

В этот момент Лиан почувствовал жужжание в голове, похожее на сигнал тревоги. Кто-то позвал его по имени: «Лиан!» Это слово прозвучало у него в мозгу, но юноша не узнал произнесший его голос. Подскочив, он попытался вернуть его, но не удалось.

До него отчетливо донеслась реплика Хинтиса:

— Как я ненавижу летописца, Баситор! Как только подумаю, что мы его принимали как Друга аркимов, а он все это время смеялся над нами и замышлял предательство! Что ты скажешь, если теперь, когда он там, внутри, мы захлопнем крышку его гроба? — Он ударил по плите кулаком, и она задрожала.

— Я бы это сделал, — ответил Баситор, — если бы Тензор не запретил. Кажется, он готовит дзаинянину такую судьбу, что это

компенсирует всю боль, которую он нам принес. — И он издал смешок.

Нервы Лиана чуть не сдали. Ему захотелось закричать: «Что он собирается со мной сделать?» Дрожа, он выскользнул с другой стороны и в дальнейшем еще внимательнее, чем прежде, следил за тем, что происходит у него за спиной.

Успокоившись, Лиан стал размышлять, что означает крик, который он услышал. У Караны был талант чувствительницы, который иногда предостерегал ее об опасности. Неужели у него тоже прорезался этот дар — еще один аспект «проклятия Рулька»?

Аркимы продолжили свой путь. Вода кончалась, а когда они нашли ручей, вода оказалась солоноватой. Хотя аркимы ее пили, Лиан не смог. К счастью, оставалось еще достаточно пресной.

Перебравшись через перевал, аркимы побрели по соленой пустыне за Тензором, который ориентировался по карте, увиденной и запомненной им пять лет тому назад. Они шли пять ночей при унылом красно-желтом свете луны. На шестой день слева от тропы, по которой они продвигались, показалась высокая черная гора. На ее склоне после долгих поисков аркимы нашли воду, но она была такой соленой, что на сей раз даже аркимы не смогли ее пить.

— Сколько у нас осталось воды? — спросил Тензор. Это был первый день нового года.

— На три дня, — ответила Селиала. — А у него — всего на один. — Она указала на Лиана.

— Нужно воспользоваться тразпарами, — сказал Тензор. Они достали приборы, которые Лиан раньше считал оружием. Это оказались искусно сделанные аппараты, похожие на перевернутые зонтики из черного металла. Соленую воду наливали во внешнюю камеру внизу, она испарялась под воздействием солнечного тепла, и во внутренней камере конденсировалась чистая вода. К концу второго дня они наполнили все мехи.

— Хватит, — сказал Тензор, соскребая соль с тразпара. — До Катадзы самое большее семьдесят лиг.

Они увидели Катадзу за несколько дней до того, как добрались до нее, — сначала в виде серого пятна, потом — медленно вырастающей горы со снежной шапкой на вершине. С каждым днем гора все увеличивалась, по утрам она была видна отчетливо, а ближе к полудню, когда поднимался туман из соленой пыли, ее едва можно было различить.

Лиан теперь боялся Катадзы. Путешествие сделалось для него ужасной пыткой. Хинтис и Баситор безжалостно мучили его. Он постоянно находил куски соли у себя в обеде, острые железки в спальном мешке и помои в шляпе.

Через пять дней Катадза была уже огромной черной горой с тремя пиками, покрытыми снегом. А аркимы все шли и шли, и дорога становилась все труднее.

Наконец, когда иссякли все запасы пресной воды, отряд оказался на берегу соленого озера, и аркимы, набрав воды, перегнали ее в тразпарах. И вот они добрались до подножия Катадзы, здесь было много ручьев с прохладной пресной водой.

Но Тензор даже теперь не захотел передохнуть. После того, как они попили, поели и искупались, Тензор погнал их вперед. Было очень трудно подниматься в гору после стольких дней, проведенных на равнине.

Вечером они увидели вдали высокие деревья, а когда стемнело, добрались до речушки. Тензор сбросил одежду и вошел в прохладную воду, остальные последовали его примеру. Правда, Лиану вода показалась слишком холодной. Они плавали, стирали одежду, пили пресную воду. В ту ночь впервые за много недель они разбили лагерь у реки. После соленого дна Сухого Моря прохладный, свежий воздух Катадзы был словно купание в кристально чистом водопаде.

На следующий день они продолжили восхождение и шли до полуночи. Потом сделали привал, чтобы передохнуть всего несколько часов. Лиана теперь приходилось нести: он так устал, что едва мог передвигаться.

— Что с тобой такое? — спросила его Малиена.

— Я чуть не умер от горной болезни по пути в Шазмак, — ответил он. — Сейчас я чувствую то же самое.

— Катадза находится не так высоко, как Шазмак. — Она тщательно его осмотрела. — Думаю, через неделю-другую ты привыкнешь.

Перед самым рассветом аркимы продолжили свой путь по дороге, которая вилась вокруг горы. Они прошли мимо полуразрушенного храма и заросшего бассейна, высеченного в скале.

— Мы опоздаем! — закричал Тензор, резко сворачивая с дороги и чуть ли не бегом устремляясь напрямик по крутому склону.

— Что за спешка? — спросил Лиан Аспера, когда остальные аркимы последовали за Тензором.

— Он хочет попасть туда к рассвету! — Аспер подставил плечо совсем запыхавшемуся Лиану, и вскоре они очутились на маленьком плато перед массивным зданием.

Солнце осветило горы великолепным оранжевым сиянием, от которого верхушка самой высокой башни крепости Катадзы

загорелась, словно свеча. Наконец-то аркимы добрались до места назначения. Со времени Тайного Совета прошло немногим более восьми недель.

Лиана так поразило это величественное зрелище, что он не мог вымолвить ни слова. Ни один летописец прошлого тысячелетия не видел ничего подобного. Все его страхи исчезли.

Вершина горы была словно срезана, а от края плато, на котором отряд оказался, к огромному зданию вели высеченные в горе ступени. Над лестницей возвышалась площадка, вымощенная обсидианом. Правда, камни растрескались — их раскололи корни гигантских смоковниц. В центре площадки находился массивный прямоугольник самой крепости Катадзы.

Над этим невероятным сооружением высились многоцветные купола и шпили — не меньше дюжины. Девять стройных башен вздымались среди куполов, похожих на грибы, и каждая была возведена из каменных лент, закрученных в спирали. Ленты переплетались друг с другом. Они были облицованы белоснежными плитами, так ярко сверкавшими на солнце, что было больно глазам.

Продвигаясь по лестнице, аркимы заметили, что десятая башня возвышается над остальными, стремясь высоко в небо. Купол, венчавший башню, был покрыт платиной, украшенной малиновыми узорами. А под куполом плитами из ляпис-лазури, окаймленными золотом, была выложена декоративная полоса.

Завернув за угол крепости, аркимы обнаружили, что десятая башня стоит в центре плато отдельно от других строений, а с крепостью Катадзы ее соединяют два металлических моста. Огромная расщелина проходила через все плато и была видна под стрельчатой аркой десятой башни.

— Каким же образом эта башня устояла во время землетрясения, из-за которого, вероятно, и образовалась трещина? — удивилась Малиена.

— Она была построена специальным образом, — ответил Тензор, ведя их к арке. — Дело в том, что расщелина здесь уже была. Смотрите: фундамент состоит из отдельных частей.

Аркимы прошли между двумя каменными лентами, восхваляя инженерный гений, создавший подобное творение. Лиана это не интересовало, но он задумался: зачем было Кандору так мучиться, чтобы построить здание над расщелиной? Что именно в этом месте было для него столь важно?

Вскоре, следуя вдоль изгиба стены, аркимы обошли башню кругом и вернулись к месту, с которого начали обход.

— Наверно, войти в башню можно только по мосту, из крепости, — предположил Аспер.

— Несомненно, — согласился Тензор и направился к крепости. Теперь Тензор стоял на широкой лестнице перед западным входом, и на лице у него было написано мрачное удовлетворение.

— Хотя Кандор и был нашим врагом, не могу не улыбнуться, стоя на пороге возведенной им великолепной башни. Мы пали, и нам никогда уже не подняться, но мы пережили нашего врага. И теперь его крепость, которую не может сокрушить ничто, кроме времени, будет защищать нас от нашего неприятеля.

Он толкнул дверь, но она не поддалась: петли заржавели. Аркимы налегли все вместе, и состарившийся металл сломался, а дверь распахнулась. Они вошли внутрь, густая пыль заглушала звук их шагов.

Лиан не последовал за ними: ходьба его утомила.

— Ну вот я и здесь, — сказал он себе. — В Туркаде я мечтал сюда попасть, чтобы разыскать бумаги Кандора, касающиеся Непреодолимой Преграды. Правда, я никогда не верил, что это случится. Итак, что же мне делать? Что именно сказал Кандор?

Подождав, пока все аркимы войдут, Лиан уселся под деревом и перечитал письмо, которое украл из туркадской крепости как раз накануне Тайного Совета, закончившегося столь трагично.

«17-го дня месяца марда 4210 года

Дорогой Рульк!

Я настолько устал от войны и этого мира, что готов пойти на что угодно, чтобы положить ей конец и выбраться отсюда. Я совершенно пал духом после потери Периона. Прошу тебя поделиться со мной тем, что ты знаешь. Скажи лишь слово, и все, что есть у меня, будет твоим. Я даже склоню перед тобой голову. Ты понимаешь, что мне будет нелегко это сделать, но я готов признать свое поражение.

Мне стало известно, что в момент возникновения Непреодолимой Преграды что-то произошло. Я потратил колоссальные средства, но так и не выяснил, что именно. Может, это был ты? Давай поговорим об этом, ведь мы оба — кароны. Мне кажется, ты иногда об этом забываешь. Я заклинаю тебя тем, что для тебя превыше всего остального, — шансом на то, что в трех мирах сохранятся кароны.

Я написал письмо и Ялкаре и охотно доставлю в Альцифер то, что у меня есть, если это тебя интересует. Жду ответа.

Кандор».

Лиан задумался о том Предании, с которого все началось, — его новой версии «Сказания о Непреодолимой Преграде». Он снова переживал историю о девушке-калеке, танцующей в те несколько часов счастья, которые даровал ей Шутдар, — она была таинственным образом защищена от урагана Непреодолимой Преграды, а вскоре заколота в спину. Какой секрет пытались скрыть, убивая ее?

«Я потратил колоссальные средства, но так и не выяснил…» Ну что же, посмотрим, что тут можно узнать. Где умер Кандор? Как он умер? Успел ли он сначала встретиться с Рульком? Оставил ли здесь записи или захватил с собой, отправляясь в то роковое путешествие? «Мне нужно быть очень осторожным, — подумал Лиан. — Даже Малиене нельзя доверить этот секрет».

Убрав письмо, юноша последовал за аркимами внутрь крепости. Тензор уже строил планы, как привести ее в порядок. Маленький отряд аркимов поспешно выполнял его распоряжения.

Лиан огляделся с величайшим удовлетворением. Он вспоминал множество преданий об Империи Кандора, записанных в «Перионской Книге». Разве студент Школы Преданий мог когда-нибудь представить себе, что попадет в Катадзу и обнаружит, что башни все еще стоят, не изменившись со времен своей былой славы? Но вместе с тем на душе у него было тревожно: ведь теперь Тензор откроет, для чего ему был нужен Лиан. И это случится раньше, чем он ожидал.

Тензор обернулся, и взгляд его снова пробуравил Лиана.

— Пойдем со мной! — приказал он.

Они вдвоем шли по крепости, но в каждой комнате Тензор отрицательно качал головой.

— Что ты ищешь? — не выдержал Лиан.

Сегодня Тензор был в хорошем расположении духа, чуть ли не дружелюбен.

— Комнату, чтобы была достаточно большой; такую, которую можно укрепить, чтобы она выдержала любое нападение. Но главное — ту, где есть нужная атмосфера. Чтобы заниматься Тайным Искусством, нужна безукоризненная комната.

— Где работал Кандор? — поинтересовался Лиан, пытаясь понять уклад жизни в Катадзе, чтобы создать свое «Сказание о Зеркале».

— Хорошо, летописец! — похвалил Тензор. — Я не знаю. Может быть, это известно тебе — ты же читал Предания об этой крепости.

Лиан задумался: «Перионская Книга» состояла из пяти томов,

в ней были тысячи страниц.

— Ах! — воскликнул он после паузы. — Помню, там была одна строчка: «Он смотрел со своего рабочего места на пламя расщелины».

— Значит, его кабинет должен быть где-то над расщелиной, — сделал вывод Тензор. — Разумеется, это место с очень сильной атмосферой, где-то в Великой Башне. Да, может быть, ты не даром ел наш хлеб, летописец. Попытаемся пройти через западный мост.

Пройдя по мосту, Тензор с Лианом вошли в башню через дверь, искусно спрятанную за сплетенными каменными лентами. Поднялись по винтовой лестнице. Сквозь стекла окон им были видны купола и шпили Катадзы.

На пятом этаже лестница закончилась площадкой. Открыв очень широкую дверь, они оказались в комнате, занимавшей весь этот этаж башни. Пол, по необъяснимым причинам, был теплым, и в комнате слегка отдавало серой.

— Это здесь, — вздохнул Тензор. — Я это чувствую. Подходящее место для меня, как когда-то — для Кандора.

Лиан был в экстазе, бродя по комнате и погружаясь в атмосферу, в которой работал Кандор. Она имела форму клевера с девятью листьями, сводчатый потолок опирался на высокие каменные арки, выступавшие из стен. Лиан насчитал более шестидесяти арок. Пыльные камины из резного камня, такие большие, что в них можно было зажарить целого вола, стояли в каждой нише. В комнате было много круглых окон из цветного стекла. Заходящее солнце проникало сквозь окна, наполняя помещение золотистым светом. Лиан поднялся по лестнице, обнаруженной им в кабинете Кандора, и нашел еще одну комнату этажом выше, — правда, не такую великолепную. Оттуда лестница вела наверх, в темноту.

— Эй, летописец! Пора браться за работу! — позвал Тензор, и голос его отдавался эхом во всех углах.

Пыль танцевала в последних лучах солнца. Лиан с Тензором занялись уборкой комнаты: тут было полно грязи, скомканных бумажек и старого тряпья. Когда солнце село, пришлось прервать работу: хотя на стенах были закреплены осветительные шары, никто из прибывших в Катадзу еще не разобрался, как ими пользоваться.

В ту ночь Малиена принесла Лиану очки из проволоки и стекла. Стекло было такое старое, что приобрело красновато-коричневый оттенок. Она примерила их Лиану, потом взглянула на него при свете своей лампы.

— Хорошо. Носи их днем. Ты можешь сказать, что у тебя

болят глаза от яркого солнца, если кто-нибудь будет интересоваться.

По правде говоря, Лиана весь день никто не замечал — так поглощены были аркимы чудом, подаренным им Тензором. Даже Баситор и Хинтис разговаривали с ним без явной враждебности. Еды было полно, к тому же они собирали орехи, корни и фрукты. А через четыре дня вернулись разведчики, посланные в северную часть острова, с припасами, которые они выменяли у местного населения — застенчивых людей, живших в лесу.

Потянулись однообразные дни. Аркимы приводили в порядок крепость, которая была сильно запущена. Целый месяц они чинили двери, укрепляли стены, наполняли цистерны водой, а кладовые — продовольствием, блокировали тайные входы, чинили насосы, канализацию, осветительную систему. Однажды, вернувшись после ночной прогулки, Лиан увидел, что все осветительные шары горят. В их лучах Катадза стала еще прекрасней.

Лиан не участвовал во всех этих работах, поскольку был неумелым и неуклюжим. Он даже не мог готовить пищу согласно правилам аркимской кухни, так что чувствовал свою бесполезность в полной мере. Единственное, чем он мог помочь, — это что-то перетаскивать.

Почти все время Лиан был предоставлен самому себе. Юноша был в восторге. Перед ним открывалась Катадза, которую надо было изучать и описывать, чтобы наполнить жизнью Великие Сказания. Это была грандиозная задача.

Лиана бросало из эйфории в отчаяние. Ни у одного летописца не было таких возможностей, которые здесь появились у него. Несомненно, «Сказание о Зеркале» стало бы одним из Великих Сказаний, однако скорее всего ему не суждено сложить его, если осуществятся предостережения Малиены и угрозы Хинтиса и Баситора.

Лиан гнал от себя мысли о Каране: они были слишком мучительными и бесплодными. Он все больше времени проводил с Тензором, который теперь пытался проникнуть в тайны Зеркала.

— Это Зеркало стало другим, теперь оно не такое, как прежде, — сказал Тензор. — Оно изменилось. Это дело рук Ялкары. А вот это… — он дотронулся до мерцающего символа, — затуманивает мое сознание. Но я найду способ справиться с Зеркалом.

Тензор сидел, не отводя взгляда от Зеркала, лежавшего перед ним на скамье.

Был ли это ритуал благодарения за то, что он вновь обрел

Зеркало — самую древнюю наследственную вещь аркимов? Или Тензор пытался нащупать путь сквозь обманы и ловушки, заключенные в Зеркале, чтобы настроить на него свой разум и подчинить себе?

Прошел день. Лиану наскучило наблюдать за Тензором, который был все так же неподвижен. Лиан занялся другой загадкой. «Он смотрел со своего рабочего места на пламя расщелины…» Расщелина проходила прямо под башней. Лиан облазил на четвереньках весь пол, но не нашел никаких тайных ходов и люков. Что же означает эта цитата? Может быть, комната все-таки не та?

Лиан сдался и пошел прогуляться. Тропинка привела его в небольшой лес на южном склоне. Там он нашел какие-то красные фрукты, напоминавшие хурму. Они провисели всю зиму на голых ветках и были такие перезрелые, что казалось, вот-вот лопнут. Лиан заметил за деревьями невысокий купол, покрытый лишайником. Это был купол павильона, стоявшего в тени огромной смоковницы, корни которой накренили колонны с одной стороны. И колонны, и скамьи, и стол внутри были высечены из твердого серпентина.

Лиан остановился между двумя колоннами, образовывавшими вход в павильон, поглаживая желтовато-зеленый камень.

— Входи, — услышал он голос Малиены.

Лиан вздрогнул, уронив один из сорванных фруктов. Когда его глаза привыкли к полумраку, он увидел, что Малиена сидит, прислонившись спиной к корням смоковницы.

— Я не хочу мешать…

— Ничего. Заходи, располагайся.

Лиан уселся и предложил ей угоститься.

— Я не голодна, — отказалась она со смехом, и он увидел себя ее глазами: недотепа, сжимающий в руках переспелые фрукты, истекающие соком на рубаху и штаны. — Чем занимается, Тензор?

— Смотрит на Зеркало вот уже много часов подряд.

— Когда вернешься, следи за ним внимательно. Я хочу знать все, что он делает.

Лиан ничего не ответил.

— *Лиан!*

— Из меня плохой шпион. Я не могу… — Малиена больно сжала его запястье.

— Это не одна из тех игр, в которые вы играете в Школе Преданий, — произнесла она тихо и яростно. Лиан безуспешно пытался вырвать руку. Сила Малиены была пугающей, но еще

страшнее был блеск ее глаз. — Я знаю, что для тебя существуют лишь сказания, но ты не понимаешь, что поставлено сейчас под угрозу. Ну так я тебе объясню. Если мои предположения верны, то умру я, и ты, и все аркимы, и Карана, если она еще жива, и тысячи людей из твоего народа, и все люди на Сантенаре. А ради чего? Ради мщения безумца! Поверь, если бы был способ его остановить, я бы не задумываясь это сделала. Но он слишком хитер и силен. Ты мой должник, и теперь я требую от тебя уплаты долга. Покажи, на что ты способен!

— Хорошо, — ответил Лиан.

— Хорошо, — сказала Малиена и искренне улыбнулась ему. — Мне нужно идти.

— А что бы ты сделала, если бы я отказался?

Малиена задержалась на пороге павильона.

— Думаю, Карана поняла бы это жертвоприношение, хотя никогда бы не простила, — тихо произнесла она. — Я бы выдала тебя Баситору.

Часть 3

32
В сторону Фаранды

— А теперь я готов выслушать вас, — объявил Надирил, когда убрали бокалы и принесли чистые. — Расскажите мне все, ничего не пропуская, а я добавлю то, что знаю. Тогда, Мендарк, если в этом не отпадет необходимость, ты сможешь задать мне свои вопросы.

Мендарк и Таллия рассказали свою историю. Лилиса сгорбилась на стуле, внимательно слушая и не произнося ни слова. Она так преобразилась, теперь в ней было не узнать ту маленькую уличную девчонку с худым личиком и острым подбородком, какой она была несколько недель тому назад. Глаза сияли, с лица не сходила улыбка. Однако иногда ее взор затуманивался, а челюсти сжимались. Очевидно, ей вспоминалось что-то дурное из ее прошлой жизни на улице, предположила Таллия.

Сгустились сумерки, и в воздухе разлилась прохлада. Слуга принес плащи гостям и Надирилу.

— Плохо дело, — заключил Надирил. — Остались только ты, я и старый Вистан, а от меня никакой пользы.

— Да уж! — согласился Мендарк.

Надирил проигнорировал его.

— Ты попытаешься обновить Совет?

— Орстанда незаменима. И даже Хеннния-дзаинянка, хотя она и предательница!

— У тебя есть Таллия, — заметил Надирил.

Таллия пошевелилась, словно собираясь запротестовать.

— Слишком молода!

У Лилисы был такой вид, словно ее друга только что оскорбили.

— Ты был так же молод, когда впервые вошел в Совет, — ответил Надирил. Его слезящиеся глаза посмотрели на Таллию, казалось, в них был вопрос. Она слегка приподняла бровь, и Надирил снова перевел взгляд на Мендарка.

«Я не хочу этого, — подумала Таллия. — Когда все закончится, я уеду домой и вряд ли вернусь».

— Тогда были другие времена, — возразил Мендарк.

— Тебе, конечно, виднее, — с невинной улыбкой поддел его Надирил.

— Хватит с меня твоих насмешек и хитрых игр! — раздраженным тоном сказал Мендарк. — Где ты был, когда я

нуждался в тебе, все эти последние годы?

— Здесь, — ледяным тоном ответил Надирил. — Ждал твоего зова.

— Ты десять лет не посещал Совет.

— Совет ничего не делал и лишь занимался пустой болтовней. Я нужен был Библиотеке, а когда ты наконец снисходил, чтобы задавать мне вопросы, я мог ответить на них и здесь. Я что, должен был проделать путешествие, на которое ушло бы два месяца, чтобы выслушать твою лекцию о моих обязанностях? Несмотря на всю его глупость, Тиллан прав в одном: победа Иггура и падение Туркада — это твоя заслуга.

— Я был Магистром, а не Губернатором! — Мендарк сплюнул.

— Ба! Но ведь Губернатор был марионеткой в твоих руках, Мендарк, да и вся Ассамблея тоже! Взгляни правде в лицо: ты жадный, эгоистичный, злобный старик, и у тебя не осталось мужества для такого поста.

Мендарка буквально трясло от ярости. Он встал, сжимая кулаки.

— Ты, проклятый старый дурак, только посмотри на себя — ты же разваливаешься от дряхлости! Меня так и тянет…

Лилиса залилась слезами.

— Прекратите сейчас же! — вмешалась Таллия. — Вы оба! Что за парочка идиотов?

— Прости, Лилиса! — обратился к девочке Надирил. — Не тревожься, дитя: мы давние враги. Что ты хочешь у меня спросить, Мендарк?

Мендарк сделал над собой усилие, и самообладание к нему вернулось.

— Что ты знаешь об Арканском Зеркале? Какие силы в нем заключены? Какие секреты? И самое главное, для чего оно нужно Тензору?

Надирил долго подбирал слова. Лампа освещала лишь часть его лица, а глаза оставались в тени, и от этого его голова стала еще больше походить на череп. Наконец он заговорил:

— С тех пор, как впервые возник вопрос о Зеркале, я начал просматривать записи. Пока что я обнаружил только три упоминания о Зеркале — причем все три записаны с чьих-то слов. Возможно, есть и другие, но на их поиск уйдет много времени, и цена будет высока. Впрочем, у тебя никогда не иссякало золото.

— Я захватил достаточно, чтобы выплатить твое непомерное вознаграждение, — резко произнес Мендарк.

— Есть еще одна вещь, которая беспокоит меня не меньше, чем Тензор, — продолжал Надирил. — Это гаршарды! Почему они

захватили Шазмак и что теперь замышляют? Мы еще должны к этому вернуться. А теперь твой вопрос: о Зеркале в Сказаниях почти ничего не говорится, так как вначале оно казалось пустяковой вещицей. Летописцы восхищались гораздо более значительными изобретениями. Позднее, когда Ялкара изменила Зеркало, его секреты стали скрывать. И тем не менее странно, что о нем так мало сведений. Весьма странно. Первое упоминание о нем встречается в древней аркимской книге «Нажак тель Мардукс». Считается, что ее написал Питлис незадолго до смерти, хотя я полагаю, что она была создана после того, как он умер. В книге рассказывается о ранней истории аркимов, когда у них было Зеркало. Однако книга давно утеряна, и я никогда ее не видел.

— Лиан читал ее в Шазмаке! — воскликнул Мендарк. — Но этот глупец оставил ее там.

— Тогда он определенно должен сюда явиться, когда вы его найдете. Возможно, «Нажак» уничтожен при падении Шазмака, и тем важнее то, что запомнил из него Лиан. Второе упоминание содержится в «Сборнике старинных рукописей Ялкары» — я бы назвал их *ее* Сказаниями. Если этот «Сборник» существует, он, несомненно, является наиболее ценным из источников, поскольку Ялкара — самая великая и умная из всех, кто использовал Зеркало. Сведения о ней крайне противоречивы. Поистине Ялкара самая загадочная личность древних времен.

Мендарк молчал. Он погрузился в глубокое раздумье.

— Третье упоминание не менее туманно: оно содержится в документе под названием «Тайны Архивариуса». Все, что известно об Архивариусе, — пояснил Надирил, поворачиваясь к Лилисе, — это то, что он записал историю сражений Феламоры и Ялкары вплоть до момента бегства последней с Сантенара. У меня есть только неполный и неточный вариант. Ты можешь прочитать его, Мендарк. Мы даже не знаем, кто такой этот Архивариус, — разве что его звали Джиллиас. Но это имя было очень распространенным в прежние времена: в Сказаниях есть сведения о нескольких Джиллиасах.

Мендарк продолжал безмолвствовать.

— Боюсь, что не очень-то помог, — сказал Надирил. — Вероятно, в Библиотеке есть что-нибудь еще насчет Зеркала, но никто не помнит, что именно. Здесь много свитков, которые не читались уже тысячу лет; книги, которые никто не может расшифровать. Однако интуиция подсказывает мне, что здесь больше ничего не найти.

— Позволь мне взглянуть на тот фрагмент, который у тебя есть, — попросил Мендарк. — А Лиан расскажет мне о том, что

он прочел в «Нажак тель Мардукс», если мы его отыщем.

— Если он ее прочитал, то сможет и записать. Я мечтаю увидеть этот текст.

— Наверно, тебя к тому времени уже не будет, — сказал Мендарк. Таллия поморщилась.

Надирил смерил Мендарка ледяным взглядом.

— Никто не может предвидеть собственный конец, и я, конечно, тоже. Но мою скорую кончину так давно предсказывают, что, полагаю, я еще буду трудиться, когда ты обратишься в прах.

Мендарк вздрогнул, словно ему на руку прыгнула жаба. Таллия перевела разговор в более безопасное русло, заговорив о «Сборнике старинных рукописей Ялкары». Наконец Надирал сказал:

— А теперь, Лилиса, ты нас извинишь? Нам с Мендарком нужно обсудить одно приватное дело.

Таллия отошла вместе с Лилисой к парапету, и они стояли, глядя на огни города и на звезды.

— Видимо, ты скоро уедешь, — сказала девочка, шмыгнув носом.

— Наверно.

— Я буду скучать по тебе, Таллия.

— И я по тебе, — ответила Таллия, обнимая Лилису за плечи. — Но я вернусь.

— Что еще ты от меня хочешь? — спросил Надирил. — Ведь это еще не все.

— Это… — Мендарк раздраженно теребил бороду. — Не знаю, есть ли в этом что-то или нет.

— Тебя интересует, что на самом деле произошло во время возникновения Непреодолимой Преграды?

— Как ты узнал?

— Мой дорогой Мендарк, сказания — моя работа. На прошлой неделе я услышал о выступлении Лиана на Чантхедском Празднике, где он поведал свое Сказание.

— А могло в этом что-то быть? Насчет того, что кто-то тайно пробрался в башню?

Надирил почесал свою лысую голову.

— Я годами размышлял над этим и не видел никаких убедительных доказательств. Хорошо было бы прочесть черновики Сказания Лиана, но старый Вистан запер их, и нет никакой возможности добраться до бумаг, пока он не скончается.

— Старый кретин! — вскипел Мендарк. — У меня есть желание немного ускорить дело. — Надирил холодно на него взглянул, и Мендарк поспешно добавил: — Но я не стану.

— Итак, каковы *твои* планы, Мендарк?

— Найти Тензора и Зеркало.

— А затем? У тебя достаточно сил, чтобы принять решение?

— Не знаю. Я стар.

— А если ты отойдешь от дел, кто заменит тебя?

— Я надеялся, что Таллия. Она способная…

— Но недостаточно алчная?

— Да. Ей вовсе не нужно все, как было нужно мне, а до меня — Руле. Рула! Она была самым великим Магистром из всех нас. Таллия недостаточно тверда. И она слишком привязывается к людям. Два роковых недостатка для Магистра, на мой взгляд.

— У меня другое мнение, — заметил Надирил. — Впрочем, что мне известно о бремени твоей должности?

Проходили недели. Мендарк сидел в Библиотеке над древними картами и документами. Таллия бродила по Зилю, беседуя с продавцами и посетителями таверн. Все они были рады поболтать.

Она пристрастилась к прогулкам ранним утром. Первое время ее сопровождала Лилиса, но вскоре девочка занялась своей работой в Библиотеке у Надирила и уроками, так что у нее не оставалось свободного времени.

Сегодня Таллия гуляла уже целый час, наслаждаясь покоем. Иногда из тумана выныривал какой-нибудь одинокий прохожий и, кивнув, снова исчезал. Когда взошло солнце, Таллия уселась за столик своей любимой уличной закусочной. Вскоре вышла хозяйка. Это была стройная седоволосая женщина с красивым лицом, еще совсем не старая.

— А вы сегодня рано, — почтительно обратилась она к Таллии. — Чего желаете?

Таллия заказала, добавив:

— Какое сегодня холодное утро!

— Холодное! — согласилась хозяйка. — Ничего, сейчас мы вас согреем! Подождите минутку, пока я растоплю плиту. Это мне в радость! Сейчас посетителей мало — вчера вообще не было.

Таллия осталась ждать, предавшись размышлениям. Из трубы повалил белый дым. Наконец Таллии принесли завтрак: пышные оладьи, посыпанные мускатным орехом и душистым перцем, маленький кувшинчик с черным сиропом, а также большую чашу с горячей ванилью.

— От этого у вас быстрее потечет кровь по жилам, — весело сказала женщина. Таллия отхлебнула обжигающий ароматный напиток, затем вылила содержимое кувшинчика на оладьи и принялась за еду.

— Вчера не было посетителей? Что же происходит в Зиле? — Хозяйка пожала плечами:

— Война коснулась и нас. И засуха — она длится уже тридцать лет. Однажды древний Зиль занесет песком. Даже Великая Библиотека погибнет.

— Это будет печальный день.

— Не много осталось от нашей древней славы.

— Великая Библиотека — ею все еще славится Сантенар.

— Может быть, но Сантенар о ней не заботится. Нет, Зиль пропал, и это так же верно, как то, что Сухое Море сухо. «До тех пор, пока Перионское Море снова не заплещется у берегов острова Катадза, не подняться вновь Зилю». Так гласит предсказание.

— Катадза! Разве это не большая гора в середине моря?

— Да, но раньше это был остров, и, надеюсь, есть, хотя теперь там все превратилось в пустыню.

Какая-то мысль осенила Таллию. Она застыла с вилкой в руке. Осушив свою чашу, она стала рыться в кошельке.

— Вам не понравились оладьи? — забеспокоилась хозяйка. — Я могу…

— Они очень вкусные, но я вспомнила об одном срочном деле. Спасибо, мне надо бежать.

В глубине Библиотеки она нашла Надирила. Рядом с ним Лилиса что-то переписывала из книги на грифельную доску. Старик, нахмурившись, проверял ее работу. Быстро стерев с доски, Лилиса начала все заново. Под глазами у нее были темные круги, но вид был счастливый.

— Никогда еще у меня не было такой ученицы, — сказал Надирил. — Она почти не спит. Лилиса, почитай-ка Таллии. Продемонстрируй свои успехи.

Лилиса, сияя, прочла страницу, почти не запинаясь.

— Вот так, — похвалил девочку Надирил, гордясь ею, как будто она была его дочерью. — Однажды ученица превзойдет своего учителя. Так что ты хотела у меня спросить? — обратился он к Таллии.

— Что тебе известно о Катадзе?

— Очень мало. Время от времени находятся смельчаки, которые пытаются пересечь Сухое Море, хотя они и не знают, ради чего рискуют жизнью. Погибает большинство. У меня есть кое-какие записи о переходе через Сухое Море тех, кто выжил. Насколько я помню, двое упоминают Катадзу, хотя лишь один поднялся на гору. Пойдем посмотрим каталоги. Лилиса, пошли, я научу тебя еще одной важной вещи.

Как раз в этот момент появился Мендарк.

— А, Мендарк! Таллия думает, что Тензор, возможно, в Катадзе.

Порывшись в пыльных архивах, они нашли три отчета о переходе через Сухое Море. Один представлял собой всего лишь порванную карту с примечаниями, сделанными бисерным почерком; второй — растрепанную записную книжку с красиво нарисованной картой; третий — свиток, испещренный неразборчивым почерком.

— Вот тут, — указал Надирил на свиток, — названа Катадза, а также говорится о местонахождении ручья у подножия горы, где автор нашел воду. Путешественники увидели снег на горных пиках. Вот это — лучший из отчетов, — сказал Надирил, передавая Мендарку записную книжку.

— Знакомый почерк, — удивился Мендарк. — Нет, не могу вспомнить.

— Твой старый *друг,* — заметил Надирил, с трудом скрывая радость.

Мендарк пристально смотрел на него.

— Шанд! — сказал Надирил. — Он передал Библиотеке множество ящиков с бумагами, когда уезжал в Туллин.

— Шанд! Ну что же, посмотрим, что он тут пишет.

— Тут записи о каждом дне путешествия, обозначены места стоянок, имеется карта. А несколько страниц посвящены самой Катадзе.

— Катадза! — повторил Мендарк. — Кто бы мог подумать! — Он прочел первую страницу дневника: — «В Сказаниях говорятся, что Катадза была твердыней каронов. Башни Кандора вздымаются в небо над лазурным Перионским Морем». У него очень цветистый стиль. А есть запись о том, что дневник Шанда видел Тензор?

— Нет. Однако он часто приходил в Библиотеку в последние годы. Не могу утверждать, что он не видел этих бумаг. Возможно, он даже сам побывал в Катадзе.

— Мне понятно, почему он захотел там укрыться, — сказал Мендарк. — Катадза — самое лучшее убежище для того, кому нужно лишь одиночество и время для приведения своих дел в порядок. Но мне необходимо знать точно, что он там, чтобы пуститься в такое путешествие.

На следующий день доказательства появились: прилетел скит, посланный одним из агентов Мендарка. Среди прочих депеш была и такая: «Большой отряд под предводительством Тензора провел три дня в Сифте, а затем поспешно отплыл на судне к Фаранде. И с ними был молодой человек среднего роста, похожий на Лиана».

— Фаранда! — воскликнул Мендарк. Настроение его внезапно улучшилось. — Таллия, немедленно отправляйся во Фрэман и отыщи Пендера. Я перепишу эти документы и последую за тобой завтра.

— Это чудесно! — просиял Надирил, не скрывая своей радости по поводу столь внезапного отъезда Мендарка. Лилиса, напротив, расстроилась.

— Я не думала, что ты уедешь так скоро. — Таллия обняла ее.

— Я тоже. Но чем скорее мы расстанемся, тем скорее встретимся снова.

— Лилиса, послушай меня, — вмешался Надирил. — Таллия отправляется искать твоего друга Лиана. Расскажи нам о своем отце, и мы будем искать его тоже.

Девочка повторила все, что уже рассказывала Таллии.

— А как насчет судна? — спросила Таллия.

— Оно было немножко похоже на «Уличную девчонку», — ответила Лилиса. — Я помню, у него были красные паруса.

— А как оно называлось?

— Я не могла прочесть. Но, — взволнованно продолжала девочка, — я слышала, как люди произносили его название. Что-то вроде «Кинжала».

— Если ты вспомнишь название, его можно проследить по записям в таможне, — заметил Надирил. — Правда, придется потратить много денег, чтобы их подкупить.

— У меня есть деньги. — Лилиса вынула кошелек.

— Спрячь его, дитя, — сказала Таллия. — Я должна тебе кое-что передать. Люди, которых ты спасла в Большом Зале Тайного Совета, заплатили тебе за это. — И она протянула Лилисе тяжелый кожаный мешочек. — А теперь — до свидания. Я буду расспрашивать во всех портах. — Они обнялись, и, пожав руку Надирилу, Таллия поспешила прочь.

Во Фрэмане Мендарк и Таллия прождали два дня, пока Пендер, опечалившийся, что Лилиса с ними не плывет, запасал все необходимое для путешествия. Мендарк разгуливал по палубе и отпускал скрытые угрозы в адрес сумасшедших капитанов.

Наконец они отплыли, и, поскольку был попутный ветер, через несколько дней оказались у берегов Фаранды. Им удалось узнать только то, что здесь довольно давно проходил большой отряд аркимов.

Они обсудили, что делать дальше. Мендарк лучше всех разбирался в географии северных земель, поскольку не раз тут путешествовал.

— Я знаю, что мыс Фаранда довольно далеко выступает в Сухое Море, — сказал он, — так что нам придется меньше идти по соленой пустыне.

Несколько дней они плыли на север, затем встали на якорь в скалистом заливе.

— Что теперь? — осведомился Пендер.

— Лучше ему все рассказать, — предложила Таллия.

— Зайди в каюту. Оссейон, встань на страже и следи, чтобы нас не подслушали. — Дверь захлопнулась.

— Мы собираемся пересечь Сухое Море, лодочник, — объявил Мендарк.

— Катадза! Тогда лучше бы вам переписать «Уличную девчонку» на меня, потому что вы определенно не вернетесь. — Пендер сказал это полушутя.

— Мы вернемся к середине лета, — без улыбки ответил Мендарк, — если вообще вернемся. Тогда нам понадобится судно. Где ты будешь в это время?

— Здесь, если ты заплатишь мне вперед за пять с половиной месяцев.

Договорившись обо всем и пожав руки, они на следующий день заключили сделку в конторе начальника гавани ближайшего порта.

— Ты представить себе не можешь, как я счастлив, — сказал Пендер Таллии, когда они направились к боту. — Сбылась мечта моей жизни. Но…

— Но ты истратил все до последнего гринта, и у тебя даже нет резерва на крайний случай.

— Откуда ты знаешь?

— Я умею считать, — ответила Таллия.

— А ведь еще надо заплатить команде, — мрачно заметил Пендер.

— Как в таком случае ты отнесешься к моему предложению? У меня есть деньги, и мне бы не хотелось тащить их с собой в Катадзу и обратно. Что если я стану твоим партнером?

— Даже если бы ты не собиралась отправиться в долгое путешествие по соли, это было бы выгодное предложение, — просиял Пендер и расцеловал ее в обе щеки.

Через шесть недель, проехав верхом с проводником по горам и плато Фаранды, они добрались до дна Сухого Моря. Путь через море, выбранный Мендарком, оказался удачным: стоило им спуститься на дно, как они вышли к большому ручью. Разбив на его берегу лагерь, они наловили рыбы, наполнили мехи водой и подготовились к ночному переходу. До Катадзы оставалось

примерно шестьдесят лиг, но они хорошо отдохнули, были сыты и подготовлены к походу.

— Интересно, что мы найдем в Катадзе?

— Несомненно, не то, что ожидаем, — ответил Мендарк. — Будем надеяться, что Тензор там — иначе мы зря пустились в это тяжелое путешествие. И нам предстоит еще более изнурительное возвращение из Катадзы.

— А если он там, что тогда? В равной степени нам нужно бы надеяться, что его там нет. — «Ты никогда не был ровней Тензору, — мелькнула у Таллии мысль, которую она не стала высказывать. — Почему на этот раз должно быть иначе?»

Мендарк часто размышлял на эту тему во время их долгого путешествия, но так и не нашел ответа.

— Не знаю, — сказал он. — Все будет зависеть от того, сколько с ним людей и что он предложит. Пока ничего не известно. Я должен оказаться там, прежде чем он применит Зеркало.

Они шли еще полтора дня, оставляя за спинами другие ручьи — пресные и соленые. А к концу второго дня набрели на следы, ведущие к расселине.

— Что это? — сказал Мендарк, тревожно озираясь. — Аркимы?

Таллия засмеялась.

— Вряд ли, мой друг. Посмотри, какого размера эти следы.

— И тут проходили только двое, — вставил Оссейон. — Это следы мужчины примерно твоего веса, но только уставшего и с больными ногами: смотри, видимо, он еле тащился. Другие отпечатки гораздо меньше. Может быть, детские?

Мендарк внимательно изучил их. Было ясно, что следы оставлены давно: ветер присыпал их соленой пылью.

Отряд во главе с Мендарком двинулся по следам, ведущим к расселине. У подножия горы-острова Катадза они заколебались, поскольку солнце уже садилось.

— Из карты Шанда не совсем ясно, каким путем подниматься, — сказал Мендарк, присевший, чтобы снова свериться с копией карты.

— По-моему, его путь проходил севернее, — заметила Таллия, заглянув через плечо Мендарка. — Я за то, чтобы продолжать. Чем раньше мы расстанемся с этой солью, тем лучше. Давай попробуем — первый утес не очень высокий.

Однако к тому времени, как они вскарабкались на вершину, все выбились из сил и уже совсем стемнело. Они оказались на покатом склоне, заваленном огромными круглыми валунами.

— Я выдохся, — заявил Мендарк, плюхнувшись на землю.

— Я чую воду, — сказал Оссейон.

Он помог Мендарку подняться. Они стали пробираться между валунами на шум воды. Раздвинув листву, Оссейон обнаружил ручей, стекавший со скалы. Мендарк плеснул себе в лицо, потом попил из рук.

— Пресная, хотя и с привкусом железа, — сказал он про себя.

Все они думали только о том, чтобы напиться холодной воды и передохнуть. Даже Оссейон забыл о следах. Когда Мендарк снова наклонился над ручьем, кто-то спрыгнул с валуна ему на спину и, повалив, прижал к земле. Чья-то рука потянула его голову назад за волосы и приставила к горлу нож. Какой-то острый предмет уперся Таллии в спину. Рука Оссейона потянулась за его собственным ножом, но застыла в воздухе.

Хриплый голос проскрипел:

— Не двигаться, или я перережу ему горло.

33
Ордер на арест

Наутро после того дня, когда они поужинали лангустами, Карана и Шанд продолжили свой путь. Карана плохо спала, так как беспокойство Шанда по поводу гаршардов пробудило дремавший в ней страх, и она боялась увидеть сны, которые привели бы их к ней.

В полдень они разбили палатку и отдыхали до ночи, а затем снова двинулись вперед. При лунном свете они шли довольно быстро и вскоре добрались до соляных равнин. Сначала соль под ногами походила на свежевспаханное поле, но дальше поверхность равнины стала гладкой и скрипела при каждом шаге. Кое-где на их пути встречались соляные горы, в которых даже были пещеры.

У одной из таких соляных пещер они и устроили следующий привал. Карана спросила Шанда об их маршруте, и он начал рассказывать, чертя схему ножом на соли.

— Это самое опасное предприятие, в которое ты когда-либо пускалась, — заявил он. — Четыре меха с водой на восемь дней! Много людей умерло, пытаясь пересечь это море. Но ты не могла выбрать себе лучшего проводника. Думаю, мы туда попадем.

— Хвастун!

— Карана, вставай! Нас преследуют!

Карана сонно оттолкнула руку Шанда, и его слова не сразу дошли до ее сознания.

— *Что?*

— Я их видел. Будут здесь через полчаса. Не можешь ли ты *почувствовать*, что они замышляют?

— Где? Кто? Гаршарды? — От ужаса она говорила односложно. Только не гаршарды! Ей это больше не вынести!

— Не думаю. Ты что-нибудь *чувствуешь?* — Карана напряглась, но ничего не ощутила.

— Тут что-то другое. За день до твоего исчезновения в пещерах Эшмода прилетел почтовый скит.

— Что?! — Она смотрела на Шанда, вне себя от гнева. — Почему же ты мне не сказал? Меня несколько дней беспокоило, что кто-то идет за нами по пятам.

— После того, что случилось, мне не хотелось тревожить тебя понапрасну, — оправдывался он. — Но я выяснил, кто прислал скита. Это был Иггур!

— Иггур! Это плохо. Ничего от меня не скрывай! Я не собираюсь возвращаться — лучше умру!

— Вздор, — спокойно произнес Шанд. — А как же Лиан? Кто вызволит его из беды, если ты сейчас сдашься? Давай решим, что делать. Их всего двое.

— Двое! А мы практически безоружны.

— Прятаться бесполезно. Отнеси свои вещи в пещеру и тщательно замети за собой следы.

— Что ты им скажешь?

— Что-нибудь придумаю. Возможно, скажу, что ты утонула.

Карана содрогнулась, взглянув на зеленую воду.

— Если меня схватят или убьют, — бодро продолжал Шанд, — ты должна вернуться в Эшмод. Не вздумай идти в Катадзу одна.

— Разумеется, я пойду дальше, — возразила Карана. — Дай мне карту.

— Я еще не умер, — рассмеялся Шанд, отталкивая Карану.

Преследователей было двое — мужчина и женщина. Оба высокие, худощавые, в потрепанной одежде.

— Я Гвоссела Сну, сержант из Эшмода, — представилась женщина. — Прейд — мой констебль. У меня ордер на арест рыжеволосой женщины, которая покинула город вместе с тобой. — Она развернула лист бумаги, чтобы Шанд мог прочитать. Тут был и рисунок, на котором довольно сносно была изображена Карана. — Ордер пришел из Туркада, на нем печать самого Иггура. А вот подпись мэра Эшмода. Где Карана Ферн из Готрима?

— Мертва, — лаконично ответил Шанд.

Карана, спрятавшаяся за выступом соляной горы, почти ничего не слышала из их разговора, но уловила слово «мертва», от которого похолодела.

— Увы, прошлой ночью мы шли в темноте, когда прохладнее, и она свалилась в соленое озеро и утонула, — печально произнес Шанд.

— Как тебя зовут?

— Мое имя Шанд, я из селения Туллин, располагающегося недалеко от Чантхеда, на Мельдорине.

— Утонула, говоришь. Тогда мы должны видеть тело, — сказал мужчина.

— Оно опустилось на дно. — Тут Шанд осознал свою ошибку и добавил: — Не в этом озере, а в одном из тех, вдали.

Последовало долгое молчание.

— В такой воде тело не может утонуть, — медленно

произнесла женщина. — Она слишком соленая. — Гвоссела Сну с подозрением взглянула на Шанда. — Покажи нам озеро, в которое, как ты говоришь, она упала.

Поблизости было только два соленых озера, но следы не вели ни к одному из них.

— Ты лжешь, — холодно оказала Гвоссела Сну. — Взгляни, у него на рукаве кровь! — обратилась она к своему коллеге.

— Мой нос, — слабо возразил Шанд, но мужчина уже связывал ему руки.

Женщина осмотрела его рукав, даже понюхала.

— Шанд из Туллина, я обвиняю тебя в убийстве Караны Ферн из Готрима.

Привязав Шанда к соляному столбу, они тщательно обыскали площадку лагеря, даже тыкали палкой в зеленую воду. Вскоре Прейд наткнулся на то место, где Карана упала в темноте вчера ночью и разбила нос.

— Я нашел… вот где он сделал свое черное дело. Грязный убийца! — воскликнул он.

— Итак, — обратилась к Шанду женщина, — ты протащил ее весь этот путь и потом убил, бедняжку. Интересно, что у нее было такого ценного, из-за чего ты ее убил? Ты сознаешься? Нет? Неважно. Ты заколол ее, не правда ли, и, привязав к телу камень, бросил в воду? Сомневаюсь, что нам удастся ее найти: эти озера бездонны. Жаль. За живую мы бы получили пять теллей, а за мертвую — один. Мы поспим до рассвета, Прейд, а потом повернем обратно.

Карана, скорчившаяся в крошечной расселине за горным выступом, попала в затруднительное положение. Смерть ее была доказана, но что же ей делать с Шандом? Даже если ей удастся его освободить, как избавиться от их преследования?

Ночью похолодало. Отхлебнув воды из меха, Карана смотрела вниз, на лагерь. Она умирала от голода, но ее рюкзак был далеко. Офицеры поели сами и покормили Шанда, затем женщина легла спать, а мужчина нес вахту. Через несколько часов они поменялись. Карана осторожно спустилась, двигаясь бесшумно.

Гвоссела Сну вздохнула, опустила голову на свою куртку и затихла. Карана проскользнула к столбу Шанда, но в этот момент женщина громко зевнула и поднялась. Карана тихонько выругалась. Ее план зависел от того, удастся ли ей освободить Шанда: с двумя ей одной было не справиться.

Карана замерла на месте. Женщина приблизилась к Шанду, проверила веревки, которыми он был связан, потом обошла лагерь. Не заметив Карану, она вернулась на свой пост. Карана не смела пошевелиться.

Наконец Гвоссела Сну снова зевнула и повернулась в другую сторону, устремив взгляд на Шанда. «Что же делать?» — подумала Карана. Она вытащила нож, зная, что не сможет хладнокровно убить женщину. Сердце ее гулко билось. Она подползла поближе и поднялась. Женщина была на целую голову выше Караны.

Подобравшись сзади, Карана зажала ей рот и нос и приставила к горлу нож.

— Не шевелись, — прошипела девушка. — Лечь на живот!

— Прейд! — закричала Гвоссела и ударила Карану сапогом по лодыжке.

Каране показалось, что ее лягнула лошадь. Девушка дернулась, нож выпал из руки. Она наклонилась поднять его, и в этот момент Гвоссела снова ударила ее. Карану отбросило в сторону.

Гвоссела Сну была большая и сильная — хорошо обученный офицер.

Карана увидела, как с земли поднимается Прейд.

— Шанд! — закричала Карана, метнувшись к нему.

Она споткнулась о рюкзак и швырнула его в женщину. Он угодил той по ногам, и Гвоссела упала. Каране удалось перерезать веревки.

— Бери на себя мужчину, — шепнула она старику, в то время как женщина, прихрамывая, уже направлялась в ее сторону.

Карана забежала за большую соляную глыбу и взобралась на него. Когда Гвоссела пробегала мимо, Карана прыгнула ей на спину, и та повалилась на землю. Карана приставила нож к горлу женщины, а когда Гвоссела напряглась, сильнее надавила на рукоятку.

— Я это сделаю, — задыхаясь, выговорила Карана, и ее противница вдруг затихла.

Опасаясь внезапной атаки, Карана прижала Гвосселу к земле коленом и, воспользовавшись длинными рукавами плаща женщины, связала ей руки за спиной. Получилось что-то вроде смирительной рубашки. В темноте слышались удары, сопение, выкрики и ругательства. Чья-то тень нависла над ней, и Карана резким движением откатилась в сторону, нащупывая нож.

— Это я, — задыхаясь, произнес Шанд.

Карана забрала сапоги противников. Обмотав ноги тряпками, они смогут добраться домой, но не отважатся преследовать их по соляной равнине. Шанд бросил оружие Гвосселы и Прейда в озеро.

— Думаю, обвинение в убийстве снято, — обратился Шанд к поверженным, надевая на спину рюкзак.

Поглощенная переходом, Карана только на рассвете заметила, что у Шанда подбит глаз. Он так сильно распух, что Шанд им почти не видел.

— Что случилось?..

— Этот мерзавец двинул меня коленом. У меня онемели от веревок руки. Так что он чуть не одолел меня.

Карана хлебнула воды.

— Вот дураки! — воскликнула она. — Почему мы не забрали их мехи с водой и не отдали им наши, плохие?

— Чертовски глупо, — устало согласился Шанд.

В ту ночь дорога начала идти в гору. Карана безуспешно пыталась вновь обрести свой дар. Он начисто исчез. Отчаянно стремясь в Катадзу, девушка постоянно торопила Шанда, пренебрегая собственной безопасностью.

Поздно ночью, когда оба были молчаливы и измотаны, Карана увидела впереди черный барьер.

— Что это такое? Похоже на утес.

— Это и есть утес. — Шанд даже не поднял головы. Утес находился дальше, чем казалось при свете звезд, и, когда они добрались до него, уже почти рассвело.

— Давай разобьем лагерь, — предложил Шанд. — Тут мы можем спрятаться от солнца в тени.

— Мы еще недостаточно прошли, — возразила Карана. Хотя она очень устала, но рвалась вперед.

— Мы прошли достаточно! Но я все равно огорчен.

— В чем дело?

— Мы должны были увидеть первую гору позавчера, — сказал Шанд.

— Возможно, карта неверна.

— Вполне вероятно. Но и местность тоже могла измениться. Например, если было землетрясение.

— Ладно, давай будем печалиться по этому поводу после завтрака. Что у нас сегодня?

— Все тот же рис с луком, что и вчера. — Шанд развернул остатки еды, которую они готовили в последний раз, и разделил их на две части.

Запив рис теплой водой, не очень свежей, Шанд поднялся.

— Пошли. Воздух всегда чище всего на рассвете. Я хочу убедиться, что мы идем правильно.

Оказавшись на вершине горы, Шанд стал всматриваться в даль соляной равнины.

Гор не было видно ни на севере, ни на северо-востоке. Карана взглянула на него и сказала:

— У меня осталось воды на четыре-пять дней.

— Карта неправильная, — устало произнес Шанд.

— Я не стану возвращаться.

В этот момент скала затряслась.

— Что это? — спросила испуганная Карана.

— Землетрясение!

— Сколько дней идти до воды?

— Это зависит от того, каким путем мы пойдем. Если на восток — четыре-пять дней. На северо-восток — возможно, неделя.

— Значит, идем на восток, и надо поднажать, чтобы дойти за четыре дня.

Шанд вытер лоб.

— Давай-ка уйдем с солнцепека, — предложил он. Они спрятались в палатке, поставленной в тени утеса, и спали так крепко, как им давно уже не приходилось поспать. Карана проснулась в полдень, вся мокрая. Палатка все еще была в тени, но стоило девушке отойти на несколько шагов от нее — и солнце моментально высушило пот. От солнца соль сверкала нестерпимым блеском, от которого болели глаза. Карана надвинула на лицо капюшон и поискала в кармане защитные очки.

Смотреть было особенно не на что — только белая соль и черная скала, ветер, кружащий соль, и полуденный туман. Кошмарная жара! Карана снова спряталась в тень, в палатку, и долго вертелась и чесалась, так как у нее зудело все тело. Сон пропал.

Ближе к вечеру они двинулись на восток и еще засветло вышли из гористой местности обратно на соляные равнины.

Рассвет окрасил розовым белую соль, но из-за тумана не были видны утесы на востоке. Карана покачнулась, ухватившись за плечо Шанда. Губы у нее пересохли и сильно потрескались.

— Сколько мы прошли сегодня ночью?

— Я потерял счет. По крайней мере, десять лиг. — Вдруг кровь отхлынула от лица Караны.

— По-моему, у меня не осталось сил. И у меня зуд во всем теле. Эта жара меня иссушила.

— Помоги мне с палаткой и залезай внутрь.

Карана заползла в палатку и легла на землю. Она так устала, что не могла ни есть, ни пить. Когда через несколько минут вошел Шанд с миской, в которой были кусочки сушеного мяса, смешанные с луком и ломтиками лимона, она лежала ничком и, похоже, была без сознания.

— Карана! — воскликнул он. — Что с тобой? — Девушка не

двигалась. Он перевернул ее на спину. Глаза у нее закатились. Шанд приподнял ее. Кожа была совсем сухая. Веки затрепетали, и она, казалось, увидела Шанда и даже протянула к нему руку, затем рука безвольно упала на землю.

34
Укус скорпиона

Разжав Каране зубы, Шанд пощупал ее язык. Он был сухой, как бумага.

— Чертова дуреха! — сказал он и принялся вливать ей в рот воду из меха, поддерживая голову. Вода попала не в то горло, девушка подавилась и открыла глаза.

— Когда ты последний раз пила? — спросил Шанд.

— Не могу вспомнить… Да… давно.

— Ты пила во время вчерашнего ночного перехода? Глупое ты дитя!

— Я хотела сэкономить воду. Вскоре я перестала ощущать жажду.

Шанд наклонил мех, и она сделала глоток. Веки затрепетали, и эти поразительные зеленые глаза взглянули прямо на него.

— Прости. Наверно, я и впрямь немного сглупила.

— Немного, — проворчал Шанд. — Правда, думаю, ничего страшного пока не случилось. А теперь послушай меня! Я знаю, почему ты так рвешься вперед, но ты должна держать себя в руках. Ты рискуешь и своей, и моей жизнью.

— Прости, — повторила Карана.

— Я дам тебе урок выживания в пустыне. Ты никогда не сэкономишь воду тем, что не будешь ее пить. Тебе нужно определенное количество жидкости в день, и каждую потерянную каплю нужно возместить. Мы идем ночью, а днем отсиживаемся в палатке, поэтому тебе нужно выпить полмеха в день. Если бы мы шли по солнцу, даже целого меха было бы недостаточно. Если твой организм недополучит два полных меха воды, то, не возместив их, ты умрешь. Единственный способ сэкономить воду — это не терять и не тратить ее понапрасну. Никогда не выходи на солнце. Двигайся днем как можно меньше. Когда есть тень, используй ее! И не передвигайся ночью слишком быстро, чтобы не потеть. Мне бы надо было это объяснить тебе перед тем, как мы отправились в путь.

— Мне уже лучше. — Она села и отпила еще немного. — О, эта вода ужасна.

— И несомненно, будет все хуже.

В ту ночь они пошли помедленнее, но все же сделали почти восемь лиг. После полуночи они миновали соляные равнины, которые сменились полого поднимавшимся склоном, и в предрассветном свете увидели вдали утесы. До них, судя по

всему, оставался всего один день пути.

— Сколько нам осталось?

Сверившись с картой, Шанд ответил:

— Около пятнадцати лиг до утесов, но мы должны найти воду задолго до этого.

В полдень они набрели на зеленый оазис.

— Спокойно, — сказал Шанд, положив руку на плечо Караны. — Давай сначала убедимся, что там есть вода и ее можно пить. И будь осторожна: в таких местах водятся самые ядовитые твари на Сантенаре. Даже от укуса муравья ты не сможешь ходить неделю.

Карана осмотрела весь оазис, но воды не нашла и вернулась очень разочарованная. В это время Шанд рыл ножом ямку в центре оазиса, выкапывая корни и сгнившие листья и выбрасывая из нее влажный черный песок. Скоро в ямке начала собираться темная вода.

— Вот бы пошлепать по воде босиком! — мечтательно произнесла Карана.

— Это для питья, — сказал Шанд. — Если хочешь, вырой свою.

Она выбрала место, где почва была помягче, и, сбросив сапоги, взялась за дело. Скоро вода уже доходила ей до лодыжек, и Карана со счастливой улыбкой смывала с рук грязь.

— Если бы мы провели тут неделю, я бы выкопала бассейн.

— Прекрасно, — ответил Шанд, — Я рад, что ты больше не спешишь. А теперь пора обедать.

Она опустилась на землю рядом и осведомилась:

— Какой пир ты приготовил сегодня?

— Во-первых, я выкопал парочку твоих любимых ракушек, а во-вторых, тут есть фруктовые деревья. Вот, попробуй. — И онпротянул ей какой-то серый орех.

— Как его едят?

— Воткни вот так острие ножа, поверни, и половинки скорлупы раскроются.

Карана осторожно попробовала мякоть.

— О, сладко!

— А вот еще. — Он показал ей шапку, полную каких-то коричневых семян или ягод. — Горох пустыни. Из него получается хороший суп, но нужно долго возиться.

Обед был очень вкусный: ароматный «гороховый» суп, запеченные лангусты и чай, подслащенный экзотическими фруктами. Начали сгущаться сумерки. Карана пошла к своей яме за сапогами. Вдруг Шанд, полоскавший кружки, услышал ее крик.

Он помчался к Каране. Девушка лежала на земле, пытаясь

скинуть сапог.

— Меня кто-то укусил! — крикнула она.

Сняв с нее сапог, Шанд перевернул его и вытряхнул на песок маленького черно-красного скорпиона. Шанд задавил его каблуком.

— Ничего, — со слабой улыбкой сказала Карана. — Уже не болит.

— Плохо, — заметил Шанд, туго обматывая свой пояс вокруг ноги девушки. Он надрезал укус и высосал кровь из ранки, сплевывая на песок. Очень скоро у него начал неметь язык.

Пот выступил у Караны на лбу, голова склонилась на плечо, глаза закатились. Взвалив ее на плечо, Шанд бегом пустился к костру. Выхватив из огня головешку, он прижег рану, после чего забинтовал девушке ногу.

Карана стонала, ее била дрожь, затем ее вырвало. Ей стало очень холодно, губы посинели. Боль была ужасная, невыносимая. Девушка потеряла сознание.

Через несколько часов она очнулась и встретилась взглядом с встревоженным Шандом.

— Зачем ты это сделал? — слабым голосом произнесла она. — Тебе обязательно нужно было прожигать во мне такую здоровую дырку?

— Это был скорпион, укус которого смертелен. К счастью, он ужалил тебя в пятку, где кожа грубее. Если бы в палец или лодыжку, мне, вероятно, не удалось бы тебя спасти. Вот почему пришлось прижечь рану: тепло обезвреживает яд. Надеюсь, ты понимаешь, что о Катадзе не может быть и речи. Ты не сможешь ходить неделю.

Ничего не ответив, Карана отвернулась и страдала всю ночь, проклиная свое легкомыслие. У нее были дурные предчувствия относительно Лиана, которому постоянно угрожала опасность. Она увидела на ночном небе туманность Скорпиона, которая была ярче, чем обычно. Каране показалось, что небеса издеваются над ней.

Путешественники задержались на два дня, пока Карана не смогла наконец наступать на больную ногу. После этого девушка заторопилась в дорогу. Шанд соорудил ей костыль из ствола молодого деревца.

— У нас осталось мало еды, — сказал Шанд. — В тридцати лигах к северо-востоку отсюда Труно — самая большая река Лауралина, — несет свои воды в Сухое Море. Это край озер и болот, там можно заблудиться, зато полно рыбы и дичи. Мы направимся туда, а дальше посмотрим, как твоя нога.

Они провели в озерном краю две недели, пока Карана не

оправилась после укуса. Затем они снова тронулись в путь.

Дорога до Катадзы заняла еще дней тридцать, и все они были похожи один на другой, но каждый последующий день был жарче предыдущего.

У Караны было достаточно времени, чтобы поразмыслить над своей жизнью и попытаться построить планы на будущее. Ей было двадцать четыре года, и она вдруг осознала, что большую часть жизни провела в странствиях. Она чувствовала себя загнанной в ловушку этим бесконечным путешествием. Ей страстно хотелось наверстать упущенное и дать Готриму наследника.

Последняя часть пути отняла гораздо больше времени, чем Карана с Шандом предполагали, поскольку гладкая поверхность соляных равнин сменилась базальтом с острыми, как ножи, краями. Тут было опасно идти ночью, и они совершали переходы только утром и вечером.

Через шестнадцать недель после Тайного Совета они добрались до небольшого горного пика. Не найдя там воды, они пошли к следующей горе.

— Сколько нам еще идти? — спросила Карана. — У меня осталось совсем немного воды, да и еды почти нет.

— Слишком долго, — раздраженно ответил Шанд, держась за живот.

— Где-то должна быть вода.

— Здесь нет никаких «должна». Некоторые из этих островов были бесплодными еще до того, как высохло Перионское Море.

— Ты сказал, что дважды побывал в Катадзе. Как же ты мог забыть, где здесь вода?

Лицо Шанда потемнело.

— Я тебе много раз говорил, что прежде шел *другим путем.*

Они передвигались ночами при свете звезд, а днем отлеживались в палатке. И вот наконец они ощутили, что пологий склон начинает слегка подниматься у них под ногами, и, к своей великой радости, увидели в предрассветном сумраке три пика. Это, конечно, была Катадза!

Солнце уже сильно припекало, хотя едва показалось над горизонтом. У Шанда был измученный вид. Карана низко надвинула шляпу на глаза.

— В тумане мы взяли слишком сильно на запад, — сказал Шанд. — Так что перед нами западная сторона Катадзы.

Если бы Карана могла, то заплакала бы, но глаза были слишком сухими.

— Ты хочешь сказать, что только из-за этого мы все еще не там?

Шанд скрючился и отошел в сторонку. Его долго рвало.

— В чем дело? — спросила Карана, когда Шанд вернулся.

— Колики! У моей воды такой вкус, словно в ней сдохла крыса.

Они двигались к Катадзе мимо кипящих соленых ручьев и фонтанов, от которых поднимался пар. В воздухе пахло серой, и от этого у Шанда с Караной болели глаза и першило в горле. К берегу последнего соленого озера прибило какую-то пену пурпурного цвета.

— Это можно есть, — сказал Шанд, собирая пену в горшок.

— Что это? — с сомнением спросила Карана.

— Понятия не имею — растет в кипящей воде и приятна на вкус.

— Какой ужасный край, — заметила Карана, чувствуя себя так же неуютно, как в портовом городе. — И Катадза такая же?

— Вовсе нет.

Колики у Шанда усилились. Когда они добрались до подножия горы Катадзы, ему стало совсем плохо. Вода у него осталась лишь в мехе из Грейнвиса, но она была такая мерзкая, что его тошнило от одного ее запаха.

К следующему утру старик допил и эту воду, а у Караны оставалось чуть больше половины последнего меха. Однако даже когда он пил воду девушки, Шанду становилось все хуже, его мучили рвота и понос.

У него не хватало сил взбираться по длинному склону к подножию утесов, и они пролежали весь день в палатке, где даже в тени земля была такая же горячая, как воздух. Перед тем как снова пуститься в путь, они доели и допили все, что у них было.

После часа ходьбы перед ними предстало большое озеро с чистой водой, которая, правда, оказалась такой соленой и горькой, что у Караны и Шанда начались желудочные спазмы. От этой воды их стала еще сильнее мучить жажда. Шанд лежал на берегу озера, держась за живот. Карана была в ужасе, опасаясь, что старик умрет.

После длительного отдыха в тени Шанду стало лучше, хотя организм был обезвожен. Карана пошла удить и поймала несколько мелких рыбешек. Они съели сочное мясо сырым, и это слегка утолило жажду. Но девушка знала, что без воды Шанд умрет через день, да и сама она протянет недолго. Всю ночь измученные Шанд с Караной плелись вперед, а незадолго до рассвета нашли крошечный родничок у подножия скал. Вода текла такой тонкой струйкой, что их мехи пришлось бы наполнять весь день, но ее было достаточно, чтобы спасти им жизнь и чтобы они взяли немного с собой.

Вечером они снова пустились в путь и наконец обнаружили дорогу, ведущую к самому низкому утесу Катадзы.

Еще через пару часов они добрались до ущелья, куда никогда не попадали солнечные лучи. Здесь, в лощине, росли какие-то серые растения, а выше на склоне зеленела трава. Казалось, утесы никогда не кончатся. Шанд был слишком слаб, чтобы взбираться на них дальше.

— Завтра станет лучше, — сказал он, очищая какой-то клубень, выкопанный Караной.

Девушка ничего не ответила. Ее мучил голод: за весь день она съела лишь горстку муравьиных яиц.

— Мы попытаемся завтра, — повторил Шанд на следующий день, но он был так измучен коликами, что Каране казалось: он никогда не сможет двинуться с места.

Наступило «завтра» но Шанд был не в состоянии подняться, а когда Карана вернулась с охоты с большой ящерицей — еда на несколько дней, — он не проявил никакого интереса.

— Ступай, — сказал он, — приведи помощь.

— Я тебя не покину, — возразила она, разрываясь между привязанностью к нему и желанием найти Лиана. Временами она почти *чувствовала* Лиана, и то, что она чувствовала, ее пугало.

— Тебе придется, или мы умрем оба. Возьми пищу и иди.

— Ты умрешь, если я уйду!

— У меня достаточно воды, — со слабой улыбкой сказал Шанд. — И даже есть немного еды. От голода умирают неделями — ты вернешься раньше.

Карана колебалась. Она действительно страстно хотела идти дальше — в груди у нее жгло огнем. Но она не могла оставить Шанда.

35
Ужасное оскорбление

Когда Лиан, потрясенный беседой с Малиеной, вернулся к Тензору, он обнаружил, что тот все еще сидит в своем кресле из черного дерева, поставив локти на служившую столом скамью, которая располагалась вдоль всей стены. Она тоже была из черного дерева. В отполированной до блеска поверхности скамьи отражалось Зеркало, а в Зеркале — лицо Тензора: темные волосы, зачесанные волнами с широкого чела, длинный прямой нос и густая курчавая борода, скрывавшая нижнюю часть лица.

Тензор сжал раму Зеркала руками, и оно, покачнувшись, замерло на месте. В нем появилось изображение — в точности то самое, которое Лиан видел прошлой зимой в Туркаде.

Это был мрачный пейзаж с черными тенями. Равнину, испещренную какими-то пузырьками стального цвета, пересекала глубокая расселина. Железная башня накренилась, словно собираясь упасть. На заднем плане горы, похожие на фарфоровые черепки, вонзались в небо. Маленькое красное солнце пыталось разорвать грозовые тучи, но безуспешно.

Это был Аркан — или, быть может, воспоминание Тензора тысячелетней давности. Существовал ли еще Аркан?

Изображение отличалось от того, которое предстало перед Мендарком: оно было живое. Солнце и луна двигались по небу, тучи проплывали, свет усиливался.

Однако, кроме этой картинки, Тензору так ничего и не удалось извлечь из Зеркала. Он рвал на себе волосы, сердито орал на Лиана и порой даже покрикивал на своих друзей аркимов. Малиена была довольна, когда Лиан сообщил ей об этом.

Тензор так сильно стукнул кулаком по скамье, что Зеркало подскочило и опрокинулось.

— Почему оно не открывается? Почему? *Почему?*

— Ялкара заперла его, и есть только один ключ. Этот ключ у меня, — сказал Лиан, думая вслух.

Тензор резко повернул к нему голову с буйной гривой волос, и Лиан был потрясен, осознав, что желает аркиму успеха с Зеркалом вопреки мрачным прогнозам Малиены.

«Нет! — подумал он. — Я должен написать Сказание, но мне не нужно ему помогать. Пусть сделает это сам или совсем не делает».

— Что? — вскричал Тензор.

— Ничего, — ответил Лиан, отступая бочком. — Я ошибся. — Вдруг его схватили за горло и высоко подняли в воздух.

— *Что ты сказал?* — орал Тензор, изо всех сил тряся Лиана. Потом швырнул его на пол и наступил на него.

— Феламора… сказала это на Тайном Совете, — задыхаясь, объяснил Лиан. Рука у него ныла: он приземлился на локоть.

Тензор отвернулся и словно забыл о присутствии Лиана.

— Да, сказала! Что она имела в виду? — задумчиво произнес он. — Как заперла? *Как?* — Он принялся расхаживать по комнате. — У Феламоры Зеркало пробыло совсем недолго — во время ее борьбы с Ялкарой, причем последней хозяйкой Зеркала была не она. Значит, и заперла его не Феламора. Только Ялкара могла это сделать, а ее давно нет. Но зачем? Я часто размышлял о Ялкаре. Только один человек умел читать в ее уме.

— А что это за ключ? — спросил Лиан. — Феламора говорила, что ключ у нее.

— Кто знает? Может быть, она вырвала секрет у Ялкары? — Тензор удалился, бормоча себе что-то под нос.

Когда Тензор вернулся, Лиан сказал:

— Я слышал, что аркимы отказались от Зеркала, поскольку его было опасно использовать. — Юноша надеялся с помощью Тензора заполнить кое-какие пробелы в истории Зеркала.

— Действительно опасно, и именно я это сделал — хотя Зеркало и было моей самой ценной вещью. Я тайно привез его на Сантенар, а это было недопустимо! Запрещалось перевозить предметы из одного мира в другой.

— Почему?

— Потому что они могли преобразиться и начать представлять собой угрозу — как Флейта. И Зеркало тоже! Если бы меня тогда поймали, мне был бы конец. Затем Квинлис (он был нашим предводителем до предателя Питлиса, летописец, — я же вижу, что ты хочешь спросить) пользовался Зеркалом. Он спас нас ценой своей жизни… — Тензор умолк. Он сидел и глядел куда-то вдаль, словно всматриваясь в давно ушедшие времена. — После этого им никто не пользовался. Зеркало лежало без присмотра в архиве, и при падении Тар Гаарна Ялкара его украла. Но теперь я *должен* его открыть любой ценой. Зачем ей было его запирать?

Взяв в руки Зеркало, он поднес его к самому лицу. Несмотря на смелые слова, Тензор явно терял уверенность. Казалось, что все было зря. Шазмак был разрушен из-за его слепой погони за Зеркалом, а теперь он обнаружил, что даже не может им пользоваться.

А между тем аркимы неустанно трудились, укрепляя Катадзу. Даже Малиена начала успокаиваться, видя, что у Тензора ничего не получается. В конце концов Лиану наскучило наблюдать за безрезультатными попытками Тензора, и он почти все время проводил, исследуя бесчисленное множество комнат Катадзы и ее башни.

Как-то раз он обнаружил очень уютную комнату на верхнем этаже Великой Башни, под самым платиновым куполом, откуда открывался вид на море. Высунувшись из окна, юноша увидел ленту из золота и ляпис-лазури, окружавшую башню, — она проходила как раз под окном его комнаты, в которой он просиживал теперь день за днем — надо было зафиксировать в дневнике произошедшее за последние недели.

Когда Лиан записал в дневнике все, что произошло с ним вплоть до настоящего момента, он занялся поисками архива Кандора, который мог сохраниться в Катадзе. Тензор не звал его, и юноша проводил в кабинете аркима все меньше и меньше времени, так что Малиена была вынуждена сделать Лиану замечание, что от него как от шпиона нет никакого толка, раз Тензор предоставлен самому себе. Лиан искал архив повсюду, но не нашел ни клочка бумаги и потому решил, что нужно прибегнуть к чьей-то помощи.

— Зачем тебе нужны бумаги Кандора? — холодно спросила Малиена.

— Сказания каронов малоизвестны, — ответил он полуправдой. — «Сказание о Распаде» — самое слабое из всех Великих Сказаний. То, что я могу тут узнать, поможет его улучшить.

Малиена пристально смотрела ему в глаза, и в конце концов он отвел взгляд.

— Ты чего-то недоговариваешь, летописец. Назови настоящую причину, и тогда, возможно, я тебе помогу.

— Это и есть настоящая причина, — упорствовал Лиан, но зеленовато-серые глаза видели его насквозь.

— Я знаю тебя, летописец. Ты не все мне сказал.

И ему пришлось поведать о таинственной гибели девушки-калеки после возникновения Непреодолимой Преграды, о том, что рассказал ему в Шазмаке Тензор, и показать украденное письмо Кандора, адресованное Рульку.

Малиена слушала внимательно, понюхала бумагу и даже попробовала на язык.

— Похоже, оно подлинное. Как это Мендарк позволил тебе оставить у себя такой важный документ?

— Э-э… — Лиану было стыдно сознаться в воровстве. — Когда я вернулся из Туркадской крепости, он был так рассержен, что у меня не было возможности сообщить ему о письме. Он не захотел видеть меня до Тайного Совета, а потом… «Потом» не было.

— Ясно. О письме кто-нибудь знает, кроме нас с тобой?

— Никто.

— Тогда я сама буду хранить его.

— Но оно же…

— Оно же *мое*, хотел ты сказать. Я так не считаю, летописец. Ты уже и так принес много вреда, сотрудничая с Тензором. Я знаю, что ты замышляешь. Ты хочешь выяснить, стоит ли что-то за этим письмом, а затем предложить его Тензору в обмен на какой-то секрет. Неужели ты думаешь, что мы тебе позволим сделать это? Дал бы ты младенцу поиграть с бритвой?

— Тогда как насчет?..

— Насчет архивов Кандора? Я рада, что ты их не нашел. Отныне они для тебя закрыты. И если ты попытаешься до них добраться…

— Ты выдашь меня Баситору, — закончил за Малиену Лиан.

Она улыбнулась:

— Рада, что ты так хорошо меня понимаешь. Знаешь ли, он тебя подозревает. Если бы не Тензор и я, скиты давно пообедали бы твоими мозгами. Итак, мы снова друзья?

Когда в следующий раз Лиан проходил по коридору крепости, он заметил, что одна из дверей была заперта и на ней висит огромный замок размером с голову Лиана. Итак, он вернулся к тому, с чего начал. Нет, теперь было хуже: то, чего он хотел, было так близко, но он не мог подобраться к желаемому.

Время шло, а Тензору так ничего и не удалось добиться от Зеркала. Зима давно закончилась, и весна растопила лед. Знания и магия Тензора оказались бессильны, так, может быть, чувства, которые он так давно подавлял, помогут найти подход к тайнам Зеркала?

Однажды поздней весной Тензор сидел ночью перед Зеркалом, размышляя. Он смотрел на меняющуюся и в то же время неизменную картинку Аркана, и тут чувства прорвали барьер самоконтроля, и он позволил памяти вернуться в далекое прошлое, когда он был молод и служил подмастерьем у Рулька на Аркане.

Он вспомнил, как ему подарили Зеркало и как он впервые взял его в руки. Тензор настроил тогда на него свой ум и *увидел*. Правда, на небольшое расстояние, но он ощущал, как перед ним

раскрывается весь Аркан. Позже Тензор научился настраивать Зеркало на другие зеркала, и ему удавалось видеть практически все.

Он представил себя молодым, полным радости жизни и сил. Эйфория была так сильна, что он сумел бы сделать в тот миг что угодно. Взяв в руки Зеркало, Тензор вернулся в тот далекий вечер, и Зеркало открылось ему!

Весь день он играл и грезил, но, вернувшись из своих грез, Тензор понял, что Зеркало открылось ему на изначальном уровне — до ловушек, обманов и заблуждений более позднего времени. Он знал, что далекое прошлое не может ему помочь. А новый уровень, содержащий секреты Ялкары, пока что закрыт для него.

Тензор провел перед Зеркалом два дня и одну ночь без еды, питья и сна. Казалось, он был в трансе, и лишь глаза следили за картинками, мерцающими на поверхности Зеркала.

Лиан не мог понять природу информации, которую ищет или сортирует Тензор, поскольку образы в Зеркале непрерывно менялись. Мелькали слова, рисунки, городские и сельские сценки, рукописи и планы, лица и встречи, музыка и голоса, и почти все аспекты жизни на Сантенаре и Аркане. Один раз юноша увидел изображение самого Тензора, молодого и ослепительно красивого.

Как-то Тензор так громко застонал, что Лиан, находившийся этажом выше, прибежал посмотреть, что случилось. Что бы ни взволновало Тензора столь сильно, изображение уже исчезло.

В середине ночи Лиана разбудил какой-то шум. Вбежав в кабинет Тензора, он увидел, что тот бьется головой о скамью. В кулаке был зажат клок черных волос. Лиан положил руку на скамью, так чтобы арким не расшиб себе лоб, и вскоре Тензор затих.

Лиан заметил Зеркало у дальней стены — на нем была лишь крошечная зазубрина с краю. Картинки продолжали мелькать на его поверхности. Лиан присел на корточки и взял Зеркало в руки. Ему показалось, что он видит там собственное лицо, но через секунду оно исчезло. Время остановилось. Затем Зеркало вырвали у него из рук, и Тензор пинком вышвырнул его из комнаты.

Лиан долго лежал в темноте на своем жестком ложе с открытыми глазами, ощущая непреодолимое желание снова подержать Зеркало. Наконец образы потускнели, и он уснул.

Лиана разбудил яростный рев. Тензор схватил его за горло и яростно тряс.

— Что она с ним сделала? — орал он. Потом швырнул Лиана

на ложе.

— Что она сделала с Зеркалом? — Тензор на чем свет стоит ругал Карану, ее отца и всех ее предков.

Лиан так разозлился, что, отодрав рейку от кровати, ударил Тензора в пах. Тот замер на месте, скорчившись.

— Никогда больше не говори о Каране плохо, — обратился Лиан к нему, — или клянусь, что я…

Тензор медленно выпрямился.

— Как она могла его изменить? — сказал Лиан, отступая назад. — Вспомни слова Феламоры на Тайном Совете.

— Зачем ты все время твердишь мне о моем позоре, червяк!

Память вновь вернула Лиана к моменту появления Магреты на Тайном Совете, тщательно срежиссированному Феламорой. Оно явно было рассчитано на то, чтобы поразить. Но кого — Тензора или Мендарка?

— Карана ничего не сделала, — повторил Лиан. — Она даже ничего не знала о Зеркале и не могла извлечь из него изображение, — продолжал он. — Тебе же лучше всех известно, что у нее нет силы такого рода.

Тензор внезапно опустился на стул и долго не произносил ни слова, явно страдая от боли.

— Да, — наконец заговорил он. — Я давным-давно об этом позаботился.

— Что ты сказал? — ледяным тоном осведомился Лиан.

— Я начинаю сожалеть о том, что не вышиб тебе мозги, летописец, — снова взорвался Тензор. — Еще одно слово — и я…

Он надвигался на съежившегося Лиана.

— Ты думаешь, что одурачил меня своими очками и мазями? Для меня не секрет, кто ты такой, так же как и то, что ты шпионишь для Малиены. Так что хорошенько запомни: в ту самую минуту, как ты станешь мне не нужен, никакая Малиена тебя не спасет. А теперь убирайся! — Вытолкнув Лиана из комнаты, он с грохотом захлопнул дверь.

Шатаясь из стороны в сторону, Лиан побрел из башни на поиски Малиены. И в этот раз он нашел ее в павильоне под смоковницей. Она сидела, положив подбородок на колени, и мечтательно смотрела на море.

— Что тебе, летописец? Он справился с Зеркалом?

— Нет! Но он все знает. И про клеймо, и про то, что я шпионю для тебя, — все!

— Он умный и коварный враг! Я и не думала, что это удастся от него скрыть.

— Малиена, я пришел сейчас по другому поводу, — осторожно начал Лиан.

Она приподняла рыжеватую бровь.

— Он обвинил Карану, что она что-то сделала с Зеркалом, и оскорбил ее. Я разозлился и ударил его палкой по причинному месту. Боюсь, как бы не было последствий.

Малиена смотрела на Лиана с благоговейным страхом.

— Летописец, я поражена! Ты нанес ему ужасное оскорбление, хотя этот его орган немного… усох. Ты смелее, чем я предполагала. Да ты же настоящий тигр! — Она засмеялась. — И это называется не привлекать внимания, не так ли? Как это ты до сих пор еще жив?

— Я сам удивляюсь. Правда, я лишь отплатил за его оскорбление. Он собирался размозжить мне голову, и тут я сказал ему, что Карана не владеет Тайным Искусством. Тогда он остановился и произнес как бы про себя: «Да, я давным-давно об этом позаботился». Я хотел бы понять, что он имеет в виду.

— Не знаю, — вздохнула Малиена. — А впрочем, погоди! Когда Карана, будучи маленькой девочкой, впервые приехала в Шазмак, я как раз жила там. Было ясно, что у нее огромный талант. А спустя годы я узнала, что из нее ничего не вышло. Судя по твоим словам, Тензор что-то предпринял, чтобы не дать расцвести таланту Караны. Это жестоко, хотя раньше именно так и поступали. Какую опасность она могла представлять? Я постараюсь выяснить.

Остаток дня Лиан предпочел держаться как можно дальше от Тензора, но когда поздно ночью крался в свою комнату, увидел, что тот снова спокоен. Правда, при резких движениях его лицо все еще искажала гримаса боли.

— Послушай, летописец, — дружелюбно обратился он к Лиану, постучав пальцем по Зеркалу, — Феламора была права. У *Зеркала нет силы, совсем нет. У него есть знания и много-много секретов*. Вот что она сказала, и в кои-то веки слова Феламоры оказались правдой.

— Тогда зачем оно тебе? — осведомился Лиан.

— У Зеркала есть знания — оно может заменить целые библиотеки. И я надеюсь раскопать в нем секреты, которые помогли бы в достижении моей цели. Всего три сотни лет тому назад Ялкара обнаружила брешь в Непреодолимой Преграде и сбежала обратно на Аркан. Я хочу узнать, какую роль в этом сыграло Зеркало, и по возможности этим воспользоваться.

Тензор по-прежнему проводил все дни и ночи перед Зеркалом. Теперь он копался в секретах прошлого: прошлые жизни, прошлые подвиги и предательства.

И вот однажды, когда Лиан наблюдал за Тензором, он,

казалось, увидел что-то, чего не мог заметить Лиан. Тензор вскочил.

— Что там такое? Что ты нашел? — спросил Лиан, заразившись его волнением. — Ты что-то узнал?

— Нет, но *мой путь теперь ясен!* Больше я ничего не скажу.

36
Архитектор врат

После своего открытия Тензор принялся за работу, как безумный. Он дни и ночи просиживал перед Зеркалом, иногда часами уставившись на какую-нибудь одну картинку. Временами его зачаровывало прошлое, и тогда его суровое лицо светилось радостью, а щеки увлажнялись слезами. Порой картинки были совсем живые, и Лиан, заглядывая через его плечо, видел людей, разгуливающих по улицам, выглядывающих из окон высоких башен или в ужасе бегущих от наступающей армии. Несколько раз Лиан замечал чисто символические сцены — чаще всего это были три тихих черных озера, над которыми висела огромная арканская луна, не отражаясь в воде.

Лиан докладывал все это Малиене, хотя теперь его шпионская деятельность стала необременительна: сама Малиена или кто-то другой из аркимов все время стоял теперь за спиной Тензора. Он знал, что они там, но не обращал на них внимания. Даже те аркимы, которые раньше во всем его поддерживали, напугались. Наконец и они не выдержали.

— Мы ужасно боимся, Тензор, — сказала седовласая Селиала. — Мы тебя предупреждали, чтобы ты опасался собственного безумия. Ты не прислушался, и Шазмак пал! И все-таки мы последовали за тобой. Но теперь довольно! Мы больше не с тобой, раз ты замышляешь новое бедствие!

— Вы правы, укоряя меня, — тихо ответил Тензор, — но кого же вы выберете на мое место?

Малиена признала:

— Мы не можем найти предводителя. Нас возглавит Аркимский Совет.

— Я не согласен, чтобы мной управлял Совет, — заявил Тензор. — После Тар Гаарна мы отдали власть Аркимскому Совету. Посмотрите, что из этого вышло!

— Ты украл у Совета власть и вернул себе! — яростно возразила Малиена и плюнула в его сторону. — Вот что из этого вышло.

— Выбирайте, или я пойду своим путем, — сказал Тензор и склонил голову, дрожа от еле сдерживаемого волнения.

Аркимы посовещались. Наконец вернулась Селиала с ответом:

— Аркимский Совет остается.

— Тогда я один…

— Нет, подчинись нам — или ты станешь изгоем, — уговаривала Селиала. — Завтра мы отправляемся в восточные города. Подготовку начинаем немедленно. Ты отдашь нам Зеркало.

Тензор побелел как мел. С трудом поднявшись, он шаркающей походкой пошел по коридору. Поравнявшись с Лианом, Тензор схватил его за руку.

— Пошли, — пробормотал он. — До утра надо многое сделать.

Лиан был безутешен. Катадза обещала так много, а что он приобрел — лишь несколько глав для своего сказания, у которого не было конца.

После всех тягот путешествия он и подумать не мог о пути обратно. К тому же у него до некоторой степени наладились отношения с Тензором. Хотя тот не доверял ему, но явно ценил ум юноши. Тензор научил его немного разбираться в аркимской письменности, а для летописца это было бесценное приобретение.

Аркимы закончили свои приготовления и легли спать. Они поднялись засветло и, взвалив на спину рюкзаки, прошли по мостику к Великой Башне и ждали на площадке. Наконец на лестнице появился Тензор, который этой ночью совсем не спал.

— Отдай нам Зеркало, — сказала Селиала, — я позабочусь о нем по поручению Аркимского Совета. — Она с улыбкой протянула руку, но Тензор не улыбнулся. Лиан заметил, что суставы пальцев у того побелели.

— Увы, — ответил он, — я отрекаюсь от своей нации и своего мира. Я больше не арким. Я никогда не отдам Зеркало. Вы можете уходить, но я останусь в Катадзе.

Вероятно, аркимы ожидали чего-то подобного, поскольку все они стали подниматься по ступеням. Когда они добрались до площадки, на которой стоял Тензор, он поднял руку. Они сразу же остановились.

— Не идите против меня.

Наступил страшный момент, когда арким мог пойти против аркима. Но этого никто не хотел. Тензор начал медленно отступать, и никто не решился его преследовать. Пройдя еще один пролет, он крикнул:

— Лиан!

Лиан сопротивлялся, но почувствовал, что снова попал в рабство к Тензору. Ноги пошли сами, против его воли. Малиена схватила юношу за руку.

— Ты вынудишь меня применить силу против тебя, — мрачно произнес Тензор. — Я это сделаю.

— Оставайся здесь, если тебе угодно, — сказала она. — Ты

знаешь, что я не могу причинить тебе вреда, но мы забираем Лиана, и Зеркало тоже.

— Я сделаю это, — угрожающим тоном произнес Тензор. — Подумай, нужно ли тебе это.

— Нет! — вскричала Малиена. — Мы больше не станем уступать твоим фантазиям и безумствам! Ты — сумасшедший!

Тензор пошатнулся.

— Хорошо, пусть я сумасшедший. Но я говорю — посмотрите на него! Взгляните на его глаза и кожу. Что вы видите? Это дзаинянин, на котором клеймо Рулька! Ты возьмешь его с собой, Баситор? А ты, Хинтис?

Лиана чуть не хватил удар от ужаса. Баситор выступил вперед и, сорвав с него очки, раздавил их каблуком. Взяв Лиана за подбородок, он сказал:

— Посмотрите на его глаза. — Хинтис распахнул рубашку на Лиане:

— Видите белые веснушки у него на груди? — Селиала внимательно изучила эти доказательства.

— У него «дар Рулька», но его нельзя наказывать за преступления предков, которые давно умерли. Он не совершил ничего постыдного.

Баситор сплюнул на пол.

— Для меня сам «дар» — преступление после того, что случилось с Шазмаком. Если он пойдет с нами, я сверну ему шею при первом же удобном случае.

Малиена встретилась взглядом с Лианом.

— Я побеждена, летописец. Наши души будут бродить по страницам Преданий. Карана, прости меня! — И она отпустила руку Лиана.

Теперь у Лиана не было сил сопротивляться Тензору, и он поднялся по ступеням. Тензор сжал его запястье, как тогда на Тайном Совете. Он втолкнул Лиана в комнату, захлопнул дверь и запер засовом. Аркимы стали стучать кулаками в дверь, осмелев теперь, когда Тензор скрылся.

— Эта дверь их не удержит, — сказал Тензор и повел Лиана в свой кабинет.

Эта комната была спроектирована так, чтобы выдержать любой натиск врага — все, кроме полного разрушения башни. Тензор с мрачным удовлетворением оглядел железную дверь, гигантские запоры и еще какие-то защитные устройства, неведомые Лиану.

Лиан был сильно напуган, но в то же время испытывал облегчение оттого, что ему пока что не нужно было переходить через Сухое Море.

Юноша увидел, что Тензор хорошо подготовился на случай возможной осады башни аркимами: в углу стояла бочка с водой, рядом с которой Тензор сложил большое количество различных продуктов.

Арким проследил за направлением взгляда Лиана.

— Надеюсь, тут достаточно всего, — сказал он, — потому что до тех пор, пока я не узнаю, как сделаны врата в Ночную Страну, и не доставлю *его* для мщения, мы не покинем эту комнату.

И, словно ничего не случилось, он уселся и возобновил прерванную работу. Вскоре в дверь яростно застучали. Затем осаждавшие кабинет, вероятно, использовали какое-то взрывчатое вещество: башня содрогнулась. Затем нависла тишина, действующая Лиану на нервы. Однако дверь осталась невредимой.

— Им никогда ее не сломать, — сказал Тензор, даже не оглянувшись. — Сам Кандор сделал ее несокрушимой.

Позднее аркимы вернулись и снова попытались открыть дверь, но им и на этот раз ничего не удалось.

Солнце село. Тензор продолжал работать в тишине. Заблокировав вход на лестницу, он добился того, что все верхние этажи башни были в его распоряжении, потому что другого пути наверх не было.

Когда Лиан проснулся утром, Тензор все еще работал с бешеной энергией и сосредоточенностью. Не реагировал он и когда возобновились атаки на их дверь. Он лишь устало вздохнул и повернулся к двери.

Шум на минуту затих, и Лиан услышал конец фразы:

— …я это сделал!

Пока Тензор спал, Лиан взял его свиток. Это был длинный документ, написанный бисерным почерком на языке аркимов. Юноша еще мало знал этот язык и поэтому не мог расшифровать свиток, но узнавал отдельные слова. Были тут и рисунки: большие арки и прочие детали с украшениями разной формы и размеров какой-то непонятной конструкции. И несколько раз в тексте встречалось слово, которое, как Лиан решил, означало «врата».

Итак, Тензор узнал секрет врат — это портал, связывающий одно место с другим. Или ему казалось, что узнал. Путь к бегству! Возможно (как в душе надеялся Лиан), с их помощью можно будет попасть обратно на Мельдорин, не мучаясь в Сухом Море.

Вдруг Лиан застыл, почувствовав, что за спиной у него стоят.

— Да, это врата, — сказал Тензор. — А почему ты удивляешься — ведь о них было столько разговоров. Принцип

прост, но удастся ли мне их сделать? И будут ли они работать?

Его перебил голос, донесшийся сквозь единственную щель высоко в стене:

— Тензор! Тензор! Нас преследуют. — Тензор улыбнулся.

— Преследуют? — повторил он, притворяясь удивленным. — И кто же?

— Неизвестно. Они идут с юга.

— Видишь, как низко мы пали? — обратился Тензор к Лиану. — Несколько одиноких путников, наверняка изжаждавшихся, изголодавшихся и изможденных переходом, — а мы трясемся от страха! Нечего со мной советоваться! — закричал он через стену. — Я отрекся от вас, я больше не ваш предводитель.

После этого никаких звуков снаружи не доносилось.

Тензор занялся изготовлением врат, а Лиан с удивлением наблюдал за ним. В дело шли подручные материалы: арким использовал камни, которые отковыривал от стен своего кабинета, искал в комнатах металлические предметы, сам изготавливал инструменты. Он изменял первоначальный проект в зависимости от того, что попадалось под руку. У Тензора была поразительная сноровка и чувство материала, и по-видимому, работа доставляла ему удовольствие.

Врата в форме павильона с семью стройными каменными колоннами, поддерживающими металлический купол, сделанные Тензором, выглядели просто и изящно. Они были красивы, но им не хватало симметрии — характерная черта для архитектуры аркимов.

Вначале Лиан просто сидел, глядя, как работает Тензор, но потом его заворожил процесс, и он начал задавать вопросы и выдвигать предложения. Вскоре Лиан был полностью захвачен идеями Тензора и сознанием, что то, что ему само идет в руки, не снилось ни одному летописцу.

Он постоянно расспрашивал Тензора о языке и сказаниях аркимов, и тот охотно отвечал. У Лиана была определенная цель: он собирался сделать перевод «Аркимских Сказаний» и посвятить его памяти Шазмака. Ведь Лиан был мастером-летописцем, для которого Сказания — профессия, а их язык — хлеб насущный.

«Я почти так же развращен, как Тензор, — подумал Лиан. — Что бы подумала обо мне Карана?» Эта мысль на некоторое время отрезвила его. Той ночью ему снились горькие сны о девушке, но утром он очнулся и осознал реальность. Карана потеряна, а Тензор рядом.

В один из дней Тензор неожиданно поднялся, вытер грязные руки, отступил назад и оглядел свои врата.

— Они закончены, — сказал арким. — Они хороши. Они готовы, и я тоже. — Он повернулся к Лиану: — А скоро я использую *тебя* для той цели, ради которой тащил за собой. Тогда мы посмотрим, кто более велик.

37
Неожиданная встреча

Мужчина приглушенно вскрикнул от ужаса. Он не мог говорить, потому что лежал на животе и рот был забит грязью.

Затем заговорила женщина, и в голосе ее звучал смех.

— Оставь его, Карана. Мы теперь по одну сторону.

Карана вздрогнула. Голос был знакомый, но она не могла вспомнить, кому он принадлежит. Опознав в своей жертве Мендарка, она спрятала нож и слезла с его спины. Она даже протянула руку и помогла Магистру подняться, хотя и с явной неприязнью, а потом демонстративно вытерла руку о свои штаны. К ней вернулись старые воспоминания об ужасном времени перед Тайным Советом.

— Ты дурак, Оссейон! — бушевал Мендарк, сплевывая грязь. — Ты что, и мозгов, и глаз лишился вместе с пальцем?

Обе стороны были так изумлены при виде друг друга, что долго не находили слов. Наконец Таллия пожала руку Шанду.

— Какая приятная встреча! — сказала она. — Правда, ты кошмарно выглядишь.

Шанд очень похудел, а загорелая кожа была желтоватого оттенка.

— Я болел, — ответил он слабым голосом и, выронив нож, опустился на землю.

— Шанд! — воскликнула Карана, падая возле него на колени. Таллия тоже склонилась над ним.

— Все в порядке, — сказал он, не в силах поднять голову с травы. — У меня несколько недель колики. Думал, я здесь умру.

— У меня есть хорошее лекарство, — заявила Таллия и начала рыться в рюкзаке. — К утру будешь готов карабкаться по горам.

Таллия смешала в кружке разные порошки и, долив водой, дала выпить Шанду. Он выпил содержимое одним глотком.

— Ну и гадость — почти как моя вода!

— Так и должно быть. Зато так хорошо тебя «запечатает», что будешь по нужде со штопором ходить. — Она весело засмеялась. — Значит, вот что ты замышлял, Шанд, в ту ночь в Туллине, когда познакомил меня с Пендером. А я-то гадала!

— Я и не думал тогда, что в конце концов попаду сюда, — ответил Шанд. — От Туллина до Катадзы долгий путь, но я рад, что по крайней мере встретил тебя. Однако мы расскажем друг другу наши истории позже, а сейчас хорошая еда — это то, что

нам нужно, да побольше.

Таллия подошла к Каране, стоявшей в одиночестве. Та протянула руку, и, пожав ее, Таллия обняла девушку, к удивлению последней.

— Я оставила тебя в Тайном Совете, — сказала Таллия. — Нужно было позаботиться о многих, и я не могла тебя унести. А когда вернулась, ты уже исчезла. У меня все время было чувство вины.

— Твоя задача заключалась в том, чтобы доставить живых в безопасное место, а тебе не удалось даже это. Не понимаю, почему ты должна чувствовать себя виноватой из-за мертвых, — подал голос Мендарк, все еще сердитый.

— И тем не менее мне стыдно, — продолжала Таллия, отмахнувшись от Мендарка.

— Я тебя не виню, — ответила Карана. — Все вышло наилучшим для меня образом. А теперь я положительно умираю от голода.

— У нас есть еда, — сообщил Мендарк, все еще смотревший на Шанда с изумлением, а на Карану — с враждебностью.

— Так давайте же ее! — вскричала она. — Последние два дня мы ели только ящериц.

— А вот мой друг Оссейон, — представила Таллия. Оссейон радостно улыбнулся Каране.

— Я много раз слышал твою историю, Карана. Я очень рад.

Она робко протянула руку, которая тут же исчезла в огромной четырехпалой лапе. Однако, к удивлению Караны, пожатие было очень осторожным.

— Я капитан стражи Мендарка, — сказал Оссейон. — Я защищаю его от тех, кто прячется с ножами за камнями. Сегодня я потерял свою работу. — И он тихо, от души рассмеялся. — А ты очень быстрая. Думаю, мы подружимся с тобой.

Карана тоже так думала. Про себя она решила, что Оссейон ей нравится больше всех. Они последовали за Шандом в лагерь, разбитый под деревьями, которые защищали его от ветра. Карана мешала угли в очаге, сложенном из камней, пока Таллия доставала из сумки остатки съестного. Женщины нарезали еду в горшок, а Оссейон наполнил два сосуда поменьше водой из ручья.

Мендарк все еще не мог оправиться от нападения Караны. Когда она приставила нож к его горлу, он познал такой страх, какой ему не доводилось ощущать целые столетия. И, что еще хуже, его видели в таком состоянии. Он не мог оставить это безнаказанным.

— Сразу видно, что Карана из Готрима, — громко сказал он, когда девушка, подцепив кусочек сырого лука, ела его с ножа. —

У нее манеры как у конюха.

Воцарилась мертвая тишина. Взгляды Мендарка и Караны скрестились над костром, и она швырнула горшок со всем содержимым ему в лицо. Если бы он не увернулся, она бы вышибла ему зубы. Карана бросилась в темноту ночи. Мендарк слишком поздно вспомнил их первую встречу, когда попытался отнять у Караны Зеркало. В тот раз девушка почувствовала, что он собирается сделать, даже раньше, чем он сам это понял, и мгновенно среагировала.

Таллия, выхватив из костра ветку, при свете ее собирала разбросанную пищу. Она так разозлилась, что этот факел дрожал у нее в руке.

Шанд крепко схватил Мендарка за руку.

— Ты дурак! Ты покинул Карану, хотя она была тебе очень нужна, когда у нее было Зеркало. А потом она прошла весь долгий путь от Туркада и добралась до Катадзы через Сухое Море, рассчитывая только на себя, не то что ты, сытый и устилающий свою дорогу золотом Магистра! — Шанд побледнел. — Она самая мужественная и верная из всех, кого я знаю, и стоит сотни таких, как ты. Клянусь, что сброшу тебя со скалы, Мендарк, если увижу, что ее обижают! А теперь прочь с дороги!

Шанд поискал Карану в темноте. Она не ушла далеко, так как идти было некуда. Она сидела, свесив ноги, на краю утеса и тихо плакала. Устроившись рядом, Шанд обнял ее за плечи.

— Мендарк! — Ее передернуло. — Как я его ненавижу. Когда-то он притворялся другом, этот вонючий, жадный лицемер!

— Ты ошибаешься в его мотивах, Карана. Им движет не жадность, а долг. Магистр вынужден подчинять этому всю свою жизнь.

— Он оказался несостоятелен как Магистр, но кошелек у него не становится тоньше! Жадный, злобный, плохой человек!

— И все-таки долг есть долг. Мендарк остался верен своим обязанностям. У него много слабостей — как у меня и даже у тебя, Карана. Он слишком любит свое положение и власть. Гордый человек не любит, когда его суют носом в грязь. К тому же он нам нужен: он еще сыграет свою роль в истории с Зеркалом.

— И ты, которого я люблю и уважаю, на его стороне.

— Я не на его стороне. Я представляю обе стороны. Я буду тебя защищать, если до этого дойдет. Но нам нужно идти в Катадзу по нашему делу вместе с Таллией и Мендарком.

— Я не смогу с ним разговаривать, — прошептала Карана. — Однако я дала тебе клятву, и если ты потребуешь, я буду его

терпеть.

— Я тебя *прошу,* — ответил Шанд. — А теперь давай вернемся — у меня еще болит живот.

Шанд встал, и Карана последовала за ним к костру. В котелке весело булькала похлебка. Карана была так голодна, что еле удерживалась, чтобы не лезть своей ложкой в котелок. Однако она заставила себя сидеть спокойно, памятуя о замечании Мендарка. Потом она поймала на себе взгляд Шанда и вспомнила о своем долге.

Она направилась к Мендарку. Он сделал к ней полшага навстречу, потом замер в нерешительности. Приблизившись, она протянула руку. Мендарк взял ее и подержал минуту, потом слегка поклонился Каране, и они разошлись. Мир был восстановлен. Они взяли свои тарелки и принялись за еду.

К утру у Шанда прошли колики, но он все еще был слаб, поэтому они все вместе задержались на один день. Когда они отправились в путь, утреннее солнце начало заливать долины, окрашивая белое в розовый цвет. Морское дно особенно отсюда, со склона горы, за который не попадали солнечные лучи, казалось прекрасным, прохладным, мирным.

Карана поднималась уверенно, перепрыгивая с выступа на выступ, как горная козочка, хотя сапоги у нее разваливались и подошва одного была подвязана веревкой.

Они с Таллией сделали передышку и беседовали, когда наконец появились Шанд с Мендарком, отставшие от них. Оба запыхались, лица раскраснелись. Увидев посеревшие губы Шанда, Карана сразу же вскочила с места, за ней — Таллия.

— С тобой все в порядке, Шанд? — озабоченно спросила Таллия.

— Не беспокойся, я немного передохну здесь с Караной. Мои ноги отвыкли подниматься в гору, к тому же все еще болит.

Мендарк, Таллия и Оссейон двинулись вверх по склону.

— Шанд, ты ужасно выглядишь!

— Я чувствую себя лучше. Таллия была права насчет штопора! Однако хватит о моих печалях. Мы скоро будем в Катадзе.

— Да, и Лиан там.

— Может быть, — осторожно произнес он. — Не забегай вперед! А теперь послушай меня. Я часто размышлял о твоей роли в этой истории. Ты совсем особенная, и ты здесь для какой-то цели. В Катадзе произойдет развязка, и, что бы ни случилось, ты рискуешь, будь осторожна.

— Да, конечно, — с рассеянным видом ответила Карана.

Шанд умолк. «Она не может ни о чем думать, кроме объятий своего возлюбленного. Ну что же, я тоже помню, как это было у меня. Надеюсь, она получит то, чего заслуживает. И лучше бы Лиану оценить ее должным образом».

Прошел день, затем еще один, и наконец они взобрались на последний утес, самый крутой, и стояли на древнем берегу, созерцая башни Катадзы, возвышавшиеся над ними. Однако их поджидал сюрприз.

Прямо на пути отряда неподвижно стояли шесть аркимов. Таллия и Оссейон, двигавшиеся впереди, резко остановились.

— Стойте смирно и поднимите руки, — сказал Мендарк пришедшим с ним.

Аркимы в ответ тоже подняли руки, продемонстрировав добрую волю.

— Осторожно идем к ним, — скомандовал Мендарк.

Когда они оказались поближе, Карана узнала двух аркимов: Селиалу, судившую ее в Шазмаке, и Малиену, мать Раэля, которую не видела много лет. Она подбежала к ней.

— Малиена! — заплакала девушка. — О, прости меня, Малиена. Это я виновата. — Она опустилась к ногам женщины.

— Карана, — сказала Малиена, поднимая девушку и обнимая ее. Аркимка роняла слезы на огненные кудри Караны. — Ах, мой Раэль! Я возлагала на него такие надежды. Но он был истинным сыном Элиноры. — Довольно долго женщины стояли, прижавшись друг к другу. Их обступили остальные.

— Я Селиала, — представилась седая женщина, — и я выступаю от лица Аркимского Совета. Какая встреча, Карана. — Она представила своих спутников, а Карана — своих.

— Не спрашивая вас, по какому вы здесь делу, расскажу о нашем. Мы должны поведать печальную историю. Тензор взял Зеркало и заперся с ним в Великой Башне, отвергнув Аркимский Совет. Мы полагаем, что он нашел секрет изготовления врат и в данный момент создает их. Мы не сумели ни остановить его, ни пробраться к нему в кабинет. Боюсь, что близится наша погибель. Если ты в состоянии помочь нам, Мендарк, это может спасти положение.

— Наши интересы совпадают, — ответил Мендарк. — Я сделаю все, что в моих силах.

Карана горела от нетерпения. И вдруг Селиала подняла руку.

— Прежде всего, у нас есть незавершенное дело, касающееся Караны, вернее, суда над ней в Шазмаке. Карана, подойди ко мне.

Карана встревожилась, но подчинилась. У Селиалы был суровый вид.

— Я должна сообщить тебе, что в твое отсутствие, три дня тому назад, Аркимский Совет продолжил судебное разбирательство. Мы решили, что ты виновна в одном из трех преступлений, а именно: ты принесла Зеркало в Шазмак и не отдала его нам. Как ты знаешь, это преступление карается смертью. К тому же мы выяснили, что каким-то необъяснимым образом тебе удалось обмануть Совет.

Карана упала на колени. Из всего, что могло случиться в Катадзе, она меньше всего ожидала этого. Селиала сделала ей знак подняться.

— Однако что касается первого преступления, мы оправдали тебя в свете дальнейших событий, касающихся Зеркала, поскольку ты действовала в наших интересах. Что до второго преступления, то, хотя ты в нем виновна, мы не назначаем никакого наказания, поскольку ничего подобного не происходило прежде. Мы только требуем, чтобы ты рассказала для наших Преданий, каким образом тебе удалось нас обмануть.

Карана склонила голову. Селиала улыбнулась:

— А теперь ты можешь задать вопрос, который так тебя волнует.

— Где Лиан? — воскликнула Карана. — Он здесь?

— Прости, — вмешалась Малиена. Лицо Караны стало белым как полотно. — Нет, он жив, — поспешно добавила она, дотронувшись до щеки Караны. — Он в Катадзе и в добром здравии, хотя мне и пришлось много раз лечить его во время путешествия. Боюсь, что он с Тензором, и они заперлись вместе. Но, боже мой!

— Что такое? — воскликнула Карана, снова встревожившись.

Малиена улыбнулась во весь рот:

— У него есть обаяние, у этого твоего Лиана. Но, боже мой, Карана, какой же он дурак!

Отряду еще предстоял долгий и тяжелый путь до Катадзы; склоны круто поднимались, земля была бесплодная, и кругом валялись круглые черные камни. Только в глубоких долинах была растительность: тут оливковые деревья, там — высохшие черные плоды, рассыпанные по земле, или колючие кустарники и каменные деревья.

Карана шла как во сне, не замечая странного пейзажа. Она способна была думать лишь об одном, и даже когда в сумерках они добрались до вершины горы и стояли перед удивительными, словно бы плетеными башнями, нигде больше не встречавшимися на Сантенаре, она почти не заметила их.

— Где он? — закричала она у западной двери крепости.

Малиена улыбнулась и показала:

— Там, в Великой Башне. Иди через эту дверь, поднимись до перехода через мост, ведущий в башню, затем ступай по лестнице до пятого уровня. Ты увидишь на двери отметины. Но внутрь тебе не попасть.

Карана уже умчалась. Она неслась по холлам мимо аркимов, смотревших на нее в изумлении, вверх по лестнице и через мост и остановилась лишь, чтобы снять развалившиеся сапоги. Ее сердце бешено билось и, казалось, вот-вот выскочит из груди. Добравшись до пятого уровня, она подбежала к массивной двери, за которой был кабинет Тензора, лестница и доступ в верхнюю часть башни.

Дверь была из стали, поцарапанной во время атак аркимов. Карана начала стучать в нее кулаками, но удары были беззвучными.

Погодите-ка! Высоко наверху, у двери, были большие щели между кирпичами. Пролезть сквозь них было невозможно даже маленькому ребенку, но зато ими можно было воспользоваться, чтобы позвать Лиана.

Карана понеслась на тот этаж, где видела скамейку и доски. Разбежавшись, она с размаху ударила тяжелой доской в дверь, вогнав себе в руку занозу. Она долго колотила в стальную дверь, чтобы привлечь внимание. Положив доски на скамью, она взобралась на это шаткое сооружение и, приподнявшись на цыпочки, приложила лицо к щели.

— Лиан, Лиан, ты там?

38
Кривое зеркало

В дверь снова начали колотить, и в комнате все задрожало.

— Дураки, — сказал Тензор, но шум все не утихал, и он разозлился. — Я больше не арким! — заорал он. — У вас нет на меня прав.

Дрожь пробежала по спине Лиана. Этот шум был другой.

— Заткнись, — прошептал он себе под нос, почесывая ухо. У него за спиной Тензор сжал свой могучий кулак, потом опустил.

Прижавшись к двери, Лиан уловил тончайший аромат лимонной воды. Мороз пробежал у него по коже, из глаз потекли слезы. Тензор пристально смотрел на него.

Внезапно через щель над дверью донесся голос. Чистый молодой голос, который Лиан слышал много месяцев тому назад в Туркаде. Он считал, что потерял ее. В тот ужасный день, когда состоялся Тайный Совет, она, храбрая, безумная, спокойно шла на смерть. Комок стоял у него в горле, мешая дышать.

— Лиан, Лиан, ты там?

— Карана! — крикнул он. — Карана, неужели это ты?

— Лиан, — сказал голос, — говорят, ты здесь. Выходи!

— Я не могу, — заплакал Лиан. — Тензор никогда мне не разрешит.

Карана ругалась отчетливо, мастерски и яростно.

— Тензор! Освободи его. Он тут ни при чем. — Тензор смотрел вверх, на щель, и глаза его сверкали, — правда, Лиан не понял, какие эмоции овладели аркимом. Казалось, Тензор хочет поверить в то, что Карана жива. Возможно, он все еще ее любил, но не мог простить ей падение Шазмака, независимо от того, была в этом ее вина или нет.

— Уходи, предательница! — И, отвернувшись к своим вратам, занялся ими.

— Тензор! — крикнула Карана в щель. — Это твоих рук дело, а не моих. Посмотри! Там люди, от которых ты заперся и которые пытаются спасти тебя от твоего же безумия. Лиан, Лиан, разве ты ему не говорил?

— Говорил, — прошептал пристыженный Лиан. — Но он не слушает.

Последовало долгое молчание. Что думает Карана? Лиан знал, что она ничего не может сделать. Подтащив к стене скамью и поставив на нее стул, он вскарабкался наверх. Заглянув в щель, он увидел лишь освещенный прямоугольник.

— Карана, — тихо позвал он.

Сразу же появилась тень и показались рыжие волосы.

— Карана, покажи мне свое лицо.

Девушка подвинулась, и свет упал на копну рыжих волос и знакомое красивое лицо.

— Карана, — сказал он, не трудясь вытирать слезы, — я думал, ты умерла. Как ты сюда попала?

— Пешком! Шанд вынес меня из зала Тайного Совета и выходил. Мы сбежали из Туркада, странствовали, а когда добрались до Сухого Моря, я почувствовала, что ты где-то здесь. Я пришла, чтобы забрать тебя домой.

Ее самоуверенность пробудила у Лиана воспоминания и вызвала улыбку. Однако эту тюрьму ей не взломать.

— Дай мне руку, — попросил он.

Она потянулась — их руки встретились. Лиан гладил кончиками пальцев маленькую теплую ручку Караны.

— Карана, ты чудо.

В ту первую ночь Карана провела с Лианом целый час, вглядываясь в лицо любимого, беседуя через щель в стене и держа его руку. Но она была слишком нетерпелива, чтобы долго этим довольствоваться, и на следующий день лишь ненадолго подходила к стене утром и вечером. «Интересно, что она делает в остальное время», — думал Лиан. Сам он мог бы провести вот так с ней бесконечные часы. Тем временем в отсутствие Караны он вернулся к изучению письменности аркимов, которой начал его обучать Тензор, и к переводу свитков Тензора. Вскоре к нему вернулся его энтузиазм, хотя и не в той мере, что прежде.

Лиан постоянно думал о Каране и видел ее в своих снах, но и тогда он видел лишь часть ее лица, обрамленную темным прямоугольником.

Теперь, когда в жизни Лиана воскресла надежда, он стал беспокоиться по поводу того, для чего он нужен Тензору. Как аркимы собираются использовать дар Рулька? Какими образом намерения Тензора связаны с Рульком?

В занятиях Тензора наступила пауза. Врата были готовы, но именно сейчас он вдруг утратил уверенность. Оттого ли, что он не знал, как с ними обращаться, или же появление Караны напомнило ему обо всех его страхах, безумствах и о чувстве вины? Ему хотелось попросить у нее прощения, но гордость не позволяла это сделать. К тому же, если бы она не оказалась в Шазмаке, ничего бы не произошло. Еще больше сомнений вызывал у Тензора Лиан. А что если Карана обратит против него и это оружие? К тому же он, Тензор, отрекся от своего народа — а

для аркима это гибель.

Тензор чувствовал себя очень одиноким и напуганным. У него не было ни друзей, ни братьев, ни своего народа. То, чем он сейчас занимался, он делал для себя одного, делал из ненависти. Его мечты рухнули: аркимам никогда не подняться. Больше ему терять было нечего. Не осталось ничего, кроме ненависти и мщения. Ничто не сможет отнять у него их, кроме смерти, и он будет рад ее объятиям, когда долг будет выполнен.

Поддерживаемый этими мыслями, он возобновил свои эксперименты с вратами. Тензор пытался понять, как они приводятся в действие, открываются, перемещаются в пространстве к месту назначения и обратно.

Лиан с ужасом наблюдал, как Тензор прилаживает Зеркало к пластине, закрепленной на одной из колонн врат. Оно сразу же встало на место. Прикоснувшись к Зеркалу, Тензор произнес какое-то слово. Замелькали картинки — незнакомые пейзажи. Они мелькали все быстрее, сливались, исчезали.

Тензор напряженно всматривался в Зеркало, крепко сжимая в руке металлический футляр. Затем арким поднял руку. Мелькание неожиданно прекратилось, и теперь осталась одна неподвижная картинка: тускло освещенная комната. Это был зал для аудиенций в каком-то дворце с очень высокими потолками. В комнате в тени сидела мрачная фигура.

Тензор вскрикнул и подтолкнул Лиана, так что тот упал, оказавшись внутри врат. Рука Тензора была высоко поднята, и с минуту он оставался в полной неподвижности. Лиан увидел, как фигура в Зеркале вздрогнула и стала озираться, и тогда Тензор, вскрикнув, взмахнул поднятой рукой.

Пол задрожал у них под ногами. В ушах у Лиана гремело, было трудно дышать. Свет в комнате погас. Голову тянуло в одном направлении, ноги — в другом. Он ощутил вкус крови во рту. Потом у Лиана начались галлюцинации: в небе мелькали цвета, свет то гас, то снова вспыхивал, извивались ленты пламени, оглушительно гремел гром. Что-то сильно ударило юношу в спину, и он потерял сознание.

Лиан очнулся и увидел, что лежит на полу возле врат Тензора. Лампы по-прежнему мерцали на стене на кронштейнах. Эксперимент казался не более реальным, чем ночной кошмар при пробуждении. Врата стояли на прежнем месте. Ничего не изменилось — лишь появилась небольшая трещина в каменном основании врат. В конце концов, ничего не случилось.

У него текло из носа, попадало на губы и подбородок — что-то густое, липкое, соленое. Поднявшись на ноги, Лиан поплелся к Зеркалу и увидел свое лицо. Рот и борода были в крови, из носа

шла кровь. Он прикусил губу и язык. Глаза были в красных прожилках, волосы растрепались.

До него донесся через стену испуганный голос Караны:

— Лиан, Лиан, у тебя все в порядке? Что ты делаешь? — он осознал, что Тензора не видно.

— Это Тензор! — закричал он, взобравшись на скамью. — Он сделал врата, прошел сквозь них, и он не вернулся.

Карана выругалась.

— Не ходи с ним. Держись от него подальше. Никогда не помогай ему. Поклянись, что не будешь.

— У него надо мной власть — как у Эмманта, но только гораздо сильнее. Вот как я оказался здесь.

Она ударила кулаком в стену, потом воцарилась тишина. Очевидно, она размышляла.

— Трогательный дурачок со слабой волей! — воскликнула она. — Дай мне руку. Она у тебя холодная. О, что с твоим лицом! Он сумасшедший! А теперь поклянись, что не станешь ему помогать. — Лиан как раз собирался это сделать, как вдруг задрожала башня. — Иди и спрячься, пока он не вернулся! — закричала Карана. Жди меня. — Она отняла свою теплую руку, и лицо ее исчезло.

Лиан сел на ступеньку павильона врат. О чем говорила Карана? У нее ничего не получится. Аркимы уже все перепробовали.

А что если Тензор никогда не вернется? Что если его поглотило пространство или он открыл путь врагу? Лиан уже провел больше недели, забаррикадировавшись с Тензором. Он может тут умереть от голода.

Вдруг у него за спиной раздался треск, и Лиана сбросило со ступеньки. Обернувшись, он увидел, что во вратах появился Тензор. На самом же деле Лиан увидел Тензора в копии врат, слегка смещенной по отношению к оригиналу. Затем оригинал и копия слились. Тензор зашатался и приземлился на четвереньки. Одежда его была порвана, на щеке и на плече — отметины когтей. Кровь капала с пальцев на землю. Он смотрел прямо на Лиана невидящим взглядом. Потом глаза его прояснились.

— Какую боль причиняют эти врата! — сказал он. Очевидно, Карана недалеко ушла, так как она почти сразу же оказалась у щели.

— Лиан? — позвала она.

— Рульк? — одновременно с ней заговорил Лиан.

— Не Рульк, — хрипло ответил Тензор. Глаза аркима смотрели сквозь Лиана. — Ничего похожего. Это был ужас, кошмар. *Зеркало солгало!* — Он отвернулся, тяжело опустился на

свою скамью, уже страдая от последствий: у него началась дурнота. — В старых преданиях оно называется Кривым Зеркалом, или Зеркалом Обманов. Но я решил, что овладел им. Какой я дурак! Обман внутри Зеркала, и обман вне его.

— Тогда почему же ты все еще надеешься на него? Только непроходимый дурак совершает одну и ту же глупость дважды.

Тензор дернулся, и Лиан инстинктивно отпрянул.

— Вся моя долгая жизнь была прожита ради этой минуты, — сказал он. — Мог бы ты, когда все остальное разрушено и погибло, отказаться от Преданий, в которых смысл твоего существования?

— Нет, но…

— Лиан? Лиан? — повторял взволнованный голос Караны.

Тензор так сильно ударил по колоннам врат своим большим кулаком, что купол закачался, и волосы его осыпала каменная крошка.

— Если тебе нечего предложить, лучше молчи. — Затем он подпрыгнул к щели в стене и заорал на Карану: — Прекрати свое нытье, если не хочешь, чтобы я использовал его в своем следующем эксперименте. — Казалось, эта идея поразила его. — Тут есть над чем подумать. Врата следует испытать, а кто же лучше него подходит для этой цели?

По другую сторону стены замолчали, потом Карана закричала:

— Лиан, беги, прячься! Я приду за тобой. Если ты причинишь ему вред, Тензор, я прокляну тебя и твоих потомков до сотого колена.

— Делай что хочешь, — ответил он равнодушно. — Я уже и так проклят. Лиан, иди сюда. Вижу, у тебя есть идея. И лучше бы ей быть разумной, потому что тебе первому испытывать врата.

Снаружи что-то грохнуло — похоже было, что Карана упала со своего насеста.

Лиан колебался. У него действительно появилась одна мысль, но он не был уверен, что лучше — сказать Тензору или молчать. Теперь врата наводили на него ужас. «Зеркало солгало!» *Конечно, солгало*, и он знал почему. Куда оно его пошлет в своей злобе?

— Скажи мне! — ревел Тензор, тряся Лиана и используя свою власть над ним, и Лиана одолела неудержимая жажда заговорить.

— Когда ты впервые начал использовать Зеркало, — промямлил Лиан, — казалось, тебе нужен от него лишь секрет изготовления врат.

— Изготовления врат и их применения. Это так.

— Но ты положил Зеркало *внутрь врат*.

— Я же должен видеть место назначения.

— Если ты помещаешь Кривое Зеркало внутрь врат, как же ты можешь знать, правду ли оно показывает? Как ты можешь ожидать от него этого?

Тензор так яростно хлопнул Лиана по плечу, что сшиб его с ног, но сразу же поднял юношу с земли и отряхнул одежду на нем.

— Клянусь оранжевой луной Аркана, летописец, — пророкотал он, — если бы ты не был жалким дзаинянином, предателем, негодяем и дураком, я бы снял перед тобой шляпу.

Он направился к лестнице и стал подниматься, а затем исчез из виду. Тензор пошел искать в других доступных ему помещениях башни металл, пригодный для изготовления второго зеркала.

Для Лиана Зеркало и врата теперь начисто утратили свое очарование. Карана не отвечала на его зов, так что юноша вернулся в свое «орлиное гнездо» под куполом башни и попытался систематизировать свои знания о каронах, Рульке и Зеркале. И он вспоминал все загадочные события — такие, как первая встреча с Шандом — стариком, который, по-видимому, знал больше, чем казалось, и был не тем, за кого себя выдавал. Теперь Шанд тоже был здесь. Лиану припомнились сны Караны после того, как они сбежали из Сета, — у них даже был один общий сон. Это был кошмар о Рульке, заточенном в Ночной Стране. Тюрьме, созданной для того, чтобы ослабить и иссушить его. Так сказал на Тайном Совете Тензор, да и Тиллан тоже. Но так ли это было?

Он вспомнил свои дурные предчувствия, появившиеся чуть ли не с первой встречи с Караной. Даже обычные путники на дороге ощущали, что надвигается катаклизм: мир медленно, но верно двигался к ужасному концу.

Лиан не находил объяснения этим странностям, и в конце концов жажда погнала его обратно вниз. Когда он спускался по лестнице, башня вдруг содрогнулась. Интересно, это опять аркимы ломятся в дверь или это землетрясение? Врата стояли в центре комнаты, как и прежде, но рамка для зеркала была переделана. На скамье Тензор работал над своим новым зеркалом, придавая ему окончательный блеск. Оно было больше, чем Арканское Зеркало, и Тензор даже нашел время, чтобы сделать по краям узор из завитков. Лиан смотрел, как аркимы последний раз протирает Зеркало и вставляет в рамку. Отступив назад, Тензор посмотрел на собственное творение, склонив голову набок. Затем он с загадочной улыбкой повернулся к Лиану:

— Что у вас там за дело с Малиеной?

Лиан не был уверен, что именно Тензор имеет в виду.

— Письмо, которое ты сюда принес, — нетерпеливо пояснил Тензор.

— О! — Лиан не был уверен, что об этом следует говорить. «Дал бы ты младенцу поиграть с бритвой?» — предупреждала его Малиена. Но ведь это Тензор посоветовал Лиану поискать записи Кандора. — Я украл письмо из архива крепости в Туркаде, — сказал Лиан. — Оно от Кандора к Рульку, и там поднимаются вопросы времен возникновения Непреодолимой Преграды. Но Малиена отобрала у меня письмо и заперла дверь комнаты, где хранятся записи Кандора, чтобы я не смог попасть внутрь.

— В любом случае сомневаюсь, чтобы ты там что-нибудь нашел, — заметил Тензор. — Однако ты умеешь настоять на своем. Ты оказал мне услугу, и я тебе отплачу. Зайди во врата.

— Нет! — в ужасе закричал Лиан. — Я не хочу!

— А на Тизанской Горе ты говорил совсем другое, когда бродил среди призраков. Ты твердил, что сделаешь что угодно ради Сказания. Заходи. — Схватив Лиана за шиворот, Тензор швырнул его в павильон врат.

Лиан попытался выбраться, но его без всяких усилий втолкнули обратно.

— Возьми это, — приказал Тензор, подтолкнув к нему лампу, стоявшую на полу.

Изображения завертелись на поверхности нового Зеркала, и Тензор отправил Лиана в пыльную комнату, заваленную бумагами и записными книжками. Послышался всасывающий звук за спиной у Лиана, и он остался один. Врата исчезли.

39
Великая башня

Карана выбежала во двор и стояла возле расщелины, глядя вверх, на башню, в которой держали Лиана. Туда не попасть! Она дважды обошла вокруг этого большого здания, но ничего не придумала. Наконец блуждания привели ее в лесок, к павильону, располагающемуся под смоковницей. Она уселась там в тишине, напряженно размышляя о том, что еще она может предпринять. Девушка провела там несколько часов. Ее уединение нарушила молча вошедшая в павильон Малиена. Карана почувствовала, что Малиена огорчилась, увидев свое любимое убежище занятым.

— У вас что-нибудь не так с Лианом? — спросила Малиена.

— Все так, насколько позволяет стена.

— Что-то случилось? Что?

— Тензор использовал врата!

Малиена была потрясена.

— Я надеялась, что у него ничего не получится, как у всех остальных.

— Я ужасно боюсь. Он хочет использовать Лиана, чтобы их испытать. А что если Лиан не вернется? — Карана прикрыла лицо руками. — Как мне к нему попасть?

— Никак, если только ты не умеешь летать, как птица, или ползать, как паук. Они там в безопасности, пока не кончатся еда и вода — а их запасов хватит по крайней мере на месяц.

Карана долго молчала.

— Ползать? — задумчиво повторила она наконец.

— Я же сказала это не всерьез. Мы исследовали все подходы. Башни облицованы изразцами, так что никто не сможет на них удержаться, даже самый блестящий альпинист.

— Я блестящий альпинист, — нескромно заявила Карана. — Меня обучал самый лучший специалист в Шазмаке.

— Но ты присмотрелась внимательно? Нет, потому что ты проводишь целые дни в грезах, беседуя с Лианом. Полезай на крышу крепости. Оттуда открывается лучший вид на Великую Башню. Я покажу тебе, почему это невозможно.

Они поднялись на крышу крепости, крытую черепицей, вывезенной из-за моря. Карана пробралась между куполами, покрытыми эмалью, и разукрашенными шпилями туда, где плетеные башни тянулись в небо. Обойдя башни кругом, они обнаружили, что изразцы гладкие и скользкие. Малиена сказала:

— Вот видишь, Катадза была задумана неприступной. Туда

нельзя залезть.

— Нельзя, когда ее защищают. Тензор не может оборонять ее в одиночку. Я вобью шипы в камень — они пройдут сквозь изразцы.

— Сама? — спросила Малиена. — Погоди, взгляни-ка сюда!

Когда-то изразцы были плотно подогнаны один к одному, образуя гладкую поверхность. Однако заморозки и оттепели многих столетий оказали воздействие на раствор, скреплявший их. Стыки заросли мхом и лишайником. Кое-где в трещинах виднелись папоротники.

— Если и Великая Башня такая же!.. — воскликнула Карана. — Пошли!

Она спустилась и, пробежав по мостику к башне, влезла на ограду. Подойдя к стене, она нащупала у себя над головой трещину, вставила в нее пальцы и подтянулась, царапая разваливающимися сапогами по стыкам изразцов. Потом легко спрыгнула вниз и, сбросив сапоги, сделала новую попытку. Вскоре она уже была высоко, упорно продолжая карабкаться по стене. Девушка крикнула вниз:

— Это, пожалуй, было невозможно две тысячи лет тому назад, но я уверена, что смогу сделать это сейчас.

Малиена перешла через мост, чтобы взглянуть на башню вблизи. Башня вырастала из земли, и девять каменных лент переплетались, образуя сложную спираль. Примерно на уровне шестого этажа косичка проходила под парой каменных «пончиков» со свисающей металлической «юбкой» — защитные устройства, призванные еще больше затруднить подъем по стене башни. Посредине располагалась широкая горизонтальная лента из ляпис-лазури, ослепительно синевшая в золотистом полуденном свете. Широкую полосу окаймляли две узкие. Эту часть башни будет особенно трудно преодолеть. Дальше — снова каменная спираль, затем — вторая горизонтальная лента из ляпис-лазури с золотом. Потом — относительно легкий участок: вверх и внутрь, через высокие амбразуры под платиновым куполом башни.

— Если какой-то изразец плохо держится, на него опасно полагаться, — сказала Малиена успевшей спуститься Каране. — К тому же во многих местах могут быть неповрежденные стыки между плитками.

— Если я найду клинья и веревку, этого будет достаточно. Даже если я поскользнусь, то не упаду, а съеду, и веревка меня подстрахует. Это возможно. Согласись со мной.

Малиена вынуждена была признать, что это предприятие не совсем безнадежно.

— Но, моя дорогая Карана, тут возникают три проблемы. Во-первых, ты не можешь подниматься на башню босиком: ты сильно поранишь ноги об острые края. Во-вторых, у тебя нет клиньев.

— Я умоляю тебя, помоги мне сделать несколько.

— Я не стану. Я категорически отказываюсь.

— Тогда я сделаю их сама. Я видела, как это делается.

— Ты! — произнесла Малиена с презрением. — Я еще не встречала никого из твоей расы, кто бы умел обрабатывать металл.

Карана благоразумно воздержалась от того, чтобы упомянуть Шутдара, который изготовил Золотую флейту, с чего и начались беды трех миров.

— Может быть, но если мастер отказывается, подмастерью приходится полагаться на себя.

— Хорошо. — Малиена тут же измерила на глазок необходимую длину для клиньев. — Они будут готовы рано утром. Но только, пожалуйста, никому об этом не говори.

— Подожди! — остановила Карана Малиену, повернувшуюся, чтобы уходить. Она смотрела на ноги Малиены. — У тебя маленькие ноги.

— Нет, я никогда не одолжу тебе сапоги. В любом случае они больше твоих.

— Ну пожалуйста! Они идеальны для карабканья по стене.

— Ах, хорошо! Все, чего пожелаешь. Приходи в мою комнату и уноси все самое ценное. Почему бы и нет?

— Ты сказала, что есть третья проблема, — со смехом напомнила Карана.

— Как ты переберешься через эти ленты из ляпис-лазури?

— Я заброшу крюк из железа.

Малиена нахмурилась:

— Полосы широкие. Сомневаюсь, что тебе удастся забросить крюк так высоко.

— Если они будут легкие, то смогу.

— А не лучше ли тебе шепнуть Лиану, чтобы он спустил сверху хорошо закрепленную веревку?

— Ты бы доверила свою жизнь веревке, осмотренной Лианом, или узлу, завязанному им? — добродушно пошутила Карана. — В любом случае, он ужасно боится высоты. Скорее он вывалится из окна до того, как я туда доберусь, или бросит веревку, не закрепив ее. Как я смогу взбираться наверх, если он будет падать в обморок и умирать у меня над головой?

— Значит, для тебя еще нужно сделать и крюк, не так ли? Да, не придется мне спать сегодня ночью.

— Определенно, тем более что, кроме всего прочего,

необходим маленький молоток.

— Что-нибудь еще? Портативную ванну, чтобы ты могла прибыть к своему возлюбленном благоухающей свежестью?

— Нет, спасибо, больше ничего не надо, — усмехнулась Карана. — О, и еще крепкую веревку по крайней мере. — Она посмотрела на верхушку башни. — Семь или восемь пядей. Нет, пусть будет…

Малиена уперла руки в бока и смотрела на Карану.

— Насколько я понимаю, тебе понадобится по крайней мере десять, так что я принесу веревку длиной в двенадцать пядей. Итак, до завтра, сразу после восхода.

Лиан провел целый день и полночи в комнате, где хранились записи, поскольку врата не вернулись и дверь все еще была заперта снаружи. Правда, его труды не увенчались успехом. Не многие из бесчисленных документов в этой комнате можно было прочесть, а то, что он прочел, не относилось к делу. Что сказал Кандор в своем письме? «Я потратил колоссальные средства, но так и не выяснил…»

Потратил колоссальные средства. Если он платил шпионам и летописцам, чтобы они рылись в прошлом, должны остаться отчеты о результатах их поисков, причем на языках, которые Лиан может расшифровать, а не на этом ужасном языке каронов, который никто не может разобрать. Что еще он сказал? «Я охотно доставлю в Альцифер то, что у меня есть, если это тебя интересует». Чтобы предоставить доказательства другому карону, Кандору нужно было привезти оригиналы документов. Но такой осторожный карон, имеющий склонность к Сказаниям, о чем говорит эта огромная комната, заваленная бумагами, сохранил бы копии. Лиан искал до того самого момента, как с треском появились врата.

Он прыгнул во врата, не оглядываясь, и они доставили его обратно в кабинет Тензора.

Арким был доволен результатом испытаний.

— Новое Зеркало гораздо лучше старого, — сказал он. — Все так четко видно, словно я смотрел через окно. Значит, ты не нашел того, что искал? Я и не думал, что там что-нибудь будет. Кандор был самым хитрым из каронов. Он бы не оставил такие важные документы в столь очевидном месте.

В Катадзе или где-то еще должен быть тайник. Лиан, разочарованный, с легким головокружением, взял еду, питье, свой плащ и удалился в «орлиное гнездо», чтобы проспать там остаток ночи.

Было холодно, когда Карана перед самым рассветом выскользнула на улицу. Прохладный ветерок шевелил папоротники, которые росли в трещинах на башне. Малиена уже ждала ее там, где мост соединялся с Великой Башней.

В руке у Малиены был мешок. Она безмолвно продемонстрировала Каране его содержимое: шесть плоских стальных шипов с кольцом на конце, железный крюк, похожий на крошечный якорь, небольшой моток тонкой веревки и другой, побольше, а также молоток и холщовый пояс с петлями для молотка и клиньев. Карана разложила все по местам и с помощью Малиены обвязала пояс веревкой, оставив длинный конец, чтобы привязывать его к клиньям. Малиена потянула носом: пахло лимонными духами.

— Ну и надушилась!

— Чуть-чуть, — самодовольно ответила Карана. — А как я понесу крюк?

Малиена достала крошечный брезентовый рюкзачок.

— Тут бутылка с водой и сушеные персики.

Затем Малиена вручила ей пару сапог с поношенными носами.

— Мои сапоги! Спасибо. — Карана надела их. — Как раз.

— *Мои* сапоги, и я заберу их обратно, как только это закончится. — Малиена сердито взглянула на Карану.

Карана опустила глаза, но не смогла скрыть ухмылку. Пора! Она застегнула пояс, надела рюкзачок и еще раз все проверила.

— О, все вместе довольно тяжелое.

— Если ты этим хочешь предложить мне пойти вместо тебя, ничего не выйдет.

Карана фыркнула и повернулась к стене. Она поднималась по пути, который наметила накануне. Сначала все шло легко.

— Пока что ничего сложного! — прокричала Карана. Малиена подняла руку и удалилась.

Первую часть пути Карана одолела довольно быстро, поскольку там было много трещин и выбоин. На этом отрезке ей всего лишь трижды пришлось воспользоваться клиньями. Она вбила клинышек молотком, закрепила в кольце веревку и поднялась. Затем вбила второй, поднялась выше и наклонилась, чтобы вытащить нижний. Но ударила лишний раз, клинышек выскочил и полетел вниз.

«Осталось пять», — подумала Карана, разозлясь на себя за легкомыслие.

Карана исчезла. Выйдя во двор, Шанд увидел Малиену, которая, прислонившись к дереву возле восточной лестницы,

смотрела на башню и горы за ней. Лицо у женщины было усталое, словно она не спала всю ночь. Наверно, переживает из-за Тензора. Несколько поодаль стояла Селиала — теперь фактически предводительница аркимов. Она повернулась к Шанду. Малиена взглянула наверх, потом удалилась. Она явно избегала общества.

— Эти врата нас погубят, — горевала Селиала. — Тензор заставил нас совершить очередную глупость. С аркимами Шазмака все кончено.

— Есть же и другие аркимские города, еще более великие, чем Шазмак, — заметил Шанд.

— Но они так изменились к худшему! В них не хранят старые традиции. Сантенар лишил аркимов энергии и благородства.

Вернулась Малиена и снова встала у дерева, прислонившись к нему. Шанд окинул взглядом пейзаж. Ничего не изменилось с тех пор, как он был здесь столетие назад, — разве что лес немного приблизился. Посмотрев на высокую башню, старик вдруг заметил, как на ней что-то мелькнуло. Он различил бледное лицо Караны, карабкавшейся по стене, и очень испугался.

Шанд услышал стук, затем что-то металлическое полетело вниз и упало на землю. Он взглянул на помертвевшее лицо Малиены. Оба задрали головы. Но больше ничего не произошло. Карана продолжала карабкаться. Шанд подошел к башне и подобрал с земли металлический клинышек.

— Хорошо сделан, — заметил он, протягивая клинышек Малиене.

— Я потратила на них всю ночь.

Шанд снова взглянул вверх. Карана скрылась из виду. Уж если кто и умеет лазать по стене, то это она. Он долго смотрел на башню, погрузившись в размышления.

Как долго он стоял так, грезя наяву? Казалось, совсем недолго, потому что солнце словно замерло в небе. Но Малиена ушла.

Шанд вернулся в дом. Мендарк заключил временный союз с аркимами, экспериментирующими с устройством, с помощью которого надеялись сокрушить дверь Тензора. Шанд наблюдал за действиями Мендарка, забавляясь в душе.

— Иди и помоги нам! — крикнул Мендарк. — Ты разбираешься в таких машинах.

Шанд заинтересовался. Тщательно все изучив, покачав головой, ушел на кухню и заварил себе чай. Он с первого взгляда понял, что у них ничего не выйдет.

Мендарк посмотрел ему вслед, озадаченный и сердитый.

— Старый дурак, — сказал он, обращаясь к аркиму,

стоявшему рядом, и вернулся к работе.

Лиан сидел на самом верху башни, наблюдая за рассветом. Он очень мало разобрал из рассказа Караны, так как было трудно переговариваться через щель в стене. Он знал, как она сюда попала и с кем, но не знал почему. Она все еще охотится за Зеркалом? Если да, то с какой целью?

Ему было известно, что, кроме Караны, в Катадзу пришли Мендарк, Таллия и Шанд, но Карана ничего о них не сказала. Он вспомнил о своем долге перед Мендарком. Несомненно, как только все закончится, Мендарк потребует его вернуть.

Лиан сидел в своем «орлином гнезде», любуясь восходящим солнцем. Далеко за Перионским Морем начинаются первые грозы, и соляная пыль кружится в воздухе, а западный ветер несет ее в родной Лиану Эпперанд — на землю дзаинян.

Снег уже сошел с пиков Катадзы; даже южные склоны обнажились, и показался голубовато-серый камень. Солнце освещало башни, которые, несмотря на их древность, казались гладкими и блестели, как стекло. Лиан насчитал девять извивающихся каменных лент, сплетающихся друг с другом, которые как бы опоясывала лента из ляпис-лазури с золотом. Юноша высунулся из окна, сам удивляясь своей смелости. Он заметил, что в трещинах между каменными плитами стены выросли мох и лишайник. Любопытно, как жизнь пробивается в самых неожиданных местах.

Он обнаружил, что внизу, над нижней голубой лентой, что-то движется. Он высунулся еще дальше, чтобы посмотреть, какая птица свила там гнездо. Но это был не зверь и не птица. В стебли папоротника вцепилась тонкая рука.

И тут Лиан увидел бледное лицо и рыжие волосы Караны. Она ползла наверх, время от времени вбивая клинья и продевая в их кольца веревку.

Лиану стало дурно от этого зрелища, но он не мог отвести взгляд. Карана была очень далеко и продвигалась довольно медленно. Несколько раз она начинала сползать вниз, когда подводила опора, но сразу же зацеплялась снова, совершая чудеса ловкости, которые были за пределами понимания Лиана.

Карана чувствовала, что силы слишком быстро покидают ее, — она не должна была еще устать, ведь пока что подъем был довольно легким. И тут башню затрясло так сильно, что без страховки она бы упала.

Наконец девушка вбила последний клинышек и добралась до узкого выступа, где могла посидеть в безопасности. Но на всякий случай она снова вбила клин и продела в кольцо веревку,

привязанную к поясу. Затем села, свесив ноги. Какое блаженство! Икры ныли, и она принялась их массировать. Потом выпила воды из бутылки и съела сушеный персик. Никогда она не пробовала ничего слаще.

Карана с удовлетворением увидела, как много прошла. «Наверх лучше не смотреть! Отдыхай, расслабляйся, набирайся сил, — сказала она себе. И взглянула вверх. — Еще так далеко! Так круто! Туда невозможно залезть!»

Червь сомнения начал ее терзать. Она глотнула еще воды и поднялась. Икры сразу же заныли, колени ослабели, и запястье, дважды сломанное, тоже начало болеть.

«Я не буду думать! Я не буду думать!» — твердила она про себя, мощным ударом вгоняя клин. Плитка откололась и полетела вниз вместе с клинышком.

«Четыре! Ты растяпа, Карана. Он бы тебе несомненно пригодился».

И тут она увидела лицо в амбразуре под самым куполом. Кто-то наблюдал за нею. Конечно, не Тензор. Нет, еще хуже! *Лиан!*

«О Лиан, уходи! Как мне преодолеть этот путь, если ты на меня смотришь?» Она вообще не любила, когда кто-нибудь наблюдал, когда она пыталась сделать что-то трудное.

Теперь усталость навалилась с такой силой, что она словно со стороны видела каждое свое действие, каждый вбитый клинышек, каждый промах, и от этого начала совершать ошибки. Она знала, что силы у нее кончаются.

Карана продолжала подъем все медленнее и медленнее. Теперь лицо Лиана было уже совсем близко. Оттуда, где она находилась — у сине-золотого выступа, — Лиана можно было увидеть только в том случае, если он рискованно высунулся из окна. «Бедный Лиан! Если я упаду, это его убьет».

Тут она осознала, что думает о том, что упадет, и это ее потрясло. А приблизившись к выступу, еще больше пала духом. С земли все казалось гораздо легче. Даже когда она была сильной и тренированной, перебраться через этот выступ и подняться по вертикальному скату было бы тяжким испытанием. Икры нестерпимо заныли, как бы взывая: передышка! Она вбила клинья — два наверху, два внизу, — и, продев в кольца веревку, которая ее страховала, встала на нижние и расслабилась.

«Да, но у меня же есть крюк! Это меняет дело!» Она достала крюк размером не больше ее руки. Карана выглянула из-под выступа и посмотрела вверх, ища, за что бы его зацепить. Но там не было ничего подходящего: ни изразцов, ни щелей. Над ней была узкая золотая лента, затем гладкий полированный лазурит — и еще одна золотая полоска сверху. На ценном камне были

выбоины от времени, но совсем неглубокие.

До окон было по крайней мере семь саженей, а ей надо было добросить туда крюк. Это будет очень трудно — бросать надо вертикально вверх, да еще с ее ненадежного насеста. Добросит ли она? Но там, по крайней мере, Лиан, и он может закрепить веревку. Под каждым окном был длинный шест, на который, должно быть, когда-то вешали флаги. Она подумала о том, что до шеста легче добросить, а Лиан сможет там закрепить веревку. Однако она сразу же отказалась от этой идеи: слишком опасно для Лиана.

Карана подготовилась, завязав узлы на веревке: так легче будет взбираться наверх; еще раз проверила веревку для страховки, осмотрела клинья. Она дважды обвила веревку вокруг руки на случай, если промахнется, встала поустойчивей на нижние клинья и, ухватившись левой рукой за верхний, забросила крюк вверх, а затем сразу же схватилась правой рукой за клин, освободив левую руку, чтобы веревка взлетела вслед за крюком.

Увы! Должно быть, расстояние было больше, чем ей казалось. Карана крепко вцепилась в клинья. Ударившись о выступ у девушки над головой, крюк пролетел мимо нее и полетел вниз с ужасающей скоростью. Опустившись на длину веревки, крюк рывком натянул веревку, и та больно врезалась в руку Караны.

— Ах! — закричала Карана.

— Ты… с тобой все в порядке?

— Да, — выдавила она, скрипя зубами от боли. Подтянув крюк, девушка осмотрела руку. На ней появился кровоподтек, и прямо на глазах Караны росли огромные кровавые пузыри. Она приготовилась ко второму броску, но на этот раз дважды обмотала конец веревки вокруг клинышка, привязала ее так, что повисла петля.

Она снова забросила крюк, размахнувшись изо всех сил. Слишком сильно, слишком высоко! Веревка взвилась над окном и обвилась вокруг шеста для флага. Они с Лианом посмотрели друг на друга.

— Я бы мог дотянуться и освободить ее, — очень тихо произнес Лиан.

В эту минуту ее капризный талант вызвал такую боль в груди, что она закричала:

— *Нет! Шест не выдержит твоего веса!*

С этими словами она дернула за веревку, надеясь, что та соскользнет с шеста. Проржавевший металл издал стон, шест оторвался от стены и полетел прямо в Карану. Она прижалась к стене, вцепившись в клинья. Шест просвистел мимо ее головы,

волоча за собой веревку.

Веревка натянулась, как струна, вырывая из щели клин. Ноги Караны съехали с нижних клиньев, и вес шеста потянул девушку вниз. Она закричала и повисла в воздухе, дернувшись от рывка, как кукла. Второй клинышек выдержал!

Далеко внизу шест подпрыгивал на конце веревки. Карану буквально разрывало в разные стороны: шест тащил вниз, веревка на поясе натянулась так туго, что девушка едва могла дышать, узлы впивались в тело.

И вдруг ее осенило: если повернуть выдернутый из стены клинышек вертикально, веревку утащит вниз, и шест с крюком упадут. Ей с большим трудом удалось это сделать, и один кровавый пузырь прорвался. Наконец петли веревки соскользнули. Карана была свободна! Девушка раскачивалась на конце веревки, страховавшей ее. Она качнулась к стене и встала на нижние клинья, дрожа всем телом.

Шест полетел вниз и врезался в мост. Услышав грохот падения, внизу начал собираться народ. Они указывали вверх и что-то кричали.

Лиан отчаянно звал ее:

— Карана, ты цела? Карана, скажи мне что-нибудь! — Ей было все равно. Единственное, чего ей хотелось, — это лечь, свернуться калачиком и натянуть на голову одеяло. Так она делала в детстве, когда горевала.

Минуты проходили. Лиан все еще что-то кричал наверху. Каране стало очень холодно.

— Да, со мной все в порядке! — крикнула она в ответ, лишь бы он замолчал.

Но с ней было далеко не все в порядке. В груди жгло, голова болела, и на виске была ссадина, — правда, она не помнила, когда ударилась головой. Карана выглянула из-под выступа, чтобы посмотреть на Лиана.

— Шест насквозь прогнил, — сказал он. — Хорошо, что ты меня остановила…

— Заткнись! — отрезала она.

— Как ты собираешься одолеть последний участок?

— Не знаю. Оставь меня в покое!

Над собой Карана видела что-то вроде выступа, а несколькими саженями выше — амбразуры окон. Если бы только ей удалось взобраться на этот выступ, она была бы в безопасности. Карана изучила полоску лазурита и снова начала паниковать. Она была гораздо более гладкая, чем нижняя лента из ляпис-лазури.

Карана вытащила один из нижних клиньев и переместила его

повыше, под самым выступом. Она закрепилась и, выбив следующий клин, попыталась подняться. Боль была ужасная. «Я смогу это сделать», — говорила она себе, но уверенности больше не было. Она попыталась вбить выдернутый клин в щель между золотой лентой и лазуритом. Промахнувшись, она ударила по большому пальцу, и клинышек полетел вниз. Она яростно выругалась, но его было не вернуть.

Ушло полчаса на то, чтобы преодолеть маленький кусочек выступа. Она висела на трех оставшихся клиньях. Больное запястье горело. Казалось, вес пояса и молотка сейчас увлечет ее вниз. Она безвольно повисла на веревке, прижавшись щекой к синему камню, и взглянула на Лиана. Бедный Лиан!

На этот раз он, по-видимому, понял, в каком она состоянии.

— Подожди! — крикнул он и исчез.

Она осмотрелась, подумала, не вбить ли клинышек вон в ту щель наверху, потом решила не делать этого. «Да, я подожду сколько захочешь. Я просто повишу тут немного. Теперь так спокойно!» Карана закрыла глаза.

40
А мне больше досталось!

Лиан вылез из окна и спустился на выступ — только так он мог видеть Карану. Трудно было сосредоточиться, так как от высоты кружилась голова и он боялся, что вспотевшие ладони соскользнут с камня. Чтобы вскарабкаться наверх, Каране оставалось преодолеть всего несколько саженей, но она не могла. Лиан понял, что она это тоже знает.

Наконец она пошевелилась. Лиану было заметно, как дрожат руки девушки. Мускулы больше не повиновались ее воле. Она закрыла глаза, словно ей захотелось спать. Это сильно встревожило Лиана.

— Подожди! — крикнул он беспомощно.

Он вернулся в свою комнату и лихорадочно принялся за поиски: нужно было из чего-нибудь сделать веревку. Ведь даже если бы тут и нашлась веревка, то за сотню лет она скорее всего сгнила и никуда не годится. Поэтому Лиан решил использовать свой плащ.

Ткань была прочная, и ему с трудом удалось разрезать плащ на полоски и сплести что-то вроде грубой веревки. Сделав на одном конце петлю, другой он прикрепил к каменной раме и проверил, сильно дернув несколько раз. Затем перебросил ее через подоконник наружу. Она оказалась недостаточно длинной: не хватало двух-трех саженей.

Сняв сапоги и даже не думая ни о своем страхе высоты, ни о том, что станет делать, добравшись до цели, Лиан вылез наружу. Спускаться было не так уж трудно: он упирался ногами в стену и двигался от одного узла на веревке к другому. Внезапно веревка кончилась, и он повис, держась обеими руками за петлю. Он посмотрел вниз, осознав, как далеко до земли. Одно неверное движение — и он разобьется. Голова у Лиана закружилась, и он вскрикнул:

— Ах!

Глаза Караны открылись, и она взглянула на него. Девушка была всего в трех саженях от Лиана.

— Возвращайся! — прошипела она.

Он поискал опору для ног, ощущая, как напряглись руки и плечи. Веревка раскачивалась. Их взгляды встретились.

— Возвращайся наверх! — просила Карана.

Он заметил слепой ужас в ее глазах и понял, что она боится за него. Его потные ладони заскользили по веревке, и тут пальцы

ног нащупали опору — это был узкий выступ над полоской ляпис-лазури. Лиан соскользнул на него.

— Нет! — крикнула Карана. — Не отпускай веревку! — Слишком поздно. Петля вырвалась у него из пальцев, и он в ужасе прислонился спиной к камню, поняв, что натворил. Веревка раскачивалась у него над головой. Он очутился в ловушке на этом выступе, поскольку у Лиана не было мужества, чтобы спуститься, и сноровки, чтобы подняться. Он сидел на корточках и даже боялся встать, уверенный, что тогда колени упрутся в стену и он полетит вниз. Узенькая площадка — не шире книжной полки, казалось, становится все более скользкой под ногами.

— Я не могу подняться! — крикнул он. — Я упаду.

— Ты слишком близко к стене, — закричала она в ответ. — Отодвинься.

Но Лиан не мог. Он умрет из-за нее. Она уже видела, как он падает, летит бесконечно долго и разбивается о булыжники. Именно это заставило ее очнуться. Она знала, что он не в состоянии ничего сделать, чтобы спастись.

Неожиданно Карана ощутила прилив сил. Выбив нижний клин, она подтянулась к верхнему. Затем забила клинышек в крохотную щель между плитами лазурита. Осколки ценного камня посыпались ей на волосы. Она попыталась прикрепить веревку, но ничего не получилось: кольцо сплющилось.

Тогда она зацепила веревку на клине, на котором стояла, и попыталась вышибить самый нижний. Один удар — и клин отломился: в металле был изъян. Забравшись на верхний клин, Карана поняла, что попала в беду: ей теперь было не дотянуться, чтобы вытащить нижний. Самую тяжелую и опасную часть пути ей придется подниматься по веревке. «Я не могу это сделать!» — в отчаянии подумала девушка, но, бросив взгляд на Лиана, который раскачивался на узком выступе, поняла, что должна.

И она полезла вверх по веревке. Наконец Карана нащупала пальцем ноги трещину и ухватилась за выступ, затем подтянулась, и ее лицо оказалось на уровне ног Лиана. Ее потные пальцы скользнули по краю.

Карана просунула в щель молоток и попыталась подтянуться. Мускулы не слушались. Лиан издал сдавленный стон. Сделав еще одну попытку, она судорожно рванулась, оказалась на выступе рядом с ним и крепко схватила его за рубашку. Она потянулась вверх, но не смогла достать веревку.

— Возьмись за веревку! — настойчиво сказала она. Лиан опасно раскачивался, не решаясь открыть глаза.

Карана почувствовала жгучую боль в груди. Она прижала его к стене, вбила клин в трещину и прикрепила к нему веревочную

петлю. Ее колени чуть не подогнулись от облегчения. Нет, рано расслабляться! Скорее, пока не иссякли силы! Придерживая одной рукой Лиана, она ударила его по лицу.

— *Открой глаза, проклятый идиот!* — заорала она. — *Достань эту чертову веревку!*

Лиан сразу же схватился за веревку.

— А теперь крепко держись за нее и ни в коем случае не отпускай. Ты готов? Стой спокойно, пока я буду забираться на тебя.

— Да, — прошептал он.

Оказавшись у Лиана на плечах, она привязала конец веревки Лиана к петле и начала взбираться по веревке, сплетенной из плаща Лиана, как заправский моряк, к тому замечательному выступу под окном, к безопасности!

— Давай! — крикнула она.

Лиан попытался, но он никогда не умел лазать по веревке. Он делал слабые попытки, так что его скорее втащили наверх, чем он влез сам, а потом бесцеремонно бросили на пол. Он поднялся, пошатываясь, и прислонился к стенке. Карана пластом лежала на полу, задыхаясь, и долгое время даже не могла пошевелиться. Ее мускулы свело судорогой.

Наконец она перевернулась на живот, встала на колени и подползла к Лиану. Лицо ее было белее мела, и всю ее трясло, но чудо свершилось. Она осталась жива, и он тоже, и наконец-то они были вместе. Стоя на коленях, Карана раскрыла объятия.

— Это твой самый глупый поступок в жизни, — сказала она. — И самый смелый.

Лиан молчал. Он не находил слов, да они и не были ему нужны.

Наконец Карана шевельнулась. Ноги у нее совсем ослабели.

— Принеси мне что-нибудь поесть, Лиан, — попросила она. — Я слаба, как младенец… — Она вдруг усмехнулась, вновь обретя чувство юмора: — Или мастер-летописец! И постарайся ничего не говорить: Тензор вряд ли будет рад меня видеть.

Лиан спустился по длинным лестничным пролетам в кабинет Тензора. Тензор был чем-то занят. Поскольку Лиан полдня сюда не заходил, было вполне естественно, что он направился к стене, где были сложены свертки с едой, и к бочке, чтобы наполнить водой бутылку. Однако Тензор посмотрел на Лиана, когда тот проходил мимо, и глаза у него блеснули.

— Значит, она пришла за тобой, не так ли? Потрясающее восхождение — я преклоняюсь перед ее отвагой и сноровкой. Но ни для тебя, ни для нее нет другого пути вниз, кроме этой двери.

Незачем делать из ее присутствия здесь тайну: бери открыто все, что хочешь. Но будь уверен, что я приду за тобой, когда ты мне понадобишься. — И он вновь погрузился в свою работу.

Лиан вернулся с пакетами, водой и большим одеялом.

— Он знает, что ты здесь, — сообщил он. — Говорит, что нет пути вниз.

Карана вытянулась на остатках плаща Лиана.

— Закрой дверь, — сказала девушка.

Она протянула к нему здоровую руку, и Лиан помог ей сесть. Тут она заметила амулет из нефрита, висевший у него на шее, и отпрянула как ужаленная.

— Что это? — резко спросила она.

— Амулет, который дала мне моя мать.

— О, скорее сними его. Я не могу его видеть.

Лиан спрятал его в мешочек. Эммант использовал этот амулет, чтобы заманить Карану в ловушку.

— Прости, — сказал Лиан. — Если бы он не был мне так дорог, я бы его выбросил. Но Малиена сняла с него чары.

— Я ничего не имею против того, чтобы он у тебя оставался. Просто не носи его, когда я рядом. Пожалуйста.

Карана открыла пакеты. В одном были сушеные фрукты, в другом — твердый черный хлеб, в третьем — козий сыр, который аркимы выменяли у робких лесных людей. Лиан также принес пирог, буквально лопавшийся от начинки, состоявшей из фруктов и орехов. Карана попробовала всего понемножку. Лиан передал ей бутылку с водой.

— Ты не боишься, что он сюда поднимется? — спросил юноша после того, как они покончили с едой.

Был полдень. Солнце чертило прямоугольные тени на полу. Карана положила голову Лиану на грудь. Девушка открыла глаза и уставилась в потолок.

— Я не боюсь его теперь. Я поступила правильно, и Тензор это знает.

Лиан не был в этом столь уверен, но он ничего не ответил. Они оба отводили взгляд. Как давно они не были вот так вместе! И теперь были немного смущены и скованны.

— Ты только посмотри на себя! — воскликнул Лиан. — Худая, как щепка!

— А вот грубить ни к чему! Доставь меня обратно в Готрим, и я скоро стану круглая, как яичко!

Карана попыталась встать, но мускулы у нее онемели. Она шлепнулась на спину.

— Очень сильно болит, — пожаловалась она, когда Лиан озабоченно нахмурился.

— Где болит?

— Везде. Ноги, руки, спина, голова.

Он взял ее за больную руку и попытался поднять.

— Ой! Ай! Отпусти! — Выдернув руку, она прижала ее к боку.

— Прости! В чем дело? Дай мне взглянуть на твою руку.

— Все в порядке. Оставь меня в покое, — заупрямилась она.

Карана не хотела, чтобы он увидел, как сильно она пострадала.

— Нет, не оставлю. Ты снова ворвалась в мою жизнь и теперь должна терпеть меня. Покажи твою руку. — Он опустился рядом с ней на колени.

Их взгляды встретились. «Я отталкиваю, а он не сдается, — подумала Карана. — Это новая стадия. Ну что же, так тому и быть». Она протянула руку, всю в синих и черных кровоподтеках, с кровавыми пузырями.

— Карана! — воскликнул он и, внимательно осмотрев руку, поднес к губам.

Какой он нежный! От его прикосновения по телу Караны пробежала дрожь.

— Это всего лишь одна из ран, которые я приняла за тебя, — сказала она со слабой улыбкой, — пока ты совершал легкую прогулку. И каждый из этих долгов тебе придется уплатить. О, в какое рабство ко мне ты попал! — усмехнулась она в предвкушении.

— Легкую прогулку! — возмущенно повторил Лиан. — У меня столько шрамов, что не сосчитать. Ты называешь похищение, побои, удары по голове, удушение, угрозы смерти и сбрасывание со скалы каникулами?

— Сказитель громко похваляется, но кто отличит факты от вымысла? Мне нужны доказательства. Вот, я представлю еще одно, а твоих пока не видела.

Карана откинула волосы со лба, и Лиан приложил губы к шишке.

— Я поцелую каждое доказательство — вот как я заплачу эти долги, о которых ты говоришь.

— Поцелуи! Тогда начинай, — засмеялась Карана. — На моих ногах по крайней мере сотня…

Лиан наклонился и взялся за ее сапог.

— Нет! Я пошутила!

Стянув с девушки сапоги и носки, не смотря на ее протест, Лиан увидел, что ее кожа покрыта шрамами и кровоподтеками. Он целовал пальцы и лодыжки ног Караны. Девушка задрожала.

— Посмотри, куда меня укусил скорпион, — сказала Карана.

Лиан осмотрел зажившую ложбинку со шрамом.

— Такой большой шрам! — сказал он, нежно целуя это место.

Карана описала жестокий метод лечения Шанда.

— У меня есть и побольше, — похвастался он и показал шрамы на ладонях, полученные при падении в краю базальта, и длинную отметину от икры до колена.

— Увечья, полученные при падении, не считаются, — возразила Карана, прижавшись щекой к его ладони. — Шрамы должны быть честно заработаны.

— Даже если они заработаны из легкомыслия? — рассмеялся Лиан, снова дотрагиваясь до раны от укуса скорпиона. — А нет у тебя чего-нибудь получше?

Карана показала множество других шрамов. Лиан поцеловал каждый, продолжая разыгрывать презрение.

— И это самое лучшее? В то время как мне протыкают бок копьем, ты ранишь палец на ноге?

Ее улыбка исчезла.

— Копье в бок? Ты, конечно же, сочиняешь? — Лиан расстегнул рубашку и показал след от копья.

— Малиена зашивала рану. Чуть левее — и я бы умер.

Каране показалось, что копье входит ей под ребра. Дрожащим пальцем она коснулась шрама.

— Я не знала. Я даже не *почувствовала.*

— Это произошло через несколько часов после Тайного Совета. Я даже не знаю, что ты тогда делала.

— Лежала без сознания. Я пришла в себя только через два дня.

— Ты пролежала там *два* дня?

— Нет, Шанд нашел меня ночью. Я не хочу сейчас об этом говорить. Я хочу узнать, что случилось с тобой. Твое «Сказание о Зеркале», наверно, уже очень длинное, — прошептала она с закрытыми глазами, водя пальцем по шраму на боку Лиана. Потом ее рука скользнула под его рубашку, и Карана провела по его груди. — Как это случилось?

— Довольно длинное, и даже сказитель играет в нем небольшую роль. Копье угодило в меня, когда я открыл дверь виллы Тензора, пытаясь вернуться в Большой Зал. Вот и все. Я не герой. Давай-ка вернемся к твоим бедам. Пока что я не вижу, чтобы ты одержала надо мной верх.

— У меня есть что показать, правда я немного стесняюсь. — Она заколебалась, потом медленно расстегнула рубашку и сбросила ее на пол. На белой коже были ужасные следы от веревки, которой она страховалась при подъеме в башню.

Потрясенный, Лиан опустился на колени и прижался щекой к ее животу. Она гладила его растрепанные волосы.

— Очень больно? — спросил он. — Я даже не решаюсь поцеловать тебя.

— Довольно сильно болит. И тем не менее я должна потребовать, чтобы ты сдержал обещание.

Подняв голову, Лиан заглянул ей в глаза.

— Как я люблю тебя, — сказал он.

— Я тоже тебя люблю. Мою плату, пожалуйста.

Лиан с подчеркнутой медлительностью осмотрел Карану, подтрунивая над ее нетерпением. Стройный изгиб ее шеи с рыжими завитками, изящное ухо, шелковистая кожа, нежная грудь. Ужасные шрамы.

— Тут понадобится бездна поцелуев.

Карана откинулась назад и распростерла руки. Она дрожала всем телом.

— Впереди целая ночь, — сказала она.

Им был дарован остаток дня и ночь. Хотя после наступления сумерек похолодало, оба хотели только одного — быть друг с другом. Уважал ли Тензор это желание, или, быть может, был занят другим, — во всяком случае, он не появился. Влюбленные разожгли огонь, использовав сгнившую старую мебель, и вскипятили воду для чая, чтобы согреться и взбодриться.

Лиан поднес к губам кружку. Чай был слишком горячий. Нужно сказать что-то еще.

— Существуют меры предосторожности… — начал Лиан.

— Как всегда слишком поздно. Я подумала об этом несколько недель тому назад, — перебила его Карана.

— Откуда ты могла знать, что я жив? Ах ты, маленькая хитрюга!

— Тише! Иди сюда! Я замерзла и устала. Оставь в покое это одеяло. Помоги мне постелить постель.

Они завернулись в одеяло и провели всю ночь, прижавшись друг к другу. Они мало спали, да им и не хотелось. Просто наслаждались друг другом, дремали и просыпались, смотрели на странные южные звезды и ощущали в душе покой. И снова дремали.

Очнувшись от сна, Карана подивилась возвращению своего таланта, который так мощно проявился, когда Лиан был в опасности.

Ранним утром они сошли вниз, рука в руке, не зная, что же сделает Тензор. Они издали заметили, что его кабинет пуст. Карана, готовая к столкновению, пребывала в растерянности.

Вдруг что-то загремело, и в центре врат появился Тензор.

Карана схватила Лиана за руку, но опасения их были напрасными: арким был слишком поглощен тем, что обнаружил там, откуда вернулся.

— *Я видел его!* — воскликнул Тензор. Однако врожденная осторожность не покинула аркима. — Когда я проверил новое Зеркало и выяснил, что оно работает, я не стал атаковать Ночную Страну. Вместо этого я построил крошечные врата для слежения, оснащенные защитными и предохранительными устройствами. И весь день наблюдал за Ночной Страной. Рульк восседал в большом зале, — продолжал он, — на кресле, огромном, как трон. Вокруг валялись части какой-то *конструкции* — жалкое устройство, одна из тех штуковин, что так любят кароны: там полно колесиков, рычагов и каких-то неведомых деталей. Рульк выглядел старым и усталым. Хотя я сам приложил к этому руку, я не думал, что Ночная Страна так его вымотает.

— Не позволяй себя одурачить, — возразила Карана. — Он много раз являлся мне во сне. Он гораздо сильнее тебя.

Тензор засмеялся.

— Сны подвластны ему и показывают лишь то, что *он* хочет показать, а я *видел* его. Мои глаза не лгут. Он сидит там тихо, возится со своими конструкциями, веря, что может проложить собственный путь к свободе. Дурак! Из Ночной Страны не убежать — оттуда можно только выпустить. Я освобожу его *навсегда.*

Тензор засмеялся, и Лиан с Караной поняли, что он полностью захвачен своими мечтами.

— Ты глупец! — воскликнул Лиан. — Рульк тебя одурачил. Он показывает тебе то, что ты хочешь увидеть.

Глаза Тензора сощурились.

— Он сильнее, чем я надеялся, но слабее, чем я ожидал. Он хитер, но я тоже. И у меня есть оружие.

— Тензор, — обратилась к нему Карана, — я умоляю тебя во имя нашего родства.

— Ты сама обесценила эту валюту, — сказал Тензор, отворачиваясь.

Тензор вернулся к своим экспериментам. Он несколько раз исчезал с вратами. В последний раз он отсутствовал гораздо дольше обычного и вернулся бледный и весь в поту. Ни слова не говоря, он помчался вверх по лестнице.

Лиан дремал на полу, в то время как Карана беспокойно расхаживала взад и вперед, прокручивая в уме один вопрос: что это за секретное оружие? Она ходила вокруг врат, осматривая их со всех сторон. Зачем он притащил Лиана так далеко? Зачем ему нужен летописец?

— Лиан, — позвала она. — *Лиан!* — Она стала его трясти.

— Я не сплю, Карана, — сказал он спокойно. — Что такое?

— Что случилось на Тайном Совете? В конце?

— Когда Тензор забрал Зеркало?

— Да. Расскажи мне, что тогда произошло.

Лиан все ясно видел даже сейчас, спустя столько времени.

— Тензор посмотрел на Магрету, и что-то в ее лице ужасно напугало его. Он поднял на нее руку, но опустил, словно ему не хватило мужества. Кто-то крикнул: «Нет!» Думаю, это была ты. У тебя волосы встали дыбом, ты размахивала руками. Послышался чей-то крик, — возможно, Магреты. Тензор поднял руку, последовала вспышка, и Нелисса упала замертво. Ты тоже оказалась на полу — сначала я подумал, что ты умерла. Все лишились чувств, даже Феламора, а потом Тензор забрал Зеркало.

— А ты потерял сознание?

— На несколько секунд. У меня словно захлопнулась дверца в мозгу, а другая открылась. Я увидел, как ты лежишь, и во мне вспыхнула ярость. Я поднял палку Нелиссы и ударил Тензора по голове. Но он сказал что-то вроде слов «Ты мне нужен» и схватил меня за руку, а я не мог ему противиться, и сейчас не могу. Он имеет надо мной власть.

— Но кто ему нужен — летописец или дзаинянин? Что именно он сказал?

Лиан задумался, вспоминая.

— Он сказал: «Один ты — как ни в чем не бывало! Мне как раз такой и нужен… Теперь ты мне за все заплатишь». Потом взял меня за руку и увел. Мне удалось высвободиться и подбежать к тебе, но он применил свою силу, и я не мог сопротивляться.

— Было только одно оружие против Рулька, о котором говорили аркимы. Его изобрели в давние времена. Именно ради того, чтобы найти защиту от этого оружия, разрушающего мозг, дзаиняне вступили в сговор с Рульком. Ты мне сам рассказывал. Должно быть, у тебя «дар Рулька».

— Да, — ответил Лиан. — Кажется, дар был скрытым, но в тот миг, когда Тензор использовал это оружие, он высвободился.

— Но то, что он сделал на Тайном Совете, не было запланировано заранее, значит, он не мог тогда знать о тебе.

— *На тебя единственного не подействовало,* — повторил Лиан.

— Конечно! Это тебя и выдало. — Все было хуже, чем она себе представляла. Рулька выпустят, а глупый, беззащитный Лиан будет щитом Тензора. Должно быть, он планирует употребить «дар» против Рулька, но как?

Как раз в эту минуту Тензор с горящими глазами сбежал по

лестнице. Он прыгнул во врата, прокричал новую команду, и Зеркало ответило. Оно осветило лицо Тензора, словно прожектор. Он повернулся на каблуках и заорал:

— Лиан! Лиан из Чантхеда! Иди, твое время пришло. — Лиан медленно двигался к нему. По выражению лица и походке было заметно, что ему этого не хочется, но остановиться было не в его власти. Карана схватила его за руку, но не смогла удержать. Она была вынуждена отпустить юношу.

Лиан приблизился к вратам. Как робот, поднялся по ступенькам и встал рядом с Тензором. Арким поймал его руку, и изображение в новом Зеркале замерло.

Карана задохнулась от волнения.

Тензор открыл врата.

41
Запрещенные искусы

Наступила середина бунса — последнего месяца весны, в Туркаде было жарко, как летом. Магрета сидела в кабинете Иггура, как когда-то в Фиц Горго, наблюдая за ним. Он работал с жаровней, бросая в огонь металлические стружки и порошки, затем проносил сквозь многоцветное пламя различные предметы — амулет, кольца, стеклянный шар. Магрета задрожала. Магические приспособления были запрещены феллемам, и, хотя Магрета не принадлежала к этой расе, запрет был привит и ей.

Над чем он работает? Она не знала, и ей было все равно. Однако что бы это ни было, у Иггура ничего не получалось. То ли что-то в комнате мешало ему, то ли чего-то не хватало в нем самом.

Хотя ее отношения с Иггуром не достигли той близости, которая возникла в первую неделю, они находили, что между ними было нечто, привязывавшее их друг к другу.

— Как я ненавижу это место! — пылко воскликнул Иггур. — Полгода в Туркаде зной, полгода — мороз, и круглый год — вонь. Мне никогда не усмирить этот город, если только я не разберу его по камню и не соберу снова.

В комнате было темно и сыро — Иггур предпочитал для работы именно такие места, словно ему придавали силу не звезды, а сырость и мрак.

— Мне трудно привыкать к тому, что ты используешь Тайное Искусство, — заметила Магрета. — То, что моя безопасность зависит от какого-то предмета, действие которого находится вне пределов моего понимания и который я не могу контролировать, — меня пугает.

Она сидела на низкой кушетке в другом углу комнаты возле еще одной жаровни, подогревая масло, пахнувшее жасмином. На Магрете была длинная кремовая юбка и шелковая блузка сливового цвета с высоким воротом, расстегнутая до третьей пуговицы. Она оперлась о стол тонкой рукой, и ее каштановые волосы упали ей на плечи. Кожа у нее была гладкая, как шелк. Печальный изгиб ее рта теперь почти стерся, и однажды она даже улыбнулась при взгляде на Иггура.

— И тем не менее ты всю жизнь позволяла, чтобы тобой управлял кто-то другой — причем не более значительный, чем ты. Если бы Феламора сегодня вернулась, разве бы ты не покорилась ей?

— Вся моя жизнь была долгом перед Феламорой, — сказала Магрета. — Больше я ничего не знаю.

— Взгляни на это кольцо. — Он снял с пальца перстень, сделанный из двух серебряных колец с золотым посредине. — Оно дает мне силу и может дать тебе тоже. Но не Феламоре. Как могла она научить тебя тому, что запрещено ей? Магрета, ты не феллемка! И я предпочитаю держать свою безопасность в собственных руках, зная, что она продлится столько, насколько у меня хватит силы и воли, а не зависеть от милости кого-то другого.

Магрета опустила глаза. Такие разговоры смущали и пугали ее: восстание против долга, игры с неведомым, с тем, что запрещено.

Вообще-то за время долгого отсутствия Феламоры Магрета приобрела некоторую уверенность в себе. Несмотря на их сдержанные отношения с Иггуром, было так хорошо любить и быть любимой. Никогда прежде не позволяла она себе испытывать подобные чувства.

И однако кое-что в Иггуре тревожило ее: его резкость, порой даже жестокость, презрение к его верным слугам — вельмам. Кроме того, она всегда хотела от Иггура большего, но знала, что он не только неспособен дать ей желаемое, но даже не имеет представления, как это сделать. Он никогда не приходил к ней в постель после той первой ночи. Должно быть, что-то с ней не так. Она тосковала по его телу.

Дверь резко отворили, и вошла вельмиха Вартила. Магрета отодвинулась в тень. Она никогда не сможет забыть, как издевалась над ней Вартила в Фиц Горго.

Лицо Иггура покраснело от гнева.

— В чем дело? — резко спросил он. — Почему ты мешаешь мне работать?

Вартила улыбнулась, показав серые зубы. Вельмы улыбались так редко, что это зрелище вызывало беспокойство. Магрета вспомнила другие стычки между Вартилой и Иггуром, в которых та порой одерживала верх.

Вартила с наглым видом положила перед ним сумку с депешами.

— Я прочту их позже, — сказал он.

— Прочти сейчас, — проскрипела Вартила, — или «позже» может не быть.

— Скажи, что в них, — нахмурился Иггур.

— Как угодно. Первое. — Она подняла палец ведьмы, костлявый, с длинным ногтем. — Еще одна партия припасов пропала вчера в портовом городе. Это уже третья за месяц!

Иггур внезапно опустился в кресло.

— П-пошли генерала Фванди тотчас же. Направь туда половину Четвертой армии, если нужно.

— У тебя и так всего половина Четвертой армии, — ответила Вартила. — Если они туда пойдут, они не вернутся как армия — да и вообще могут не вернуться.

— Да что такое с этим местом? — взвился Иггур. — Я очистил эту помойную яму, дал им закон и порядок, а весь город меня проклинает.

— Туркад прогнил сверху донизу.

— Разве они не видят, что им стало лучше?

— Ха! — безрадостно фыркнула Вартила, подняв второй палец. — Тиллан собрал мощную армию, по крайней мере тридцать тысяч, и сосредоточил ее за морем. Вскоре у него будет достаточно судов, чтобы вторгнуться.

— У меня пять армий — сто тысяч закаленных воинов!

— Растянутые на двести лиг! Если ты бросишь двадцать тысяч на поле боя, то рискуешь, что завоеванные земли останутся без присмотра. Она подняла третий палец. — И еще одно: гаршарды уходят из Шазмака. Они уже пытаются внести смуту в рядах твоей Второй армии в Баннадоре.

В душе Иггура шевельнулся страх. Он чувствовал, что если не избавится сию же минуту от вельмихи, то закричит.

— Довольно, — отрезал он.

— Есть и другие проблемы, — начала Вартила.

— Тогда разбирайся с ними!

Вартила низко поклонилась и вышла. Иггур поймал на себе критический взгляд Магреты. Она начала снимать очки, но остановилась. Еще одна проблема, тоже неразрешимая. Иггур все еще не мог справиться со своим страхом, когда видел цвет глаз Магреты, поэтому ей приходилось носить очки постоянно.

— Мне это осточертело! — заорал Иггур, сметая со стола сосуды и тигли.

Он больше не хотел быть властелином империи, но и отказаться от нее не мог. Власть для Иггура была всего лишь средством для достижения цели — мести Мендарку и Рульку, планы которой он давно лелеял. Но последнее время Иггур начал сомневаться, удастся ли ему их осуществить.

Он отвернулся, вцепившись себе в волосы.

— Не работает! — воскликнул он с таким измученным видом, что ей стало его жаль.

— Что не работает?

— Мое Искусство — все выходит не так.

— Иди ко мне! — сказала она повелительным тоном.

Он подошел, хромая сильнее, чем обычно, и взял своими холодными пальцами ее теплую руку. Магрета притянула его, заставив сесть рядом. Иггур задрожал, сопротивляясь. Она вдруг ощутила прилив гнева. «Неужели я должна умолять? Слишком долго я с этим мирилась. Если кто и приползет на коленях, то он, а не я».

Она перевела весь свой гнев в силы, дремавшие в ней много месяцев. Магрета отправила мысленное послание и внедрила его в сознание Иггура.

«Выполни мое желание на этот раз! Обними меня, прими от меня утешение и дай утешение мне — сейчас и сегодня ночью!»

Иггура затрясло, как дерево от сильного порыва ветра. Магрета напряглась, преодолевая его сопротивление, пока у нее в висках не стало покалывать. Вдруг глаза его закатились, и он склонил голову к ней на грудь. Магрета была изумлена. «Он покорился мне!»

Она обняла его, притянув к себе. Осознав, что Иггур с удивлением смотрит на нее, она погладила его чело и прикрыла ему глаза. Ее пальцы задержались на его веках, посылая сквозь них приятное тепло, успокаивая. Аромат ее кожи приносил гармонию, покой, радость. У Магреты был безмятежный, царственный вид.

Так они провели около часа, Иггур очистился от забот и погрузился в спокойный сон. Магрета не спала, но тоже погрузилась в приятное дремотное состояние, и не было ни долга, ни груза обязательств, ни страха перед чем-то дурным.

Наступила ночь. Жаровня погасла. Оба спали, и постепенно холод и тьма постепенно проникли в их грезы, принеся мучительные видения: мрачные дворцы, покрытые льдом, покосившиеся башни на холмах, освещенных красным светом, кружащийся туман, который был чернее самой темноты. Туман сгустился вокруг них, затем рассеялся. Перед ними возникло благородное, невероятно красивое, жестокое лицо с глазами ярко-красного цвета, в которых сиял живой огонь.

От этого сновидения Магрета проснулась испуганная, однако завороженная этим лицом. Она открыла глаза. В высоком окне она увидела желтую луну. И сразу же тяжелая голова Иггура дернулась у нее на коленях, и он поднялся, глядя прямо на нее.

— Ты это почувствовала? — хрипло спросил он.

Магрета кивнула.

— У меня было видение. Сон об аркиме, смешанный с фрагментами из жизни Аркана, а в конце — лицо, которое меня преследует.

— Рульк! — сказала Магрета. — Но оно же часто является

тебе во сне — как ты говорил.

— Но никогда он не был таким! Он никогда прежде не был таким выжидающим, таким уверенным в своей силе. И я ощутил кое-что еще — дрожь времени и пространства, будто кто-то пытался сократить пространство между «там» и «здесь».

— Тензор!

— Боюсь, что он использовал Зеркало. Но зачем?

— Что можно сделать, чтобы остановить его?

— Ничего. Тензор отправился в Фаранду. Я не могу его найти. Я, самый могущественный военачальник на всем Сантенаре, бессилен.

Иггур поднялся и принялся расхаживать по комнате, прихрамывая. Подойдя к узкому окну, он посмотрел на крыши Туркада, залитые лунным светом, и на серебристую гавань, где даже в это время стояло много его судов.

Магрета не шелохнулась. Одной из причин, по которой она не ушла от Иггура, было ее восстание против Феламоры. Но чем сильнее становилась Магрета, тем слабее ей казался Иггур.

Несколько позднее в ту ночь дверь неслышно отворилась. На пороге показалась Феламора, вернувшаяся оттуда, где была прошедшие месяцы. Она встретилась взглядом с Магретой, и та почувствовала, как сила ее уходит и что ее восстание — глупая выходка, которую ей снисходительно позволила Феламора.

Феламора обратилась прямо к Иггуру:

— Тензор угрожает всем нам, играя подобным образом с Ночной Страной.

— Откуда ты знаешь? — спросил потрясенный Иггур.

— Я *знаю*, и все. Что ты собираешься делать?

— Пока мне неизвестно, где он и какую силу использует. Что я могу сделать? Разве что вооружиться против Рулька, чем я и занят, на случай, если Тензор проиграет.

— На случай, если он проиграет? — с презрением произнесла Феламора. — У Тензора старческое слабоумие. Он снова вызовет Катаклизм, а ты ничего не предпринимаешь!

Иггур разъярился:

— Твоя родословная более древняя, чем моя. Опирайся на собственные возможности.

— У нас, феллемов, нет такого рода силы. Ты же славишься тем, что не боишься прибегнуть к Запрещенным Искусам! Или твоя храбрость тебя покинула? Найди его, или мы все погибли. — Не произнеся больше ни слова, Феламора вышла из комнаты.

Иггур прикрыл лицо руками. Магрета вскочила.

— Ты мог бы? Его можно найти таким способом?

— Вероятно, хотя у меня инстинктивное отвращение к Запрещенным Искусам. У меня такое ощущение, будто Рульк оставил отравленную иглу в моем мозгу, и когда он обо мне думает, там болит.

Иггур вернулся к своей работе, но скоро снова швырнул инструменты.

— Не могу сосредоточиться. Запрещенные Искусы! С одним из них могло бы получиться. Если Тензор действительно использовал врата против Ночной Страны, с их помощью можно его найти. Если бы только я больше знал о вратах.

— Не позволяй Феламоре подбивать тебя на глупость, — сказала Магрета. — Не обращай внимания на ее «шпильки» — я их так долго выносила! И я знаю, что она никогда не пускает их в дело просто, без цели.

— Я это понимаю, — ответил Иггур невнятно.

— В любом случае сейчас об этом поздно думать. Пошли наверх. Утро — лучшее время для подобных раздумий.

К удивлению Магреты, Иггур пришел к ней в постель, и они обнялись со страстью, которой ни один из них не испытывал прежде. После Иггур быстро заснул. Магрета лежала, глядя на разрисованный потолок при тусклом свете, пытаясь разгадать, что на уме у Тензора, Феламоры и Рулька. Возможно, поэтому занятие любовью не удовлетворило ее: мысли Магреты были далеко.

На какое-то мгновение она почувствовала во сне, как ее дух сливается с духом Рулька. Лицо его стало задумчивым, когда он глядел на нее. Ей передалось его жгучее желание освободиться — освободиться от Ночной Страны и от долгих лет заключения. Магрета внезапно ощутила в себе эту муку. Всезнающие ярко-красные глаза Рулька пробудили в ней голод, подобный тому, который она впервые ощутила, когда посмотрела в Зеркало в Фиц Горго. Только сейчас Магрета вдруг поняла, что находится здесь с какой-то целью.

Магрета погрузилась в сон, и ей снилось, что Рульк ее любовник. Это был такой безумный и страстный сон, что ее стоны разбудили Иггура. Позже, не просыпаясь, она почувствовала, что его нет рядом, и была уверена, что он бросил ее на растерзание ужасным вельмам. Сон превратился в кошмар, от которого она никак не могла очнуться.

За ночь у Иггура выкристаллизовался план. Когда он почувствует, что Тензор испытывает свои врата, он прибегнет к одному Искусу, чтобы притянуть врата из Ночной Страны к себе. Затем применит другую силу, чтобы захватить врата и

проникнуть в убежище Тензора. О следующем шаге он не думал — он понятия не имел, что делать, когда он туда попадет.

Магрета пробормотала что-то во сне и повернулась на другой бок, сжимая его руку. Он тронул ее за плечо. Она что-то прошептала и затихла, и он тоже заснул.

Когда взошло солнце, в его сне снова возникло то странное ощущение съеживания пространства, которое было прежде, но теперь оно стало сильнее. Магрета начала бешено метаться возле него и стонать с такой страстью, которой никогда не проявляла с ним. Она резко села, и ее глаза открылись во сне. Иггур в ужасе уставился на нее. Его враг повсюду. Нужно немедленно что-то делать! Он выскочил из кровати, накинул халат и помчался в кабинет. Он занялся Искусом, который применял когда-то давно. Заглянув сквозь время и пространство, Иггур понял, что у Тензора получилось с вратами. Это был шанс.

Иггур ясно увидел свое предназначение. С дрожащими руками он принялся за работу. Иггур ухватился за ту нить, которую Тензор пытался прикрепить к барьеру Ночной Страны. Какая боль! Он мягко подтянул нить к себе, и за ней последовали врата.

Врата со стуком отворились, всасывая воздух кабинета, бумаги на его рабочем столе и втягивая все в черный туннель, ведущий в никуда. Вихрь попытался затянуть и Иггура. Его босые ноги поскользнулись на влажном полу, он в отчаянии ухватился за жаровню, и она упала, осыпав все кругом пеплом и углями.

— Нет! — закричал Иггур.

Он не был готов, и никогда не будет. Он чувствовал себя, как человек, который бросился в океан, думая, что умеет плавать, и вдруг понял, что его умение — ничто по сравнению с морской стихией. Если он пройдет сквозь врата, он утонет, терзаемый муками, которые принес ему Рульк. Он уже ощущал, как скорпион собирается укусить его.

В деформированных дверях кто-то появился — это была высокая, худая женщина с седыми волосами и серыми зубами. Вартила! Она отбросила Иггура с дороги и промчалась мимо.

— Дурак! — сплюнула она, бросаясь во врата.

Но когда она туда входила, иллюзия на мгновение исчезла, и Иггур увидел миниатюрную женщину. Это была не Вартила, а Феламора. Врата исчезли.

Его бумаги посыпались вниз дождем, как конфетти. Иггур рассеянно подобрал их, положил на свой стол и побрел обратно в постель — по иронии судьбы единственное место, где он не чувствовал себя полным неудачником.

42
«Вперед, вперед!»

Как только врата отворились, Карана поняла, что что-то не получилось. Они открылись с ревом, и в воздухе комнаты закружился вихрь. Потом налетел влажный теплый ветер, который приподнял девушку и швырнул на пол. В сухом воздухе Катадзы появился и исчез туман.

Тензор стоял, широко расставив ноги, в развевающемся плаще, вцепившись в руку Лиана. На бороде и волосах аркима появилась изморось, состарившая его на глазах у Караны. Земля дрожала, и вся башня тряслась. Пол казался еще теплее, чем раньше.

Врата заблудились, и знала об этом только Карана. Она поняла это по запаху. Ее чувства были тесно связаны с воспоминаниями о местах и предметах, а воздух, проходивший сквозь врата, был пропитан влажным запахом, который она тотчас же узнала. Туркад! Ни у одного другого места не было такого запаха: смесь специй и сырости, гниющих отбросов и грязи бесчисленных людей, живущих буквально на головах друг у друга. Как он отличался от чистого, прохладного, соленого воздуха Катадзы!

Тензор этого не знал, и Карана изумилась. «Он не знает!» Арким встал на цыпочки, захлебываясь от волнения.

— Вперед! Вперед! — кричал он, и иней начал таять у него на бороде.

Долгое время ничего не происходило. Потом во вратах внезапно появилась вельмиха Вартила. Тензор, увидев ее, словно рехнулся: он долго силился понять, что врата вышли из-под его контроля.

Увернувшись от протянутой руки Тензора, Вартила выскочила из врат. Лицо Тензора исказилось от ненависти и ярости.

— Гаршарды! — заорал он, все перепутав, и поднял кулак.

Она выпустила заранее подготовленную иллюзию. Комната завертелась, в ней происходило что-то невероятное. Карана прикрыла глаза и вцепилась в скамью, чтобы не сойти с ума. Тензор сжал голову руками.

Вартила остановилась перед Караной.

— Как ты?.. — воскликнула она.

Тензор резко повернулся, уже не осознавая, где реальность и где иллюзия. Врата затихали. Вихрь прекратился. Вартила

подняла руку. Карана не понимала, почему Вартила хочет ее убить.

Они стояли так, застыв, потом высокая женщина исчезла, и на ее месте оказалась Феламора. Тензор пошатнулся при виде той, по вине которой погиб Шазмак.

Феламора вытащила нож. Лиан вырвался от Тензора, все еще державшего его, и, подбежав к Феламоре, сшиб ее с ног.

Тензор вытянул руку, чтобы применить оружие, разрушающее мозг. Затем он заколебался, и Лиан догадывался почему. После использования этого оружия у Тензора будет дурнота. Что если его злейший враг появится в то время, когда он будет беспомощен? Он не осмелился рисковать.

При виде поднятой руки Тензора Феламора дернулась, как марионетка. На этот раз оружие аркима убьет ее. Она закричала: «Кейоллеллиоуллаллиллюм!», и все люди и предметы в комнате рассыпались на двадцать изображений. Было невозможно понять, где реальность, а где иллюзия.

Двадцать Тензоров медленно двигались, руки их поднимались, замирали и падали. У Лиана закружилась голова. Закрыв глаза, он пополз туда, где лежала Карана. Они столкнулись головами, и двадцать Лианов взяли на руки двадцать Каран.

Очевидно, ссору услышали снаружи, так как атаки на дверь возобновились. Лиан понес Карану вверх по лестнице, нащупывая каждую ступеньку. Когда они завернули за угол, иллюзии начали таять.

— Со мной уже все в порядке, — сказала Карана. — Опусти меня.

Он поставил ее на ноги, но колени у девушки подогнулись, и она схватила его за руку. Они услышали шаги внизу на лестнице.

— Скорее наверх! — сказала Карана.

Оказавшись внутри, в «орлином гнезде», Карана заперла дверь.

— Что случилось? — спросил дрожащий Лиан.

— Врата прибыли из Туркада. Как мог Тензор так заблудиться?

— Может быть, Феламора притянула их туда. Почему она так тебя ненавидит?

— Не знаю! У нас осталось что-нибудь из еды? Я умираю от голода!

Остались два пакета со сладким пирогом, начиненным фруктами и орехами. Она разломила один кусок пополам и протянула половину Лиану.

— Как ты можешь есть? — воскликнул он.

— Когда мне страшно, я ем. Ты видел ее лицо? Что я ей сделала?

Как раз в этот момент дверь задрожала и начала открываться, потом ее заклинило.

— Это она! — прошептала Карана. — Что нам делать? — Лиан захлопнул дверь, но с голосом Феламоры ничего нельзя было поделать. В нем была магия, особенно опасная для Караны. Девушка опустилась на пол, как умирающий лебедь.

Слова Феламоры воздействовали и на мозг Лиана. Постепенно до него дошло, что она рассказывает предание, вплетая в него свое волшебство.

Возможно, потому, что его собственное «очарование» сказителя было таким мощным, Лиан смог противостоять Феламоре. Но теперь она обращалась прямо к нему, и он испугался. Нет, это дуэль, и нельзя допустить, чтобы она победила.

Чтобы отвлечься, он начал рассказывать собственное предание. Это была длинная трагическая история, и он использовал все свое «очарование». Феламора запнулась.

Потом голос ее снова окреп. Лиан не повышал голос, хотя и вложил все свои надежды, страхи и мечты о Каране в предание.

Феламора снова запнулась и умолкла. По ту сторону двери воцарилась тишина.

Карана села, вся в пыли, растерзанная, и уставилась на Лиана. Она никогда еще не была свидетельницей такого отчаянного вдохновения. Он рассказывал ради их жизни и любви. Это была зрелая страсть, которая так сильна, что может сдвинуть землю. Он повествовал и о другой стороне — об ужасе знания, что все это может быть загублено по роковой случайности, из-за равнодушной жестокости судьбы.

Рассказ Лиана не был вызовом — это была мольба. Вызов не тронул бы безжалостное сердце Феламоры, а мольба Лиана тронула. Карана чувствовала, как за дверью льются слезы. Ведь Феламора не всегда была такой: она была молода, когда прибыла на Сантенар, и любила жизнь, как умеют любить лишь феллемы.

Наконец Сказание, одно из самых прекрасных, которые когда-либо создавались, закончилось. Вымотанный Лиан тяжело опустился у стены.

Карана обняла его, охваченная нежностью. Чудилось, молчание будет длиться вечно. Косые лучи солнца проникли в окно, и рыжие волосы Караны вспыхнули, как медь.

С помощью чар Феламора усыпила Лиана. Каране тоже

захотелось спать, но она не *должна* была.

Талант Караны показал ей, что происходит за дверью. Ее враг медленно поднимался. Далекие мечты, воспоминания о жизни на Таллаламе, великая любовь Феламоры — все это растаяло, и осталась лишь сладкая ностальгия, смешанная с горечью.

Карана почувствовала, как Феламора распахивает дверь и входит в их убежище. Промелькнуло видение: она смотрит глазами Феламоры на большую комнату, яркий свет из окон, двоих людей у стены. Мужчина дремлет с открытыми глазами, женщина с испуганным взглядом обняла его, словно защищая от врагов.

Карана смотрела на Феламору, Феламора — на нее. Ни одна не осмеливалась нарушить тишину. Карана обняла Лиана в последний раз, потом потрясла его за плечо и встала. Она была одного роста с Феламорой. Лиан сонно протер глаза.

— Иди, — мягко сказала ему Карана. — Это моя битва. Я не знаю, что я сделала, но уж раз битве суждено быть, то пусть это будет сейчас.

— Останься, Лиан из Чантхеда, — обратилась к нему Феламора. — Ты показал, чего стоишь как сказитель. Теперь мне нужен мастер-летописец, чтобы кое-что мне поведать.

— В таком случае придется заплатить, и ты знаешь, какова цена, — прошептал Лиан. Он встал, все еще держа Карану за руку. — Вот моя цена, — заявил он, глядя прямо в глаза Феламоры.

— Ах! Ты не знаешь, о чем просишь.

— Почему ты так ненавидишь Карану?

— *Я ненавижу и страшусь того, чем она является*. Поверь мне: я бы никогда и пальцем ее не тронула ради себя. Но Таллалам плачет о нас, а мы не приходим. Это было предвещено. Она та самая.

— *Та самая?*

— Больше я ничего не скажу.

— Тем не менее она — моя цена.

— Я была глупой гордячкой, думая применить против тебя то оружие. Мои чары оказались пустой иллюзией, тогда как твое Сказание было *реальным*. — Она закрыла лицо руками, потом открыла, и на него глянули холодные древние глаза. — Я не могу тебе отказать. Следи за ней хорошенько, — мрачно произнесла Феламора, — потому что, я говорю тебе сейчас, нам дается только одна жизнь.

Она выскользнула за дверь, и Карана с Лианом услышали, как задвигается засов. Они даже не стали подходить к двери и проверять.

Наступила ночь. На небе одна за другой появились звезды. Они были удивительно яркие. Влюбленные допили остаток воды, доели последний пирог и слизали с пальцев крошки, жалея, что не захватили с собой наверх побольше еды. Прижавшись друг к другу, они ежились от ночной прохлады и предрассветного ветерка, влетавшего в открытое окно. Они говорили тихо, хотя никто их не слышал. Позднее высоко в небе появилась туманность Скорпиона.

— Я боюсь, — сказала Карана. — Боюсь, что это плохо кончится. — Она посмотрела на сильную руку Лиана, вспоминая его ласки и желая их сейчас. Она получила то, чего хотела, и все, что ей нужно теперь сделать, — это доставить Лиана целым и невредимым домой, в Готрим. Но ее беспокоило дурное предчувствие: вихрь из мрака, и ее швыряет в одну сторону, а Лиана — в другую. Лиан слабо улыбнулся.

— От этих врат одни неприятности.

С тех самых пор, как Тензор забаррикадировался, аркимы яростно трудились над тем, чтобы сломать дверь. Однако все, что они перепробовали, было предусмотрено Кандором. И тем не менее, то, что построено одним инженером, может быть разрушено другим. С тех пор, как стало известно, что Тензор использует врата, они удвоили усилия.

Шанд в кухне с каменными сводами заваривал себе чай из чарда. Сверху до него донеслись голоса — аркимы опять спорили. Селиала и ее группа проповедовали осторожность, примирение и отчаяние, тогда как те, кто пережил падение Шазмака, предлагали более крутые и яростные меры. Мендарк с Таллией подбадривали консерваторов и утихомиривали ястребов, но все напрасно.

Мендарк просунул голову в кухонную дверь.

— Шанд, иди сюда! Скажи мне, что ты думаешь!

Прихватив кружку с чардом, Шанд пошел наверх посмотреть на новое средство. Таллия, помогавшая готовить взрывчатку вместе с близнецами Ксарой и Шалой, суетилась тут же. Вымазанная с ног до головы в саже, она была очень бодра.

— Ну что? — нетерпеливо спросил Мендарк у Шанда, когда тот, не торопясь, отхлебнул чай из кружки. — Честное слово, ты хуже Надирила.

— Благодарю за комплимент. Это может сработать, — правда, вероятно, снесет всю башню.

Когда Шанд возвращался на кухню, его поймал за рукав Оссейон.

— Будет беда, как только взорвут эту дверь, — прошептал Оссейон, потирая челюсть четырехпалой ручищей. — Нам бы лучше быть готовыми к этому.

— Какая беда?

— Пять-шесть аркимов — ты, вероятно, знаешь, о ком речь, — взвинтили себя. Хуже всех Баситор и Хинтис. Я видел такое раньше — берсеркеры! Самые страшные враги в бою, потому что их ничто не может остановить, кроме смерти. Нужно смотреть в оба. Эта парочка войдет первой, когда откроют дверь.

— Карана и Лиан? Я об этом не подумал. Где Таллия?

— На улице. Я схожу за ней.

Он ушел, а Шанд отозвал в сторонку Малиену и Селиалу.

— Я этого боялась, — сказала Малиена, узнав, в чем дело. Теперь пора, Селиала, — продолжала она, теребя густые рыжие волосы. — Мы должны оказать сопротивление или погибнуть.

— Лиан — это ключ, — ответила Селиала, которая была похожа на привидение.

— Да! Как только дверь откроется, мы должны его вынести. Нас пятнадцать, и только семь верны Тензору. Я пойду за Лианом, — сказала Малиена, — а ты перекроешь им путь, пока я буду его уводить.

Вскоре раздалось несколько мощных взрывов, которые следовали один за другим, и, наконец, самый оглушительный. Пыль закружилась в воздухе.

— Вот оно, — прошептала Малиена. — Наше время пришло, мой друг Селиала. Аркимпротив аркима. Какой ужасный день! Не подведи нас теперь.

43
Ужасная сила

— Чего ты от меня хочешь? — спросил Лиан Феламору, когда она вернулась.

— Это имеет отношение к Непреодолимой Преграде, — ответила та, — которая заточила нас на Сантенаре так же, как мы заточили Рулька в Ночной Стране. Лиан, расскажи мне, что случилось после смерти Шутдара, да поскорее.

Лиан подскочил. Она знает, что он ищет разгадку этой тайны уже целый год?

— Особенно нечего рассказывать. — И Лиан поведал ей об окончании «Сказания о Непреодолимой Преграде», но умолчал о собственных изысканиях и о странных обстоятельствах убийства девушки-калеки.

— Должно быть что-то еще, — сказала Феламора. — Кто там был в конце?

— Целые армии, возглавляемые величайшими предводителями того времени. Конечно, Рульк, затем Кандор, Квинлис, первый Магистр Совета. Несколько других аркимов…

— Тензор? — перебила она.

— Он был там; после уничтожения флейты вокруг башни возник ореол смерти на пол-лиги, но, как ни странно, не внутри нее. В это время Великая Преграда закрыла путь между мирами.

— Продолжай!

— Прошло много часов, прежде чем осмелились пересечь поле, заваленное трупами, и войти внутрь. Думаю, первыми там оказались Рульк, Ванс, Баггус, Ялкара…

— Ялкара, Ялкара! — Трясясь от злости, Феламора повторяла имя своего врага. — Я этого не знала. Расскажи все.

— Об этом мало что известно. Ялкара сильно обгорела, но ничего не нашла. Да и никто не нашел, хотя позднее башню разобрали по кирпичу. Наверно, Золотая флейта уничтожена, поскольку не осталось никаких ее следов.

— А Ялкару обыскали?

— Всех, кто выходил из башни, раздевали донага перед остальными. Даже Рульк подчинился.

Лицо Феламоры было бесстрастным, напоминая маску. Узнала ли она что-нибудь ценное? Она ушла, заперев за собой дверь изнутри.

— Я не могу это вынести, — пожаловалась Карана. — Что происходит внизу?

Лиан не отвечал. Вместе они стояли у окна, глядя на море. Было чудесное утро, такое ясное, что вдали был виден горный пик. Башня дважды вздрогнула. Лиан с Караной заметили, что один из маленьких конусов у подножия Катадзы дымится и извергает огонь.

— Итак, — произнесла девушка, — снова твое «Сказание о Непреодолимой Преграде». Оно послужило началом и, возможно, станет концом всего. Что ты узнал с тех пор, как попытался спасти меня из крепости?

Лиан поведал ей о письме Кандора.

— Чтобы продолжить Сказание, мне необходимо восстановить ход событий, но пока я ни на шаг не приблизился к разгадке таинственной гибели девушки-калеки.

В этот момент на пороге показалась Феламора.

— Тише! — предостерегла Карана и, обвив руками шею Лиана, заткнула ему рот поцелуем.

Феламора уселась на пол и достала из трубки-чехла свиток, который медленно развернулся. Она подняла его дрожащей рукой. Наконец-то! Тензор по небрежности оставил Зеркало на скамье и отправился еще в одно путешествие с вратами.

— Я полагал, что вам запрещено использовать магические приспособления, — заметил Лиан.

— Да, это наше древнейшее табу.

— Тогда…

— Я нарушила табу, — отрезала Феламора. — И я дорого заплачу за это. А теперь оставь меня!

— Что это!? — воскликнула Феламора, задрожав. — Этого не было, когда я в последний раз сражалась с Ялкарой.

Лиан заглянул ей через плечо, зачарованный. На Зеркале не было ничего, кроме символа в виде огненной луны и серебристых иероглифов по краям. Феламора сосчитала иероглифы.

— Их девяносто девять, — сказал Лиан. — Неповторяющихся всего тридцать три. Некоторые встречаются много раз, другие — нет.

— Значит, это не украшение, — заметила Феламора. — Иероглифы что-то обозначают.

— Я нигде не встречал прежде этой письменности, — сказал Лиан.

— Я… Мне это не нравится. Боюсь, это ловушка. — Феламора была как натянутая струна.

— Ты можешь пользоваться Зеркалом? — спросил Лиан, и летописец в нем так же жадно наблюдал за ней, как раньше — за Тензором.

— Оно заперто, а ключ — в Туркаде. Но я видела, как его использует Ялкара.

Долго ничего не происходило. Карана вернулась к окну и изучала извержение внизу. От взрыва камни взметнулись в воздух так высоко, что почти достигли вершины горы Катадзы.

И в эту минуту Зеркало открылось со вспышкой белого света, которая снизу осветила лицо Феламоры. Слова и картинки замелькали на поверхности с головокружительной скоростью. Лиан попытался вглядеться, но она погрозила маленьким кулачком.

— Только мои глаза, летописец. — Лиан присоединился к Каране у окна.

— Где ты, мой враг? — кричала Феламора, поднявшись на ноги и держа Зеркало перед собой. — Где ты, Ялкара? — Но образ, который особенно часто должно было отражать Зеркало, не появлялся.

— Выходи! Покажись мне! Я вырву твой секрет у Зеркала! — говорила трясущаяся, как лист, Феламора.

Ни Карана, ни Лиан не понимали, чего она хочет от Зеркала. Какую силу надеялась она направить против врага, который был всего лишь тенью в Зеркале?

— Где ты? — взывала Феламора. И тут коварное Зеркало стало обычным зеркалом, отразив в себе искаженное ненавистью лицо Феламоры.

С минуту она пристально вглядывалась в Зеркало, затем отшвырнула его. Зеркало покатилось по полу, на секунду в нем мелькнуло улыбающееся лицо, затем оно снова стало простым зеркалом, и в нем отразился потолок.

— Смейся! — тихо вымолвила Феламора. — Я знаю, что ты оставила. Я нашла это и сломала, и все твои планы и надежды вместе с ним. А из него я сделала то, что освободит нас. Тебе меня не одолеть!

Вдруг она вспомнила о паре у окна. Лиан стоял с открытым ртом. А Карана занесла над Феламорой руку, сжимавшую блестящий нож.

— Теперь я тебя *знаю,* — сказала Карана. — Твой образ запечатлен у меня в сознании вместе с другими моими врагами, и каждый раз, как ты обо мне думаешь, у меня покалывает в голове. Малейшее движение — и этот нож войдет в твой глаз. И тогда феллемам действительно будет о чем плакать, потому что они *никогда* не вернутся на Таллалам.

Феламора искоса взглянула на Лиана.

— Не вздумай, — прошипела Карана. И опасность вдруг миновала их. Феламора повернулась и пошла к лестнице, оставив

дверь открытой.

— Это был ужасный момент, — сказала Карана, глядя в глаза Лиана. — Думаю, она выдала что-то, о чем жалеет.

— Мир может прийти к своему концу, там внизу, а мы так и не узнаем об этом, — заметил Лиан.

— Я узнаю, — возразила Карана. — Но все равно мне трудно вынести наше заточение. Давай осторожно сойдем вниз.

Во время их спуска по лестнице у Караны заныли натруженные мускулы. Она присела на холодную ступеньку. Ступенька завибрировала под ней.

— Забавно, — мечтательно произнесла она.

— Что?

— Кажется, ступенька затряслась. Смотри, вот опять. Теперь ходила ходуном вся лестница.

— Землетрясение?

И тут раздался взрыв. Звон металла, грохот выпавших из кладки камней. Карана схватила Лиана за руку.

— Они сломали дверь комнаты Тензора, — сказал он.

— Наконец-то! Даже Тензору не устоять против них всех, да еще с Мендарком в придачу. Скоро все закончится. Давай спустимся.

Они шагали вниз по лестнице рука об руку, как вдруг услышали топот: снизу кто-то бежал наверх. Аркимы показались из-за поворота лестницы: Хинтис и Баситор. Лиан застонал, поскользнулся и приземлился на четвереньки.

— В чем дело? — воскликнула Карана.

— Они хотят меня убить…

Лица аркимов были такими мрачными, что даже она, знавшая обоих, струсила.

— Нет, оставьте его, — просила она, но Хинтис схватил Лиана за руки, и она была бессильна против аркимов.

Баситор скрутил Лиану руки за спиной, связал его и потащил вниз по лестнице. Они очень быстро исчезли из виду. Хинтис толкнул Карану, и она села на ступеньку.

— Оставайся здесь! Не вмешивайся. — И он умчался, перепрыгивая через пять ступенек.

Вся в слезах, Карана последовала за ним. Она заглянула в кабинет Тензора. Дверь выпала наружу, и в кабинете зияла огромная дыра, заваленная камнями. Что-то догорало, белый дым клубами вздымался к потолку, ухудшая видимость.

Однако остальная часть комнаты не пострадала. Правда, она была засыпана обломками камней и штукатурки, а бумаги слетели со стола Тензора и были разбросаны по полу. Тензор

стоял внутри врат, широко расставив ноги, одна рука была поднята. Снаружи шесть аркимов караулили дверной проем.

Хинтис привязывал Лиана к одной из колонн врат, а Баситор выпрыгнул с другой стороны павильона. Карана, хромая, направилась к подножию лестницы. Там она увидела кружок Малиены, собравшийся у врат. Часть аркимов ползала среди перевернутых столов и скамеек. Остальные во главе с Селиалой в нерешительности болтались между сломанной дверью и вратами, не желая воевать со своими.

Малиена оглянулась, словно ожидая, что аркимы сыграют свою роль, но они замерли на месте. Вдруг в ее руке сверкнул нож, и она прыгнула на площадку. Тензор отпрянул, а Хинтис подпрыгнул и лягнул ее обеими ногами, сильно ударив в грудь и плечо. Что-то хрустнуло, Малиена издала приглушенный крик и свалилась с площадки, как тряпичная кукла.

Тензор побелел как полотно и закричал, как будто ударили его. Но, несмотря на это, не пришел ей на помощь. Хинтис двинулся к дверям и присоединился к стражам. Селиала направилась было к Малиене, но мужество снова оставило ее, когда Тензор вновь поднял вытянутую руку.

Карана бросилась к Малиене. Та еще дышала, но кровь выступила у нее на голове, плече и текла из уха. Рубашка вымокла в крови, сломанная кость торчала, прорвав кожу. Каране стало дурно. Она тщетно попыталась приподнять Малиену. Несомненно, Малиена умрет. И тут, словно чудо, рядом с ней возник Шанд. Карана заплакала от облегчения: Шанд всегда знал, что делать.

Когда Шанд склонился над Малиеной, к ним подбежали Баситор с Хинтисом. На их лицах было одинаковое выражение берсеркеров в ярости. Хинтис бешено размахивал огромным кривым мечом.

Шанд выпрямился, руки безвольно повисли. Аркимы были на голову выше его. Хинтис подпрыгнул, и меч описал дугу, грозя разрубить Шанда надвое. Рука Караны потянулась к ножу, но она опоздала.

Шанд посмотрел на противника.

— Не надо, — тихо произнес он, но тон был такой, что у Караны мороз пробежал по коже: в голосе звучала угроза. Он пошевелил рукой, подняв ее в воздух.

Длинные волосы Хинтиса встали дыбом, зрачки сужались до тех тор, пока глаза не стали черными дырами. Ноги у него подкосились, и Хинтис рухнул на пол. Меч зазвенел и откатился.

— Убирайся, — еще тише сказал Шанд.

Хинтис так рвался убежать, что пополз на четвереньках,

бросив свой меч. Баситор умчался опрометью, и длинные руки болтались, как у большой бегущей обезьяны. Старик повернулся к Малиене и был бы прежним Шандом, если бы не лед в глазах, который уже начал таять. Вместе с Караной он отнес Малиену к носилкам, на которых лежала Таллия, и положил рядом на пол. Глаза у Таллии были закрыты, голова перевязана.

— О, что случилось с Таллией? — закричала Карана. Лицо Шанда позеленело, глаза стали стеклянными.

— В нее попал камень, когда падала дверь, — прошептал он. — Думаю, с ней все будет в порядке.

Шанд занялся Малиеной. Карана разрывалась между своим долгом перед Малиеной и необходимостью позаботиться о Лиане.

— Иди, — сказал Шанд. — У него теперь есть только ты.

— Ах! — заплакала Карана. — Малиена…

Он тронул ее за руку.

— Спроси себя, чего бы она от тебя хотела, и беги. Я занимался ранеными после боя на дюжине полей. Тут не так все страшно, как кажется.

Малиена со стоном открыла глаза.

— Карана, — прошептала она. Девушка заплакала. — Ты должна его остановить, или все мы погибнем.

— Зачем ему нужен Лиан?

— «Дар»…

— Да, но что он сделает?

— Тензор планирует использовать «дар», чтобы усилить свои… чары. — Малиена попыталась поднять голову, но не смогла. — Чтобы даже Рульк не был в состоянии сопротивляться… Использовать Лиана, как живую линзу.

— Лиан…

— Это разобьет линзу. Быстрее, Карана.

Девушка поцеловала Малиену в лоб, оросив его слезами, и убежала.

Селиала умоляла Тензора, но тот сошел с ума. Он размахивал перед ее лицом черной палкой. Привязанный к колонне врат Лиан пребывал в уверенности, что ему осталось жить считанные секунды.

В Туркаде Иггур провел день, заперевшись в кабинете, вне себя от страха. Он попытался отвлечься работой, причем взял самые опасные предметы: необработанный изумруд, шестигранную призму и великолепный рубин размером с грейпфрут. Он никогда прежде не пытался с ними работать, но пришло время отчаянных мер.

«Что это за стук снаружи?» Одолев свой страх, Иггур открыл

дверь, но это была всего-навсего Магрета, которая принесла еду и напитки. Любой оробел бы перед ним, но только не она. Она лишь взглянула на Иггура из-под ресниц и улыбнулась своей забавной улыбкой.

На ней не было очков. Свет подчеркнул цвет ее глаз, и Иггур содрогнулся. Ее улыбка угасла.

— Входи, — сказал он грубо, выхватывая блюдо у нее из рук.

Он рассказал Магрете, что случилось ночью.

— Феламора прошла через врата, а я испугался.

— Феламора пошла, потому что у нее не было выбора, и она не будет сражаться в твоей битве — у нее своя. На нее нельзя ни в чем положиться.

Он видел, что Магрета в нем разочарована. Это причиняло боль. Они действительно поменялись ролями.

— Быть может, если бы ты не купался в своих ужасах, — произнесла она с легкой насмешкой, — ты бы смог их преодолеть.

Он закрыл лицо руками.

— Скажи, что мне делать, — попросила Магрета, думая, что это ему поможет. — Притяни сюда врата, и я войду в них.

— Это будет твоим концом.

— Возможно. Я этого не боюсь.

— А я боюсь, — застонал Иггур.

— Мы сделаем это позже, — сказала она. — Пошли! — И он снова последовал за ней.

Наконец страх перед тем, что может произойти, если он будет бездействовать, одолел другие ужасы Иггура. Иггур проснулся с криком, весь в поту. Изумруд на ночном столике сиял. Магрета, выпрямившись, сидела возле Иггура. Она дотронулась до его влажного лба. Иггур со стоном положил голову ей на плечо, Магрета обняла его.

Солнце начало медленно всходить. «Нет, — подумал он, — *я должен!*» Он протянул руку за изумрудом и снова поискал врата. На этот раз было гораздо труднее. Стены дрожали, в комнате стало холодно, как зимой. Туман клубился, закручиваясь спиралью, собираясь в центре комнаты.

Сейчас! Это должно случиться сейчас! Иггур высвободился из рук Магреты и оделся. Рубин был в кармане плаща, изумруд — в руке. Он крепко сжал его.

Внезапно перед ним появились врата, представляющие собой павильон с куполом на стройных колоннах. Ревел ветер, и клубился туман меж колонн. Длинные волосы Иггура развевались. Сунув изумруд в карман, он сделал шаг вперед. Больная нога горела огнем. Плащ вздымался, словно рвался во

врата.

Иггур снова заколебался: воздух втягивал его, а ноги не слушались. Он боялся, что врата возьмут над ним верх. В панике он выхватил изумруд из кармана. Протянув его к вратам, он выкрикнул команду. Между пальцами заструился зеленый свет. Он почувствовал, как открываются врата и мощный заряд силы вливается в изумруд. На мгновение Иггур ощутил, что способен сделать все, одолеть любого, затем изумруд угас. Врата начали засасывать простыни и одеяла с кровати, притягивая к себе все, что не было закреплено.

За спиной у Иггура раздался вопль. Нагая, с разметавшимися каштановыми волосами, Магрета кричала:

— Нет, Иггур! Не используй это!

Он едва слышал ее сквозь вой ветра. Ее образ колебался, лицо искажалось. Шелковый халат сорвался с гвоздя и, извиваясь, ударил его по лицу. Иггур тряхнул головой. Халат улетел во врата.

— Магрета! — закричал он и бросился к ней за помощью.

Она протянула к нему свою прекрасную руку. Иггур колебался, не в состоянии выбрать, но тут вновь ощутил укус скорпиона. Это невозможно было дольше выносить. Иггур обернулся, сделал глубокий, быть может последний, вздох и бросился во врата. Его прощальные слова прозвучали так тихо, что их заглушил ветер. Он исчез.

Магрета сделала шаг к вратам. Они отклонились вбок. Еще шаг. Снова они отпрянули от нее. Она прыгнула к ним, но врата начали скользить по комнате, медленно вращаясь, и врезались в дальнюю стену, обрушив штукатурку.

Она с бешеной скоростью ринулась к вратам и чуть не дотронулась до них, но они опять увернулись и исчезли, сорвав на прощанье со стен обивку и обвалив полпотолка. Туман рассеялся, ветер стих. А когда улеглась пыль, в комнате стало светло. Наступило утро.

— Не уходи, — тихо сказала Магрета, но было слишком поздно. Она осталась одна — только она и вельмы. Магрета оделась, не видя, что натягивает на себя, и легла на кровать. Ее кожа была белая от обсыпавшейся штукатурки. Магрета ждала со спокойным отчаянием, уверенная, что именно ее насмешки довели Иггура до этого безумия.

Он не вернулся.

Карана стояла в дверях, глядя на Лиана так пристально, что было странно, почему он не посмотрел на нее в ответ. Мендарк крался по лестнице с согбенной спиной и опущенными плечами.

Он рассеянно взглянул на Карану, и она удивилась: какой он старый и изможденный. И тут она вспомнила, что это одно из его свойств. В то же самое время Феламора, которую нельзя было увидеть, но можно было почувствовать, пробиралась в другом направлении. Каждый из них искал самую выгодную позицию в предстоящей битве.

И вдруг Тензор что-то закричал Баситору, прыгнув к своему Зеркалу. Что-то было не так: врата действовали сами по себе. Повеяло дымом, воздух стал влажным. Карана вновь уловила вонь Туркада. На этот раз Иггур — она знала это точно.

Туман продолжал валить из врат, так что аркимов уже было почти не видно.

Внезапно земля задрожала. Башня покачнулась несколько раз. И вдруг пол стал уходить из-под ног Караны. Она лихорадочно озиралась. Какой-то каменный круг скользил вниз. Появился освещенный полумесяц, становившийся все шире, и наконец он полностью раскрылся — круглая дыра там, где был очаг. Девушка отпрыгнула на твердый пол и робко заглянула в дыру. Казалось, шахта уходит глубоко под землю. Далеко на дне Карана увидела оранжевое сияние — расщелина? Но, что бы там ни было, Лиан важнее.

Врата внезапно раскрылись перед нею. Обрывки пергамента и одежды закружились в воздухе. Это действительно был Иггур. Какой он высокий!

Тензор застыл на месте, готовый обрушить удар, разрушающий мозг. Но против *этого* врага его было бесполезно использовать. Они сошлись, эти двое высоких темноволосых мужчин с широкими плечами, потом Иггур спрыгнул из павильона врат на пол. Там он лицом к лицу столкнулся с Мендарком…

Его Мендарк никак не ожидал и был в панике. Иггур, не менее удивленный, быстро пришел в себя и расхохотался. Он отошел и прислонился к стене, чтобы держать Мендарка и Тензора в поле зрения.

Иггур ощутил, как к нему возвращаются сила и самоуверенность. Туркад принадлежал Мендарку. Туркад и Магрета — Иггур внезапно осознал это — высосали из него всю жизнь.

Он изучал комнату, оценивая опасность: Мендарк, Тензор и где-то там, в тумане, — Феламора. Лучше выяснить, где именно. И тут он заметил странное свечение над камином. Иггур вздохнул. «Неужели? — подумал он с возрастающим волнением. — Неужели это тут? Неужели это *то место?*»

И подобравшись поближе, почувствовал уверенность, что это так. Да, это была расщелина, где так долго работал Кандор, — одно из самых могущественных мест на Сантенаре. Должно быть, расщелина открылась, когда он командовал вратами. Осмелится ли он спуститься? Его пальцы скользнули по изумруду в кармане. Камень снова был безжизненным, но там, внизу, его можно наделить такой силой, что даже Рульк не сможет сопротивляться.

Иггур огляделся. Туман был настолько густой, что Иггур почти не видел своих врагов. Зажав изумруд в кулаке, он начал спускаться в дыру.

В павильоне остался один Лиан. Карана едва различала его в тумане. Она подобралась к нему ползком.

— С тобой все в порядке? — прошептала она Лиану. Пол был влажный, и вода капала с подбородка юноши ей на щеку.

— Пока что. Какое Сказание я собираюсь сложить! — Он улыбнулся своей характерной улыбкой. Бедный Лиан. Хотя он и храбрился, Карана знала, что он в ужасе. Ей захотелось заключить его в объятия.

Карана начала разрезать веревки у него на ногах. Нож оказался тупым. Одна веревка никак не поддавалась. И все же она справилась и тогда взялась за веревки на руках юноши. Она пряталась от Тензора за Лианом и колонной. Прикосновение к любимому успокоило девушку.

Возле лестницы сверкнула молния. Видимость немного улучшилась: из тумана показались аркимы. Загремел гром, и с потолка посыпались мелкие кусочки камня. Сквозь туман Карана увидела, что Иггур навис над Мендарком. Селиала и ее аркимы с воплями набросились на стражу врат.

Предатели-аркимы держались стойко, звенело оружие, где-то заорал Тензор: «Сдерживайте их!» — и вскочил в павильон с черной дубинкой в руке. Заметив Карану, он бросил в нее дубинку, как копье. Она увернулась, и тогда Тензор скинул девушку со ступеней. Лиан бешено рвался на помощь любимой, но не мог одолеть последние путы: Карана не успела перерезать все веревки у него на ногах.

Тензор дотронулся до нового Зеркала, пытаясь вновь подчинить врата своей воле. И сразу же рассеялся туман и стих ветер. Внутри врат стало темно, сгустились черно-синие тени. И вдруг зазвучал невероятно высокий звук. Карана, еще лежавшая на полу, заткнула уши. Павильон покачнулся и исчез. Все, разинув рот, смотрели на пустое место. Через пару секунд павильон вновь появился. Послышалась протяжная музыка, похожая на стоны и рыдания, и врата снова раскрылись. Подул бриз.

Однако этот бриз рожден был не в Туркаде. Воздух был очень холодный и имел металлический привкус. Мрак в центре расступился, и Карана увидела коридор, которому, казалось, нет конца. Свет в коридоре был ярко-голубой, напоминая цвет ледника.

Ветер усилился. С купола свисали сосульки. У Караны заныли пальцы от холода. Под потолком комнаты закружились крошечные снежинки.

Из ледяной голубизны начала выкристаллизовываться зловещая тень. Тензор схватил Лиана за шиворот. Последняя веревка разорвалась. Высоко подняв его в воздух, Тензор с вызовом взревел:

— Выходи! Приди ко мне! Питлис, сейчас ты увидишь, как я отомщу тебе!

Он медленно вытянул правую руку, сжатую в кулак. Вокруг него образовалось золотое сияние. Феламора, причитая, появилась из воздуха — она бежала, спеша спрятаться в разрушенной стене.

Шанд, появившийся на пороге, закричал:

— В укрытие! — и снова исчез.

— Да, отойдите, — мягко сказал Тензор. — То, что я сделал в Тайном Совете, пустяки по сравнению с тем, что я сделаю сейчас.

Все в комнате ощущали, как он готовится нанести удар. Лиан сжал виски — ему казалось, что его голова взорвется.

Тень во вратах приблизилась, но потом заколебалась в испуге. Карана знала, что оружие, разрушающее мозг, на этот раз сработает в полную силу и убьет и ее, и всех в комнате: ведь оно будет усилено «даром» Лиана, который и умрет раньше всех.

— Помогите! — закричала Карана, и Оссейон, стоявший рядом с Мендарком, бросился к ней, расшвыривая по пути аркимов. Карана схватила кусок отколовшегося мрамора и запустила Тензору в лицо.

Тензор, у которого из носа хлынула кровь, выронил Лиана. Ледяной ветер окружил вихрем сверкающий кулак. Тензор поскользнулся на окровавленном полу и упал на одно колено. Во вратах выросла тень. Оссейон, у которого из пореза над бровью лилась кровь, схватил под мышки Лиана и Карану и выскочил из павильона.

Он поставил их на пол и закричал: «Бегите!» Они устремились к лестнице.

Тензор с трудом поднял слабо мерцающий кулак, пытаясь направить удар в центр врат. В комнате стало темно, аркимы попадали на пол, но Тензор был вынужден признать, что удара не получилось.

Вдруг тьму прорезала молния, и три раза прогрохотало — словно рассмеялся гигант. Тензор пошатнулся и упал на ступени врат, которые на мгновение сделались прозрачными, совсем исчезли и потом снова обрели свою форму, став каменными.

Врата были пусты. В комнате еще похолодало. Затем под громыхание бури в центре появилась темная фигура с развевающимися черными волосами и сверкающими ярко-красными глазами. Это был великан, голова которого упиралась в купол павильона. На груди и на ногах у него были оковы — тяжелые цепи, но сейчас они волочились за ним. Он сделал шаг вперед и, сломав железные оковы, отшвырнул их. Там, где они упали, загорелись камни.

Рульк явился, более могущественный, чем прежде, и никто не мог с ним совладать. Вторая молния расколола врата. Передняя часть обрушилась, и осталось всего три колонны, поддерживающие металлический купол.

Тензор озирался с безумным видом, на бороде была кровь, нос расплющился. Удар его оружием не состоялся. Лиан исчез. Начиналась дурнота. Тензор сломался и побрел прочь.

Рульк приблизился к ним. Он был в черном, алый плащ спадал с плеч. На нем были черные сапоги до колена. Он озирался, высматривая врагов.

Карана услышала тихий свист, словно закипел чайник. Затем свист постепенно перерос в рев, от которого затрясся пол. Сияние очага померкло, и из дыры, прорезавшей башню и уходящей глубоко под землю в центре комнаты, вылетела темная фигура, взмыв в воздух, словно на крыльях. Иггур приземлился на ноги, потом воздел кулак к небесам. Лучи света исходили от зажатого в нем изумруда.

— Пришла твоя погибель, Рульк! — выкрикнул он, и на лице его засияла радость, когда он швырнул кольцо во врага.

Рульк замер и в последний момент поймал изумруд в воздухе. Изумруд сиял сквозь пальцы. Рульк сжал его еще сильнее и приложил руки к животу.

— Сожги! — ревел Иггур. — Сожги моего врага дотла! — Изумруд вспыхнул так ярко, что стали видны кости скелета Рулька. Он закричал, он взвыл, раздираемый силой, заключенной в изумруде, но не выпустил камень из рук. Лицо его исказилось, руки начали дымиться.

Иггур замер на месте. Он потянулся за своим ножом, чтобы нанести удар врагу. И тут Рульк зашептал слова заклинания против заклинания Иггура. Радость начала сходить с лица Иггура.

Рульк разжал ладонь. На пол посыпалась изумрудная пыль. Он громко закричал от боли и ликования.

Иггур выронил нож и начал отступать.

— Не сработало, — ничего не понимая, произнес он. — Почему?

— Это башня каронов, — нетерпеливо сказал Рульк. — Кандор нашел расщелину, построил Великую Башню над ней и две тысячи лет копил ее силу. Как высокомерен ты, представитель древней человеческой расы, если думаешь, что можешь сюда прийти и у тебя все получится! Как невежествен!

Рульк сжал дымящийся кулак. Иггур издал вопль муки и забился на полу в конвульсиях. Он выгибал спину, рвал на себе волосы, словно пытаясь избавиться от того, что приникло к его черепу, но оно впилось в него множеством когтей и сдавило горло.

44
Право первородства

У Караны болела голова. Все в комнате страдали от дурноты после примененной в ней магии. Ни у кого не нашлось мужества, чтобы противостоять Рульку: ни у Мендарка, ни у Иггура, ни у Феламоры, ни у Тензора. Аркимы собрались в тесный кружок, поддерживая друг друга. Оружие Тензора, разрушающее мозг, несмотря на то, что удар был слабым, сильно навредило аркимам. Отчаянно напуганные, они ждали теперь удара Рулька. Сколько раз кароны и прежде властвовали над ними!

Иггур корчился на полу. Карана вспомнила, как встретила его впервые. Это было в Фиц Горго, год тому назад, когда она украла Зеркало. Иггур не проявил тогда милосердия, и власть его была огромна. Она никогда никого так сильно не боялась. У Караны была вспышка прозрения, и она увидела плачущую Магрету. Ей стало понятно, что Иггур и Магрета были любовниками. Конечно, в нем должно быть что-то хорошее.

Карана вскочила на лестничные перила и крикнула звенящим голосом:

— Вместе! Мы должны атаковать его вместе. Он не сможет сопротивляться всем нам.

Рульк обернулся посмотреть, откуда поступило такое предложение. В это время из своего укрытия выбралась Феламора. Казалось, это его поразило. Он не знал, что и *она* здесь, не хотел рисковать, сражаясь с *ней*. Он заколебался.

— Вместе! — эхом вторила Феламора.

Она сбежала по лестнице, щебеча на мелодичном языке феллемов. Рульк остановился, озираясь, не в силах решить, с каким противником расправиться первым. Феламора направилась прямо к нему, и Карана задержала дыхание, думая, что та без всяких усилий одолеет Рулька. Так ли это легко?

Нет, это не было легко. Феламора быстрыми короткими шажками пробежала мимо Рулька, держа в руке Зеркало. Она вошла в разрушенные врата, и они сразу же засветились призрачным огнем. Врата остались открытыми! Все смотрели на нее, не в силах поверить, что Феламора их покинет. Тензор покачал головой, поднимаясь на колени.

— Зеркало мое! — хрипло закричал он. — Ты его не получишь. — Он потянулся к ней длинными пальцами, и Зеркало упало на пол.

Феламора прыгнула за ним, оно ускользнуло, и, как бы она

ни напрягалась, пытаясь дотянуться до Зеркала, оно не давалось в руки, пока Рульк не поставил на него ногу, обутую в черный сапог. Трясясь от дурноты, Феламора попыталась создать еще одну иллюзию. Тензор поднял руку, вспыхнувшую зеленоватым светом.

— Нет! — закричал он. — Я тебя разложу на атомы. Ни один феллем не может противостоять этому.

Феламора была побеждена — Карана это видела. Тензор мог нанести ей удар до того, как была бы завершена начатая ею иллюзия, и на этот раз Феламора умерла бы. Она вернулась к вратам. Рульк наблюдал за Феламорой прищурившись. Она споткнулась о камень — кусок врат. Схватив его, Феламора заглянула в новое Зеркало в рамке на вратах, настроила врата на место своего назначения и отбыла.

Рульк с обиженной улыбкой наблюдал за смятением в рядах врагов.

— Трое выбыло! — тихо произнес он. Розовая жидкость капала с его обожженных пальцев.

Он вытянул руку, и купол павильона загорелся красным и синим светом, и с грохотом упал на пол. Одна колонна упала, две остались стоять. Рульк повернулся, сжимая вытянутую правую руку в кулак, с гримасой боли. Иггур, лежавший все это время молча, вскрикнул. Другую руку Рульк протянул к Тензору, который упал на колени. Тензор шевелил губами, но так и не произнес ни звука. Он с мольбой протягивал руки.

Никто не смел пошевелиться. Крик беспомощного Тензора пронзил Карану. «Как презренны аркимы, у которых даже не хватает мужества, чтобы защитить друг друга. Если никто не осмелится, придется мне», — сказала она себе, нащупывая нож на поясе. Молниеносным движением она швырнула его в Рулька.

Рульк обернулся при этом неожиданном броске и вскинул руку, но он слишком долго пробыл в Ночной Стране. Рефлексы его ослабли. Нож вошел прямо в ладонь и застрял между костями. Лицо его стало невероятно холодным — то ли от боли, которую он не ощущал вот уже тысячу лет, то ли от унижения.

Он задрожал, уронив окровавленную руку и прижав ее к боку, как будто нож угодил туда. Он смотрел сквозь Карану, и взор его был обращен к событиям, происшедшим сорок сотен лет тому назад.

— Два пореза, Элинора! Кто угодно, только не ты. — Он растерялся, потом взор его прояснился. — *Кто ты?* — прошептал он. — Ты вовсе не Элинора. Ты даже не арким.

— Я Карана Элинора Мелузельда Ферн, и я из Готрима, — ответила она. — Я не арким, но я ее родственница.

— Карана, — улыбнулся Рульк, и улыбка эта была не особенно приятной. — Это хорошо. С Элинорой я никогда не мог справиться. Значит, *вот на кого* ты похожа! Являясь тебе во снах, я думал, что ты высокая и темноволосая, с крючковатым носом и большими ногами. Я знал тебя изнутри, но никогда не догадывался, что ты похожа на *нее*. Если бы мне это было известно, не стал бы использовать тебя. Но что сделано, то сделано. Ты пригодишься мне для еще более важного дела. Иди сюда!

Рульк взмахнул рукой, и нож полетел на пол, звеня и разбрызгивая кровь по комнате. Он выкрикнул какое-то слово, и каменные ступени, на которых стояли Карана и Лиан, превратились в прах, и они упали. Рульк сделал к ним шаг. Карана была беззащитна. При желании он мог бы расплющить ее о стену.

Ногой Рульк задел Зеркало, брошенное Феламорой, он быстро наклонился, чтобы поднять его. Он долго смотрел на Зеркало пристальным взглядом. Он, несомненно, что-то видел: мелькавшие образы отражались на его лице. Потом Рульк отшвырнул Зеркало.

— Игрушка аркимов! — произнес он с презрением. — Зачем мне такие бесполезные устройства — у меня есть получше. Ах, как хорошо, что я сюда пришел: ты именно то, что мне нужно для моего проекта. — Он не отрывал взгляда от Караны и Лиана, и каждый из них боялся за другого. — Как удачно, что я не убил тебя тогда, маленькая Карана. Иди ко мне. Ты можешь мне понадобиться. — Глаза Рулька светились, и Карана вспомнила, что так же было в ее снах когда-то.

Он сделал к ней шаг, Карана отступила, лихорадочно озираясь в поисках Лиана. Тот опирался о каменную глыбу у нее за спиной, держась за колено, разбитое при падении. Она схватила его за руку, и они пустились бежать среди каменных обломков, валявшихся по всей комнате.

В тишине слышны были лишь их шаги по усыпанному обрушившейся штукатуркой полу. Рульк преследовал их. Он был огромный, но двигался бесшумно, и только его дыхание было слышно у них за спинами.

Карана ужасно испугалась. Наступив на что-то, она посмотрела вниз и увидела свой нож, лежавший там, куда его отшвырнул Рульк. Она нагнулась за ним.

Ей почти удалось подобрать его. Окровавленная рукоятка обожгла ей пальцы, и тут невидимая сила отбросила нож. Они с Лианом побежали дальше.

— Остановись! — сказал Рульк. — К чему эти игры? Ты моя.

Карана не повиновалась. Она заметила слабое свечение между двумя колоннами — это было все, что осталось от врат, — и тут у нее зародился план. Если нет другого выхода, она убежит в Туркад, как это сделала Феламора.

— Остановись! — загремел Рульк, и Карана застыла на месте. Что же ей делать? Она увидела слева от себя Тензора.

— Тензор! — воскликнула она. — Вспомни тот день, двенадцать лет тому назад, когда все Стражи в Шазмаке зазвонили разом! Ты подошел к воротам Шазмака и впустил гордую девчонку в поношенном платье. Она сказала тебе: «Я пришла домой», и ты взял ее на руки. Я та девочка, Тензор, и я все еще люблю тебя. Разве ты меня не любишь? — Карана протянула к нему руки.

Рульк наблюдал за этой сценой, забавляясь, и наконец рассмеялся.

— Лучше бы тебе было задать этот вопрос до того, как ты разбила ему нос! — воскликнул он.

Ее призыв прорвался сквозь дурноту, напомнив Тензору о его безумии и его позоре. Он неожиданно сделал прыжок и очутился между Караной и Рульком, размахивая руками перед лицом Рулька. Но сказывалась дурнота: он двигался медленно, как немощный старик.

Рульк ударил его с презрительной жестокостью. Тензор упал на колени, обмякнув. Он попытался вновь подняться и даже схватил Рулька за ногу, но был отброшен, как надоевшая приставаниями собачонка. Карана заплакала и бросилась было на помощь Тензору, но остановилась: путь ей преградил Рульк. Она загнана в ловушку! Тензор лежал неподвижно, глядя на Карану.

— Оставь меня, — прошептал он. — Спасайся!

В отчаянии она огляделась. Все застыли, словно их парализовало, ни ей, ни Тензору ждать помощи было неоткуда.

— Пожалуйста, кто-нибудь!

После того, как досталось Тензору, никто не осмеливался пошевелиться. Сжав руку Лиана, Карана тащила его назад, озираясь по сторонам. Бежать было некуда. Она увидела на пороге Шанда, старого Шанда, который постоянно отрицал, что у него есть сила, но всегда был способен что-то предпринять в крайних обстоятельствах.

Но у Шанда был совсем неважный вид. Он прислонился к двери, измученный тем, что сделал прежде, придя на ее защиту. Как можно снова просить у него помощи? Но выхода не было.

— Шанд, — умоляющим голосом произнесла она. — Помоги мне!

Лицо Шанда исказилось от усилий, и он что-то начал делать

руками. Пол завибрировал, но больше ничего не произошло.

— Попытайся снова, старый дурак! — заорал Рульк с презрительным смехом. Он повернулся к Каране.

Рульк мог бы протянуть руку и дотронуться до нее, но не делал этого, явно наслаждаясь погоней. Он играл с Караной, как кошка с мышкой. Она ступила на площадку павильона врат. И мгновенно между колоннами вспыхнул яркий свет.

«Почему бы и нет?» — подумала Карана. Больше идти некуда.

— Карана, не надо! — закричал Шанд через всю комнату.

Но было слишком поздно. Рульк бросился к Каране, и она отпрыгнула назад, в открытые врата, таща за собой Лиана. Последовали две яркие вспышки, и они с грохотом умчались, растаяв в воздухе.

С минуту никто не шевелился. Рульк снова громко рассмеялся.

— Если бы они знали, куда доставят их врата, они бы менее охотно в них вошли, — заметил он, вытирая глаза.

— Перемирие, Мендарк! — прошептал Иггур в то же самое время. — Ты можешь искупить свое давнее преступление. Помоги мне!

Мендарк старался выглядеть слабым и ничтожным: он тянул время, выжидая, когда Рулька можно будет поймать врасплох. Теперь он увидел, что пора. Мендарк знал, как освободить Иггура от власти Рулька; вообще-то он всегда знал это, что и было причиной их взаимной ненависти. Но их ненависть друг к другу была слабее, чем страх перед Рульком.

Приблизившись к Иггуру, Мендарк приложил пальцы к его голове.

Казалось, его пальцы проникают внутрь черепа. Взгляд Иггура стал бессмысленным, и он опустился на пол со стоном, бормоча что-то нечленораздельное.

Мендарк черпал знание и силы, которые были давно забыты и не использовались со времен Запрещенных Искусов. Он глубоко проник в сознание Иггура и сделал то, что следовало сделать тогда, — вырвал отравленную иглу.

— Иггур! — тихо прошептал Мендарк. — Сейчас у нас есть шанс.

Иггур встряхнул головой, изумленный и ослабевший. Наконец-то он был свободен! Но он не мог пошевелиться. Ничто теперь не сдерживало его — кроме собственных страхов, но он все еще был их пленником. Кошмар нельзя было так легко преодолеть. Он дрожал в руках Мендарка.

Мендарк, сознавая, что возможность почти упущена, отпустил Иггура и вскочил на ноги. Он был в ужасе, но скрывал это. Рульк

во много раз превосходил его как противник — если только он готов к столкновению. А быть может, и не готов.

Переступив через Иггура, Мендарк оказался лицом к лицу с врагом. Это был самый смелый поступок в его жизни. Сделав глубокий вдох, он поднял руку и выкрикнул:

— Рульк! Иди-ка сюда, проверь свое мужество на мне. Ты колеблешься? Тогда попробуй *вот это!*

Рульк резко обернулся. Он покачнулся, потеряв равновесие, и Мендарк нанес удар, от которого Рулька отбросило назад. Но он быстро пришел в себя, произнес какое-то слово, от которого руки и ноги Мендарка конвульсивно задергались. Ноги двигались в безумном танце, все быстрее и быстрее.

Тут Мендарк вскрикнул и снова овладел своими руками и ногами. Он произнес заклинание, и пот выступил на лбу у Рулька. Тот попытался нанести ответный удар и от усилий схватился за сердце.

Мендарк побелел от напряжения и, пошатнувшись, опустился на одно колено.

— Давайте же, вперед! — призвал он остальных, вновь поднимаясь. Он сделал еще один шаг к Рульку, и вид у него был такой властный, как в пору своего расцвета.

При этом остальные, чувствуя, что ситуация изменилась, начали подтягиваться к Мендарку. Искалеченный Тензор стоял на коленях, но даже он протянул руку. Иггур, все еще изумленный, заставил себя встать. Мендарк помог ему, в то время как Оссейон подошел и стал поддерживать Иггура с другой стороны. Иггур был почти такой же огромный, как Рульк. Даже напуганные аркимы, казалось, несколько приободрились. Шанд прислонился к косяку, наблюдая и выжидая.

Рульк заколебался. Расстановка сил была не в его пользу. Он был окружен врагами. Даже понимая, что у них нет плана, Рульк начал отступать. Возможно, они тоже не готовы к бою и ему удастся сбежать. *Он свободен!* Это все, что имеет значение. Битва произойдет в другое время, в другом месте. Рульк отскочил назад, к разрушенным вратам.

— Он слаб! — закричал Шанд. — Атакуйте его, все вместе!

Мендарк оказался быстрее всех. Он сорвал новое Зеркало с колонны врат, и оно пролетело через всю комнату, ударившись о стену. Без Зеркала врата не действовали.

Рульк проскочил между двух колонн, обрушив их на своих преследователей, и, перепрыгнув через груду обломков, помчался вверх по лестнице. Мендарк снова оказался на высоте.

— За ним! — заорал он и, увернувшись от падающей колонны, побежал за Рульком. Другие последовали за ним —

Иггур и Оссейон, свора аркимов и Шанд. Два аркима несли Тензора на носилках, которые только что собрали.

Скоро Рульк начал спотыкаться: Ночная Страна обессилила его. На двенадцатом уровне преследователи чуть не нагнали его, но он швырнул в них каменную глыбу, обломок стены, и понесся наверх.

Оссейон рвался вперед, но Мендарк крикнул, задыхаясь:

— Не торопись! Ты ему не ровня. Мы должны держаться вместе.

Наконец они добрались до самого верха. Дверь была заперта.

— Сломайте ее! — крикнул Мендарк.

Восемь человек налегли на дверь, и она распахнулась. Рульк стоял у окна. Его широкая грудь вздымалась при каждом вдохе.

— Тебе некуда деться! — заорал Мендарк. — Ты в ловушке! Сдавайся!

Рульк засмеялся от отчаяния. Платиновый купол башни затрясло.

Преследователи замешкались, и в этот момент за их спинами Рульк увидел запыхавшихся аркимов, которые несли Тензора.

— Все как один! — скомандовал Мендарк. — Сейчас! На этот раз мужество их не покинуло. Черпая силы в своей ненависти и ярости, они собрали свою волю в мощный световой удар, который попал Рульку в грудь и отбросил его прямо в окно.

— Ему не уцелеть, — сказал Мендарк, и лицо его сияло. Победа была на его стороне, и она была сладостна. Пусть теперь только назовут его неудачником! — Рульк разобьется насмерть, хоть он и карон.

— Слишком уж просто! — возразил Шанд, который, хромая, пересек комнату.

Они ринулись к окну, чтобы посмотреть, как Рульк рухнет на камни, но обнаружили, что это еще не конец.

Рульк висел, схватившись рукой за шест для флага. Его лицо искажала боль: руки обгорели. Но он посмотрел в глаза своим врагам, всем по очереди.

— Послушайте, что гласит предсказание, — сказал он так тихо, что им пришлось напрягаться, чтобы уловить его слова, заглушаемые воем ветра. — «Когда темная луна будет полной в день середины зимы, я вернусь. Я расколю Непреодолимую Преграду и открою путь между мирами. Никто не в силах меня остановить. Три мира навеки будут принадлежать каронам».

Все посмотрели на небо. Оставалось несколько дней до того, как луна станет полной, но сейчас темная сторона не была видна. Шанд продекламировал в ответ:

Сломай Золотую флейту,
Пожелай, чтобы разбилось Зеркало,
Бойся трижды рожденного
И опасайся трижды преданного.

Мендарк вытянул перед собой ослабевшую руку, которую пришлось поддерживать под локоть второй рукой, и произнес заклинание. Шест, на котором висел Рульк, обломился и полетел вниз, как недавно это случилось с другим шестом.

Рульк повис в воздухе, казалось отрицая гравитацию. Шест выпал у него из рук. И тогда он начал падать, все быстрее и быстрее, и все видели, как он летит к металлическим поручням моста далеко внизу. Но не долетев еще до моста, он соединил над головой сжатые кулаки, и его окутала та же черно-синяя мгла, которая предшествовала его появлению. Рульк исчез.

— Ночная Страна притянула его назад, — слабым голосом произнес искалеченный Тензор.

— Значит, твое безумство было напрасным, — укорила его Селиала с горечью.

— Еще того хуже: он стал сильнее, а мы сокрушены. Я беру себе имя тил-Питлис. Я называю себя самым гнусным предателем и самым последним глупцом всех времен.

Все собравшиеся посмотрели друг на друга, а потом — на Шанда. Их заинтересовало предсказание Рулька и ответ Шанда. Темная сторона луны редко бывала обращена к Сантенару в день середины зимы — хайт. Но полная темная луна в хайт! Никто даже не помнил, когда это случилось в последний раз. Никто не знал, что означают слова Рулька и ответ Шанда, а Шанд больше ничего не сказал.

— Пойдемте, — воскликнул Мендарк. — С Катадзой покончено.

Они стали спускаться по бесконечной лестнице, жестоко страдая от дурноты. Добравшись до нижней площадки, они прошли мимо разрушенных врат, и Тензор застонал и пошевелился на носилках.

— Принесите мне Зеркало. Не оставляйте его здесь. Оно должно быть у меня.

— Ты дурак! — закричала Селиала, трясясь от ярости. — Я тебя лично убью, если ты только до него дотронешься.

Старый Шанд подобрал Зеркало, все еще лежавшее на полу, там, куда швырнул его Рульк.

— Я позабочусь о нем, — сказал он, — в память о том, кому оно принадлежит по праву первородства.

Он положил Зеркало в карман, и, хотя никто не понял его слов, ему не стали возражать.

Список персонажей, названий и местностей

Ализа — младшая сестра Лиана.

Альмадин — засушливый край за Туркадским Морем.

Альцифер — последний и крупнейший из городов Рулька, спроектированный аркимским архитектором Питлисом.

Аркан — один из трех миров, населенный аркимами, впоследствии порабощенными каронами.

Арканское Зеркало — изготовленное аркимами на Аркане приспособление, позволяющее видеть происходящее на расстоянии. На Сантенаре оно стало искажать действительность, из-за чего аркимы перестали им пользоваться. Зеркало начало запоминать все отражавшиеся в нем события. Позднее оно было похищено Ялкарой, которая с его помощью нашла проход в Непреодолимой Преграде, через который вернулась на Аркан.

«Аркимские сказания» — древнейшее краткое описание истории аркимов, составленное вскоре после основания Шазмака.

Аркимский Совет — Совет, управляющий жизнью аркимов, иногда выполняющий функции суда. Аркимский Совет сразу же распознает малейшую ложь.

Аркимы — раса, населявшая Аркан и покоренная каронами. Аркимы — народ искусных мастеров и строителей. Оказавшись по воле каронов на Сантенаре, аркимы пережили период небывалого расцвета, однако в результате бесконечных войн времен Катаклизма аркимы отказались от общения с окружающим миром и удалились в свои укрепленные в горах города.

Архиварiус — неизвестный, записавший, в частности, сказания о четырех крупнейших схватках Феламоры с Ялкарой. Полагают, что после того, как Ялкара нанесла окончательное поражение Феламоре и скрылась с Сантенара, именно он подобрал Арканское Зеркало и спрятал его.

Баннадор — холмистая область на западе Игадора. Родина Караны.

Баситор — злобный арким, переживший падение Шазмака.

Беренет — доверенный Мендарка, щеголь.

Библиотека Преданий — библиотека в чантхедской Школе Преданий.

Бластард — пьяница. Бластард в курсе всего, что происходит в Туркаде.

Блез — арким из отряда Тензора.

Большой Тракт — дорога в центре Мельдорина, ведущая с севера на юг.

Вальф — контрабандист, показавший Магрете с Караной путь до Фиц Горго.

Ван Барра — Вороньи Горы, на которых была построена крепость Ялкары, называющаяся Хависсард. Недоброе место.

Вартила — предводительница отряда вельмов. Соперница Ярк-уна.

Великая Библиотека — библиотека, основанная дзаинянами в Зиле во времена Зурской Империи. После изгнания дзаинян из Зиля она была разграблена, однако впоследствии библиотеку восстановили.

Великая Проблема — разыскиваемый Советом Игадора способ навсегда изгнать каронов с Сантенара.

Великая Река — Гарр.

Великие Горы — самая высокая горная цепь на Сантенаре, располагавшаяся в юго-восточной части континента Лауралин.

Великий Предатель — Рульк.

Великие Сказания — предания, повествующие о важнейших событиях из истории Сантенара. По традиции их рассказывают на Чантхедском Празднике, а также на важных официальных церемониях. Великих Сказаний двадцать два.

Великий Тайный Совет — Совет, созываемый в Туркаде главным образом в военное время, на котором обсуждается судьба города и всего Сантенара.

Вельмы — слуги Иггура. Некогда их называли гаршардами.

Вистан — семьдесят седьмой директор чантхедской Школы Преданий.

Вуула — мать Караны. Покончила собой после смерти Галлиада.

Галардил — лесистая местность, простирающаяся к востоку от Ориста.

Галлиад — отец Караны, наполовину арким. *Гарр* — самая большая река на Мельдорине. Берет свое начало несколько западнее Шазмака. Впадает в Туркадское Море на востоке от Сета.

Ганнел — река, берущая свое начало возле Чантхеда. Впадает в Туркадское Море восточнее Ганпорта.

Гарр — самая большая река на Мельдорине. Берет свое начало несколько западнее Шазмака. Впадает в Туркадское Море на востоке от Сета.

Гаршарды — древнейшие заклятые враги аркимов, некогда

подчиняющиеся Рульку, который заставил гаршардов присягнуть себе на верность после бунта дзаинян. С момента заточения Рулька в Ночной Стране гаршарды забыли, кто они такие, и стали называться вельмами.

«Гах» — ругательство.

Геллон — фрукт, напоминающий по вкусу одновременно манго и персик.

Гистель — слуга Феламоры в Сете.

Готрим — обедневшее поместье Караны в Баннадоре, располагающееся неподалеку от Тольрима.

Грепнвис — маленький прибрежный город севернее Туркада.

Гринт — мелкая медная монета.

«Дама Серебряного озера» — романтическое сказание, повествующее о порабощении маленького государства под названием Салудит.

«Дар Рулька», или «Проклятие Рулька» — знания, полученные дзаинянами от Рулька в дар, благодаря которым у представителей этого народа врожденная способность противостоять оружию аркимов, оказывавшему разрушительное воздействие на мозг живых существ, достигла своего высочайшего уровня развития. Позднее дзаинян выявляли по этой способности и уничтожали. Так «Дар Рулька» стал для дзаинян «Проклятием Рулька».

«Дарша» — очень оскорбительное аркимское ругательство.

Двоекровник — дитя от брака между представителями двух разных миров. Двоекровников мало, они часто страдают безумием. Большинство двоекровников обладает замечательными способностями, в частности являются чувствительниками.

Джеви (Джевандер) — отец Лилисы, похищенный семь лет назад.

Джиллиас — имя Архивариуса.

Дзаиняне — ученый народ, некогда живший в Зиле и основавший Великую Библиотеку. После вступления в сговор с Рульком и его падения народ подвергся уничтожению со стороны аркимов. Оставшиеся в живых дзаиняне были отправлены в изгнание. Теперь они живут в Эпперланде, не вступая ни в какие отношения с окружающим миром.

Дирхан — друг Пендера и Хассиены, служащий таможни в Сете.

Долодха — гонец, одна из слуг Иггура.

Дройк — пес Идлиса.

Дурнота — болезнь, которой люди страдают после использования Тайного Искусства. Особенно к ней склонны

чувствительники.

Запрещенные Искусы — ряд изощренных приемов, придуманных для того, чтобы обнаружить брешь в Непреодолимой Преграде и тем самым помочь жителям Сантенара окончательно изгнать Рулька из своего мира. Обращение к Запрещенным Искусам опасно тем, что применяющий их может оказаться подвластным Рульку.

Зарет — хлюн, один из офицеров Иггура.

Зиль — город в северо-западной части острова Мельдорин. Некогда столица Зурской Империи. Известен главным образом Великой Библиотекой, основанной в нем дзаинянами.

Зурская Империя — древняя империя на севере острова Мельдорин со столицей в городе Зиле.

Зуфья — мать Лиана, иллюстратор книг.

Игадор — западная область острова Мельдорин, располагающаяся между горами и Туркадским Морем.

Иггур — великий и могучий мансер. Некогда член Совета Игадора, позднее начавший враждовать с ним. Ныне живет в Фиц Горго.

Идлис — вельм-целитель, долгое время преследовавший Карану.

Йетча — молодая вельмиха, преследовавшая Лиана во время его путешествия из Чантхеда в Туллин.

«Калаш» — средство, изменяющее цвет глаз.

Каллама — старшая сестра Лиана.

Кандор — один из трех каронов, оказавшихся на Сантенаре. Убит после окончания Катаклизма. Стал единственным кароном, погибшим на Сантенаре.

Карана, Карана из Баннадора — представительница рода Фернов, живущая в родовом замке Готрим. Будучи двоекровницей, она является и чувствительницей.

Кароны — раса, покорившая аркимов. Кароны появились из Бездны, возникшей между тремя мирами, и овладели Арканом. Своим названием этот народ обязан маленькой далекой остывшей планете Бездны. В зависимости от освещения цвет глаз каронов меняется с темно-синего на ярко-красный.

Карстен — ближайший город к Фиц Горго.

Катаклизм — период войн между каронами и аркимами, происходящих более тысячи лет назад, в результате которых Сантенар был почти полностью разрушен.

Квельт — разбойник из конюшни в Предле.

Квильсин — край, простирающийся к югу от Ориста.

Керт — член команды Пендера на «Танцующем гусе».

Кривое Зеркало — второе название Арканского Зеркала, данное ему из-за того, что оно часто искажает отражаемые им события.

Ксара — молодая аркимка, близнец Шалы.

Лар — почетное обращение в Туркаде.

Ларс — бледно-желтый не очень крепкий алкогольный напиток, повсеместно употребляемый в Ористе. Его изготавливают из сладкого сока сардовых деревьев.

Лауралин — континент в Южном полушарии Сантенара.

Леис — отец Лиана.

Летописец — историк, изучающий и слагающий Предания.

Лиан — дзаинянин, мастер-летописец и сказитель.

Лига — расстояние, равное примерно 5000 шагам.

Лилисса — девочка-беспризорница из Туркада.

Магистр — председатель Верховного Совета Игадора. На протяжении тысячи лет Магистром был Мендарк, позднее свергнутый Тилланом.

Магистр Чантхеда — в настоящее время им является Вистан, директор Школы Преданий и формальный глава Чантхеда.

Магрета — сирота, воспитанная и обученная Феламорой Тайному Искусству.

Мансер — колдун, знаток Тайного Искусства.

Мантилла — аркимка, бабушка Караны.

Мастер-летописец — знаток Преданий, с честью прошедший Выпускные Испытания и окончивший Школу Преданий.

Мельдорин — большой остров, находящийся западнее континента Лауралин, от которого его отделяет Туркадское Море.

Мендарк — могучий и коварный мансер, в последнее время испытывающий трудности из-за растущей мощи своего недруга Иггура. Вплоть до своего свержения Тилланом был Магистром Совета Игадора.

Мэлкин — временный глава Ассамблеи.

Надирил — директор Великой Библиотеки в Зиле. Надирил — член Совета Игадора.

Нарн — город-порт на реке Гарр.

Нарсиса — трагическая героиня предания «Дама Серебряного озера»

Некротург — существо, состоящее в контакте с мертвецами.

Нелисса — член Совета Игадора, Верховный судья Великого

Тайного Совета.

Непреодолимая Преграда — см. «Сказание о Непреодолимой Преграде».

Ночная Страна — область вне реального мира, где в качестве пленника томится Рульк.

Озеро Нейд — озеро в заболоченном лесу неподалеку от Фиц Горго. На берегу озера находятся полузатопленные развалины города Нейд.

Орист — заболоченный лесной край в юго-западной части Мелдорина, повелителем которого является Иггур. В Ористе находится укрепленный город Фиц Горго.

Орстанда — судья и член Совета Игадора. Давний друг Мендарка.

Оружие, разрушающее мозг — чары аркимов, действующие на представителей всех трех миров, кроме дзаинян — обладателей «дара Рулька».

Осветительный шар — приспособление из хрусталя и металла, испускающее при прикосновении к нему неяркий свет.

Особые методы извлечения правды — способы, применяемые Аркимским Советом на суде, позволяющие добиться от свидетелей и обвиняемого правды, зачастую связаны с проникновением в сознание допрашиваемого.

Оссейон — капитан стражи Мендарка.

«Очарование» — способность великих сказителей вызывать у слушателей любую желаемую эмоцию силой и интонациями своего голоса.

«Паш-лар» — название Арканского Зеркала на языке вельмов.

Пельбан — пятый Магистр Чантхеда и автор сказания «Дама Серебряного озера».

Пендер — лодочник, доставивший Карану и Лиана из Нарна в Туркад.

Перионская Империя — великая империя Кандора, рухнувшая после того, как высохло Перионское Море.

Питлис — аркимский архитектор, спланировавший города Тар Гаарн и Альцифер. Из-за его гордыни Рульку удалось захватить Тар Гаарн и сломить мощь аркимов. Убит Рульком.

Предания — обширное собрание летописей, в которых повествуется более чем о четырех тысячах лет истории Сантенара. Предания включают в себя исторические документы, сказания, песни и легенды народов Сантенара и появившихся там из других миров рас. Культура Сантенара неразрывно связана с Преданиями и неотделима от них. Нет ничего почетнее, чем быть упомянутым

в одном из Преданий.

Предль — укрепленный город на Большом Тракте.

Путь между тремя мирами — тайный, постоянно изменяющийся путь, соединяющий три мира. Его закрыла Непреодолимая Преграда.

Растибл — один из членов команды Пендера на «Уличной девчонке».

Раэль — арким, дальний родственник и друг детства Караны.

Рульк — карон, известный также как Великий Предатель. Он заманил на Аркан Шутдара, чтобы тот изготовил для него Золотую флейту, став, таким образом, у истоков всех последующих трагических событий. После Катаклизма Рульк оказался заключенным в Ночной Стране, где его предполагается держать до тех пор, пока не будет найден способ навсегда изгнать его обратно на Аркан.

С'Корси — повелитель «Дна Туркада». Внешностью напоминающий паука.

Сажень — мера длины, равная расстоянию между кончиками пальцев вытянутых в стороны рук высокого мужчины, что составляет чуть меньше двух метров.

Сандор — некогда крупный город в центре Мельдорина. Ныне небольшой поселок.

Сантенар — наименьший из трех миров, изначально населенный древнейшей человеческой расой.

Сардовые деревья — разновидность деревьев, по преимуществу произрастающих в лесах Ориста. Их напоминающая бумагу кора используется в качестве материала для свитков, а из их сладкого сока изготавливают напиток ларе.

Связь, контакт, способность устанавливать связь — мысленный контакт, с помощью которого чувствительники могут обмениваться мыслями и ощущениями, а также оказывать друг другу поддержку. Иногда эта способность используется для того, чтобы подчинить кого-либо своей воле.

«Сдорнь» — аркимское слово, обозначающее «хитрый», «изворотливый». Используется и как похвала, и как хула.

Секрет каронов — способ, которым была изготовлена и использовалась флейта Шутдара.

Сет — свободный город, построенный народом торговцев на острове посреди реки Гарр в южном Игадоре.

Сифта — рыбачья деревушка на северо-восточном побережье Мельдорина.

«Сказание о Непреодолимой Преграде» — одно из Великих

Сказаний, повествующее о том, как Шутдар уничтожил Золотую флейту, в результате чего возникла Непреодолимая Преграда, отделившая Сантенар от остальных двух миров.

Сказитель — знаток ритуального искусства, выступающий со сказаниями и Преданиями Сантенара.

Скит — большая почтовая птица серого или сизого цвета с очень злобным характером.

«Скреца» — оскорбительное ругательство, распространенное среди вельмов.

«Слукка» — оскорбительное ругательство, распространенное среди вельмов.

Совет, или Совет Игадора, или Совет Сантенара, Великий Совет, или Верховный Совет — Совет, в который входят те, кто обладает наибольшей властью на Сантенаре. Совместно с аркимами Совет заключил Рулька в Ночную Страну. С этого момента перед Советом встали две задачи: решение Великой Проблемы и надзор за Рульком.

Старейшины — судьи, входящие в состав Великого Тайного Совета Туркада. В их обязанность входит вынесение приговоров.

Стассор — город аркимов в восточной части Лауралина.
Стражи — приспособления, предназначенные для наблюдения, в случае опасности бьющее тревогу.

Стражи — приспособления, предназначенные для наблюдения, в случае опасности бьющие тревогу.

Тайное Искусство — магические и колдовские приемы.

Таллалам — один из трех миров, населенный феллемами.

Таллия — доверенная Мендарка. Таллия — мансер и владеет всеми видами единоборств с оружием и без.

«Танцующий гусь» — судно Пендера.

Тар — серебряная монета, имеющая повсеместное хождение на Мельдорине. На тар можно купить пищи на целую семью на неделю.

Тар Гаарн — главный город аркимов до Катаклизма. Находится к востоку от Крандора.

Телль — золотая монета достоинством в двадцать серебряных таров.

Тель — один из аркимов Тензора.

Тензор — предводитель аркимов, своим долгом видящий возрождение своего народа и месть предавшему и погубившему аркимов Рульку.

Тесса (Тессариела) — капитан рыболовного судна, на которое Карана и Шанд сели в Ганпорте.

Тизанская Гора — гора, на которой обитают призраки.

Тиллан — игадорский военачальник и член Совета Сантенара. Сверг Мендарка с поста Магистра.

Тильтиллуин и Тинтиллуин — два горных пика на перевале, ведущем из Туллина в Баннадор.

Тинтиннуин — вулкан, находящийся в горах южнее Туллина.

Тириэль — герой сказания «Дама Серебряного озера», возлюбленный Нарсисы.

Тиртракс — город аркимов, построенный в Великих Горах.

Тихидская Дорога — цепочка из семи ярких крупных звезд и большого количества более мелких, которую хорошо видно зимой на южном небе.

Тольрим — город в северном Баннадоре. Находится неподалеку от Готрима, фамильного поместья Караны.

Торгстед — один из стражников Мендарка.

Траск — начальник стражи Школы Преданий. Единственный друг Вистана.

Три мира — Сантенар, Аркан и Таллалам.

Троекровник — существо, в жилах которого течет кровь обитателей всех трех миров.

Труа — река на севере от Туркада.

Трульь — арким из отряда Тензора.

Туллин — маленький поселок в горах, располагающийся южнее Чантхеда, где живет Шанд.

Туркад — древнейший и наиболее укрепленный из городов Сантенара. Город расположен на реке Сабот при ее впадении в Туркадское Море. В Туркаде заседает Совет Игадора.

Туркадское Море — море, отделяющее остров Мельдорин от континента Лауралин.

«Фаш» — не очень оскорбительное ругательство.

Феламора — предводительница феллемов, появившихся на Сантенаре вскоре после Рулька, чтобы следить за каронами и поддерживать равновесие между тремя мирами. Госпожа Магреты.

Феллемы — раса, первоначально населявшая Таллалам. Феллемы немногочисленны и суровы. Традиция запрещает им пользоваться магическими приспособлениями. Однако феллемы — мастера иллюзий и умеют отводить глаза другим людям. Вместе с Феламорой они оказались пленниками Сантенара после возникновения Непреодолимой Преграды. Феллемы все время стараются найти способ вернуться на родину.

Ферн — фамилия Караны из Баннадора, унаследованная ею от матери.

Фенанда — имя, под которым долгое время скрывалась

Феламора.

Фиц Горго — укрепленный город в Ористе, некогда затопленный, но ныне восстановленный. Крепость Иггура.

Флейта, или Золотая флейта — приспособление, изготовленное на Аркане по приказу Рулька гениальным мастером Шутдаром, который оставил флейту у себя и отправился с ней на свою родину — Сантенар. Если ею пользуется некто обладающий способностями чувствительника, она может открыть проход между тремя мирами. В результате ее уничтожения Шутдаром возникла Непреодолимая Преграда.

Фольк — засушливая равнина, располагающаяся к северу от Чантхеда.

Хайт — четвертый день эндра, недели в середине зимы. Хаит считается самым зловещим днем в году.

Хассиена — жена Пендера.

Хенния — дзаинянка, член Совета Игадора.

Хетчет — город, находящийся на западе от Чантхеда, некогда славившийся своим величием.

Хетчетские Ворота — охраняемые ворота, за которыми открывается дорога на Хетчет.

Хлюны — народ, живущий в портовом городе и контролирующий все морские перевозки.

Чантхед — город на севере Мельдорина, построенный у подножия гор. Город славится своей Школой Преданий.

Чантхедский Праздник — ежегодный праздник, во время которого мастера-летописцы и студенты Школы Преданий выступают, рассказывая Предания.

Чейк — один из офицеров Иггура.

Шазмак — затерянный в горах, западнее Баннадора, город аркимов.

Шала — молодая аркимка, близнец Ксары.

Шанд — старик, работающий в Туллинской корчме.

Школа Преданий — одна из самых старых школ, готовящая летописцев и сказителей, занимающихся Преданиями, а также трубадуров, главная цель которых — развлечение правителей Сантенара.

Шутдар — коренной сантенарец, изготовитель Золотой флейты.

Элинора — величайшая из аркимских героинь времен захвата Аркана каронами.

Эллюдор — большой лес к северу от Туркада.

Эммант — библиотекарь Шазмака, в жилах которого течет аркимская кровь. Странствовал под псевдонимом Флакк.

Эндр — мрачная и зловещая неделя в середине зимы.

Эпперанд — область, располагающаяся к западу от Крандорских гор. Теперь там проживают дзаиняне. Родина Лиана.

Эшмод — древний город на берегу Сухого Моря.

Ялкара — демоническая Королева Обмана. Последняя из трех каронов, появившихся на Сантенаре для того, чтобы найти флейту и вернуть ее на Аркан. Она завладела Зеркалом и воспользовалась. Оно помогло Ялкаре обнаружить брешь в Непреодолимой Преграде, через которую она покинула Сантенар, бросив там Зеркало.

Ярк-ун — предводитель одного из отрядов вельмов.